

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ван Фурс Цзыи. Особенности китайского характера, формируемые на разных стадиях развития личности	5
Аторин Р.Ю., Докукин К.Ю. Цифровизация сферы образования в Российской Федерации: возможности и угрозы для формирования личности	9
Васильев Н.А. Креативные индустрии: культурные, социальные, экономические и медиакоммуникационные основы деятельности	13
Вашкевич Н.Н. Управленческая культура учреждения образования	25
Денисова О.Е. Принцип коммуникативности в обучении иностранных языков	29
Короткова А.Д. Стимулирование креативных индустрий, как индикатор культурно-воспитательной функции государства	33
Тихонова С.В. Ценности, формирующие российскую цивилизационную идентичность: риски и угрозы в области традиционных ценностей	37
Хушбоков О.У. Образ учителя в культурном мире	41

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кирьянов А.Ю., Спасский Е.Н. Правовые аспекты регулирования социальной рекламы в России	46
Кохан Ж.С., Сережко Т.А., Шкляев М.В. Совершенствование мотивационного механизма в системе управления развитием сельскохозяйственных предприятий	51
Янчук П.П., Мкртумова И.В. Персонализация в кадре: социологический анализ влияния формата «Говорящая голова» на вовлеченность аудитории цифрового авторского медиапространства	54
Мкртумова И.В., Ашкар М. Поведенческие паттерны нарушения репродуктивного здоровья молодежи: межстрановой анализ	58
Хамидуллина Л.К., Бобкова Е.А. Развитие научного наставничества в образовательной организации высшего образования	63
Яковлева О.И. Роль ценностно-мотивационных факторов профессиональной социализации будущих специалистов спасательной и противопожарной службы	67

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)

РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова**

Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.03.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ
НАУКИ И ТЕХНИКИ**

<i>Баринов Ю.В.</i> Бифуркации наказаний и теория Цезаре Ломброзо.....	71
<i>Бусов С.В.</i> Синергетическая модель культуры М.С. Кагана в контакте философских дискуссий о границах свободы личности второй половины XX века.....	75
<i>Ван Цян.</i> О теории антроподицеи П.А. Флоренского.....	79
<i>Газгиреева Л.Х., Газгиреева М.А., Газгиреева А.А.</i> Феномен идеального Versus «отчуждения»: философские основания интерпретации проблемы формирования профессионального статуса личности в условиях современной реальности.....	84
<i>Дитковская И.Э.</i> Трансформация системы образования в условиях внедрения технологий виртуальной реальности: социально- философский анализ.....	87
<i>Иванова С.С.</i> К вопросу о лингвистических способах интерпретации философских терминов (на материале текстов Лешека Колаковского и Барбары Скарги).....	92
<i>Климов С.Н., Михайлова А.Е., Чжао Цзиюэ.</i> Компаративный анализ эстетического аспекта женской телесности на примере России и Китая.....	95
<i>Ковалева С.В., Лопатин И.Д., Решетов Р.В.</i> Регрессивно-прогрессивный подход П. Рикёра в развитии методологии педагогики: социально-философский анализ.....	101
<i>Макаев Х.А.-А.</i> Молодежь в системе обеспечения духовно-нравственной безопасности российского общества.....	106
<i>Пичугин В.Г.</i> Выявление онтологических компонентов личностного исторического сознания.....	109
<i>Химич М.Н.</i> Ценностные детерминанты самосохранительного поведения в российском обществе.....	114
<i>Яковко Т.В.</i> Факторы гуманитаризации технического образования в условиях трансформации форм и средств обучения: социально-философский анализ.....	118
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ	
<i>Аторин Р.Ю., Фёдоров Е.В., Солнцев Ф.С.</i> К вопросу о перспективах в сфере обеспечения технологического суверенитета.....	123
<i>Белюсова Т.П.</i> Культурная стратегия КНР «Китайская мечта», как способ укрепления государства.....	128
<i>Внук В.К.</i> Глобальный Север и Глобальный Юг – новая конфигурация глобальной политической системы.....	131
<i>Кандалов В.И., Антонова Ю.А., Князева М.А.</i> Социально-политические и психологические методы противодействия негативному информационному влиянию среди молодежи.....	135
<i>Климов С.Н., Михайлова А.Е.</i> Философско-историческая ретроспектива понимания женской телесности: от греческой Античности до Нового времени.....	139

<i>Ли Чжожу.</i> Эволюция политики в городских общинах современного Китая: анализ эволюционных процессов в системе управления на местном уровне.....	144
<i>Каропова С.Г., Некрасов С.В.</i> Технологии информационного воздействия на общественное сознание в условиях современных социокультурных трансформаций России.....	150
<i>Сайфатова А.Р.</i> Функционально-ролевой характер политического института первой леди.....	157
<i>Серегина А.А.</i> Направления диалогового энергетического партнерства в формате «Россия-Ассоциация стран Юго-Восточной Азии».....	160
<i>Ткачев Г.А.</i> Концептуально-методологические параметры политического мифа.....	164
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Артемьев А.А.</i> Религиозные аспекты гибридной войны против Русского мира.....	168
<i>Олимзода Сорбони Шамсиддин, Амин Хафизулла.</i> Взгляд на действия ООН в борьбе с терроризмом.....	173
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Енина Е.В.</i> Проблема прав человека в Китае на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района.....	179
<i>Сизов А.А.</i> Политические инструменты разрешения международных проблем водопользования: на примере региона Центральной Азии.....	183
<i>Цацурин А.О.</i> «Третий путь» Франции Э. Макрона в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	188
<i>Шаталов-Давыдов Д.Ю.</i> Аксиологические аспекты системы международных отношений.....	193
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Лысова О.В., Ямалетдинова А.М., Батухтин И.Ю., Лысов О.И.</i> «Event-технологии» как инструмент реализации внеучебной и досуговой деятельности образовательных мигрантов (на примере работы интерклуба).....	198
<i>Агвердиев Д.М.</i> К вопросу о трудовой занятости в моногородах России: управленческий аспект.....	202
<i>Ван Сюэян.</i> Вызовы глобализации в постпандемическую эпоху и под влиянием военных факторов.....	206
<i>Ван Фурс Цзыи.</i> Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) на фоне трансформации мирового порядка: российское и китайское освещение проблемы.....	210
<i>Самольянов О.А.</i> Принципы человекоцентричности в современной России: социально-философский анализ.....	214
<i>Ильичёв Д.А., Фомичева Т.В.</i> Компаративный анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению модернизации экологического образования: управленческий аспект.....	219
<i>Чжан Ифэй.</i> Гендерное «коллективное бессознательное» в зеркалировании китайских СМИ.....	224

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Van Furs Tszyi.</i> Features of the chinese character formed at different stages of personal development.....	5
<i>Atorin R.Y., Dokukin K.Y.</i> Digitalization of education in the Russian Federation: opportunities and threats to personality formation.....	9
<i>Vasilyev N.A.</i> Creative industries: cultural, social, economic and media communication basics of activity.....	13
<i>Vashkevich N.N.</i> Managerial culture of an educational institution.....	25
<i>Denisova O.E.</i> The principle of communicativity in teaching foreign languages.....	29
<i>Korotkova A.D.</i> Stimulating creative industries as an indicator of the cultural and educational function of the state.....	33
<i>Tikhonova S.V.</i> Values forming the russian civilizational identity. Risks and threats in the field of traditional values....	37
<i>Khushbokov O.U.</i> The image of a teacher in the cultural world.....	41

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Kiryarov A.Yu., Spassky E.N.</i> Legal aspects of regulation of social advertising in Russia	46
<i>Kohan Z.S., Serezhko T.A., Shkilev M.V.</i> Motivation of personnel development at agricultural enterprises: current trends and prospects of improvement.....	51
<i>Yanchuk P.P., Mkrtumova I.V.</i> Personification in the frame: sociological analysis of the influence of the "Talking Head" format on audience engagement in the digital author's media space	54
<i>Mkrtumova I.V., Ashkar M.</i> Behavioural patterns of reproductive health disorders among young people: cross-country analysis.....	58
<i>Khamidullina L.K., Bobkova E.A.</i> Development of scientific mentoring in the educational organization of higher education.....	63
<i>Yakovleva O.I.</i> The role of value and motivational factors in the professional socialization of future rescue and fire service specialists.....	67

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Barinov Yu.V.</i> Punishment bifurcations and the theory of Cesare Lombroso	71
<i>Busov S.V. M.S.</i> Kagan's synergetic model of culture in the context of philosophical discussions on the boundaries of personal freedom in the second half of the twentieth century	75
<i>Wang Qiang.</i> A study on the anthropodicy of P.A. Florensky.....	79

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), proroctor of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.03.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Gazgireeva L.K., Gazgireeva M.A., Gazgireeva A.A.</i> The phenomenon of ideal versus «alienation»: philosophical grounds for interpreting the problem of the formation of the professional status of a person in the conditions of modern reality	84
<i>Ditkovskaya I.E.</i> Transformation of the education system in the context of the introduction of virtual reality technologies: socio-philosophical analysis	87
<i>Ivanova S.S.</i> On the issue of linguistic methods of interpreting philosophical terms (based on the texts of Leszek Kolakowski and Barbara Skarga)	92
<i>Klimov S.N., Mikhailova A.E., Zhao Ziyue.</i> Comparative analysis of the aesthetic aspect of female corporeity on the example of Russia and China.....	95
<i>Kovaleva S.V., Lopatin I.D., Reshetov R.V.</i> Regressive-progressive approach of P. Ricoeur in the development of pedagogical methodology: social and philosophical analysis.....	101
<i>Makaev H.A.-A.</i> Youth in the system of ensuring the spiritual and moral security of Russian society	106
<i>Pichugin V.G.</i> Identification of ontological components of personal historical consciousness.....	109
<i>Himich M.N.</i> Value determinants of self-preservation behavior in Russian society	114
<i>Yakovko T.V.</i> Factors of humanitarization of technical education in the context of transformation of forms and means of education: socio-philosophical analysis.....	118

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Atorin R. Yu., Fedorov E.V., Solntsev Ph.S.</i> On the issue of prospects in the field of ensuring technological sovereignty.....	123
<i>Belousova T.P.</i> Cultural strategy of the PRC “Chinese Dream” as a way to strengthen the state	128
<i>Vnuk V.K.</i> Global North and Global South – a new configuration of the global political system	131
<i>Kandalov V.I., Antonova Y.A., Knyazeva M.A.</i> Socio-political and psychological methods of countering negative information influence among young people	135
<i>Klimov S.N., Mikhailova A.E.</i> Philosophical and historical retrospective of understanding female corporeity: from Greek Antiquity to Modern times	139
<i>Li Zhuoru.</i> Policy evolution in urban communities in contemporary China: analysing the evolutionary processes in the local governance system	144
<i>Karepova S.G., Nekrasov S.V.</i> Technologies of information impact on public consciousness in the conditions of modern sociocultural transformations in Russia.....	150

<i>Sayfatova A.R.</i> Political Institute of the First Lady: world experience and prospects of modern Russia.....	157
<i>Seregina A.A.</i> Directions of the dialogue energy partnership in the format “Russia- Association of Southeast Asian Nations”	160
<i>Tkachev G.A.</i> Conceptual and methodological parameters of the political myth	164

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Artemiev A.A.</i> Religious aspects of the hybrid war against the Russian world.....	168
<i>Olimzoda Sorboni Shamsiddin, Amin Hafizullah.</i> A look at the UN’s response to terrorism.....	173

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Enina E.V.</i> The human rights issue in China on the example of the Xinjiang Uygur Autonomous Region.....	179
<i>Sizov A.A.</i> Political instruments for resolving international water use problems: the example of the Central Asian region.....	183
<i>Tsatsurin A.O.</i> Emmanuel Macron’s «Third Way» in the Asia-Pacific Region.....	188
<i>Shatalov-Davydov D.Yu.</i> Axiological aspects of international relations	193

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Lysova O.V., Yamaletdinova A.M., Batukhtin I.Y., Lysov O.I.</i> “Event-technologies” as a tool for implementing extra-curricular and leisure activities of educational migrants (based on the example of interclub work).....	198
<i>Agverdiev Dzh.M.</i> On the issue of employment in single-industry towns of Russia: managerial aspect.....	202
<i>Wang Xueyang.</i> Challenges of globalization in the post-pandemic era and under the influence of military factors	206
<i>Van Furs Tszyi.</i> Shanghai Cooperation Organization (SCO) on the background of the transformation of the world order: Russian and Chinese coverage of the problem	210
<i>Samolyanov O.A.</i> Principles of human-centricity in modern Russia: socio-philosophical analysis	214
<i>Ilyichev D.A., Fomicheva T.V.</i> Comparative analysis of foreign and domestic approaches to the study of modernization of environmental education: managerial aspect	219
<i>Zhang Yifei.</i> Reflection of gender’s “Collective unless” in the chinese media.....	224

Особенности китайского характера, формируемые на разных стадиях развития личности

Ван Фурс Цзыи,

кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО)
E-mail: v.tszyi@gmail.com

Отношения между китайцами на этом этапе формирования личности сохраняют особенности орального периода, т.е. взаимозависимость. Такие взаимозависимые отношения поддерживаются через протекцию. Китайские дети воспитываются в таком смысле, что если кто-то к тебе хорошо относится, то это – протекция. И ты тоже должен найти удобный повод и удобный случай, чтобы оказать протекцию этому человеку. Дальнейшая взаимная протекция и выражает то, что для китайца означает взаимозависимость¹.

В статье рассказывается о формируемых на разных стадиях развития личности особенностях китайского характера, о наиболее типичных для китайской культуры паттернах воспитания детей в детстве и в подростковом возрасте, об отношении родителей к детям и о прививаемых им особенностях поведения, межличностных отношений, отношений к членам семьи и близким, к чужим людям. Кроме того, в статье раскрываются основные отличия процесса воспитания между западной культурой и китайской цивилизацией.

Ключевые слова: личность, характер, воспитание, отношение, мнение, «потеря лица», гармония, авторитет.

Характер человека включает в себя отношение человека к себе, к окружающему миру вообще, к другим людям и выражает особенности в их действиях.

Когда в Китае рождается семья, то друзья дарят ей на свадьбе разные чашки и чайники, в которых лежат финики, орехи и семена². Все это символизирует продолжение рода, чего, собственно, и желают молодоженам гости на свадьбе. В первую очередь поэтому молодым желают сына. С другой стороны, родители рожают и кормят детей для того, чтобы те заботились о родителях в старости.

Первый период (с рождения до 1,5 лет) в становлении характера родившегося ребенка называется оральной стадией (oral stage). Китайцы называют своего ребенка «дорогой», «драгоценный», поэтому когда родители слышат, что ребенок плачет, ему сразу же дают еду³. А уже потом родители пытаются понять причину его плача. На людях мать, когда слышит плачь своего ребенка, без всякого стеснения оголяет свою грудь для того, чтобы покорить его. С рождения ребенок спит с родителями. Если мама работает, ребенок находится у нее за спиной. Поэтому ребенок часто вплотную касается матери.

В глазах западных людей китайский ребенок практически «приклеивается» к родителям, и, кроме того, он становится довольно зависимым от них⁴. Кстати, китайцы и западные люди становятся друзьями, западный человек чувствует, что китаец «приклеивается» к нему. – При любой проблеме китаец обращается за помощью в западного друга. На самом деле, когда китаец находит себе друга, он становится на самом деле становится ему другом на всю жизнь. Такая зависимость связана как раз с особенностями воспитания маленького китайца на этом этапе формирования личности.

Китайские родители всегда считают – ребенок слабый, поэтому нужно больше кушать и лучше одеваться. Самое главное – когда ребенок плачет – сразу надо дать ему еду, чтобы он успокоился. Такая особенность очень явно отражается в китайском характере: для китайцев еда – очень важна. По-китайски «здравствуйте» произносится как «вы покушали?»⁵. Когда встречаются друзья, когда играется свадьба обязательно нужно вместе кушать. Отношения у китайцев становятся ближе через совместную трапезу. Китайцы часто волнуются, что их телу что-то не хватает, у них мало энергии, но они не думают, что это психологическая проблема. Поэтому они

² <http://www.jiyuan.gov.cn/shiqing/jywh/t385848.html>

³ Wolf, Margery «Child training and the Chinese family» HRAF PUBDATE 1995 page 225–246

⁴ Heyi Zhang, Jia Song & Xiumin Hong «The relation between Chinese parents' child-based worth and young children's behavioral problems: a serial multiple mediator model» 15 Oct 2019 Page 902–917

⁵ <https://studycli.org/zh-CN/learn-chinese/the-top-12-most-common-ways-to-say-hi-in-chinese/>

¹ Yu Dan, «Insights from the Analects of Confucius» 2017.04 Page 37–48 ISBN 9787108058485

часто принимают специальные лекарства, чтобы добавить энергетики их здоровью. Поэтому китайцы часто страдают ипохондрией.

В дополнение можно сказать, что особенность орального периода отражается на отношении китайцев к сексу. Так западный человек видит в сексе прежде всего удовольствие. Китаец же воспринимает секс как взаимодополнение женского и мужского – «инь» и «янь»¹.

Следующий период (с 1,5 до 3 лет) называется анальным периодом (anal stage). По сравнению с западным человеком процесс справления естественной нужды у китайцев – очень свободный, не стеснен строгими рамками. В деревне, например, дети носят штаны с дыркой на причинном месте, и когда им хочется по нужде, они справляют ее сразу же и где угодно². Именно в такой особенности воспитания китайцев на этом этапе развития – причина того, что западные люди часто критикуют китайцев за нечистоплотность, за непунктуальность, за то, что они идут без очереди, за отсутствие определенного порядка в их действиях.

Китайские родители ограничивают в этот период развития личности своих детей в другом – в свободе мышечных движений. Например, ночью детей хорошо пеленают. Родители надеются, что когда их дети станут взрослыми, они хорошо смогут управлять собой, контролировать свои действия. На практике часто можно увидеть и услышать, что если китайский ребенок хочет что-то взять или потрогать, ему строго говорят: нельзя³.

По данным психологических наблюдений, скорость реакции взрослого китайца медленнее скорости реакции западного человека⁴. Причиной этому – привычка в осмыслении необходимости и целесообразности своих действий, т.е. как раз то, что в детстве выражалось во внешнем контроле, привитом китайскому ребенку на анальном периоде становления личности.

Китайским родителям не нравится, если маленькие дети – суеживы, если он и ссорятся с другими детьми. Очень редко в случае драки или ссоры они пытаются узнать: кто виноват. Родителям важно, чтобы их дети были в гармонии и с другими детьми, чтобы они не кричали и не смеялись очень громко на людях, чтобы вели себя сдержанно, не раздражались и т.д. – Чтобы у детей появилась привычка не показывать свои чувства, держать их под контролем.

Особенно запрещено на людях показывать, если тебе человек не нравится, если он вызывает у тебя возмущение, если ты на кого-то сердиться, тем более, если ты его ненавидишь. Эти чувства считаются очень плохими, независимо от того, прав этот другой или не прав – просто это мешает гармонии между людьми. Кроме того, родители учат детей, что важно не проявлять свои негативные чувства еще и потому, что этот другой человек, которого я сейчас ненавижу, потом может быть мне полезен. – Более того, проявление негативных чувств очень опасно, т.к. этот другой может мне отомстить за мое плохое отношение к нему. Если же кто-то решит отомстить, то он обязательно найдет для этого самое больное место – например, не самого обидчика, а его детей.

Допустим, если чьи-то дети подрались с детьми соседей, родители и тех и других не стараются разобратся: кто прав, а кто виноват. Родители и тех и других зовут

¹ Jia Yu, Weixiang Luo and Yuxie: «Sexuality in China: A review and findings» Chinese Journal of Sociology Volume 8, Issue 3, July 2022 Page 293–329

² <http://www3.xinhuanet.com/fashion/20230320/c912cd40239a481b8a4fea39f4994582/c.html>

³ <https://news.cctv.com/2023/06/19/ARTIYfLNgKbAqR4iG-6WylzYC230619.shtml>

⁴ <https://wap.peopleapp.com/article/rmh16370084/0>

своих детей домой и наставляют их, что драться нельзя, а даже если не правы их обидчики – всё равно нужно терпеть, «проглотить пилюлю» и молча сносить оскорбления⁵. Западные же родители воспитывают своих детей так, что в случае драки или ссоры нужно уметь постоять за себя, а если надо, то и дать сдачи.

Разница между китайскими и западными родителями в смысле ценностей воспитания личности ребенка в возрасте до 3 лет состоит в том, что для западного человека важно и развитие интеллекта ребенка, чтобы он много знал и был умным, но в то же время и был физически развит, в то время как для китайца интеллект ребенка очень важен, а физическая сила, умение постоять за себя – нет⁶. Именно поэтому, оглядываясь на историю Китая, можно сказать, что китайцы – очень мирная нация, они редко начинали воевать сами, все войны были необходимостью отражения внешних вторжений.

От китайских детей не требуется пунктуальность, привычка стоять в очереди и чистоплотность, важно другое: умение выстраивать хорошие, подходящие отношения с разными людьми. Подходящими в частности в смысле совершенно определенной возрастной субординации. – Отличием межличностных отношений в Китае является указание возрастной составляющей и соответствующей субординации в системе отношений внутри конкретной группы. Несколько примеров: если в компании людей нужно назвать присутствующих, то они называются в порядке старшинства. В семейных отношениях существуют свои собственные, отличительные обозначения одинаковых в родственном отношении людей, но разных по возрасту – у племянника есть «старший» дядя, «следующий за старшим» дядя, «младшая» тетя и т.д.

Период с 3-х до 5-ти лет называется фаллическим (phallic stage). Китайский ребенок до 3–4 лет часто спит с родителями – в одной комнате или даже в одной кровати. Большинство родителей всячески избегают не только разговоров перед детьми о сексе, но и просто демонстрации своих полоролевых отношений. Более того, китайцы на людях стараются не демонстрировать отношения между мужчиной и женщиной. В чем причина этого? Китайский ребенок с детства приучается воспринимать очень как позорную, буквально: «потерю лица» – демонстрацию на людях полностью или частично определенных частей тела (женская грудь, детородные органы)⁷.

Вообще мнение других для китайца имеет очень важное значение. Иными словами, внешний контроль важнее внутреннего. Так, например, ребенка ругают за неправильный поступок не потому, что «делать это – плохо» (апелляция к внутреннему контролю), а потому, что «придет папа и будет тебя ругать» (апелляция к внешнему контролю).

В продолжение сказанного можно сказать, что отличительной особенностью Китая является отличное от западного восприятие и протекание такого феномена в жизни ребенка во время фаллического периода развития личности как «эдипов комплекс». Дело в том, что почитание родителей и послушание им прививается детям как неоспоримая и очень важная ценность.

Продолжая тему главенства внешнего контроля над внутренним в процессе формирования личности китайского ребенка, можно сказать и о следующей особенности процесса обучения в Китае: дети не вдохновляются, не стимулируются к обсуждению их собственных мыслей (на чем строится обучение западного образца), – при-

⁵ <https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/11/id/4621078.shtml>

⁶ Arthur H. Smith « Chinese Characteristics » 2006 97–104

⁷ Wu Chun, “Ethical Life in Chinese Society” Zhonghua Book Company 2007 edition page 288

вычка, самооценку этого в китайской системе образования не очень распространены. Важно другое – все-сторонне изучить, запомнить все то, что было сказано великими предшественниками. Знание и опора на опыт предшественников считаются в Китае большой добродетелью. Китайская мудрость гласит: повторяя старое, узнаешь новое¹.

По тому, как человек относится ко времени, чему он больше уделяет внимания: прошлому, настоящему или будущему, можно уверенно судить об основных особенностях культуры в целом конкретного народа, и о системе образования в частности. Китайцы с молодых ногтей воспитывают своих детей, что нужно уважать историю и уделять внимание прошлому². Поэтому китаец никогда не забывает прошлого: ни хорошего, ни плохого.

Китайские родители очень редко поощряют развитие у детей любознательности, стремление познать много нового; для них гораздо важнее, чтобы дети были послушными и не суеверными. (Пример, спокойные дети – послушные дети – изучение опыта предков – достижение успехов в жизни). Впрочем, по мнению многих китайцев сегодня такие особенности системы воспитания и образования в Китае являются причиной того, что китайская наука сегодня не так развита, как на Западе. Особенностью науки в Китае в этом смысле можно назвать ее «непервопроходство» (как, например, в России, в Европе, в США).

В то же время китаец с детства приучается быть прагматичным, быть реалистом, четко понимая с самого раннего возраста: в чем и где можно извлечь выгоду, а также – с помощью кого. (Пример про умение ребенка 4–5 лет по-разному общаться с родителями друзей, как «важными», так и «неважными» для самого ребенка и его родителей).

В Китае 3–4-летних детей учат быть послушными, способными сохранить существующее положение, а во все не могущими изменить ситуацию, покорить кого-нибудь или что-нибудь. Поэтому послушание и постоянство – одни из важнейших особенностей китайского характера³.

Следующий период развития личности, латентный период (latent stage), длится с 6 до 12 лет. В это время поведение и манеры ребенка начинает резко меняться. И в семье и в школе взрослые начинают предъявлять очень строгие требования к ребенку⁴. Взрослые в это время довольно жестко требуют, чтобы он был послушным, спокойным, не баловался так, как он мог, когда был маленьким. В этот период родители требуют от ребенка, чтобы он работал очень старательно. В деревне дети начинают работать вместе со взрослыми. Да и в городе тоже – детей начинают привлекать в качестве помощников по хозяйству. (Примеры старательного труда и учебы).

Взрослые внимательно наблюдают за детьми и делят их на 2 типа: «маленький, ничего не знающий и наивный ребенок» и «маленький взрослый человек». В древнем Китае, когда было очень мало специальных книг для детей, некоторые дети читали и учили те книги, которые читали взрослые. От современных же детей учителя требуют выступлений с чтением наизусть больших взрослых теорий. Более того – очень редко дети рассказывают своим языком то, о чем они на самом деле думают. Это

¹ <https://ctext.org/analects/wei-zheng/zhs>

² Tao Yang, Mona Gleason « Study on the History of Children from the Educational Perspective » CNKI 23 Sep. 2019

³ Xia Fengqin, Jiang Shumei, “Educational Psychology” January 1, 2021, pages 51–53

⁴ Wang Xiaoya, Chinese Traditional Family Education View and Its Reflection from “Tiger Mom Wolf Dad” // Wang Xiaoya DOI:10.16871/j.cnki.kjwha .2018.09.048

не приветствуется и воспринимается как нечто странное и необычное.

В этот период становления личности родители учат ребенка – как общаться с людьми. – Как называть приезжающих в гости родственников и друзей, как себя вести и как нужно говорить с гостями и т.д. Поэтому центр воспитания детей состоит в том, как играть оптимальную для себя социальную роль во взаимоотношениях с разными людьми.

Таким образом, на этом этапе формирования личности китайские дети воспринимают модель межличностных отношений взрослых, в которой через протекцию друг другу возникает взаимозависимость.

На следующем, генитальном, этапе (hetero-sexual stage) формирования личности китайская молодежь (с 12 до 14–15 лет) не боится не найти себе половину, всегда родители помогут им познакомиться с кем-то из противоположного пола⁵. Для китайцев не характерно говорить «нет», потому что они опасаются обидеть других. Именно поэтому китаец в случае несогласия всегда дает уклончивый ответ.

Следующий период формирования личности называется молодежный (youth stage) период (с 14–15 до 20 лет). На этом этапе для китайских молодых людей, не смотря на то, что они уже имеют свое собственное мнение, сохраняется высокий авторитет мнения родителей. В случае расхождения собственного мнения с мнением родителей молодые китайцы абсолютно следуют мнению своих родителей⁶.

В западной культуре родители стремятся, чтобы их дети как можно раньше стали самостоятельными. Китайские же родители напротив – не разрешают этого. Когда же молодые люди в Китае становятся самостоятельными, они начинают новый цикл – воспитывать уже своих собственных детей.

На западе выступают за то, чтобы как можно раньше сделать детей самостоятельными, и в процессе развития личности это можно наблюдать с самого начала⁷. Однако китайцы не торопят и им не дают стать независимыми слишком рано. Хотя молодые стремятся к независимости, но это желание почти невозможно добиться, пока они не создадут семью и начнут карьеру. Но когда они занимают руководящую должность, они начинают контролировать и присматривать за собственными детьми, и начинается другой цикл.

Литература

1. Arthur H. Smith « Chinese Characteristics » 2006 97–104页
2. <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1024/c429373-31417696.html>
3. http://www.jyb.cn/rmtzgjsb/202112/t20211222_671852.html
4. <http://www3.xinhuanet.com/fashion/20230320/c912cd40239a481b8a4fea39f4994582/c.html>
5. <https://ctext.org/analects/wei-zheng/zhs>
6. <https://news.cctv.com/2023/06/19/ARTIYfLNgKb-AqR4iG6WyLzYC230619.shtml>
7. <https://studycli.org/zh-CN/learn-chinese/the-top-12-most-common-ways-to-say-hi-in-chinese/>
8. <https://wap.peopleapp.com/article/rmh16370084/0>

⁵ <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1024/c429373-31417696.html>

⁶ http://www.jyb.cn/rmtzgjsb/202112/t20211222_671852.html

⁷ Ruichun Wang, Lijun Zheng «The Analysis of Chinese and Western Culture Influence on Personality Development» 2016 by authors and Hans Publishers Inc 1289–1295

9. <https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/11/id/4621078.shtml>
10. <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=6962>
11. Jia Yu, Weixiang Luo and Yuxie: «Sexuality in China: A review and findings» Chinese Journal of Sociology Volume 8, Issue 3, July 2022 Page 293–329
12. Ruichun Wang, Lijun Zheng «The Analysis of Chinese and Western Culture Influence on Personality Development» 2016 by authors and Hans Publishers Inc 1289–1295
13. Tao Yang, Mona Gleason « Study on the History of Children from the Educational Perspective » CNKI 23 Sep. 2019
14. Wang Xiaoya, Chinese Traditional Family Education View and Its Reflection from “Tiger Mom Wolf Dad” // Wang Xiaoya DOI:10.16871/j.cnki.kjwha .2018.09.048
15. Wu Chun, “Ethical Life in Chinese Society” Zhonghua Book Company 2007 edition page 288
16. Xia Fengqin, Jiang Shumei, “Educational Psychology” January 1, 2021, pages 51–53
17. Yu Dan, «Insights from the Analects of Confucius» 2017.04 Page 37–48 ISBN 9787108058485
18. Heyi Zhang, Jia Song & Xiumin Hong «The relation between Chinese parents’ child-based worth and young children’s behavioral problems: a serial multiple mediator model» 15 Oct 2019 Page 902–917
19. <http://www.jiyuan.gov.cn/shiqing/jywh/t385848.html>
20. Wolf, Margery «Child training and the Chinese family» HRAF PUBDATE 1995 page 225–246

FEATURES OF THE CHINESE CHARACTER FORMED AT DIFFERENT STAGES OF PERSONAL DEVELOPMENT

Van Furs Tszyi

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The difference between Chinese society and Western society in the sense of following the various social roles that people play in a particular system of relations is that in Western society, in a situation of conflict, a person tries to defend his rights, to achieve a certain victory over someone. The Chinese in this situation tends to give in in order to achieve harmony in human relations.

The relationship between the Chinese at this stage of personality formation retains the characteristics of the oral period, i.e. interdependence. Such interdependent relationships are maintained through patronage. Chinese children are brought up in the sense that if someone treats you well, then it’s patronage. And you also have to find a convenient excuse and an opportunity to protect this

person. Further mutual protection expresses what interdependence means to the Chinese.

The article tells about the features of the Chinese character formed at different stages of personality development, about the most typical patterns of parenting for Chinese culture in childhood and adolescence, about the attitude of parents to children and about the characteristics of behavior instilled in them, interpersonal relationships, relationships to family members and loved ones, to strangers. In addition, the article reveals the main differences in the educational process between Western culture and Chinese civilization.

Keywords: personality, character, upbringing, attitude, opinion, “loss of face”, harmony, authority

References

1. Arthur H. Smith « Chinese Characteristics » 2006 97–104
2. <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1024/c429373-31417696.html>
3. http://www.jyb.cn/rmtzgjbs/202112/t20211222_671852.html
4. <http://www3.xinhuanet.com/fashion/20230320/c912cd40239a481b8a4fea39f4994582/c.html>
5. <https://ctext.org/analects/wei-zheng/zhs>
6. <https://news.cctv.com/2023/06/19/ARTIYfLNgKbAqR4iG-6WyLzYC230619.shtml>
7. <https://studycli.org/zh-CN/learn-chinese/the-top-12-most-common-ways-to-say-hi-in-chinese/>
8. <https://wap.peopleapp.com/article/rmh16370084/0>
9. <https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/11/id/4621078.shtml>
10. <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=6962>
11. Jia Yu, Weixiang Luo and Yuxie: «Sexuality in China: A review and findings» Chinese Journal of Sociology Volume 8, Issue 3, July 2022 Page 293–329
12. Ruichun Wang, Lijun Zheng «The Analysis of Chinese and Western Culture Influence on Personality Development» 2016 by authors and Hans Publishers Inc 1289–1295
13. Tao Yang, Mona Gleason « Study on the History of Children from the Educational Perspective » CNKI 23 Sep. 2019
14. Wang Xiaoya, Chinese Traditional Family Education View and Its Reflection from “Tiger Mom Wolf Dad” // Wang Xiaoya DOI:10.16871/j.cnki.kjwha .2018.09.048
15. Wu Chun, “Ethical Life in Chinese Society” Zhonghua Book Company 2007 edition page 288
16. Xia Fengqin, Jiang Shumei, “Educational Psychology” January 1, 2021, pages 51–53
17. Yu Dan, «Insights from the Analects of Confucius» 2017.04 Page 37–48 ISBN 9787108058485
18. Heyi Zhang, Jia Song & Xiumin Hong «The relation between Chinese parents’ child-based worth and young children’s behavioral problems: a serial multiple mediator model» 15 Oct 2019 Page 902–917
19. <http://www.jiyuan.gov.cn/shiqing/jywh/t385848.html>
20. Wolf, Margery «Child training and the Chinese family» HRAF PUBDATE 1995 page 225–246

Цифровизация сферы образования в Российской Федерации: возможности и угрозы для формирования личности

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Докукин Константин Юрьевич,

аспирант кафедры философии ГУУ
E-mail: kodooff@yandex.ru

В статье исследуется процесс цифровизации в сфере образования Российской Федерации в контексте его воздействия на формирование Личности. Анализируются преимущества и потенциальные угрозы, вызванные внедрением цифровых технологий в образовательный процесс; указываются возможности, которые дает цифровизация для персонализации обучения и расширения доступа к образовательным ресурсам. Параллельно с этим, оцениваются негативные последствия данного процесса: утрата человеческого фактора в образовании, потребление сомнительного качества информации, отсутствие межличностного взаимодействия между учащимися и педагогами. Приводятся примеры из опыта зарубежных стран, которые, вместо того, чтобы ускорять цифровую трансформацию всех сфер жизни человека (в том числе и системы образования), предпринимают меры для того, чтобы замедлить этот процесс из-за его негативных и необратимых последствий. Затрагиваются вопросы реализации альтернативной цифровизации при сохранении фундаментальных основ образования и минимизации угроз для формирования и становления Личности. В завершение, подчеркивается необходимость поиска баланса между цифровыми и традиционными методами обучения, с учетом этических и психологических аспектов цифровизации в одной из самых важных социальных сфер жизни общества.

Ключевые слова: цифровизация, традиционная система образования, приоритеты, угрозы, Личность, переориентация, разрушительные последствия.

Современное общество демонстрирует высокие темпы изменений, затрагивающей все сферы жизни: от социальной и экономической идо области образования. Масштабное распространение получили прикладные офисные программы, средства информационных технологий коммуникаций. Цифровизация представляет собой повсеместный и необратимый процесс, который, как один из этапов развития, затрагивает все аспекты жизни общества. Вполне закономерным является тот факт, что сфера образования одна из первых областей получила импульс компьютеризации. Поскольку в системе современного образования закладываются моральные принципы и формируется мировоззрение современной личности, данная тема имеет особую актуальность.

Времена, когда преподаватель в своей работе использовал только доску, мел, указку и небольшой набор технических средств обучения, давно прошли; сегодня основным средством в процессе обучения стал компьютер с доступом в интернет. Цифровизация затрагивает во все стороны современной системы образования-с помощью цифровых технологий обучающимся предоставляется учебный материал, осуществляются процессы администрирования и оцениваются знания. Неотъемлемой частью учебного процесса становятся онлайн-курсы и мультимедийные ресурсы, а также виртуальные классы и различные образовательные платформы, обогащающие опыт не только школьников, но и педагогов, и способствующие эффективному усвоению новых знаний.

Благодаря обеспечению доступа к информационной системе, образование получило возможность оперативно получать нужные данные, не ограниченные территориальными и языковыми рамками. Для этого используются глобальные информационные ресурсы в виде электронных библиотек, баз данных, файлообменников и георесурсов [7]. В таблице 1 представлены основные характеристики цифровизации образования.

Перечисленные в таблице аспекты позволяют говорить о цифровизации образования, как об эффективном инструменте, позволяющем осуществлять глобальный прорыв в системе отечественного образования не только в рамках одного государства, но и мира. Следует учитывать, что новая цифровая реальность в сфере образования связана с большим количеством вызовов, которые необходимо принимать во внимание. К ним относится следующее.

1. Неравенство доступа к технологиям и цифровой разрыв, обусловленные не только неравномерным распределением доступа к цифровым технологиям среди обучающихся, но и разностью в развитии российских регионов в целом и различным уровнем оснащенности образовательных учреждений (в некоторых из них до сих пор ограничен доступ к высокоскоростному интернету и современным устройствам). Это ведет к исключению части населения из цифровизированного учебного процесса: разрыв этот в последующем будет практически невозможно устранить, что приведет к масштабным негативным последствиям (проблемы с получением высшего образования и трудоустройством, ограниченные возможности и недостижимость ряда статусов).

Таблица 1. Характеристики процесса цифровизации образования в Российской Федерации [составлено по материалам 4, 6]

Аспект цифровизации	Характеристика аспекта
Интеграция технологий	В традиционный учебный процесс внедряются инновационные цифровые технологии (онлайн-платформы и курсы, интерактивные доски, специально разработанные программы и т.д.), трансформирующие его и обогащающие новыми возможностями
Неограниченный доступ к информации	Участники образовательного процесса получают свободный доступ к необходимым материалам и ресурсам, а также возможность организовывать онлайн исследовательскую деятельность, проводить консультации, лекции, реализовывать различные проекты
Интерактивность и индивидуализация обучения	В зависимости от потребностей, способностей и темпов усвоения знаний для каждого конкретного ученика может быть составлена образовательная программа, а также созданы интерактивные учебные материалы и задания, которые облегчат и повысят эффективность обучения
Глобализация образования	Онлайн-курсы, виртуальные университеты и масштабные образовательные проекты международного уровня позволяют получать доступ к глобальному образованию без необходимости покидать страну в случае, когда учебное заведение находится за рубежом

- Трансформация роли педагога обуславливает необходимость введения принципиально новых педагогических технологий. Учитель традиционно воспринимался как источник знаний, наставник и помощник в усвоении учебного материала. Сегодня же следует говорить о серьезных сменах приоритетов и векторов развития не только в отношении учащихся, но в отношении преподавателя, которому необходимо «соответствовать» новой эре образования, повышая собственную компетенцию и активно взаимодействуя с учениками и родителями в виртуальных средах.
- Качество образовательного контента и фильтрация информации: цифровизация открывает перед обучающимися неограниченный доступ в мир информации, которая, впрочем, не всегда имеет соответствующее качество и релевантность для образования. Поток неконтролируемой и непроверенной информации, а также необходимость в постоянном выборе правильных источников и контента не только отнимают массу времени у всех участников образовательного процесса, но также могут негативно отражаться на качестве знаний, полученных подобным образом.
- Проблемы кибербезопасности и конфиденциальности данных: разработка стратегий по обеспечению безопасности информации – это еще одно дополнительное направление деятельности образовательных учреждений, необходимость и важность которого определяет цифровизация. Это требует наличия

квалифицированных специалистов и эффективных инструментов в борьбе с кибератаками и виртуальными мошенниками [3].

Перечисленные вызовы определяют необходимость использования системного и комплексного подхода со стороны всех участников образовательного процесса при соблюдении их прав и интересов.

Цифровизация системы образования в России реализуется через проект «Цифровая школа», постепенно масштабировавшийся и глобализовавшийся (от «Московской цифровой школы» (МЭШ) до «Российской цифровой школой» (РЭШ)) [8]. Несмотря на появившиеся преимущества от внедрения проекта, не все педагоги одобрили его. Например, кандидат исторических наук О.Н. Четверикова, назвала его преступлением против детей и диверсией против образования, поскольку считает, что детям наносится значительный вред здоровью из-за активного использования цифровых технологий в формате обучающей программы [9].

Рассматривая внедрение цифровых технологий в образовательный процесс в мировом масштабе, следует отметить, что в России внедрение цифровых технологий в образовательный процесс набирает обороты, в то время, как в западных странах они уже входят в стадию стагнации. Торможение внедрения цифровых технологий в образовательные системы Запада связано с тревожными показателями проводимых исследований относительно уровня образования после введения их в обучающий процесс. Наблюдается не только значительное снижение уровня образования, но и ухудшение здоровья обучающихся, о чём имеются свидетельства зарубежных учёных: в 2011 году была выпущена Резолюция ПАСЕ, в которой говорится об опасности цифровых технологий и электромагнитного облучения, прежде всего для детей [5]. Международная организация исследования рака озвучила, что электромагнитное излучение имеет категорию «Б», что провоцирует появление ранней онкологии. Законодательные ограничения по введению цифровых технологий в систему образования стали вводиться в некоторых странах незамедлительно. Инициатива учёных-экологов Франции повлияла на принятие в 2015 году закона, регулирующего регламент электромагнитного облучения. В соответствии с законом в детских учреждениях запрещено использование Wi-Fi и осуществляется контроль над установками вышек сотовой связи. Позднее, в 2017 году, группой ученых из 16-ти стран было сделано заявление, содержащее рекомендации по ограждению детей и молодежи от Wi-Fi и других беспроводных устройств [9].

Таким образом, одним из губительных последствий цифровизации можно считать прямую угрозу здоровью обучающихся. Более того, внедрение компьютерного образования в работу с детьми раннего возраста ведет к так называемому «цифровому слабоумию», которое выражается в атрофии участков мозга ребенка. Иными словами, *повсеместное внедрение цифровых технологий в образование – это не «пилотный проект» (как он часто позиционируется в современном обществе), а эксперимент, последствия которого еще неизвестны.* При этом эксперимент проводится без добровольного согласия на него участников образовательного процесса, поскольку «Цифровая школа» в РФ вводится в качестве безальтернативной, не оставляя в нем места для традиционного образования [6].

Повсеместная оцифровка информации, внедрение электронных учебников, а также новой системы оценивания знаний угрожает разрушением фундаментальных основ образования. Тревогу внушает то, что теряются личностные взаимоотношения между участниками об-

разовательного процесса, ментальная связь между педагогом и учеником, поскольку это влечет за собой подмену понятий, когда оценка знаний обучающегося заменяется оценкой его личности [2].

Внедрение систем «ПОТОК» и «РОСТ» предполагает фиксацию каждого шага и действия ученика, и внесение их в цифровое портфолио (электронное досье), в дальнейшем определяющее будущее выпускника. Под угрозой оказывает возможность получения высшего образования, поскольку получить достаточно высокие баллы смогут только дети из семей, которые оказали им материальную поддержку в виде организации дополнительных занятий и посещения кружков.

Кроме того, важной проблемой является безропотное потребление учениками больших объемов информации, которые предоставляются с помощью цифровых технологий. Речь обучающихся, как важнейший орган объективизации мышления, оказывается выключенной в течение длительного периода. Отсутствие практической реализации диалогического общения, опыта формирования и формулирования мыслей ведёт к возникновению целого комплекса проблем. Использование глобализированных информационных ресурсов, а также распространенных сегодня «ИИ-помощников» приводит к все большему применению принципа экономии сил – современные школьники и студенты предпочитают заимствовать из Сети готовые проекты, рефераты, доклады, что не способствует ни развитию мышления, ни выработке других важных свойств – усидчивости, умению работать с информацией, способности совер-

шать причинно-следственные связи, обобщать, абстрагировать, наконец, фантазировать и творчески мыслить. Недостаточное развитие получают аналитическое и критическое мышление, что делает молодежь удобными потребителями.

Стремительное технологическое развитие цивилизации наряду с преимуществами имеет и негативные последствия в виде формирования зависимостей от компьютерных игр и общения в мессенджерах, чему особо подвержены дети. Неограниченный и неконтролируемый доступ к бесполезной и зачастую опасной информации, смена базовых нравственных ценностей, переориентация от реальной жизни к виртуальной представляют значимые опасности современного прогресса. При этом отказ в XXI веке от дальнейшего технократического развития означал бы остановку развития, возвращение назад, что уже невозможно представить и осуществить.

Предотвратить разрушительные последствия цифровизации в сфере образования может придание этому процессу образа «человеческого лица», с учетом потребностей общества, действующими законами и конституционными правами. Все это может быть реализовано в формате Альтернативной цифровизации, более осознанной, последовательной, гуманной, учитывающей риски и потребности наиболее уязвимых сегментов общества [3].

«Гуманизация цифровизации» состоит в сосредоточении на трансформационных процессах личности, а не технологий. Ключевые аспекты Альтернативной цифровизации могут включать в себя следующие элементы, представленные в виде рис. 1.

Рис. 1. Нормы Альтернативной цифровизации образования, которые должны быть нормативно зафиксированы

Источник: составлено по материалам [1, 4, 7, 9].

Перечисленные на рисунке нормы не являются исчерпывающими: для того, чтобы соотнести интересы цифровизаторов и гражданского общества в целом, а также личности в частности, их должно быть гораздо больше. В ином случае последствия Цифровой трансформации одной из наиболее значимых социальных сфер жизни человека, будут не просто отрицательны, но разрушительны.

Резюмируя вышесказанное, следует сформулировать критерии полезности цифровизации образования: использование тех или иных цифровых технологий целесообразно только в том случае, если они позволяют получить такие результаты, которые не могли бы быть достигнуты без их применения. То есть, использовать цифровые инструменты в учебном процессе стоит лишь тогда, когда это имеет явный педагогический эффект.

Литература

1. Андреева Г.М. Проблемы и перспективы цифровизации российского образования. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Том 14. № 12.
2. Гаирбекова П.И. Актуальные проблемы цифровизации образования в России //Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № . 2.
3. Зуева Н.М. Цифровизация образования как инновационное направление развития системы образования России. // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогика и психология. 2018. № 1.
4. Маркова В.Д. Цифровизация образования: вызовы и перспективы. // Информатизация образования и науки. 2019. Том 3.
5. Резолюция ПАССЕ от 27 мая 2011 года № 1815 (2011) «Потенциальные опасности электромагнитных полей и их воздействие на окружающую среду» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31669654 (дата обращения: 02.03.2024).
6. Смирнов А.В. Цифровое образование: новые технологии и педагогические практики. // Информационные технологии в образовании. 2019. № 40.
7. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания //Педагогическое образование в России. – 2020. – № . 3.
8. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы //Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № . 2 (31).
9. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» [Электронный ресурс] / Психологическая газета. – 2021. – URL: <https://psy.su/feed/9511/> (дата обращения: 02.03.2024).

DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: OPPORTUNITIES AND THREATS TO PERSONALITY FORMATION

Atorin R.Y., Dokukin K.Y.
GUU

The article examines the process of digitalization in the field of education in the Russian Federation in the context of its impact on Personality formation. The advantages and potential threats caused by the introduction of digital technologies into the educational process

are analyzed; the possibilities that digitalization provides for personalizing learning and expanding access to educational resources are indicated. At the same time, the negative consequences of this process are being assessed: the loss of the human factor in education, the consumption of questionable information quality, the lack of interpersonal interaction between students and teachers. Examples are given from the experience of foreign countries that, instead of accelerating the digital transformation of all spheres of human life (including the education system), are taking measures to slow down this process due to its negative and irreversible consequences. The issues of implementing alternative digitalization while preserving the fundamental foundations of education and minimizing threats to the formation and formation of Personality are discussed. In conclusion, the need to find a balance between digital and traditional teaching methods is emphasized, taking into account the ethical and psychological aspects of digitalization in one of the most important social spheres of society.

Keywords: digitalization, traditional education system, priorities, threats, Personality, reorientation, destructive consequences.

References

1. Andreeva G.M. Problems and prospects of digitalization of Russian education. // National interests: priorities and security. 2020. Volume 14. No. 12.
2. Gairbekova P.I. Actual problems of digitalization of education in Russia //Modern problems of science and education. – 2021. – № . 2.
3. Zueva N.M. Digitalization of education as an innovative direction in the development of the Russian education system. // Bulletin of the Moscow University. Series 20: Pedagogy and Psychology. 2018. № 1.
4. Markova V.D. Digitalization of education: challenges and prospects. // Informatization of education and science. 2019. Volume 3.
5. PACE Resolution No. 1815 (2011) dated May 27, 2011 «Potential dangers of electromagnetic fields and their impact on the environment» [Electronic resource]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31669654 (Accessed 03/02/2024).
6. Smirnov A.V. Digital education: new technologies and pedagogical practices. // Information technologies in education. 2019. № 40.
7. Starichenko B.E. Digitalization of education: illusions and expectations //Pedagogical education in Russia. – 2020. – № . 3.
8. Stokov A.A. Digitalization of education: problems and prospects //Bulletin of the Minin University. – 2020. – Т. 8. – № . 2 (31).
9. Digital personality as a phenomenon of the 21st century: meeting with the «new normality» [Electronic resource] / Psychological newspaper. – 2021. – URL: <https://psy.su/feed/9511/> (Accessed 03/02/2024).

Васильев Николай Александрович,

руководитель Исследовательского Центра Ассоциации коммуникационных агентств России, Российской ассоциации маркетинговых услуг, Российской ассоциации развития интерактивной рекламы, магистр социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), магистр социологии Манчестерского университета, старший научный сотрудник сектора исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН)
E-mail: nikolay.a.vasilyev@gmail.com

Материал является вводной составляющей для погружения в тему креативных индустрий – важному феномену в развитии современных социокультурных, экономических и медиакоммуникаций. Более того, креативные индустрии, как совокупность направлений экономической деятельности, рассматривается как неотъемлемая часть современной постиндустриальной экономики. Параметры развития креативных индустрий рассматриваются как важнейшие составляющие экономического развития стран и являются предметом регулярной оценки и сравнения¹. При этом, в мире до сих пор не создано единое определение креативных индустрий (англ. «creative industries»), до сих пор используется первоначальный термин – «культурные индустрии» (англ. «cultural industries»). В некоторых странах, например в Китае, используют двойное обозначение – «культурные и креативные индустрии». Путаница в названиях вызвана размытостью термина. Большое влияние на название также оказывают особенности национальных экономик, которые, по своему историческому, техническому и технологическому развитию значительно отличаются в разных странах мира.

Ключевые слова: креативный класс; культура; культурные индустрии; креативные индустрии; реклама; факторы креативных индустрий.

В России оценкой и стандартами креативных индустрий занимается несколько научных центров, но наибольший вклад в развитие этого направления вносит Национальный исследовательский университет «Высшая школа Экономики». Можно выделить следующих авторов, специализирующихся на этой теме: Хестанов Р.З. [Хестанов, 2018: 173–196], Абанкина Т.В. [Абанкина, 2020: 98–117], Николаенко Е.А. [Николаенко, 2020: 75–79], Романова В.В., Щербакова И.В., Власова В.В. [Власова, 2021: 108] и многие другие сотрудники ВШЭ, РАНХиГС и других научных центров. Одной из последних значимых работ по теме «креативные индустрии» на российском рынке является «Рейтинг инвестиционной привлекательности мировых городов – 2023» [Рейтинг, 2023: Электронный ресурс].

Определения креативных индустрий

Впервые определение и термин «креативные индустрии» появились в докладе «Креативная экономика» правительства Австралии еще в 1994 году, потом появились «креативные города» (Landry, Bianchini, 1995), «креативная экономика» (Howkins, 2001), «креативный класс» (Florida, 2002) и «креативные кластеры», особую роль в пропаганде нового дискурса креативности сыграла консалтинговая группа «Comedia», основанная в Великобритании в 1978 году Чарльзом Ландри, однако глобальный интерес тема креативных индустрий получила все-таки после выхода в свет книги Джона Хокинса «Креативные индустрии. Как люди делают деньги из идей» [Howkins, 2001: 288]. Наиболее распространенным среди развитых экономик является определение Департамента культуры, медиа и спорта Великобритании (DCMS): «Креативные индустрии (творческие отрасли) – это индустрии, которые берут свое начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и имеют потенциал для создания прибыли и рабочих мест за счет разработки, производства и эксплуатации интеллектуальной собственности». Помимо определения DCMS, существует еще два определения: экономическое и социокультурное. Экономическое определение звучит так: креативные индустрии (творческие отрасли) – это креативная экономика, экономика знаний. Креативные индустрии – это часть экономики, связанная с созданием, производством и использованием знаний и информации. Социокультурное определение выглядит следующим образом: креативные индустрии – когнитивно-культурная экономика, объединяющая высокотворческие, изобретательные и инновационные отрасли;

Реестр и текущее состояние креативных индустрий

На сегодняшний момент существует достаточно много справочной литературы по креативным индустриям. Для тех, кто хочет посмотреть историю понятия, существующие термины и их происхождение, достаточно обратиться к электронным библиотекам через существующие программы поиска. Наша задача – показать, что на протяжении последних тридцати лет в разных странах предпри-

нимались попытки унифицировать понятие «культурные и креативные индустрии», ликвидировать размытость термина, а главное – создать единую систему измерений креативных индустрий. К сожалению, отсутствует единое определение и, как следствие, единый список отраслей, входящих в понятие «креативные индустрии». Список постоянно обогащался новыми индустриями (отраслями), кроме этого, отдельные отрасли экономики до сих пор рассматриваются внутри понятия «креативные индустрии» по-разному, периодически учитываются разные дополнительные отрасли. Список отраслей является важнейшим элементом единого понимания «креативных индустрий», без этого невозможно унифицировать производимые креативными индустриями продукты и услуги, не говоря уже об единой системе показателей оценки. В России, как и в мире в целом, нет единых стандартов креативных индустрий, что, возможно, является одной из насущных задач. Чаще всего используется список (реестр) Организации объединенных наций и реестр Департамента культуры, медиа и спорта Великобритании (DCMS). Российский реестр был разработан НИУ ВШЭ и является основой для описания российского сектора креативных индустрий. Ниже мы рассмотрим все основные реестры креативных индустрий.

НИУ ВШЭ

1. Арт-индустрия.
2. Народные промыслы.
3. Музыка, исполнительное искусство, культурно-досуговые учреждения.
4. Кино и анимация.
5. Фотография.
6. Издательская деятельность.
7. Телерадиовещание.
8. IT и видеоигры.
9. Реклама.
10. Архитектура.
11. Дизайн.
12. Мода.
13. Библиотека, архивы, музеи.
14. Ювелирное дело.
15. Культурное наследие.
16. Образование в сфере креативных индустрий.

DCMS

1. Реклама и маркетинг.
2. Архитектура.
3. Ремесла.
4. Дизайн: продуктовый, графический и модный (создание моделей одежды).
5. Кино, телепродукция, ТВ, видео, радио и фотография.
6. IT, программное обеспечение и компьютерные услуги, включая сервисы, приложения и игры.
7. Издательское дело и пресса.
8. Музеи, галереи, библиотеки.
9. Музыка, театр, исполнительное и изобразительное искусство.

Реестр Джона Хокинса

1. Реклама и маркетинг.
2. Архитектура.
3. Ремесла.
4. Дизайн: продуктовый, графический и модный (создание моделей одежды).
5. Кино, телепродукция, ТВ, видео, радио и фотография.
6. IT, программное обеспечение и компьютерные услуги, включая сервисы, приложения и игры.
7. Издательское дело и пресса.
8. Музеи, галереи, библиотеки.
9. Музыка, театр, исполнительное и изобразительное искусство.
10. Игрушки и игры.
11. Исследования и разработки в области науки и техники.

ООН

1. Декоративно-прикладное искусство (Art Crafts): ювелирное искусство, ковроделие, батик, гобелен, нитяная графика, кружевоплетение, художественная резьба, керамика, вышивка, вязание, макраме, лаковая миниатюра, художественная роспись, художественное вырезание, художественная обработка металла,ковка, литье, пирография, работа со стеклом, витражная роспись, мозаика, набойка, бисероплетение, поделки из бумаги, лозоплетение, пряжа, т.д.

2. Аудиовизуальные искусства (Audiovisual): реклама, игровое, документальное, научно-популярное, учебное, экспериментальное, абстрактное кино, телевидение, включая телефильмы и телесериалы, анимацию (мультипликацию), мультимедийные искусства, аудиовизуальные выступления, видеоарт, визуальная музыка, звуковая скульптура и установка, синестезия т.д.
3. Дизайн (Design): архитектурный, гейм, веб, звуковой, интерьера, одежды, ландшафтный, промышленный, транспортный, полиграфический, картографический, сценический, световой, коммуникационный дизайн (графический, брендинг и айдентика, дизайн упаковки, дизайн многостраничных изданий, дизайн инфографики, шрифтовой дизайн, анимационный дизайн, телевизионный дизайн, диджитал дизайн, рекламный дизайн, UI/UX), средовой, интерьерный, текстильный, фэшн-дизайн, сервис дизайн, концепт дизайн, т.д.
4. Новые медиа (New Media & recorded media): социальные сети, подкастинг, блоги разных видов (фото, видео, текстовые), интернет-СМИ, сайты информационных агентств, электронные версии СМИ (радио, телевидение, газеты), виртуальные игры, аналоговые – химическая фотография, VHS-кассеты, аудиокассеты, виниловые пластинки, цифровые – CD, DVD, mini-CD, Blu Ray, Digital audio player, SD-карта, флэш-накопители, мобильные телефоны, т.д.
5. Исполнительские искусства (performing arts): музыка, танец, драматический, музыкальный и импровизационный театр, опера, балет, цирк, иллюзионизм (фокусы), стендап комедия, перфоманс-арт, рестлинг, т.д.
6. Издательское дело (publishing): рекламная полиграфическая продукция – буклеты, листовки, каталоги, плакаты, афиши, POS-материалы, корпоративная полиграфическая продукция – визитные карточки, фирменные блокноты, папки, конверты, приглашения, календари, карты, книжно-журнальная полиграфическая продукция – книги, учебники, журналы, газеты, т.д.
7. Визуальные искусства (Visual Arts): фотография во всех ее видах, антиквариат, живопись, каллиграфия, иллюстрация, боди-арт, инсталляции, скульптура, архитектура, музеи, культурное наследие, т.д.

Области исследования креативных индустрий

1. География креативных индустрий.
2. Ценность искусства и культуры.
3. Международная торговля и иммиграция.
4. Навыки, работа и образование.
5. Интеллектуальная собственность и регулирование.
6. НИОКР и инновации.
7. Разнообразие и инклюзивность.
8. Многофункциональность и межотраслевое сотрудничество.
9. Бизнес-модели и доступ к финансам.

Продукты креативных индустрий

Креативные индустрии придумывают, создают, производят, продают, распространяют креативные продукты и контент, например: кино, телевидение, анимация, визуальные эффекты, видео, радио, фотографии, видео игры, виртуальная реальность, музеи, галереи, т.д. Креативные индустрии уделяют особое внимание премиальным и элитным товарам, невостребованным продуктам², нишевым продуктам, комодитис³, товарам для

удобства, дополнительным товарам⁴. Отметим, что все развитые восточноазиатские страны в той или иной мере знакомы с британским реестром креативных индустрий, однако в качестве абсолютного образца его приняли только в Сингапуре и Гонконге, исторически ориентированных на Великобританию. Представители других стран, включая Китай и Южную Корею, предпочли создать собственные реестры креативных индустрий. В этом смысле показателен пример Китая. Здесь выражения «креативные индустрии» и «культурные индустрии» чаще всего, то есть за исключением исследователей, пишущих для англоязычных академических издательств и журналов, употребляются как синонимы. Но это не означает, что китайские эксперты плохо осведомлены о международной полемике по этой теме. Причины, скорее, отсылают нас к особой политической культуре Поднебесной. Хайцинг Ю предостерегает от типичных предубеждений относительно «гибридной» китайской политической культуры, которая является одновременно нелиберальной, антилиберальной и неолиберальной. Поэтому привычные «понятия трудно схватываются, и всегда существует слабая связь между риторикой/дефиницией и реальностью» (Yu, 2011: 34, 38).

Подходы к расчету количества работников креативных индустрий

Существует два подхода к расчету количества работников креативных индустрий:

- § отраслевой – рассматриваются все работники креативных индустрий, даже если они не принадлежат к креативным профессиям (например, все сотрудники рекламного агентства, включая бухгалтера, водителя, секретаря);
- § профессиональный – рассматриваются все работники креативных профессий, даже если они работают не в креативной индустрии (основное место работы дворник, а в свободное от работы время он занимается графическим дизайном). DCMS в своих расчетах суммирует работников креативных индустрий (отраслевые плюс профессиональные).

Ведущие экспортеры креативных продуктов в мире

1. Крупнейшим экспортером является Китай – 32,3%. 2. На США приходится 6,2% мирового экспорта. 3. Доля Италии составляет 5,2%. 4. Германия – 5% от мирового. 5. Доля Гонконга составляет 4,6% от мирового экспорта. 6. Франция – 4,1%. 7. Доля Великобритании составляет 2,9%. 8. Вьетнам. 9. Южная Корея – по 2,7%. 10. Индии – 2,5%. 11. На Тайвань приходится 2,5% мирового экспорта. 12. Польша – 2,2%. 13. Швейцария – 2,1%. 14. Нидерланды – 2,1%. 15. Малайзия – 1,9%. 16. На Сингапур. 17. Турцию и 18. ОАЭ приходится 1,8% мирового экспорта. 19. Япония – 1,4%. 20. Таиланд – 1% (табл. 1).

Таблица 1

Страна	Экспорт креативных продуктов (в млн \$)	Доля страны в мировом экспорте (в %)	Доля креативных продуктов в общем объеме экспорта страны (в %)
Китай	169 309	32,3	6,5

Страна	Экспорт креативных продуктов (в млн \$)	Доля страны в мировом экспорте (в %)	Доля креативных продуктов в общем объеме экспорта страны (в %)
США	32 371	6,2	2,3
Италия	27 031	5,2	5,4
Германия	26 064	5	1,9
Гонконг	24 067	4,6	4,4
Франция	21 438	4,1	4,4
Великобритания	15 331	2,9	3,8
Вьетнам	14 153	2,7	5
Южная Корея	13 900	2,7	2,7
Индия	13 785	2,6	5
Тайвань	13 040	2,5	3,8
Польша	11 593	2,2	4,2
Швейцария	10 868	2,1	3,4
Нидерланды	10 781	2,1	1,6
Малайзия	9 716	1,9	4,1
Сингапур	9 351	1,8	2,6
Турция	9 341	1,8	5,5
ОАЭ	9 219	1,8	2,8
Япония	7 326	1,4	1,1
Таиланд	5 015	1	2,2

Лидеры креативных индустрий по экспорту

86,9% мирового экспорта креативных продуктов производит топ-20 стран-экспортеров. Основной категорией креативного экспорта в мире является дизайн – 371,418 млрд долларов. На втором месте новые медиа – 41,952 млрд долларов. На третьем месте декоративно-прикладное искусство – 39,137 млрд долларов. Объем экспорта визуальных искусств составляет 37,618 млрд долларов. Объем экспорта продуктов издательского дела – 32,830 млрд долларов, а объем экспорта аудиовизуального искусства составляет 18,785 млрд долларов, продуктов исполнительского искусства – 6,147 млрд долларов (рис. 1–5).

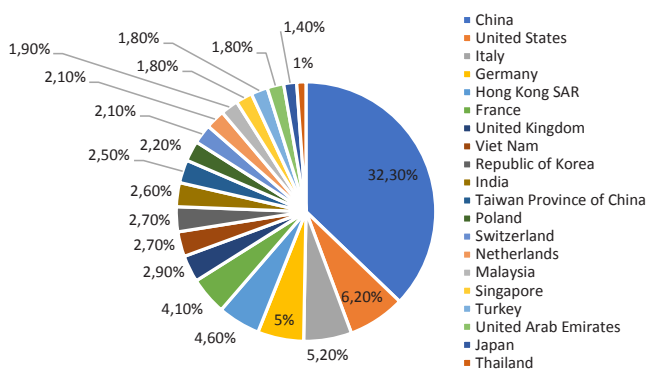

Рис. 1. Ведущие экспортеры креативных продуктов в мире

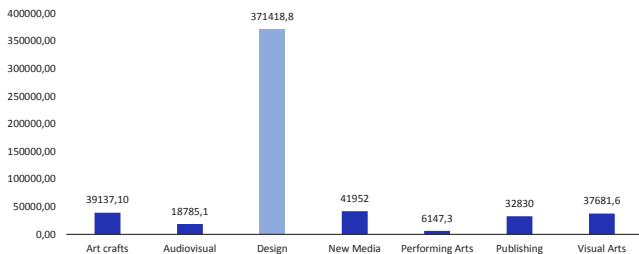

Рис. 2. Экспорт креативных продуктов по категориям продуктов, весь мир

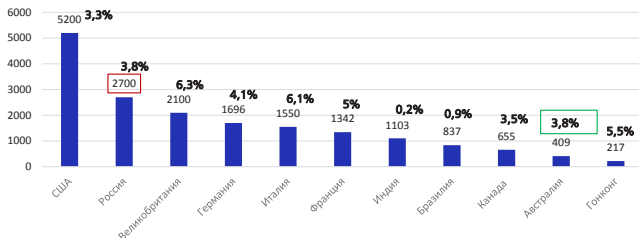

Рис. 3. Топ-11 стран по количеству работников креативного класса (в тыс. человек и в % от всех занятых)

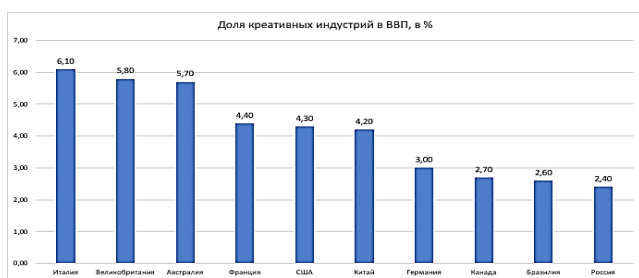

Рис. 4. Доля креативных индустрий в ВВП (топ-10 стран, %)

Рис. 5. Доля рекламы в креативных индустриях (топ-10 стран, %)

Креативные индустрии в настоящее время являются одной из наиболее перспективных, инновационных частей экономики. Лондон – столица дизайна по всем

параметрам. После Лондона – Шанхай и Хельсинки имеют самую высокую долю дизайна в ВВП города. После Лондона по объемам индустрии дизайна идет Шанхай, за ним Хельсинки. Далее Дубай и Москва – их доли сопоставимы, 4,2 млрд долларов. В отличие от политики культурных индустрий, определявшейся национальными рамками, «политика креативных индустрий» формируется интернационализацией культурных рынков и глобальным характером конкуренции. Концентрация (кластеризация) креативных индустрий в мегаполисах превращает их в конкурирующие центры производства. Вместе с тем имплементация политики креативных индустрий в городах разных стран и регионов способствует созданию отдельного и специфического глобального рынка» [Хестанов, 2018: 173–196]. Именно в США создаются многие инновационные разработки и практики на пересечении креативности, культуры, науки и предпринимательства. Здесь выросла мощная традиция и большое разнообразие институтов гражданского общества в сфере искусства и культуры. В 1990–2000-е годы в американских городах наблюдался бум в строительстве и расширении материальной базы культуры, тогда как на федеральном уровне многие культурные программы либо стагнировали, либо урезались. Сдвиг в сторону субнациональной культурной политики обусловил возникновение двух главных подходов в городских культурных политиках. Первый – предпринимательская культурная политика, сконцентрированная на развитии туризма и новых формах городского брендинга, финансирующая важнейшие культурные объекты и поощряющая частные инвестиции в культурную инфраструктуру. Вторая – стратегии креативного класса, продвигающего городские культурные и иные формы благоустройства среды и качества жизни через развитие городских районов, округов, кварталов или кластеров с оригинальными художественными активностями и развлечениями. Здесь формировалась рабочая сила нового типа – представители так называемого «креативного класса». Публикация книги Ричарда Флориды «The Rise of the Creative Class» совпала с этим сдвигом к местной культурной политике и стратегией формирования креативных городов. Флорида видел в креативности главный источник «конкурентных преимуществ» капитализма XXI века, а также наиболее ценный товар экономики.

Креативные центры

Креативные центры показаны в табл. 2.

Таблица 2

№	Город	Население, чел., 2021	ВВП города, млрд \$, 2020	Объем индустрии дизайна, млрд \$, 2020	Доля в ВВП, %	Количество дизайн фирм	Специалистов, работающих в индустрии дизайна, чел.
1	Лондон	8 800 000,00	732,00	114,60	15,70	78 030,00	1 690 000,00
2	Дубай	3 268 620,00	375,00	4,25	1,10	9 772,00	75 998,00
3	Хельсинки	655 281,00	267,00	14,25	5,30		22 000,00
4	Сингапур	6 019 073,00	340,00	1,70	0,50		69 500,00
5	Шанхай	23 390 000,00	606,00	66,25	11,00	4 000,00	
6	Москва	12 655 050,00	1 044,00	4,20	0,40	7 500,00	24 000,00

Креативные индустрии в России

Вклад креативных индустрий в ВВП России оценивается в 2,4 трлн руб., это составляет 2,4% ВВП. Самый большой

вклад из креативных индустрий обеспечивает реклама и IT. В креативных индустриях России работает 3,4 млн человек, это 4,8% от числа всех занятых в РФ. 87% занятых в креативных индустриях проживают в городах и посел-

ках городского типа. В Москве проживают 24,5% занятых в креативных индустриях. В Санкт-Петербурге – 7,3%, в Московской области – 5%. По количеству работников креативного класса Россия занимает второе место в мире после США (5 млн 200 человек). По процентам от занятого населения Россия находится на 5 месте в 10-ке креативных индустрий мира и сопоставима с Австралией (3,8%). Москва – один из шести признанных центров индустрии дизайна (рис. 6–12).

Рис. 6. Динамика численности креативного класса в России

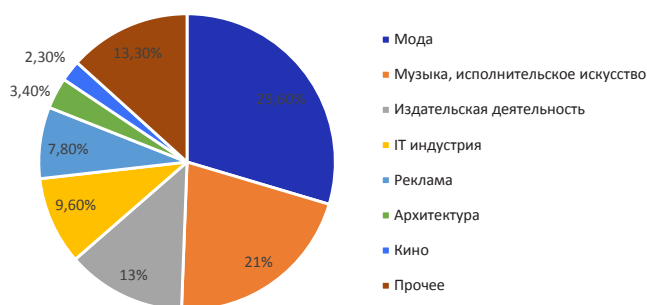

Рис. 7. Занятость по креативным индустриям в России

По количеству креативных работников лидирует индустрия моды – 29,6%. Далее следует музыкальная индустрия (21%) и издательская деятельность (13%). В IT сфере – 9,6%, в рекламе 7,8% работников от всех занятых в креативных индустриях, архитектура – 3,4%, кино – 2,3% работников от всех занятых в креативных индустриях. На все прочие креативные индустрии приходится 13,3% работников.

Рис. 8. Занятость по креативным профессиям

Самую большую группу работников креативных индустрий формируют менеджеры по рекламе и маркетингу. Их 24,4% от всех работников креативных профессий. Разработчики программного обеспечения – 19%, краснодеревщики и другие работники сходных специальностей составляют 4,9% от всех работников креативных профессий. Библиотечные специалисты – 3,5% всех работников креативных профессий, доля журналистов среди работников креативных профессий – 2,8%, а 3,4% – архитекторы зданий и сооружений. 2,6% занятых в креативных профессиях художественные фотографы. По 2% занятых в креативных профессиях музыканты, певцы, композиторы, переводчики и другие лингвисты. 31,8% – доля представителей остальных креативных профессий. 55,4% занятых в креативных профессиях – мужчины, 44,6% – женщины.

тивных профессиях художественные фотографы. По 2% занятых в креативных профессиях музыканты, певцы, композиторы, переводчики и другие лингвисты. 31,8% – доля представителей остальных креативных профессий. 55,4% занятых в креативных профессиях – мужчины, 44,6% – женщины.

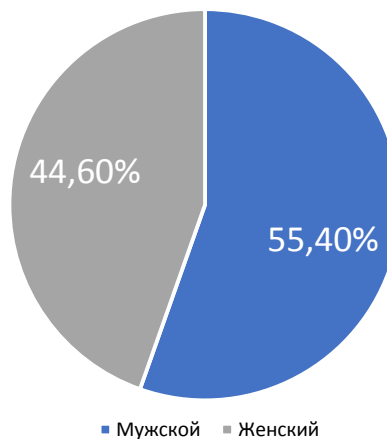

Рис. 9. Половозрастные характеристики работников креативных профессий

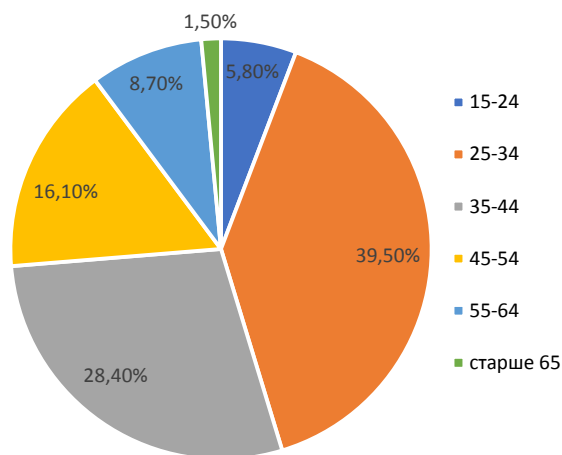

Рис. 10.

Наибольшая возрастная группа (39,5%) занятых в креативных профессиях составляет 25–34 лет. 28,4% занятых в креативных профессиях относятся к возрастной группе 35–44 лет. 16,1% работников креативных профессий принадлежат к возрастной группе 45–54 лет. 8,7% сотрудников креативных профессий – 55–64 лет, 5,8% – 15–24 лет, 1,5% – старше 65 лет.

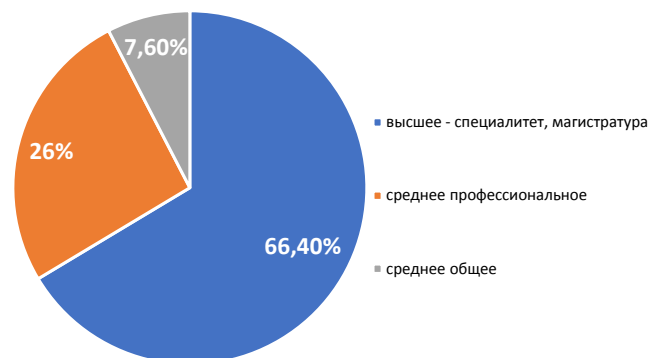

Рис. 11. Уровень образования работников креативных профессий

Большинство работников креативных профессий имеют высшее образование – 66,4%, 26% занятых в креативных профессиях имеют среднее профессиональное образование, 7,6% – среднее общее образование.

ативных профессиях имеют среднее профессиональное образование, 7,6% сотрудников креативных профессий имеют только среднее общее образование.

Рис. 12. Вклад креативных индустрий в ВВП России (млрд руб.)

Вклад информационных технологий (IT) в ВВП составляет 676,5 млрд руб. Второе место – вклад рекламной индустрии – 517,8 млрд руб. Далее следует индустрия моды (239,2 млрд руб.), телевидение (222,4 млрд), музыкальная индустрия (195 млрд). Вклад индустрии издательской деятельности составляет 188,5 млрд руб., архитектуры – 126,2 млрд руб., вклад индустрии музеев, библиотек и архивов 101,9 млрд руб. Вклад ювелирного дела – 48,1 млрд руб., киноиндустрии и анимации – 40,3 млрд руб., образовательные организации – 15,4 млрд руб. Вклад арт-индустрии составляет 14,8 млрд руб., культурное наследие – 4,9 млрд руб. Рекламная индустрия на втором месте среди креативных индустрий России по вкладу в ВВП (517,8 млрд руб.) после IT. В процентном соотношении ее вклад в креативные индустрии равен 21,5%, а в ВВП в целом – около 0,5%. Специалисты по маркетингу и рекламе являются самой массовой креативной профессией в России, составляя 24,4% креативного класса (830 тысяч человек). Это соответствует 1,28% всего занятого населения в РФ. Данные по рекламным специалистам в России сравнимы с данными по рекламным специалистам в ЕС (903 тысячи человек). Креативные индустрии в ЕС и США признаны главным направлением экономики будущего, большинство развитых и развивающихся стран имеют программы по поддержке креативных индустрий. Российская рекламная отрасль обладает масштабной инфраструктурой, представлена во всех субъектах РФ. В отрасли и смежных областях работает около миллиона человек – это нестандартная отрасль экономики. Она объединяет производителей товаров и услуг, рекламодателей, рекламные компании (агентства), рекламопроизводителей, СМИ и прочие медиа, рекламораспространителей, участвует в обеспечении единства экономического пространства. Ежегодно силами отрасли организуются выставки, конференции, конгрессы, как внутриотраслевого, так и международного уровня – Национальный Рекламный Форум, День Бренда, Московский Международный фестиваль рекламы Red Apple и т.п. Рекламно-коммуникационную отрасль РФ формируют следующие ассоциации: АКАР (Ассоциация Коммуникационных Агентств России), РАМУ (Российская Ассоциация маркетинговых услуг), АРИР (Ассоциация развития интерактивной рекламы), ЦРБК (Центр развития бизнес-коммуникаций). Ассоциации объединяют более 600 компаний отрасли, контролирующих 90% рекламно-коммуникационных бюджетов страны. В рамках работы ассоциаций действует Исследовательский Центр АКАР/АМУ/АРИР/ЦРБК, который ведет работу по сбору и анализу данных и проводит отраслевые исследования. Более 32 тысяч компаний рекламировались на ТВ и в интернете, более 100 тысяч использовали различные виды наружной рекламы. Не смотря на значительное сниже-

ние доли прессы, более 9 тысяч рекламодателей использовали прессу в своих рекламных целях, около 8 тысяч рекламодателей продолжают использовать радио как рекламодатель. Более 36 тысяч компаний и организаций ведут активную рекламную деятельность как на национальном уровне, так и в регионах России. Все виды рекламных бюджетов, включая активации (маркетинговые услуги) формируют в стране около миллиарда рублей ежегодных рекламных затрат. Доля рекламной отрасли составляет 0,442% от ВВП 2021 (110 трлн руб.), что составляет 473 млрд руб. В общем объеме ВВП это небольшая цифра, однако на основе сравнительного анализа вклада рекламы в экономику ЕС (8 евро) и США (16 долларов) можно говорить о том, что каждый рекламный рубль генерирует от 8 до 16 руб. в экономике РФ. Таким образом, реальный вклад рекламной отрасли может соответствовать как минимум 3,54% ВВП страны. Вклад рекламной отрасли в ВВП сравним с такими отраслями как:

- информация и связь (2,3%);
- социальные услуги (3,3%);
- страховая деятельность (4,3%).

Развитие информационных технологий инновационно обновляет медиа носители рекламы, её содержание и форму, инициирует создание новых практик и методов продвижения товаров и услуг к потребителю. Новейшие технологии машинного обучения уже трансформирует рекламный рынок России. Несмотря на продолжающийся кризис и общую турбулентность, российский ТВ рынок демонстрирует устойчивость к вызовам. В 2023 году на ТВ появилось более 700 новых локальных и федеральных рекламодателей, и это количество продолжает расти. Такая динамика обоснована повышенным интересом потребителей к новым отечественным брендам. Данные последней волны исследования НРА свидетельствуют о том, что подавляющее большинство потребителей с удовольствием покупают товары местного производства, а три четверти считают, что российские товары не уступают в качестве зарубежным. Впервые за последние годы в наружной рекламе увеличилось количество рекламодателей. Особенностью этого периода стал и рост удельного веса ООН на российском рекламном рынке. Значительные бюджеты пришли в наружную рекламу из интернета, где ощущался дефицит рекламного инвентаря. На три ведущие категории рекламодателей в наружной рекламе – на застройщиков, маркетплейсы и банки – в первые 9 месяцев 2022 года пришлось более 40% всех рекламных бюджетов в наружной рекламе. Всего же за три квартала наружной рекламе удалось не только восстановиться до уровня 2022 года, но и выйти в небольшой плюс (рис. 13).

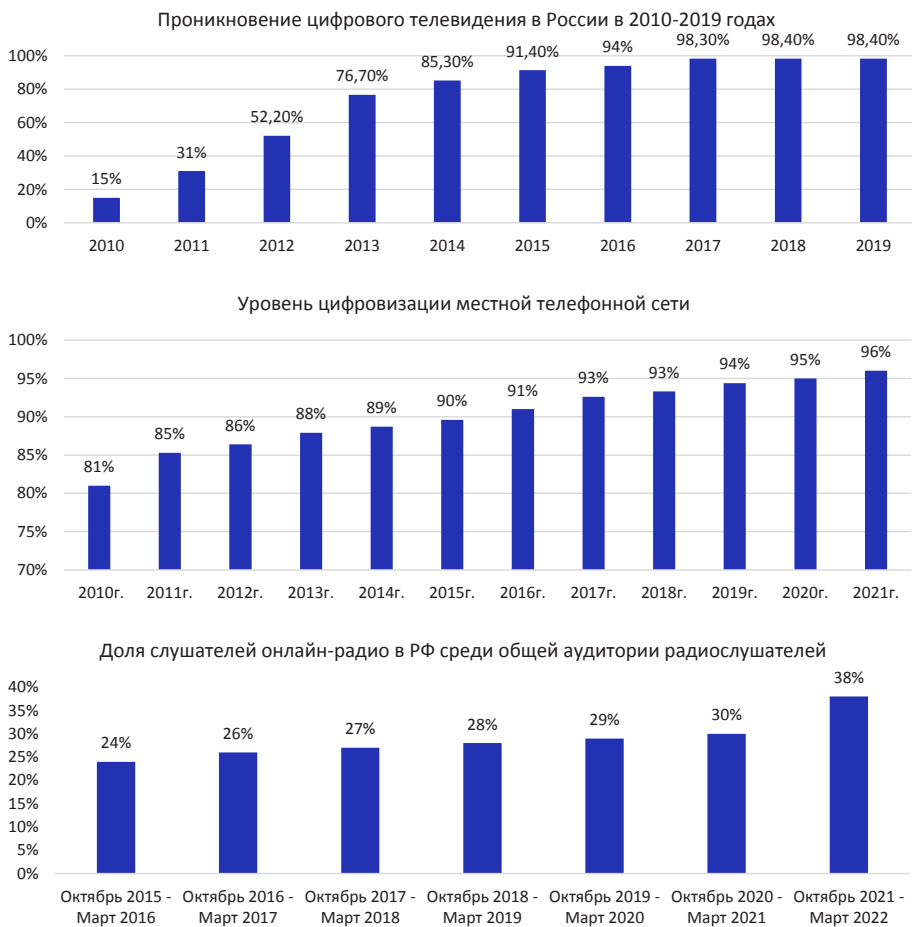

Рис. 13.

Интернет превращается в самое охватное медиа. Смена покупательских паттернов привела к формированию нового покупателя, который гибко распределяет свои покупки между онлайн и офлайн каналами. Онлайн и офлайн каналы всё более сливаются в единую среду. E-commerce всё больше трансформируется в «m-commerce», смартфон становится важным устройством для совершения покупок, среднемесячная аудитория интернета по всей России выросла почти до 103 млн человек старше 12 лет (84% населения). Время нахождения в сети увеличилось почти до 4 часов – жители России

ежедневно проводили в интернете в среднем 3 часа 41 минут. Молодые пользователи стали проводить в интернете значительно больше времени – до 6 часов в группе 12–24 лет, тогда как наиболее возрастная аудитория, старше 65 лет, пользуется интернетом 3 часа в день. Больше всего времени в интернете тратили на социальные сети (20% от всего времени в интернете за день).

Другие крупнейшие категории, которые россияне провели в интернете, это: видео (19%), мессенджеры (14%), игры (10%), e-commerce площадки (3%). Аудитория заблокированных ресурсов сильно сократилась и перераспределась на другие социальные сети: наибольший прирост аудитории ощутили Telegram и «ВКонтакте». Охват «Одноклассников» также увеличился (рис. 14).

Как россияне слушают радио?

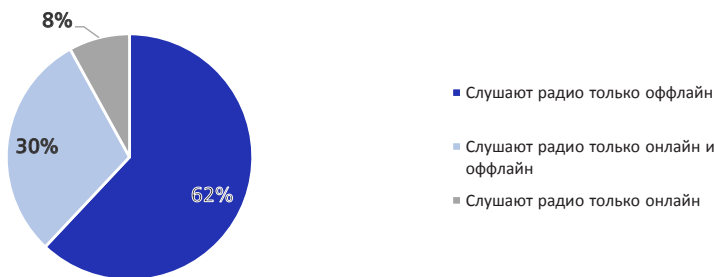

Рис. 14.

С каждым годом доля слушателей онлайн-радио среди аудитории радиослушателей возрастает, особенно резкий рост наблюдается за последний год, на 8 п.п. Уровень цифрового проникновения по медиа в 2023 году составил: ТВ – 98% (рост на 7 п.п. за 7 лет, на 83 п.п. за 12 лет); Радио – 99% (рост на 6 п.п. за 7 лет, на 52 п.п. за 12 лет); Наружная реклама – 65% (рост на 55 п.п. за 7 лет, на 60 п.п. за 12 лет). Уровень цифровизации телефонной сети в России составляет 96%. Начиная с 2019 года цифровым телевидением (DVB-T2) было охвачено не менее 98,4% населения России. Доля россиян, имеющих доступ к цифровым телевизионным программам дома, неуклонно росла с 2010 года. С каждым годом доля слушателей онлайн-радио среди ауди-

тории радиослушателей возрастает, особенно резкий рост наблюдается за последний год, на 8 п.п. и составил 38% (рис. 15).

Рис. 15.

Стратегические факторы развития креативных индустрий

1. Высокий уровень экономического развития. Диверсифицированная, многоукладная экономика с широким перерабатывающим сектором и высоким экспортным потенциалом. Наличие крупных компаний, способных к инвестициям и внедрению инноваций, и, МСП, которое генерит, создает, производит новые идеи.
2. Высокоразвитая и доступная образовательная система. Высшее и специализированное, государственное и частное образование, большое количество университетов, институтов, школ. Образовательная система формирует квалифицированную рабочую силу для креативных индустрий, создает инновации, новые технологии и интеллектуальный капитал, способствует развитию эстетического восприятия, когда для значительной части населения важна не только полезность, функциональность и цена товара, но и его красота, новизна, форма, дизайн, т.д.
3. Наличие большого среднего класса. Уровень дохода значительной части населения покрывает базовые потребности и люди готовы платить за товары и услуги, производимые креативными индустриями.
4. Развитая общественная инфраструктура. Значительная часть населения формирует общественный заказ на комфортную социально-мобильную среду: городские пространства, архитектура, автомобильные дороги, дороги для велосипедов и скутеров, озеленение, шумоподавление, развитая система общественного транспорта и система высокой мобильности.
5. Высокий уровень защиты интеллектуальной собственности. Существует эффективная система оценки, патентирования и охраны прав на идеи, товары, услуги и другие новые изобретения в разных областях жизнедеятельности, а также одобренная обществом система вознаграждения.
6. Развитая система онлайн коммуникаций. Широкое проникновение и доступность цифрового телевидения, интернета и мобильной связи в разных слоях, группах, классах общества, разнообразные социокультурные и медиакommunikации, а также высокий уровень электронной торговли, государственных и частных онлайн услуг, высокий уровень производства и качества разнообразного контента, его доступность для большинства граждан, широкое распространение в виде текста, изображения, фото, видео, аудио и их комбинаций.
7. Высокий социокультурный уровень. Наличие значительного количества парков, выставок, ярмарок, цирков, кинотеатров, театров, востребованы опера и балет, есть общественный запрос на организацию социокультурных мероприятий, экскурсий, искусствоведческих семинаров, на поддержку и развитие социокультурных установок, ценностей и традиций.
8. Развитые общественные связи и здравоохранение. Высокий уровень толерантности, терпимости, восприятия и интеграции. Широкое проникновение и доступность медицины, медицинских работников, медицинских учреждений и медоборудования разного профиля, развитая система диспансеризации и реабилитации, государственного медицинского страхования, развития спорта и здорового образа жизни, спортивных сооружений, мероприятий, площадок для занятия физкультурой. Государственные, частные и общественные спортивные и оздоровительные организации, поддержка людей ограниченными способностями и старших возрастных групп.
9. Развитая экологическая повестка. В обществе существует заказ на защиту окружающей среды во всех сферах жизнедеятельности от строительства очистных сооружений и снижения выхлопа углекислых газов до сбора и выброса бытовых отходов.

Стратегические факторы развития креативных индустрий делятся на экономические, культурные, технологические и социальные (табл. 3–6).

Таблица 3

Стратегические факторы развития креативных индустрий	Тип
Высокий уровень экономического развития	экономический
Высокоразвитая и доступная образовательная система	культурный
Наличие большого среднего класса	экономический
Развитая общественная инфраструктура	технологический
Высокий уровень защиты интеллектуальной собственности	технологический
Развитая система онлайн коммуникаций	технологический
Высокий социокультурный уровень	культурный
Развитые общественные связи и здравоохранение	социальный
Развитая экологическая повестка	социальный

Таблица 4. Распределение стратегических факторов развития креативных индустрий

№	Наименование показателя	Описание
1.1	Доля занятых в креативных индустриях по отношению ко всему населению (%)	Высокий уровень экономического развития. Наличие большого среднего класса. Уровень дохода значительной части населения покрывает базовые потребности и люди готовы платить за товары и услуги, производимые креативными индустриями Диверсифицированная, многоукладная экономика с широким перерабатывающим сектором и высоким экспортным потенциалом. Наличие крупных компаний, способных к инвестициям и внедрению инноваций, и, МСП, которое генерит, создает, производит новые идеи
1.2	Доля креативных индустрий в ВВП страны (%)	
1.3	Уровень государственных затрат на креативные индустрии	
1.4	Количество креативных индустрий	
1.5	Количество брендов креативных индустрий	
1.6	Доля рекламных доходов по отношению к доходам всех креативных индустрий	

№	Наименование показателя	Описание
2.1	Коэффициент количества учебных заведений (университетов, институтов, колледжей) к населению (%)	Высокоразвитая и доступная образовательная система. Высокий социокультурный уровень. Наличие значительного количества парков, выставок, ярмарок, цирков, кинотеатров, театров, востребованы опера и балет, есть общественный запрос на организацию социокультурных мероприятий, экскурсий, искусствоведческих семинаров, на поддержку и развитие социокультурных установок, ценностей и традиций
2.2	Коэффициент количества студентов к населению	
2.3	Доля населения страны, участвующая в культурных мероприятиях	
2.4	Затраты населения на культурный досуг	
2.5	Количество кинотеатров, театров, цирков, культурных мероприятий (фестивалей, дней, праздничных и юбилейных концертов, т.д.)	
2.6	Доля ВВП на культуру и доля ВВП на образование	
3.1	Количество патентов, ежегодно подаваемых в национальные и международные патентные бюро	Развитая общественная инфраструктура. Развитая система онлайн коммуникаций. Высокий уровень защиты интеллектуальной собственности. Существует эффективная система оценки, патентования и охраны прав на идеи, товары, услуги и другие новые изобретения в разных областях жизнедеятельности, а также одобренная обществом система вознаграждения. Широкое проникновение и доступность цифрового телевидения, интернета и мобильной связи в разных слоях, группах, классах общества, разнообразные социокультурные и медиакоммуникации, а также высокие уровень электронной торговли, государственных и частных онлайн услуг, высокий уровень производства и качества разнообразного контента, его доступность для большинства граждан, широкое распространение в виде текста, изображения, фото, видео, аудио и их комбинаций
3.2	Доля реализованных инноваций и технологий по отношению к общему количеству поданных заявок (%)	
3.3	Доля государственных затрат на R&D (%)	
3.4	Вклад частного капитала в R&D (%)	
3.5	Количество исследовательских центров и think tanks (%)	
3.6	Доля населения, занятого в R&D (%)	
4.1	Доля населения с высшим образованием и образованием в области креативных индустрий (%)	Развитые общественные связи и здравоохранение. Высокий уровень толерантности, терпимости, восприятия и интеграции. Широкое проникновение и доступность медицины, медицинских работников, медицинских учреждений и медоборудования разного профиля, развитая система диспансеризации и реабилитации, государственного медицинского страхования, развития спорта и здорового образа жизни, спортивных сооружений, мероприятий, площадок для занятия физкультурой. Государственные, частные и общественные спортивные и оздоровительные организации, поддержка людей с ограниченными способностями и старших возрастных групп; Развитая экологическая повестка. В обществе существует заказ на защиту окружающей среды во всех сферах жизнедеятельности от строительства очистных сооружений и снижения выхлопа углекислых газов до сбора и выброса бытовых отходов
4.2	Уровень национальной, религиозной, расовой терпимости, толерантности.	
4.3	Уровень интеграции в общество национальных, религиозных меньшинств.	
4.4	Отсутствие дискриминации со стороны государства по национальным, религиозным, расовым признакам.	
4.5	Количество общественных и медицинских организаций	
4.6	Количество и доля социальных и медицинских работников	
4.7	Доля ВВП на социальные проекты и здравоохранение (%)	
4.8	Доля ВВП на экологию и государственные проекты (%)	
4.9	Количество экологических организаций и работников	
4.10	Уровень экологической грамотности населения	

Таблица 5. Расчеты факторов развития креативных индустрий

Топ - 10 стран	Доля креативных индустрий в ВВП, в %	Доля рекламы в креативных индустриях, %	Доля работников креативных индустрий в занятом населении	Доля работников, занятых в рекламе от числа занятых в креативных индустриях	Государственные траты на креативные индустрии в процентах от ВВП	Частные затраты на креативные индустрии в процентах от ВВП	Экспорт креативных продуктов в объеме от мирового экспорта (%)	Уровень культурной вовлеченности (посещение культурных мероприятий жителями страны в процентах от всего населения)	Доля среднего класса
Италия	6,1%	21%	6,1%	3,3%	0,80%	5,30%	5,2%	78%	67,0%
Великобритания	5,8%	32%	6,3%	10,7%	0,60%	5,20%	2,9%	96%	67,0%
Австралия	5,7%	15%	3,8%	4,8%	0,90%	4,80%	0,6%	31%	58,0%

Топ - 10 стран	Доля креативных индустрий в ВВП, в %	Доля рекламы в креативных индустриях, %	Доля работников креативных индустрий в занятом населении	Доля работников, занятых в рекламе от числа занятых в креативных индустриях	Государственные траты на креативные индустрии в процентах от ВВП	Частные затраты на креативные индустрии в процентах от ВВП	Экспорт креативных продуктов в объеме от мирового экспорта (%)	Уровень культурной вовлеченности (посещение культурных мероприятий жителями страны в процентах от всего населения)	Доля среднего класса
Франция	4,4%	16%	5,0%	0,7%	1,40%	3,00%	4,1%	90%	74,0%
США	4,3%	28%	3,3%	5,1%	0,30%	4,00%	6,2%	53%	50,0%
Китай	4,2%	59%	2,5%	14,5%	0,32%	3,88%	32,3%	50%	50,1%
Германия	3,0%	17%	4,1%	20,6%	1,10%	1,90%	5,0%	98%	72,0%
Канада	2,7%	22%	3,5%	4,0%	0,20%	2,50%	2,2%	86%	58,0%
Бразилия	2,6%	29%	0,9%	11,8%	0,20%	2,40%	0,2%	48%	61,4%
Россия	2,4%	22%	3,8%	21,5%	0,60%	1,80%	0,3%	88%	38,0%
Среднее значение	4,12%	26,13%	3,93%	9,72%	0,64%	3,48%	5,90%	71,88%	59,55%

Таблица 6

Топ-10 стран	Количество университетов	Количество студентов гуманитарных факультетов и факультетов искусств (бакалавриат или эквивалентная степень), 2020 год	Доля людей с высшим образованием в возрасте 25-34	Расходы на R&D (в % от ВВП)	Доля людей в R&D	Количество зарегистрированных патентов в 2020 г	National brands index 2022 (Ipsos) – место в рейтинге	Доля мировых брендов, родом из этой страны	Экономический индекс
Италия	239	48 145	29%	1%	2%	10 127,0	4	2%	5,80%
Великобритания	280	78 132	56%	2%	2%	19 250,0	5	4,8%	5,00%
Австралия	43	26 397	55%	2%	4%	29 758,0	10	0,80%	3,38%
Франция	617	45 112	49%	2%	2%	15 869,0	6	6,20%	4,50%
США	3 216	238 029	52%	3%	2%	621 453,0	8	40,40%	4,60%
Китай	2 565	851 644	58%	2%	1%	1 400 661,0	33	15,80%	13,00%
Германия	459	22 664	35%	3%	3%	67 434,0	1	4,80%	4,03%
Канада	387	20 418	64%	2%	1%	36 488,0	3	2,60%	2,80%
Бразилия	1 297	29 224	44%	1%	1%	25 396,0	27	0,60%	1,23%
Россия	1 058	23 709	41%	1%	1%	35 511,0	58	0,40%	2,17%
Среднее значение	1016,10	138347,40	48,24%	1,91%	1,87%	226194,70	15,50		

Заключение

Креативные индустрии (творческие отрасли) – это индустрии, которые берут свое начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и имеют потенциал для создания прибыли и рабочих мест за счет разработки, производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. Вклад креативных индустрий в ВВП России оценивается в 2,4 трлн руб., что составляет 2,4% ВВП. Самый большой вклад из креативных индустрий обеспечивает реклама. В креативных индустриях России работает 3,4 млн человек, это 4,8% от числа всех занятых в РФ. По количеству работников креативного класса Россия занимает второе место в мире после США. По процен-

там от занятого населения Россия находится на 5 месте в 10-ке креативных индустрий мира и сопоставима с Австралией. Среди креативных индустрий реклама занимает особое положение, так как она выступает флагманом процесса продвижения товаров и услуг, производимых всеми остальными креативными индустриями, что обеспечивает их рост и развитие. Все существующие подходы вряд ли устраняют «двусмысленность концепта креативных индустрий». В самом общем виде аргументация критиков состоит в том, что неудачные попытки спецификации креативных индустрий связаны с невозможностью изолировать креативность от других практик, а потому все индустрии являются креативными. Все эти попытки можно привести к общему знаменателю и при-

мирить в одном допущении – определение культурных и креативных индустрий можно распространить на все отрасли, что подрывает любую попытку определить их специфику. Компания «Coca-Cola» производит не только напитки, но и смыслы. Аналогичным образом, потребители покупают ее продукты не только из-за потребности пить, они приобретают символические свойства и значения, которые им предлагаются. Любой товар в любую эпоху имел символическое и культурное содержание, в той или иной мере представлял собой продукт культуры и креативности» [Хестанов, 2018: 173–196]. Важнейшим фактором анализа креативных индустрий является то, что отсутствие единой системы измерений не позволяет полноценно оценить все креативные индустрии, только отдельно, как, например, мы можем анализировать рекламную индустрию в России и сравнивать ее с рекламными индустриями других стран. Как только мы переходим от рекламы, маркетинга, IT в область культурных индустрий, возникает проблема их оценки – отсутствием возможности оценить культуру в каких-либо параметрах, единицах, денежных знаках. Культура как таковая не может быть оценена, тем более невозможно провести сравнение именно культурных индустрий разных стран. Также важным моментом при исследовании креативных индустрий является очевидный переход культуры от государства в коммерцию – коммерциализация культуры с последующим отказом государства от ее контроля. Насколько это уместно в современном мире, который подвергается серьезной трансформации – область для изучения. Россия в этом креативном мире, очевидно, должна ориентироваться на какие-то собственные показатели, так как ориентация на показатели и оценки недружественных государств не могут положительно повлиять на развитие самобытной культуры и становление суверенного государства.

Комментарии

1. (5,6,7). В статье используются данные Исследовательского центра АКАР/РАМУ/АРИР, полученные в результате кабинетных исследований по теме креативных индустрий под руководством автора. akarusia.ru
2. Невостребованные продукты (unsought goods) – это товары пассивного спроса, товары, о которых потребитель не знает или не задумывается об их покупке. Классическими примерами таких товаров являются различные новинки типа индикаторов дыма, приспособления для удаления чашелистиков, кухонные машины для переработки пищевых отходов, страхование жизни, могильные участки и надгробия, т.д.
3. Комодитис (commodities) – это сельскохозяйственные продукты, такие как пшеница и крупный рогатый скот, энергетические продукты, такие как нефть и природный газ. К комодитис относятся металлы, такие как золото, серебро и алюминий, а также такие товары, как сахар, хлопок, какао и кофе.
4. Дополнительные товары (complementary goods) – это защитные чехлы и стекла для смартфонов, картриджи для принтеров, чехлы для ноутбуков, силиконовые протекторы для мебели (толы, стулья), т.д.

Литература

1. Абанкина Т. В., Николаенко Е.А. Перспективы развития креативных индустрий в России // В кн.: IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том XV. Тематическая конференция «Экономика культуры» (сборник материалов) / Сост.: Т.В. Абан-

- кина, А.В. Мацкевич, В.Ю. Музычук. Т. XV: Тематическая конференция «Экономика культуры». – М.: [б.и.], 2020. – С. 75–79.
2. Абанкина Т. В., Николаенко Е.А., Романова В.В. Экономический потенциал сферы культуры и досуга в России и странах ОЭСР // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 46. № 2. С. 98–117.
 3. Клоудова Й. Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы / Й. Клоудова. – Текст: непосредственный // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 5. – С. 110–125.
 4. Креативная экономика Москвы в цифрах / В.В. Власова, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 108 с.
 5. Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов. – Текст: электронный // GCI: [сайт]. – URL: <https://gcii.hse.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
 6. Хезмондалш Д. Культурные индустрии/пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалева / Д. Хезмондалш. – Текст: непосредственный // – Москва: Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. – С. 14–16.
 7. Хестанов Р.З. Креативные индустрии–модели развития // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 173–196.
 8. Department for Digital, Culture, Media & Sport. – Текст: электронный // Gov.uk: [сайт]. – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/departement-for-digital-culture-media-sport> (дата обращения: 19.02.2024).
 9. Flew T. Creative industries and urban development: creative cities in the 21st century / T. Flew. – 605 Third Avenue New York NY 10017: Routledge, 2013. – 96 с. – Текст: непосредственный.
 10. Florida R. The rise of the creative class / R. Florida. – New York: Basic books, 2002. – 434 с. – Текст: непосредственный.
 11. Freeman A. Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour / A. Freeman. – Handbook of the International Political Economy of Production. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 352–375 с. – Текст: непосредственный.
 12. Higgs Peter Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? / Peter Higgs. – Текст: электронный // Tandfonline: [сайт]. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1 (дата обращения: 19.02.2024).
 13. John Howkins The Creative Economy: How People Make Money from Ideas / Howkins John. – First published 2001. Revised 2007. Second Edition 2013. – London: Allen Lane (Penguin Books Ltd.), 2001. – 288 с. – Текст: непосредственный.
 14. Peter Coy. The Creative Economy Which companies will thrive in the coming years? Those that value ideas above all else / Coy Peter. – Текст: электронный // Bloomberg: [сайт]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy> (дата обращения: 19.02.2024).
 15. Van D.J. The culture of connectivity: A critical history of social media / D.J. Van. – 198 Madison Avenue New York NY 10016: Oxford University Press, 2013. – 240 с. – Текст: непосредственный.

CREATIVE INDUSTRIES: CULTURAL, SOCIAL, ECONOMIC AND MEDIA COMMUNICATION BASICS OF ACTIVITY

Vasilyev N.A.

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Institute of Sociology RAS

This article is an introductory component for immersion in the topic of creative industries – an important phenomenon in the development of modern sociocultural, economic and media communications. Moreover, creative industries as a set of areas of economic activity are considered as an integral part of the modern post-industrial economy. The parameters for the development of creative industries are considered as the most important components of the economic development of countries and are the subject of regular assessment and comparison. The world has not yet created a unified definition of creative industries at the same time. The original term “cultural industries” is still used. In some countries a double designation is used “cultural and creative industries”, for example in China. The confusion in the concepts is caused by the vagueness of the term. The definition is also greatly influenced by the characteristics of national economies which differ significantly in different countries of the world in their historical, technical and technological development. Several research centers are involved in the assessment and standards of creative industries in Russia, but the greatest contribution to the development of this area is made by the National Research University Higher School of Economics. The following authors can be identified specializing in this topic: R.Z. Khestanov, T.V. Abankina, E.A. Nikolaenko, V.V. Romanova, I.V. Shcherbakova, V.V. Vlasova and many other employees of the Higher School of Economics, RANEPa and other scientific centers. One of the latest significant works on the topic of “creative industries” on the Russian market is “Rating of investment attractiveness of world cities – 2023”.

Keywords: creative class; culture; cultural industries; creative industries; advertising; factors of creative industries.

References

1. Abankina T.V., Nikolaenko E.A. Prospects for the development of creative industries in Russia // In the book: IV Russian Economic Congress “REC-2020”. Volume XV. Thematic conference “Economics of Culture” (collection of materials) / Compiled by: T.V. Abankina, A.V. Matskevich, V. Yu. Muzychuk. T. XV: Thematic conference “Economics of Culture”. – M.: [b.i.], 2020. – P. 75–79.
2. Abankina T.V., Nikolaenko E.A., Romanova V.V. Economic potential of the sphere of culture and leisure in Russia and OECD countries // *Journal of the New Economic Association*. 2020. T. 46. No. 2. P. 98–117.
3. Kloudova J. The influence of the development of a creative economy on economically backward regions / J. Kloudova. –

Text: immediate // *Journal of the New Economic Association*. – 2010. – No. 5. – P. 110–125.

4. Creative economy of Moscow in figures / V.V. Vlasova, M.A. Gershman, L.M. Gokhberg and others; National research University “Higher School of Economics”. – M.: National Research University Higher School of Economics, 2021. – 108 p.
5. Rating of innovative attractiveness of world cities. – Text: electronic // GCI: [website]. – URL: <https://gci.hse.ru> (access date: 02/15/2024).
6. Hezmondhalsh D. Cultural industries/trans. from English I. Kushnareva; under scientific ed. A. Mikhaleva / D. Hezmondhals. – Text: direct // – Moscow: Nat. Research University “Higher School of Economics”, 2014. – pp. 14–16.
7. Khestanov R.Z. Creative industries–models of development // *Sociological Review*. – 2018. – T. 17. – No. 3. – pp. 173–196.
8. Department for Digital, Culture, Media & Sport. – Text: electronic // Gov.uk: [website]. – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-digital-culture-media-sport> (access date: 02/19/2024).
9. Flew T. Creative industries and urban development: creative cities in the 21st century / T. Flew. – 605 Third Avenue New York NY 10017: Routledge, 2013. – 96 p. – Text: direct.
10. Florida R. The rise of the creative class / R. Florida. – New York: Basic books, 2002. – 434 p. – Text: direct.
11. Freeman A. Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labor / A. Freeman. – Handbook of the International Political Economy of Production. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 352–375 p. – Text: direct.
12. Higgs Peter Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? / Peter Higgs. – Text: electronic // Tandfonline: [website]. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1 (access date: 02/19/2024).
13. John Howkins The Creative Economy: How People Make Money from Ideas / Howkins John. – First published 2001. Revised 2007. Second Edition 2013. – London: Allen Lane (Penguin Books Ltd.), 2001. – 288 p. – Text: direct.
14. Peter Coy. The Creative Economy Which companies will thrive in the coming years? Those that value ideas above all else / Coy Peter. – Text: electronic // Bloomberg: [website]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy> (access date: 02/19/2024).
15. Van D.J. The culture of connectivity: A critical history of social media / D.J. Van. – 198 Madison Avenue New York NY 10016: Oxford University Press, 2013. – 240 p. – Text: direct.

Вашкевич Наталья Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии ОУП ВО
«Академия труда и социальных отношений»
E-mail: vladimir-evrostroy@mail.ru

В статье представлены подходы к определению понятия «управленческая культура». Выделены компоненты управленческой культуры и определены ее сущностные черты. Рассмотрена специфика управленческой культуры в учреждениях сферы образования. Выделены недостатки практики управления учреждениями образования. Сделаны выводы об отсутствии системного подхода, о недостаточной прозрачности управленческих механизмов, об ограниченном использовании современных методов и технологий, об отсутствии управленческих компетенций у руководителей учреждений. Сделано предположение о необходимости вовлечения в управление всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: учреждение образования, управленческая культура, управленческие компетенции, корпоративизация, педагог, обучающийся

В современном научном массиве имеется множество подходов к интерпретации сущности термина «управленческая культура». Рассмотрим некоторые из них. Д.Г. Передня предлагает следовать аксиологическому подходу и определять управленческую культуру как меру гуманизации предприятия. В контексте подобного подхода во главу угла ставится процесс воспитания сотрудников организации, формирования их ценностных ориентаций и мировоззренческих ориентиров. По мнению автора, целью стратегий по формированию управленческой культуры выступает объединение всех членов коллектива и формирование у них целостных общих представлений о миссии компании, о ее жизни, ее перспективах. Подобные задачи достигаются достаточно сложно, ведь сотрудники могут быть представителями разных поколений, этносов, носителями разных статусов [8, с. 125].

С.А. Ильиных и Н.А. Бондаренко, в свою очередь, предлагают два способа определения управленческой культуры: в рамках аксиологического подхода и с позиции менеджмента. Во-первых, управленческую культуру можно рассматривать как «совокупность ценностей, взглядов, взаимоотношений, единых для всего коллектива, устанавливающих нормы их поведения», а во-вторых – как ключевой компонент в достижении управленческих целей, повышении эффективности, в управлении инновациями [4, с. 146].

Я.М. Аншба предпринимает попытку объединить два подхода и предлагает следующую дефиницию: «управленческая культура – это совокупность ценностей, убеждений, отношений, общих для всех сотрудников данной организации, предопределяющих нормы их поведения», при этом даже при отсутствии прямых инструкций управленческая культура определяет способ взаимодействия людей и определяет скорость и качество их работы [1, с. 76]. Согласимся с автором в том, что определять управленческую культуру следует нейтрально, а не трактовать ее исключительно как положительный, конструктивный феномен: управленческая культура может как идти на пользу развития компании, так и работать против нее, создавать барьеры, препятствовать модернизации, увеличивать степень бюрократизации бизнес-единицы [1, с. 76].

Т.О. Третьякова определяет управленческую культуру как многокомпонентную формацию, включающую в себя политическую, правовую, административную, менеджерскую, организационную, социально-психологическую, информационную, коммуникативную и экономическую культуры [10, с. 269].

Д.Г. Передня также говорит о том, что управленческую культуру не следует отождествлять со стилем руководства или культурой управления руководителя: «творцами управленческой культуры в той или иной степени становятся все члены организации». Управленческая культура находит свое первичное воплощение на индивидуальном уровне, но в последующем совокупность индивидуальных представлений складывается в единый конструкт – управленческую культуру организации [7, с. 5]. Отсутствие представлений об управленческой культуре у одного из сотрудников не разрушает управленческую культуру, но может существенно ослабить ее.

Д.А. Почевалов считает, что ключевой чертой управленческой культуры российских бизнес-единиц и учреждений является ее преемственность, опора на предыдущий опыт корпоративного управления. В таком контексте (назовем этот подход историческим) автор определяет управленческую культуру как группу мыслительных и поведенческих феноменов, которые устойчиво воспроизводятся из поколения в поколение руководителями [9, с. 87]. В России можно увидеть – нередко в рамках одной компании – столкновение двух культур – отсталой авторитарной и прогрессивной зарубежной. В первом случае управленческая культура испытывает на себе бремя традиций управленческих практик прошлого, а во втором она активно осваивает современные тенденции развития.

Традиционные управленческие культуры зачастую выстраиваются по вертикальной иерархии, для которой свойственна сильная централизация власти и бюрократия. Современные управленческие культуры в большей степени горизонтальны. Более того, на сегодняшний день в научной литературе можно часто встретить мнение о том, что вертикальная структура в чистом виде является собой патологию руководства, и при более глубоком анализе можно выявить, что именно она становится источником всех аномалий в организации. Тем не менее, горизонтальных структур в чистом виде также не бывает: как отмечает Д.А. Почевалов, управленческая культура по определению не может не быть вертикальной, так как ее суть составляют иерархические отношения подчинения [9, с. 88]. Возможно, учитывая вышеизложенные тезисы, управленческую культуру можно рассматривать как результат процесса поиска баланса между вертикальной и горизонтальной моделями управления бизнес-единицей.

Все чаще термин «управленческая культура» употребляется не только в отношении предпринимательских структур, но и в отношении учреждений социаль-

ной направленности – органов власти, медицинских учреждений и учреждений образования. При этом в науке еще не накоплено достаточного количества теоретических и прикладных разработок в области управленческой культуры учреждений подобного рода, но, при этом, в реальной практике их руководители уже начинают внедрять те или иные концепции управленческой культуры.

Особый интерес представляет рассмотрение управленческой культуры учреждений образования. Среди различных тенденций современной сферы образования в нашей стране особенно отчетливо проявляется тенденция корпоративизации. Корпоративизация учреждений образования связана с законодательными требованиями к унификации внутриорганизационной деятельности, с распространением универсальных технологий менеджмента в сфере образования, со включением современных образовательных структур – детских садов, школ, вузов и проч. – в конкурентные отношения на всех уровнях социальной организации. Так, к примеру, В.П. Бабинцев и Я.И. Серкина отмечают: «современный вуз активно включается в борьбу за ресурсы с научными организациями (что довольно естественно и понятно) и даже с субъектами экономической деятельности» [2, с. 16].

Управленческая культура образовательного учреждения, по сути, определяется как экстраполяция понятия «управленческая культура», и отличается лишь той спецификой, которая характерна для педагогической деятельности [3, с. 45]. Е.С. Загорюлько указывает на то, что в формировании управленческой культуры учреждения образования возникают противоречия между акторами и их интересами – администрация, педагоги, обучающиеся, их родители. Только в случае разрешения противоречий можно будет говорить о формировании управленческой культуры [3, с. 46].

Управленческую структуру учреждения образования можно представить в виде структуры со следующими компонентами (Таблица 1).

Таблица 1. Компоненты управленческой структуры учреждения образования

Компонент	Актеры, реализующие компонент	Содержание
Когнитивный	Администрация, педагоги	Совокупность управленческих знаний, знание нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность учреждения; основ менеджмента; основ психологии и педагогики; знание современных образовательных технологий и тенденций развития системы образования; знание норм профессиональной этики и проч.
Аксиологический	Администрация, педагоги, обучающиеся	Мировоззрение руководителя, администрации, педагогов, обучающихся в отношении человеческих ценностей; мотивация достижения.
Креативный	Администрация, педагоги	Наличие у всех акторов организаторских способностей; навыков управленческой деятельности; креативности, мобильности и стратегического мышления.
Коммуникативный	Администрация, педагоги, обучающиеся	Культура общения, гуманистическая направленность общения; применение гуманных методов мотивации и стимулирования участников образовательного процесса; наличие единой, слаженной команды, куда входят как руководство учреждения, так и педагоги, а также сами учащиеся.
Рефлексивный	Администрация, педагоги	Процесс критического осмысления и анализа собственных управленческих действий.
Имиджевый	Администрация	Положительный социальный имидж учреждения образования.

Примечание: собственная разработка с использованием материалов [6, с. 47].

Анализ современной научной литературы в рассматриваемой нами предметной области, а также наблюдение за управленческими практиками в сфере образования позволяет сделать вывод о наличии ряда недостатков, в той или иной мере присущих абсолютному

большинству отечественных учреждений образования (Рисунок 1).

Одним из основных недостатков является отсутствие системного подхода к управлению, что приводит к фрагментарности процессов принятия решений и недо-

статочной координации деятельности различных структурных подразделений. Это может сказываться на эффективности реализации стратегических целей вуза и достижении высоких результатов в образовательной деятельности.

Кроме того, часто наблюдается недостаточная прозрачность и открытость в функционировании системы управления – этот факт может сказаться на повышении уровня коррупции в учреждении образования (особенно в вузах) и, соответственно, породить недовольство со стороны самих обучающихся и их родителей, преподавателей и других заинтересованных сторон. Это в свою очередь может оказывать негативное влияние на репутацию учреждения и уровень доверия общества к его деятельности.

Рис. 1. Недостатки управленческой культуры отечественных учреждений образования

Примечание: источник – собственная разработка

Еще одним значимым недостатком является недостаточное использование современных методов и технологий в управлении образовательными процессами. Недостаточное внедрение информационных систем и цифровых инструментов может препятствовать оптимизации работы учреждения образования и повышению доступности образовательных услуг.

Также следует отметить недостаточное развитие лидерских качеств и управленческих компетенций у руководителей в сфере образования. Это может негативно сказываться на качестве принимаемых решений, способствовать возникновению конфликтов в коллективе, тормозить развитие и модернизацию учреждения. Т.О. Третьякова говорит о том, что руководители учреждений образования недостаточно подготовлены к активной управленческой деятельности. Зачастую они выступают носителями низкого уровня мировоззренческой, нравственной, политической, правовой, производственной, экономической и управленческой культур [10, с. 268]. По этой причине необходимость подготовки высокопрофессиональных руководителей, способных осуществлять квалифицированное управление в сфере об-

разования, является открытым и весьма дискуссионным вопросом.

Данная проблема усугубляется недостаточностью финансирования и ресурсного обеспечения вузов. Ограничения в средствах могут стать препятствием для реализации стратегических планов развития, обновления образовательной базы и привлечения высококвалифицированных кадров.

Руководство многих структур в сфере образования уделяет недостаточное внимание к вопросам инновационного развития и адаптации к изменяющимся образовательным трендам. Консервативность управленческой структуры учреждения образования не позволяет ему внедрять новые методики обучения, технологические инновации и изменять структуру образовательных программ, что приводит к отставанию от мировых стандартов и снижению конкурентоспособности школы, вуза или иного учреждения на образовательном рынке.

Также можно говорить о недостаточной поддержке инициативности среди педагогов и обучающихся. Отсутствие стимулов для творческого мышления и саморазвития может привести к застою и утрате потенциала учреждения в различных областях. При этом, как отмечает Ю.А. Митяшева, для введения новшеств руководство учреждения должно заниматься социальной мотивацией, так как сотрудники любой сферы деятельности (и в особенности – педагоги) обычно тяжело воспринимают любого рода инновации [5, с. 20].

Следуя традиционным представлениям об управлении учреждениями образования и об управлении как таковом, руководители школ и вузов считают, что менеджмент учреждения выступает исключительной прерогативой и ответственностью их самих. В данной связи наблюдается недостаточное вовлечение обучающихся и педагогов в процесс принятия управленческих решений. Отсутствие механизмов для активного участия в академическом и управленческом процессе может привести к разобщению членов образовательного сообщества и снижению мотивации к достижению общих целей.

Наконец, следует отметить отсутствие в учреждениях образования эффективной системы диагностики, оценки и мониторинга качества управления. Не выработано единой официальной методики для диагностики управленческой культуры, не имеется действенных механизмов обратной связи от всех участников образовательного процесса – все это затрудняет процесс улучшения и оптимизации управленческой деятельности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Анализ различных подходов к пониманию управленческой культуры отображает многообразие трактовок данной категории в современном научном дискурсе. Значительная часть исследователей склоняется к аксиологическому подходу, выделяя ценностные аспекты и гуманизацию предприятия как ключевые составляющие управленческой культуры. Другие же ученые предпочитают рассматривать управленческую культуру с позиций менеджмента, подчеркивая ее роль в достижении стратегических целей и повышении эффективности бизнес-единиц. Имеются также попытки объединения различных подходов. Для полного понимания управленческой культуры важно учитывать ее многокомпонентный характер.
2. Особый интерес вызывает применение термина «управленческая культура» в отношении образовательных учреждений. Однако, несмотря на активное внедрение концепций управленческой культуры, тео-

ретических и прикладных разработок в этой области все еще недостаточно.

3. В практике управления учреждениями образования выявлены значительные недостатки. Отсутствие системного подхода, недостаточная прозрачность управленческих механизмов, ограниченное использование современных методов и технологий, отсутствие управленческих компетенций у руководителей – все это затрудняет эффективное управление образовательными учреждениями. Требуется, помимо прочего, вовлекать в управление всех участников образовательного процесса, а также разрабатывать методики мониторинга и оценки качества управления.

Литература

1. Аншба, Я.М. Управленческая культура в условиях цифровизации / Я.М. Аншба // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2022. – № 1. – С. 74–87.
2. Бабинцев, В.П. Корпоративизация и бюрократизация вуза: причины и субкультурные следствия / В.П. Бабинцев, Я.И. Серкина // Ноосферные исследования. – 2020. – № 3. – С. 14–22.
3. Загоруйко, Е.С. Феномен управленческой культуры в рамках образовательного учреждения / Е.С. Загоруйко // Вестник магистратуры. – 2017. – № 1–1 (64). – С. 45–46.
4. Ильиных, С.А. Управленческая культура бизнес-организаций: социолого-управленческий подход / С.А. Ильиных, Н.А. Бондаренко // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4 (18). – С. 146–152.
5. Митяшева, Ю.А. Возможности интеграции бизнес-моделей управленческой культуры в образовательную систему / Ю.А. Митяшева // Вестник науки. – 2021. – № 10 (43). – С. 19–31.
6. Новикова, Н.В. Изучение сформированности управленческой культуры руководителей дошкольных образовательных организаций / Н.В. Новикова // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 3. – С. 42–51.
7. Передня, Д.Г. Методика исследования управленческой культуры организации / Д.Г. Передня // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 1. – С. 5–10.
8. Передня, Д.Г. Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий / Д.Г. Передня // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1 (846). – С. 123–129.
9. Почевалов, Д.А. Типология управленческих культур / Д.А. Почевалов // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 87–91.

10. Третьякова, Т.О. Управленческая культура в образовательных учреждениях / Т.О. Третьякова // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – № 3 (20). – С. 268–270.

MANAGERIAL CULTURE OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION

Vashkevich N.N.

Academy of Labor and Social Relations

The article presents approaches to defining the concept of “managerial culture”. The components of management culture are identified and its essential features are defined. The specifics of management culture in educational institutions are considered. The shortcomings of the management practice of educational institutions are highlighted. Conclusions were drawn about the lack of a systematic approach, the lack of transparency of management mechanisms, the limited use of modern methods and technologies, and the lack of management competencies among heads of institutions. An assumption has been made about the need to involve all participants in the educational process in the management.

Keywords: educational institution, managerial culture, managerial competencies, corporatization, teacher, student.

References

1. Anshba, Ya.M. Management culture in the conditions of digitalization / Ya. M. Anshba // Communicology: electronic scientific journal. – 2022. – No. 1. – P. 74–87.
2. Babintsev, V.P. Corporatization and bureaucratization of a university: causes and subcultural consequences / V.P. Babintsev, Ya.I. Serkina // Noosphere Research. – 2020. – No. 3. – P. 14–22.
3. Zagorulko, E.S. The phenomenon of management culture within the framework of an educational institution / E.S. Zagorulko // Bulletin of the magistracy. – 2017. – No. 1–1 (64). – pp. 45–46.
4. Ilyinykh, S.A. Management culture of business organizations: sociological and managerial approach / S.A. Ilyinykh, N.A. Bondarenko // Ideas and ideals. – 2013. – No. 4 (18). – pp. 146–152.
5. Mityasheva, Yu.A. Possibilities for integrating business models of management culture into the educational system / Yu.A. Mityasheva // Bulletin of Science. – 2021. – No. 10 (43). – P. 19–31.
6. Novikova, N.V. Studying the formation of management culture of leaders of preschool educational organizations / N.V. Novikova // Pedagogical education in Russia. – 2022. – No. 3. – P. 42–51.
7. Perednya, D.G. Methodology for studying the management culture of an organization / D.G. Perednya // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – No. 1. – P. 5–10.
8. Perednya, D.G. Management culture and management culture: on the issue of delimitation of concepts / D.G. Perednya // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2022. – No. 1 (846). – pp. 123–129.
9. Pochevalov, D.A. Typology of management cultures / D.A. Pochevalov // Knowledge. Understanding. Skill. – 2008. – No. 3. – pp. 87–91.
10. Tretyakova, T.O. Management culture in educational institutions / T.O. Tretyakova // ANI: pedagogy and psychology. – 2017. – No. 3 (20). – pp. 268–270.

Принцип коммуникативности в обучении иностранных языков

Денисова Ольга Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: d.olga@mail.ru

Статья посвящена проблеме коммуникативного обучения иностранному языку. Коммуникативная лингвистика как современное направление в языкознании позволяет преодолеть сложившиеся трудности. При решении методических задач учитывается принцип коммуникативной направленности. Каждая грамматическая единица языка рассматривается в качестве выполняемой ею функции в процессе коммуникации. Текст рассматривается в «коммуникативном пространстве», как основная коммуникативная единица высшего уровня. Система языка и текст тесно связаны при коммуникативном подходе. Работа со связным текстом происходит по законам контаминации и компрессии. Приведенные примеры указывают на такие грамматические категории, как полная и краткая формы причастий, действительный и страдательный залоги, отадективные и отвербативные существительные. Выбор текста в качестве основной единицы материала позволяет сгруппировать языковой материал таким образом, что становится возможным увидеть каждую языковую единицу в свете выполняемых ею функций в построении текста, в ее естественной связи с другими единицами.

Ключевые слова: коммуникация, лингвистика, речевая деятельность, грамматическая система языка, текст.

Введение

Принцип коммуникативной направленности обучения иностранным языкам, в том числе русскому как иностранному, выдвинутый современной методикой, признан в настоящее время главным. Согласно этому принципу учащиеся обучаются речевой деятельности на иностранном языке, и при построении системы обучения следует учитывать этот принцип.

Для построения системы обучения речевой деятельности необходимо соответствующее целям обучения описание языка. Эту задачу может решить коммуникативная лингвистика, рассматривающая язык в его реальном функционировании, в аспекте выполнения их коммуникативных задач. Коммуникативная лингвистика – это направление в современной лингвистике, которое рассматривает в качестве единиц коммуникации различные коммуникативные акты: просьба, вопрос, убеждения и другое, коммуникативная значимость элементов которых проявляется в связном тексте [10].

Построение коммуникативно направленной системы обучения требует учета психолингвистических закономерностей порождения и восприятия речи. Все это создает основу для решения методических задач – задач по методическому структурированию языкового материала, построению системы упражнений, обеспечивающих предметные действия с этим материалом, и формирование на их основе умственных действий.

Коммуникативное описание языка – это такое описание, при котором каждая единица языка рассматривается с точки зрения выполняемых ее в процессе коммуникации функций. «Коммуникативный аспект языка требует глобального описания самостоятельных единиц коммуникации, начиная от предложения и кончая текстом в его неразрывном единстве содержательной и материальной сторон <...> В понятие коммуникативной лингвистики включается... определение всех языковых категорий, структуры и системы в аспекте выполнения ими коммуникативных задач всем наличным арсеналом средств» [6, с. 57–58].

Такое описание языка может быть осуществлено через текст, понимаемый в общем виде как цепочка предложений, объединенных общим замыслом коммуникатора. Текст выбирается в качестве основной единицы организации материала, и ему подчиняется описание всех других единиц, функции которых выявляются в тексте.

Основные результаты и обсуждение

Выбор текста в качестве основной единицы определяется следующими факторами: 1) коммуникация реализуется в тексте, который и представляет собой законченную единицу коммуникации; 2) основной единицей, с которой учащиеся имеют дело на продвинутом этапе обучения, является текст, и наша цель при обучении – выработать соответствующие навыки и умения, обеспечивающие адекватное восприятие и порождение текстов определенного (заданного) типа и уровня сложности в определенных, необходимых данному контингенту учащихся условиях коммуникации.

Текст – явление чрезвычайно сложное, имеющее разные аспекты рассмотрения, и для порождения и восприятия текста необходимо овладение механизмами различного рода.

В русле идей современного этапа коммуникативного подхода к тексту «текст понимается на основе принципа коммуникативности и рассматривается в коммуникативном пространстве» [3, с. 30].

С одной стороны, текст репрезентирует некоторый фрагмент действительности, опосредованно (через язык) отражая свойства, связи и отношения предметов и явлений этого отрезка действительности. Отсюда вытекает необходимость знания того, как соотносятся единицы языка и соответствующие явления связи внеязыковой действительности, какие существуют закономерности соотношения между лексико-грамматической структурой высказывания и структурой фрагмента действительности. Способ описания этого фрагмента действительности, репрезентируемого текстом, зависит и от намерений коммуникатора, которые определяются рядом факторов, в том числе и его ориентацией на конкретного реципиента.

С другой стороны, развертываясь во времени и пространстве по законам контаминации и компрессии, текст как языковое явление представляет собой цепочку предложений, объединенных общим замыслом. Под контаминацией понимается один из основных законов построения связного текста, проявляющийся в том, что каждое последующее предложение включает в себя информацию предыдущего, и содержится эта информация в теме последующего предложения. Сущность другого закона – закона компрессии – заключается в устранении повторяющейся информации, содержащейся в теме предложения, которая и подвергается компрессии [7]. Этими закономерностями развертывания текста и необходимо овладеть учащимся, причем как в рецептивных, так и в продуктивных видах речевой деятельности.

При реализации коммуникативного подхода неизбежно возникает вопрос: как соотносится текст и грамматическая система языка?

«Так как система языка и текст – явления далеко не тождественные, хотя и тесно связанные друг с другом, то каждый из этих компонентов... характеризуется своими свойствами и управляется своими законами. Однако поскольку система языка связана с действительностью через текст, постольку она должна быть, в конечном счете, им обусловлена, ибо, функционируя в тексте, система языка призвана удовлетворять требованиям построения текстов, следовательно, текст должен обладать объяснительной силой в отношении языка» [7, с. 143].

Действительно, многие языковые явления могут быть удовлетворительно объяснены лишь с точки зрения их функционирования в тексте. Так, краткие формы прилагательных и причастий, будучи предназначены для выполнения предикативной функции, в процессе развертывания текста по принципу контаминирования трансформируются собственно в полные формы. Например: *Электронная энергия атомных электростанций получена благодаря энергии ядерных реакций. Полученная электроэнергия остается в мире основным источником энергии.*

«Как тематический компонент, прилагательное (в широком смысле слова, причем имеется в виду полная форма) указывает на содержание предшествующей части текста, и, следовательно, выполняет в данном предложении деривационные функции. С его помощью производится фиксирование деривационной истории предложения, что в разнообразных условиях коммуникации представляется немаловажным для понимания смысла текста» [7, с. 146].

К числу языковых категорий, функции которых могут быть выявлены с позиций текста, относится также залог. Залоговые формы обеспечивают возможность опи-

сания двухактной ситуации при изменении темы текста. Например: *Строительная деятельность удовлетворяет потребности общества* – при теме «Строительная деятельность» – и *Потребности общества удовлетворяются строительной деятельностью* – при теме «Потребности общества».

Когда языковые явления рассматриваются сквозь призму текста, находят свое естественное место в системе обучения и многие явления словообразования. Так, например, функция отадекативных и отвербативных имен естественно раскрывается в процессе развертывания текста. С помощью этих слов осуществляется путем номинализации преобразование предшествующего предложения в тему последующего: 1) *Железобетон прочен и долговечен. Прочность и долговечность железобетона являются главными характеристиками.* 2) *Термин «инжиниринг» появился в русском языке в 1990-х годах. Появление этого термина связано с фирмами, деятельность которых была направлена на оказание инженерных услуг.*

Хотя текст является основной коммуникативной единицей высшего уровня, предложение как минимальная составляющая текста также естественным образом должно найти свое место в практической грамматике.

Текст состоит из предложений, то есть предложений текста, каждое из которых может быть соотнесено с системно-структурной единицей, моделью предложения. Текстовые варианты модели могут отличаться друг от друга порядком слов, интонацией, наличием или отсутствием распространителей модели и другими признаками. Число текстовых вариантов модели может быть достаточно велико, но в тексте каждого типа реализуется лишь ограниченное количество этих вариантов.

Модель предложения, его предикативная основа, понимается как минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением («Предмет и его признак», «Лицо и его действие», «Процесс и его признак» и т.д.). Одно и то же типовое значение выражается рядом синонимичных моделей, содержащих те же, но иначе оформленные компоненты. Среди этих синонимичных моделей выделяется первичная, отличающаяся нейтральностью и экономичностью построения. Модели предложений представлены в их регулярных модификациях – фазисных и модальных. Параллельно рассматриваются различные способы распространения, а также осложнения моделей.

Следует отметить, что одним из важных моментов, которые необходимо иметь в виду при коммуникативном подходе к языку, является проблема соотношения явлений языка / речи и внеязыковой действительности. В связи с этим описание языка в коммуникативном плане в целях обучения должно стремиться к максимальному выявлению соотношенности явлений языка / речи и отражаемых в них явлений внеязыковой действительности. Здесь встает проблема различных способов номинации, называния элементов ситуаций, способов описания реальных ситуаций, то есть членения определенного отрезка действительности средствами языка.

Тема текста, совпадающая в простейшем случае – при снятии всех осложнений и выборе объективного способа представления научной информации – с его заголовком, является одним из основных структурирующих моментов научного текста. Типовой научный текст понимается как реализация всех синтаксических возможностей слова-темы. Это представление базируется на положении об обусловленности синтаксических свойств слова спецификой его семантики. В основе этого лежит понятие синтаксической формы слова в соответствии

с концепцией Г.А. Золотовой [5]. В связи с текстом рассматриваются все синтаксические формы слова-темы и модели предложений, в составе которых они выступают. Возможные предикаты при слове-теме в позиции предиктируемого компонента также обусловлены категориальными свойствами семантики слова-темы. Таким образом, классификация предикатов является вторичной.

Заключение

Выбор текста в качестве основной единицы материала позволяет сгруппировать языковой материал таким образом, что становится возможным увидеть каждую языковую единицу в свете выполняемых ею функций в построении текста, в ее естественной связи с другими единицами. Подход с позиций текста дает возможность показать взаимодействие и иерархию языковых единиц, представленных в их функционировании. Понимание текста как структуры, в которой все составляющие, все языковые единицы взаимосвязаны и необходимы, позволяют органично, в системе описать многие явления языка, которые при других подходах оказываются в разных системах. Например, наречия (в широком смысле слова, то есть в функциональном плане, включая детерминанты различной формальной структуры) могут быть систематизированы в речи с функциональной, коммуникативной точки зрения, с позиций текста. При этом выявляется их функциональная необходимость в тексте определенной структуры. Например: *Гипс обычно белого цвета. Часто гипс бесцветен и прозрачен. Иногда он серый, желтоватый.* В данном случае представлен фрагмент текста (микротекст), который может быть охарактеризован как нестрогая классификация предмета (вещества) на основании одного из признаков (цвета).

Таким образом, одним из условий успешного осуществления принципа коммуникативности в обучении является соответствующий способ представления и организации языкового материала. Описание языковых единиц в их взаимосвязи и взаимодействии в аспекте выполнения ими коммуникативных задач позволяет создать необходимую базу для организации системы учебных действий при обучении языку. В заключении следует подчеркнуть, что для полной и успешной реализации принципа коммуникативности необходимо, чтобы он пронизывал все компоненты системы обучения, в том числе и такой важный компонент содержания обучения, каким является содержание учебного предмета, то есть определенным образом организованный языковой материал на всех этапах его выделения, описания и формирования.

Литература

1. Антонова Е.Н., Зацепина Е.А. Языковой дискурс на занятиях русского языка как иностранного в неязыковом вузе. – Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2019, № 3 (103). – С. 211–219.
2. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект языковых единиц художественного текста. – Вестник Новгородского государственного университета, 2008, № 49 – С. 44–48.
3. Борковская И.Ф. Текст как инструмент языковой коммуникации, 2014. <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-instrument-yazykovoy-kommunikatsii/viewer>
4. Жуковская Е.Е., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. Функциональный синтаксис как лингвистическая основа практической грамматики русского языка для

студентов-иностранцев. – Русский язык за рубежом, 1979, № 4.

5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. С. 3
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. Серия: Лингвистическое наследие XX века. Издательство: ЛКИ, 2007. 176 с.
7. Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности. // Деривация в речевой деятельности. Пермь, 1990. – С. 4–10.
8. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. 2009
9. Панченко Н.В. Текст в коммуникации: материалы к учебному пособию для студентов магистратуры. – Филология и человек, 2014, № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-v-kommunikatsii-materialy-k-uchebnomu-posobiyu-dlya-studentov-magistratury-vvedenie/viewer>
10. Щукин А.Н. Методика использования аудиовизуальных средств (при обучении русскому языку как иностранному) в вузе. М.: Рус. яз., 1981. 128с.

THE PRINCIPLE OF COMMUNICATIVITY IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Denisova O.E.

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

This article is devoted to the problem of communicative learning of a foreign language. Communicative linguistics as a modern direction in linguistics allows you to overcome the current difficulties. When solving methodological problems, the principle of communicative orientation is taken into account. Each grammatical unit of the language is considered as a function performed by it during communication. The text is considered in the “communicative space,” as the main communicative unit of the highest level. The language system and text are closely related in a communicative approach. Work with a coherent text takes place according to the laws of contamination and compression. The examples given point to grammatical categories such as complete and short forms of participles, active and passive voices, otadjective and outrigger nouns. Selecting text as the main unit of material allows you to group language material in such a way that it becomes possible to see each language unit in the light of its functions in building text, in its natural connection with other units.

Keywords: communication, linguistics, speech activity, grammatical system of language, text.

References

1. Antonova E.N., Zatssepina E.A. Language discourse in the classes of the Russian language as a foreign language at a non-linguistic university. – Bulletin of the I. Ya. Yakovlev ChSPU, 2019, No. 3 (103). – P. 211–219.
2. Bakalova Z.N. Functional and kummunicative aspect of the language units of the artistic text. – Bulletin of Novgorod State University, 2008, No. 49- P. 44–48.
3. Borkovskaya I.F. Text as a tool of language communication, 2014. <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-instrument-yazykovoy-kommunikatsii/viewer>
4. Zhukovskaya E.E., Leonova E.N., Motina E.I. Functional syntax as the linguistic basis of the practical grammar of the Russian language for foreign students. – Russian language abroad, 1979, No. 4.
5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. Page 3.
6. Kolshansky G.V. Communication function and language structure. Series: Linguistic Heritage of the 20th Century. Publishing house: LKI, 2007. 176 p.
7. Murzin L.N. Linguistic modeling and derivation in speech activity. //Derivation in speech activity. Perm, 1990. – P. 4–10.

8. A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). – M: Publishing house IKAR. E.G. Azimov, A.N. Shchukin. 2009
9. Panchenko N.V. Text in communication: materials for the textbook for master's students. – Philology and Man, 2014, No. 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-v-kommunikatsii-materialy-k-uchebnomu-posobiyu-dlya-studentov-magistratury-vvedenie/viewer>
10. Shchukin A.N. Methodology for the use of audiovisual means (when teaching the Russian language as a foreign language) at a university. M.: Rus. language, 1981. 128p.

Стимулирование креативных индустрий, как индикатор культурно-воспитательной функции государства

Короткова Анастасия Дмитриевна,

аспирант, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: Heynastyak@icloud.com

В статье представлены основные подходы к определению культурно-воспитательной функции государства. Отмечается, что государство, в контексте реализации культурно-воспитательной функции, проводит мероприятия по поощрению творческого труда. Сделан вывод о том, что одним из принципов построения государства должен стать принцип культуроцентризма. Выявлены основные направления реализации данной функции в контексте стимулирования креативных индустрий. Обозначены некоторые трудности в текущих практиках стимулирования креативных индустрий.

Ключевые слова: государство, культурно-воспитательная функция, культура, воспитание, цифровизация, креативные индустрии, креативная экономика.

Тематика соотношения категории «воспитания» и функционирования государственной власти волновала человечество еще с древности. Воспитательная деятельность государства является одной из важнейших тем в истории политико-правовой мысли. К примеру, еще в работах Конфуция можно встретить тезисы о том, что государство выполняет роль воспитателя, приобщая членов общества к мудрости предков через традиции, ритуалы, устои, нормы. Китайская империя была построена на основе воззрений Конфуция, и многие черты конфуцианства просматриваются даже на современном этапе развития Китая. Другие древние цивилизации также обращались к вопросам о принципах и нормах воспитания, воспитательной функции государства. Так, к примеру, в Спарте каждый гражданин считался объектом воспитательного воздействия со стороны государства – только так общество могло стать надежной опорой для государства [3, с. 9].

В современной научной литературе существует несколько подходов к определению воспитательной (культурно-воспитательной) функции государства. Е.С. Жукова, в частности, придерживается деятельностного подхода к дефиниции воспитательной функции и определяет ее как «нормативно регламентированную, организационно-обеспеченную и целенаправленную деятельность государства в духовно-культурной сфере, выражающую сущность и социальное назначение государства» [8, с. 42]. Воспитание необходимо в первую очередь, самим гражданам, ведь «культурное цивилизованное государство – мечта любого общества», а культурное общество, в свою очередь, вступает конечной целью любого государства [8, с. 42]. Воспитание, реализуемое государственной властью, по мнению Е.С. Жуковой, ставит своей целью обеспечение культурных прав и свобод, развитие культурного потенциала страны, сохранение культурного наследия, трансляции накопленных обществом знаний и норм последующим поколениям [8, с. 44]. Схожий подход можно встретить в работах Е.С. Горбатовской [7, с. 25].

В.А. Власов с соавт. указывает, что воспитательная функция государства проявляется в двух основных аспектах (направлениях): нормативно-правовом и психолого-идеологическом. Воспитательная функция реализуется как посредством воспитательного воздействия системы права на общество, так и через психологическое, идеологическое влияние на чувства, сознание и поведенческие паттерны людей [5, с. 14].

Весьма интересные умозаключения представлены в публикациях А.Г. Чернявского: по мнению автора, культурно-воспитательная функция государства становится на сегодняшний день ключевой, ведь ее реализация позволяет обществу совершать переход к лучшему сценарию будущего «в хаосе и кризисе современной эпохи». Воспитание, которым занимается государство, рисует для общества идеал, ориентир, очертания благоустроенной, разумной и справедливой жизни, к которой следует стремиться. Кроме того, исследователь указывает, что культурно-воспитательная функция государства имеет исключительное значение в плане противодействия деструктивным тенденциям современной

эпохи – «унификация народов, исчезновение малых государств, универсальный процесс интеграции», «неудержимое профессиональное и корпоративное движение» и проч. [13, с. 231].

Сам по себе термин «культурно-воспитательная функция» состоит из двух частей – культура и воспитание. Подобная структура позволяет сделать вывод о том, что воспитательное воздействие, оказываемое государством, реализуется через культуру во всех ее формах, выражениях, институтах и практиках.

Многие исследователи высказывают мнение о том, что именно культура определяет успех государства и цивилизации. Культурный уровень граждан в конечном итоге обеспечивает высокую динамику социального, интеллектуального и, как следствие, – экономического развития общества.

В истории нашей страны и других стран имеется немало примеров, иллюстрирующих тесную взаимосвязь уровня культурного развития и цивилизационной динамики. Периоды тяжелых военных конфликтов, резкие экономические рецессии, распада государств часто сопряжены с культурным упадком, кризисом морали и нравственности. Такие периоды, отмечает А.Г. Асмолов, нередко именуют смутными временами [2, с. 2]. Именно в такие периоды происходит «обострение прозрения к ценности социального воспитания масс, дефекты которого прямо или косвенно ассоциируются с крушениями нравственных устоев общества» [2, с. 2].

Культура является основой для развития общественного мышления, ценностей и норм, которые лежат в основе структуры общества. Высокий уровень культуры способствует формированию общества, где права и свободы индивида защищены, общества с высоким уровнем доверия между гражданами и институтами. Такое состояние общественного развития позволяет социуму и власти относительно легко переживать экономические спады, геополитические противоречия, негативные демографические тенденции.

Таким образом, одним из принципов построения государства должен стать принцип культурицентризма. С.С. Комиссаренко говорит о том, что культурицентризм представляет собой особый вектор направленности усилий властных структур-«воспитателей» на формирование ценностного отношения к познанию, выстраиванию диалога, на выработку путей достижения общей цели, на формирование общества высокой культуры [10, с. 37].

В реальной практике реализация культурно-воспитательной функции государства происходит в формате государственных культурных политик и стратегий. В России, к примеру, государственная культурная политика охватывает различные сферы общественной жизни: культурная деятельность, гуманитарные науки, образование, международные и межкультурные взаимосвязи, поддержка культуры за рубежом, трансграничное гуманитарное и культурное сотрудничество, воспитание граждан, просвещение, интенсификация культурных форм детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны, в т.ч. виртуального.

Многие российские исследователи обращаются к вопросам государственной культурной политики с точки зрения воспитания общества. При этом в ряде исследований высказывается критика в отношении властных структур, которым не удается в полной мере реализовать культурно-воспитательный потенциал. Многие из приводимых авторами аргументов, на наш взгляд, вполне разумны. Так, к примеру, В.А. Власов с соавт. указывает на то, что современное информационное пространство заполняется не реалиями жизни граж-

дан, сообщениями о трудовых и культурных достижениях представителей общества, об успехах предпринимательской деятельности, а новостями из мира шоу-бизнеса, криминальными сводками, сведениями априорно негативного характера. Достаточно редко можно увидеть сообщения, к примеру, о вручении наград отличившимся гражданам, о деятельности общественных организаций, предприятий, учреждений – хотя именно так государство должно реализовывать свою культурно-воспитательную функцию [5, с. 15].

Следует отметить, что понимание культурно-воспитательной функции государства не должно сужаться до полного контроля информационно-культурного пространства страны со стороны власти. Государство, пишет Е.С. Горбатовская, «не должно выступать единственным регулятором культуры в обществе»; государство должно поощрять функционирование системы институтов гражданского общества и предлагать адекватные средства поддержки инициатив граждан по участию в культурной и общественной жизни [7, с. 29].

В дискуссиях о формах реализации культурно-воспитательной функции государства все чаще можно встретить такие категории, как «креативные кадры», «креативная экономика», «креативные индустрии». Креативная экономика, по определению Правительства РФ, представляет собой особый тип социально-экономической системы, базисом которой является капитализация интеллектуальной собственности в научной, научно-технической, культурной и в целом творческой деятельности. Креативные индустрии – сферы деятельности, в которых организации и граждане участвуют в процессах «творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью», производя товары и услуги, которые, с одной стороны, обладают экономической ценностью, а с другой – обеспечивают «формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества» [11]. Ю.Н. Гамбеева и С.М. Смей определяют креативные индустрии как «новый тип развития культуры, где объединяющей идеей всегда выступает творческий компонент и культурная инноватика, но при этом высока роль новых технологий и открытий» [6, с. 90].

Государство, в контексте реализации культурно-воспитательной функции, проводит мероприятия по вознаграждению и поощрению творческого труда через различные механизмы: льготы, в т.ч. налоговые, гранты, стипендии, государственные заказы. Все это способствует увеличению мотивации индивидуальных и корпоративных игроков креативных индустрий. Перечень механизмов стимулирования креативных индустрий достаточно широк (Таблица 1):

В стимулировании развития креативных индустрий, таким образом, требуется учитывать не только экономические показатели, такие как объемы производства и экспорта культурной продукции, но и социокультурные, воспитательные, аксиологические аспекты.

Анализ текущих практик стимулирования креативных индустрий показывает наличие нескольких проблем в рассматриваемой нами предметной области. Данные проблемы выступают препятствиями для полноценной реализации культурно-воспитательной функции государства.

Во-первых, следует отметить явную асимметрию в культурных политиках государства. Речь идет о концентрации культурных практик и мероприятий в крупных городах преимущественно европейской части страны. Регионы России демонстрируют явную неравномерность по параметру развития креативных индустрий. Требуется провести оценку территориального распределения

культурных благ по регионам страны и получить сведения о том, «какие регионы развиваются органично, а каким нужна поддержка от государства» [4, с. 8]. Помимо этого, равномерная и систематическая поддержка и стимулирование креативного сектора на государ-

ственном уровне позволит увеличить количество рабочих мест в секторе креативных индустрий, улучшить качество творческого образования, сохранить или даже увеличить прослойку творческой образованной молодежи в России.

Таблица 1. Механизмы реализации культурно-воспитательной функции государства через развитие креативных индустрий

Направление	Механизмы	Примеры реализации
Образование и культурные программы	Государство инициирует проведение программ, нацеленных на образование населения и популяризацию изобразительного искусства, музыки, литературы и других областей культуры и творчества.	Государственная программа «Развитие культуры», проект «Историческая память», национальный проект «Культура», проект «Пушкинская карта» и др.
Финансовая поддержка	Государство оказывает финансовую поддержку культурным организациям, художникам, музыкантам и другим представителям креативных индустрий путем выделения грантов, стипендий, субсидий и других форм поддержки.	Бюджетное финансирование культуры, финансирование сферы культуры на основе партнерского участия государства и корпоративных спонсоров, Президентский фонд культурных инициатив.
Создание культурной инфраструктуры	Государство инвестирует в развитие культурной инфраструктуры, такой как музеи, театры, библиотеки и концертные залы, чтобы обеспечить доступ к культурным мероприятиям для всех слоев населения.	Федеральный проект «Культурная среда», бюджетные инвестиции в реконструкцию исторических памятников и культурных заведений.
Регулирование	Государство модернизирует законодательство, регламентирующее вопросы защиты интеллектуальной собственности, творческой активности и инноваций в креативных отраслях.	Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612–1), Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 2395-р О Концепции развития концертной деятельности в области академической музыки на период до 2025 года, Законопроект о креативных индустриях и др.
Событийная деятельность	Государство участвует в организации фестивалей, концертов, проектов и выставок	Всемирный фестиваль молодежи 2024 г., инициирование и финансирование этнических фестивалей, городских фестивалей, проведенных соревнований и конкурсов творческих работ (сайт «Вершина мастеров») и др. Научные форумы и конференции (XXIV Ясинская международная научная конференции по проблемам развития экономики и общества в Институте развития креативных индустрий ВШЭ 2023 г.).

Примечание: источник – собственная разработка

Стимулирование креативных индустрий со стороны государства преследует несколько задач (Рисунок 1).

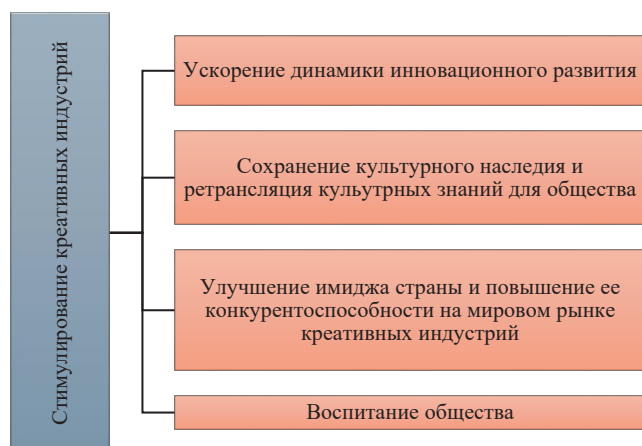

Рис. 1. Задачи стимулирования креативных индустрий со стороны государства

Примечание: источник – собственная разработка

О.Е. Акимова с соавт. выражает схожий тезис: нужно классифицировать регионы на типы – наиболее кре-

ативные, среднекреативные и слабо креативные. Подобная типологизация территорий по уровню развития креативных индустрий позволит как региональным, так и федеральным властям сформировать диверсифицированный подход к разработке инструментария развития и поддержки креативных индустрий [1, с. 112].

Во-вторых, можно отметить, что тогда как культурное офлайн-пространство в большей степени уже охвачено государственными культурными политиками, в режиме онлайн культурное пространство продолжает формироваться хаотически. Образовательный и воспитательный потенциал цифровых сред пока еще используется государством не в полной мере [9]. Р.О. Поточенко говорит о том, что «цифровая среда стала бы благодатной почвой, на которой могла бы действовать более интегрированная, синхронизированная креативная экономика» [12, с. 675]. Интернет-технологии «выступают основным средством получения, хранения и передачи знаний», ведь абсолютное большинство жителей страны уже совершило «переход от Гутенберга к Цукербергу» [10, с. 34].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Воспитательная функция государства направлена на формирование и развитие личности граждан, внедрение в них общепринятых ценностей, норм

и правил поведения, а также на обеспечение общественной стабильности и развития.

- Одним из принципов построения государства должен стать принцип культуроцентризма. В практике реализации культурно-воспитательной функции государства происходит в формате государственных культурных политик и стратегий. Среди направлений реализации культурно-воспитательной функции государства через развитие креативных индустрий можно отметить образовательные и культурные программы, финансирование, создание культурной инфраструктуры, модернизация законодательства, событийная деятельность.
- Анализ текущих практик стимулирования креативных индустрий показывает наличие нескольких проблем в рассматриваемой нами предметной области. К примеру, отмечается асимметрия в культурных политиках государства – концентрация культурных практик и мероприятий в крупных городах. Также можно выделить недостаточность усилий по развитию креативных индустрий в Интернет-пространстве.

Литература

- Акимова, О.Е. Креативные индустрии в России: тенденции развития и потенциал роста / О.Е. Акимова, С.К. Волков, А.Б. Симонов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2022. – № 1. – С. 96–114.
- Асмолов, А.Г. Граждане или подданные: государственная идеология воспитания / А.Г. Асмолов // Образовательная политика. – 2014. – № 4 (66). – С. 2–4.
- Астахова, И. А. О воспитательной функции государства (из истории политико-правовой мысли) / И.А. Астахова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 2 (17). – С. 9–14.
- Бычкова, А.С. Траектории развития креативных индустрий в России / А.С. Бычкова // Вестник науки. – 2022. – № 8 (53). – С. 5–9.
- Власов, В.А. Воспитательная функция государства и воспитательная функция права: соотношение правовых категорий и их роль в механизме правового регулирования / В.А. Власов, С.В. Навальный // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 5 (185). – С. 12–15.
- Гамбеева, Ю.Н. Роль креативных индустрий в социально-экономическом развитии территории / Ю.Н. Гамбеева, В.М. Смей // Вестник ЧелГ У. – 2021. – № 6 (452). – С. 89–96.
- Горбатовская, Е. С. О содержании культурно-воспитательной функции государства / Е.С. Горбатовская // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9 (82). – С. 25–35.
- Жукова, Е.С. Культурно-воспитательная функция государства / Е.С. Жукова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3 (76). – С. 41–48.
- Колодезникова, М.В. Нравственное воспитание в современной культуре / М.В. Колодезникова // Вестник науки. – 2020. – № 12 (33). – С. 14–16.
- Комиссаренко, С.С. Культуроцентристский подход к проблеме дихотомии воспитания и образования / С.С. Комиссаренко // Вестник СПбГИК. – 2021. – № 4 (49). – С. 33–38.
- Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. от 20 сент. 2021 г. № 2613-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/43350/>. – Дата доступа: 26.03.2024.

- Поточенко, Р.О. Перспективы развития креативных индустрий в РФ / Р.О. Поточенко // E-Scio. – 2020. – № 6 (45). – С. 671–676
- Чернявский, А.Г. Значение культурно-воспитательной функции государства для укрепления суверенитета / А.Г. Чернявский // Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 228–235.

STIMULATING CREATIVE INDUSTRIES AS AN INDICATOR OF THE CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF THE STATE

Korotkova A.D.

St. Petersburg State University of Economics

The article presents the main approaches to determining the cultural and educational function of the state. It is noted that the state, in the context of implementing the cultural and educational function, takes measures to encourage creative work. It is concluded that one of the principles of building a state should be the principle of cultural centrism. The main directions for implementing this function in the context of stimulating creative industries have been identified. Some difficulties in current practices of stimulating creative industries are identified.

Keywords: state, cultural-educational function, culture, education, digitalization, creative industries, creative economy.

References

- Akimova, O.E. Creative industries in Russia: development trends and growth potential / O.E. Akimova, S.K. Volkov, A.B. Simonov // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. – 2022. – No. 1. – pp. 96–114.
- Asmolov, A.G. Citizens or subjects: state ideology of education / A.G. Asmolov // Educational policy. – 2014. – No. 4 (66). – P. 2–4.
- Astakhova, I.A. On the educational function of the state (from the history of political and legal thought) / I.A. Astakhova // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No. 2 (17). – P. 9–14.
- Bychkova, A.S. Trajectories of development of creative industries in Russia / A.S. Bychkova // Bulletin of Science. – 2022. – No. 8 (53). – P. 5–9.
- Vlasov, V.A. The educational function of the state and the educational function of law: the relationship of legal categories and their role in the mechanism of legal regulation / V.A. Vlasov, S.V. Navalny // Law and state: theory and practice. – 2020. – No. 5 (185). – pp. 12–15.
- Gambееva, Yu.N. The role of creative industries in the socio-economic development of the territory / Yu.N. Gambееva, V.M. Smey // Bulletin of ChelS U. – 2021. – No. 6 (452). – pp. 89–96.
- Gorbatovskaya, E.S. On the content of the cultural and educational function of the state / E.S. Gorbatovskaya // Current problems of Russian law. – 2017. – No. 9 (82). – P. 25–35.
- Zhukova, E.S. Cultural and educational function of the state / E.S. Zhukova // Current problems of Russian law. – 2017. – No. 3 (76). – pp. 41–48.
- Kolodeznikova, M.V. Moral education in modern culture / M.V. Kolodeznikova // Bulletin of Science. – 2020. – No. 12 (33). – pp. 14–16.
- Komissarenko, S.S. Culture-centric approach to the problem of the dichotomy of upbringing and education / S.S. Komissarenko // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Cinematography. – 2021. – No. 4 (49). – pp. 33–38.
- Concept for the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and major urban agglomerations until 2030 from September 20. 2021 No. 2613-r. [Electronic resource]. – Access mode: <http://government.ru/news/43350/>. – Access date: 03/26/2024.
- Potochenko, R.O. Prospects for the development of creative industries in the Russian Federation / R.O. Potochenko // E-Scio. – 2020. – No. 6 (45). – pp. 671–676
- Chernyavsky, A.G. The importance of the cultural and educational function of the state for strengthening sovereignty / A.G. Chernyavsky // Education and Law. – 2019. – No. 5. – pp. 228–235.

Ценности, формирующие российскую цивилизационную идентичность: риски и угрозы в области традиционных ценностей

Тихонова Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления МИРЭА (Московский технологический университет)
E-mail: svetlanavt@list.ru

Традиционные ценности представляют собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе гражданской идентичности. Ценности играют амбивалентную функцию: с одной стороны, они важную роль в жизни человека, выступают фундаментом, на котором строится дальнейшая деятельность личности; с другой стороны, ценностная система выступает основным фактором консолидации общества, условием мирного и гармоничного сосуществования людей и функционирования государства. Среди российских традиционных ценностей принято отмечать приоритет духовного над материальным, семья, созидательный труд, служение Отечеству, мораль и нравственность, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, патриотизм. Одной из наиболее важных тенденций, оказывающих влияние на изменение ценностей, выступает глобализация. Распространение Сети обусловило интенсификацию процессов культурного обмена, что может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на сохранение национальной идентичности.

Ключевые слова: традиционные ценности, коллективизм, индивидуализм, семейные ценности, глобализация, цифровизация, аксиология

Ценности играют амбивалентную функцию: с одной стороны, они важную роль в жизни человека, выступают фундаментом, на котором строится дальнейшая деятельность личности; с другой стороны, ценностная система выступает основным фактором консолидации общества, условием мирного и гармоничного сосуществования людей и функционирования государства [2, с. 87].

В.В. Миронов с соавт. определяет понятие «система ценностей» как выражение специфических черт конкретной культуры, находящейся на определенной ступени исторического развития и определяющей векторы и интенсивность ее взаимодействия с другими культурами [5, с. 47]. Ценности, как очевидно, могут быть исконными, традиционными, или же формироваться в общественном сознании в современную ему эпоху. Традиционные ценности, при этом, играют гораздо более значимую роль в плане формирования цивилизационной идентичности нации. А. Хавкин определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого историко-культурного пространства страны» [8].

Аксиологический спектр российской нации, как и любой другой, находится в процессе непрерывного развития и регулярно подвергается модификациям. Как правило, мгновенные изменения в формировании ценностей невозможны – для того, чтобы какая-либо ценность стала для той или иной цивилизации преобладающей, должно пройти время [9, с. 161]. Тем не менее, в истории России имеется немало примеров кардинального изменения духовно-нравственных ориентиров. Такое происходит в ситуации, когда старые ценности подверглись определенной инфляции в общественном сознании и доказали свою несостоятельность, ошибочность, а новые установки еще окончательно не сформировались. Так, цивилизационное развитие России на протяжении нескольких веков строилось на основании домостроя, православия, самодержавия и народности, но к началу XX в. система самодержавной власти пришла в состояние глубочайшего кризиса, что сделало возможным государственный переворот и, соответственно, смену идеологии. Далее последовали десятилетия воинствующего атеизма, веры в мировую революцию, в социализм и коммунизм. К концу 1980-х гг. и эта система аксиологических установок пришла в упадок, и на протяжении 10 лет Россия находилась в своеобразном ценностном вакууме, чтобы впоследствии вернуться к прежним консервативным представлениям об идейно-нравственных ценностях, весьма близких к аксиологии дореволюционного периода [8].

Традиционные ценности российской культуры не только находят отражение в сознании граждан, но и фиксируются в официальных документах и нормативном правовом массиве. Так, к примеру, перечень основных ценностей представлен в ст. 78 Стратегии национальной безопасности: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, мило-

сердце, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, единство народов России, преемственность истории [6, с. 2].

В тексте Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в понятие «традиционные ценности» включены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов. В недавнем времени Конституция была дополнена указанием на традиционные семейные ценности. Семья была провозглашена исключительной и приоритетной российской аксиологической установкой.

В научной литературе можно встретить расширенный перечень ценностей, которые определяют цивилизационную идентичность россиян. Кроме того, разные исследователи по-разному интерпретируют исторический контекст и смысл каждой из декларируемых ценностей. Так, к примеру, К.Ю. Щенникова указывает на духовность как таковую – стремление «к высшим идеалам, надприродным смыслам, стремление к «небесному», а не к «земному» раю» [9, с. 161]. Доминирование вечного на материальным, по мнению автора, может объяснить и некие отрицательные черты российской ментальности – к примеру, определенное попустительство и пренебрежение по отношению к непосредственным условиям быта.

В большинстве научных источников, посвященных рассматриваемой нами тематике, указывается, что основной чертой менталитета россиян и одновременно с этим одной из важнейших ценностей российского цивилизационного пространства выступает коллективизм (общинность, соборность). Склонность к коллективизму, отмечает К.Ю. Щенникова, во многом обусловлена географическим положением страны и ее историей. Коллективизм – это то, что во многом отличает россиянина от европейца, который будет позиционировать себя прежде всего как отдельный самодостаточный гражданин. Духовная близость народа, свойственная российской ментальности, находила свое отражение в любых политических периодах и встраивалась в каждую из идеологий разных этапов развития нашего государства [9, с. 161].

Тем не менее, декларация коллективизма в его наиболее радикальном проявлении, навязывание общественных интересов в ущерб интересам личным, характерной для советской идеологии, привели к тому, что после 1991 г. общество столкнулось с крайностью индивидуалистической. Пик деструктивных процессов пришелся на начало 1990-х гг. Последствия кризисной эпохи ощущаются в нашей стране по сей день. Ценности морали, нравственности, коллективизма, патриотизма – все это считалось анахронизмом и мешающими ограничениями [3, с. 37].

Возврат к коллективным началам П.В. Седаев с автор. объясняет тем, что для россиян априорно характерны такие черты характера, как соборность и державность. Понятие «соборность» в целом является уникальным для русского языка и, следовательно, эта концепция является уникальной для российской культуры. Соборность представляется в общественном сознании более высоким уровнем организации человека, ведь коллективное начало в российской традиции отрицает превосходство одного человека над другим [7, с. 44].

Через призму дихотомии «коллективизм – индивидуализм» можно проанализировать все ценности, озвученные выше: коллективизмом объясняется стремление к семейным ценностям, патриотизму, гражданственности, служению Отечеству, созидательному труду, милосердию. Можно сказать, что коллективизм (соборность) являет собой первичную ценность, базис для формирования иных аксиологических конструктов в сознании масс.

Сегодня в политическом дискурсе, масс-медиа и в научной среде все чаще можно услышать мнение о росте числа попыток посягательства на российский менталитет. По нашему мнению, разрушить ценностную основу целой нации исключительно посредством внешнего неправомерного воздействия едва ли возможно, но, тем не менее, нельзя и полностью отрицать деструктивный характер информационных потоков, поступающих в сознание граждан посредством виртуальных ресурсов. Речь, конечно, не идет о покушении на российские ценности, но некоторые тенденции к их подмене и размытию все же можно наблюдать.

Постепенное, медленное разрушение базовых аксиологических установок способствует возникновению информационных и когнитивных угроз, совокупность которых, в свою очередь, позволяет вести гибридные войны. Как справедливо отмечает А.А. Ковалев, в состоянии когнитивного диссонанса, усугубляемого экономическим, политическим, культурным кризисом в стране, представители общественности оказываются крайне восприимчивыми к насаждению чуждых привычек, мыслей и идеалов [3, с. 37]. При потере или ослаблении идентичности человеку свойственно обращаться к поиску новых ценностных установок – внутриличностный ценностный вакуум не может существовать долго, его непременно требуется заполнить.

Одной из наиболее важных тенденций, оказывающих влияние на изменение ценностей, выступает глобализация. В условиях глобализации в принципе сложно стало говорить о сохранении государственности в ее традиционном понимании [9, с. 160]. Исконные ценности нации, на которых держится государственность, начинают ослабевать и уступать место заимствованным ценностям, что, в свою очередь, ослабляет государство и негативно сказывается на легитимности государственной власти.

Глобализация – открытый, многоаспектный и необратимый процесс – позволяет обществу осознать наличие фундаментальных противоречий между традиционными ценностями собственной цивилизации и ценностями других цивилизаций. Кроме того, формируется особый аксиологический конструкт – глобальные ценности, не имеющие национальной «привязки». Глобализация приводит ко внедрению т.н. общечеловеческих ценностей. Далеко не все общепланетарные ценности априори деструктивны по отношению к российскому национальному самосознанию, но очевидно, что наиболее явное противоречие возникает при столкновении российской соборности, представлениях о семейных ценностях и патриотизмом с западным индивидуализмом, культом потребления и космополитизмом [5, с. 52].

Глобализация приводит к тому, что границы между культурами и странами исчезают, что приводит к столкновению национальных традиций с общемировыми трендами. В России и во многих других странах существует высокий риск культурного конфликта.

Особенную актуальность приобрели вопросы сохранения национальной идентичности после 2000-х гг. Именно тогда начался процесс тотальной информатизации. Гаджеты с доступом к Сеть стали доступны широким массам, масс-медиа перешли в онлайн и начали

трансграничную деятельность, а геополитические конфликты все чаще стали опираться именно на информационный ресурс.

Распространение Сети обусловило интенсификацию процессов культурного обмена, что может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на сохранение национальной идентичности. С одной стороны, распространение Сети способствует распространению и узнаваемости национальной культуры за пределами страны. С другой стороны, существует опасность культурной гомогенизации и утраты уникальных черт национальной идентичности под воздействием западной культуры и глобальных медиа.

Учитывая необратимый характер процесс информатизации, многие национальные правительства начинают предпринимать меры по эффективному развитию информационного общества, формированию национальной цифровой экономики, обеспечению национальных интересов и снижению рисков девальвации национальных ценностей. Руководство большинства стран занимает умеренную позицию в этом отношении, которая заключается в разумном сочетании национальных традиций и современных инноваций, проникающих в страну извне [4, с. 3].

В ряде стран правительство более активно противостоит информационному вмешательству во внутренние дела страны (Россия, Китай, Туркменистан, Иран).

Противодействие информационному вмешательству и сохранение национальных ценностей в условиях глобализации и цифровизации осуществляется посредством разного рода мер и политик, направленных на контроль информационного пространства и укрепление национальной идентичности. Так, к примеру, многие государства принимают строгие меры в области цензуры и контроля Интернет-контента, ограничивают доступ к информации, которая может считаться неприемлемой или угрожающей национальной стабильности и ценностям. Китай, кроме того, активно развивает собственные цифровые платформы и социальные сети, контролируемые государством, что предотвращает проникновение иностранного влияния на информационное пространство страны. Во всем мире правительства вводят меры по контролю иностранных медиа и социальных сетей. Кроме того, государства внедряют патриотическое воспитание и национальную идеологию в образовательную систему, что способствует формированию у граждан приверженности к национальным ценностям и идентичности.

Несмотря на эти и другие меры, риски деструкции традиционных ценностей полностью нейтрализовать невозможно. Так, к примеру, российские психологи и социологи уже достаточно давно указывают на кризис традиционной семьи в России, подтверждая этот тезис статистическими данными о разводах, увеличении брачного возраста, увеличении доли детей, выросших в неполных семьях и т.д. В массовом сознании существует противоречие: в идеальных представлениях семья до сих пор остается «островком» безопасности, стабильности, психологического комфорта, но фактически устремления представителей молодого поколения индивидуалистичны: материальное благополучие, свобода, мобильность.

Граждане нашей страны, как отмечено выше, всегда ставили духовное выше материального. Уникальная духовность, априорно присущая культуре российской цивилизационной общности, отличает ее от других культур. Достаточно долго религия была фундаментом духовности, ее источником и гарантом. Сегодня же обращения к религиозным устоям в сознании молодых граждан встречаются несколько реже. По мнению А.А. Ковале-

ва, религиозный консенсус в современной России отсутствует, что «подорывает единство нации, нарушает ее целостность и ее стремление к консенсусу» [3, с. 39].

При этом бездуховным российское общество быть не может, ведь духовный компонент является конституирующим в национальном менталитете. В данной связи возникает т.н. псевдодуховность – «неосознанное неявное проявление духовного потенциала, которое искажает ключевые свойства духовности и нарушает основные принципы духовного бытия как целого» [1, с. 163–164]. Различные школы эзотерики, альтернативные течения бизнес-коучинга, ретриты, энергетические практики – эти и другие феномены, распространенные в современной России, представляются нам индикаторами тенденции к псевдодуховности. В условиях современного общества, характеризующегося быстрым темпом жизни, стрессом и неопределенностью, люди все чаще обращаются к альтернативным формам духовности в поисках поддержки и внутренней гармонии.

В заключение можно отметить: на сегодняшний день задачу по консолидации нации, восстановлению ценностных установок и оздоровлению национального самосознания россиян может выполнить только государство. Государственная власть во многих странах выступает единственным мощным источником средств и ресурсов формирования положительной национальной идентичности. Регулярные меры реализуются в нашей стране на федеральном, региональном уровне, что доказывает: государство уже взяло на себя ответственность за нейтрализацию рисков и угроз в области традиционных ценностей.

Литература

1. Багаутдинов, А.М. Негативная духовность: сущность и проявление / А.М. Багаутдинов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 10. – С. 162–166.
2. Дудкина, А.В. Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху / А.В. Дудкина // Гуманитарный вектор. – 2022. – № 4. – С. 83–92.
3. Рудаков, А.Б. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте проблематики российской общегражданской идентичности. // Материалы круглого стола «Традиционные российские духовно-нравственные ценности в понятийном аппарате государственной культурной политики». – М., 2021. – 8 с.
4. Ковалев, А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета / А.А. Ковалев // Социально-политические исследования. – 2022. – № 3 (16). – С. 33–46.
5. Комашинская, Т. С. О роли традиционных ценностей в формировании информационного общества / Т.С. Комашинская // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – Т 6. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/81PDMN218.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2024.
6. Национальные ценности России: исторические традиции. Статья вторая / В.В. Миронов, Е.Н. Мощелков, К.Ю. Аласания [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2019. – № 6. – С. 46–58.
7. Седаев, П.В. Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности / П.В. Седаев, С.В. Устинкин, А.С. Кочуров // Власть. – 2022. – Том 30. – № 4. – С. 43–46.
8. Хавкин, А. Традиционные ценности в концептуальных документах России / А. Хавкин // Российский

совет по международным делам. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian-council.ru/blogs/laiamp/traditsionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-rossii/>. – Дата доступа: 15.03.2024.

9. Щенникова, К.Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России / К.Ю. Щенникова // *Власть*. – 2017. – № 1. – С. 159–164.

VALUES FORMING THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY. RISKS AND THREATS IN THE FIELD OF TRADITIONAL VALUES

Tikhonova S.V.

MIREA (Moscow Technological University)

Traditional values are moral guidelines that shape the worldview of citizens, passed on from generation to generation, and underlie civic identity. Among Russian traditional values, it is customary to note the priority of the spiritual over the material, family, creative work, service to the Fatherland, morality, humanism, mercy, justice, mutual assistance, collectivism, patriotism. One of the most important trends influencing changes in values is globalization. The spread of the Internet has led to the intensification of cultural exchange processes, which can have both positive and negative effects on the preservation of national identity.

Keywords: traditional values, collectivism, individualism, family values, globalization, digitization, axiology.

References

1. Bagautdinov, A.M. Negative spirituality: essence and manifestation / A.M. Bagautdinov // *Social and humanitarian knowledge*. – 2015. – No. 10. – pp. 162–166.
2. Dudkina, A.V. Traditional values of Russian society in the digital era / A.V. Dudkina // *Humanitarian vector*. – 2022. – No. 4. – pp. 83–92.
3. Rudakov, A.B. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of problems of Russian general civil identity. // *Materials of the round table “Traditional Russian spiritual and moral values in the conceptual apparatus of state cultural policy.”* – M., 2021. – 8 p.
4. Kovalev, A.A. Destruction of basic traditional values as a threat to the national mentality / A.A. Kovalev // *Socio-political studies*. – 2022. – No. 3 (16). – P. 33–46.
5. Komashinskaya, T.S. On the role of traditional values in the formation of the information society / T.S. Komashinskaya // *Internet magazine “World of Science”*. – 2018. – T 6. – No. 2. [Electronic resource]. – Access mode: <https://mir-nauki.com/PDF/81PDMN218.pdf>. – Access date: 03/15/2024.
6. National values of Russia: historical traditions. Article two / V.V. Mironov, E.N. Moshchelkov, K. Yu. Alasania [etc.] // *Bulletin of Moscow University. Episode 7: Philosophy*. – 2019. – No. 6. – P. 46–58.
7. Sedaev, P.V. Traditional values of conciliarity and sovereignty as one of the foundations for the formation of Russian statehood / P.V. Sedaev, S.V. Ustinkin, A.S. Kochkurov // *Power*. – 2022. – Volume 30. – No. 4. – P. 43–46.
8. Khavkin, A. Traditional values in conceptual documents of Russia / A. Khavkin // *Russian Council on International Affairs*. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/traditsionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-rossii/>. – Access date: 03/15/2024.
9. Shchennikova, K. Yu. Traditional values as a factor in the preservation and unity of modern Russia / K. Yu. Shchennikova // *Power*. – 2017. – No. 1. – pp. 159–164.

Хушбоков Ойбек Уралович,

старший преподаватель Термезского государственного педагогического института
E-mail: oibekh@yahoo.de

Освоение знаний, образование играют решающую роль в достижении «благополучия» народов. В условиях строительства демократического правового государства, развития гражданского социума более важным аспектом становится педагогическая деятельность, роль учителя в качестве трудового деятеля. Педагог выполняет важную роль в обществе, выступая в качестве связующего звена между социумом, молодым поколением. Он не только передает знания, но и формирует у подрастающего поколения научный подход к деятельности, национальную идентичность, гражданскую позицию, способствуя развитию социума на принципах демократии и правового государства; воспитанию ценностей, норм, принципов, связанных с этическими, моральными аспектами жизни. В статье представлена роль учителя как система ценностных ориентаций. Культура учителя выполняет роль пускового механизма в процессе его творческого саморазвития. В результате проведенного исследования автором выявлено, что социокультурный феномен учителя является очень важным элементом социокультурного дискурса Востока и Запада. Однако, в каждой культуре учитель имеет свои особенности, связанные с историческими, культурными и социальными факторами.

Ключевые слова: учитель, педагог, статус учителя, культурологическая ориентация, культура, образование, духовная культура.

Освоение знаний, образование играют решающую роль в достижении «благополучия» народов. В условиях строительства демократического правового государства, развития гражданского социума становится более важным аспектом педагогическая деятельность, роль учителя в качестве трудового деятеля. С самого начала человечества люди всегда испытывали желание обучать других индивидов, передавать свой опыт следующим поколениям, самостоятельно обогащаться знаниями. Те, кто обладал глубокими знаниями, пользовался уважением, становились наставниками для молодежи. Авторитет выдающихся наставников способствовали признанию и уважению к профессии педагога.

Чтобы успешно преподавать философию, Эпикет много писал; и так как болезни души не похожи одна на другую, его наставления отличаются разнообразием [1, с. 523].

Профессия «учитель» предполагает обучение детей до восемнадцати лет, их социальное совершенствование в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций о правах ребенка. Роль педагога в формировании ребенка простирается на множество аспектов, включая знания, навыки, привычки, ценности и убеждения. Например, философ Платон рассуждал о том, если обувщик будет плохим мастером, то это несильно отразится на государстве, однако если воспитатель не справится со своими обязательствами, это «отразится на будущем социума, благополучии граждан».

Великий узбекский мыслитель Алишер Навои отмечал весомую социальную ценность труда педагогов еще в пятнадцатом веке. Он полагал, что деятельность учителя – довольно трудна, предусматривает весомую ответственность. Ведь в этом случае один человек, несмотря на свои слабости, принимает на себя ответственность за обучение, воспитание целой группы детей. Труд учителя не может быть оценен материальными ценностями. Учитель не только вкладывает знания, но и формирует позиции молодого поколения, что делает его труд бесценным.

Педагог выполняет важную роль в обществе, выступая в качестве связующего звена между социумом, молодым поколением. Он не только передает знания, но и формирует у подрастающего поколения научный подход к деятельности, национальную идентичность, гражданскую позицию, способствуя развитию социума на принципах демократии и правового государства; воспитанию ценностей, норм, принципов, связанных с этическими, моральными аспектами жизни. Педагог Ян Амос Коменский, живший в семнадцатом столетии, отмечал, что учитель занимает высокую, чрезвычайно ответственную должность, которая не предусматривает никаких аналогов.

Специалист из Чехии стал пионером в области педагогики, развивая ее как самостоятельную науку. Он стремился собрать «мудрость мира», поделиться ею со своим народом. Коменский написал множество учебников. В текущий период многие понятия, такие как «урок», «класс», «каникулы», «обучение», связаны с его вкладом в школьное образование. При этом учителя могут не быть осведомлены о вкладе рассматриваемого деятеля.

Коменский представил учителя в новом свете, придавая этой профессии общую уникальность. Он сравнивал его с садовником, нежно

заботящимся о росте растений, с архитектором, «мудро заполняющим все уголки ума» знаниями, с полководцем, энергично ведущим борьбу против варваров.

Учёный Востока Абу Наср Фараби в десятом веке выделял важность роли учителя в формировании нравственных принципов, практических навыков у молодых людей; развитии творческих начал. В его взгляде на учителей отражалось понимание их ответственности в рамках формировании ценностных ориентиров будущего поколения. Согласно его позиции, педагоги должны выполнять свою профессиональную роль с должным вниманием и ответственностью.

Согласно учению восточного Аристотеля, обязанности учителя напоминают обязанности мудрого руководителя. Как и лидер, наставник должен обладать исключительной способностью запоминать все увиденное и услышанное, иметь пронизательный и глубокий интеллект, общаться на понятном языке, не только обладать жаждой знаний, но и передавать мудрость своим последователям, отказываясь от алкоголя, ценить истину, презирая ложь и тех, кто ею занимается, выступать за честность и справедливое отношение к ученикам.

Абу Али Ибн Сино рассматривал наставника как смелого, прямолинейного и сердечного человека. Наставник должен вникать в характер каждого ученика, исследовать его психику, определять склонности человека, помогать ему в выборе будущего призвания. Мударрис должен обладать способностью передавать свои знания другим, обосновывать достоверность своих утверждений для шогирдов, помогать им в усвоении, запоминании и применении полученных знаний, как говорил Мирзо Улугбек. Ведя неустанные дискуссии о влиянии наставников на учеников, Улугбек подчеркивает наличие мударрисов среди шогирдов.

Выдающийся ученый выдвигает ряд требований к учителям: общаясь с детьми, учитель должен проявлять сдержанность. Они должны уделять особое внимание тому, как ученики применяют на практике полученные знания. «В процессе обучения, – считает ученый, – необходимо использовать разнообразные методы и формы взаимодействия с детьми, учитывая их индивидуальные особенности, и прививать им страстное желание учиться». Идеями учителя следует быть «доступными для всех учеников. Их слова должны сопровождаться мимикой и жестами, которые делают обучение более понятным и вызывают эмоциональный отклик у детей».

В своих беседах с учащимися медресе Улугбек внушал им глубокое почтение к своим мударрисам. Воплощение такого почтения можно наблюдать в личности самого ученого, который с большим восхищением и любовью относился к своему первому учителю Кази-Заде Руми. После кончины своего наставника Улугбек достойно похоронил его в специально построенном мавзолее в ансамбле Шахи-Зинда, предназначенном исключительно для потомков Тимуридов.

Швейцарский педагог Песталоцци направлял все свои доходы на строительство детских домов. Он посвятил свою жизнь заботе о сиротах, стремясь превратить детство в царство радости и творчества. Его могилу украшает памятник со словами: «Все для других, ничего для себя».

Воспитатель руководит самым трудным процессом – формированием характера человека. В своем выступлении на девятой сессии И.А. Каримов выступил за необходимость построения независимого государства. Для достижения этой цели первостепенное значение приобрели реформы в сфере образования и воспитания. Каримов подчеркнул важность воспитания высококвалифицированных, добросовестных кадров и современных

специалистов. Он также отметил проблемы, возникающие в сфере образования, такие как сохраняющаяся идеологическая узость и несоответствие нашей системы образования стандартам, принятым в современных развитых демократических странах, ухудшающееся состояние инфраструктуры сельских школ и другие актуальные вопросы.

Для решения сложных проблем, с которыми мы сталкиваемся в сфере образования, необходимо применять комплексный и многогранный подход. Одним из ключевых компонентов этого подхода является предоставление широких возможностей для обучения и профессионального развития самих учителей, позволяющих им приобретать и эффективно применять современные знания и методики в своих классах. Повышая их образовательные и профессиональные стандарты, мы сможем вооружить учителей необходимыми инструментами и навыками для удовлетворения растущих потребностей учащихся в современном быстро меняющемся мире. В центре наших усилий стоит насущная задача обеспечить, чтобы педагоги были способны передавать современные знания своим ученикам. Поскольку информационный ландшафт продолжает расширяться в геометрической прогрессии, учителям крайне важно быть в курсе последних событий в различных дисциплинах. Участвуя в непрерывном обучении и профессиональном росте, учителя могут создать среду, которая будет способствовать развитию любознательности, критического мышления и жажды знаний у их учеников. Благодаря этому процессу педагоги становятся проводниками свободного мышления, давая детям возможность исследовать идеи, оспаривать предположения и развивать свои собственные взгляды на мир.

Более того, роль учителей выходит за рамки простой передачи информации. Они способны формировать умы молодых людей не только в интеллектуальном, но и в морально-этическом плане. В разнообразном и взаимосвязанном глобальном обществе учителям важно помочь учащимся сформировать всестороннее мировоззрение, способствующее инклюзивности, эмпатии и уважению к другим. Воспитывая чувство национального самосознания, учителя могут привить своим ученикам глубокое уважение к их собственному культурному наследию, одновременно воспитывая в них понимание и понимание культур и взглядов других людей. Цель учителя в демократическом обществе высока. Она включает в себя формирование молодых умов, развитие интеллектуальных способностей и воспитание хороших информированных и критически настроенных граждан. Учителя служат катализатором роста молодых людей, помогая им полностью реализовать свой потенциал и стать активными участниками демократического процесса. Обеспечивая качественное образование и прививая чувство социальной ответственности, учителя играют важнейшую роль в формировании будущего общества.

Изучая роль духовных авторитетов, мы можем наблюдать различные проявления и конфигурации на Востоке и Западе, что способствует уникальной динамике, окружающей феномен Учителя в каждом культурном контексте.

Безусловно, признание и понимание культурных различий не направлены на создание разногласий или укрепление стереотипов. Напротив, они служат отправной точкой для развития межкультурной коммуникации и содействия конструктивному диалогу между различными сообществами. В современном глобализованном мире, где взаимодействие между культурами становится все более частым и взаимосвязанным, способность участво-

вать в значимых межкультурных обменах имеет решающее значение для прогресса и выживания всего человечества. Признавая и ценя различные точки зрения, ценности и традиции, существующие в разных культурах, мы можем заложить основу для более инклюзивного и гармоничного общества. Межкультурная коммуникация позволяет нам преодолевать разрывы, разрушать барьеры и устанавливать связи, основанные на взаимном уважении, сочувствии и понимании. Конструктивный диалог позволяет нам исследовать общие цели, решать общие проблемы и находить инновационные решения, которые приносят пользу всему человечеству. Он поощряет обмен идеями, знаниями и опытом, способствуя совместному подходу к решению глобальных проблем, таких как изменение климата, бедность, неравенство и разрешение конфликтов. Благодаря диалогу мы можем учиться друг у друга, оспаривать наши предположения и развивать более широкую перспективу, выходящую за рамки культурных границ.

Каждому учителю в Англии необходимо получить Статус квалифицированного учителя (Qualified Teacher Status) для того, чтобы работать в школах, что позволяет заниматься контролем деятельности учреждений, а также поддержанием высоких стандартов преподавания. Именно поэтому британское образование, несомненно, находится на высоком уровне, откуда возникают и высокие требования к учителю.

Культура для личности педагога является сегодня не просто интеллектуальным украшением, а определяющим качеством, имеющим огромную силу воздействия на ученика[2, с. 61].

Английские и шотландские исследователи уделяют особое внимание коммуникативной ориентированности педагога, поскольку для него важно достигнуть взаимопонимания, понимать чувства и эмоции учеников. Дж. Робсон и Б. Бэйли утверждают, что учитель должен обладать не только знаниями предмета, но и педагогическим искусством, способностью обучать[3, электронный ресурс]. Выделяют следующие функции учителей:

- 1) учитель-руководитель: организует коммуникацию, вовлекая в нее;
- 2) учитель-наблюдатель: распознает поведение и реакцию учащихся, влияя на успех коммуникативного воздействия;
- 3) учитель-диагност: выделяет сильные и слабые стороны учащихся, используя их в дальнейшей работе;
- 4) учитель-наставник: помощь в правильной постановке целей ученика в соответствии с учебным планом;
- 5) учитель-организатор: правильно организует учебный процесс;
- 6) учитель-инициатор: подбирает подходящие материалы, составляет учебный план и план урока;
- 7) учитель-методист: уделяет внимание педагогическому аспекту;
- 8) учитель-мотиватор: поддержание интереса учеников в обучении;
- 9) учитель-консультант: помогает учащимся в решении личных, социальных, эмоциональных проблем;
- 10) учитель-эксперт: оценивает результаты работы учеников и прогресс в обучении исходя из коммуникативного аспекта педагогической работы.

Выделенные функции учителя иллюстрируют то, что в представлении британцев хороший учитель является не просто человеком, который передает знания и выполняет учебный план, но обязательно и тот, кто сумеет внести воспитательный вклад, выявит потенциал ученика, научит эффективно участвовать в коммуникации и социализироваться.

Однако выявление социального феномена учителя играет большую роль в понимании, кем является учитель для британцев, какое место он занимает в британской культуре.

Педагогическая профессия относится к группе профессий, которые называются социальными профессиями. Среди социальных профессий обычно выделяют те, в которых предметом деятельности является другой человек, например, педагогика, социальная работа, медицина, психология и другие. В педагогической профессии центром внимания является ученик или студент, и вся работа педагога направлена на его обучение и развитие. Для этого педагог должен обладать специальными знаниями и умениями, а также эмпатией и умением понимать индивидуальные потребности учеников. Поэтому профессия педагога требует высокой профессиональной и личностной квалификации. Педагоги должны обладать рядом духовных качеств, которые позволяют им успешно выполнять свою работу и оказывать положительное влияние на развитие и воспитание учеников. Ниже перечислены некоторые из этих качеств.

- Эмпатия – способность поставить себя на место ученика и понимать его эмоциональное состояние.
- Терпение – способность сохранять хладнокровие в сложных ситуациях и проявлять терпение к ученикам, особенно к тем, которые испытывают трудности в обучении.
- Самоконтроль – способность контролировать свои эмоции и реакции, чтобы не воздействовать на учеников негативно.
- Духовность – обладание той самой культурой, с которой связана учебная дисциплина, а также экологической культуры, уважения к окружающей среде и другим аспектам здорового образа жизни.
- Стремление к самосовершенствованию – постоянное развитие своих профессиональных и личностных качеств, тщательная подготовка к занятиям, анализ своей работы и опыта.
- Интуиция – способность чувствовать потребности и проблемы учеников и находить индивидуальный подход к каждому из них.
- Стремление к созданию благоприятной атмосферы – способность устанавливать доверительные и уважительные отношения с учениками и создавать благоприятную обучающую среду. Эти духовные качества помогают педагогам успешно выполнять свою работу и формировать гармоничную личность каждого ученика.

Педагоги это личности, которые не станут дорожить своим временем. Они готовы отдавать в жертву самих себя ради того, чтобы дать знания своим ученикам. Необходимо выделить, что восприятие личности педагога посредством письменных материалов помогает достаточно точно понять его характер и особенности, особенно если ученик усердно занимается исследованием предмета. Однако стоит помнить, что присутствие наставника само по себе не гарантирует общего усвоения информации учащимися.

Наличие учителя и способного ученика в стремлении к духовному знанию не гарантирует успешной передачи этого знания. Это связано с присущим человеку фактором, который может привести к искажению духовных учений и способствовать упадку духовных традиций с течением времени. Хотя наличие квалифицированного учителя и искреннего ученика является основой для передачи духовных знаний, необходимо признать, что человеческая слабость и субъективные факторы могут вступить в игру. На отношения между учителем и учеником влияют различные факторы, включая личные преду-

беждения, интерпретации и ограничения, которые могут повлиять на передачу духовного учения. Одна из потенциальных проблем возникает с точки зрения ученика. В поисках духовных знаний люди привносят свои собственные предвзятые представления, интеллектуальные фильтры и личный опыт, которые формируют их понимание. Эта субъективность может потенциально исказить или неправильно истолковать учение, полученное от учителя. Восприятие ученика может быть окрашено его собственными ограничениями или предубеждениями, что приведет к искаженному пониманию передаваемого духовного знания. С другой стороны, учитель также играет решающую роль в процессе передачи. Хотя они могут обладать глубокой духовной пронизательностью и мудростью, они не свободны от человеческого состояния. Учителя, как и все люди, подвержены влиянию собственной обусловленности, культурных традиций и личного опыта. Эти факторы могут непреднамеренно повлиять на то, как они представляют и передают духовные учения. Даже непреднамеренно учитель может внести искажения или неверные толкования в передаваемое знание. Более того, со временем накопление человеческих факторов в духовной традиции может способствовать ее упадку. По мере развития и передачи традиции от одного поколения к другому она может столкнуться с внешним влиянием, изменениями в обществе и появлением личных интерпретаций. Эти факторы могут постепенно размывать или искажать первоначальные учения, что потенциально может привести к неверному толкованию традиции.

Пифагорейская школа, основанная философом и математиком Пифагором, делала акцент не только на приобретении знаний, но и на воспитании нравственного характера и стремлении к мудрости. Учение школы выходило за рамки математики и охватывало широкий круг вопросов, включая философию, музыку, этику и метафизику. Пифагорейцы верили во взаимосвязь всех знаний, подчеркивая гармоничную интеграцию различных дисциплин. По аналогии с восточными традициями, пифагорейская школа придавала большое значение роли учителя как наставника и проводника. Отношения между учителем и учеником характеризовались благоговением, уважением и глубоким чувством приверженности. Пифагор, подобно уважаемым китайским и индийским учителям, почитался не только за свои интеллектуальные способности, но и за нравственные добродетели и духовные прозрения. В пифагорейской школе ученики должны были участвовать в процессе самообразования и нравственного развития. Их поощряли вести дисциплинированный и аскетический образ жизни, стремясь к самосознанию, самоконтролю и этическому поведению. Этот целостный подход к образованию напоминал акцент на воспитании характера, характерный для восточных традиций.

Вышеобозначенные понятия исследовались и формулировались по-разному на протяжении всей истории, что отражает сложную и многогранную природу человеческого понимания и поиска глубокого смысла и цели.

Ограничение области познания с упором на материальный мир привело к изменению акцентов, приоритетов в человеческом познании. Вместо метафизических, духовных аспектов внимание сосредоточилось на практически полезных предметах, материальной сфере в целом. Кант заслуживает признания за то, что он одним из первых осознал опасность, связанную с научным совершенствованием, ограничением понимания бытия. Его работа указывает на необходимость осмысления обозначенных вопросов, которые представляют угрозу для человеческого существования.

Устанавливая рамки теоретического познания, Кант стремился к проектированию «свободной среды», где человек мог бы осознать свою принадлежность к интеллигентному миру, открывающемуся через опыт морального поступка. Уже в восемнадцатом веке философ осознал, что без специфики ограничения научного развития может возникнуть феномен безраздельного научного рационализма, который можно наблюдать в текущий период. Сегодня мир сталкиваемся с вызовами, о которых Кант предупреждал. Осознание этих проблем должно дать человечеству возможность достичь равновесия между наукой, духовными потребностями.

Такая методология противоречит непосредственно сути образования, которое не ограничивается простым приобретением полезных умений, направлено на формирование индивидуальности, активной гражданской позиции, предполагающей взаимодействие человека с социумом.

2023 год Указом Президента России Владимира Путина объявлен Годом педагога и наставника. Миссия года – признание особого статуса педагогических работников, в том числе выполняющих наставническую деятельность. Мероприятия Года педагога и наставника будут направлены на повышение престижа профессии учителя [4, электронный ресурс].

Необходимо признать, что без культуры общения, диалога невозможно достичь последовательного прогресса, развития общества. Эти ценности, основанные на взаимном уважении, способности не только высказывать свои мысли, но и уметь внимательно слушать и понимать собеседника, являются фундаментом классических восточных, западных образовательных систем.

Проблема учителя – первая и важнейшая проблема всей педагогики, всей постановки народного образования, всей системы просвещения, всей судьбы народной культуры: с нее нужно начинать и ею нужно кончать. Учитель – это первое [5, стр 9].

Однако текущие темпы научного развития несут угрозу потери обозначенных ценностей. Данный аспект можно считать одной из основных проблем в нынешний период. Поэтому важной задачей в текущий момент можно назвать формирование, развитие навыков коммуникации и у студентов, и у педагогов.

Литература

1. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1978
2. Кант Иммануил. Основы метафизики нравственности. М.: АСТ, 2023
3. Моника Канто-Спербер, Греческая философия/Греко-латинский кабинет/Москва-2008/с.523
4. Высшее образование в России/Научно-педагогический журнал министерства образования и науки Российской Федерации/29 сентября-2 октября/Москва. 2004/с.61
5. Teach in the UK // Teachaway [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.teachaway.com/teach-uk>
6. <https://docs.edu.gov.ru/document/26ba12611bf-c19a49fd3afee9d45e0a0/download/5007/> – электронный ресурс.
7. Рубинштейн М.М.//Проблема учителя/Москва-1927-Ленинград, с. 9

THE IMAGE OF A TEACHER IN THE CULTURAL WORLD

Khushbokov O.U.
Termez State Pedagogical Institute

The acquisition of knowledge and education play a decisive role in ensuring the “well-being” of peoples. In the context of the construc-

tion of a democratic rule of law state, the development of civil society becomes a more important aspect of pedagogical activity, the role of the teacher as a worker. The teacher fulfills his entire role in society, acting as a link between society and the younger generation. It not only transmits knowledge, but also forms in the younger generation a scientific approach to activity, national identity, civic position, contributing to the development of society on the principles of democracy and the rule of law; education of values, norms, restrictions, boundaries with ethical, moral aspects of life.

The article presents the role of the teacher as a system of value orientations. The cultural teacher plays the role of a trigger in the process of his creative self-development. As a result of the study, the author found that the sociocultural phenomenon of the teacher is a very important factor in the sociocultural discourse of the East and West. However, in each culture, the teacher has his own characteristics associated with historical, cultural and specific factors.

Keywords: teacher, pedagogue, teacher status, cultural orientation, culture, education, spiritual culture.

References

1. Aristotel. Works. M.: Mysl, 1978
2. Kant Immanuel. Fundamentals of the metaphysics of morality. M.: AST, 2023
3. Monique Canto-Sperber, Greek philosophy/Moskau-2008, p.523
4. Visshee obrazovanie v Rossii/ Nauchno-pedagogicheskiy jurnal ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii, 29 september-2 october/Moskau-2004, p.61
5. Teach in the UK // Teachaway. 2021. URL: <https://www.teachaway.com/teach-uk>
6. <https://docs.edu.gov.ru/document/26ba12611bfc19a49fd3a-fee9d45e0a0/download/5007/>
7. Rubinshteyn M.M.//Problema uchitelya/Moskao-1927-Leningrad, p.9

Правовые аспекты регулирования социальной рекламы в России

Кирьянов Алексей Юрьевич,

аспирант, кафедра «Философия, социология и право»,
Дальневосточный государственный университет путей
сообщения

Спасский Евгений Новомирович,

доктор политических наук, доцент, профессор,
заведующий кафедрой «Философия, социология и право»,
Дальневосточный государственный университет путей
сообщения
E-mail: srs2@festu.khv.ru

Статья представляет обзор правовых норм и регулированных, касающихся социальной рекламы в России. Предметом исследования является законодательство, воздействующее на содержание и распространение социальной рекламы, с фокусом на изменения, внесенные в 2011 году. Освещаются законодательные акты, ограничения и требования, регулирующие создание, распространение и контроль социальных рекламных материалов. Цель работы заключается в выявлении особенностей правового регулирования социальной рекламы, а также анализе изменений, затрагивающих налогообложение некоммерческих организаций и благотворительную деятельность. Методология работы основывается на изучении законодательных актов, анализе поправок и их воздействия на практику социальной рекламы. Анализируются основные нормы, касающиеся содержания, целевой аудитории, и формата размещения социальной рекламы. Особое внимание уделяется этическим и юридическим аспектам, влияющим на разработку и распространение сообщений в социальной рекламе в соответствии с действующим законодательством. Результаты работы включают описание основных принципов регулирования социальной рекламы в России, в том числе определение понятия социальной рекламы, обязательства рекламодателей и ограничения на размещение. Статья также рассматривает изменения, касающиеся упоминания физических лиц и спонсоров в социальной рекламе, а также обязательства СМИ по выделению определенного процента рекламы на социальные цели. Область применения результатов охватывает практическую сферу социальной рекламы, а также оказывает влияние на деятельность некоммерческих организаций и средств массовой информации. Работа призвана привлечь внимание к важности юридического регулирования социальной рекламы, как средства формирования общественных ценностей и поведения в интересах общества.

Ключевые слова: социальная реклама, законодательство, правовые аспекты, регулирование, этика, контроль, распространение.

Введение

Несмотря на значительное развитие социальной рекламы в России, существует необходимость в более четком и комплексном регулировании данного вида коммуникации с точки зрения законодательства. Отсутствие четких норм и правил по размещению, контролю и этическим нормам социальной рекламы может создавать проблемы, связанные с содержанием рекламных материалов, их воздействием на общественное мнение, а также эффективностью регулирования в контексте быстро меняющейся информационной среды. Настоящая проблема заключается в необходимости установления более ясных и строгих правовых рамок для социальной рекламы, которые учитывали бы не только ее эффективность, но и соответствие этическим и общественным стандартам, а также защиту интересов граждан и общества в целом.

Цель статьи: исследовать и проанализировать основные правовые аспекты, связанные с регулированием социальной рекламы в России, выявив законы, нормативные акты, и механизмы контроля, а также оценив влияние правовых ограничений на развитие и эффективность социальных рекламных кампаний в стране.

Материалы и методы

Для изучения правовых аспектов регулирования социальной рекламы в России был проведен детальный анализ соответствующей нормативной базы. В ходе исследования осуществлялся обзор федеральных законов, постановлений правительства, а также нормативных актов, касающихся рекламной деятельности и ее социального аспекта. Для получения практического понимания эффективности и соблюдения законодательства в сфере социальной рекламы было проведено исследование судебной практики и решений арбитражных судов. Этот этап включал в себя анализ случаев нарушения законодательства и выявление тенденций в судебной практике. С целью получения экспертного мнения от юридических специалистов в области рекламного права и государственного регулирования были проведены консультации с опытными адвокатами и представителями органов государственной власти. Эксперты делились своими взглядами на текущее состояние регулирования социальной рекламы и предлагали свои рекомендации по его совершенствованию. Для более глубокого понимания лучших практик в области правового регулирования социальной рекламы был проведен сравнительный анализ международного опыта. Исследование включало в себя анализ законодательства других стран, применяемых механизмов контроля и стимулирования социальных рекламных инициатив. Для комплексного подхода к изучению правовых аспектов социальной рекламы в России были собраны эмпирические данные. Это включало в себя интервью с представителями рекламных агентств, общественных организаций и государственных органов, участвующих в процессе регулирования.

Результаты исследования

Социальная реклама представляет собой форму маркетинговой коммуникации, направленную на формирование общественных убеждений и поведения в интересах общества. Она отличается от коммерческой рекламы тем, что не преследует финансовых выгод для конкретного продукта или услуги, а нацелена на изменение общественного мнения, стереотипов или проблемных аспектов в обществе. Главная цель социальной рекламы заключается в обращении к обществу с проблемой или вопросом, который требует внимания и изменения поведения [3, с. 35].

Среди основных целей и задач социальной рекламы выделяются формирование новых ценностей, изменение отношения к определенной проблеме или явлению, образование населения по важным вопросам (здоровье, безопасность, экология), а также активизация гражданской позиции и поддержка социальных инициатив [4, с. 100].

Социальная реклама как важный инструмент играет ключевую роль в формировании общественного мнения и ценностей. Ее воздействие простирается на различные аспекты общественной жизни, способствуя повышению осведомленности, активности граждан и общественной мобилизации. Эффективные социальные рекламные кампании стимулируют граждан к активному участию в решении социальных проблем, обеспечивая общественную поддержку и создавая позитивные изменения.

Прежде всего, социальная реклама выступает в роли информационного канала, освещая социально значимые проблемы и вызывая общественный диалог. Она открывает глаза граждан на актуальные вызовы, способствуя более глубокому пониманию проблем и стимулируя общественную активность.

Создание кампаний с четкими призывами к действию является еще одним важным аспектом. Социальная реклама активизирует гражданскую позицию, предоставляя возможность не только осознать проблему, но и вступить в действие. Это может включать в себя поддержку благотворительных организаций, участие в акциях и волонтерство.

Общественная мобилизация, объединение людей вокруг общих целей, также становится результатом успешных социальных кампаний. Создание единства и солидарности способствует формированию коллективного энтузиазма для решения сложных проблем.

Важным моментом является не только выявление проблем, но и предложение конструктивных путей их решения. Социальная реклама, благодаря широкому охвату и эмоциональному воздействию, способствует созданию позитивных изменений в обществе, стимулируя инновации и поддерживая различные инициативы.

Кроме того, социальная реклама влияет на формирование и коррекцию культурных ценностей, направляя их в более созидательное русло. Она может изменять стереотипы, стимулировать толерантность и уважение к различиям, способствуя созданию открытого и инклюзивного общества.

Социальная реклама также служит инструментом для улучшения образа и позиционирования организаций, включая благотворительные и неправительственные организации, а также бизнес. Активное участие в решении социальных проблем укрепляет доверие со стороны общества.

В конечном итоге, социальная реклама способствует развитию гражданского общества, объединяя людей вокруг общих целей и создавая устойчивые базы для долгосрочного социального прогресса. Ее значимость в со-

временном обществе высока, и дальнейшее развитие этого инструмента предоставляет множество перспектив для создания позитивных изменений.

В России правовое регулирование социальной рекламы осуществляется через несколько законодательных актов, охватывающих различные аспекты этой сферы. В Законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 года упоминается важность социальной рекламы. В соответствии со статьей 2 этого закона, благотворительная деятельность включает в себя поддержку производства и распространения социальной рекламы среди прочих видов помощи. Концепция, утвержденная Правительством РФ в 2009 году, подчеркивает рост значимости социальной рекламы как важного инструмента развития благотворительности в России. Это не сводит социальную рекламу к благотворительности на уровне закона, но указывает на то, что её целью является достижение благотворительных целей [9].

Регулирование социальной рекламы в России основывается на Федеральном законе «О рекламе», который был принят в 2006 году. Закон устанавливает общие принципы и требования к рекламным материалам независимо от их характера – коммерческого или социального. Он определяет основные понятия и требования к рекламе в целом, включая запреты на использование недостоверной информации, обмана потребителей, а также требования к контенту, который не должен нарушать общественный порядок или нормы морали [10].

В Законе «О рекламе» содержится официальное определение социальной рекламы в статье 3. Это вид коммуникации, который распространяется различными способами и средствами и адресован неопределенному кругу лиц. Суть социальной рекламы заключается в достижении благотворительных и общественно значимых целей, а также в защите интересов государства. В Письме ФАС России от 16.04.2013 № АК/14957/13 подчеркивается, что это не просто разновидность рекламы, а специальный вид информации, направленный на широкую аудиторию [8].

В 2011 году были внесены существенные поправки в два федеральных закона, регулирующих социальную рекламу в России: Федеральный закон № 235-ФЗ от 18.07.2011 и Федеральный закон № 115-ФЗ от 03.06.2011. Эти изменения касались налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности.

Социальная реклама подчиняется правилам лишь по статье 10 Закона «О рекламе», не подпадая под остальные нормы этого закона. В письме Федеральной антимонопольной службы от 11 сентября 2012 года № АК/29576, посвященном социальной рекламе, отмечается, что это не обычная реклама, а инструмент популяризации социально значимой информации [10].

Это подчеркивает особое положение социальной рекламы в контексте законодательства о рекламе. Хотя Закон «О рекламе» включает отдельную статью, касающуюся социальной рекламы, исключительность её регулирования подчеркивает особый статус этого вида коммуникации. Подчеркивается, что целью социальной рекламы является не продвижение товаров или услуг, как в обычной коммерческой рекламе, а предоставление обществу важной информации и формирование социально значимых убеждений.

В современном обществе, где реклама играет ключевую роль в формировании общественного мнения, законодательство, включая Закон «О рекламе», становится неотъемлемой частью регулирования коммуникационных процессов. Особенное внимание уделяется со-

циальной рекламе, важному инструменту формирования общественных ценностей и осведомленности. Закон «О рекламе» устанавливает определенные ограничения для содержания сообщений в социальной рекламе. Эти ограничения играют важную роль в обеспечении этичности, достоверности и социальной ответственности сообщений, направленных на воздействие на общественное сознание.

Одним из ключевых аспектов ограничений является соблюдение этических стандартов в социальной рекламе. Законодательство определяет рамки приемлемости содержания, исключая материалы, которые могут нарушить общепринятые нормы морали и этики.

Закон «О рекламе» направлен на защиту интересов потребителей, и, следовательно, ограничивает использование в рекламе информации, которая может ввести потребителей в заблуждение или оказать на них негативное воздействие.

Ограничения в социальной рекламе также нацелены на предотвращение дискриминации и формирование стереотипов. Закон воздействует на контент, который может быть воспринят как уничижительный или предвзятый по отношению к определенным группам общества.

Законодательство обязывает социальную рекламу соблюдать все действующие законы и нормативы, включая правила конкуренции, авторские права и законы о защите потребителей.

Ограничения в социальной рекламе направлены на обеспечение прозрачности информации. Рекламные сообщения должны быть ясными и понятными, исключая двусмысленность и подвохи, чтобы избежать введения в заблуждение общества.

Закон «О рекламе» ставит перед рекламодателями обязанность нести социальную ответственность за содержание и воздействие социальной рекламы. Это включает в себя ответственность за возможные последствия и обязанность соблюдения этических норм.

Законодательство направлено на защиту общества от нежелательного воздействия социальной рекламы, которая может оказать негативное воздействие на психическое и эмоциональное состояние граждан.

Таким образом, закон «О рекламе» выступает в роли регулирующего механизма, определяющего рамки и стандарты для социальной рекламы. Эти ограничения направлены на обеспечение этичности, социальной ответственности и защиты интересов общества, создавая основу для здорового и эффективного воздействия этого вида коммуникации.

Из-за важности этого вида рекламы для общества, в законодательстве предусмотрены специальные требования, которые запрещают упоминание конкретных товарных марок, товарных знаков, фирменных символов или упоминание физических и юридических лиц [10].

В Федеральном законе «О рекламе» установлено обязательство СМИ выделять не более пяти процентов от общего объема своей рекламы в годовом плане на размещение социальной рекламы. Изначально телеканалы выступали неохотно, так как за это размещение они должны были уплачивать налог. Однако после изменений в налоговом кодексе это финансовое бремя было снято с телеканалов. Теперь они обязаны размещать социальную рекламу в пределах этих пяти процентов без оплаты.

Однако, фактически эти пять процентов часто размещаются во временные интервалы, не подходящие определенным целевым аудиториям, таким, как взрослые в рабочее время или дети в ночное время и т.д. Иногда такая реклама располагается на местах, которые не очень доступны для целевой аудитории, что делает

их менее привлекательными для коммерческих рекламодателей, и это рекламное пространство остаётся неиспользованным.

Чтобы повысить эффективность этих кампаний, используются различные стратегии, включая платные схемы размещения или комбинированные подходы: коммерческое размещение для достижения целевой аудитории и бесплатное размещение на остаточной основе.

Однако в 2011 году Федеральным законом № 115-ФЗ были внесены значительные изменения в данные положения. Теперь социальная реклама может упоминать физических лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации или нуждающихся в помощи, а также о некоммерческих организациях, которые работают в благотворительных или других общественно значимых сферах.

Были внесены изменения в установленные правила упоминания спонсоров в социальной рекламе. Ранее спонсоры в этом контексте могли быть упомянуты без ограничений, но теперь имеются определённые ограничения (согласно пунктам 5–6 статьи 10 Федерального закона № 38-ФЗ). В социальной рекламе, которая транслируется в телевизионных программах или используется в кино и видео, установлены определённые ограничения по длительности упоминания о спонсорах (три секунды) и доле площади кадра (не более семи процентов). Однако некоторые группы, такие как государственные органы и местное самоуправление, до сих пор могут быть упомянуты без ограничений. Также физические лица, находящиеся в трудной ситуации или нуждающиеся в помощи, и социально ориентированные некоммерческие организации могут быть упомянуты без ограничений, если реклама напрямую связана с их деятельностью, направленной на благотворительные или общественно полезные цели.

Несмотря на эти изменения, определение социальной рекламы и её требования, установленные в законодательстве о рекламе, могут подвергаться злоупотреблениям со стороны некоммерческих организаций. Такие организации могут использовать эти положения для достижения своих интересов, что потенциально может негативно повлиять на общественное восприятие и эффективность социальной рекламы.

Помимо Федерального закона «О рекламе», существуют и другие нормативные акты, которые касаются конкретных аспектов социальной рекламы. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» устанавливает правовые основы функционирования некоммерческих организаций. В контексте социальной рекламы он определяет различные аспекты деятельности некоммерческих организаций, включая их участие и правила размещения социальной рекламы. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» регулирует вопросы благотворительной деятельности и обязанности благотворительных организаций. Он касается распространения социальной рекламы, связанной с благотворительными целями, и устанавливает правила размещения такой рекламы.

Федеральный закон «О средствах массовой информации» регулирует деятельность СМИ в России. Он определяет правила и ограничения для размещения рекламы в СМИ, включая социальную рекламу, и устанавливает требования к формату и контенту такой рекламы.

Федеральный закон «О защите прав потребителей» включает положения, касающиеся содержания рекламы, включая социальную. Он определяет требования к информации, предоставляемой в рекламе, чтобы защитить права потребителей.

Эти законы и нормативные акты составляют основу регулирования социальной рекламы в России и опреде-

ляют рамки её размещения, содержания и целевой аудитории в различных сферах общественной деятельности.

Законодательство предусматривает ограничения и требования к содержанию и форме социальной рекламы. Она не должна противоречить основам конституционного строя, основам законодательства о рекламе, моральным и этическим нормам, а также нести в себе информацию, несовместимую с интересами общества и государства.

Сегодня необходимо провести реформирование законодательства, внести изменений и дополнений в законодательство для более точного определения и урегулирования социальной рекламы, учитывая новые тренды и технологии в области коммуникаций. Законодательство должно поддерживать и поощрять разработки качественной и информативной социальной рекламы, способствующей общественно значимым и благотворительным целям.

Сотрудничество между государством, некоммерческими организациями, медийными платформами и бизнесом должно выйти на новый уровень и найти закрепление в законодательных актах для создания более эффективных кампаний социальной рекламы. Эти перспективы могут стать основой для дальнейшего развития сферы социальной рекламы в России, способствуя её эффективности и общественной значимости.

Регулирование социальной рекламы в России – это сложный процесс, требующий постоянного балансирования между общественными интересами и правовыми нормами. Несмотря на наличие законодательства, определяющего эту сферу, всё ещё существует ряд проблем и аспектов, требующих внимания. Одной из ключевых проблем является неоднозначность толкования и интерпретации правовых норм, касающихся социальной рекламы. Это порождает неопределенность и допускает различные трактовки, что может стать причиной споров и проблем при её применении на практике. Также существует вопрос об эффективности и доступности размещения социальной рекламы. Законодательные требования могут ограничивать возможности выбора времени и места размещения, что снижает её эффективность передачи целевой аудитории. Несмотря на эти сложности, регулирование социальной рекламы имеет потенциал для развития. Необходимо учитывать изменяющиеся тенденции в области коммуникаций, новые технологии и современные подходы к рекламе для создания более эффективных механизмов регулирования. Важно также отметить, что сотрудничество между государством, общественными организациями, бизнесом и медийными платформами играет важную роль в определении и развитии правовых норм, способствующих более эффективной и информативной социальной рекламе. Таким образом, регулирование социальной рекламы в России является сложным и многогранным процессом, требующим не только законодательных норм, но и активного взаимодействия всех заинтересованных сторон для создания более эффективной и общественно значимой платформы рекламных сообщений.

Заключение

Анализ проблем определения социальной рекламы и её правового контроля подчеркивают потребность в дальнейшем развитии законодательства в этой сфере общественных отношений. Разнообразие форм социальной рекламы и её растущее распространение требуют совершенствования методов и инструментов регулирования со стороны законодателя. Ввиду этого необходимо продолжить совершенствование правового регулирования

в области социальной рекламы (которые урегулирует распространение социально значимой информации в рекламе), а также создать единый государственный межведомственный центр с чёткими функциями (например, мониторинг для выявления наиболее актуальных социальных проблем), который бы оперативно работал в этой (области социальной рекламы) сфере.

Литература

1. Абдуллаев, Н.А. Развитие социальной рекламы в России / Н.А. Абдуллаев, С.А. Нажмутдинова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 7. № 2. С. 99–103.
2. Белькова А.Е. Особенности создания и распространения социальной рекламы: методический аспект / А.Е. Белькова // Актуальные вопросы современной науки: Материалы III международной научно-практической конференции, Калининград, 16 января 2020 года / Отв. ред. Зарайский А.А. Калининград: Общество с ограниченной ответственностью «Центр профессионального менеджмента «Академия Бизнеса», 2020. С. 57–61.
3. Верховых И.А. Лингвистический анализ современной отечественной социальной рекламы / И.А. Верховых, Р.В. Ненахов // Филологический аспект. 2019. № 1(45). С. 26–36.
4. Гришаев С.П. Реклама: правовое регулирование / С.П. Гришаев. М.: Ред. «Российской газеты», 2015. 175 с.
5. Верховых И.А. Лингвистический анализ современной отечественной социальной рекламы / И.А. Верховых, Р.В. Ненахов // Филологический аспект. 2019. № 1(45). С. 26–36.
6. Верховых И.А. Лингвистический анализ современной отечественной социальной рекламы / И.А. Верховых, Р.В. Ненахов // Филологический аспект. 2019. № 1(45). С. 26–36.
7. Кирилин А.В. Правовое регулирование рекламы и вопросы ее классификации / А.В. Кирилин, И.В. Сарнаков // Реклама и право. 2014. № 2. С. 53–61.
8. Письмо ФАС России от 16.04.2013 № АК/14957/13 «О социальной рекламе» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212> (дата обращения: 25.11.2022).
10. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О рекламе» // «Российская газета». № 165. 29.07.2006.

LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF SOCIAL ADVERTISING IN RUSSIA

Kiryakov A.Yu., Spassky E.N.

Far Eastern State University of Communications

This article provides an overview of the legal norms and regulations relating to social advertising in Russia. The subject of the study is legislation affecting the content and distribution of social advertising, with a focus on changes introduced in 2011. Legislative acts, restrictions and requirements governing the creation, distribution and control of social advertising materials are covered. The purpose of the work is to identify the features of the legal regulation of social advertising, as well as to analyze changes affecting the taxation of non-profit organizations and charitable activities. The work methodology is based on the study of legislative acts, analysis of amendments and their impact on the practice of social advertising. The basic norms relating to the content, target audience, and format of

social advertising are analyzed. Particular attention is paid to ethical and legal aspects affecting the development and dissemination of messages in social advertising in accordance with current legislation. The results of the work include a description of the basic principles of regulation of social advertising in Russia, including the definition of the concept of social advertising, obligations of advertisers and restrictions on placement. The article also examines changes regarding the mention of individuals and sponsors in social advertising, as well as the obligation of the media to allocate a certain percentage of advertising to social causes. The scope of application of the results covers the practical sphere of social advertising, and also influences the activities of non-profit organizations and the media. The work is intended to draw attention to the importance of legal regulation of social advertising as a means of shaping public values and behavior in the interests of society.

Keywords: social advertising, legislation, legal aspects, regulation, ethics, control, distribution.

References

1. Abdullaev, N.A. Development of social advertising in Russia / N.A. Abdullaev, S.A. Nazhmudtinova // *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 99–103.
2. Belkova A.E. Features of creating and disseminating social advertising: methodological aspect / A.E. Belkova // *Actual Issues of Modern Science: Materials of the III International Scientific-Practical Conference*, Kaliningrad, January 16, 2020 / Ed. by Zaraisky A.A. Kaliningrad: Limited Liability Company "Center for Professional Management" Academy of Business, 2020. P. 57–61.
3. Verkhovykh I.A. Linguistic analysis of contemporary Russian social advertising / I.A. Verkhovykh, R.V. Nenakhov // *Philological Aspect*. 2019. No. 1(45). P. 26–36.
4. Grishaev S.P. Advertising: legal regulation / S.P. Grishaev. Moscow: Editorial "Rossiyskaya Gazeta", 2015. 175 p.
5. Verkhovykh I.A. Linguistic analysis of contemporary Russian social advertising / I.A. Verkhovykh, R.V. Nenakhov // *Philological Aspect*. 2019. No. 1(45). P. 26–36.
6. Verkhovykh I.A. Linguistic analysis of contemporary Russian social advertising / I.A. Verkhovykh, R.V. Nenakhov // *Philological Aspect*. 2019. No. 1(45). P. 26–36.
7. Kirilin A.V. Legal regulation of advertising and classification issues / A.V. Kirilin, I.V. Sarnakov // *Advertising and Law*. 2014. No. 2. P. 53–61.
8. Letter from the FAS of Russia dated 16.04.2013 No. AK/14957/13 "About social advertising" // Access from the legal information system "Consultant Plus".
9. Federal Law of August 11, 1995 No. 135-FZ On Charitable Activities and Charitable Organizations. Link to the law (accessed on 25.11.2022).
10. Federal Law of 13.03.2006 No. 38-FZ (as amended on 08.03.2015) "On Advertising" // "Rossiyskaya Gazeta". No. 165. 29.07.2006.

Совершенствование мотивационного механизма в системе управления развитием сельскохозяйственных предприятий

Кохан Жанна Сергеевна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zgolovko99@rambler.ru

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Шкилёв Максим Владимирович,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: maks.shkilev@gmail.com

В статье показаны результаты проведенного социологического исследования, в котором определены особенности и принципы мотивации, применяемые на сельскохозяйственных предприятиях в разрезе двух категорий персонала: административных работников и рабочих. Разработаны предложения по совершенствованию мотивационного процесса на основе компетентного подхода.

Ключевые слова: мотивация персонала, развитие, инструменты мотивации, сельскохозяйственные предприятия, методы.

В современных условиях хозяйствования предприятия ищут все возможные способы достижения повышения эффективности деятельности и усиления конкурентоспособности. Работники как основа ресурсного потенциала организаций являются важным инструментом в процессе стратегического и тактического развития. Повышение производительности труда и создание положительного имиджа предприятия благодаря эффективному использованию человеческого ресурса позволит самым экономичным способом достичь поставленных целей развития. Поэтому исследования теоретических основ организации эффективной оценки и мотивации персонала являются достаточно актуальными для детального изучения.

Сейчас в теории и практике известно немало различных методов мотивации персонала. Известными отечественными учеными, которые исследуют проблемы совершенствования методики мотивации персонала являются: А.Н. Захаров [1], Т.А. Труфанова, А.П. Воеводина [5], Н.В. Ревенко [3], Ж.С. Кохан [2], Т.А. Сережко [4]. Однако современная система менеджмента меняется быстрыми темпами, что обуславливает необходимость постоянного поиска более эффективных методик мотивации персонала, в т.ч. на сельскохозяйственных предприятиях.

Целью исследования является определение основных тенденций развития систем мотивации персонала сельскохозяйственных предприятий и на этой основе обоснование эффективных направлений инновационного развития субъектов хозяйствования. Для достижения поставленной цели применялись общенаучные и специфические методы исследования, а именно: анализ, синтез, сравнение, группировка, расчетно-конструктивный, экономико-статистический методы и моделирование.

Изменение приоритетов в системе современного менеджмента организаций и признание того, что персонал и бренд являются важнейшими ресурсами и локомотивами развития заставляет менеджеров оптимизировать систему управления таким образом, чтобы формировать мощную команду работников, которые будут способствовать развитию бизнеса и созданию положительного имиджа продукта и предприятия в целом.

В таких условиях менеджеры все больше внимания уделяют вопросам развития системы управления персоналом и в т.ч. системы мотивации работников. При этом учитывая долгосрочную перспективу использования персонала – его следует рассматривать как объект инвестирования и развития. Одним из направлений обеспечения повышения эффективности использования трудовых ресурсов предприятий является рост их качественного состояния и потенциала. Этого можно достичь путем активного профессионального и личностного развития работников. Инвестиции в развитие персонала – это залог формирования эффективного работника в будущем. Однако в настоящее время лишь на небольшой части предприятий применяются эффективные методики мотивации работников [1].

С целью анализа методик мотивации персонала, которые применяются в организациях Белгородской области, нами было проведено социологическое исследова-

ние на базе сельскохозяйственных предприятий. Такое исследование касается оценки наличия и эффективности системы мотивации на сельскохозяйственных предприятиях.

Результаты ответов на вопрос «Какие инструменты мотивации административного персонала к эффективной работе применяются на вашем предприятии?» показывают, что на большинстве опрошенных сельскохозяйственных предприятий – 67,7% респондентов – в качестве основного мотивационного инструмента для административного персонала применяются премии и надбавки за результаты работы. Другой вид материальной мотивации – выплаты социального характера (в т.ч. материальные пособия) применяются на 16,1% исследуемых хозяйств.

Среди нематериальных видов мотивации наиболее популярным является возможность карьерного роста – 19,4% и возможность дополнительного обучения, повышения квалификации – 12,9%.

У 16,1% предприятий-респондентов вообще не применяются инструменты мотивации для административных работников, что безусловно свидетельствует о низкой эффективности системы управления кадрами.

Для сравнения проанализирована рациональность применения различных инструментов мотивации в процессе управления рабочими. Так, проработанные ответы на вопрос «Какие инструменты мотивации рабочих к эффективной работе применяются на вашем предприятии?» показывают, что для рабочих кадров инструменты мотивации применяются в еще меньшей степени. Так, у 58,1% опрошенных предприятий рабочим выплачиваются премии и надбавки, 41,9% (что значительно превышает уровень для административного персонала) рабочих получают материальную помощь в случае необходимости; и у 12,9% хозяйств есть возможность установления гибкого графика работы (это касается, прежде всего, посменного графика работы).

Нематериальные виды мотивации применяются очень редко, что вполне оправдано, и на 19,4% предприятиях вообще не применяются никакие системы мотивации рабочих.

Положительной тенденцией является то, что для рабочих преобладают материальные формы мотивации над нематериальными, но отрицательной является то, что практически на каждом пятом предприятии не применяются мотивационные механизмы для рабочих в целом.

Для изучения мнения респондентов о важности применения различных мотивационных инструментов, мы предложили работникам сельскохозяйственных предприятий отметить три, по их мнению, важнейшие мотивационные инструмента. Результаты ответов показывают, работники агропредприятий считают, что важнейшими мотивационными инструментами являются:

- премии, надбавки за результаты работы – 100%;
- выплаты социального характера (материальные пособия в случае необходимости) – 54,8%;
- возможность карьерного роста – 35,5%;
- установка гибкого графика работы – 25,8%;
- поощрение лучших работников наградами, грамотами – 19,4%;
- возможность дополнительного обучения, повышения квалификации – 19,4%.

Наименьшая часть опрошенных считает, что эффективным мотивационным инструментом могут быть корпоративные мероприятия, а именно лишь 6,5%.

Проведенное социологическое исследование базировалось на следующих исходных принципиальных положениях:

1) к научному исследованию привлекались сельскохозяйственные предприятия различных организационно-правовых форм;

2) при проведении исследования учитывались различные по размеру агропредприятия;

3) респондентами были различные представители хозяйств – руководители – менеджеры по персоналу или другие административные работники;

4) исследование проводилось на основе анонимности с целью получения правдивых и беспристрастных данных от респондентов;

5) в анкету включено достаточно много вопросов относительно общей характеристики предприятия (организационно-правовая форма хозяйствования, период существования предприятия, численность работников, возраст и опыт руководителя, наличие стратегии развития предприятия) и специфические вопросы, связанные с объектом данного исследования (наличие системы оценки персонала, оценка эффективности действующей системы оценки работников, наличие опыта по использованию различных мотивационных мероприятий, оценка их эффективности, перспективные видения относительно возможности усовершенствования системы оценки и мотивации персонала на их хозяйствах).

Соблюдение данных принципиальных положений научного социологического исследования позволило объективно проанализировать характерную для сельскохозяйственных предприятий ситуацию относительно методик оценивания и мотивации персонала, а также установить отношение руководителей хозяйств к необходимости проведения изменений относительно этих управленческих элементов.

В этом социологическом исследовании приняло участие 126 респондентов из различных сельскохозяйственных предприятий Белгородской области.

Учитывая наличие положительных тенденций по мотивации персонала в целом, следует отметить, что на действующих в регионе сельскохозяйственных предприятиях недостаточно разработаны элементы мотивации персонала. Однако нынешние вызовы в экономической среде и деятельность в условиях неопределенности требуют не только подбора лучших работников и мотивации их к более эффективному развитию, но и постоянной работы по развитию работников. В связи с этим, нами разработан механизм оценки тенденций развития персонала как предпосылки для создания комплексного механизма мотивации. Предлагаем проводить такую работу на основе шкалы оценивания тенденций развития работников.

Мотивация тенденций развития работника имеет чрезвычайно важное значение, поскольку способствует усовершенствованию основного ресурса производства – персонала. В настоящее время только умные, активные, вдохновленные люди могут способствовать эффективному развитию предприятия. Соглашаясь с этим утверждением, мы значительное внимание в работе обращаем на разработку действенного мотивационного механизма.

Современной, однако, к сожалению, малоиспользуемой в современном сельском хозяйстве формой мотивации является вознаграждение за компетенции. Действия в условиях глобальной конкуренции, большой изменчивости и незащищенности окружающей среды смещают акцент с текущих на перспективные эффекты деятельности, которые обеспечивают конкурентное преимущество. В перспективе это ведет к тому, что вознаграждения за прошлые эффекты уступают место вознаграждениям за будущую результативную работу. Такой подход нивелирует принцип оплаты за необходимые и исполь-

зуемые компетенции в работе в пользу принципа оплаты за имеющиеся и важные компетенции с точки зрения стратегии конкурентоспособности предприятия. Применение этой формы мотивации имеет как преимущества, так и слабые стороны. Прежде всего, отметим, что эта форма может быть применена в определенных условиях.

Способ связи заработной платы с компетенциями может быть различен, но он должен быть приспособлен к стратегии, структуре и организационной культуре предприятия. Он учитывает эволюцию работы от ориентации на должность до ориентации на исполняемые роли. Учитывая эту ориентацию как основу, отмечается три способа зависимости заработной платы от компетенции.

Первый заключается в удержании ориентации на должность, и он характерен для предприятий, направленных на процессы. Компетенции частично или полностью заменяют традиционные факторы оценивания работ, формирования основных ставок оплаты труда. Ведущую или исключительно позицию занимают жесткие, а не мягкие компетенции, которые должен выполнять исполнитель. Связь заработной платы с компетенциями наступает здесь через основную оплату труда.

Второй вид вознаграждения, связанного с заработной платой, сориентирован на исполняемые роли. В этом случае прорабатываются широкие профили ролей и принадлежащие им компетенции, взятые на нескольких уровнях. Здесь дополнительная часть заработной платы выше, чем в предыдущем варианте.

Третий способ связи заработной платы с компетенциями применяется в основном в сетевых организациях. Тем не менее он может быть использован и в сельском хозяйстве, поскольку в этой области знания, умения и определенное обслуживание играют важную роль. Этот способ полностью сориентирован на личность. Характеризуется зависимостью от компетенции прежде всего дополнительной части заработной платы, а также и заработной платы в целом.

Таким образом по результатам проведенных исследований показаны концептуальные основы эффективной системы оценки и мотивации персонала, которые включают: разработку рациональной организации системы оценки и мотивации персонала; разработку эффективной методики оценки работников сельскохозяйственных предприятий; разработку оптимальной (рациональной с точки зрения расходы – доходы для разного типа предприятий) методики мотивации персонала. Предложенные инновации для сельскохозяйственных предприятий будут иметь высокую результативность с точки зрения «доходы-расходы», поскольку данные инструменты оценки и мотивации имеют высокий уровень мотивационного влияния и экономический эффект для предприятия в целом.

Литература

1. Захаров А.Н. Особенности и проблемы мотивации труда в сельском хозяйстве // Вестник НГИЭИ, 2014, № 1. С. 27–37.
2. Кохан Ж.С., Сereжко Т.А., Шкилев М.В. Источники мотивации работников сельскохозяйственных предприятий // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7. С. 27–30.
3. Ревенко Н.В., Кохан Ж.С., Сereжко Т.А. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития // Вестник БУКЭП. 2023, № 2. С. 101–112.
4. Сereжко Т.А., Шкилев М.В. Особенности развития мотивации на сельскохозяйственных предприятиях // Социально-психологическое знание в контексте цивилизационного кризиса: материалы Международной научно-практической и научно-методической конференции (30 марта 2023 года); АНО ВО «БУКЭП». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2023–175 с.
5. Труфанова Т.А., Воеводина А.П. Проблема управления мотивацией труда в современных организациях // Социально-экономические явления и процессы, 2013, № 6. С. 138–144.

MOTIVATION OF PERSONNEL DEVELOPMENT AT AGRICULTURAL ENTERPRISES: CURRENT TRENDS AND PROSPECTS OF IMPROVEMENT

Kohan Z.S., Serezhko T.A., Shkilev M.V.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article shows the results of a sociological study, which identifies the features and principles of motivation used in agricultural enterprises in the context of two categories of personnel: administrative workers and workers. Proposals have been developed to improve the motivational process based on a competence-based approach.

Keywords: staff motivation, development, motivation tools, agricultural enterprises, methods.

References

1. Zakharov A.N. Features and problems of labor motivation in agriculture // Vestnik NGIEI, 2014, No. 1. pp. 27–37.
2. Kohan Z.S., Serezhko T.A., Shkilev M.V. Sources of motivation of workers of agricultural enterprises // Socio-humanitarian knowledge. 2022. No. 7. pp. 27–30.
3. Revenko N.V., Kohan J.S., Serezhko T.A. Economic sociology as a theoretical and methodological basis for the analysis of problems of innovative development // Bulletin of the BOOKEP. 2023, No. 2. pp. 101–112.
4. Serezhko T.A., Shkilev M.V. Features of motivation development at agricultural enterprises // Socio-psychological knowledge in the context of the civilizational crisis: materials of the International scientific-practical and scientific-methodological conference (March 30, 2023); ANO VO "BUKEP". Belgorod: BUKEP Publishing House, 2023–175 p.
5. Trufanova T.A., Vojvodina A.P. The problem of labor motivation management in modern organizations // Socio-economic phenomena and processes, 2013, No. 6. pp. 138–144.

Персонализация в кадре: социологический анализ влияния формата «Говорящая голова» на вовлеченность аудитории цифрового авторского медиапространства

Янчук Павел Павлович,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: zyher@list.ru

Мкртумова Ирина Владимировна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и соц-псих. процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Mkrtumova.IV@rea.ru

В современных условиях средства массовой информации (далее СМИ) остаются мощнейшим источником новостей, но они больше не доминируют в информационном пространстве, часто уступая социальным медиа по скорости и наполненности контента. В статье представлены результаты исследования уровня влияния формата подачи видео контента «Говорящая голова» на успешность продвижения медиаканала создателя контента. Был использован метод вторичного анализа документальных источников, изучены и типологизованы 170 видеодокументов Google youtube-канала в формате shorts. Рассмотрены три основных типа цифрового контента социальных медиа: информационный, продающий и репутационный/вовлекающий. В исследовательских целях в статье выделяются два формата видео контента: персонализировано-статусный («Говорящая голова») и персонализировано-инструментальный (демонстрация автором своей предметной деятельности).

Ключевые слова: СМИ, авторское медиапространство, типы видео контента, «Говорящая голова», общественное мнение, цифровые социальные коммуникации.

Введение

Трансформация информационной сферы благодаря цифровым технологиям, мобильности и социальным платформам значительно повлияла на видео контент средств массовой информации (далее – СМИ). Эти изменения относятся не просто к технологическому подходу создания контента, но они усовершенствовали всю систему СМИ, увеличивая количество пользователей, вариативность и способы презентации информации. СМИ остаются мощным источником новостей, но больше не доминируют в информационном пространстве, часто уступая социальным медиа по скорости и наполненности контента. По мере эволюции СМИ, исчезает традиционное разделение на жанры, создавая новые горизонты для креативности авторов. Они вынуждены приспосабливаться к мультимедийной среде и меняющимся аудиторным предпочтениям, искать уникальные способы взаимодействия со зрителями и внедрять современные форматы визуализации и интерактивности в свои произведения.

Современные СМИ предлагают широкий спектр видеоконтента, разделяемого на несколько основных типов 2, 3. Информационные материалы, такие как новости и репортажи, составляют основную фундаментальную категорию, обеспечивая актуальное освещение событий и способствуя формированию общественного мнения. Образовательный контент, включая образовательные и документальные фильмы и обучающие видео, целенаправленно направлен на расширение знаний и навыков зрителей. Развлекательные видео, такие как фильмы, сериалы и шоу, предназначены для отдыха аудитории и стимулирования эмоционального отклика. Социально значимый контент, такой как социальные эксперименты и авторские блоги, инициирует дискуссии по актуальным вопросам и позволяет пользователям выражать личные взгляды. Помимо этого, контент маркетинга и рекламы играет важную роль в продвижении товаров и услуг, влияя на потребительские предпочтения и поведение. Активно развивающийся пользовательский контент, генерируемый самими зрителями, отражает динамичный процесс количественного взрывного роста и демократизации СМИ и активное участие пользователей в создании медиа ландшафта.

При изучении детерминант влияющих на успешность создателей контента, нужно рассматривать не только классические социально демографические факторы пола, возраста, дохода, образования и т.д., но и тип контента, который производится его создателем.

Исследования

Среди отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих трансформацию процессов производства медиаконтента в цифровой реальности можно отметить труды Дж. Пулицци, О.Р. Самарцева, Я.В. Солдаткиной, Л.Е. Кройчика, А.В. Чижик¹ и др., а также новейшие иссле-

¹ Пулицци Дж. Управление контент-маркетингом. – М.: МИФ. 2014. – 220 с.; Самарцев О.Р. Цифровая реальность:

дования, посвященные анализу разных аспектов медиа-стратегий и функциональных особенностей современных СМИ Е.Я. Дугина¹, К.А. Онуприенко [1], Адамьянц Т.З [4], Березина В.М [5], С.В. Паранько, К.Р. Нигматуллиной, И.Н. Кемарской² и иные исследования [10; 11; 12].

Янчук П.П. в своем диссертационном исследовании выделяет 3 основных типа контента: информационный, продающий и репутационный/вовлекающий. В информационном контенте его автор делится информацией о событии или явлении, мнением по теме. В продающем контенте задача автора «продать» свои услуги или побудить зрителя сделать ключевое действие: поставить лайк, подписаться на канал, перейти по ссылке в описании. Под репутационным/вовлекающим контентом подразумеваются имиджевые публикации: поздравление с праздниками подписчиков канала, конкурсы/розыгрыши/викторины, а также рассказ о ценностях компании/бренда, без призывов к конкретным действиям.

Однако в рамках текущей статьи рассмотрены не сами типы контента, а именно, форматы видео и далее анализируются их воздействие на различные социальные группы пользователей [8, 9].

В исследовательских целях авторы выделяют 2 формата видео контента: персонифицировано-статуарный («Говорящая голова») и персонифицировано-инструментальный (демонстрация автором своей предметной деятельности). Например, персонифицировано-инструментальный формат «информационного контента» может выглядеть как демонстрация автором процесса производства товара или услуги (например, «как правильно рубить дерево», в кадре видим, как человек рубит дерево), комментирование автором ключевых инструментальных процессов (в кадре мы видим схему рубки дерева, а автор голосом за кадром комментирует на что обратить внимание). В то время, как персонифицировано-статуарный формат «информационного контента», выглядит в кадре как так называемая, «Говорящая голова» (основа кадра – человек, который делится информацией).

Иногда формат «Говорящей головы» может быть разбавлен кадрами демонстрации процесса или фотографиями схем, а также для удобства просмотра пользователями, которые потребляют контент без звука, оснащён субтитрами.

В статье представлены результаты пилотного исследования уровня влияния формата подачи видео контента «Говорящая голова» на успешность создателя контента. Изучение вопроса основано на результатах аналитики youtube-канала одного доктора (без ФИО), занимающегося мануальной терапией, психосоматикой и иглореф-

лексотерапией³. Данная аналитика была осуществлена в июле 2023 года. Результатом анализа стали рекомендации для авторов канала, которые позволили системно увеличивать количество подписчиков канала и охват уникальных зрителей.

Автором статьи для исследования был избран метод вторичного анализа документальных источников, были изучены и типологизованы 170 видеодокументов Google youtube-канала в формате shorts. Особенностью данных видео является то, что они вертикальные⁴, продолжительностью до 1 минуты, и в основном используются создателями контента на площадке youtube как «короткие рекламные ролики» для привлечения внимания к длинным горизонтальным видео. Однако, в анализируемом массиве, доктор, на момент анализа, производил только вертикальный контент и использовал его для привлечения новых пациентов на первичный приём.

В результате анализа указанного медиаконтента П.П. Янчуком было выявлено несколько особенностей:

1. «обложки» (кадр, который мы видим на предпросмотре) коротких видео доктора не играли важной роли в количестве просмотров, однако у большинства конкурентов доктора на обложках используются частично или почти полностью обнаженные тела девушек-пациентов. Данные обложки влияют на просмотры длинных видео, но в коротких видео это не имело значения;
2. описание видео, его оптимизация по тегам никак не влияли на успешность видео. Большинство видео были названы «с потолка», не имели описания и тегов. Однако это не мешало некоторым видео набирать миллионы просмотров;
3. видео, где доктор был одет в белый халат воспринималось аудиторией лучше, чем видео, где доктор был в зеленом медицинском костюме;
4. видео в формате «Говорящая голова» собирало меньше просмотров, чем видео с демонстрацией трастовых манипуляций. Однако при подсчёте показателя «сколько просмотров видео нужно, чтобы подписался новый человек» было выявлено, что видео формата «Говорящая голова» требуют от 50 до 70 просмотров для одного нового подписчика, а видео с демонстрацией процесса требовало от 450 до 2200 просмотров для одного нового подписчика. По эффективности персонифицировано-статуарный формат («Говорящая голова») на порядок превосходит персонифицировано-инструментальный формат (демонстрация доктором своей предметной деятельности).

В результате исследования на основе количественного анализа данных были предложены следующие практические рекомендации для авторов анализируемого канала доктора:

- при демонстрации процесса приёма доктор должен комментировать «вдох / выдох», так как именно такие видео набирали больше положительной обратной связи;
- в демонстрации трастов желательно добавлять титр «не пытайтесь повторить это дома, обращайтесь к специалисту»;
- доктору быть одетым по возможности в белый халат;
- экспертные видео записывать либо сидя за столом, либо в движении (машина, пробежка, спортзал);

³ Аналитика Google youtube-канала [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1CqMhNCwph5eb-CvoZhCqB-KK93owUJYRfszC3vNeA7Es/edit?usp=sharing> (дата обращения: 10.07.2024)

⁴ Вертикальное видео – это видео портретной ориентации, у которого высота больше ширины

Журналистика информационной эпохи: факторы трансформации, проблемы и перспективы. – М.: Издательские решения, 2020. – 120 с.; Солдаткина Я.В. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика, 2018. No 3. – С. 323–330; Кройчик Л.Е. Публицистический жанр: природа и стратегия развития // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2013. No2. – С. 171–176; Чижик А.В. Новые медиа форматы в массовой культуре эпохи цифровых технологий: культурологический анализ // Диссер. ...канд. культурол. – М., 2018. – 165 с.

¹ Дугин Е.Я. Медиаиндустрия в условиях цифровых трансформаций. – М.: Канон+, 2021. – 416 с; Орлова Т.Д. Феномен развития жанров в контексте журналистики нашего времени. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 28–39.

² Паранько С.В., Нигматуллина К.Р. Медиа как сообщества в новой цифровой реальности // Век информации, 1(2), 2018. С. 226–227. Кемарская И.Н. Форматная драматургия ТВ-произведения в медийном пространстве цифровой эпохи // Диссер. ... д-ра филол.н. – М., 2021. – 377 с.; и др.

- на экспертных видео не писать субтитры, лучше, когда на протяжении всего видео присутствует титр-заголовки о чём видео;
- для увеличения аудитории канала нужно продолжать снимать оба формата демонстрация процесса и «говорящая голова».

Изучив в пилотном исследовании данный феномен на примере одного канала можно в исследовательских целях экстраполировать данные на другие каналы. К примеру, в телепередаче «Поле Чудес» за более, чем 30-летнюю историю снялись огромное количество участников, однако все мы помним только Леонида Якубовича, ведь именно он выступает «Говорящей головой». Другой пример использования феномена «Говорящей головы» в телепередаче «Что? Где? Когда?», где фигура ведущего специально скрыта от глаз телезрителя, чтобы мы запоминали участников и гостей в зале.

Тоже самое касается и интернет-звёзд. Самый популярный в России блогер – Ольга Бузова постоянно выходит в эфир именно «Говорящей головой», тем самым становясь частью жизни своих подписчиков. При этом персонафицировано-инструментальный формат «демонстрации процесса» – исполнение песен или участие в шоу также необходимы. Такой формат приводят новых зрителей. Однако удерживает зрителей именно формат «Говорящая голова». Завтра мы не вспомним, какие новости были вчера, однако с легкостью вспомним ведущего этих новостей.

Заключение

В основу статьи положены итоги пилотного исследования уровня влияния формата подачи видео контента «Говорящая голова», проведенного П.П. Янчук на основе аналитики youtube-канала персоны некоего доктора (без ФИО), занимающегося мануальной терапией, психосоматикой и иглорефлексотерапией. Было проанализировано 170 видео в формате shorts. Результаты исследования позволили сделать два вывода. Первый: по количеству видео с демонстрацией трасовых манипуляций (персонафицировано-инструментальный формат) собирает больше просмотров, чем видео в формате «Говорящая голова» (персонафицировано-статуарный формат). Второй: однако при подсчёте эффективности показателя «сколько просмотров видео нужно, чтобы подписался новый человек», было выявлено, что видео формата «Говорящая голова» требуют от 50 до 70 просмотров для одного нового подписчика, в то время как видео с демонстрацией процесса требовало от 450 до 2200 просмотров для одного нового подписчика. По эффективности персонафицировано-статуарный формат («Говорящая голова») на порядок превосходит персонафицировано-инструментальный формат (демонстрация доктором своей предметной деятельности). Новых зрителей привлекает демонстрация процессов, но удерживает зрителей именно формат «Говорящая голова». Для авторских медиаканалов этот формат можно использовать как эффективную стратегию успеха. По итогам исследования были сформулированы конкретные практические рекомендации для авторов видео контента.

Литература

1. Онуприенко К.А. Новые медиаформаты в практике российских СМИ // Автореф.дис... к.социол.н. – Москва, ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии». 2023. 24 с.
2. Горошко Е.И., Каверина А.С. Типологизация контента современных СМИ (попытка рефлексии) // Раз-

витие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). – М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. с. 122–131.

3. Чередниченко Л.В. Типы контента сетевых научно-просветительских медиа // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. 251 с. ISSN 2541-7509 <https://doi.org/10.5281/zenodo>.
4. Адамьянц Т.З., Шилова В.А. В поисках телезрительских симпатий. Институт социологии РАН, 2004.
5. Березин В.М. Теории массовой коммуникации и современные электронные технологии. М.: ИПК работников ТВ и РВ, 2011.
6. Гаймакова Б.Д., Макарова С.К., Новикова В.И., Осовская М.П. Мастерство эфирного выступления. М.: Аспект Пресс, 2004.
7. Дмитриев Л.А. Драматургия. Законы экранного творчества. М., 2009.
8. Круглов А.С. Специфика коммуникативного взаимодействия в российском сегменте социальных медиа: на материале социальной сети «ВКонтакте» и видеохостинга «You Tube». 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disserscat.com/content/spetsifika-kommunikativnogo-vzaimodeistviya-v-rossiiskom-segmente-sotsialnykh-media-na-mater> (дата обращения: 10.03.2024)
9. Дементьев В.В. Жанры новых сфер общения // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. С. 19–36.
10. Янчук П.П. Лекция о новых медиа и том, как запустить свой блог. [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.znanierussia.ru/slot/magiya-tehnologij-lekciya-ob-innovaciyah-kotorye-perevernut-nash-68502/> (дата обращения: 10.03.2024).
11. Янчук П.П. Факторы профессионального роста создателей контента в главных цифровых медиа // Сборник статей «IV Международной научно-практической конференции «Межпоколенческие коммуникации: актуальные вызовы»». Москва. 2024.
12. Мкртумова И.В. Цифровая социализация: симбиоз масс-медиа и искусственного интеллекта как канал фокусного конструирования ценностных ориентаций молодёжи (социально-одобряемых или ложных) // Социология № 6. 2023. С. 211–220. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-6-211-219.

PERSONIFICATION IN THE FRAME: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF THE “TALKING HEAD” FORMAT ON AUDIENCE ENGAGEMENT IN THE DIGITAL AUTHOR’S MEDIA SPACE

Yanchuk P.P., Mkrumova I.V.

G.V. Plekhanov Russian University of Economics

In modern conditions mass media (hereinafter mass media) remain the most powerful source of news, but they no longer dominate the information space, often yielding to social media in terms of speed and content. The article presents the results of the study of the level of influence of the format of video content presentation “Talking Head” on the success of the content creator’s media channel promotion. The method of secondary analysis of documentary sources was used, 170 video documents of Google youtube-channel in shorts format were studied and typologized. Three main types of social media digital content were considered: informational, selling and reputation/involvement. For research purposes, the article distinguishes two formats of video content: personified-statusual (“Talking Head”) and personified-instrumental (demonstration of the author’s subject activity).

Keywords: mass media, author's media space, types of video content, "Talking Head", public opinion, digital social communications

References

1. Onuprienko K.A. New media formats in the practice of the Russian mass media. Avtoref.dis... c.sociol.n. Moscow, FGBOU DPO "Academy of Media Industry". "Academy of Media Industry". 2023:24. (In Russian)
2. Goroshko E.I., Kaverina A. S. Typologization of the content of modern media (reflexion attempt) // Development of Russian-language media space: communication and ethical problems. Proceedings of the scientific and practical conference (April 26–27, 2013). Moscow: APK and PPRO Publishing House, 2013:122–131. (In Russian)
3. Cherednichenko L.V. Types of content of network scientific and educational media // Humanitarian scientific bulletin (6);2020:251. ISSN 2541-7509 <https://doi.org/10.5281/zenodo>. (In Russian)
4. Adamyants T.Z., Shilova V.A. In Search of Television Viewer Sympathies. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2004. (In Russian)
5. Berezin V.M. Theories of mass communication and modern electronic technologies. Moscow: IPK of TV and RV workers, 2011. (In Russian)
6. Gaimakova B.D., Makarova S.K., Novikova V.I., Osovskaya M.P. Mastery of on-air performance. Moscow: Aspect Press, 2004. (In Russian)
7. Dmitriev J.I.A. Dramaturgy. The Laws of Screen Creativity. M., 2009. (In Russian)
8. Kruglov A.S. Specifics of communicative interaction in the Russian segment of social media: on the material of the social network "VKontakte" and video hosting "You Tube". 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.dissercat.com/content/spetsifika-kommunikativnogo-vzaimodeistviya-v-rossiiskom-segmente-sotsialnykh-media-na-mater> (date of image:10.03.2024) (In Russian)
9. Dementiev V.V. Genres of new spheres of communication // Modern speech communication: new discursive practices. Omsk: Omsk State University Press, 2011:19–36. (In Russian)
10. Yanchuk P.P. Lecture on new media and how to run your blog. [Electronic resource]. URL: <https://russia.znanierussia.ru/slot/magiya-tehnologij-lekciya-ob-innovaciyah-kotorye-perevernut-nash-68502/> (date of reference: 10.03.2024). (In Russian)
11. Yanchuk P.P. Factors of professional growth of content creators in the main digital media. // Collection of articles "IV International Scientific and Practical Conference "Intergenerational Communications: Current Challenges". Moscow. 2024. (In Russian)
12. Mkrtumova I.V. Digital socialization: symbiosis of mass-media and artificial intelligence as a channel of focus construction of value orientations of youth (socially approved or false) // Sociology № 6. 2023:211–220. ISSN 1812-9226. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-6-211-219. (In Russian)

Поведенческие паттерны нарушения репродуктивного здоровья молодежи: межстрановой анализ

Мкртумова Ирина Владимировна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и соц-псих. процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Mkrumova.IV@rea.ru

Ашкар Мария,

аспирант кафедры, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: mariaash9.8@gmail.com

В статье представлен социологический анализ репродуктивного поведения молодежи на основе исследовательских данных из различных стран глобального Севера и глобального Юга. Исследуется влияние рискованного и безответственного поведения молодых людей на сферу репродуктивного здоровья, при этом выявляются ключевые поведенческие паттерны и определяются их социальные последствия. Современная молодежь все чаще сталкивается с целенаправленной пропагандой чуждых ценностей мировоззренческого, экономического и социального характера, которые в т.ч. направлены на размытие семейных традиций. Вызывает беспокойство также и то, что не все молодые люди понимают значимость репродуктивного здоровья и проявляют безответственный подход к нему, что порождает заболевания репродуктивной сферы и имеет серьезные социальные последствия.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье молодежи, семейные ценности, рождаемость, риски, заболевания; инфекции, передающиеся половым путем; демография.

Введение

Сегодня на государственном уровне определена важность большой многодетной семьи, это должно стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии¹.

Создание семьи и рождение детей для молодежи является важным, это возможность передать через поколения семейную историю, ценности, традиции и уроки жизни, что позволяет формировать глубокие межпоколенные связи.

К сожалению, мировая тенденция снижения рождаемости наблюдается в России. Современная молодежь переосмысливает традиционные представления о браке, семье и рождении детей, о допустимых моделях репродуктивного поведения. Эти изменения часто обусловлены определенным инфантилизмом, нежеланием брать на себя ответственность, стремлением к более свободному поведению, к личной самореализации, карьерному росту и более высокому уровню жизни, что иногда приводит к откладыванию родительства или отказу от него. Это в том числе выражается в формировании субкультуры чайлдфри (англ. childfree – свободный от детей).

Социальный феномен последних десятилетий более позднего создания семьи и рождения детей обусловлен также и такими экономическими факторами, как нестабильность трудоустройства, часто связанная с завышенными социальными ожиданиями молодежи («сразу быть директором»), желание соответствовать модным стандартам проведения досуга, высокие затраты на съёмное или «ипотечное» жилье, возрастание семейных затрат при появлении детей и т.п., что часто вынуждает молодых людей откладывать родительство.

Важной особенностью изменения репродуктивных установок части молодежи является неблагоприятное, даже рискованное поведение в сфере репродуктивного здоровья. Согласно исследованиям Уильяма [8], количество подростков, вовлеченных в сексуальную активность, начало резко увеличиваться в 70-х годах XX-го века [8]. Эйрел и Холмс утверждают, что люди, имеющие нескольких сексуальных партнеров в течение нескольких месяцев, сталкиваются с повышенным риском заражения ИППП. Более того, ученые подчеркивают, что увеличение числа сексуальных партнеров на протяжении всей жизни коррелирует с повышенным совокупным риском заражения вирусными инфекциями, такими как гепатит В, ВИЧ [8].

Некоторые молодые люди могут принимать необдуманные решения, совершать спонтанные (аффективные) действия, которые увеличивают риски для их репродуктивного здоровья. Можно выделить следующие поведенческие паттерны нарушения репродуктивного здоровья молодежи: неиспользование контрацептивов, случайные или небезопасные сексуальные связи, наличие нескольких половых партнёров и отказ от регулярного прохождения медицинских осмотров, что увеличивает риски нежелательной беременности и распростра-

¹ Путин В.В. Послание-2024: с опорой на семейные ценности. 01.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.todaykh.ru/news/policy/72612/> (дата обращения: 20.03.2024).

нения инфекций, передающихся половым путем (далее – ИППП). Оказывают существенное влияние такие факторы, как недостаток информации о рисках случайных связей, низкая грамотность в данной сфере и определенные личностные психологические аспекты, которые предопределяют безответственные и рискованные модели ролевого поведения.

Нельзя недооценивать воздействие этно-конфессиональных и социокультурных особенностей семейного воспитания и ближайшего социального окружения. Они играют значительную роль в формировании поведения подростков и молодых людей. Устоявшиеся представления о маскулинности и феминности, полученные в ходе первичной и вторичной социализации, а также усвоенные модели гендерных ролей в раннем возрасте в семье и окружающей культуре, могут влиять на поведенческие стандарты. Эти факторы, в свою очередь, могут способствовать или препятствовать развитию рискованного и неблагоразумного, безответственного сексуального поведения. Результатами такого поведения в т.ч. является распространение ИППП и нарушение репродуктивного здоровья.

Результаты исследований

Заболевания ИППП во всем мире представляют собой серьезную проблему. Наибольшее беспокойство вызывают высокие темпы распространения таких инфекций среди молодежи. По данным ВОЗ за 2023 год, ежегодно во всем мире регистрируется около 333 миллионов новых случаев, поддающихся лечению ИППП, причем самые высокие показатели наблюдаются среди людей в возрасте 20–24 лет, за которыми в рейтинге следует возрастная группа 15–19 лет [2]. Подсчитано, что каждый 20-й молодой человек ежегодно заражается ИППП, исключая ВИЧ и другие вирусные инфекции.

В США, по данным исследований Центров по контролю и профилактике заболеваний, распространённость ИППП среди молодежи неуклонно растет с начала 1980-х годов [4]. В 2020 году на молодых людей в возрасте 13–24 лет приходилось составят 20% от всех новых диагнозов ВИЧ в США. Более половины из почти 20 миллионов новых случаев ИППП, зарегистрированных в 2020 году, приходится на молодых людей в возрасте 15–24 лет. От венерических заболеваний, включая ВИЧ, и нежелательной беременности могут защитить использование презервативов и гормональных противозачаточных средств. Несмотря на то, что уровень подростковой рождаемости в конце 10-х годов XXI века находился на самом низком уровне, в 2021 году более 145 тыс. младенцев родились у женщин-подростков¹. Согласно исследованию поведения детей и подростков по факторам риска здоровья 2011–2021, проведенному Centers for Disease Control and Prevention (США)², доля старшеклассников, которые имеют сексуальные контакты, повышающие риски заражения ВИЧ, венерическими заболеваниями и риски нежелательной беременности, снизилась с 2011 по 2021 год. Исследователи пишут о снижении уровня использования презервативов, количества тестирований на ИППП и ВИЧ. Почти 1/3 студен-

¹ Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC). Исследование поведения детей и подростков по факторам риска здоровья 2011–2021. // Centers for Disease Control and Prevention (CDC). [Электронный ресурс]. (дата обращения: 15.03.2024).

² Исследование поведения детей и подростков по факторам риска здоровья 2011–2021. [Электронный ресурс]. URL https://www.cdc.gov/healthyyouth/data/yrbs/pdf/YRBS_Data-Summary-Trends_Report2023_508.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

тов когда-либо занимались сексом, и более 20% в настоящее время ведут активную половую жизнь. С 2011 по 2021 год меньше студентов имели такие контакты. Процент студентов, которые когда-либо занимались сексом, ведут активную половую жизнь и имеют четырех или более сексуальных партнеров в течение жизни, снизился. Число сексуально активных студентов, использующих презервативы, тоже снизилось с 2011 по 2021 год. Процент студентов, когда-либо проходивших тестирование на ВИЧ, снизился с 2011 по 2021 год, как и число студентов, проходивших тестирование на венерические заболевания. Особенно заметное снижение произошло в период с 2019 по 2021 год.

В Канаде, согласно данным исследования общественного здоровья 2018 г. [10], примерно каждый четвертый ученик 10 класса имел сексуальный контакт. В 2018 году 25% юношей и 27% девочек, учеников 10 класса сообщили, что у них был секс. В 2018 году 14% юношей 9 класса и 12% девочек сообщили о том же. Менее 2/3 студентов сообщают, что пользуются презервативами. Девочки чаще, чем юноши, указывают на использование противозачаточных таблеток в качестве метода контрацепции (55% против 47%), в то время как юноши чаще говорят об использовании презервативов (66% юношей против 61% девочек). Исследователи из Канады отметили, что на разницу между юношами и девочками в использовании противозачаточных средств может повлиять тот факт, что большее количество юношей, чем девочек, «не уверены» в том, использовали ли они противозачаточные таблетки или нет.

В Швеции по данным исследования «Сексуальность и здоровье среди молодежи Швеции», опубликованного в 2017 году [11], в котором основное внимание уделялось молодежи в возрасте 16–29 лет, в общей сложности 81% респондентов заявили, что они когда-либо имели сексуальный опыт. У большего количества девушек (86%), чем у юношей (76%), это был первый сексуальный опыт. Шведские исследователи выделяют категорию «лиц небинарного пола» и среди таких молодых людей доля тех, у кого был первый сексуальный опыт, составила 67%. В исследовании особое внимание было уделено репродуктивному здоровью молодежи. Средний и медианный возраст начала половой жизни с партнером составил 16 лет. Средний возраст начала половой жизни для девочек составил 16,1 года, а для юношей – 16,6 года. Среди лиц небинарного пола средний возраст составил 15,7 года.

Исследователи отметили, что присутствует осознание ответственности за свое репродуктивное здоровье. Большинство опрошенных, в общей сложности 89%, заявили, что важно предохраняться с помощью контрацептивов, чтобы избежать нежелательной беременности. О том, что у них был опыт аборта (личный или своего партнера) в общей сложности сообщили 16% опрошенных³. Исследование показало, что 19% молодых людей потребляли алкоголь при таких контактах. Его употребляли чаще юноши (22%), чем девушки (17%). Небольшая доля исследуемых сообщили, что употребляли легкие наркотические средства.

В Германии, по данным исследования сексуального и репродуктивного поведения молодежи⁴, доля подростков, имеющих некоторый опыт (гетеросексуальных) по-

³ Sexuality and health among young people in Sweden [Электронный ресурс]. URL: <https://www.folkhalsomyndigheten.se/publikationer-och-material/publikationsarkiv/s/sexuality-and-health-among-young-people-in-sweden/> (дата обращения: 09.03.2024).

⁴ Hintzpete B., Krause L., Vogelgesang F., и др. Sexual and contraceptive behaviour of young adults in Germany – Results from KIGGS Wave 2 // Journal of health monitoring. 2022. (7). С. 7–20.

ловых контактов, не увеличивалась в течение последних десятилетий. Доля 15- и 16-летних подростков явно снижается. Очень немногие подростки на момент первого полового акта были моложе 17 лет. Среди 16-летних это относится лишь к трети респондентов (34%). Сексуальная активность возрастает с возрастом: 61% 17- и 18-летних уже имели половые контакты; среди 22-летних и старше примерно 9 из 10 молодых взрослых сообщают о по крайней мере одном (гетеросексуальном) половом акте (88–90%). По вопросу ориентации: 9 из 10 девушек и молодых женщин в возрасте от 14 до 25 лет заявляют о гетеросексуальной ориентации (89%). Среди юношей и молодых людей этот показатель составляет 93%. Респонденты женского пола чаще, чем респонденты мужского пола, сообщают о сексуальной ориентации, отличной от чисто гетеросексуальной.

В Казахстане, поданным исследований [12, 13], за 5 лет с 2016 по 2020 гг. увеличилась распространенность ВИЧ-инфекции среди подростков в возрасте 15–19. Отмечается рост абсолютного числа пациентов, заразившихся половым путем, а именно подростков в возрасте 15–19 лет (с 39 до 53 случаев). По данным казахстанского социологического исследования, проведенного UNFPA в 2018 году¹, 1254 подростков в возрасте 15–19 лет, примерно пятая часть респондентов указали, что они начали половую жизнь в возрасте 17 лет или моложе; примерно половина из них имели двух и более сексуальных партнеров в течение последних 12 месяцев, а пятая часть не использовали презервативы.

Исследование проводилось и в африканских странах Никарагуа, Кения, Сенегал, Замбия и др. Результаты опроса MSI показывают, что уровень распространения ИППП достаточно высокий. Выделяются несколько основных причин. Неуверенность в конфиденциальности медицинской помощи и страх стигматизации остаётся одной из основных проблем для молодёжи с ИППП в Никарагуа, Кении, Сенегале и Замбии [3]. Даже когда у молодых людей есть уверенность, что информация, полученная в клинике, останется конфиденциальной, часто у них остается тревожное ощущение, что родители или другие взрослые узнают о их ИППП. В Никарагуа и Кении молодёжь считает, что, увидев их в общественных клиниках, соседи, друзья и даже персонал этих клиник может проинформировать их родителей [3]. Лэйн и Джеймс [3] обнаружили, что девочки-подростки больше озабочены конфиденциальностью, чем мальчики. Кроме того, девочки могут бояться обследования. Наконец, подростки могут чувствовать себя слишком смущенными для того, чтобы делиться информацией об ИППП со своими партнерами [3]. Финансовые препятствия являются серьезной проблемой для подростков: согласно отчету ВОЗ, стоимость эффективного лечения ИППП высока и часто не по средствам подросткам. В Нигерии, например, стоимость медицинских услуг по борьбе с ИППП является сдерживающим фактором, приводящим к низкому уровню их использования среди девочек [3, 4].

Исследования проводились и в Российской Федерации. С 1990-х годов в нашей стране наблюдался рост заболеваний, передаваемых половым путем, особенно среди молодёжи. Несмотря на постепенное снижение уровня заболеваемости, он по-прежнему превышает тот, который был в конце 1980-х годов в СССР. Более того, в настоящее время ВИЧ-инфекция затрагивает более

широкий круг молодых людей, несмотря на то, что ранее она была сосредоточена лишь среди маргинализированных групп (потребителей инъекционных наркотиков, секс-работников, МСМ и заключенных) [5].

В 2017 году Хузиханов Ф.В. и Киясов И.А [1] осуществили исследование с целью выявить основные факторы, влияющие на распространенность и прогрессирование ИППП среди молодых людей в городе Казани. Исследование охватило респондентов в возрасте от 14 до 19 лет. По итогам исследования были выявлены три основных фактора: раннее начало половой активности, недостаточное осведомленность о ИППП и нерегулярное использование презервативов во время полового акта. Исследование показало, что возрастная структура заболеваемости ИППП неизменно отражает преобладание молодых людей, на долю которых приходится более 60% всех случаев за последнее десятилетие [1].

Высокая заболеваемость ИППП среди подростков имеет не только демографические, но и значительные экономические последствия, включающие прямые расходы на тестирование, лечение и долгосрочный уход. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2022 году российское правительство потратило 13,2 миллиарда рублей на профилактику, диагностику и лечение ИППП. Из этой суммы 8,5 млрд рублей было потрачено на профилактику, 3,5 млрд рублей – на диагностику и 1,2 млрд рублей – на лечение [5]. Подобная ситуация во многих странах. Так, по оценкам CDC, Соединенные Штаты ежегодно несут миллиарды долларов на прямых медицинских расходов, связанных с ИППП, на диагностику и лечение молодежи [7].

Заключение

Уровень заболеваемости ИППП среди молодежи может быть обусловлен наличием определенных поведенческих паттернов нарушения репродуктивного здоровья. Выделяем несколько:

- Отказ от использования контрацептивов при близких контактах. Это увеличивает риск нежелательных беременностей и распространения ИППП, что в результате является значительной проблемой и для репродуктивного здоровья молодого человека и для здравоохранения в целом. Такое поведение может быть связано с недостатком сексуального образования, отсутствием осознания последствий или стигматизацией использования контрацептивов в некоторых традиционных сообществах.
- Случайные или небезопасные сексуальные связи, наличие нескольких половых партнёров. Эти риски подчеркивают важность доступности средств контрацепции и распространения нужной информации для снижения негативных последствий такого поведения.
- Отказ от регулярного прохождения медицинских осмотров. Молодежь, игнорирующая необходимость регулярных посещений медицинских учреждений, рискует столкнуться с поздним выявлением заболеваний, что может усложнить их лечение и иметь тяжелые и даже необратимые последствия для репродуктивного здоровья.
- Уход от обсуждения вопросов сексуального здоровья, стыд и смущение. Брабин [3] указывает на ситуации: когда подростки осознают факт заражения ИППП, они часто испытывают чувство вины и стыда, они стыдятся рассказать о своих проблемах. В некоторых случаях девочки-подростки ассоциируют ИППП с проституцией, что приводит к нежеланию делиться проблемами со здоровьем. По данным

¹ UNFPA Key facts about sexually transmitted infections and HIV infection // UNFPA Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://kazakhstan.unfpa.org/en/publications/key-facts-about-sexually-transmitted-infections-and-hiv-infection> (дата обращения: 15.03.2024).

Американской психологической ассоциации, стигматизация, связанная с ИППП, может препятствовать обращению за помощью, усугубляя нагрузку на психику подростков [5].

Также выделим несколько факторов риска. 1) Низкий уровень информированности подростков и молодежи. Подростки получают знания о сексе, репродукции, контрацепции и ИППП через различные каналы, от родителей, сверстников, через Интернет, СМИ и др. Горген отмечает, что во многих семьях родители не говорят о таких вопросах со своими детьми [3]. Хотя исследователи Хьюз и Макколи указывают на результаты опросов, которые показывают, что как родители, так и молодые люди часто предпочитают, чтобы семья была основным источником информации о сексуальности и репродуктивном здоровье [3]. 2) Недостаток знаний об ИППП. Многочисленные исследования, особенно в Африке, выявили недостаточные и неточные знания подростков об ИППП. Хайдер сообщает, что в Бангладеш многие студентки демонстрируют ограниченную осведомленность о симптомах ИППП и способах их передачи [3]. В Буркина-Фасо значительная доля мальчиков и девочек-подростков не имеют знаний о симптомах ИППП [3]. Брабин отмечает, что девочки зачастую недостаточно информированы и с трудом различают нормальные и аномальные признаки и симптомы ИППП. Например, в Колумбии 77% молодых людей, не имеющих формального образования, не знали о первичных ИППП и способах их передачи [3]. 3) Недостаточная осведомленность подростков о серьезности последствий ИППП. Брабин и Гланц отмечают, что подростками ИППП (за исключением ВИЧ) не воспринимаются, как особенно важные, а лечению ИППП может уделяться мало внимания [3]. Более того, Брейн и Мерсер утверждают, что девочки-подростки часто выражают большую озабоченность по поводу предотвращения нежелательной беременности, чем по поводу симптомов ИППП. И наоборот, для мальчиков проблемы сексуального здоровья, как правило, имеют приоритет [3]. Данные недавних исследований, проведенных в Кении, Швеции и Аргентины подтверждают эти выводы [3]. 4) Вследствие заболеваний ИППП могут наступить серьезные нарушения репродуктивного здоровья, включая хронические инфекции, воспалительные заболевания органов малого таза, бесплодие и повышенный риск некоторых видов рака. ВОЗ сообщает [2], что нелеченные ИППП могут привести к долгосрочным проблемам со здоровьем.

Репродуктивное здоровье молодого поколения важно для государства, оно напрямую связано с демографической ситуацией в стране. Родительство вносит неограничиваемый вклад в демографическую картину будущего, каждый младенец – это новый шаг к укреплению государства. Обеспечение устойчивого роста населения нашей страны является ключевым фактором для стабильности социально-экономических стратегий государства.

Литература

1. Хузиханов Ф.В., Киясов И.А. Факторы, влияющие на возникновение и развитие у молодежи заболеваний, передаваемых половым путем. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semanticscholar.org/rarer/Факторы%2C-влияющие-на-возникновение-и-развитие-у-Вильямович-Киясов/d1e6c1b-88ca99266b52b92d0447a10c75c0268c9> (дата обращения: 25.01.2024).
2. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Инфекции, передаваемые половым путем (ИППП) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/>

<ru/news-room/fact-sheets/detail/sexually-transmitted-infections> (ИППП) (дата обращения: 25.01.2024).

3. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Инфекции, передаваемые половым путем среди подростков.
4. Необходимость адекватных медицинских услуг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9241562889> (дата обращения: 25.01.2024).
5. CDC. Adolescents and STDs | Sexually Transmitted Diseases | CDC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdc.gov/std/life-stages-populations/stdfact-teens.htm> (дата обращения: 25.01.2024).
6. Igor SK. Международная энциклопедия сексуальности в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sexquest.com/IES4/IES1-3contents.html> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Mayaud P, McCormick D. Interventions against sexually transmitted infections (STI) to prevent HIV infection/ P. Mayaud // Br Med Bull. –200. –53с.
8. Newbern EC, Anschuetz GL, Eberhart MG, Salmon ME, Brady KA, De Los Reyes A. Adolescent Sexually Transmitted Infections and Risk for Subsequent HIV/ EC. Newbern // Am J Public Health. –2013. –81с.
9. Yarber WL, Parrillo AV. Adolescents and sexually transmitted diseases/ WL. Yarber//J Sch Health. –1992. –8с.
10. Canada P.H.A. of The health of Canadian youth: Findings from the health behaviour in school-aged children study [Электронный ресурс]. URL: <https://www.canada.ca/en/public-health/services/publications/science-research-data/youth-findings-health-behaviour-school-aged-children-study.html> (дата обращения: 11.03.2024).
11. Sexuality and health among young people in Sweden [Электронный ресурс]. URL: <https://www.folkhalsomyndigheten.se/publikationer-och-material/publikation-sarkiv/s/sexuality-and-health-among-young-people-in-sweden/> (дата обращения: 09.03.2024).
12. Hintzpeter B., Krause L., Vogelgesang F., и др. Sexual and contraceptive behaviour of young adults in Germany – Results from KiGGS Wave 2 // Journal of health monitoring. 2022. (7). С. 7–20.
13. Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan Bureau of National statistics Primary Incidence of Children Aged 15–17 years with Sexually Transmitted Diseases [Электронный ресурс]. URL: <https://bala.stat.gov.kz/en/pervichnaya-zabolevaemost-detey-v-vozraste-15-17-let-zabolevaniyami-peredavaemyimi-preimuschestvenno-polovym-putem/> (дата обращения: 12.03.2024).
14. UNFPA Key facts about sexually transmitted infections and HIV infection // UNFPA Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://kazakhstan.unfpa.org/en/publications/key-facts-about-sexually-transmitted-infections-and-hiv-infection> (дата обращения: 15.03.2024).

BEHAVIOURAL PATTERNS OF REPRODUCTIVE HEALTH DISORDERS AMONG YOUNG PEOPLE: CROSS-COUNTRY ANALYSIS

Mkrtumova I.V., Ashkar M.

G.V. Plekhanov Russian University of Economics

This article presents a sociological analysis of reproductive behaviour of young people based on research data from different countries of the global North and global South. The impact of young people's risky and irresponsible behaviour on reproductive health is studied, identifying key behavioural patterns and determining their social consequences. Today's young people are increasingly confronted with the targeted propaganda of alien values of worldview, economic and social nature, including those aimed at eroding fam-

ily traditions. It is also a matter of concern that not all young people understand the importance of reproductive health and show an irresponsible approach to it, which gives rise to reproductive diseases and has serious social consequences.

Keywords: reproductive health of young people, family values, fertility, risks, diseases; sexually transmitted infections; demography.

References

1. Factors influencing the emergence and development of sexually transmitted diseases in young people. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyayuschie-na-vozniknovenie-i-razvitie-u-molodezhi-zabolevaniy-peredavaemyh-polovym-putem> (date of reference: 25.01.2024). (In Russian)
2. World Health Organisation (WHO). Sexually transmitted infections (STIs) [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/sexually-transmitted-infections> (STIs) (date of reference: 25.01.2024). (In Russian)
3. World Health Organisation (WHO). Sexually transmitted infections among adolescents. The need for adequate health services [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9241562889> (accessed on 25.01.2024). (In Russian)
4. CDC. Adolescents and STDs | Sexually Transmitted Diseases | CDC [Electronic resource]. URL: <https://www.cdc.gov/std/life-stages-populations/stdfact-teens.htm> (accessed 25.01.2024). (In Russian)
5. Igor SK. International Encyclopaedia of Sexuality on the Internet [Electronic resource]. URL: <http://www.sexquest.com/IES4/IES1-3contents.html> (date of reference: 20.01.2024). (In Russian)
6. Igor SK. Международная энциклопедия сексуальности в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sexquest.com/IES4/IES1-3contents.html> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Mayaud P, McCormick D. Interventions against sexually transmitted infections (STI) to prevent HIV infection/ P. Mayaud // Br Med Bull. 200:53.
8. Newbern EC, Anschuetz GL, Eberhart MG, Salmon ME, Brady KA, De Los Reyes A. Adolescent Sexually Transmitted Infections and Risk for Subsequent HIV/ EC. Newbern // Am J Public Health. 2013:81.
9. Yarber WL, Parrillo AV. Adolescents and sexually transmitted diseases/ WL. Yarber//J Sch Health. 1992:8.
10. Canada P.H.A. of The health of Canadian youth: Findings from the health behaviour in school-aged children study [Электронный ресурс]. URL: <https://www.canada.ca/en/public-health/services/publications/science-research-data/youth-findings-health-behaviour-school-aged-children-study.html> (дата обращения: 11.03.2024).
11. Sexuality and health among young people in Sweden [Электронный ресурс]. URL: <https://www.folkhalsomyndigheten.se/publikationer-och-material/publikationsarkiv/s/sexuality-and-health-among-young-people-in-sweden/> (дата обращения: 09.03.2024).
12. Hintzpeter B., Krause L., Vogelgesang F., и др. Sexual and contraceptive behaviour of young adults in Germany – Results from KiGGS Wave 2 // Journal of health monitoring. 2022;7:7–20.
13. Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan Bureau of National statistics Primary Incidence of Children Aged 15–17 years with Sexually Transmitted Diseases [Электронный ресурс]. URL: <https://bala.stat.gov.kz/en/pervichnaya-zabolevaemost-detej-v-voznaste-15-17-let-zabolevaniyami-peredavaemyimi-preimuschestvenno-polovym-putem/> (дата обращения: 12.03.2024).
14. UNFPA Key facts about sexually transmitted infections and HIV infection // UNFPA Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://kazakhstan.unfpa.org/en/publications/key-facts-about-sexually-transmitted-infections-and-hiv-infection> (дата обращения: 15.03.2024).

Развитие научного наставничества в образовательной организации высшего образования

Хамидуллина Лидия Камиловна,

к.п.н., доцент, зав. кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Бирский филиал)
E-mail: ilnur_0@mail.ru

Бобкова Елена Александровна,

к.ф.н., доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Бирский филиал)
E-mail: bobkovabirsk@gmail.com

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2022–2031 годы Десятилетием науки и технологий и 2023 год – Годом педагога и наставника. Современные университеты – это крупные образовательные и исследовательские центры с особенной иерархией и бизнес-процессами. Вместе с тем, по результатам Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ за последние десятилетия количество молодых ученых неуклонно уменьшалось. В статье проведен анализ состояния студенческой науки, профессии учёного и научного наставничества в образовательной организации высшего образования.

Ключевые слова: исследовательская компетентность, подготовка педагога-исследователя, студенческая наука, научно-исследовательская деятельность студентов, руководство исследовательской деятельностью, студенческое научное общество, студенческий научный кружок по педагогике, научное наставничество.

Проблемам развития науки, государственной поддержки вовлечения в научную деятельность молодежи в Российской Федерации в настоящее время уделяется большое внимание. Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2022–2031 годы Десятилетием науки и технологий, что подчеркивает необходимость исследований в области эффективных механизмов совершенствования научно-исследовательской деятельности и популяризации науки в современных условиях [1].

На современном этапе развития отечественной системы образования необходимо осуществление педагогическими работниками целенаправленной научно-исследовательской деятельности. Отражена эта позиция в Национальной доктрине образования Российской Федерации, где в качестве концептуальной заложена идея участия педагогических работников в научной исследовательской деятельности, интеграции научных исследований с образовательным процессом [2]. Модернизация общеобразовательной организации невозможна без участия университетов. На них возлагается важная роль трансформаторов изменений в системе общего образования. Модернизация учебного процесса в школе невозможна без внедрения проектных и исследовательских технологий обучения, на что указывают ФГОС общего образования. Необходимость формирования и развития исследовательских умений школьников заложена в принятых федеральных государственных образовательных стандартах общего образования.

В профессиональном стандарте педагога [3] определены основные требования к исследовательской компетентности педагога: «владеть формами и методами обучения, в том числе выходящими за рамки учебных занятий: проектная деятельность, лабораторные эксперименты...», «организовывать различные виды внеурочной деятельности: учебно-исследовательскую...», «организация публичных выступлений обучающихся, поощрение их участия в дебатах на школьных конференциях и других форумах, включая интернет-форумы и интернет-конференции».

Идея обеспечения более тесной связи между научными исследованиями, преподаванием и обучением на всех уровнях прослеживается в ФГОС высшего образования. Так, на уровне бакалавриата в нём предусматривается в числе профессиональных компетенций способность руководить учебно-исследовательской деятельностью обучающихся. Согласно новым ФГОС высшего образования педагогов, готовность выпускников – бакалавров, магистров – к осуществлению разнообразных видов деятельности, в том числе исследовательской, формирует «компетенции, связанные с развитым умением анализа, исследования, обобщения, адекватной оценкой явлений, событий, тенденций развития науки и образования». Следовательно, от успешности студента в исследовательской работе напрямую зависят его будущие профессиональные качества.

Следует отметить, что в последнее время интерес к университетской научно-исследовательской работе у студентов падает, снижается их активность и результативность [4]. В университете было проведено исследование среди 53 будущих педагогов, студентов разных

курсов, показавшее реальное количество обучающихся, нацеленных на получение компетенции исследовательской работы. Студентам предлагалось оценить себя по двум основным критериям: 1) наличие мотивации на занятие исследовательской деятельностью (есть/нет), 2) готовность и умение учиться самостоятельно (есть/нет): умение работать с новым материалом, проникать в суть, усваивать и осваивать его, применять к решению задач. В среднем мотивацией и готовностью к самостоятельному обучению обладают только 23% студентов от общего числа. Чем старше курс – тем процент выше. Остальные разделились на три группы: могут (по мнению студентов), но не хотят – 33%, не могут, но хотят – 15%, не могут и не хотят – 29%. Цифры преподавателей, которые также давали оценку количеству студентов, заинтересованных в занятиях научно-исследовательской работой, получились соответственно такие: 25% – 50% – 15% – 10% [5, с. 93].

Основоположник науковедения Бернал Джон Десмонд изучал роль науки в истории общества, выступал за социальную ответственность ученых, а также за увеличение государственной поддержки фундаментальных научных исследований. Выступал за разоружение и принимал участие в международном движении сторонников мира, был президентом Всемирного Совета Мира. Он обращал внимание на закономерности развития науки, отмечая, что важную роль в этом процессе играют социальные факторы [6]. Исследовательская деятельность имеет значение для утверждения авторитета страны [7, с. 88]. Вместе с тем, за последние десятилетия количество молодых ученых неуклонно уменьшалось, происходило так называемое «устаревание науки», нарушение преемственности поколений научных традиций [8]. Современные темпы развития Российской Федерации, обозначенная перспектива и поставленная Президентом страны стратегическая задача прорывного научно-технологического и социально-экономического развития, требуют незамедлительного решения проблемы кадрового обеспечения сферы науки и инноваций. Поднимается острая проблема кадрового воспроизводства сферы науки и инновации. Дефициту кадров способствует, прежде всего, тенденция низкого притока молодых талантов и их нежелание «закрепляться» в сфере науки и технологий. Однако, в последнее время отмечается небольшой рост доли молодых ученых, но несмотря на это, в российской науке продолжают сохраняться значительные диспропорции. В частности, средний возраст научно-педагогических работников превышает 50 лет, каждый третий исследователь достиг пенсионного возраста, сохраняется серьезный отток кадров средней возрастной категории (40–49 лет), а молодежь в возрасте до 29 лет составляет менее 20% от общего числа исследователей. Эпоха перестройки способствовала тому, что в массовом сознании россиян и в первую очередь у молодежи сформировался устойчивый негативный образ человека, занятого в научной сфере. Научная и интеллектуальная работа перестала вызывать ассоциации с карьерными перспективами, социальным и материальным успехом. Однако, усилия, предпринятые государством в последние годы по улучшению имиджа современного ученого дают свои результаты [9].

Показателем значимости наставничества на уровне государства можно считать Указ Президента об объявлении 2023 года Годом педагога и наставника. В настоящее время мы возвращаемся к идее наставничества с новой силой, несмотря на то, что наставничество широко было распространено в 80-х годах прошлого столетия. Учёные акцентируют внимание и на значение научных школ в формировании педагогов-исследователей [10].

Системный анализ наставничеству даёт М.В. Кларин [11] и отмечает, что в принятом речевом обиходе слово наставник – одновременно общеупотребительное понятие и термин, обозначающий роль сотрудника организации, который берет на себя ответственность за передачу опыта менее опытному сотруднику или стажеру. В международных компаниях часто употребляется слово «ментор» (от англ. mentor – наставник). Для второго участника отношений наставничества есть много названий. В их число входят как официальное (но не слишком практичное) обозначение «лицо, в отношении которого осуществляется наставничество», более короткие формальные обозначения – «наставляемый», «подопечный», «молодой специалист», «стажер», «интерн», так и неформальные, но употребляемые в практике – «новичок», «подшефный», «протее» и т.д.

Наставничество используется в обучении/развитии разных категорий сотрудников и с различными целями:

- со старшеклассниками – в целях профориентации;
- со студентами-стажерами – для углубления профессионального образования и подготовки к возможной будущей профессиональной специализации;
- с новыми сотрудниками – для решения задач их адаптации в компании, ускоренного освоения норм и требований, вхождения в полноценный рабочий режим;
- с руководителями – для их подготовки к развитию управленческой карьеры, переходу на более высокие уровни управления.

Наставник научной карьеры – это специалист высокой научной квалификации, способный критически оценить достигнутые результаты и поставить «умные» вопросы (как говорил Ф. Бэкон, «умный вопрос – это уже добрая половина знания), позволяющие увидеть новые горизонты дальнейшего научного роста [12]. Научное наставничество – достаточно новое видовое понятие современной системы науки и образования. В 2019 г. стартовал проект «Научное наставничество», был объявлен конкурс Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) на лучшие проекты фундаментальных научных исследований коллективами молодых ученых и будущих ученых – студентов, аспирантов, молодых ученых под руководством научного наставника. Важнейшим направлением научного наставничества является руководство научно-исследовательской деятельностью студентов в форме написания научных статей на конференции и конкурсы разного уровня, подготовка докладов к выступлениям на конкурсах и научных конференциях. Студенты видят результаты своей деятельности, как в духовном отношении, так и с практической точки зрения, поскольку есть признание их работы на уровне факультета, университета в виде сертификатов, грамот и др. Одной из форм научного наставничества можно назвать индивидуальную работу со студентами и работу в малых группах научного кружка по педагогике, организацию научно-исследовательской деятельности обучающихся в рамках студенческой лаборатории психолого-педагогических и социологических исследований [13]. Традиционным становится научный семинар, как одна из форм научно-методической работы, под руководством научных наставников. Так, ежегодно 8 февраля учёные нашей страны отмечают свой профессиональный праздник – День российской науки. Традиционно в этот день в высших учебных заведениях проходят научные конференции и семинары. В рамках Дня науки 8 февраля 2024 года на факультете филологии и межкультурных коммуникаций, на базе кафедры романогерманской филологии и лингводидактики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий был

организован и проведен научный семинар «Страноведение и лингвострановедение англоязычных стран» с участием преподавателей иностранных языков, аспирантов, студентов старших курсов по профилю «Иностранный язык». В приветственном слове Хамидуллина Лидия Камилловна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий остановилась на истории праздника. 8 февраля (по новому стилю), 28 февраля (по старому стилю) 1724 года Петром I была учреждена Российская академия наук. В 1925 году она была переименована в Академию наук СССР. Тогда День науки традиционно отмечали в третье воскресенье апреля. 07 июня 1999 года Указом президента Российской Федерации был установлен День российской науки с датой празднования 8 февраля. Сегодня российские учёные продолжают славные традиции, готовят учеников, создают условия для самореализации и развития талантов. В условиях высшего учебного заведения самореализация молодёжи осуществляется в научно-исследовательской деятельности студентов, аспирантов под руководством научных наставников. Далее слово было предоставлено молодым исследователям и их научным наставникам. С докладом выступили:

- 1) Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Прикладные аспекты изучения лингвострановедения»;
- 2) Бобкова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Английская лингвистическая школа и лингвистическое профессиональное образование в Англии»;
- 3) Чиглинцева Татьяна Александровна, заместитель декана по учебной работе ФФиМК, ассистент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Репрезентации концепта «богатство» в британской и русской лингвокультурах»;
- 4) Валишина Ксения Евгеньевна, студент 5 курса ФФиМК Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Английская народная сказка»;
- 5) Шайхутдинова Альмира Ильдаровна, студент 5 курса ФФиМК Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «История и традиции английских Клубов Джентльменов»;
- 6) Самигулина Сабина Альбертовна, студент 5 курса ФФиМК Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Невербальная коммуникация в контексте преподавания иностранных языков»;
- 7) Маникаева Алёна Геннадьевна, студент 5 курса ФФиМК Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Национальные парки и заповедники Великобритании»;
- 8) Хабирова Илюза Руслановна, студент 5 курса ФФиМК Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий. Тема доклада: «Свадебные традиции в Австралии». В заключение было отмечено, что выступления соответствовали основной теме научного семинара, отвечали требованиям новизны и актуальности выбранной автором темы, те-

оретической значимости, использования материала из опыта работы, аргументированности собственного мнения, владения профессиональной терминологией.

Подводя итоги научного семинара, молодым исследователям были вручены сертификаты, а их научным наставникам – благодарственные письма.

Таким образом, возрастание роли научно-исследовательской деятельности студентов под руководством научных наставников является устойчивой тенденцией, характерной для современных высших учебных заведений. Научно-исследовательская деятельность студентов представляет собой процесс познавательной работы, направленной на получение нового знания, решение теоретических и практических задач, самообразование и самореализацию исследовательских способностей. Целью организации научно-исследовательской деятельности студентов под руководством научных наставников в вузе является освоение методологии и методов научного поиска, формирование системы профессиональных знаний о специфике научного знания, критериях научности и научных методах познания. Значимость проблемы организации научно-исследовательской деятельности студентов необходимо рассматривать в нескольких аспектах. Со стороны образовательного процесса: вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность стимулирует их исследовательскую активность, способствует превращению учебной деятельности в совместное творчество преподавателя и обучающегося. С точки зрения будущей профессиональной деятельности, субъектность обучающихся, развивающаяся в процессе исследовательской деятельности, способствует становлению личностной «самости» в жизнедеятельности. И наконец, в плане саморазвития, в том числе профессионального, исследовательская позиция, формирующаяся в процессе исследовательской деятельности, обеспечивает основу развития личности, переводя его в плоскость саморазвития. Современные требования к организации научно-исследовательской деятельности студентов вуза предполагают выстраивание образовательного процесса на основе исследовательского подхода; создание условий для творчества; мотивированную и организованную поддержку исследовательских инициатив обучающихся; превращение отдельных исследовательских инициатив в механизмы инновационного развития самой образовательной организации. Все перечисленное, безусловно, предъявляет высокие требования к организационному, кадровому, методическому, информационному и ресурсному обеспечению научно-исследовательской деятельности студентов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий».
2. Национальная доктрина образования Российской Федерации/ Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751.
3. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» / Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н.
4. Ханов Т.А. Научно-исследовательская работа студентов в вузе: причины снижения активности /

- Т.А. Ханов, А.В. Баширов // Современные наукоёмкие технологии. – 2021. – № 6–1. – С. 209–214.
5. Кашинцева О.А. Привлечение к исследовательской деятельности студентов-бакалавров направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 74–5. – С. 93.
 6. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 735 с. – С. 288.
 7. Рубан Д.А. Качество научного потенциала как фактор успешности «мягкой силы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – С. 88.
 8. Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 328 с.
 9. Шапиева А.В. Привлекательность научной карьеры в глазах молодого поколения // Эффективность реализации государственной молодёжной политики: опыт регионов и перспективы развития: материалы VII Международной научно-практической конференции, Чита, 23 апреля 2020 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. – С. 73–79.
 10. Голикова Т.В. Роль научной школы В.И. Андреева в формировании педагога-исследователя // Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 25 марта 2016 года. – Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2016. – С. 83–88.
 11. Кларин М.В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // Экономика и образование. – 2016. – С. 92–112.
 12. Алексеев С.В. Вклад профессора С.Г. Вершловского в развитие идеи наставничества в системе образования // Человек и образование. – 2021. – № 2 (67). – С. 148–151.
 13. Организация научно-исследовательской деятельности обучающихся в рамках студенческой лаборатории психолого-педагогических и социологических исследований / С.А. Бронников, И.М. Зинова, Л.Р. Логачева, Л.К. Хамидуллина [и др.] // Живая психология. – 2022. – Т. 9, № 2(34). – С. 98–106.

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC MENTORING IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION

Khamidullina L.K., Bobkova E.A.

Ufa University of Science and Technology (Birk Branch)

Vladimir Putin, President of the Russian Federation, declared 2022–2031 the Decade of Science and Technology and 2023 the Year of

Teacher and Mentor. Modern universities are large educational and research centers with a special hierarchy and business processes. At the same time, according to the results of the HSE Institute for Statistical Research and Economics of Knowledge, the number of young scientists has steadily decreased over the past decades. The article analyzes the state of student science, the profession of a scientist and scientific mentoring in an educational organization of higher education.

Keywords: Research competence, teacher-researcher training, student science, research activities of students, management of research activities, student scientific society, student scientific circle on pedagogy, scientific mentoring.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated April 25, 2022 No. 231 “On declaring the Decade of Science and Technology in the Russian Federation.”
2. National Doctrine of Education of the Russian Federation / Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2000 No. 751.
3. Professional standard “Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)” / Order of the Ministry of Labor of Russia dated October 18, 2013 No. 544n.
4. Khanov T.A. Research work of students at the university: reasons for the decrease in activity / T.A. Khanov, A.V. Bashirov // Modern high technology. – 2021. – No. 6–1. – pp. 209–214.
5. Kashintseva O.A. Involvement of bachelor students in the research activities of the training area 44.03.05 “Pedagogical education” // Trends in the development of science and education. – 2021. – No. 74–5. – P. 93.
6. Bernal J. Science in the history of society. M.: Foreign Literature Publishing House, 1956. – 735 p. – P. 288.
7. Ruban D.A. The quality of scientific potential as a factor in the success of “soft power” // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. – 2022. – P. 88.
8. Science indicators: 2019: statistical collection / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.L. Dyachenko and others // Nat. research University «Higher School of Economics». – M.: National Research University Higher School of Economics, 2019. – 328 p.
9. Shapieva A.V. The attractiveness of a scientific career in the eyes of the younger generation // The effectiveness of the implementation of state youth policy: regional experience and development prospects: materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Chita, April 23, 2020. – Chita: Transbaikalian State University, 2020. – pp. 73–79.
10. Golikova T.V. The role of the scientific school of V.I. Andreeva in the formation of a teacher-researcher // Andreevsky readings: modern concepts and technologies of creative self-development of the individual: Collection of articles by participants of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Kazan, March 25, 2016. – Kazan: LLC “Center for Innovative Technologies”, 2016. – pp. 83–88.
11. Clarin M.V. Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the 21st century // Economics and Education. – 2016. – P. 92–112.
12. Alekseev S.V. Contribution of Professor S.G. Vershlovsky in the development of the idea of mentoring in the education system // Man and Education. – 2021. – No. 2 (67). – pp. 148–151.
13. Organization of research activities of students within the student laboratory of psychological, pedagogical and sociological research / S.A. Bronnikov, I.M. Zinova, L.R. Logacheva, L.K. Khamidullina [et al.] // Living psychology. – 2022. – T.9, No. 2(34). – pp. 98–106.

Роль ценностно-мотивационных факторов профессиональной социализации будущих специалистов спасательной и противопожарной службы

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

Статья посвящена роли ценностно-мотивационных аспектов в профессиональной социализации будущих сотрудников аварийно-спасательных и противопожарных служб. Одной из ключевых особенностей этих профессий является исключительная роль личностных характеристик, связанных с просоциальной ориентацией, ответственностью, надежностью, способностью выполнять задачи в условиях высокого риска. По этой причине ценностно-мотивационная сфера личности должна рассматриваться и как предпосылка, и как результат профессиональной социализации. Опираясь на результаты ряда исследований, проведенных на базе вузов системы МЧС России, проанализирована роль ценностно-мотивационных факторов на этапе предварительной социализации, а также социализации в ходе получения профессионального образования. Сделан вывод о том, что в обоих случаях процесс профессиональной социализации является несбалансированным и не обеспечивающим необходимые условия для надежного формирования и развития личностных составляющих профессионала. На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по развитию институтов профессиональной социализации в системе МЧС России.

Ключевые слова: профессиональная социализация, высшее образование, пожарная охрана, ценности, мотивы.

Введение

В сложном и дифференцированном обществе определяющую роль играют профессионалы – люди, выполняющие наиболее сложные и ответственные задачи, опираясь на специальные знания и длительное обучение. Превращение обычного человека в профессионала – длительный и трудоемкий процесс, протекающий в рамках различных институтов и социальных контекстов. Этот процесс, известный как профессиональная социализация, характеризуется рядом важных особенностей [1]. Во-первых, в отличие от первичной и некоторых видов вторичной социализации, профессиональная социализация предполагает активную роль самого человека, его способность осознанно делать выбор и принимать решения, влияющие на результаты освоения профессии и сам профессиональный выбор. Во-вторых, профессиональная социализация не сводится к профессиональному обучению, то есть, приобретению специальных знаний и навыков, но включает гораздо более широкий спектр составляющих профессионализма, включая понимание и принятие профессиональных норм и ролевых требований, обретение и развитие определенных личностных качеств, важных для выполнения служебных обязанностей.

В различных профессиях складываются свои особенности и требования как к процессу профессиональной социализации, так и ее результатам. Целым рядом уникальных черт обладают профессии, связанные одновременно с высоким риском и с требованиями институциональной надежности, то есть, способности выполнять общественно-значимые функции при любых обстоятельствах. К таковым относятся профессии, связанные с работой аварийно-спасательных служб и, в частности, противопожарной службы. В настоящее время постепенно формируется представление о том, что ядро профессионализма в этих сферах образовано не столько специальными компетенциями, сколько ценностно-мотивационными и другими личностными характеристиками [2–6]. К их числу относятся надежность, личная ответственность, стрессоустойчивость, эмоциональная стабильность, честность, социальный интеллект, просоциальные установки, самоконтроль. Поскольку же ценности, мотивы и личные черты являются не только составляющей профессионализма, но и самостоятельным фактором социализации, представляет актуальным анализ их двойственной роли в конкретном институциональном контексте.

В настоящей статье анализируются ценностно-мотивационные факторы профессиональной социализации в профессиях, связанных с высоким риском и требованиями надежности, прежде всего, на примере пожарной службы. В соответствии с моделью, предложенной Ш. Миллер, процесс профессиональной социализации целесообразно рассматривать как состоящий из трех этапов: этапа предварительной социализации, этапа профессионального образования и этапа социализации в ходе практической деятельности [7]. Отталкиваясь от этой модели, а также опираясь на результаты серии социологических исследований, проведенных нами в последние годы в вузах Государственной про-

тивопожарной службы (ГПС) МЧС России, рассмотрим ту роль, которую ценностно-мотивационные факторы играют на успешность профессиональной социализации на первых двух этапах, наиболее важных в точки зрения кадрового обеспечения аварийно-спасательных служб.

Предварительная социализация

Поскольку овладение профессией и профессиональной ролью в современном обществе в большинстве случаев требует получения формального специализированного образования, к предварительной социализации можно отнести период, предшествующий поступлению в вуз или другое профессиональное учебное заведение. На этом этапе человек также может получать знания, навыки, представления, формировать ценностные ориентации и поведенческие черты, важные для будущей профессиональной деятельности. Это может происходить под воздействием массовой культуры и СМИ, формирующих определенный образ профессии, в ходе ситуативных контактов с представителями профессии, при общении с друзьями и сверстниками. Однако наибольшее значение имеет предварительная социализация в семье, которая задает фундаментальный контекст не только для формирования базовых ценностей, но также для развития определенных качеств, знаний и умений, важных для профессии, и для самого профессионального выбора.

В некоторых профессиях, в частности, в медицине и инженерных специальностях, семейный контекст признается важным фактором профессиональной социализации, способствующим формированию профессиональных династий [8]. Для профессий аварийно-спасательного профиля династии также являются нередким явлением, однако роль семейного контекста в предварительной социализации является не вполне очевидной. Конкретизируя двойственную роль ценностно-мотивационной сферы личности в профессиональной социализации применительно к предварительной социализации в профессиях с высоким уровнем риска и требований надежности, следует отметить, что роль семейного контекста в целом, и фактора династичности, в частности, можно оценивать с двух точек зрения.

Во-первых, семья является главным агентом первичной социализации, а именно первичная социализация закладывает базовые ценности человека, которые являются устойчивыми и плохо подвержены изменениям в более позднем возрасте. Поскольку же ядро профессии спасателя и пожарного содержит определенный набор ценностей, предварительную социализацию можно оценивать с точки зрения соответствия базовых ценностей, представлений и мотивов, сформированных в семье, требованиям профессиональной роли. Может показаться, что династичность должна играть безусловно положительную роль в этом процессе, однако это не обязательно так. Даже если родители – профессионалы, не обязательно их набор ценностей сам соответствует требованиям роли, и даже значимые и важные ценностные образцы могут размываться влиянием других составляющих профессиональной роли или представлений о профессии, отражающими личный опыт родителей.

Во-вторых, семейный контекст может оказывать влияние на выбор профессии, мотивацию к учебе, стратегии поведения, – которые важны для профессиональной социализации, но не обязательно соответствуют требованиям будущей профессии. Например, родители могут способствовать выбору профессии пожарного исходя из конъюнктурных соображений ее престижности или ожидаемого уровня дохода, снижая значимость просоци-

альных мотивов и тем самым повышая несоответствие ценностно-мотивационного профиля человека и его будущей профессии. Аналогично, реализация патриархальной модели отношений в семье может приводить у усилению роли родительского выбора (в том числе выбора профессии пожарного), но одновременно – снижать способность будущего профессионала к личной инициативе и/или способность поддерживать инициативу подчиненных.

Результаты проведенных нами исследований среди учащихся вузов ГПС МЧС России показали, что влияние родителей и фактора династичности действительно оказывается скорее амбивалентным и по-разному затрагивает различные аспекты профессиональной социализации. С одной стороны, семейный контекст и династичность оказывают положительное влияние на формирование ряда важных для профессионального пожарного качеств (готовность к разумному риску, взаимовыручка, выносливость, социальный интеллект, способность работать в экстремальных условиях, организаторские способности), но с другой – негативно влияют на профессиональную идентичность (в частности, уверенность в выборе профессии пожарного) и готовность к профессиональной роли [9, с. 170].

Мотивация профессионального выбора, который является главным результатом предварительной социализации, также оказывается неоднозначной. В целом, обучающиеся в вузах системы ГПС МЧС РФ характеризуются сложной комбинацией просоциальных, статусных и прагматических мотивов выбора профессии [10]. Однако динамика мотивов по мере профессиональной социализации характеризуется определенным снижением значимости романтических и статусных мотивов в пользу возрастания роли мотивов профессионального развития и стратегических соображений. Это можно интерпретировать как проявление того, что предварительная социализация не способна сама по себе обеспечить устойчивости просоциальных мотивов, которые критически необходимы для сотрудника спасательных служб.

Безусловно, эти данные носят предварительный характер и нуждаются в проверке; необходимы дополнительные исследования, чтобы более полно оценить роль семьи, фактора династичности, а также других аспектов предварительной социализации, в формировании готовности к роли специалиста аварийно-спасательных служб. Тем не менее, они заставляют прийти к выводу, что предварительная социализация в семье носит достаточно стихийный характер и, с институциональной точки зрения, является недостаточно контролируемой, что не позволяет полагаться на нее как на условие надежного воспроизводства и развития этой профессиональной группы. Отчасти, эта проблема может решаться за счет институциональных механизмов. В системе МЧС России такую роль могут выполнять специализированные кадетские классы, которые могут дать первоначальные знания и представления о профессии, способствуя более осознанному профессиональному выбору и воздействуя на ценностно-мотивационную сферу на том этапе, когда такое воздействие еще может быть эффективным. Однако роль таких институциональных механизмов в предварительной социализации профессионалов аварийно-спасательных и пожарных служб на сегодняшний день остается практически не изученной.

Социализация на этапе профессионального образования

Получение профессионального образования – ключевой этап становления профессионала, а учебное заведение,

и прежде всего вуз, – главный агент профессиональной социализации. Нередко получение образования само по себе считается главной составляющей профессиональной социализации [11]. В исследовании, проведенном И.Е. Повериновым и В.А. Шубиным, именно получение образования и соответствующих профессиональных знаний и навыков считается главным содержанием профессиональной социализации, а способствующими ей факторами выступают, прежде всего, личная мотивация и пример командиров (влияние ролевой модели) [12]. Однако если рассматривать профессиональную социализацию через призму более сложной модели, не сводящей этот процесс к получению образования, содержание факторов успешной социализации в учебных заведениях оказывается также более сложным.

Прежде всего, следует указать, что процесс социализации на этом этапе является институционализированным. Это означает, что он в значительной мере регламентирован, ориентируется на четко сформулированные цели и показатели, обеспечивается систематической и целенаправленной работой персонала образовательных организаций, основанной на проработанных и устоявшихся процедурах и нормах. Благодаря этому может быть обеспечен системный характер процесса социализации, обеспечивающий формирование всех составляющих профессионализма в системе аварийно-спасательных служб.

Однако такая теоретическая возможность не реализуется автоматически. Анализ институциональной среды, характерной для вузов системы ГПС МЧС России, показывает, что она не вполне способна создать условия, благоприятствующие успешной и гармоничной профессиональной социализации будущих сотрудников пожарной службы [13]. Прежде всего, институциональная система направлена на «техническую» составляющую профессиональной социализации, то есть, приобретение специальных знаний и навыков. Это вытекает из самой сути образовательной системы, однако результатом становится определенное игнорирование личностных и ценностных компонентов профессиональной роли, которые для профессий спасателя и пожарного признаются не менее, а возможно, и более важными. Это ограничение не решается обязательными «воспитательными» и внеучебными компонентами институциональной системы, поскольку последние, хотя и являются обязательными, объективно играют второстепенную роль. В частности, у преподавателей просто не хватает времени, чтобы осуществлять оценку индивидуализированную мотивационно-личностной сферы курсантов и выстраивать стратегии коммуникации, направленные на развитие необходимых качеств и черт, а критерии реализации воспитательной функции зачастую носят формальный характер и не опираются на понимание целей и механизмов социализации взрослого человека.

Второй аспект связан с ролью неформальных механизмов профессиональной социализации. Исследования В.А. Шубина [12], Ш. Миллер [7] и наши собственные [9] подтверждают важность личного примера преподавателей и командиров, ключевых фигур профессии, а также взаимодействия с ними, – в успешности профессиональной социализации. Такие механизмы, во-многом неформальные, способствуют усвоению ролевой модели профессионала, укрепляют уверенность человека в своем выборе, усиливают просоциальные ценности и мотивы, чувство долга и представление о профессии как о служении людям. Однако институциональная модель профессионального образования предоставляет лишь крайне ограниченные возможности для действия подобных социальных механизмов социализации.

Наконец, в качестве важной проблемы, которая действует как на уровне основного профессионального образования, так и в магистратуре, следует отметить недостаточный уровень интеграции образовательного процесса с практикой несения службы в системе МЧС, не позволяющей будущим офицерам сформировать достаточно точное понимание особенностей службы, характер возникающих трудностей и проблем, особенно выходящих за рамки теоретических знаний и типовых ситуаций, а также способов их решения. Результатом становится воспринимаемое несоответствие между ожиданиями выпускников и реалиями службы, недостаточный уровень готовности, отмечаемый руководителями подразделений, и, как следствие, риск взаимного разочарования, свидетельствующий о недостаточно успешной профессиональной социализации.

Следствием отмеченных недостатков сложившейся институциональной системы становится неполная профессиональная социализация и невозможность реализации того ценностно-мотивационного потенциала, который был заложен на этапе предварительной социализации. Для системы кадрового обеспечения МЧС это создает риски ориентации на прагматические мотивы и стратегии построения карьеры, снижения значимости чувства долга и ориентации на служение людям, выбору карьерных траекторий, в меньшей степени предполагающих непосредственный профессиональный риск, отказа от профессии и службе в системе МЧС.

Противодействию этим негативным последствиям требует существенных изменений в институциональной образовательной системе МЧС. К числу наиболее важных направлений можно отнести: усиление работы по ценностно-мотивационному профилированию поступающих в вузы системы МЧС; усиление практической составляющей в учебном процессе, в том числе за счет знакомства со сложными практическими ситуациями и особенностями профессиональной деятельности в экстремальных условиях; значительное расширение возможностей социального взаимодействия с действующими профессионалами, наиболее полно воплощающими предпочтительную ролевую модель; формирование четких, научно обоснованных целей и показателей личностных компонентов профессиональной роли; создание условий для преподавателей и командиров, способствующих их участию в личностном развитии курсантов. Без решения этих задач система кадрового обеспечения МЧС сохранит имеющиеся проблемы и не позволит обеспечить воспроизводство профессионального уровня аварийных и противопожарных служб, на уровне, отвечающем современным требованиям.

Заключение

Профессии пожарного и спасателя относятся к достаточно редкой категории профессий, ядро которых образовано ценностными и личностными характеристиками, предполагающими сочетание просоциальной направленности и готовности к надежной и устойчивой деятельности в условиях высокого и непосредственного риска. Ценностно-мотивационная сфера, необходимая для успешной профессиональной социализации в системе МЧС, носит поэтому двойственный характер, являясь одновременно фактором превращения человека в профессионала и результатом социализации. Предварительная социализация, протекающая, прежде всего в семье, закладывает фундамент для профессионального выбора и развития ценностно-мотивационных составляющих, важных для профессии, – однако является хаотичным и ненадежным. Социализация в рамках системы высшего

образования, напротив, носит системный, институционализированный характер, однако акцентирует внимание на освоении специальных знаний и навыков и не создает необходимых условий для сохранения и развития ценностно-мотивационных характеристик, важных для профессии. В обоих случаях процесс профессиональной социализации носит несбалансированный характер, формируя потребность в институциональных изменениях. Такие изменения должны быть направлены на явное включение ценностно-мотивационного компонента в систему подготовки профессионалов, создание условий и механизмов, способствующих лучшему пониманию абитуриентами и курсантами особенностей будущей профессии, требований к личности пожарного или спасателя, реальной оценке своего соответствия требованиям будущей профессии, укреплению и развитию просоциальных ценностных ориентаций и готовности к надежной работе в условиях риска.

Литература

1. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2019. Vol. 12. No.17. P. 1–14.
2. На рубеже веков и поколений: Очерки и материалы по истории Ивановского института ГПС МЧС России. Иваново: Издательство «Иваново», 2006.
3. Болотин А.Э., Аганов С.С., Довженко М.С. Структура готовности выпускника вуза ГПС МЧС России к профессиональной деятельности // *Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России*. 2015. № 1. С. 159–163.
4. Correia T. Firefighters gotta have heart – personal core values / *Personal blog*. 20.08.2014. URL: <https://acorr1954.com/2014/08/20/firefighters-gotta-have-heart/> (дата обращения: 25.07.2022).
5. Ko Y.-C. Value added // *FRM Journal*. 2008. April. P. 48–49.
6. Яковлева О.И. Особенности профессионализма в сферах деятельности, связанных с повышенным риском // *Гражданская оборона на страже мира и безопасности. Часть V.М.: Академия ГПС МЧС России, 2023. С. 111–116.*
7. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2010. Vol. 20. P. 924–938.
8. Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
9. Яковлева О.И. Выявление факторов профессиональной социализации обучающихся: на примере вузов пожарно-технического профиля МЧС России // *Социология*. 2023. № 1. С. 167–173.
10. Яковлева О.И. Мотивация выбора профессии обучающимися в вузах ГПС МЧС // *Социально-экономические аспекты принятия управленческих решений*. М.: Академия ГПС МЧС России, 2023. С. 108–114.
11. Саенко Л.А., Затева Т.Г. Профессиональное образование как базовый процесс профессиональной социализации // *Дискуссия*. 2014. № 5. С. 123–127.
12. Поверинов И.Е., Шубин В.А. Воздействие социальных факторов на профессиональную социализацию будущего офицера государственной пожарной

службы МЧС РФ // *Вестник Чувашского университета*. 2010. № 4. С. 159–163.

13. Яковлева О.И. Институциональные основы профессиональной социализации в профессии повышенного риска // *Социология*. 2023. № 5. С. 162–167.

THE ROLE OF VALUE AND MOTIVATIONAL FACTORS IN THE PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF FUTURE RESCUE AND FIRE SERVICE SPECIALISTS

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the role of values and motives in the professional socialization of future servants of rescue and firefighting services. One of the key features of these professions is the exclusive role of personal characteristics associated with prosocial orientation, responsibility, reliability, ability to perform tasks in high-risk conditions. For this reason, the value-motivational sphere of personality should be considered both as a prerequisite and as a result of professional socialization. Based on the results of several studies conducted within universities of the Ministry of Emergency Situations, the role of value-motivational factors at the stage of pre-socialization, as well as the stage of educational socialization is analyzed. It is concluded that in both cases the process of professional socialization is unbalanced and does not provide the necessary conditions for the reliable formation and development of personal components of a professional. On the basis of the analysis recommendations for institutional development of professional socialization in the system of the Ministry of Emergency Situations are formulated.

Keywords: professional socialization, higher education, fire service, values, motives.

References

1. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2019. Vol. 12. No.17. P. 1–14.
2. At the turn of centuries and generations: Essays and materials on the history of the Ivanovo Institute of the Russian EMERCOM Fire Service. Ivanovo: Ivanovo Publishing House, 2006.
3. Bolotin A.E., Aganov S.S., Dovzhenko M.S. The readiness structure of the Russian EMERCOM fire service institutes' graduates // *Nauchno- analiticheskij zhurnal Vestnik Sankt- Peterburgskogo universiteta gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii*. 2015. № 1. P. 159–163.
4. Correia T. Firefighters gotta have heart – personal core values / *Personal blog*. 20.08.2014. URL: <https://acorr1954.com/2014/08/20/firefighters-gotta-have-heart/> (date of access: 25.07.2022).
5. Ko Y.-C. Value added // *FRM Journal*. 2008. April. P. 48–49.
6. Yakovleva O.I. Professionalism in high-risk professions // *Civil Defense for peace and security. Part V. Moscow: Academy of the State Fire Service of the EMERCOM Russia, 2023. P. 111–116.*
7. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2010. Vol. 20. P. 924–938.
8. Professional dynasties: reproduction of professional groups / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: FNISC RAN, 2020.
9. Yakovleva O.I. Identification of factors of professional socialization of students: the example of universities of fire and technical profile of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Sociology*. 2023. № 1. P. 167–173.
10. Yakovleva O.I. Motivation of professional choice of the fire service higher education cadets // *Socioeconomic aspect of managerial decision-making. Moscow: Academy of the State Fire Service of the EMERCOM RF, 2023. P. 108–114.*
11. Saenko L.A., Zateeva T.G. Professional Education as the Basic Process of Professional Socialization // *Discussion*. 2014. № 5. P. 123–127.
12. Poverinov I.E., Shubin V.A. The influence of social factors on the professional socialization of future officers of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Proceedings of the Chuvash University*. 2010. № 4. P. 159–163.
13. Yakovleva O.I. Institutional basis of professional socialization in high-risk professions // *Sociology*. 2023. № 5. P. 162–167.

Бифуркации наказаний и теория Чезаре Ломброзо

Баринов Юрий Владимирович,

аспирант, кафедра философии, религиоведения и педагогики,
Автономной некоммерческой организации высшего
образования «Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского»
E-mail: 79219567833@yandex.ru

Решение о вынесении приговора является символическим краеугольным камнем международной системы правосудия: в нем разыгрываются конфликты между целями равного правосудия по закону и индивидуального правосудия с наказанием, адаптированным к преступнику, а также интерпретируются и применяются моральные принципы общества и высшие ценности – жизнь и свобода.

В данном исследовании показана такая разница. Выявлено, что в истории криминологии выделяют несколько этапов. У истоков стоит «классическая школа». Первые биологические теории преступности относятся к 19 веку, согласно ей, преступники отличаются от не преступников с точки зрения физических и психологических характеристик. Преступники представляют собой антропологический регресс в эволюционном развитии человека. Преступность, таким образом, является биологическим признаком, который передается по наследству. Подчеркивается, что эта теория сильно отличается от взглядов представителей классической школы криминологии. В то время как последние представители делают акцент на свободу воли человека и, таким образом, представляют преступность как свободный выбор, теория прирожденного преступника представляет собой биологический детерминизм.

Ключевые слова: бифуркация, наказание, криминология, преступник, теория Чезаре Ломброзо.

В современном мире в международных отношениях сложилось положение, когда насилие государственной сферы несопоставимо и одновременно тесно связано с относительным ненасилием частной жизни. Вместе с тем большое значение имеет развитие государственного мониторинга, контроля и монополизации эффективных средств насилия. Существует множество понятий бифуркации. Например, бифуркация – это способность судьи в юриспруденции разделить судебное разбирательство на две части, чтобы вынести судебное решение по ряду юридических вопросов, не рассматривая все аспекты. Уголовных процессы также часто разделяются на этапы вынесения приговора и признания вины (особенно часто в делах, связанных с смертной казнью).

Одновременно с указанным, бифуркация – имеет очень простое значение: расщепление или рассечение надвое (например, если поток делится на два меньших потока). Бифуркация – это процесс, при котором что-то разделяется надвое.

Ч. Ломброзо считается одним из главных представителей итальянской позитивной (или научной) школы криминологии. Эта позитивистская школа криминологии выступала за биологический позитивизм, т.е. ее представители утверждали, что криминологические научные данные основаны на эмпирически обоснованных предположениях.

Он был одним из первых, кто изучал преступность и преступников с научной точки зрения. Теория Ломброзо о прирожденном преступнике доминировала в мышлении о преступном поведении в конце 19-го и начале 20-го веков. Это был важный сдвиг от мышления, доминировавшего в этой области на протяжении тысячелетий, которое анализировало преступность с точки зрения морали и религии, и благодаря этому *преступление не рассматривалось как законная тема для научного изучения* [4 с. 20–27]. Поэтому представляется целесообразным обращение к понятию точки бифуркации, в соответствии с которой развитие сценария событий до какого-то момента можно предопределить.

Чезаре Ломброзо, тюремный врач-психиатр, проводил бесчисленные обследования заключенных и пациентов психиатрических учреждений. Его исследовательские работы включали, среди прочего, под влиянием британского биолога-эволюциониста Чарльза Дарвина («О происхождении видов») и немецкого врача Франца Йозефа Галла. Галл считается основоположником криминологии (череповедения), согласно которой человеческие качества и умственные способности можно определить по форме и размеру черепа и мозга [10 с. 56].

Результаты своих исследований Ломброзо представил в своей основной работе «Преступный человек», впервые опубликованной в 1876 году. Многочисленные иллюстрации подтверждают его исследование, определенные особенности тела и формы черепа ассоциируются с определенными типами преступников и видами преступлений [5 с. 83].

Ч. Ломброзо описывает воров и убийц следующим образом: «у воров обычно очень подвижные черты лица и руки; их глаза маленькие, беспокойные, часто прищуренные; брови складываются и сходятся; нос кривой или тупой, борода редкая, волосы реже густые, лоб почти всегда маленький и беглый, ухо часто оттопырено в форме ручки и т.п.

У убийц стеклянный, ледяной, пристальный взгляд, их глаза иногда налиты кровью. Нос большой, часто орлиный или, скорее, ястребиный нос; челюсти крепкие, длинные, щеки широкие, волосы вьющиеся, густые и темные, борода часто редкая; губы тонкие, клыки большие ... Как правило, у преступников от рождения уши торчком, волосы на голове густые, борода редкая, лобные впадины выпуклые, подбородок огромный, подбородок квадратный или выступающий, челюсти широкие, – словом, тип, похожий на монгольский, а иногда и на негритянский [5 стр. 229–231].

Ломброзо, не ограничивал свои взгляды преступниками–мужчинами – он написал в соавторстве свою первую книгу, в которой исследовал причины женской преступности и пришел, среди прочего, к выводу, что преступницы-женщины гораздо более безжалостны, чем мужчины; склонны к похоти и нескромности; были ниже ростом и более морщинистыми; и имели волосы темнее, а череп меньше, чем у «нормальных» женщин. Однако они меньше страдали от облысения, сказал Ломброзо. Женщины, совершившие преступления на почве страсти, имели выступающую нижнюю челюсть и были более порочными, чем их коллеги-мужчины [6 с. 215].

Влияние эволюционной биологии на творчество Ломброзо проявляется в убеждении, что преступник представляет собой отдельный антропологический тип, «*homo delinquens*» (лат. букв. «человек несоблюдающий», либо «человек нарушающий»). Это атавистический, то есть более ранний и примитивный в эволюции тип человека, который приходит безнравственным и управляемым влечениями. Он ленив, нечувствителен к боли, тщеславен, у него прищуренные глаза, склонность к татуировкам, морщинистый лоб, маленький мозг, он использует «мошеннический» язык и т.п. [5.с.155]

В своих ранних работах Ломброзо приписывает все преступления этому атавистическому типу людей. Под влиянием французской криминологии, а также под влиянием своих собственных учеников Гарофало и Ферри Ломброзо позже представил свой исходный тезис в перспективе. Только около трети всех преступников являются прирожденными преступниками. Для остальных преступников решающее значение имеют болезнь, окружающая среда и возможности [9 с. 82].

С точки зрения криминальной политики теорию Ч. Ломброзо можно охарактеризовать как чрезвычайно пронизательную. Изначально Ч. Ломброзо требовал от криминальной политики, чтобы решения по уголовным делам основывались на эмпирических и медицинских исследованиях и согласовывались с ними. При этом, по мнению Ломброзо, должно быть ясно, что понятие свободного выбора (как того требуют представители классической школы криминологии) несостоятельно и, следовательно, не может быть применено к уголовному праву [3 с. 91].

Поскольку правонарушитель биологически и генетически детерминирован в своих действиях, уголовное сдерживание (как его пропагандируют представители классической школы) больше не играет никакой роли. Даже самая серьезная угроза наказания уже не могла предотвратить неизбежный поступок. Преступник не добровольно решился на поступок, отличающийся от его собственного, но невольно был обусловлен его биологической конституцией или – если придерживаться теории

Ч. Ломброзо, в частности – его генетическими задатками. Преступление, следовательно, было бы судьбой, неизбежностью и, следовательно, не было бы собственной ответственностью преступника. Поэтому Ломброзо выступал за меру наказания, которая объективно определяется не тяжестью преступления, а индивидуально определяемой опасностью преступника [7 с. 353].

Таким образом, антропологическая теория ставит вопрос о виновности: может ли человек, чьи гены побуждают его к преступным действиям, который, с точки зрения Ломброзо, имеет врожденное физическое и психическое вырождение, быть привлечен к ответственности за свой поступок? Ломброзо и другие сторонники антропологических подходов ответили на этот вопрос утвердительно, поскольку защита общества имеет приоритет над защитой преступника, не виновного в совершении преступления [5 с. 13].

Согласно логике, Ч. Ломброзо, основное внимание в предупреждении преступности должно уделяться не столько сдерживанию и индивидуальному наказанию, сколько защите общества путем воздействия на возможности совершения преступлений и устранения неисправимых преступников. Поэтому Ломброзо выступал за постоянное заключение обычных преступников в «тюрьмы для неисправимых».

В пятом издании «Преступный человек» Ломброзо также прощается со своим изначально отрицательным отношением к смертной казни. Прирожденные преступники, обвиняемые в особо жестоких деяниях, а также члены банд, обвиняемые в совершении преступлений, угрожающих государству, должны быть казнены. Ломброзо отказался от возможных моральных соображений, поскольку прирожденный преступник «запрограммирован» причинять вред и является атавистической репродукцией не только дикого, но и жестокого хищника и паразита [5 с. 15].

Сегодня Ломброзо считается основателем современной криминологии благодаря пропагандируемому им позитивизму. Однако его антропогенетическая теория преступности, считается устаревшей. Тем не менее критическая оценка всей работы Ломброзо является сложной задачей.

Ломброзо опубликовал за свою жизнь более тридцати книг и более тысячи эссе. Он расширил свой главный труд «Прирожденный преступник» с 252 страниц первого издания, вышедшего в 1876 году, до трех томов, содержащих около двух тысяч страниц, в пятом издании, вышедшем 20 лет спустя. Ломброзо пересмотрел отдельные предположения, так что утверждения противоречат друг другу и противоречат друг другу в зависимости от основного текста.

Понятие «прирожденный преступник», таким образом, впервые появляется в работе, например, только в третьем издании. По оценкам автора, 40 процентов всех преступников относятся к этой категории. В последующих изданиях и других работах Ломброзо указывает эту долю только в 33 процента. В своих более поздних публикациях он также отходит от строгого биологического детерминизма и уделяет особое внимание социальным условиям окружающей среды при объяснении преступлений. В то же время, однако, он меняет свои взгляды на смертную казнь для прирожденных преступников [2 с. 59–60].

С современной точки зрения эмпирическая работа Ломброзо кажется бессистемной и не отвечает современным научным требованиям. Предположение о «прирожденном преступнике» как об эволюционном регрессе в истории человечества выглядит достаточно нелепо. Однако работы Ломброзо вполне соответствовали науч-

ным стандартам 19-го века. Ломброзо сделал ложные научные выводы из общего эмпирического знания, которое в то время еще не было очень развито. Кроме того, он часто использовал материалы третьих лиц, не изучая их подробно. Контрольные группы, к которым Ломброзо прибегал для проверки (в основном он обследовал солдат), были недостаточны, поскольку среди них были, например, преступники, но среди обследованных заключенных были и несправедливо осужденные [10 с. 305].

Антропогенетическую теорию Ломброзо (а также ее продолжение в Германской империи и Веймарской Республике) следует рассматривать крайне критически, прежде всего из-за ее роли в качестве научного обоснования нацистов и их фашистской идеологии. Эта форма абсолютного различия между преступником и не преступником крайне проблематична с политической точки зрения, поскольку лишает преступника каких-либо шансов на исправление, ресоциализацию, возмещение ущерба или получения прощения [10 с. 201].

Однако можно отметить и позитивную сторону, теория Ч. Ломброзо дала мощный импульс проведению многочисленных глубоких исследований человека, совершающего преступление исходя из психолого-физиологических состояний, а его идеи относительно отношения к преступнику как к больному человеку были проникнуты гуманизмом. Антропологические исследования Ч. Ломброзо легли в основу созданного им детектора лжи, с помощью которого фиксировали изменения циркуляции крови и констатировали внутреннее волнение человека, чаще всего во время проведения допросов. Немалое практическое значение имели исследования Ч. Ломброзо в области графологии, его описания татуировок преступников с раскрытием их внутреннего содержания до сих пор не потеряли актуальность, то же можно сказать и о проведенном им анализе преступного жаргона. Как заметил известный немецкий криминолог Шнайдер, хотя на идеи Ч. Ломброзо во многих государствах наложено своеобразное табу, несмотря на это, периодически в разных странах появляются его последователи [10 с. 108].

Окончательное суждение о Ломброзо и его научной деятельности необходимо рассматривать дифференцированно. Его научное стремление к криминологическим исследованиям делает его основателем современной эмпирической криминологии. Следует также признать, что Ломброзо был готов расширить свои попытки объяснить биологию, включив в нее экологические и социальные аспекты. Поэтому неверно интерпретировать его – как это часто бывает – исключительно как радикального представителя детерминистской, биологической школы. Ломброзо, который сам был евреем, безусловно, не одобрил бы злоупотребления его исследованиями немецким и итальянским национал-социализмом. Тем не менее, популярный в то время тезис о прирожденном преступнике создает широкую почву для расистских идей.

Таким образом, современная криминология является продуктом исследований, которые вслед за Ч. Ломброзо исследуют характеристики преступников и не преступников, чтобы на основе постулируемых различий этих групп объяснить причины преступности. Эта этиологическая парадигма оказалась особенно эффективной для немецкой криминологии и временами приводила к расколу дисциплины на лагерь критических криминологов, которые отвергали любую форму этиологии, и лагерь тех, кого следует рассматривать как часть ломброзианского проекта [10 с. 305].

В последние годы биокриминология возродилась, во многом благодаря наследию Ломброзо. Даже сегодня существует направление исследований, которое пы-

тается объяснить преступления, опираясь на биологию. Конечно, сегодняшние научные труды больше не предполагают биологически детерминированного атавизма, не призывают казнить за странную внешность. Однако попытка рассчитать вероятности, факторы риска и антисоциальные предрасположенности вполне может быть понята в русле развития работ Ломброзо. В дополнение к своей новаторской работе о женщинах-преступницах, Ломброзо был одним из первых, кто использовал научные методы для изучения преступности, и он вдохновил многих других сделать то же самое. Сегодня нейрокриминология опирается на некоторые теории Ломброзо для изучения причин преступного поведения – исследуя, например, могут ли травмы головного мозга или генетические аномалии привести к преступности или насилие может ли быть вызвано клиническим расстройством. Недавние исследования показали, что насильственные преступления могут иметь генетическое происхождение, и что черты личности, включая преступность, можно определить по чертам лица. Прирожденный преступник, похоже, в конце концов, не такая уж нелепая идея [1 с. 283].

Ч. Ломброзо, далекий от того, чтобы быть забытым, по-прежнему разделяет, провоцирует и поднимает страстную враждебность, суждения о нем являются предметом резко противоположных мнений. Непрерывные колебания между криминологическими теориями часто заканчиваются тем, что в этом персонаже находят символ для столкновения, и, в конце концов, эти противоречия являются результатом тенденции проецировать идеи настоящего на прошлое. Рассматриваемый одними как фигура интеллектуальной ненависти, другими – как идеолог, замаскированный под ученого, а третьими – как образец научной неуловимости, Ломброзо сохраняет свое законное место у истоков гуманитарных наук, откуда он предостерегает нас о нашем прошлом.

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес-Пенаты, 2000. с. 454
2. Белоусов К.Ю. 100 лет со дня смерти Чезаре Ломброзо (1835–1909) // Криминологический журнал ОГУЭП. 2009. № 4(10). С. 59–60.
3. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – Москва: ИНФРА-М. – НОРМА, 1997. – 383 с.
4. Прозументов Л.М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 20–27.
5. Ломброзо Чезаре. Преступный человек / Ломброзо Чезаре; Пер. с итальян. // Гиганты мысли. М.: Эксмо: МИДГАРД, 2005. – 874 с.
6. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка / пер. с ит. Г. Гордона. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 352 с.
7. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: АНФ, 2019. – 766 с
8. Шемонаев В.И. Взаимосвязь типа телосложения и его психологических особенностей / В.И. Шемонаев, С.Н. Орехов, И.П. Бессонов // Since 1999. 2017. Т. 19(11). С. 73–77.
9. Фейнберг Ц.М. Учение о вменяемости в различных школах уголовного права и в судебной психиатрии. – М.: Центр. науч.-иссл. ин-т судебной психиатрии им. проф. Сербского, 1946. 89 с.

10. Bollone P.B. Cesare Lombroso e la scoperta dell'uomo delinquente. – Priuli & Verlucca, 2009. 368 p.

PUNISHMENT BIFURCATIONS AND THE THEORY OF CESARE LOMBROSO

Barinov Yu.V.

Russian Christian Humanitarian Academy named after. F.M. Dostoevsky

The sentencing decision is the symbolic cornerstone of the international justice system: it plays out conflicts between the goals of equal justice under the law and individual justice with punishment tailored to the offender, and interprets and applies the moral principles of society and the highest values of life and liberty.

This study shows such a difference. It has been revealed that there are several stages in the history of criminology. The origins are the "classical school". The first biological theories of crime date back to the 19th century, according to which criminals differ from non-criminals in terms of physical and psychological characteristics. Criminals represent an anthropological regression in human evolutionary development. Crime, therefore, is a biological trait that is inherited. It is emphasized that this theory is very different from the views of representatives of the classical school of criminology. While the latter exponents emphasize human free will and thus present crime as a free choice, the natural born criminal theory represents biological determinism.

Key words: bifurcation, punishment, criminology, criminal, theory of Cesare Lombroso.

References

1. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of crime and punishment. – M.: Penates-Penates, 2000. p. 454
2. Belousov K.Yu. 100 years since the death of Cesare Lombroso (1835–1909) // *Criminological Journal of OGUPEP*. 2009. No. 4(10). pp. 59–60.
3. Inshakov, S.M. Foreign criminology / S.M. Inshakov. – Moscow: INFRA-M. – NORM, 1997. – 383 p.
4. Prozumentov L.M. On the origin of the anthropological trend in criminal law and criminology // *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2016. T.10. No. 1. P. 20–27.
5. Lombroso Cesare. Criminal Man / Lombroso Cesare; Per. from Italian // *Giants of thought*. M.: Eksmo: MIDGARD, 2005. – 874 p.
6. Lombroso Ch. Woman criminal and prostitute / trans. with it. G. Gordon. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2017. – 352 p.
7. Sapolsky R. Biology of good and evil. How science explains our actions. – M.: ANF, 2019. – 766 p.
8. Shemonaev V.I. The relationship between body type and its psychological characteristics / V.I. Shemonaev, S.N. Orekhov, I.P. Bessonov // *Since 1999*. 2017. T. 19(11). pp. 73–77.
9. Feinberg Ts.M. The doctrine of sanity in various schools of criminal law and in forensic psychiatry. – M.: Center. scientific research Institute of Forensic Psychiatry named after. prof. Serbsky, 1946. 89 p.
10. Bollone P.B. Cesare Lombroso e la scoperta dell'uomo delinquente. – Priuli & Verlucca, 2009. 368 p.

Синергетическая модель культуры М.С. Кагана в контакте философских дискуссий о границах свободы личности второй половины XX века

Бусов Сергей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

В статье отмечается актуальность взглядов М.С. Кагана, видного петербургского философа, методолога науки и культуролога. Анализируются проблемы, поставленные М.С. Каганом, а также методы их решения, предложенные им. Рассматривается поведенческая дихотомия – «анонимно-безликая масса» и «индивидуально-личностная» форма поведения. На протяжении истории человечества единство и различие названных сторон проявляют себя в исторически обусловленных формах общественного сознания, что требует, по мнению М.С. Кагана, изучения диалектической природы этих сущностей. Философ подчеркивает историческую тенденцию все большего проявления общественного бытия через индивидуально-уникальное бытие, особенно в сфере искусства, однако, доля индивидуально-уникального все более снижается в таких сферах, как мораль, религия, право, наука, технология и, наконец, экономика. Он подчеркивает, что научная методология должна ввести в разрабатываемую синергетикой программу познавательных действий «коэффициент личностного воздействия» на процессы социальной самоорганизации, что особенно тесно связано с проблемой свободы. Важное место уделяется полемике М.С. Кагана с другими философами по указанным в статье проблемам.

Ключевые слова: синергетика, закономерность, свобода, объективное, субъективное, новое.

Полезной оказывается программа изучения процессов физической самоорганизации, которая предложена классиками синергетики, но которую следует привести в соответствие с более сложной структурой антропосоциокультурных систем. Такой вывод сделал видный петербургский философ М.С. Каган (1921–2006), посчитав его весьма актуальным. В своей культурологической модели истории общества при анализе социальной самоорганизации им достаточно продуманно и компетентно выражено значение таких синергетических понятий, как нелинейность, бифуркация, аттрактор. «Овладение системно-синергетическим мышлением, – пишет он, – дает реальную возможность осмыслить происходящее как *движение от хаоса, господствующего в мире в XX веке, в направлении, отвечающем зову аттрактора из третьего тысячелетия*» [7, с. 303–304]. По мнению М.С. Кагана, в системной модели культуры структурная и функциональная методологии исследования должны быть «скрещены» с историзмом, образуя единство предметного (элементно-структурного), функционального и исторического анализа [6, с. 57]. С его точки зрения, синергетическая трактовка отношения «закономерность – случайность» в применении к поведению антропосоциокультурных систем требует дополнения соответствующей трактовкой отношения «необходимость – свобода» [6, с.61]. Этот момент, как он считает, упущен в концепции В.П. Бранского, для которой характерен недостаток учета роли свободы личности в развитии общества и культуры. Однако завет М.С. Кагана, как одного из основателей Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики, был реализован, спустя время, публикацией монографии «Синергетическая философия истории», где проблема свободы, по сути, определяется как исходная посылка социо-синергетического взгляда на общество и его историю.

Полемизируя с концепцией, представленной В.В. Васильковой в ее книге «Порядок и хаос в развитии социальных систем», М.С. Каган не соглашался с фактическим отождествлением факторов свободы и случайности, полагая их (свободу и случайность) несовместимыми. Действительно, В.В. Василькова почти не говорит о роли фактора свободы в эволюционной картине социума, полностью заменяя его другим фактором – случайностью. Совершенно правильно замечая, что «интеллектуальный» способ общения человека с миром усилил неопределенность, неравновесность системы «человек – окружающий мир», В.В. Василькова, вместе с тем, сводит к «источнику ошибок» саму способность человека делать выбор. «Окружающий мир в своем эволюционном континууме стал для человека миром случайностей, неожиданных опасностей, неопределенного будущего» [4, с. 258]. Впрочем, неоднократно В.В. Василькова также указывает и на то, что человек тем или иным способом научился использовать случайность в своих интересах.

Для М.С. Кагана предпочтительней оказывается позиция Н.С. Розова, который выделяет роль человеческой субъективности и особенно фактора свободы как одного из «существенных принципов синергетической трактовки истории человечества» [6, с. 62]. Действительно, в одной из своих поздних работ Н.С. Розов дела-

ет попытку синтезировать факторы естественного отбора с факторами социального отбора, среди которых свобода занимает важнейшее место. «...В ходе развития языка и сознания верхний – социокультурный – контур коэволюции закономерно “забирает на себя” поиск ответных стратегий на любые вызовы. Культурный драйв все больше вытесняет неодарвинистский механизм случайных мутаций» [9, с. 13].

Не вдаваясь в подробный анализ понятия свободы, которое сам М.С. Каган считает ключевым в построении своей модели, хотя специально и не разрабатывает его, мы тем не менее обозначим некоторые этапы конкретизации этой категории, которые содержательно проанализированы им в ряде работ. Прежде всего, он рассматривает феномен свободы в аспекте развития личности, повышения ее роли в истории. Вначале человеческая деятельность была «массовой, анонимно-безликой». Затем индивид вырвался из подчинения «безликих сил традиционных форм мышления и поведения». Индивидуальное и общественное, по мнению М.С. Кагана, все более противопоставляются, находясь в то же время в нерасторжимом единстве. Такова диалектическая природа этих сущностей. Автор подчеркивает следующую нарастающую тенденцию: в сфере искусства общественное бытие все больше проявляется через индивидуально-уникальное бытие. Напротив, доля индивидуально-уникального в таких сферах, как мораль, религия, право, наконец, наука, технология, экономика выражена в убывающей пропорции. Полюсами в этом аспекте выступают искусство и экономика. Он полагает, что методология социальной и культурной синергетики должна ввести в разрабатываемую синергетикой программу познавательных действий «коэффициент личностного воздействия» на процессы самоорганизации, дезорганизации и реорганизации относительно разных сфер деятельности [6, с. 64]. А это уже тесно связано с проблемой свободы.

Падение «коэффициента личностного участия», по нашему мнению, можно выразить переходом от «субъективно-случайного» к «объективно-случайному» (термины М.С. Кагана) в социальной самоорганизации, а также с переходом от «субъективно-необходимого» к «объективно-необходимому». Так, преувеличение роли экономики в историческом процессе означает преувеличение роли «объективно-необходимого» и «объективно-случайного» и соответственно преуменьшение роли «субъективного». Заметим, однако, что свобода сама *создает* себе новую необходимость, а не принимает «рабски» ту, которая случайно «обрушивается» на нее. Свобода как познанный случайность, о чем предстоит еще сказать, нацелена на познание той случайности, которая является важным условием флуктуаций, меняющих соотношение вероятностей иногда в нужном для субъекта варианте. Ответственной свободой, ответственностью, по нашему мнению, становится «познанная случайность в рамках данной закономерности» [1, с. 569] или, иначе говоря, социальное творчество. Придание же экономике фундаментального статуса не есть ошибка, ошибочно видеть в ней лишь монофундамент исторического процесса.

М.С. Каган приводит близкие ему методологические принципы авторов «теории локальных цивилизаций» (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби и др.), полагавших в отличие от марксизма, что такие факторы, «как производственные отношения, формы собственности на орудия и средства производства, <...> возникновение классово-структуры общества и ее видоизменения» являются «внешним для культуры» и не способны «стать определяющей силой ее развития» [6, с. 71]. Соединить классические (марксистские, позитивистские) и неклассиче-

ские историко-культурные методологические установки (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Гумилев и др.) в некой единой (универсальной) методологии возможно, и такой методологией, по мнению М.С. Кагана, может стать синергетика, которая описывает саморазвитие сложноорганизованной системы в динамичной природной и социальной среде и соответственно ищет движущие силы этого процесса в нем самом. Именно в этом ключе создается его культурологическая синергетическая модель. В то же время он критикует упрощенный бытующий еще взгляд на культурно-исторический процесс. Невозможно, пишет он, «перенести на историю культуры циклически-волновую схему процессов движения, описывающую поведение более простых систем, природных и экономических; вряд ли такая концепция может расцениваться как удачная альтернатива вульгарно-социологической трактовке исторического процесса» [6, с. 73–74].

Среди других факторов культурной истории человечества М.С. Каган выделяет феномен функциональной асимметрии, возведя ее в ранг той самой необходимости, которая определяет меру свободы и которая, в свою очередь, определяет пути развития социума и культуры. Он пишет: «Вспомним, что одним из самых значительных научных открытий XX в. стало обнаружение функциональной асимметрии человеческого мозга. Оно выявило и асимметричную локализацию образно-эмоциональных и интеллектуально-речевых процессов, протекающих в нашей психике, а также асимметричную организацию мужской и женской психики и историко-культурную асимметрию “Запад – Восток”» [6, с. 94]. Следует заметить, что названные М.С. Каганом метастабильные структуры, будучи начальными условиями, во многом определяют культурно-историческое развитие социума. Акцентируя внимание на различии мужского и женского начал в динамике культуры, он полагает, что данный аспект функциональной асимметрии проявляется как противоречие между хаосом и порядком, этапами разрешения которого выступают разные меры свободы, фиксирующие соотношения мужского и женского. Характерный пример: фиксация статичности монументализированных образов женщины и динамического характера мужских силуэтов на стенах пещер как некое соединение «покоя» и «бури», или аналогичное соединение культур Востока и Запада уже в геокультурном контексте [6, с. 103].

В подтверждение глубоким высказываниям М.С. Кагана, можно заметить, что исторический переход от инстинктивных форм поведения к архетипам и мифу как более высоким уровням разумного поведения имел ряд важных предпосылок. Асимметрия всегда знаменовала начало чего-то нового как во Вселенной, так и в эволюции биологических и антропо-социальных систем. Согласно американскому философу Э. Янчу, развитие есть результат нарушения симметрии и не только в становлении Вселенной, но и в эволюции человеческого сознания [12, р. 293–296]. Так же советским ученым В.А. Геодакьяном была выдвинута гипотеза, согласно которой, в основе половой дифференциации и дифференциации мозга – на два полушария и на подкорку и кору – лежит один и тот же принцип *сопряженных подсистем* [5, с. 173]. Асимметрия мозга действительно тесно связана с полом. У раздельнополовых форм при смене *стабилизирующей* среды на *движущую* среду расширение дисперсии признака и его эволюция начинаются только у *мужского* пола. Так, например, широкая норма реакции обеспечивает женский пол повышенной онтогенетической *пластичностью* (адаптивностью), что означает, в частности, быструю внушаемость, воспитуемость, обу-

чаемость. Поэтому в дискомфортных зонах отбора остаются в основном мужские особи. <...> Само пребывание в зоне дискомфорта стимулирует поисковое поведение [5, с. 184–185]. Половой диморфизм в социуме можно понимать также как разделение труда, разделение форм проявления свободы и ответственности. Свобода в синергетическом смысле выступает специфическим аналогом случайности, то есть это фактор, меняющий соотношение эволюционных возможностей системы [2, с. 259]. Так, на ранних этапах развития сознания, как способа ориентации в культурной среде, усваивается форма свободы как познанной необходимости, когда субъект несет ответственность за собственный выбор (практика «исправления ошибок»). Такая практика исправления ошибок может быть иллюзорной и совершаться в символическом поле деятельности, но также и вполне адекватной, когда в основе подобного «исправления» лежит знание действительных причин, что становится программой действия.

В рамках мифологического сознания еще не выделено индивидуальное «я», господствует «мы», потому субъект выбора – коллектив; им может быть вся община, а может быть лишь женская часть общины или мужская. Поведенческий принцип «быть как все» как основа морали, действует здесь как принцип максимальной устойчивости. Случайная «инаковость» и поведенческая исключительность полагаются опасными, хотя иногда и помогают сохранять устойчивость системы в кризисных ситуациях. В процессе антропогенеза возникли механизмы, сначала дублирующие естественный отбор, затем оказывающиеся надстройкой и своего рода суперотбором (отбором факторов естественного отбора, формой обучения на собственных ошибках), или социальным отбором, одной из форм проявления которого выступает логическое мышление. Логическая парадигма довлеет до тех пор, пока противоречие между отбором и логическим выводом не достигает максимума неравновесности. Здесь логика мышления подвергается социальному отбору, проверке на устойчивость, в этой зоне она испытывает значительные флуктуации. «Тогда происходит революция в способах мышления, бифуркация, или качественный скачок, переход к другой форме соответствия отбора и вывода» [3, с. 142].

Истинность своей культурно-исторической схемы, а также последовательности ее этапов, М.С. Каган обосновывает принципом изоморфности онтогенеза и филогенеза в сфере культуры, который позволяет проверить характеристику исторического генезиса культуры обращением к процессу превращения младенца из маленького животного в культурное существо [6, с. 108]. Названный принцип соответствует социогенетическому закону, согласно которому, эволюция индивида воспроизводит главные этапы культурного развития человечества в соответствии с воспроизводством зародышем человека в утробе матери основных стадий эволюции животных в биосфере Земли.

Обратим также внимание на высказывание М.С. Кагана о том, что в общем системном строении бытия особенности каждой его подсистемы требуют соответствующего ее сущности, ее субстрату, ее модальности способа изучения, в частности, изучения специфических закономерностей ее исторического бытия [8, с. 125]. Эта специфичность соотносится с синергетической методологией; она актуальна и в отношении исследования феномена свободы методом, обозначенным нами как синергетический историзм, созданный в рамках Санкт-Петербургской школы социальной синергетики. Известно, что М.С. Каган был одним из крупных отечественных представителей системного подхода в анализе развития систем раз-

ной сложности, причем, по его мнению, такой подход требовал применения принципа историчности, поскольку «исторический подход» есть часть системного подхода. Исторический подход, согласно ему, изучает специфический тип движения в антропосоциокультурных процессах, характеризующийся сознательным и целенаправленным их развитием [8, с. 115]. К высшим проявлениям такой специфики он относил фактор свободы в бытии личности, который состоит «в том, что широчайшее индивидуальное варьирование собственного человека как родовому существу био-социо-культурного триединства свойств порождает неизвестное ни одной другой системе качество уникальности личности» [8, с. 123].

Во многом идеи М.С. Кагана солидарны взглядам другого петербургского философа, В.Н. Сагатовского (1933–2014), который также видел в факторе свободы источник уникальности и, в особенности, новизны социально-исторического культурного процесса. Существуют, согласно ему, три уровня новизны в культуре. Во-первых, это поиск того, что существует, но неизвестно ищущему. Во-вторых, новое как результат комбинации наличных факторов. В-третьих, новое есть результат творчества качества в его уникальности (неповторимости, значимости, нерегулярности). «Я исхожу из того, что без учета этого уровня не может быть полноты понимания развития. Ни в коей мере не умоляя значения устойчивости, нельзя не видеть, что творчество постоянно покушается на нее; человек постоянно оказывается в ситуации риска, которая имманентно включает в себя возможность и большого успеха, и трагедии» [11, с. 219]. «При чем же тут синергетика? – спрашивает В.Н. Сагатовский, – а при том, что в ней можно акцентировать внимание не только на структуре взаимодействия и на устойчивости, а также на уникальности и специфичности». Именно эта сторона синергетики оказалась значимой для В.Н. Сагатовского и которой, по его мнению, не уделяют достаточного внимания. «Замечательная особенность рассматриваемых нами процессов, – отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс, – заключается в том, что при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» [10, с. 54]. Сагатовский ставит во главу угла допущение о существовании уникальности в качестве атрибута бытия и видит значение синергетики в том, что наука, относящаяся к естествознанию, натолкнулась на этот феномен. Именно это допущение и было положено Сагатовским в основу понимания нелинейности, спонтанности, свободы и творчества. Сагатовский формулирует понятие уникальности не с платоновско-гегелевской, а с экзистенциалистской позиции. «Для меня уникальность есть исходное начало субъективной реальности, не редуцируемое к объективной реальности, определяющее изнутри направленность деятельности субъекта и характер интерпретации полученной информации, принципиально неструктурируемое и потому необъективируемое (невыразимое общезначимыми средствами)» [11, с. 221–222]. Вместе с тем, слишком сильный упор на уникальность блокирует научные подходы к исследованию предмета, поскольку для науки важна повторяемость явлений, экспериментально подтверждаемая доказуемость, т.е. выход на закономерность, что, собственно, придает уверенность ученому в том, что он имеет дело с объективной реальностью.

В заключение следует отметить, что противоположностью понятию специфического и уникального является понятие универсального. Универсальное, по сути, имеет основание снять дихотомию общего и единичного через категорию особенного, поскольку, например, фантастическая «Емелина печь» есть особенное. Устойчивость

в перспективе развития перетекает в универсальность, что подтверждает последовательное применение синергетического подхода к таким предметам как социальная структура. Синергетика воспроизводства общественной структуры опирается на *универсальность* ресурсов; по сути, любая вещь или человек, знак, организация, т.е. любой продукт общественного производства в перспективе может применяться и как вещь, и как организация, и как знак, и даже как человек. Повышение «коэффициента личностного воздействия» на процессы самоорганизации, о чем говорит М.С. Каган, может быть выражено, прежде всего, в способах, снимающих противоречие между хаосом и порядком, а, следовательно, выражающих их синтез и, более того, определяющих рост степени их синтеза. Речь прежде всего идет о достижении универсальности самого человека. Если этого нет, то не будет никакой уникальности феноменов социального прогресса. Согласно с принципом «Емелиной печи», универсальная вещь может быть и субъектом производства, и материальным благом, и идеей, и организацией, т.е. она и пироги печет, и разговаривает с хозяином, и организует разные увеселения – в этом ее уникальность и всеобщность. Функциональная универсальность заложена в производство изначально, чем, собственно, и отличается антропосоциогенез от генезиса любого другого вида животных. Возможности вышеперечисленных «синтезов» и «единств» разных противоположных тенденций культурного развития человечества как раз и относятся к разряду как уникальных, так и универсальных.

Литература

1. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
2. Бусов С.В. Проблема свободы как познанной случайности в рамках закономерности: синергетический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3 / Научный журнал. 2017. Том 17. С. 258–265.
3. Бусов С.В., Зобова М.Р. Антропный принцип в свете эволюционизма и синергетики. СПб.: ООО АИК, 2016. 392 с.
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Издательство «Лань», 1999. 480 с.
5. Геодакян В.А. Теория дифференциации полов в проблемах человека / Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. 504 с. С. 171–189.
6. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. Второе издание. СПб.: ООО «Издательство «Петрополис»», 2003. 367 с.
7. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. Второе издание. СПб.: ООО «Издательство «Петрополис»», 2003. 320 с.
8. Каган М.С. К синергетическому толкованию процессов самоорганизации / Синергетика и синергетический историзм. СПб.: Изд-во «Осипов», 2005. С. 113–125.
9. Розов Н.С. Системные основы и социобиологические драйверы антропогенеза // Сибирский философский журнал. Т. 19. № 1. 2021. С. 5–16.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
11. Сагатовский В.Н. Социальная синергетика и концепция доопределения бытия / Синергетика и си-

нергетический историзм. СПб.: Изд-во «Осипов», 2005. С. 216–242.

12. Jantsch E. The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. New York, 1980. 343 p.

M.S. KAGAN'S SYNERGETIC MODEL OF CULTURE IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL DISCUSSIONS ON THE BOUNDARIES OF PERSONAL FREEDOM IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Busov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruевич

The article notes the relevance of the views of M.S. Kagan, a prominent St. Petersburg philosopher, methodologist of science and cultural critic. The problems posed by M.S. Kagan are analyzed, as well as the methods of their solution proposed by him. The behavioral dichotomy is considered – the “anonymous-faceless mass” and the “individual-personal” form of behavior. Throughout the history of mankind, the unity and difference of these sides manifest themselves in historically conditioned forms of social consciousness, which requires, according to M.S. Kagan, the study of the dialectical nature of these entities. The philosopher emphasizes the historical tendency of an increasing manifestation of social existence through an individually unique existence, especially in the field of art, however, the share of individually unique is increasingly decreasing in such areas as morality, religion, law, science, technology and, finally, economics. He emphasizes that scientific methodology should introduce into the program of cognitive actions developed by synergetics a “coefficient of personal impact” on the processes of social self-organization, which is especially closely related to the problem of freedom. An important place is given to the polemic of M.S. Kagan and other philosophers on the problems mentioned in the article.

Keywords: synergetics, regularity, freedom, objective, subjective, new.

References

1. Bransky V.P. Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of an artistic work on the example of the history of painting. Kaliningrad: Yantarny skaz, 1999. 704 p.
2. Busov S.V. The problem of freedom as a cognized randomness within the framework of a pattern: synergetic analysis // Proceedings of the Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy, issue 3 / Scientific journal. 2017. Volume 17. pp. 258–265.
3. Busov S.V., Zbova M.R. The anthropic principle in the light of evolutionism and synergetics. St. Petersburg: AIK LLC, 2016. 392 p.
4. Vasilikova V.V. Order and chaos in the development of social systems: (Synergetics and theory of social self-organization). – St. Petersburg: Lan Publishing House, 1999. 480 p.
5. Geodakyan V.A. Theory of gender differentiation in human problems // Man in the system of sciences. Moscow: Nauka, 1989. 504 p. 171–189.
6. Kagan M.S. Introduction to the history of world culture. The first book. Second edition. St. Petersburg: Publishing House “Petropolis” LLC, 2003. 367 p.
7. Kagan M.S. Introduction to the history of world culture. Book two. Second edition. St. Petersburg: Publishing House “Petropolis” LLC, 2003. 320 p.
8. Kagan M.S. Towards a synergetic interpretation of self-organization processes / Synergetics and synergetic historicism. – St. Petersburg: Publishing house “Osipov”, 2005. pp.113–125.
9. Rozov N.S. Systemic foundations and sociobiological drivers of anthropogenesis // Siberian Philosophical Journal. Vol. 19. No. 1. (2021) pp. 5–16.
10. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos. M., Progress, 1986. 432 p.
11. Sagatovsky V.N. Social synergetics and the concept of redefinition of being / Synergetics and synergetic historicism. – St. Petersburg: Publishing house “Osipov”, 2005. pp. 216–242.
12. Jantsch E. The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. New York, 1980. 343 p.

Ван Цян,

постдокторант, Столичный педагогический университет,
Пекин
E-mail: 1156661243@qq.com

В статье рассматриваются подходы к решению глубоких философских проблем: несоответствия мира идеального, Божественного и мира реального бытия человека, наполненного злом; а также тема оправдания мира, Бога, как создателя этого мира и средоточия любви, и самого человека, продолжающего создавать мир внешний и мир внутри себя. Антроподицея, как учение о спасении (оправдании) человека, сталкивается с уходящим в древность противоречием между Богом и мировым злом и видит онтологическую угрозу зла человеку в этом, пока неразрешимом, противоречии. Основное внимание в статье уделяется «проблемному полю» антроподицеи, её сопряжённости с теоретическими основами теодицеи. В большей степени интерес автора сосредоточен на значимых положениях антроподицеи П.А. Флоренского в контексте истории мысли о зле и осмысления концептов воля и свобода. Флоренский связал антроподицею с теорией обожения: оправдание человека и есть оправдание возможности обожения, которое зависит от человеческой свободы и любви к Богу/Бога. Доказывая ценность и смысл существования человека, антроподицея Флоренского продолжает сохранять значимость для современной научной мысли и осознанной позиции человеческого сообщества.

Ключевые слова: П.А. Флоренский, антроподицея, обожение, свобода, любовь.

Введение

Идея поиска причин несоответствия мира реального бытия человека, существующего порядка вещей и бытия идеального, Божественного, как и идея «оправдания» мира как такового, Бога и самого человека заботили человечество ещё с момента зарождения западноевропейской философской мысли. В эпоху Ренессанса центральной в философской рефлексии становится проблема именно «человеческого оправдания» («антроподицея»), поскольку ему приписываются безграничные возможности сотворения самого себя в мудрости и красоте. Аналитическое пространство исследования антроподицеи сопрягается то с идеями религиозного и эстетического «оправдания», то с проблемой обоснования онтологических смыслов человеческого бытия в целом, то с проблемой соотносительности индивидуального бытия с бытием другого и т.д.

Русская философия, опирающаяся на связь бытия человека с бытием Бога и всегда «содержавшая в себе религиозную и эстетические константы» [5, с. 95], осмысливает «оправдание человека» через реализацию в нём высших духовных потенций в его стремлении к воплощению идеи Богочеловека. Антроподицея П.А. Флоренского, описанная им, прежде всего, в работах «У водоразделов мысли» [7] и «Философия культа» [9], стала первой теорией, которая отстаивала необходимость «оправдания человека» перед проблемой зла, заложив тем самым новую парадигму обсуждения проблемы зла. «Оправдание человека» в рамках этой парадигмы существенно отличается от англоязычной традиции, в которой Богу не отводится никакой роли. Существующие исследования взглядов Флоренского сосредоточены на осмыслении толкования самой идеи человека, и, несомненно, результаты этих исследований отличаются глубиной и значимостью. Особенно огромным в этом плане представляется вклад российского философа Н.Н. Павлюченкова [4]. Однако цель данной статьи заключается в выяснении того, как П.А. Флоренский вмещает в своём концептуальном пространстве антроподицеи проблему устранимости угрозы зла для существования человека.

Основной вопрос и «проблемное поле» антроподицеи

Термин «антроподицея» впервые был введён в философскую рефлексию русским богословом и религиозным философом П.А. Флоренским. Термин этот состоит из двух частей: «антропос» и «дицея», которые соответственно происходят от греческих слов «*ἄνθρωπος*» («человек») и «*δίκη*» («справедливость»). Поэтому этимологически «антроподицея» означает «оправдание человека». Но «оправдание человека» в антроподицеи и «оправдание Бога» в теодицеи различаются своим контекстом: цель теодицеи заключается в доказательстве того, что Бог не виноват в том зле, которое воплощается в мире; напротив, антроподицея признаёт вину человека за совершаемое или допускаемое зло. Возникает вопрос: перед кем/кем и для чего антроподицея оправдывает человека? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, в чём заключается угроза зла человеку.

Антроподицея (оправдание человека) П.А. Флоренского до сих пор, по ряду причин, не переосмыслена

и не проанализирована в мельчайших деталях как единая концепция, но совершенно ясно, что все её составляющие направлены на решение одного вопроса: как согласовать веру в то, что человек создан по образу и подобию Божию совершенным и разумным, с наличествующим его несовершенством, внутренней расчленённостью и греховностью. [3, с. 432] Именно в этом противоречии сторонники антроподицеи видят онтологическую угрозу зла человеку, которую игнорируют сторонники теодицеи. Тех, кто придерживается теодицеи, волнует в первую очередь угроза зла Богу, и, в связи с этим, доказательство того, что виновником зла является не Бог, а сам человек. Таким образом, теодицея не только игнорирует угрозу зла человеку, но и постепенно усиливают эту угрозу. В последние десятилетия, несмотря на мощные цивилизационные достижения и переход к новой, информационной, эпохе, человек всё больше ощущает, по Флоренскому, собственную «нецельность», «незавершённость» [3, с. 432–433] и сомневается в ценности и значимости своего существования.

Современное учёное сообщество давно говорит «о наступившей антропологической катастрофе» [1, с. 3], результатами которой стали многочисленные глобальные проблемы и призывы к спасению человека от самого себя. И одним из вариантов ответа на угрозу зла человеку для сегодняшних сторонников антроподицеи становится возврат к принципам «некоторых религиозно-философских учений, пытающихся объяснить противоречие между боготворением, богоподобием человека и наличием несовершенства и зла в нём и от него» ради выявления путей исправления человека. [2, с. 28] Как пишет Е.Е. Цесник, антроподицея представляет собой «религиозное философское учение об онтологическом достоинстве человека» [11, с. 3]. А для И.В. Каплан оправдание и спасение человека начинается, прежде всего, с «признания вины человека за происходящее», которая не должна позволить человеку впасть в отчаяние, но вновь осознать и обрести в себе начала, ценные для всего мироздания [1, с. 3]. Приведённые цитаты подчёркивают, что цель антроподицеи заключается в оправдании человека, как существа с деятельным разумом, способным осознавать разнообразный духовный опыт, который придаёт его жизни ценность и смысл.

Следует обратить внимание на то, что и в русской, и в западной философской мысли антроподицея осмысливается не только как о религиозно-философское учение, но и как атеистическое культурно-антропологическое направление. В западной «версии» антроподицеи доказательство ценности и смысла человеческого существования раскрывается через анализ человеческой природы, объединяющей в себе стремление к воплощению «гедонистического рая» на Земле и «отпадение» от Бога. В целом, в фундаментальном противоречии между Богом и мировым злом сторонники антроподицеи видят онтологическую угрозу зла человеку, тем самым ставя целью онтологическое оправдание человека. Эрнест Беккер [12] и Клайв Гамильтон [13] предлагают заменить теодицею антроподицей: в их антроподицее нет места ни Богу, ни тесно связанному с Богом злу, а оправдание человека лежит в плоскости исследования культуры как проекта бессмертия, раскрывающего духовную природу человека.

Антроподицея П.А. Флоренского

Философия Флоренского целиком и полностью строится вокруг его понимания сущности религии, на тех же принципах строится и его философская антропология, его антроподицея. По мнению Флоренского, сущность религии заключается в идее спасения, или обожения (соединения

человека с Богом). Религиозное учение включает в себя два ключевых момента: антроподицею, или оправдание человека и теодицею, или оправдание Бога. Антроподицея для Флоренского – это «по преимуществу, Таинство, мистерия, т.е. реальное нисхождение Бога к человечеству, самоуничтожение Божие или кенозис» [6, с. 218]. Иными словами, Бог нисходит к человеку через Таинство, ради его спасения (обожения). Но для того, чтобы принять обожение, человеку необходимо оправдать Бога. Оправдание Бога человеком заключается в следовании религиозному учению, догме, в «созерцательном восхождении человечества к Богу» – «теозисе (но только созерцательном)» [6, с. 218]. Таким образом, обожение представляет собой «двухкомпонентный процесс»: оправдание Бога, то есть восхождение человечества к Богу, и оправдание человека, то есть нисхождение Бога к человечеству через Таинство. Так что же означают здесь «восхождение» и «нисхождение»?

Флоренский выделяет два аспекта религии: онтологический и феноменологический. По его мнению, с онтологической точки зрения, религия – это жизнь человека в Боге и жизнь Бога в человеке, а с феноменологической точки зрения, религия – это система деятельности и переживаний, обеспечивающая спасение души. Исходя из этого различия, Флоренский выдвигает две фундаментальные проблемы религиозного исследования: первая заключается в установлении того, что Бог – это именно тот Бог, который осуществляет спасение, и вторая – в обсуждении способов, которым человек принимает спасение. Само «восхождение» означает восхождение человека к Богу для подтверждения того, что Бог именно тот, кто осуществляет спасение, а «нисхождение» – это нисхождение Бога к человеку через таинство для осуществления его спасения. Антроподицея обсуждает именно то, каким образом человек принимает спасение от Бога в его нисхождении. Ответ философа на этот вопрос носит антропологический характер, что подводит к необходимости ради понимания его антроподицеи осмыслить основные положения философской антропологии Флоренского.

Для Флоренского человек в первую очередь характеризуется актом стремления к «лицу». В своем произведении «Философия культа» Флоренский описал два основных начала в человеке: титаническое и дьявольское. Титаническое начало – это начало выросшее от Земли, начало эманативное, оно само является усией. В понимании Флоренского усия есть бесконечный акт, но как бесконечный акт, титаническое начало само по себе является «безликим», поэтому оно притязает на место Лица. Дьявольское начало, напротив, не является усией (ουσια – греч. «сущность», «природа»), но обладает «лицом», и этим своим «лицом» соблазняет человека, используя бесконечный акт человека для борьбы против Бога. Таким образом, человек представляется слепым бесконечным актом стремления к «лицу». Отсюда возникает важнейший вопрос: к какому «лицу» человек должен стремиться и как ему преодолеть свою слепоту в этом стремлении?

Для ответа на первую часть вопроса необходимо уточнить описание внутренней структуры человека. Флоренский считал, что человек – это двойственная личность, которая включает в себя как идеальную личность, так и эмпирическую. Идеальная личность – это образ Божий, а эмпирическая личность – это самораскрытый мир человека; в идеальном случае идеальная личность служит основанием эмпирической личности, т.е. основой самораскрытия человека. Однако самораскрытие человека не обязательно идентично образу Божьему в нём, потому что у человека есть свободная воля, точнее, сво-

бода выбора. Из-за собственной слепоты человек в свободном выборе может легко соблазниться дьявольским началом. Однако это не означает, что человек теряет идеальную личность. По Флоренскому, присутствие образа Божьего в сущности человека незыблемо, и грех не может выражать всей сущности человека, а просто прикрывает её. [7, с. 31] Поскольку человек, по Флоренскому, являет собой реальность «двойственной жизни», в которой сочетаются идеальное и реальное, грех способен лишь закрыть образ Бога внутри человека, но не уничтожить его, поэтому обожение всё равно возможно. [9, с. 173]

Кроме того, люди, находящиеся под влиянием зла, остаются свободными в выборе своей идеальной личности. Что имеет в виду Флоренский? Несмотря на то, что человек в антропологии Флоренского существует как существо природное и подчиняется порядку необходимости, субъектная свобода допускается философом, но её ценность он рассматривает «со стороны», объективно-отчуждённо, а не «изнутри» самого Я. Самоутверждение личности, как проявление «дьявольского начала», порождается источником разума и само по себе злом не является, но, «уклонившись от Бога», может привести «к алчбе безграничной свободы» [10, с. 141] и проявлению «злой воли» как результату «неподлинной» свободы самоопределения [9, с. 192]. Однако Флоренский почитает свободное самоопределение в духовной области, которое возможно при истинной любви к Богу. И вот эта «свобода» имеет у него три значения: свобода выбора; свобода творчества; духовная свобода. Свобода выбора играет наиболее важную роль, это выбор между Богом и смертью, выбор основания для самораскрытия. По мнению Флоренского, именно свобода выбора является неизбежным результатом божественной любви. Из любви к человеку Бог ограничил себя при создании мира, и это самоограничение Бога стало основой и источником свободы выбора человека. Поскольку любовь Божья вечна, человек всегда обладает свободой выбора. Более того, для спасения или обожения свобода выбора необходима. Флоренский видел в свободе выбора способность ответа на спасение, идущее от Бога, и если у человека исчезнет эта способность, то всеобщее спасение станет невозможным. [9, с. 183]

Свобода творчества означает, что человек сам творит свою собственную эмпирическую личность: «Свобода Я – в живом творчестве своего эмпирического содержания; свободное Я сознаёт себя творческою субстанцией своих состояний, а не только их гносеологическим субъектом, т.е. сознаёт себя действующим виновником, а не только отвлеченным подлежащим всех своих сказуемых» [9, с. 189]. Таким образом, само творение человеком эмпирической личности составляет свободу. Разговор здесь идёт о том, что творчество как таковое является свободой, потому что в творчестве человек, как свободное Я, осознаёт себя «субстанцией», творящей свои состояния. Как уже упоминалось, человек – это бесконечный акт, акт самораскрытия. Таким образом, сама свобода творчества составляет сущность или усию человека. Поскольку обожение означает творение человеком своей эмпирической личности на основании своей идеальной личности, то свобода творчества является необходимым условием для обожения.

Третье содержательное наполнение категории «свобода» у Флоренского – это духовная свобода. Духовная свобода человека затрагивает обе части его структуры: идеальную личность и эмпирическую личность. С одной стороны, для Флоренского свобода является неотъемлемой составляющей области ноуменов, она непостижима и заканчивается «там, где все произвольно и текуче, нет

и свободы, ибо свобода – в установлении себя на цели» [10, с. 163]. С другой стороны, Флоренский объясняет: сохранение личной свободы и «своеобразности» помогает человеку выстраивать жизнь заново, каждый раз её преобразовывая и обретая заново свою свободу; и это созидание эмпирической личности возможно лишь благодаря наличию в человеке образа Божия (идеальной личности). [10, с. 200]

Итак, свобода, присущая идеальной личности – это и есть истинно духовная свобода. Свобода, осознаваемая эмпирической личностью, обладает другим качеством, хотя она содержит в себе «субстрат» истинно духовной свободы от идеальной личности. Степень свободы эмпирической личности коррелирует с полнотой преобразования идеальной личности, а значит, только когда человек преобразует свою эмпирическую личность в соответствии со своей идеальной личностью, его собственное содержание становится полным. Однако такая свобода может быть утрачена. Как только самораскрытие человека происходит не на основе образа Божия в нём, т.е., образа своей идеальной личности, его эмпирическая личность, безусловно, не может обрести всей полноты. При этом утрата духовной свободы не влияет на спасение человека Богом, и человек всё равно может через свободу выбора вновь обрести внутреннюю духовную свободу.

Очевидно, что для спасения человека решающим фактором является свобода выбора. Однако при рассмотрении свободы выбора сложно обнаружить некое начало, которое гарантировало бы человеку выбор им его идеала личности, напротив, чаще результат свободы выбора в этом случае оказывается демонстрацией определённой духовной «слепоты». Тогда закономерно возникает вопрос, упомянутый ранее: что гарантирует человеку преодоление своей внутренней «слепоты»? В «Философии культа» Флоренский пишет, что слепота титанического начала может преодолеваться в таинстве. Титаническое начало, являясь стихийной силой и потенцией всякой деятельности, не обязательно представляет собой зло; оно вообще безлично, «ибо не понимает, что есть лицо и что оно есть» [10, с. 454]. Зло становится таковым, т.е. обретает лицо и пользуется чужой усией, только под влиянием дьявольского начала, допущенного человеком из-за своей слепоты. [10, с. 454–455] Для Флоренского именно таинство помогает преодолеть слепоту человека, потому что в таинстве титаническое «разрешается», «умиряется» через богонисхождение и боговоплощение. Обладание титаническим, которое безумно и безлично, вне таинства приводит человека к торжеству «аффекта мощи», к заблуждению о силе его эмпирической свободы. Именно по этой причине человечество, считает Флоренский, «сорвало свой гнев на Бога» [10, с. 455]. В таинстве же «восстающий гнев удовлетворяется Богом» [10, с. 456], поскольку пришествует Христос, он приводит человека на своё место – к самому себе, восстанавливая его внутреннее единство: «Во Христе (т.е. Христом, чрез Христа, о Христе) титаническое приводится на своё место, вправляется в сочленение своё» [10, с. 455–456]. Осуществляется это только в таинстве евхаристии и, благодаря любви Христовой.

Любовь Христова является ядром всех таинств, в особенности, евхаристии, как пишет Флоренский в «Философии культа». Именно любовь, наполняющая таинство евхаристии, – «вечеря любви в первохристианской Церкви», агала представляет собой высший вид духовной любви и приводит человека к таинственному преображению. Чем, по сути, является такая любовь? Для Флоренского такая любовь в первую очередь является любовью Бога, и это не означает, что любовь – это

признак Бога, но что сам Бог есть любовь, любовь составляет сущность, усю Бога. В понимании Флоренского, любовь, как усия, сама по себе является актом, т.е. переходом себя в другого и обнаружением себя в другом. Однако сама любовь не является однонаправленным движением, где любящий активен, а любимый пассивен. Любовь – это взаимодействие, где любящий одновременно и есть любимый, любимый одновременно и есть любящий, т.е. обе стороны, соединённые любовью, переходят друг в друга и обнаруживают себя друг в друге: «Кто с Любовью, тот не может не любить. Нельзя говорить здесь, что причина и что следствие, потому что и то, и другое – лишь стороны одного и того же таинственного факта, – вхождения Бога в меня, как философствующего субъекта, и меня в Бога, как объективную Истину» [9, с. 85]. И тогда справедливо утверждать: в тот момент, когда любовь Бога входит в человека, человек также входит через любовь в Бога. По Флоренскому, сущность Бога – это любовь; он вечен и не может перестать любить, он любит человека всегда. Но в то же время для Флоренского любовь – это свободный выбор, а это уже подразумевает под собой сложный момент ответа со стороны человека на любовь Бога. Для того, чтобы этот ответ состоялся, человек пытается найти объяснение тому, что обеспечивает ему ответ на любовь Бога? Этот ответ заключается в том или ином повиновении Богу, принесении ему в жертву своей свободы – то же самое, что и ответная любовь к человеку. Но если любовь к человеку может оставаться вне ответа, в чём реализуется свобода эмпирической личности, то любовь к Богу не может быть безответной, потому что человек стремится войти в Бога и обрести спасение ценой потери свободы эмпирической личности и обретения свободы идеальной личности. Однако для Флоренского особая сложность в том, что, хотя любовь и может обеспечить вхождение человека в Бога, но человек, обладая свободой эмпирической личности, не всегда может отказаться от неё и ответить на любовь Бога.

Заключение

Флоренский связывает антроподицею со спасением или обожением, оправдание человека и есть оправдание возможности спасения или обожения человека. По мнению Флоренского, зло не уничтожает эту возможность, оно лишь загрязняет способ существования человека. Человек всё же может изменить свой способ существования через собственные свободные усилия и действительную любовь к Богу. В антроподицее Флоренского свободная воля становится обоюдоострым мечом: с одной стороны, она делает спасение возможным, то есть человек, находясь в грехе, всё же способен ответить на Божью любовь и обрести спасение, но, с другой стороны, именно из-за его свободы нет гарантий того, что человек откликнется на любовь Бога и потенциальную возможность спасения. Человечество на современном этапе своего существования продолжает испытывать онтологическую угрозу зла, поскольку противоречие между Богом и творящемся в мире злом; между свободой, присущей эмпирической и идеальной личности внутри человека; между внутренней свободой человека и стремлением к духовному спасению остаются не устранёнными, а это придаёт определённую актуальность взглядам П.А. Флоренского.

Литература

1. Каплан И.В. Антроподицея как онтологическая проблема: Культурно-философский анализ / Дисс. ... канд. философ. наук. Казань: КФУ, 1999. 139с.

2. Курабцев В.Л. Антроподицея // Русская философия: Энциклопедия. Под общ. ред. М.А. Маслина, М.: Мир философии, 2020. 920с.
3. Маслин М. А. и др. История русской философии. М.: Республика, 2001. 639с.
4. Павлюченков Н.Н. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского: Антропологический аспект. М.: ПСТГУ, 2012. 288с.
5. Петрык Я.Ю. «Антроподицея» и «смысл страдания» («патематика» М.К. Мамардашвили и «логотерапия» В. Франкла) // Манускрипт. 2018. № 6(92) С. 94–98.
6. Флоренский П.А. Богословские труды (1902–1909). М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 624с.
7. Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, 1993. 362с.
8. Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. /сост. А.С. Трубачёв. М.: Мысль, 1994–2000. Т. 3 (1). 2000. 621с.
9. Флоренский П.А. Столп и утверждение истин. М.: АСТ, 2003. 640с.
10. Флоренский П.А. Философия культа. М.: Академ. проект, 2018. 685с.
11. Цесник Е.Е. Проблемы антроподицеи в русской религиозной философии конца XIX- начала XX веков. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 160с.
12. Becker E. The structure of evil: An essay on the unification of the Science of Man. New York: The Free Press, 1968. 430p.
13. Hamilton C. Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene. Cambridge: Polity Press, 2017. 185p.

A STUDY ON THE ANTHROPODICY OF P.A. FLORENSKY

Wang Qiang

Capital Normal University

This article discusses approaches to solving deep philosophical problems: the inconsistencies of the ideal world, the Divine and the world of real human existence filled with evil; as well as the theme of justifying the world, God as the creator of this world and the center of love, and man himself, who continues to create the world outside and the world inside himself. Anthropodicy, as the doctrine of the salvation (justification) of man, is confronted with the ancient contradiction between God and world evil and sees the ontological threat of evil to man in this, as yet insoluble, contradiction. The main attention in the article is paid to the “problem field” of anthropodicy, its connection with the theoretical foundations of theodicy. To a greater extent, the author’s interest is focused on the significant provisions of P.A. Florensky’s anthropodicy in the context of the history of thought about evil and the comprehension of the concepts of will and freedom. Florensky linked anthropodicy with the theory of deification: the justification of man is the justification of the possibility of deification, which depends on human freedom and love for God/God. Proving the value and meaning of human existence, Florensky’s anthropodicy continues to be important for modern scientific thought and the conscious position of the human community.

Keywords: P.A. Florensky, Anthropodicy, Deification, free will, love.

References

1. Kaplan I.V. Anthropodicy as an ontological problem: Cultural and philosophical analysis / Diss. ... candidate of Philosophical Sciences. Kazan: KFU, 1999. 139с.
2. Kurabtsev V.L. Anthropodicy // Russian philosophy: Encyclopedia. Under the general editorship of M.A. Maslin, Moscow: The World of Philosophy, 2020. 920s.
3. Maslin M. A. et al. The History of Russian philosophy. M.: Republic, 2001. 639с.
4. Pavlyuchenkov N.N. The religious and philosophical heritage of priest Pavel Florensky: An anthropological aspect. M.: PSTSU, 2012. 288с.

5. Petryk Ya.Yu. "Anthropodicy" and "the meaning of suffering" ("pathematics" by M.K. Mamardashvili and "logotherapy" by V. Frankl) // Manuscript. 2018. No. 6(92) Pp. 94–98.
6. Florensky P.A. Theological works (1902–1909). Moscow: Publishing House of the PSU, 2018. 624c.
7. Florensky P.A. Iconostasis: Selected works on art. St. Petersburg: Mithril, 1993. 362c.
8. Florensky P.A. Works. In 4 vols. /comp. A.S. Trubachev. M.: Thought, 1994–2000. Vol. 3 (1). 2000. 621c.
9. Florensky P.A. Pillar and statement of truth. M.: AST, 2003. 640c.
10. Florensky P.A. Philosophy of cult. M.: Akadem. the project, 2018. 685c.
11. Tsesnik E.E. Problems of anthropodicy in Russian religious philosophy of the late XIX- early XX centuries. St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University, 2008. 160c.
12. Becker E. The structure of evil: An essay on the unification of the Science of Man. New York: The Free Press, 1968. 430p.
13. Hamilton C. Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene. Cambridge: Polity Press, 2017. 185p.

Феномен идеального Versus «отчуждения»: философские основания интерпретации проблемы формирования профессионального статуса личности в условиях современной реальности

Газгиреева Лариса Хасанбиевна,

д.ф.н., профессор Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: amor-lora@mail.ru

Газгиреева Медина Адамовна,

студент Пятигорского медико-фармацевтического института –
филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
медицинский университет» Министерства здравоохранения
Российской Федерации
E-mail: medina-dina@inbox.ru

Газгиреева Аделина Адамовна,

студент Пятигорского медико-фармацевтического института –
филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
медицинский университет» Министерства здравоохранения
Российской Федерации
E-mail: adelina.gazgireeva@mail.ru

В статье раскрыта проблема идеального, которая противопоставляется феномену «отчуждение». Авторами статьи с позиции социальной философии раскрыта специфика формирования профессионального статуса личности в условиях современной реальности. В статье подчёркивается роль вовлечённости, индивидуального/творческого подхода будущего специалиста стоматологической медицины, способного к самореализации и становлению собственного «Я», благодаря современным инновационным технологиям, а также созданию оптимальных условий как на рабочем месте, так и в высшем учебном заведении, которые позволяют врачам-стоматологам совершенствовать свои навыки в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: идеальное, «отчуждение», будущий специалист, статус, врач-стоматолог, профессиональные навыки, стоматологическая медицина, совершенствование, самореализация.

Ещё в древности учёные задумывались об идеальном, истинном в окружающей себя реальности. Говоря об онтологии идеального мира, невольно вспоминаются идеи Платона: его «эйдология» – теория, которая наводит на мысли о должном существовании в мире и сознании Homo Sapiens идеальной, то есть истинной реальности. Платон (427–347 до н.э.), как это показывает история философии, относящийся к идеалистам, считал, что в мире существует идеальное начало, какой-то образец совершенства, мир идей, мир «эйдоса», некоего прообраза определённой вещи [6, с. 66].

Надо заметить, что в начале XXI столетия заметным образом происходит трансформация ситуации, связанной с формированием современной личности, способной к самореализации и становлению собственного «Я». Не случайно, например, Ю.Г. Волков в своих научных статьях поднимает вопрос о «креативном классе» [2, с. 109]. Именно в таком классе людей учёный видит социальную силу, способную изменить некоторые стереотипы относительно формирования современного подхода к обустройству общества, не исключая разумную и конструктивную вовлечённость социального субъекта в профессиональную деятельность. Именно «оптимальная» (Ю.Г. Волков) вовлечённость, так называемая вовлечённость «по доброй воле», в данной статье, как нам это видится, приравнивается к феномену идеального (индивидуального/творческого/креативного), которое противопоставляется феномену «отчуждение».

Особую ценность для социальной философии, по мнению авторов данной статьи, представляет ранняя работа немецкого экономиста, философа и социолога Карла Маркса (1818–1883) «Экономическо-философские рукописи 1844 года», которая стала известной лишь после 30-х годов XX столетия. По мнению философа, человек является потенциально безграничным в своём становлении и развитии, а также сознательным и свободным существом [5, с. 109]. Эта теория возникла тогда, когда вещи стали цениться больше человека. И это не случайно, так как эта теория отражала суть капиталистических отношений, когда обществу необходимо было наладить производство товаров, причём в большом его количестве. Сам капитал, можно сказать, выступал источником дальнейшего «отчуждения». К. Маркс выделил 4 уровня отчуждения: 1) отчуждение человека от процесса труда, ведь он понимал, что должен принести в свою очередь больше прибыли своему работодателю; 2) отчуждение человека от продукта труда, так как произведённое им присваивалось кем-то (тем, кто обеспечивал его средствами труда); 3) отчуждение человека от своей собственной («родовой») сущности; 4) отчуждение человека от другого человека вследствие конкуренции между ними (рабочими) за право трудиться [5, с. 109]. Учитывая сказанное выше, можно заключить, что особенности развития производственно-экономических отношений в XIX веке не отличались свободой действий человека, а лишь деформировали его, уродуя всё человечество, принуждая к массовому производству товаров. Отсюда и появилось данное словосочетание – «отчуждённый труд» («самоотчуждение»).

В ином ракурсе можно построить философские суждения, если говорить о постиндустриальном (информационном) обществе, когда современная личность обладает свободой выбора, своих действий, способностью применения инноваций для собственного развития и совершенствования своих навыков. Не случайно стоматологи XXI века в своих протоколах лечения постоянно стремятся к совершенству, саморазвиваясь. Мотивацией становится «экзистенциально-ценностной стратегией» [4, с. 48] в деятельности будущего врача-стоматолога, так как и в клинике, и в высшем учебном заведении созданы особые условия, так называемая «особая реальность, «границы существования которой очерчены экзистенциально-ценностными отношениями, осуществляющимися согласно социальному и экзистенциальному опытам человека. Такую реальность учёные назвали экзистенциальным пространством» [1, с. 132], где сотрудник мог бы ощущать себя на рабочем месте комфортно и безопасно. Так, например, на этапе сбора анамнеза и постановки диагноза, как правило, используются не только основные методы диагностики, но и дополнительные – КТ, МРТ, ОПТГ, прицельный рентгено снимок, без которого не представляется возможным терапевтический приём, гистология, цитология, различные заборы на анализы. Всё это и многое другое используется в практике врача-стоматолога. На сегодняшний день пародонтальные индексы и индексы гигиены, электроодонтодиагностика и реодентография отошли немного на задний план.

Авторы статьи считают уместным привести некоторые примеры из стоматологической практики, позволяющие говорить о ценности взаимодействия врача и пациента, в результате чего приходит понимание корректных способов лечения, совершенствуясь тем самым в приобретении профессиональных навыков [3, с. 111]. Женщина Н., 41 год, пришла на консультацию к врачу стоматологу-хирургу с проблемой «неверно поставленного» дентального имплантата в области 1.4 зуба, аргументируя своё мнение ОПТГ снимком. Пациентка ранее так же проконсультировалась с другими стоматологами, но ни один из них не дал заключение об этом. Слова и только... Как убедить пациентку, что титановый винт в кости стоит в правильной проекции? В данном случае, как показала практика, поможет компьютерная томография. Отправляем пациентку на снимок и, получая его, даём характеристику верной или, в противном случае, неверной установки имплантата. А ОПТГ снимок даёт неполную картину, ведь это листок бумаги в одной проекции, на котором могут быть наслоения костей лицевого скелета, корней зубов, гайморовой пазухи, как было как раз на этом снимке.

Лечение стоматологического больного в современном мире подразумевает в себе рациональный и индивидуальный подход к каждому пациенту. Ранее врачи стоматологи-терапевты импрегнировали пульпитные зубы резорцин-формалиновой смесью. Да, метод не совсем сложный, показан при облитерированных каналах, узких или даже искривлённых под 90 градусов. Но за большими плюсами прячутся не менее большие минусы. Зуб приобретает розово-алый цвет, крошится, как стекло, наблюдаются локальные заболевания пародонта. Да и гарантии, что инфекционный процесс остановлен, нет, так как герметизм этой пасты не доказан. А при попытке перелечивания возникают сложности, начиная с рентген-снимка, потому что материал не рентгеноконтрастен.

Работу терапевта уже нельзя представить без апекслокатора, эндодонтического инструментария, антисептических и противовоспалительных препаратов.

А чья клиника оснащена оборудованием с микроскопом, тому явно повезло. Это и многое другое не то, что помогает, но и заставляет уходить от старых терапевтических методов лечения.

Приведём ещё один пример. Пациентка С., 27 лет, прилетела из Санкт-Петербурга, обратилась к врачу стоматологу-терапевту с жалобой на боль при накусывании 3.4 зуба. В проекции 3.5 зуба установлен дентальный имплантат. Девушка обратилась вовремя, так как вероятность переимплантата высока в данном случае. Если раньше зуб с диагнозом «гранулематозный периодонтит» удаляли не думая, то с появлением на рынке стоматологических микроскопов, с 99% вероятностью можно спасти зуб. Качественная медикаментозная ирригация, пломбирование каналов с апикальным упором исключают риск рецидива инфекции. Наблюдение за динамикой после лечения каждые 3 месяца, восстановление очагов резорбции костной ткани и +1 довольный пациент в Вашей практике.

Новшества не обошли и ортопедическую стоматологию, которые тоже способствуют появлению возможности оттачивать профессиональные навыки будущего специалиста стоматологической медицины, стремиться к «идеальному». Слепки, снятые вручную, тоже дают будущему врачу-стоматологу получить бесценный опыт и сравнить с другим, более современным методом. Однако таким слепкам есть хорошая альтернатива – сканирование в онлайн-режиме. Цифровые технологии – это лучшее, что могли придумать. Слизистая оболочка полости рта не отдавливается оттопленными материалами, программа помогает с определением оттенка будущей ортопедической конструкции, а для пациентов с выраженным рвотным рефлексом – это является спасением. Стоит привыкнуть к сканеру, и этот инструмент сможет стать для будущего врача-стоматолога, стремящегося к совершенствованию своих навыков, незаменимым в процессе его деятельности. Освоив особенности его использования, слепки будут получаться качественно и быстро.

Бывает так, что на приёме пациент жалуется на эстетические несовершенства. Флюороз, гипоплазия эмали или очаговая деминерализация – всё это вызывает неловкость и дискомфорт при разговоре и улыбке, особенно во фронтальном отделе. Не случайно была разработана система ICON, не имеющая аналогов. Этот метод лечения неинвазивный (без необходимости сверления зуба), однако это не означает, что он безуспешный. Препараты обеспечивают насыщение деминерализующей эмали микроэлементами, обеспечивая закупорку пор в твёрдых тканях зуба.

Многие забывают о медицинской этике и деонтологии, умении успокоить пациента, поговорить с ним и выслушать все его проблемы и страхи. В прошлом у детей 90-х годов остались эти ужасающие и стереотипные стоматологические установки, неадекватное обезболивание или вовсе его отсутствие, невнимательное отношение и общепринятый для всех тайминг на пациента, что не могло должным образом вызывать спокойствие на приёме.

В современном мире врача-стоматолога трудно представить без ассистента или медицинской сестры. Не стоит обесценивать их труд и вклад в работе. Например, именно осознанно подготовленный ассистент врача стоматолога хирурга-имплантолога может успокоить пациента до или во время запланированной хирургической манипуляции, сказать нужные слова, в то время, когда врач выполняет серьёзное вмешательство. Ошибочно ожидать успешный результат врачебной деятельности, если человек как зашёл в кабинет в страхе, так и вышел.

Ведь человек – это существо разумное, наделённое эмоциями и чувствами, а пренебрегать этим нельзя.

Если раньше, когда речь шла о количестве производства товаров и услуг, то в настоящее время сфера услуг отличается персонализацией, цифровыми трансформациями, управлением качеством, интеграцией и партнёрством (а не «отчуждением»!), экологической ответственностью, искусственным интеллектом и автоматизацией, гибкостью и мобильностью, сервисной экономикой, скоростью и удобством, устойчивостью к кризисам. Например, учитывая тренды последних 3–4 лет в сфере стоматологии, основными можно назвать наращивание клыков, моду на грилзы, скайсы (декоративные украшения, которые надеваются на коронку зуба или вкрапляются в неё), татуировки, виниры, свои чистые и ухоженные зубы.

Таким образом, в сфере услуг уже созданы современные технологии лечения, которые уже позволяют говорить о том, что современная личность, благодаря таким тенденциям, отличается свободой и креативностью своих действий, возможностью собственного развития, когда идеальное выступает versus «отчуждения».

Литература

1. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Духовное пространство России в контексте парадигматического дискурса: монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – 286 с.
2. Волков Ю.Г. Возникновение и современное состояние российского креативного класса // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 109–120.
3. Газгиреева Л.Х., Лошкарева К.К. Врач-стоматолог как перфекционист и эстет: деонтологический, культурологический и социально-философский анализ проблемы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 3. С. 109–114.
4. Газгиреева Л.Х. Мотивация и специфика духовно-нравственных ориентаций современной личности: монография. – Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2009. – 152 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М., 2010. – 776 с.

6. Учебники платоновской философии / Составитель Ю.А. Шичалин. – Москва: Томск: «Водолей», 1995. – 160 с.

THE PHENOMENON OF IDEAL VERSUS «ALIENATION»: PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR INTERPRETING THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL STATUS OF A PERSON IN THE CONDITIONS OF MODERN REALITY

Gazgireeva L.K., Gazgireeva M.A., Gazgireeva A.A.

Russian State University of Tourism and Service, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – branch of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

The article reveals the problem of the ideal, which is opposed to the phenomenon of «alienation». The authors of the article from the position of social philosophy revealed the specifics of the formation of the professional status of the person in the conditions of modern reality. The article emphasizes the role of involvement, individual/creative approach of the future specialist of dental medicine, capable of self-realization and becoming his own «I», thanks to modern innovative technologies, as well as creating optimal conditions both in the workplace and in a higher educational institution, which allow dentists to improve their skills in their professional activities.

Keywords: ideal, «alienation», future specialist, status, dentist, professional skills, dental medicine, improvement, self-realization.

References

1. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L. Kh. Spiritual space of Russia in the context of paradigmatic discourse: monograph. – Pyatigorsk, 2014. – 286 p.
2. Volkov Y.G. The origin and the present state of the Russian creative Class. // Vestnik instituta sotziologii. 2012. Vol. 3. № 2. P. 109–120.
3. Gazgireeva L.Kh., Loshkareva K.K. Dentist as a perfectionist and aesthete: deontological, cultural and socio-philosophical analysis of the problem//Economic and humanitarian studies of the regions. 2019. № 3. Pp. 109–114.
4. Gazgireeva L. Kh. Motivation and specifics of spiritual and moral orientations of the modern personality: monograph. – Stavropol, 2009. – 152 p.
5. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. – M., 2010. – 776 p.
6. Textbooks of Platonic philosophy / Compiled by Yu.A. Shichalin. – Moscow: Tomsk: Aquarius, 1995. – 160 p.

Трансформация системы образования в условиях внедрения технологий виртуальной реальности: социально- философский анализ

Дитковская Инесса Эмилевна,

канд. филос. н-к, доц., кафедра философии, ФГАУ ВО
«Сибирский федеральный университет»,
E-mail i.gailis@mail.ru

В условиях становления информационного общества и расширения требований к подготовке кадров цифровая трансформация образования предусматривает активное использование новых технологий в образовательном процессе. Цель работы – изучение возможностей применения в высшем профессиональном образовании технологий виртуальной реальности, в частности, новых видов образовательных игр.

В исследовании показано, что использование новых образовательных игр мотивирует к вовлечению в образовательный процесс. Однако, непосредственно в процессе обучения их применение может быть эффективным лишь при определенных условиях, важнейшим из которых является готовность студентов к овладению специальностью. Но вследствие нерешенных проблем системы школьного образования, зачастую выпускники не обладают навыками самостоятельного обучения, имеют низкую мотивацию к самостоятельному изучению предмета, низкий уровень гуманитарных знаний.

В процессе обретения фундаментального образования, неотъемлемой составляющей которого является освоение гуманитарного знания, в рамках философии личностного образования определяется четкая мотивация необходимости овладения той или иной специальностью, самообразования и самосовершенствования в этой области. Однако сокращение выделяемых часов на изучение гуманитарных дисциплин имеет следствием снижение качества образования и тем самым ограничивает возможности эффективного использования новых образовательных технологий. Также необходимо учитывать отсутствие данных об отдаленных последствиях воздействия всех видов виртуальной реальности на состояние здоровья и методических рекомендаций для профилактики негативных последствий длительного пребывания в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: образование, цифровая трансформация образования, персонализация образовательного процесса, технологии виртуальной реальности, образовательные игры, гуманитаризация образования.

Введение

Актуальность темы исследования определяется необходимостью в процессе становления информационного общества подготовки кадров, способных адаптироваться к быстро изменяющимся условиям и расширению профессиональных требований в связи с развитием цифровых технологий. Одной из важнейших задач цифровой трансформации образования является обеспечение возможности персонализации образования. Осознание необходимости качественного обучения, самообразования и самосовершенствования в сфере профессиональной деятельности в условиях персонализации образования обретается в процессе получения фундаментального образования, неотъемлемой составляющей которого является освоение гуманитарного знания. Таким образом, требуется изучение роли гуманитарного образования в аспекте необходимости эффективного использования возможностей цифровых технологий в образовании в контексте философии личностного образования.

Методы

Теоретико-методологической основой исследования является обзор отечественных и зарубежных литературных источников в области изучения проблем цифровой трансформации образования, геймификации образования, трудов отечественных авторов в сфере персонализированного образования. Методология исследования включает диалектический подход к социально-философскому анализу возможностей применения технологий виртуальной реальности в контексте проблем гуманитаризации высшего профессионального образования.

Литературный обзор

Ряд авторов (Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В., Заславский И.М., Карлов И.А., Мерцалова Т.А., Сергоманов П.А., Фруммин И.Д. и др.) освещая проблемы цифровой трансформации образования, акцентируют внимание на роль цифровых технологий, определяющих развитие системы образования – блокчейн, искусственный интеллект и виртуальная реальность. Осмысливаются условия, необходимые для повышения качества образования. Авторы отмечают, что одной из важнейших задач цифровой трансформации образования является обеспечение условий для персонализации образовательного процесса на основе использования цифровых технологий.

Персонализированное образование в основе своей имеет идеи развивающего обучения Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, воплощенные в концепциях личностно-ориентированного обучения (И.С. Якиманская, Н.И. Алексеев) и личностно-развивающего образования (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков). В современной научной и учебно-методической литературе освещаются практические аспекты формирования индивидуальных траекторий персонализированного образования (Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк и др.) [10].

В трудах П.Н. Биленко, В.И. Блинова, М.В. Дулинова, Е.Ю. Есениной и др. подчеркивается, что персонализи-

рованное образование создаёт условия для инициации личностного роста и самопреобразования – готовности личности мобилизовать свой духовный и физический потенциал для преодоления собственных ограничений [9].

Таким образом в литературе обращается внимание на то, что целью персонализированного образования является воспитание личности, подготовленной к созданию и реализации собственной траектории образования, самообразования и саморазвития, основывающегося на фундаментальных знаниях.

Л.В. Абдалина, анализируя проблему теоретико-методологического обоснования персонализации образования, акцентирует внимание на аксиологическом, субъектном, личностном подходах. Воплощение идей аксиологического подхода позволит развивать и приумножать традиционные ценности отечественного образования, используя возможности цифровой трансформации образования.

Идеи субъектного подхода имеют ценность в контексте практического воплощения персонализированного образования и способствуют созданию условий для проявления активности, инициативы, самостоятельности, ответственности, осуществления своего выбора; а также для воплощения своего потенциала (нравственного, интеллектуального, творческого, эмоционального, энергетического, волевого).

В сфере личностного подхода личность обучающегося предстаёт как ценность, цель, субъект, результат, главный критерий эффективности персонализированного образования. Личностная активность, направленность, глубинные смысловые структуры, осознанность своих отношений к действительности воплощаются в деятельности, развиваются, совершенствуются и преобразуются в ней.

Л.В. Абдалина, подчеркивает, что обучающиеся получают возможность «максимально полно выступить инициаторами и исполнителями воплощения собственного потенциала в обучении» [4].

В связи с появлением новых технологических средств активизируется поиск методологических подходов и методических решений, раскрывающих широкие возможности самостоятельной индивидуальной работы. Так, современные образовательные игры позволяют самостоятельно изучать учебный материал, а также участвовать в групповой учебной работе и осваивать материал под руководством виртуального преподавателя.

В научно-методической литературе под геймификацией понимается использование методологии игровых элементов и техник в условиях реальной жизни. В более узком контексте по мнению А.С. Ветушинского, цель использования приёмов игрового мышления – создание благоприятного эмоционального фона, внедрение элементов удовольствия в неигровую деятельность с целью вовлечения и создания мотиваций к осуществлению этой деятельности [7, с. 27].

В трудах отечественных исследователей излагаются новые подходы к геймификации в образовании (Ветушинский А.С., Галанина Е.В., Акчелов Е.О. Костикова И.В., Орлова О.В., Титова В.Н., Плиева А.О., Мамалова Х.Э. и др.). Рассматриваются проблемы геймификация в электронном обучении (Мазелис А.Л., Ряшенцев И.В.). В отечественной и зарубежной литературе ряд авторов отмечают, что использование игр в обучении открывает новые возможности в сфере межличностного общения, решения проблем сотрудничества, самостоятельного обучения (Laria Caponetto, Jeffrey Earp and Michela Ott, Заславский И.М., Уваров А.Ю.) [2]. В подавляющем большинстве работ акцентируется внимание на роли геймификации в формировании мотивации к обучению.

Обсуждение

В процессе игры в виртуальной реальности пользователь испытывает удовольствие и таким образом мотивируется участие и усиливается вовлеченность. Далее, при получении предусмотренных в игре призов, подарков, знаков отличий и других вознаграждений, усиливается мотивация к участию в игре и повышается уровень удовольствия. Таким образом мотивация участия в игре определяется внешними факторами, инициированными, например, разработчиками или заказчиками. При использовании новых видов игр в сфере образования открываются возможности вовлечения обучающихся в процесс самостоятельного обучения и поиска необходимых путей решения задач, благодаря предоставляемой возможности многократных попыток. Игра вызывает положительные эмоции и захватывает. Кроме того, при моделировании политических или социальных процессов, пользователь может выступать в роли политического лидера, крупного бизнесмена или военачальника и, таким образом ощутить личностную значимость.

Таким образом, достижения участника образовательной игры можно рассматривать как результат процесса манипулирования с целью вовлечения в игру для решения образовательных задач. Одно из объяснений этому связано с историей применения игровых технологий как коммерческого продукта, приносящего большие прибыли. Первые видеоигры появились в 1970-х, а в 80-х годах начали создаваться образовательные игры для домашних компьютеров и игровых приставок. Сегодня в маркетинге активно используется продвижение услуг с привлечением игровых элементов, например, различные бонусные программы, призы, розыгрыши и др.

В литературе существует множество подходов к определению понятия манипуляции. С точки зрения психологии акцентируется внимание на духовное воздействие в форме скрытого господства, которое осуществляется ненасильственными методами [6, 704]. Подчеркивается, что это вид психологического воздействия, инициирующий у другого человека намерения, не совпадающие с желаниями [5, 53]. Один из характерных признаков манипуляции – несамостоятельность объекта манипуляции в организации своей деятельности.

Однако все существующие современные варианты систем виртуальной реальности создают мир, смоделированный компьютером, не связанный с физической реальностью в которой живёт пользователь. Проблема заключается в том, что мотивация к достижениям в виртуальной реальности, закрепленная возможностью получения удовольствия от игры, зачастую не совпадает с мотивацией к самостоятельному обучению, самообразованию, саморазвитию и самосовершенствованию в профессиональной деятельности при возвращении в реальный мир.

Одна из причин сложившейся ситуации кроется в нерешенных проблемах системы школьного образования. Выпускники средних школ зачастую инфантильны, с неразвитым самоопределением, не обладают навыками самостоятельного обучения, имеют низкую мотивацию к самостоятельному изучению предмета. В условиях современной общеобразовательной школы во всепоглощающем стремлении к подготовке к ЕГЭ и перегруженности учебных программ не всегда возможно создание условий для развития индивидуальных способностей учащихся и воспитания их самостоятельности.

Как свидетельствует опыт работы технических вузов, значительная часть первокурсников имеет в целом низкий уровень довузовской подготовки, одной из характерных черт которого является неразвитая речь, неумение

письменно излагать свои мысли, отсутствие навыков работы с книгой и пользования источниками информации. Но главное «отличие» таких студентов – пренебрежение к гуманитарным дисциплинам и непонимание того, что именно низкий уровень гуманитарных знаний и стал причиной слабости их довузовской подготовки. Они поступают в вуз, не понимая, что овладение специальностью без комплекса гуманитарных знаний будет неполным.

Между тем, важнейшей задачей цифровой трансформации образования является создание условий для персонализированного обучения с использованием широких возможностей цифровых технологий с целью воспитание личности, подготовленной к реализации собственной траектории образования, самообразования и саморазвития, основывающегося на фундаментальных знаниях.

Воплощение вышеупомянутых подходов к организации персонализированного обучения – аксиологического, субъектного, личностного – возможно при условии освоения гуманитарного знания в формировании мировоззренческих основ профессиональной деятельности, системного и критического мышления, готовности к самоорганизации и саморазвитию, межкультурному взаимодействию, к командной работе, в воспитании экономической культуры, гражданской позиции.

В процессе освоения гуманитарных дисциплин осваиваются универсальные компетенции, сформулированные в основной профессиональной образовательной программе высшего образования, составленной в соответствии с требованиями ФГОС ВО. Универсальность современного образования заключается в воспитании специалистов, готовых к адаптации и самореализации в изменяющихся экономических, социальных, политических условиях и к новым требованиям профессиональной деятельности.

Закономерно предположение, что в процессе воспитания личности как результата воздействия комплекса профессионального и гуманитарного образования, формируется свойственное каждому индивидууму мировоззрение, являющееся основой самообразования, самовоспитания и саморазвития.

Философию личностного образования мы можем определить, как систему мышления, в которой принципы философии образования проецируются на личностную оценку физического, физиологического, интеллектуального, духовного, морально-этического потенциала личности как основу для самообразования и саморазвития. В рамках философии личностного образования и определяется четкая мотивация необходимости овладения той или иной специальностью, самообразования и самосовершенствования в этой области.

Очевидно, что сегодня необходима гуманитаризация инженерного образования. Базироваться она может только на четких философских принципах, которые станут основой формирования гуманитарной среды в технических вузах.

Однако при изучении основных профессиональных образовательных программ по инженерным специальностям, обращает на себя внимание следующее:

1. Для преподавания выбираются лишь некоторые разделы гуманитарных дисциплин, имеющие практическую значимость в сфере профессиональной деятельности. Так изучается раздел психологии «Психология человеческих взаимоотношений», изложенный в дисциплинах: «Этика и психология делового общения», «Конфликтология». Но не освещаются разделы по психологии познавательных процессов, структуре сознания, психологии личности и др. Однако, например, использование знания особенно-

стей личности, познавательных процессов воплощается в построение траектории саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни (УК-6), эти знания применимы в организации своей жизни в информационном стрессе в условиях быстрого распространения информационных технологий (Способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности – УК-7).

Думается, что дать однозначную оценку этому трудно. С одной стороны, выпускникам необходимы знания в области психологии профессиональной деятельности, но с другой – изучение разделов, вырванных из общего контекста психологии порождают догадки, поверхностное знание, ведёт к отрыву от научно-психологического знания.

В аспекте проблем использования технологий виртуальной реальности в образовании изучение психологии необходимо для понимания и предотвращения негативного влияния на здоровье человека.

Так длительное нахождение в виртуальной реальности вызывает эффект деперсонализации при котором описываются ощущения «деформированности» и изменения размеров рук и ног, ощущения дискомфорта («ватная голова»), притупление чувств, нарушения эмоциональной сферы, памяти.

Дереализация проявляется в виде изменения ощущения окружающей реальности – искаженности, размытости, бесцветности, двухмерности, искусственности. Возникают аномалии в восприятии времени – ощущение недавних событий как далекого прошлого, а также искажение расстояния, размера и формы предметов.

В медицинской литературе описаны симптомы «болезни виртуальной реальности» (киберболезнь, VR-болезнь), при которой возникают нарушения со стороны сенсорной системы. Характерны жалобы на ощущение укачивания, периодически может беспокоить тошнота, головокружение, потеря равновесия, что указывает на вовлечение в процесс вестибулярного анализатора. О нарушении работы зрительного анализатора можно судить на основании жалоб на усталость и напряжение глаз, нечеткость зрения. Может возникать головная боль, общая дезориентация. Отмечается, что у чувствительных людей эти симптомы могут появиться в течение первых нескольких минут нахождения в виртуальном пространстве.

Однако ряд авторов доказали, что в некоторых случаях существует пороговый уровень, после достижения которого симптомы перестают нарастать или регрессируют. (Dużmańska N. et al.) [3].

Bailenson, J. отмечает, что, погружение в виртуальную реальность от 5 до 10 минут проходит без проявления последствий для здоровья, учитывая, что большинство симуляций в виртуальном пространстве интенсивные, эмоционально увлекательные, мучительные и психологически убедительные [1].

Использование технологий виртуальной реальности, например, в образовательных видеоиграх, оказывает негативное влияние на опорно-двигательную систему, связанное с ношением тяжелого шлема виртуальной реальности, длительным нахождением в неестественном положении.

Отдаленные последствия влияния технологий виртуальной реальности в образовании на психическое и физическое здоровье ещё не изучены. Необходимы специальные исследования и выработанные на их основе методические рекомендации для профилактики последствий их внедрения.

2. Универсальные компетенции в сфере межкультурного взаимодействия формируются в процессе преподавания дисциплин «История», «Основы российской государственности» (УК-5: способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах). Однако в их предметном поле преимущественно изучаются аспекты межкультурного взаимодействия народов России. Познание мировой культуры в художественной форме расширяется изучением дисциплин искусства (литература, изобразительное искусство, музыка, театр), культурологии. Эти дисциплины не входят в учебный процесс.
3. Обращает на себя внимание отсутствие дисциплин по профессиональной этике и защите интеллектуальной собственности.

Актуальность освещения этических проблем применения цифровых технологий связана с процессом оборота данных (дата-этика). Эти данные имеют очень высокую стоимость и при их обработке корпорации стремятся к получению прибыли. Технологии искусственного интеллекта могут анализировать гигантские объемы данных и находить сложные и скрытые связи – обнаруживать эмоции человека, его этническую принадлежность, сексуальную ориентацию, политические взгляды, заболевания, психические и когнитивные особенности, прогнозировать его поведение и т.д. В результате возникает возможность внедрения в частную жизнь, манипулирования, используя полученную информацию о его интересах, социальных связях, состоянии здоровья и др. Таким образом, присваивая право на большие пользовательские данные, дата-корпорации получили инструмент влияния на общество, экономику, государство [17].

Кроме того, соответственно темпу развития информационных технологий совершенствуются методы промышленного шпионажа и конкурентной разведки. Поэтому, в контексте проблем оборота данных для успешной конкуренции на рынке необходимы системы обеспечения информационной безопасности.

Подобные проблемы, связанные с сокращением выделяемых часов и невозможностью включения в образовательный процесс новых дисциплин, в целом имеют следствием снижение качества образования. В формировании мотивации к совершенствованию знаний в сфере профессиональной деятельности изучение гуманитарных дисциплин играет особую роль – это важнейшее условие постижения специальности, самообразования и саморазвития, в основе которого должны быть принципы философии личностного образования.

Заключение

В исследовании показано, что использование технологий виртуальной реальности и, в частности, новых образовательных игр, мотивирует к вовлечению в образовательный процесс. Это достигается посредством создания ситуации манипуляции, в которой пользователем движет желание получения удовольствия при участии в игре, подкрепляемое получением призов, подарков, знаков отличий и других вознаграждений, обусловленных историей первоначального применения игровых технологий как коммерческого продукта, приносящего большие прибыли.

Однако непосредственно в процессе обучения применение новых образовательных игр может быть эффективным лишь при определенных условиях, важнейшим из которых является готовность студентов к овладению специальностью. Но вследствие нерешенных проблем системы школьного образования, зачастую выпускники не обладают навыками самостоятельного обучения,

имеют низкую мотивацию к самостоятельному изучению предмета, низкий уровень гуманитарных знаний.

В условиях персонализации образования осознание необходимости качественного обучения, самообразования и самосовершенствования в сфере профессиональной деятельности – необходимых условий персонализированного обучения – обретаются в процессе получения фундаментального образования. Неотъемлемой составляющей фундаментального образования является освоение гуманитарного знания в контексте философии личностного образования – системы мышления в которой принципы философии образования проецируются на личностную оценку физического, физиологического, интеллектуального, духовного, морально-этического потенциала личности. В рамках философии личностного образования и определяется четкая мотивация необходимости овладения той или иной специальностью, самообразования и самосовершенствования в этой области. Однако сокращение выделяемых часов на изучение гуманитарных дисциплин ухудшает качество образования, ограничивает возможности персонализированного обучения и, как следствие, снижает эффективность использования новых образовательных технологий. Помимо этого, отсутствуют данные об отдаленных последствиях воздействия всех видов виртуальной реальности на состояние здоровья и методические рекомендации для профилактики негативных последствий, а также установлены существенные ограничения времени пребывания в виртуальном пространстве.

Литература

1. Bailenson, J. (2018). Experience on demand: What virtual reality is, how it works, and what it can do. W.W. Norton & Company, 2018. – 304 p.
2. Caponetto I., Earp Je., Ott M. Gamification and education: A literature review. In: European Conference on Games-Based Learning [Internet]; 2014 Oct; Genova, Italy. Vol. 1. ACI; 2014 [cited 2022 Feb 21]; p. 50–57. Available from: <https://www.itd.cnr.it/download/gamificationECGBL2014.pdf> (дата обращения 07.03.24)
3. Duźmańska, N., Strojny, P., Strojny, A. (2018). Can Simulator Sickness Be Avoided? A Review on Temporal Aspects of Simulator Sickness. *Front. Psychol.* Vol. 9, 2132. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02132.
4. Абдалина Л.В. Персонализация образования как ведущий образовательный тренд современности // Вестник ВГУ СЕРИЯ: Проблемы высшего образования. 2022. № 2.
5. Асташова Н. А., Бондырева С.К., Попова О.С. Ресурсы геймификации в образовании: теоретический подход // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 1.
6. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М., 1971.
7. Ветушинский А.С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. № 32 (3). С. 14–31.
8. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1996. с. 53.
9. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П.Н. Биленко, В.И. Блинов, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина [и др.]. Москва: МГПУ. 2020. 112 с.
10. Зеер Э. В., Сыманюк Э.В. Теоретико-прикладные основания персонализированного образования: перспективы развития // Педагогическое образование в России. 2021. № 1. С. 17–25.
11. Зикерманн Г., Линдер Дж. Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть внимани-

ем сотрудников и клиентов. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.

12. Корнилов Ю. В., Мукашева М.У., Сарсимбаева С.М. О рисках применения технологий виртуальной реальности в обучении // «Вестника СВФУ». 2022. № 4 (28).
13. Макакенко Я.А. Геймификация и нарративные практики в современном образовании // Koinon. 2022. Т. 3. № 3–4. С. 88–97.
14. Мазелис А.Л. Геймификация в электронном обучении // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 3 (21). С. 139–142.
15. Ряшенцев И.В. Использование элементов геймификации в электронном курсе «Информатика 1.1» // И.В. Ряшенцев: Лучшие практики электронного обучения. Режим доступа: <https://portal.tpu.ru/eL/img/Tab4/ryachentsev.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
16. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая и др.; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М., 2019. 343с.
17. Этика и «цифра» – коротко о главном. Дата-этика и этика технологий: аналитическая записка к тому 1 доклада «Этика и „цифра“: этические проблемы цифровых технологий». М.: РАНХиГС. 2020. 45 с.

TRANSFORMATION OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ditkovskaya I.E.

Siberian Federal University

In the context of the emergence of the information society and the expansion of requirements for personnel training, the digital transformation of education involves the active use of digital technologies in the educational process. The purpose of the work is to study the possibilities of using virtual reality technologies in higher professional education, in particular, new types of educational games.

In the process of acquiring a fundamental education, an integral component of which is the development of humanitarian knowledge, within the framework of the philosophy of personal education, a clear motivation for the need to master a particular specialty, self-education and self-improvement in this area is determined. However, the reduction in hours allocated for the study of humanities results in a decrease in the quality of education and thereby limits the possibilities for the effective use of new educational technologies. It is also necessary to take into account the lack of data on the long-term consequences of exposure to all types of virtual reality on health and methodological recommendations for the prevention of the negative consequences of prolonged stay in virtual space.

Keywords: education, digital transformation of education, personalization of the educational process, virtual reality technologies, educational games, humanitarization of education.

References

1. Bailenson, J. (2018). Experience on demand: What virtual reality is, how it works, and what it can do. W.W. Norton & Company, 2018. – 304 p.
2. Caponetto I., Earp Je., Ott M. Gamification and education: A literature review. In: European Conference on Games-Based Learning [Internet]; 2014 Oct; Genova, Italy. Vol. 1. ACI; 2014 [cited 2022 Feb 21]; p. 50–57. Available from: <https://www.itd.cnr.it/download/gamificationECGBL2014.pdf> (accessed: 07.03.24)
3. Dużmańska, N., Strojny, P., Strojny, A. (2018). Can Simulator Sickness Be Avoided? A Review on Temporal Aspects of Simulator Sickness. *Front. Psychol.* Vol. 9, 2132. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02132
4. Abdalina L.V. Personalization of education as the leading educational trend of our time // *Vestnik VSU SERIES: Problems of higher education.* 2022. No. 2
5. Astashova N. A., Bondyрева S.K., Popova O.S. Gamification resources in education: a theoretical approach // *Education and Science.* 2023. Т. 25, No. 1.
6. Bessonov B.N. Ideology of spiritual suppression. М., 1971.
7. Vetushinsky A.S. More than just a means: a new approach to understanding gamification // *Sociology of power.* 2020. No. 32 (3). pp. 14–31.
8. Dotsenko E.L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. М., 1996. p. 53
9. Didactic concept of digital vocational education and training / P.N. Bilenko, V.I. Blinov, M.V. Dulinov, E. Yu. Yesenina [and others]. Moscow: MSPU. 2020. 112 p.
10. Zeer E. V., Symanyuk E.V. Theoretical and applied foundations of personalized education: development prospects // *Pedagogical education in Russia.* – 2021. – No. 1. – P. 17–25.
11. Zickermann G., Linder J. Gamification in business: how to break through the noise and capture the attention of employees and clients. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 272 p.
12. Kornilov Yu. V., Mukasheva M.U., Sarsimbaeva S.M. On the risks of using virtual reality technologies in teaching // «Vestnik NEFU». 2022. No. 4 (28).
13. Makakenko Ya.A. Gamification and narrative practices in modern education // *Koinon.* 2022. Т. 3. No. 3–4. pp. 88–97.
14. Mazelis A.L. Gamification in e-learning // *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service.* 2013. No. 3 (21). pp. 139–142.
15. Ryashentsev I.V. Using gamification elements in the electronic course “Informatics 1.1” // I.V. Ryashentsev: Best practices in e-learning. Access mode: <https://portal.tpu.ru/eL/img/Tab4/ryachentsev.pdf> (access date: 03/05/2024).
16. Difficulties and prospects for digital transformation of education / A. Yu. Uvarov, E. Gable, I.V. Dvoretzkaya and others; edited by A. Yu. Uvarova, I.D. Frumina; National research University “Higher School of Economics”, Institute of Education. М., 2019. 343 p.
17. Ethics and “digital” – briefly about the main thing. Data ethics and ethics of technology: analytical note to volume 1 of the report “Ethics and “digital”: ethical issues of digital technologies.” М.: RANEPА. 2020. 45 p.

К вопросу о лингвистических способах интерпретации философских терминов (на материале текстов Лешека Колаковского и Барбары Скарги)

Иванова Светлана Сергеевна,

к.филол.н., доцент кафедры «Русский язык как иностранный»,
НИУ «Московский государственный строительный университет»
E-mail: svetlana-ivanowa@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности интерпретации философских терминов. Референтами такого рода терминов являются абстрактные, умопостигаемые объекты, отсутствующие в рамках эмпирического опыта человека (*Абсолют, Бог, Ничто, красота, гармония* и др.). Поскольку референт недоступен человеку в эмпирическом опыте, интерпретация таких терминов затруднена. В работе рассматриваются способы интерпретации философских терминов в рамках текстов польских философов XX века, являющихся современниками: работа Лешека Колаковского (1927–2009) «*Jeśli Boga nie ma... Horror metaphysicus*» и текст Барбары Скарги (2019–2009) «*Kwintet metafizyczny*». Отметим, что переводы указанных текстов выполнены автором работы.

Ключевые слова: философские термины, интерпретация, терминоведение, терминосистемы, философский дискурс, абстрактный объект, референция, интерпретация, Лешек Колаковский, Барбара Скарга.

Одним из направлений современной лингвистики является терминоведение – раздел языкознания, посвященный исследованию терминов и терминосистем. В нем анализируются особенности семантики терминов, различные аспекты дефиниции и интерпретации.

Философия, будучи формой общественного сознания и научной дисциплиной, использует разветвленную систему терминов и понятий. Языковая составляющая философского дискурса очень важна, поскольку именно язык опосредует отношения мира и человека. В этой связи актуален тезис австрийского философа Людвига Витгенштейна о том, что язык очерчивает границы нашего мира. Интересно, что философия не только использует веками формировавшуюся терминосистему, но и способна создавать новые, окказиональные термины. С этой точки зрения очень интересен, например, опыт Михаила Эпштейна, автора «Проективного философского словаря». В нем собраны термины, создателем которых является сам М. Эпштейн. Цель такого словаря автор видит в возможности расширения пределов того, о чем человек способен думать и говорить.

Например, одним из терминов, созданных М.Эпштейном, является термин *лиминальность* (переход системы из одного состояния в иное). Другим примером окказионального термина, сконструированного М.Эпштейном и Г.Тулчинским, является термин *онтофания свободы* – воплощение импульса к существованию, бытию.

Игра с языком в создание концептов позволяет философу приблизиться к постижению, казалось бы, непостижимого идеального мира «чистых идей».

В лексикологии принята следующая дефиниция философского термина: это максимально абстрактные категории, свойства, принципы (Даниленко 1977).

Философский дискурс оперирует терминами, соотносимыми с абстрактными категориями, идеальными «объектами». Таковы, например, *Абсолют, Бог, Ничто, добро, красота* и др.

С точки зрения семиотики, термин – языковой знак. В структуре знака принято выделять три компонента: имя знака (сама лексическая единица), референт (то есть объект, с которым знак соотносится, на который он указывает) и представление о референте в языковом сознании говорящего субъекта. Рассмотрим, что представляет собой философский термин как знак.

Итак, у этого знака, безусловно, есть «имя» (то есть само слово). Что касается референта, то он также представлен, однако только в сознании говорящего. Этот референт имеет недискретную, идеальную природу, поэтому он отсутствует в нашем эмпирическом опыте. В самом деле, мы видим, например, гармоничные линии, но гармонию как таковую можем лишь мыслить. Или, например, мы можем видеть реальных птиц, предположим, сорок, однако такое качество как «сорочность», то есть некую идеальную сущность сороки как таковой, пять же можем лишь мыслить. Заметим, что слово «сорочность» (польск. *sroczość*) «skonструировал» польский поэт Чеслав Милош.

С лингвосемиотических позиций, философский термин представляет собой символический знак. Отличительная особенность символа – отсутствие «жесткой»

связи между знаком и его референтом, а в случае с философским термином – это отсутствие эмпирически данного референта.

Именно этим обусловлен тот факт, что интерпретация философского термина затруднена. Не случайно в этом смысле наличие у одного и того же термина множества дефиниций. Например, такой термин, как Абсолют, трактуется в философском энциклопедическом словаре шестью различными способами. При этом трактовка того или иного термина неразрывно связана с концепцией философа в целом.

К каким способам прибегают философы, для того чтобы все же интерпретировать термин, дать ему насколько возможно полную характеристику? Рассмотрим их с лингвосомиотической точки зрения.

1. Философский термин функционирует в контексте, где он представлен вместе с системой предикатов, то есть знаков, репрезентирующих его характеристики, свойства, конечно, насколько это возможно, указать свойства объекта, не представленного в чувственном опыте человека). В анализируемых нами текстах Л. Колаковского и Б. Скарги предикаты достаточно редки. Например, Л. Колаковский подчеркивает элементарность Абсолюта, невозможность «разложить» его на составляющие, отсутствие в нем какой-либо структурированности:

Он является идеально простым. Если бы он включал в себя какие-либо элементы, качества, его нельзя было бы считать неизменным...

Характеристика элементарности, с одной стороны, является свойством абстрактного объекта. С другой стороны, она настолько же абстрактна, как и сам отображаемый объект. Интерпретация философского термина, безусловно, происходит, однако она мало что дает читателю: Абсолют все равно остается за гранью нашего понимания.

В другом фрагменте Абсолют наделяется философом таким качеством, как вневременность:

Абсолют является вневременной сущностью, он не может длиться, продолжаться во времени.

Так философ подчеркивает отсутствие сходства между Абсолютом как вневременной сущностью и тем миром, который дан человеку и который всецело подчинен ходу времени. Эта характеристика позволяет нам мыслить абстрактный объект как полностью противоположный тому, что мы имеем в эмпирической реальности, и хотя бы относительно проясняет для нас философский термин.

2. Еще одним способом интерпретации философского термина является соотнесение одного термина с другими. По сути, происходит взаимоинтерпретация разнородных терминов, когда одну абстракцию философ осмысляет через другую (другие). Так, например, в работе Барбары Скарги термины *zło* (зло) и *niebycie* (небытие) взаимно интерпретируют друг друга:

И значит, я спрашиваю: зло – это небытие или оно возникает из небытия? Мне это непонятно.

В первом случае (является ли зло небытием), по существу, абстракции зло и ничто отождествляются. Возникает логический круг в определении, поскольку мы не получаем дефиниции ни одного из этих терминов.

В тексте Лешека Колаковского также происходит отождествление разнородных метафизических абстракций:

Пророки, как и дидактические книги Старого Завета, снова и снова отождествляют мудрость с набожностью, праведностью, послушанием и смирением.

В этом контексте отождествляются термины мудрость и набожность, праведность, послушание, смирение.

И таким образом для читателя-интерпретатора семантика термина *мудрость* становится более ясной, во всяком случае, мы начинаем мыслить мудрость в религиозном ключе, как нечто, соответствующее морально-этическим установкам библейского текста.

3. Еще одним способом интерпретации философского термина становится интерпретация с помощью антонимической пары. И тогда одна абстракция осмысливается как нечто противоположное другой.

Например, в тексте Л. Колаковского «Horror metaphysicus» термины Абсолют и Ничто мыслятся как идентичные, хотя они, с лексикологической точки зрения, представляют собой антонимы:

Поскольку Абсолют, как и время ... невозможно отождествить с каким-либо другим понятием, то его имя, если оно есть, – Ничто.

Работа Л. Колаковского не случайно называется «метафизический ужас»: он заключается в том, что различие между Абсолютом и Ничто, противоположными, казалось бы, абстракциями, по существу, отсутствует, поскольку оба термина могут быть определены друг через друга. Точно так же происходит и с двумя другими терминами: Бытие и Небытие, которые тоже невозможно отграничить друг от друга:

Абсолютное Бытие и абсолютное Небытие суть одно и то же.

Перед нами опять же отождествление контрадикторных категорий, результатом которого является невозможность дать дефиницию каждому из этих терминов.

4. Следующий способ интерпретации философских терминов – это так называемая автореференция: термин интерпретируется через себя самого. Этот прием используется Б. Скаргой в процессе рассуждений о сущности времени:

Время можно определить через то, что имеет отношение ко времени. Иначе говоря, “время – это время”.

Интерпретируя философские термины друг через друга, авторы выстраивают «цепочки» философских терминов и таким образом формируют категориальную сетку, которая структурирует и упорядочивает мир для нас и в какой-то степени помогает в нем ориентироваться. Такая стратегия обусловлена тем, что авторы, по мысли Мераба Мамардашвили, на самом деле не знают, с какими объектами имеют дело (Мамардашвили, Пятигорский 1996: 165).

5. Следующей стратегией интерпретации философских терминов является прием сопоставления философской абстракции с объектами эмпирически данного мира. Яркий пример этого представлен в работе Б.Скарги «Kwintet metafizyczny», где абстракция зло сравнивается с взрывающейся гранатой, которая разбрасывает ранящие осколки боли, нищеты, отчаяния и, наконец, смерти.

Сопоставляя метафизическую абстракцию с объектами эмпирической реальности, автор добивается хотя бы частичной «визуализации» абстракции. Наделяя абстракцию свойствами зримого мира, философ позволяет читателю лучше понимать, казалось бы, то, что разум постичь до конца, по существу, не может.

Литература

1. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: 1977.
2. Мамардашвили, М. К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о символическом и языке. – М, 1996.
3. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже. – СПб.: Алетейя, 2000.

4. Философский энциклопедический словарь. – М.: 1989.
5. Kołakowski, L. Jeśli Boga nie ma... Horror metaphysicus. – Kraków, 1999.
6. Skarga, B. Kwintet metafizyczny / B. Skarga. – Kraków, 2005.

ON THE ISSUE OF LINGUISTIC METHODS OF INTERPRETING PHILOSOPHICAL TERMS (BASED ON THE TEXTS OF LESZEK KOLAKOWSKI AND BARBARA SKARGA)

Ivanova S.S.

National Research University Moscow State University of Civil Engineering

The article discusses the peculiarities of the interpretation of philosophical terms. Referents of this kind of terms are abstract, intelligible objects that are absent within the framework of human empirical experience (*Absolute, God, Nothing, beauty, harmony*, etc.). Since the referent is not available to the individual in empirical experience, interpretation of such terms is difficult. The work considers methods of interpreting philosophical terms within the texts of Polish philoso-

phers of the twentieth century who are contemporaries: the work of Leszek Kołakowski (1927–2009) «Jeśli Boga nie ma... Horror metaphysicus» and the text of Barbara Skarga (2019–2009) «Kwintet metafizyczny».

Keywords: philosophical terms, interpretation, terminology, term systems, philosophical discourse, abstract object, reference, interpretation, Leszek Kołakowski, Barbara Skarga.

References

1. Danilenko, V.P. Russian terminology. Experience of linguistic description. – M.:, 1977.
2. Mamardashvili, M. K., Pyatigorsky, A.M. Symbol and consciousness: metaphysical considerations about symbolism and language. – M, 1996.
3. Prospects for metaphysics: classical and non-classical metaphysics at the border. – St. Petersburg: Aletheya, 2000.
4. Philosophical encyclopedic dictionary. – M.: 1989.
5. Kołakowski, L. Jeśli Boga nie ma... Horror metaphysicus. – Kraków, 1999.
6. Skarga, B. Kwintet metafizyczny / B. Skarga. – Kraków, 2005.

Компаративный анализ эстетического аспекта женской телесности на примере России и Китая

Климов Сергей Николаевич,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история», ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: klisn@mail.ru

Михайлова Алина Евгеньевна,

аспирант кафедры «Философия, социология и история», ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: mihailovastar@gmail.com

Чжао Цзюэ,

аспирант кафедры «Философия, социология и история», ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)

Целью исследовательской работы является выявление, а также сравнение детерминант эстетического аспекта женской телесности в Китае и России. Авторами проведён анализ культурных особенностей в отношении женской красоты на западе и востоке. В рассмотренных странах наблюдается корреляция эстетических представлений с аксиологическим компонентом. Выявляется трансформация причин, обуславливающих эталоны женской привлекательности. Они проходят путь от эстетических предпочтений мужчин, через необходимость включения женщин в экономическое развитие общества до коммерциализации. Отмечается изменение стандартов женской привлекательности в связи с развитием экономики. Обновлена проблематика отрицания естественности женской красоты. В современности фиксируется тенденция культурного смешения эстетического компонента женской телесности. Существующая в современности динамика женской эстетики обуславливается тем, что красота становится источником получения прибыли

Ключевые слова: женская телесность, эстетика, аксиология, культура, социализация, коммерциализация.

При рассмотрении женской телесности невозможно не обратить внимание на тот факт, что это явление лишено автономности. Женская телесность – явление зависимое от множества обстоятельств, начиная с мужских предпочтений относительно эстетики женского тела, заканчивая модой, диктующей тенденции и правила того, как должна выглядеть женщина. Мы отталкиваемся от точки зрения, согласно которой помимо физического тела, обусловленного биологией, существуют социальное и культурное тела, на которые накладывает отпечатки социокультурное пространство индивида [1, с. 168]. Физическое тело способно трансформироваться в зависимости от социокультурной среды, в которой оно существует.

Социальный контекст задаёт нормы и стандарты, которым должно соответствовать биологическое тело для того, чтобы быть привлекательным. Интересным аспектом влияния социального контекста на биологическое тело является то, что некоторые изменения физического тела являются необратимыми в отличие от эстетических стандартов, которые имеют тенденцию к пересмотру. Наблюдается различие эстетических стандартов: не столько каждая страна, сколько каждая культура диктует собственные идеалы красоты, претерпевающие изменения с течением времени. В этой связи полагаем интересным обратиться к эволюции представлений о красоте в китайском и российском обществе.

В традиционном китайском обществе эстетические представления о женской телесности были тесно связаны с практикой уменьшения стоп путём бинтования. Маленькая стопа была одним из основных отличий мужчины от женщины. С раннего детства, пока кости обладают наибольшей подвижностью, девочкам туго бинтовали стопы, укладывая все пальцы, кроме большого, по направлению к пятке так, чтобы между пальцами и пяткой образовалась арка. Бинтование происходило в течение многих лет, пока стопа не примет желаемую форму, а деформация стоп станет необратимой. Культурная особенность бинтования просуществовала в Китае практически десять веков. А. Дворкин пишет, что традиция бинтования не столько содействовала укреплению различий между мужчинами и женщинами, сколько являлась их фундаментом [3, с. 22].

Считалось, что маленькая женская стопа является атрибутом привлекательности, женственности и красоты, акцентируя внимание на хрупкости и слабости её обладательниц. Эстетичными считались лишь забинтованные ноги, сочетающие в себе привлекательность и таинственность. Для мужчин существовали наставления не пытаться увидеть обнажённые женские стопы, поскольку чувство прекрасного мгновенно сменится разочарованием и даже отвращением. Эстетика маленькой стопы, длина которой по одной из версий не превышала семи сантиметров, связана с танцем лотоса, который придворная танцовщица исполняла императору. В связи с чем, вероятно, деформированная стопа получила название «золотой лотос». мода на бинтование ног зародилась в верхних слоях общества: император установил эталон стопы. Постепенно приближённые ко двору стали перенимать установленную моду, что привело к её уко-

рению. Стопа-золотой лотос стала отличительной особенностью знатных особ. Для низших слоёв населения бинтование представляло собой попытку приобщиться к более высоким классам.

Во всех случаях бинтование сопровождалось мучительной болью, а в некоторых случаях приводило к инфекции и даже некрозу тканей. Из-за столь маленького размера стопы женщины с трудом передвигались маленькими шагами и буквально становились зависимы от мужчин, что ещё больше подчёркивало «слабость женского пола». Вследствие ограничения возможности передвижения женщины практически не покидали стен дома, занимаясь поддержанием очага. Такое положение дел соответствовало традиционному китайскому представлению о деятельности, которой должна заниматься порядочная женщина [8].

Несмотря на усилия женщины, подвергшие себя бинтованию, не были обречены на успех. Их стопа могла принять положение, далёкое от идеального: она могла быть недостаточно короткой, непропорциональной, недостаточно острой и даже недостаточно слабой. Независимо от предпринятых попыток соответствия идеалу, многие женщины стыдились своих стоп и находились в страхе, что их не возьмут замуж в силу имевшихся отклонений от золотого стандарта. Стопа была маркером принадлежности к высшему или низшему классу в зависимости от размера и формы. Большие ступни у женщины были показателем её низкого положения в обществе: такие женщины, в основном, выполняли тяжёлую работу по дому в роли прислуги. К тому же размер стопы имел корреляцию со степенью порядочности женщины: женщина с маленькой стопой не выходит из дома без присмотра; женщины с большими стопами имели возможность свободно перемещаться, не всегда в подобающей компании.

При этом изначально бинтование ног не ставило перед собой задачу ущемления прав женщин. Первичен был эстетический компонент: наблюдение маленькой забинтованной стопы женщины пробуждало в мужчине желание позаботиться и защитить её. Кроме того, нарушение кровообращения вследствие бинтования приводило к отёку бёдер, которые принимали более женственные округлые формы, что считалось ещё более привлекательным для мужчин. Даже не самую удачную внешность могли скрасить «золотые лотосы». В связи с этим бинтование закрепляло внутри себя функцию социального лифта, повышая шансы девушек удачно выйти замуж [7, с. 241].

Женщины бинтовали ноги чтобы быть желанным сексуальным объектом для мужчин, что не могло не наложить отпечаток на положение женщин в обществе. Женщина имеет большую ценность, когда она соответствует эстетическим и моральным стандартам. Женщины с деформированной стопой являлись украшением и показателем статуса мужчины, который имеет внушительное финансовое состояние, чтобы содержать слуг, которые выполняют домашнюю работу и помогают жене с перемещением. Рядом с хрупкой, едва передвигающейся женщиной, любой мужчина чувствовал в себе огромную силу и власть. Даже не имеющий выдающихся внешних данных или талантов мужчина, возвращаясь к такой женщине, мог почувствовать своё господство. Другие качества и части тела женщины играли наименьшую роль при выборе невесты для замужества. Стопа становилась визитной карточкой женщины, её «лицом», которое она презентует. Будущая жизнь женщины зависела от красоты стопы, задающей и ограничивающей перспективы, на которые она могла рассчитывать.

Практика бинтования от создания эстетических идеалов перешла к порядку распределения социальных ролей как в семье, так и в социуме. Идеалы женщин были созданы мужчинами для собственного наслаждения. Обязательство женщины состояло в том, чтобы быть красивой и соответствовать принятым в культуре идеалам. Ради этого женщина, порой сознательно, подвергалась физическим увечьям, боли и страданию. Боль, к которой девочки привыкали с детства, играла роль воздвигания услужливой, покорной, жертвенной жены для будущего мужа. Красота требует жертв – девиз, к которому женщин приучали с раннего возраста. Такое положение дел порождало и укрепляло передающееся из поколения в поколение отношение к женщине как к объекту, красивой вещице домашнего интерьера, демонстрирующей статус её обладателя.

В Китае было предпринято несколько попыток борьбы с традицией бинтования. Несмотря на строгий законодательный запрет, согласно которому перебинтованные ноги отрезали, искоренить традицию не удалось. В поздний период существования, помимо вышеперечисленных влияний на общественную жизнь, бинтование имело под собой и политический контекст, символизируя отличительную особенность народа хань [9].

Лишь в XX веке необходимость преобразования была поднята на новый уровень решения. В XIX веке в общество проникали альтернативные общественные положения, оказывающие всё большее влияние на мировоззрение людей. Активисты создавали движения против бинтования ног. Распространялись бюллетени, в которых содержалась информация об истории бинтования, физических последствиях бинтования для женщин, а также о его негативном влиянии на социальную сферу жизни. Реформаторы осознавали, что древняя традиция плотно укоренилась в культуре страны. Тем не менее ещё более остро они осознавали необходимость искоренить эту традицию в силу того пагубного влияния, которая она оказывает на жизнь женщин. Лозунгом реформы, предложенной Кан Ювэйем, был возврат к естественному, данному Богом телу. Нарушение природной формы стопы демонстрировало собой наивысшее проявление жестокости от самых близких людей (ноги дочерям, как правило, бинтовали матери), что оказывало разрушительное воздействие на институт семьи, а также приводило к искажению восприятия моральных норм.

На примере китайской культурной традиции бинтования и отказа от неё мы наблюдаем смену идеалов и требований к эстетике женской телесности. Традиция бинтования ввела моду на хрупкость, изящность, слабость и беспомощность женщин. Реформа отказа от бинтования провозглашала новые эталоны: женщина должна быть здоровой, в прямом и переносном смысле «крепко стоящей на ногах», естественной, активной, способной работать и участвовать в производственной жизни страны. Интересно, что как в случае введения традиции, так и в случае попыток её отмены, главными лицами, предпринимавшими активные действия, выступали мужчины. Эстетические стандарты женской телесности изменялись не только в зависимости от предпочтений мужчин, но и с учетом нужд и социальной обстановки внутри страны.

Стандарты женской внешности, несомненно, отличаются на Западе и Востоке. Восточная красота утончённая, отличающаяся скромностью: женщины стремятся к стройности, тонкой талии, овальному лицу с острым подбородком, аккуратным губам цвета вишни, коже фарфорового цвета, маленькому носу, большим глазам. Эстетика Запада диктует несколько отличающиеся правила: загорелая кожа, объёмные грудь и бёдра,

пухлые губы. В современности красота женщин стала предметом коммерциализации. В условиях доминирующего положения запада диалог культур Запада и Востока не происходит на равных. Глобализация способствует внедрению стандартов Запада в восточную культуру, что оказывает влияние на восприятие женской красоты на востоке. В результате «смешения» культур среди китайских мужчин в отношении эстетического аспекта женской телесности наблюдается тенденция сочетания идеалов разных культур. Таким образом, идеалы женской телесности принимают противоречивую форму: худоба и стройные, длинные ноги сочетаются с большой грудью и округлыми ягодицами.

Обновлённые стандарты женской эстетики, достижимые путём пластических операций, получают широкое распространение благодаря трансляции в СМИ и деятельности инфлюенсеров, укрепляя в сознании людей новые культурные нормы. В эпоху интернета влияние популярных персон оказывает наибольшее влияние на массы, поскольку многие люди доверяют их мнению и видят в них пример для подражания. В результате наблюдаются двойные стандарты: бизнесу, которому выгодно коммерциализация женской красоты, необходима трансляция противоречивых идеалов через инфлюенсеров. Инфлюенсерам, в свою очередь, необходима реклама в СМИ, поэтому они зачастую намеренно приводят своё тело к актуальным стандартам красоты, чтобы как можно дольше оставаться на пике популярности. Именно так осуществляет свою работу «вечный двигатель» массового потребления.

Люди прибегают к пластике, несмотря на данную от природы красоту. Это происходит в связи с тем, что обычной красоты становится недостаточно, если то, что дано природой, отличается от навешанных модой стандартов. Такому положению дел способствует усиливающаяся в обществе конкуренция: чем больше ваша внешность соответствует эстетическим идеалам, тем более актуальна и востребована ваша личность в социуме. Следование естественности и нежелание изменять свою внешность согласно стандартам порицается как лень. Получается, что в современном мире любой может стать красивым, если захочет этого, а для преобразования достаточно заплатить деньги, приложив немного усилий.

Таким образом, мы наблюдаем, что с течением времени меняется лишь содержание эталонов красоты: от бинтования ног до пластической хирургии. Тем не менее, их влияние на социокультурную жизнь, включающее риски, страдание и скрытые формы угнетения, сохраняется. Борьба за естественность женской красоты становится лишь переходным этапом, подготавливающим почву обновлённым стандартам. Женщины перестают быть хрупким, пассивным элементом, становясь активными участниками производства и рынка. В настоящее время, ко всему прочему, добавляется элемент коммерциализации, где стандарты красоты выходят из-под контроля мужчин: сегодня правила устанавливает владелец капитала, способный навязать массовому сознанию любой, наиболее выгодный с коммерческой точки зрения, идеал. Женская эстетика из показателя статусности превращается в источник получения прибыли.

В эстетике женской телесности России наблюдаются схожие тенденции. В древней патриархальной Руси существовал следующий стандарт женской красоты: утончённая, скромная, хрупкая хранительница домашнего уюта с белой кожей, румяными щеками и длинными волосами, собранными в косу. Приветствовалась естественность, акцентом и показателем женской привлекательности была домовитость и её способность поддерживать семейный очаг. Женщины скрывали свою

красоту от посторонних глаз, одевались скромно, без украшательства.

Позже показателем благородного происхождения стала вычурность. Популярность обрёл кричащий макияж, обязательными элементами которого выступали выбеленное лицо, ярко-красные щёки и угольно-чёрные брови. Женщины надевали свои лучшие наряды из дорогих материалов, украшенные драгоценностями [4]. Принято было демонстрировать всё самое лучшее сразу.

Контраст русской и европейской моды был отмечен путешественниками, наблюдающими образ женщин. В Европе наблюдалась иная картина: женщины одевались скромнее, делали естественный макияж. Костюм здесь обладает символической функцией и зависит от трансформаций, происходящих внутри социокультурного пространства. В европейской культуре в XVI веке среди высшего общества как элемент костюма стал распространяться корсет. Сначала его основной функцией было создание гладкого силуэта платья в области корпуса, а также поддержание осанки. В связи с просветительской деятельностью Петра I костюм в России начинает европеизироваться, перенимая в том числе моду на корсет, который в XIX веке обретает новую функцию, становясь элементом, позволяющим женщинам выточить фигуру, крепко затянув талию. Корсет служил способом изменения женского тела, согласно правилам, диктуемым модой. Формирование узкого силуэта талии на контрасте с широкими бёдрами, которые создаются благодаря пышным кринолиновым юбкам захватывает образы модниц. Кринолин – устройство, находящееся под юбкой женского платья, состоящее из обручей; это условный каркас для поддержания формы юбки. Фигура «песочные часы» обретает популярность: широкие юбки, корсеты, платья с вырезами и эффектом «пуш-ап», подчёркивающие грудь – основные элементы дворцовой моды, получившей широкое распространение в кругу аристократии.

Тенденция на худобу и узкую талию не прошла бесследно и со временем дошла до абсурда: был установлен эталонный обхват талии 33 сантиметра. Модницы буквально соревновались в наименьшем обхвате талии. Некоторые дамы утягивали свою талию корсетом настолько, что повреждали себе рёбра [10]. Конструкция кринолина, в свою очередь, вносила свои коррективы в способность женщин передвигаться. Вес этой конструкции мог превышать 15 килограмм. На кринолине были предусмотрены веревочки, ограничивающие движение ног женщины. Женский шаг был маленький, походка семенящей, будто скользящей над поверхностью пола.

Новая мода на женский костюм была призвана подчеркнуть слабость женщины, продемонстрировать, что ей необходима помощь. Чем уже талия женщины, тем более хрупкой, изящной и беззащитной она виделась в глазах мужчин. Корсет словно выступал в роли поддержки такой уязвимой женщины, которой необходима помощь даже в поддержании естественного положения её позвоночника. Женский костюм приобрёл новую функцию брони, словно защищая его беспомощную обладательницу. К тому же, корсет туго затягивался на женщине, что мешало ей полноценно дышать. При малейшем волнении или в любой ситуации, когда дыхание женщины учащалось, корсет не позволял ей сделать полный вдох, поэтому часто наблюдались ситуации, когда дыхание женщин настолько сбивалось, что они падали в обморок. Всё это поддерживало легенду о женской эмоциональности и телесной уязвимости.

Если же мы обратимся ко внутренности этого устройства, то обнаружим интересную вещь: под нижними юбками женщины носили несшитые панталоны (они похожи на шорты, состоящие из двух частей, облегающих бедра с каждой стороны). С внешней стороны наблюдался многослойный наряд, создающий броню вокруг своей носительницы, но если заглянуть внутрь этого наряда, то станет ясно: женщина оказывалась совершенно незащищённой как от простуд, так и от насилия.

Затянутый туго корсет выступал символом нравственности девушки; распущенное, свободное платье ассоциировалось с низким уровнем целомудрия. Всё, что оказывалось скрытым от глаз и охранялось кринолином (ноги и щиколотки), считалось самыми непристойными участками женского тела. Напротив, на верхнюю часть тела ореол непристойности не накладывался: приветствовались открытые плечи и глубокое декольте. Для культуры того времени, особенно для светского общества, было распространено поддержание образа неосведомлённости о строении и функционировании женского тела. Мужчины не находились с женщинами при родах, от них скрывали существование менструации. Поддерживался образ, согласно которому мужчины ничего не знали об устройстве женского организма: женская плоть признавалась непостижимой, таящей в себе опасность. В связи с этим можно говорить о «двойной обороне», которую выполнял тандем корсета с кринолином: с одной стороны, они защищали слабую женщину от внешнего недоброжелательного мира, с другой, – оберегали мужчин от опасной плоти женщины.

Естественная красота отходит на второй план, популярность обретают средства трансформации и улучшения внешности: при помощи подобранного костюма, украшений и макияжа внешняя привлекательность становится доступна всё большему числу женщин [11]. Вводится мода на бледную, фарфоровую кожу, яркие брови в форме дуги, румянец. Повальное стремление внешнего соответствия модным стандартам приводило к потере индивидуальности женщин: они становились похожими одна на другую, пряча свою истинную натуру за маской европейских эталонов. Одним из главных требований, выдвигаемых женщине, становится внешняя привлекательность. Приветствуется красота, лишённая внутреннего наполнения: женщине достаточно выглядеть хорошо. Тем самым она демонстрирует свою осведомлённость в тенденциях обновлённой культуры. Тенденции Европы считались в русском обществе признаком высокого уровня образованности и культуры. Таким образом, по внешнему виду – костюму, макияжу, причёске и манерам держаться – можно было дифференцировать положение человека в обществе.

Женщины перестают вести затворнический образ жизни, в их времяпрепровождении плотно закрепляются балы и гулянья. На место ассоциации с женщиной как хранительницы семейного очага приходит образ женщины-праздника, женщины-украшения. Внешний вид и образ жизни светских женщин демонстрируют, что они не предназначены для того, чтобы выполнять работу по дому, их удел – посещение торжеств. Подобный жизненный уклад предполагает наличие покровителя, обеспечивающего финансовые затраты, как на наряды, так и на слуг, которые занимаются хлопотами по дому [2, с. 169].

К XIX веку, вследствие эпохи Просвещения, формируется новый статус женщины. Помимо модной одежды в женщинах начинает цениться интеллект и деятельность. Представление о женщине как о слабом, незащищённом существе начинает сходить на нет. Они становятся более образованными, начинают активно

участвовать и проявлять себя в общественной жизни, становясь самостоятельной, полноценной единицей. Переход из пассивной позиции женщин в активную повлечёт за собой изменение эстетических представлений [5]. Что касается костюма, то на место вычурных, неудобных платьев в гардеробе женщин появляется скромная одежда из лёгких тканей, обеспечивающая комфорт. Нарядные платья девушки временно оставляют для выходов на торжества и балы. К середине XIX века мода на туго затянутый корсет и пышные юбки, скрывающие естественные формы, вновь возвращается. В связи с тем, что пышность юбок доходила до таких масштабов, что женщины с трудом проходили через дверные проёмы и не могли видеть, куда ступает их нога, была осмыслена необходимость пересмотра женского костюма. В конце века кринолин трансформировался в более удобную форму кринолетта, а позднее турнюра, обеспечивающих пышные формы лишь с задней стороны юбки.

К началу XX века удобство одежды окончательно вытесняет приспособления для изменения пропорций женской фигуры. Актуальной становится одежда простого кроя, обеспечивающая свободу движений. Исчезает помпезность нарядов, они становятся выдержанными и лаконичными. Изменения представлений о женской эстетике связаны с событиями мирового масштаба, среди которых мы можем отметить политику, войны и стремительный технический прогресс. Первое время мода в России продолжала перенимать европейские стандарты. В военное время женщины принимали участие в деятельности фронта, всё больше проявляя в себе такие качества как активность, сила и независимость.

В советские годы в России популярность приобрёл стандарт здоровой женщины. Красивая женщина – это, прежде всего, здоровая женщина. Государственная идеология способствовала популярности спорта. Тем не менее, послевоенные времена были антиподом тенденции на худобу. Период войны, когда люди испытывали ограничения в пище, закончился, еда стала более доступной, поэтому к полноте относились положительно. Широкие бедра, пышная грудь, здоровый цвет лица – атрибуты здоровой и красивой женщины. Одежда была скромной и закрытой. Яркий макияж был признаком вульгарности. Наблюдалось стремление к сохранению естественной красоты, поэтому женщины использовали минимум косметики.

В связи с необходимостью возрождать экономику страны, возникает нужда в новой рабочей силе. Создаётся образ трудолюбивой женщины, успешной во всех направлениях: она работает, имеет активную гражданскую позицию, заботится о муже и детях, ведёт домашнее хозяйство [6]. Женщина представляла собой звено государства,двигающееся к достижению глобальной для всей страны цели. Это способствовало тому, что внешняя женская красота отходила на второй план, а образ идеальной женщины транслировался через СМИ, что позволяло наиболее прочно закрепить его в общественном сознании.

Постсоветский период возвращает моду на женственность. Российская мода перенимает тенденции Запада, от которых она была ограждена в советское время. Женщины стали направлять больше ресурсов на собственную внешность. Вновь становятся популярными уход за волосами, кожей и ногтями, выбор стильной одежды, подчёркивающей достоинства фигуры. Институт моды стремительно развивается и обретает всё большее влияние на представление об эталонах женской красоты. Возникает обилие телевизионных программ, модных журналов, популяризирующих идею необходи-

мости ухода за собой для поддержания привлекательного внешнего вида.

В нашу эру интернета господствует двойственный тренд на представление о женской эстетике. С одной стороны, популярность обрели стандарты, далёкие от естественности: наполненные филлерами губы, фигура песочные часы с широкими бёдрами, большой грудью и неестественно узкой талией, как у Ким Кардашьян. Подобный стандарт не даётся большинству женщин от природы, но его возможно достичь, прибегая к услугам, которые предлагает сфера красоты. Существование и эстетизация неестественных идеалов приводит к тому, что у большого количества женщин нарушается восприятие собственной внешности, что оказывает влияние на их самооценку, а также повышает стремление получить социальное одобрение, приближая свой внешний вид к общепринятым стандартам красоты. Женщины всё чаще прибегают к изменению частей тела, мешающих соотносить их с идеальной картинкой.

Таким образом компаративный анализ специфики формирования идеалов эстетического аспекта женской телесности в Китае и России позволил выявить схожие тенденции, обуславливающие эталоны женской красоты, а также их трансформацию в каждой из рассмотренных стран. Изначально эстетические стандарты женщин задавали мужчины, исходя из личных предпочтений. Если в Китае символом женственности являлась маленькая стопа в форме лотоса, то Петровские преобразования в России вызвали к жизни тенденцию на узкую талию. Оба выявленных нами символа были детерминированы стремлением подчеркнуть у представительниц прекрасного пола хрупкость и беспомощность, а основная задача их состояла в том, чтобы сделать из девушки украшение, демонстрирующее статус мужчины. Данные символы, подчёркивающие тесную взаимосвязь эстетики с этикой, выявляют непосредственную корреляцию эстетических представлений с аксиологическим компонентом: внешний вид женщины, соответствующий заданным стандартам, повышал её ценность в обществе, а также транслировал престиж мужчины. Благодаря социализации существующие нормы плотно закреплялись и не теряли актуальности на протяжении многих веков, преодолевая неоднократные попытки их искоренения. Лишь коренное преобразование общества, связанное с технологическим и экономическим развитием, обозначило необходимость в дополнительной рабочей силе. Положение женщин в обществе стало ассоциироваться с более активной позицией, связанной с деятельностью в различных отраслях хозяйства страны. Роль мужских предпочтений в формировании женских стандартов постепенно отошла на второй план, поскольку экономика с необходимостью диктовала свои требования. В настоящее время эстетические представления как Китая, так и России в значительной степени определяются СМИ, где далёкие от естественности тенденции, обретающие популярность, детерминированы главным образом коммерческой выгодой.

Литература

1. Быховская И.М. Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М.: Физическая культура, образование и наука, 1993. – 180 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Издательство «Прогресс», 1984. – 367 с.
3. Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории: Сб. / Сост. и комм.

Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 7–29.

4. Жабрева А.Э. Русский костюм в изобразительных источниках XV века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-kostyum-v-izobrazitelnyh-istochnikah-xv-veka> (дата обращения: 12.02.2024).
5. Жданова В.Г. Образ женщины и мода в России в XII – начале XIX в // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhenschiny-i-moda-v-rossii-v-xii-nachale-xix-v> (дата обращения: 13.02.2024).
6. Изотова К.С., Степанова А.Ю. Трансформации образа женщины в советской и постсоветской женской периодике // Парадигма. 2019. № 31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-obraza-zhenschiny-v-sovetskoy-i-postsovetskoy-zhenskoj-periodike> (дата обращения: 15.02.2024).
7. Исаева Л.И. Красавицы древнего Китая. – М.: АНО Диалог культур, 2009. – 320 с.
8. Куприянова Ю.А. От бинтования стоп к туфлям на каблук: трансформация внешнего облика жительниц Шанхая в первой половине XX в // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2014. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-bintovaniya-stop-k-tuflyam-na-kabluk-transformatsiya-vneshnego-oblika-zhiteelnits-shanhaya-v-pervoy-polovine-xx-v> (дата обращения: 04.02.2024).
9. Макарова Е.Ю. Кан Ювэй. «Наставление на отказ от бинтования ног» (опыт краткого культурно-исторического комментария) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kan-yuvey-nastavlenie-na-otkaz-ot-bintovaniya-nog-opyt-kratkogo-kulturno-istoricheskogo-kommentariya> (дата обращения: 07.02.2024).
10. Милютина Н.В., Ветошкина Ю.В. Историко-культурное развитие женского корсета // СГН. 2017. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnoe-razvitiye-zhenskogo-korseta> (дата обращения: 12.02.2024).
11. Пронькина А.В. Рождение эстетического идеала: к проблеме формирования новой эстетики женского тела в России XVIII столетия // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12 (92). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-esteticheskogo-ideala-k-probleme-formirovaniya-novoy-estetiki-zhenskogo-tela-v-rossii-xviii-stoletiya> (дата обращения: 13.02.2024).

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE AESTHETIC ASPECT OF FEMALE CORPORITY ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND CHINA

Klimov S.N., Mikhailova A.E., Zhao Ziyue
Russian University of Transport (MIIT)

The purpose of the research work is to identify and compare the determinants of the aesthetic aspect of female corporality in China and Russia. The authors analyzed cultural characteristics regarding female beauty in the West and East. In the countries examined, there is a correlation of aesthetic ideas with the axiological component. The transformation of the reasons that determine the standards of female attractiveness is revealed. They go from the aesthetic preferences of men, through the need to include women in the economic development of society, to commercialization. There has been a change in the standards of female attractiveness due to economic development. The problem of denying the naturalness of female beauty has been updated. In modern times, there is a tendency to

culturally mix the aesthetic component of female corporality. The current dynamics of female aesthetics are determined by the fact that beauty becomes a source of commercial benefit.

Keywords: female corporeality, aesthetics, axiology, culture, socialization, commercialization.

References

1. Bykhovskaya I.M. Human corporeality in the sociocultural dimension: traditions and modernity. – M.: Physical culture, education and science, 1993. – 180 p.
2. Veblen T. Theory of the leisure class. – M.: Progress Publishing House, 1984. – 367 p.
3. Dvorkin A. Gynocide, or Chinese footbinding // Anthology of gender theory: Sat. / Comp. and comm. E.I. Gapova and A.R. Usmanova. – Minsk: Propylaea, 2000. – P. 7–29.
4. Zhabreva A.E. Russian costume in visual sources of the 15th century // Bulletin of St. Petersburg University. Art history. 2015. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-kostyum-v-izobrazitelnyh-istochnikah-xv-veka> (access date: 02.12.2024).
5. Zhdanova V.G. The image of a woman and fashion in Russia in the 12th – early 19th centuries // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2014. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhenschiny-i-moda-v-rossii-v-xii-nachale-xix-v> (access date: 02/13/2024).
6. Izotova K.S., Stepanova A. Yu. Transformations of the image of a woman in Soviet and post-Soviet women's periodicals // Paradigm. 2019. No. 31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-obraza-zhenschiny-v-sovetskoy-i-postsovetskoy-zhenskoy-periodike> (access date: 02/15/2024).
7. Isaeva L.I. Beauties of ancient China. – M.: ANO Dialogue of Cultures, 2009. – 320 p.
8. Kupriyanova Yu.A. From foot binding to high-heeled shoes: transformation of the appearance of Shanghai women in the first half of the 20th century // Bulletin of RUDN University. Series: General History. 2014. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-bintovaniya-stop-k-tuflyam-na-kabluket-transformatsiya-vneshnego-oblika-zhitelnits-shanhaya-v-pervoy-polovine-xx-v> (date of access: 02/04/2024).
9. Makarova E. Yu. Kang Youwei. "Instruction on refusing to bind feet" (an experience of a brief cultural and historical commentary) // Scientific result. Social and humanities studies. 2022. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kan-yuvey-nastavlenie-na-otkaz-ot-bintovaniya-nog-opyt-kratkogo-kulturno-istoricheskogo-komentariya> (access date: 07.02.2024).
10. Milyutina N.V., Vetoshkina Yu.V. Historical and cultural development of the female corset // SGN. 2017. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnoe-razvitie-zhenskogo-korseta> (access date: 02/12/2024).
11. Pronkina A.V. The birth of the aesthetic ideal: to the problem of the formation of a new aesthetics of the female body in Russia in the 18th century // Society: philosophy, history, culture. 2021. No. 12 (92). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-esteticheskogo-ideala-k-probleme-formirovaniya-novoy-estetiki-zhenskogo-tela-v-rossii-xviii-stoletiya> (date of access: 02/13/2024).

Регрессивно-прогрессивный подход П. Рикёра в развитии методологии педагогики: социально-философский анализ

Ковалева Светлана Викторовна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии

E-mail: sweta.lana1968@yandex.ru

Лопатин Иван Дмитриевич,

кандидат политических наук, доцент, кафедра философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия

E-mail: lopatinivan1982@yandex.ru

Решетов Роман Витальевич,

соискатель, кафедра гуманитарных дисциплин, Московский государственный политехнический университет

E-mail: reshetov_diss@mail.ru

Цель исследования, изложенного в статье, заключается в презентации использования в практике педагогической деятельности теоретически рассмотренного метода работы с текстами культуры. Предметом является творчество французского мыслителя П. Рикёра, обосновывавшего в своем учении регрессивно-прогрессивный подход к изучению различных текстов, обладающих свойствами временного характера. Объектом в представленной статье выступает образовательный процесс, в рамках которого осуществляется применение регрессивно-прогрессивного метода П. Рикёра с целью актуализации базового, онтологического феномена сознания – понимания. Методология представлена системой методов. Анализ философии П. Рикёра позволяет рассмотреть отдельно регрессивную и прогрессивную составляющую изучаемого предмета. Диалектико-синтетический метод применяется в обосновании целостности сознания, формирующейся посредством интерпретации текста культуры. В педагогической практике используется словесно-объяснительный метод, который согласуется с информационно-рецептивным и репродуктивным методами, отвечающими за познавательный процесс. Результатами исследования являются: применение регрессивно-прогрессивного метода П. Рикёра актуализирует творческий потенциал обучающихся; указанный метод осуществляется относительно работы с текстами культуры; единство образов и смыслов определяет духовно-нравственную целостность мировоззрения человека как личности; рождающиеся в интерпретации множественные грани смыслообразов характеризуют плюральность понимания, которое соответствует уникальному опыту жизни каждого человека.

Ключевые слова: методология, текст культуры, знания, понимание, феномен, бессознательная сфера, нравственность, разумно-диалектическая логика, педагогика успеха, герменевтика успеха.

Актуальность

В современном образовательном пространстве наблюдается ориентация на получение знаний, которые, чаще всего, в сознании обучающихся остаются отвлеченными, не встроенными в систему личностного мировоззрения. Это связано с тем, что знания студенты не понимают, не переживают способ их приобретения. Поэтому в преподавании гуманитарных дисциплин необходимо использовать такие методы изучения материала, которые будут ориентированы на актуализацию творческих способностей студентов, что позволит выявить базовый феномен сознания – понимание. Содержанием феномена понимания является смысл, имеющий личностное значение, непосредственно связанное с опытом жизни конкретного человека [см. 7, с. 132]. Целью исследования является продемонстрировать применение в практике преподавания философско-методологической системы, результатом использования которой будет реализация онтологической природы сознания студентов.

Методология

В этой связи интересна концепция П. Рикёра, главный тезис которой выражен в краткой формуле: «мыслить больше, чем помысленно». Творчество французского мыслителя прошлого века является востребованным и своевременным в силу того, что построено на согласовании различных по своей интенциональной содержательности классических философских парадигм. В частности в статье рассматривается единство двух концепций: психоанализа З. Фрейда, обосновавшего возможность погружения сознания человека в сферу бессонательно-го, и диалектической логики Гегеля, которая в своем динамичном движении способствует приращению смысла.

П. Рикёр в своей философии разработал и теоретически обосновал *регрессивно-прогрессивный метод* работы с материалом, который позволяет пробудить творческий потенциал человека, изменив привычное равнодушное состояние сознания на активную созидательную деятельность. Таковая возможна на основе постоянного волевого напряжения сознания, которое позволит человеку выйти за пределы зоны комфорта до «долга волевого напряжения», как характеристики «поведения во времени». В учении П. Рикёра сознание рассматривается в качестве потока, движение которого «постоянно отвергает собственную исходную точку и только в конце обретает веру в себя. Иными словами, сознание – это то, что получает свой смысл только в последующих образах, то есть это некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом» [9, с. 158].

В контексте творчества французского философа «конец» – это характеристика не только жизненного пути в целом, но и конкретного этапа, связанного с изучением чего-то нового. В этом случае новая тема, как предел движения сознания, является неким экраном, зеркалом, отражающим путь, для осознания которого и необходим предложенный П. Рикёром регрессивно-прогрессивный метод. В частности, рассматривая новый

материал в процессе преподавания дисциплины «Обществознание» в разделе «Характеристика личности», является целесообразным обратиться к текстам культуры, интерпретируя которые обучающиеся реализуют свой творческий потенциал с целью создания их личностного смысла. Согласно исследованиям А.А. Брудного, под текстом культуры понимается объект искусства, представляющий собой гармонично связанный порядок символов, знаков, который существует во времени и передается в виде знания, информации содержание, имеющее личностный смысл, раскрывающийся в форме феномена понимания [2, с. 34].

Говоря о понимании, мы оказываемся в пределах герменевтики. Целью герменевтических исследований, согласно П. Рикёру, является «показать, что существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, рождающихся в мире культуры». Необходимо подчеркнуть, что глубоко осознанной, ответственной жизнью человека становится лишь тогда, когда происходит личностное усвоение смысла, «который пребывает сначала «вовне», в произведениях, институтах, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа» [9, с. 55].

Предложенный П. Рикёром метод состоит из двух разнонаправленных интенций: регрессивной и прогрессивной. Регрессивная интенция осуществляется на основе психоаналитического учения и, по сути, характеризует рефлексивную, как процесс «изгибания назад» мышления, анализирующего путь сознания, встретившегося с незнакомым текстом культуры. Сознание человека останавливается в своем потоке относительно нового объекта изучения, отражаясь от него, высвечивает в своем содержании те «профили реальности» (Э. Гуссерль), которые были сформированы в опыте жизни [10]. Согласно З. Фрейду, эти «профили» представляют собой образы бессознательного, которые в символической форме выражают то, что человек переживал, но не выразил в своей сознательной жизни.

В этом случае регрессия ориентирована на проявление нравственного чувства сопереживания, которое, будучи сенсорным центром сознания, пробуждает профили-образы, наполняет их жизнью, отодвигая состояние равнодушия, апатии, уныния [4, с. 15]. Согласно П. Рикёру, этот процесс осуществляется не автоматически, но усилием воли самого человека, стремящегося актуализировать образы, то есть придать энергию этим «утраченным объектам («профилям реальности» – С.К.), которые обретаются вновь лишь символически» [9, с. 41], не случайно именно это движение сознания характеризует философом как «приливы жизненного».

Сущность сознания, как динамического потока, по мнению мыслителя, сам «очаг Я – не психологическое Эго», но дух, который понимается в гегелевской традиции, то есть в качестве «диалектики самих образов» [9, с. 54]. И такая онтологическая характеристика определяет сознание как «трансцендентное», реализация которого осуществляется на уровне мышления, способного в своей разумно-диалектической форме выходить за границы внутреннего мира. Трансценденция мышления есть не что иное, как прогрессивная интенция, функция которой заключается в том, что образам придается смысл. Раскрывая понятие духа, философ указывает на деятельный способ его существования, который обусловлен движением разумной (или имагинативной) формы мышления к смыслу образа [5, с. 49], находящемуся впереди, как цель.

Динамика движения мышления предполагает, что изначально необходимо «снять» регрессивность, в которой осуществлялась выявление и актуализация обра-

зов. При этом П. Рикёр настаивает на том, что указанное «отрицание» регрессивности может носить как метафорический характер, так и хронологический. В обоих случаях интенциональная прогрессивность движения мысли вперед осуществляет наполнение образов смыслом, который не стоит за образной символическостью, но находится впереди. Исходя из сказанного, становится несомненным, что с помощью прогрессивного метода сознание человека извлекается из сферы внутреннего мира, из области бессознательного, и трансцендируется в сферу смыслов, которая расположена после или «впереди» образов.

Таким образом, движение сознания – это диалектический процесс, осуществляющийся разнонаправленно. Во-первых, в глубину бессознательной сферы, в которой высвечиваются образы, связанные с ассоциативным рядом символов-переживаний, соответствующих тексту культуры. Во-вторых, за пределы сознания к смыслам, которые формируются на основе личностного опыта и наполняют образы, актуализируя феномен понимания. По сути, эти разные интенции сознания согласовывают две способности человека: нравственно чувствовать и разумно мыслить, которые в своем единстве характеризуют целостность человека на уровне личности.

Научная значимость

Научная значимость изложенного в статье материала заключается в том, что впервые предлагается применение регрессивно-прогрессивного метода П. Рикёра не только в философско-теоретических исследованиях, но и в культурологической практике, связанной с деятельностью сознания по выявлению смысла текстов культуры, как памятников истории искусства. В силу того, что смысловая сфера не является замкнутой, приобщение к ней обучающихся является важным аспектом воспитательной работы, с помощью которой осуществляется связь с культурно-историческими традициями прошлого, зафиксированными в объектах культуры. Использование метода, предложенного французским философом, впервые осуществляется в практике педагогической деятельности, ориентированной на актуализацию феномена понимания, выражающего духовно-онтологический уровень бытия обучающегося. Новизна определяется и междисциплинарностью исследования, обусловленного методологическим, культурологическим и образовательными аспектами познавательно-понимающего процесса.

Результаты

В качестве примера формирования разумно-нравственной целостности сознания посредством творческой деятельности в рамках образовательного процесса можно рассмотреть задание, которое связано с изобразительно-вербальным текстом (изоверб) культуры и которое адресовано обучающимся. Работа с текстом культуры осуществляется посредством интерпретации, которая, согласно П. Рикёру, связана с деятельностью мышления, заключающейся «в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным» значением слова, в выявлении уровня бытия, «заключенного в буквальном значении» [9, с. 44]. Итак, рассмотрим стихотворение английского поэта XIX в. Джонсона:

eyelevel eye

Желание постичь написанное предполагает, прежде всего, перевести стихотворение Р. Джонсона на родной, русский язык. Однако такой перевод осуществить сразу невозможно в силу того, что представленного поэтом слова нет. Анализируя форму произведения, то есть гар-

моничный порядок знаков, выраженных буквами, выясняем, что текст содержит три английских слова, которые при переводе имеют следующие значения: eye – глаз; level – уровень; eye – глаз. Прочитав слова, которые согласно творческому замыслу поэта составляют стихотворение, «глазуровеньглаз», убеждаемся, что знаки, составляющие текст, в своем последовательном строении *указывают* на иной уровень, иной порядок бытия, который содержит смысл. Это указание определяется необычностью самой формы, представляющей собой гармоничный порядок знаков, которые в своей уникальной последовательности создают целостную ткань текста, выраженную следующими характеристиками:

- три разных слова стоят не отдельно друг от друга, а соединены без пробелов в самостоятельный слово-текст, который имеет конструкцию палиндрома;
- середина этого произведения выражена буквой «v», являющей собой вертикаль, относительно которой две половины тексты зеркально отображаются;
- с буквы «e» начинается стихотворение, ей же и заканчивается, кроме того она повторяется через каждую последующую, образуя горизонталь текста;
- относительно этой горизонтали у букв «l» «хвостики» расположены вверх, а у буквы «u» – вниз, симметрия этих букв наблюдается и относительно вертикали, проходящей через центр «v»;
- если мысленно соединить крайние нижние и крайние верхние точки букв «l» и «u» одной линией, получится косинусоида;
- в силу того, что стихотворение, начинаясь с маленькой буквы и не заканчиваясь точкой, может быть продолжено и влево, и вправо, образует бесконечно длящийся текст, который вписан в «тоннель» косинусоиды.

Зная даже не очень глубоко английский язык, можно обратить внимание, что внутри слова «level» присутствует еще одно понятие «eve», которое в русском языке имеет значение «канун». Встраивая это старорусское слово в знаковую систему переведенного стихотворения Джонсона «глазуровеньканунглаз», обнаруживаем, что смысл на формальном уровне буквенных символов не дан, но только задан. Таким образом, знаки образуют в своей согласованной последовательности изоверб, который обладает символическостью, внутри которой заданный смысл высветится в творческом процессе.

По мнению П. Рикёра, символ представляет собой «структуру значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный – означает одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, – который может быть понят лишь через первый. Этот круг выражений с двойным смыслом и образует собственно герменевтическое поле» [9, с.44]. По сути, это поле характеризует метафоричность стихотворения. По свидетельству философа, значения слов в метафоричном тексте не раскрывают его смысл, они задают динамику движения мысли, которая через внутреннюю напряженность между понятиями раскрывает творческий потенциал человека.

Вспоминая регрессивную интенцию предложенного П. Рикёром метода, которая осуществляется относительно текста культуры (стихотворения Джонсона) вглубь сознания, начинаем находить образы в бессознательном, которые соответствуют словам произведения. Затем, на основе глубоко личного нравственного переживания этих образов, актуализируется разумно-диалектическая логика мышления, результатом деятельности которой будет «перетекание» смысла от образа к образу, составляя единое, целостное понимание про-

изведения. Подтверждая позицию П. Рикёра, рассмотрим различные смыслообразные формы понимания метафоричного стихотворения Р. Джонсона, созданные разными людьми, в том числе и обучающими, доказывая тезис о том, что смысл является плюральным.

Пример 1. Какие образы возникают во внутреннем мире человека, познакомившегося впервые с изобразительно-вербальным текстом, представленным стихотворением Джонсона? Поэтический текст весьма необычен, состоит из английских слов, написанных в ряд: «глазуровеньканунглаз». Как возможно оправдать рядоположенность понятий, которые характеризуют не связанные между собой объекты? Проанализировав данные в стихотворении слова, можно сделать вывод, что термин «eye», который переводится на русский язык как «глаз», не соотносится по внутренней напряженности с английским «eve», обозначающим «канун». Орган внешней чувственности человека называется словом «глаз», которое употребляется в повседневной речи для характеристики обыденных ситуаций: «соринка в глаз попала». При этом слово «канун», понимаемое в старославянском языке как «час», никогда не используется в таких житейских случаях, никто не спрашивает: «который сейчас канун?» вместо «который час?».

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля находим характеристику понятия «канун»: «моление, молебствие, празднование какому-либо угоднику, накануне дня памяти его». В частности, как указывает автор, в Костромском крае «канун или канон, слащенное медом пиво, ставимое за всюнощную к иконе святого Николая Чудотворца», а «вообще ... кануец варить – варить мед и пиво к празднику» [6, с. 78]. В итоге можно сказать, что слово «глаз» лучше заменить понятием «око», которое по своей внутренней возвышенности соответствует «кануну». Ибо в отличие от глаза, который видит только материальный мир, око, будучи всевидящим, способно созерцать то, что недоступно глазу: внутреннее переживания другого человека, его сердце, сущность красоты, добра.

Кроме того, замечаем, что английское слово «eve» звучит при произношении как «Ева». Первая женщина, ставшая символом грехопадения человеческого рода, предопределившая его отпадение от общения с Богом-Творцом, ее имя может пониматься и как Судьба. Остается определить, какой образ в стихотворении Р. Джонсона будет соответствовать слову «level», которое переводится «уровень». Представляется, что это некая вершина того или иного этапа жизни, к которой мы усиленно стремимся, но которая, при приближении к ней, вновь и вновь отодвигается, оставаясь всегда недоступной. Результатом представленных размышлений можно считать следующий созданный текст: «*Двигаясь в русле Судьбы, каждый человек обречен стремиться к уровню горизонта в поисках смысла. Однако каждый наш поступок словно находится под недремлющим оком Вселенной, канун слияния с которой и предрешен и близок. Но в случае, если хаос и бессмысленность нашего существования сможет быть преобразована в космос, как гармоничную систему, оправдывающую собственное бытие, тем, кто пойдет следом за нами, дорога к себе не покажется уже столь непроходимой*» [3, с. 22–23].

Пример 2. Зная представленный выше смысл стихотворения Р. Джонсона, возникает желание согласиться с тем, что этот смысл единственно возможный, потому что отражает всю глубину текста. Кроме того реализация собственных творческих способностей – это сложный процесс, который требует сосредоточенной внутренней работы, связанной с созданием личной целост-

ности. Здесь можно вспомнить еще и то, что английский язык знают не все. Высказанные аргументы свидетельствуют о том, что человек всегда найдет оправдание своим сомнениям, страхам, которые ограничивают лучшие качества человека.

Но, как утверждал французский философ, символы, составляющие метафорический текст, могут иметь множественное образно-смысловое содержание. Да и творческая функция сознания характеризует процесс реализации феноменальных ценностей, которые в актуальной форме определяют саму человечность человека. Таким образом, необходимо, преодолевая в себе отрицательные склонности, усилием воли снова и снова, обращаясь к тексту Р. Джонсона, из хаоса впечатлений внутреннего мира создавать образный космос.

Чаще всего иностранная речь, состоящая из каких-то понятий, при переводе на русский язык вызывает различные ассоциации, которые фиксируются в нескольких значениях, словах. Поэтому, посмотрев в англо-русский словарь, обнаруживаем, что понятие «eye» кроме как «глаз» переводится еще «игольное ушко», «петелька», «окно» [1]. Слово «eye» имеет одно значение – «канун». Однако, здесь используем еще и образ, который связан с фонетическим произношением этого понятия, как Евы, которая имеет смысл Судьбы. Понятие «level», которое переводится как «уровень», характеризует выравнивание какой-то плоскости, поэтому обладает еще и значением «нивелир».

Перечитывая изговор Р. Джонсона, еще раз убеждаемся в его палиндромичности, а также в том, что текст начинается со слова «eye», им же и заканчивается. Поэтому под стихотворением хочется изобразить схему, нарисовав слева вначале и справа в конце игольное ушко в форме петельки. Слова Судьба, канун пишем посередине и выше, потому что, будучи центральными, они соединяют края текста в единое целое. Получившуюся схему хочется дополнить прямой линией, которая соединяет левое игольное ушко-петельку с правым. Эта линия – образ нити жизни, которую символично олицетворяет повторяющаяся в стихотворении буква «е». И если косинусоида, образующаяся верхними и нижними точками «хвостиков» букв l и y, характеризует волны бурлящего жизненного моря, в котором все циклично меняется, то прямая линия показывает стабильность, вечность, неизменность.

Соотнесим стихотворение Р. Джонсона с получившейся схемой, оцениваем вербальный текст и его образное соответствие, и создаем свое, личностное понимание предложенного объекта искусства. «Каждый человек в **канун** своего рождения смотрит в открывающееся для него **окно** бытия и видит свою дорогу жизни от начала до самого конца абсолютно прямой. В этот момент он знает все тайны мироздания и то, зачем он приходит в этот мир. Родившись, первым криком он хочет сообщить всему миру о своем знании, но ангел **Судьбы** легонько хлопает его по устам, и он все забывает. Временное человеческое существование словно находится под недремлющим оком **Судьбы**, чье явное присутствие от нас ускользает, но в **канун** смерти оно становится осязаемым. Ибо в конце жизненного пути каждому человеку даровано будет оглянуться в последний раз в закрывающееся за ним **окно** бытия. И только в том случае, если каждый свой поступок человек сверял с **нивелиром** своей совести, его угасающий взор сможет созерцать ту же прямую, которая была ему предначертана в начале жизненного пути».

Если вышеприведенные созданные смыслы соответствуют пониманию ученых философов, которые в силу своего профессионализма занимаются творческой мыс-

ледеятельностью, ориентированной на актуализацию феноменальной сущности сознания, то следующие работы демонстрируют реализацию личностных способностей студентов, обучающихся по программам СПО Костромской государственной сельскохозяйственной академии.

Пример 3. Бражникова Анна. 1 курс. Группа 414. «Наша жизнь, какой бы длинной она не была, имеет предел – смерть (вертикальная ось стихотворения). Таким образом, есть время до смерти – наше естественное существование, и есть вечная жизнь – после нее. Проживая жизнь во времени, мы находимся под присмотром **Всевидающего Ока** – Бога. До смерти мы являемся учениками, теми, кто познает жизнь, учится, совершает ошибки, исправляет их, стремится постичь смысл своего существования. Но, умирая, мы поднимаемся на новый **уровень**, уходим в вечность, в которой уже не являемся учениками, так как прошли испытание смертью. Опыт, который приобрели в течение жизни, характеризуется теми же образами, только отзеркаленными и наполненными новыми красками, звуками, составляющими **смысл**».

Пример 4. Исакова Полина. 1 курс. Группа 414. «Наша жизнь – словно нить, которую нужно продеть сквозь тонкое **игольное ушко**. Иногда это тяжело и приходится поднять иглу чуть выше **уровня глаз** и сощуриться, чтобы продеть свою “жизнь” в это маленькое “**окошко**”. Пока мы продеваем нить, и она попадает в отверстие, мы четко видим, как ровно проходит наша жизнь, словно **нивелир** выровнял этот путь. А если нить кривая или ее кончик двойится, то с первого раза продеть ее в игольное ушко не получится. Тогда мы боремся в попытках выровнять ее, сделать более гладкой. Ведь в **канун** перед своим уходом человек оставит все самое дорогое, ценное, и его нить уже оборвется навсегда».

Выводы

- Усвоение знания в образовательном процессе возможно только в том случае, если отвлеченные знания, в частности в гуманитарных дисциплинах, будут связаны с пониманием, как базовым феноменом сознания;
- феномен понимания содержит смысл, который актуализируется в творческом процессе мыследеятельности;
- для реализации творческого потенциала человека необходимо использовать регрессивно-прогрессивный метод, предложенный французским философом П. Рикёром;
- указанный метод осуществляется относительно работы с текстами культуры;
- регрессивность характеризует движение сознания относительно текста культуры вглубь, в сферу бессознательного, в которой проявляются образы, ассоциативно связанные с невоплощенными переживаниями человека, ставшими символическими;
- внутренняя динамика сознания актуализирует нравственное чувство сопереживания, которое наполняет образы энергией жизни,
- прогрессивность характеризует движение разумной формы мышления за границы субъектности к смыслам, которые соответствуют образам бессознательного;
- единство образов и смыслов (смыслообразов) определяет духовно-нравственную целостность мировоззрения человека как личности;
- рождающиеся в интерпретации множественные грани смыслообразов характеризуют плюральность понимания, которое соответствует уникальному неповторимому опыту жизни каждого человека.

Заканчивая исследование, можно утверждать, что приведенные примеры демонстрируют действенность предложенного П. Рикёром метода работы с текстами культуры. Особую значимость в контексте исследования имеет понимание множественности смысловых граней феномена понимания, каждая из которых соответствует диалектике образов бессознательного как «профилей реальности», соответствующих внутреннему миру человека, сформировавшемуся в опыте уникальной, неповторимой жизни. Плюральность реализации смыслообразного содержания сознания человека указывает, что смысловая сфера не является замкнутой и статичной, но открыта для новых интерпретаций и по кривой смысла, соответствующей спирали, устремлена в вечность [5].

Литература

1. Англо-русский синонимический словарь / Интернет ресурс. Режим доступа: https://synonymum_en_ru.academic.ru/10716/eye?ysclid=lu4e5vgafe629334715 (дата обращения 23.03.2024).
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт. 2005. 268 с.
3. Волкова П.С., Гасанов Р.С. Философия в текстах культуры. Учебно-методическое пособие. Краснодар 2007.
4. Волкова П.С., Ковалева С.В., Невская П.В. Философия и искусство: опыт постижения реальности / Журнал Aspectus. 2014. № 2. С. 10–19.
5. Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют. Часть 1.// Я.Э. Голосовкер. Логика мифа. М.: Наука. 1987.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. – 784 с. / К. 70–233 с. – (Золотая коллекция).
7. Ковалева С.В. Онтология сознания: феноменальность акта «Эго» / Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 7. С. 130–133.
8. Культурная интроспекция XX столетия и современности: Материалы к спецкурсу по культурологии. Составитель Н.Р. Суродина. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2002. 60 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и всупит. ст. И. Вдовиной – М.: «Канон-пресс-Ц»; «Кучково поле». 2002. – 624 с.
10. Саенко Н.Р. Культура как понимание мира // Герменевтика в гуманитарном знании: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 апреля 2004 года / Составитель и научный редактор: Л.И. Коновалова. Санкт-Петербург: Издательство «Политехника», 2004. С. 42–44.
11. Medial Turn in Education: Philosophy of Understanding Words and Images / S.L. Grigoryev, V.V. Kortunov, N.R. Saenko, P.S. Volkova // Frontiers in Education. 2022. Vol. 7. P. 856616.

REGRESSIVE-PROGRESSIVE APPROACH OF P. RICOEUR IN THE DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL METHODOLOGY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Kovaleva S.V., Lopatin I.D., Reshetov R.V.

Kostroma State Agricultural Academy; Moscow State Polytechnic University

The purpose of the research presented in the article is to present the use of the theoretically considered method of working with cultural texts in the practice of pedagogical activity. The subject is the work of the French thinker P. Riker, who justified in his teaching a regressive-progressive approach to the study of various texts with properties of a temporary nature. The object of the presented article is the educational process, within which the application of the regressive-progressive method is carried out. In order to actualize the basic, ontological phenomenon of consciousness – understanding. The methodology is represented by a system of methods. The analysis of P. Riker's philosophy allows us to consider separately the regressive and progressive components of the studied subject. The dialectical-synthetic method is used to substantiate the integrity of consciousness, which is formed through the interpretation of the text of culture. In pedagogical practice, a verbal explanatory method is used, which is consistent with information-receptive and reproductive methods responsible for the cognitive process. The results of the research are: the use of P. Riker's regressive-progressive method actualizes the creative potential of students; this method is carried out with respect to working with cultural texts; the unity of images and meanings determines the spiritual and moral integrity of a person's worldview as a person; the multiple facets of semantic images born in interpretation characterize the plurality of understanding, which corresponds to the unique experience of each person's life.

Keywords: methodology, text of culture, knowledge, understanding, phenomenon, unconscious sphere, morality, rational dialectical logic, pedagogy of success, hermeneutics of success.

Referents

1. English-Russian synonymic dictionary / Online resource. Access mode: https://synonymum_en_ru.academic.ru/10716/eye?ysclid=lu4e5vgafe629334715 (accessed 03/23/2024).
2. Brudny A.A. Psychological hermeneutics. M.: Labyrinth. 2005. 268 p.
3. Volkova P.S., Hasanov R.S. Philosophy in cultural texts. Educational and methodical manual. Krasnodar 2007.
4. Volkova P.S., Kovaleva S.V., Nevskaya P.V. Philosophy and art: the experience of comprehending reality / Journal Aspectus. 2014. No. 2. pp. 10–19.
5. Golosovker Ya.E. Imaginative absolute. Part 1.// Ya.E. Golosovker. The logic of myth. M.: Nauka. 1987.
6. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes / Dal V.I. – M.: RIPOL classic, 2006. / Volume 2. I-O. – 784 p. / K. 70–233 p. – (Golden collection).
7. Kovaleva S.V. Ontology of consciousness: the phenomenality of the act of “Ego” / Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2014. Vol. 20. No. 7. pp. 130–133.
8. Cultural introspection of the twentieth century and modernity: Materials for a special course in cultural studies. Compiled by N.R. Surodina. Volgograd: Publishing house of VSPU “Change”, 2002. 60 p.
9. Riker P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / Trans. from Fr. and vsupit. V.I. Vdovina – M.: “Canon-press-C”; “Kuchkovo field”. 2002. – 624 p.
10. Saenko N.R. Culture as understanding of the world // Hermeneutics in humanitarian knowledge: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, April 21–23, 2004 / Compiled and edited by L.I. Konvalova. St. Petersburg: Politechnika Publishing House, 2004. pp. 42–44.
11. Medial Turn in Education: Philosophy of Understanding Words and Images / S.L. Grigoryev, V.V. Kortunov, N.R. Saenko, P. S.

Молодежь в системе обеспечения духовно-нравственной безопасности российского общества

Макаев Хасан Абу-Алиевич,

аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: makaev@yandex.ru

В данной статье проведен социально-философский анализ системы обеспечения духовно-нравственной безопасности российского общества. Автор рассуждает о духовно-нравственной безопасности молодого поколения в современном трансформирующемся российском обществе, делает акцент на приоритетном значении духовности, нравственности для сохранения именно специфически человеческого в индивидуальном функционировании общества. В результате делает вывод о том, что духовно-нравственная безопасность представляет структурный компонент, который позволяет социуму сохранять свои важные параметры бытия, в пределах исторически сложившихся норм.

Ключевые слова: трансформация, система ценностей, нравственность, духовность, молодежь, культура, духовные ценности.

В современное время наметился кризис духовно-нравственной сферы бытия российского социума. В связи с чем, в дефиците оказались такие духовные скрепы, как милосердие, сострадание, поддержка, взаимопомощь, то есть те качества, которые на протяжении всего исторического периода делали нас более стойкими, сильными, которыми всегда, во все времена гордился российский народ. В целом можно констатировать, что вынужденные условия, толкающие к приспособлению постоянно меняющихся условий бытия граждан нашего государства, собственно и молодых людей, научили игнорировать нормы, которые диктует социум и государство. Молодежь не столь эффективно включается в морально-нравственный контекст бытия нашего социума как старшее поколение, относится к жизни намного проще, не проявляя лишнюю рефлексивность. Но нельзя утверждать, что сегодня совершенно не обусловлены актуальностью такие составляющие духовно-нравственной жизни, как традиционные ценности и смыслы, нормы поведения для общества, в том числе определенные для молодых людей.

Наметившийся трансформационный кризис повлек за собой негативные последствия для всего российского социума, которые отразились на нравственных качествах, на духовном бытии, на культуре в целом. Все это позволяет рассуждать о духовно-нравственной безопасности молодого поколения в современном трансформирующемся российском обществе [1, с. 216].

А.А. Возьмител писал: «Объект духовной безопасности содержится в отношениях, наполненных идеями, чувствами, представлениями, установками, ценностями, оценками и другими связями в обществе, возникающими в результате процесса восприятия личного и социального бытия» [4, с. 22]. Предметом же, определена духовная жизнь отдельного человека, группы или всего социума в целом. Данное духовно-нравственное бытие проявляется в сформировавшемся сознании человека, в результате конкретной производственной деятельности, проявляющейся на основании распространяющихся ценностей. Нравственному облику, сформировавшемуся сознанию (массовому или персонифицированному) соответствуют направления деятельности человека, которые демонстрируют организацию системы духовно-нравственной безопасности российской молодежи. Понятие «нравственный облик» представляет целостную характеристику личности, личностные установки, определяющие мотивацию социальной активности молодежи, порождающие сознание, а также внутреннее и внешнее поведение [5, с. 78].

Для того, чтобы определить структуру духовно-нравственной безопасности, необходимо рассмотреть состояние массового сознания, демонстрирующее практическое сознание людей, определенное научным и мифологическим знанием, а также обыденным, социальным и экономическим представлением. Массовое сознание строится на основании социально-идеологических, духовно-нравственных установках, а также соответствует социальным стереотипам.

Анализировать структуру духовно-нравственной безопасности следует через рассмотрение массового сознания.

ния, составляющими которого являются: 1) социально-идеологические, духовно-нравственные оценки и установки, а также социальные стереотипы, выраженные в солидарности, сплоченности, социальном настроении, в проявлении особенного отношения к назревшим проблемам общественного и социально-политического характера, затрагивающим актуальные интересы разнообразных групп людей; 2) присутствующие в обществе морально-этические представления; 3) национальное сознание, отражающее национальное бытие, эстетические, нравственные, социально-экономические взгляды, представления, которые отражают особенности духовно-нравственного развития нации [7, с. 72].

Из этого следует, что духовно-нравственная безопасность социума должна быть обеспечена морально-этическим регулированием всех сфер социального бытия и национальным сознанием (менталитетом), представляющим ее структурные элементы, которые сегодня дезорганизованы или в некоторой степени разрушены. Социальная российская реальность не выражена общепризнанной системой представлений. Сегодня нарушены границы в понимании следующих категорий: «добро и зло», «нравственность и безнравственность», «духовное и бездуховное», «гуманное и негуманное», «культурное и бескультурное». Прежде всего, это сказывается на молодом поколении, которое во все времена считалось социально уязвимой общественной группой. Духовно-нравственное бытие во все времена представляло основы жизнедеятельности человека, сохраняло приоритеты человеческих ценностей [3, с. 169].

Из выше изложенного следует, что духовно-нравственная безопасность представляет структурный компонент, который позволяет социуму сохранять свои важные параметры бытия (культурный, этический, интеллектуальный), в пределах исторически сложившихся норм.

Так, духовно-нравственную безопасность определяет непосредственная взаимосвязь структурных элементов, то состояние духовно-нравственного бытия социума, в котором оно находится в конкретный исторический период, с учетом нравственных и культурных традиций. Например, П.Н. Беспаленко определяет безопасность как важную качественную характеристику культурного сообщества, определяя ее способностью проявлять содействие при сохранении и развитии нормальных условий бытия социума.

Также предлагаем рассматривать духовно-нравственную безопасность и на основании более широкого (социетального) контекста, определяя ее в виде качественной характеристики социума, исследуемую в ценностном измерении. Таким образом, предлагается понимать категорию «духовно-нравственная безопасность» как целостное единство, где духовно-нравственная составляющая представляет индикатор жизнестойкости, функциональную согласованность выступающих на первое место социальных институтов, культуры, идеологии [1, с. 219]. А.В. Коршуновым данный факт объясняется с точки зрения того, что в настоящее время появляются все новые и новые проблемы в духовно-нравственной жизни общества, обусловленные деятельностью людей. Духовно-нравственные ценности всегда приходят на помощь и поддерживают целостность социума, выступая жизнеспособными индикаторами, которые в ответе за духовную и культурную преемственность» [8, с. 121].

Для молодого поколения духовно-нравственная безопасность представляет когнитивную способность, например в том случае, когда необходимо объяснение событий происходящих в жизни, а также каких-либо фак-

тов, деятельности, которую осуществляет современная молодежь. Характеристика духовно-нравственной безопасности социума и личности интересна в настоящее время, по следующей причине: необходимо регулирование системы социальных отношений, проявляющей важнейшие закономерности и играющей главенствующую роль в формировании духовно-нравственных качеств. К примеру, наступившая компьютеризация породила множество проблем, бытие молодого поколения оказалось наполнено нанотехнологиями, искусственным интеллектом, стали применяться различные изобретения, например, биотехнологии, биороботы и т.п. Все это оказывает влияние на изменение социальной структуры, а также на общественные отношения. Сегодня молодое поколение отражает результат духовно-нравственной деятельности, стремящееся адаптироваться к современности, определяющее в своем выборе, но нередко условия депривации приводят к сложным общественным взаимодействиям. В.М. Крюков считает, что «объективная сложность мира – первая предпосылка многообразия ориентационных ситуаций, с помощью различных классификаций – природной, духовной и социальной реальности» [2, с. 11].

Рассуждая о духовно-нравственной безопасности, А.С. Запесоцкий писал: «это система условий, позволяющая некоему общественному субъекту (например, культуре) сохранять жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы. Сегодня следует задуматься о важнейшем аспекте безопасности – духовном, ибо без человека, его духовного здоровья, интеллекта жизнь и само понятие безопасности теряет всякий смысл» [6, с. 176].

На основании проведенного нами анализа был сделан вывод о том, что современные трансформирующиеся условия, которыми охвачено общественное развитие, требуют переоценки ценностей, так как современное российское общество обладает низким уровнем духовно-нравственной безопасности. Угрозы, прежде всего, исходят из того, что сознание российской молодежи охвачено трансформационными процессами, «толкающими» к переосмыслению современного бытия. В настоящее время исчезновению подверглись прежние духовно-нравственные идеалы и ценности, что повлияло на поиск молодыми людьми новых ценностных ориентиров. Продолжительный духовный кризис, распространяющийся на все российское общество, уже давно разрушительно влияет на все сферы жизни и деятельности человека. Этим определена первостепенная причина образовавшихся проблем, которые подводят к обеспечению духовно-нравственной безопасности, направлены на формирование у российской молодежи духовно-нравственных качеств.

Литература

1. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность: политологический анализ. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006. – С. 215–224.
2. Бурняшева Л.А. Ментальность как духовно-нравственное содержание и образ мышления // Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 8. С. 7–12.
3. Бурняшева Л.А. Духовно-экзистенциальное время и пространство: современный взгляд // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 169–173.
4. Возьмитель А.А. Актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной без-

опасности // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. 2008. № 2 (38). С. 20–33.

5. Газгиреева Л.Х. Мотивация и специфика духовно-нравственных ориентаций современной личности. – Ставрополь, 2009. – 152 с.
6. Запесоцкий А.С. Образование: Философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2003. – 454 с.
7. Коростылев Д.В. Взаимосвязь и взаимозависимость интересов основных объектов национальной безопасности // Власть. 2008. № 1. С. 72–74.
8. Коршунов А.В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 121–126.

YOUTH IN THE SYSTEM OF ENSURING THE SPIRITUAL AND MORAL SECURITY OF RUSSIAN SOCIETY

Макаев Н.А.-А.

Pyatigorsk State University

This article provides a socio-philosophical analysis of the system of ensuring the spiritual and moral security of Russian society. The author discusses the spiritual and moral security of the younger generation in the modern transforming Russian society, focuses on the priority importance of spirituality, morality for the preservation of specifically human in the individual, the normal functioning of society. As a result, he concludes that spiritual and moral security is a structural component that allows society to maintain its important

parameters of existence, within the limits of historically established norms.

Keywords: transformation, value system, morality, spirituality, youth, culture, spiritual values.

References

1. Bespalenko P.N. Spiritual security: a political analysis. – Rostov n/A: Publishing House of Russian State University, 2006. – pp. 215–224.
2. Burnyasheva L.A. Mentality as a spiritual and moral content and way of thinking // Collection of scientific papers of the North Caucasus State Technical University. Series: Humanities. 2010. No. 8. pp. 7–12.
3. Burnyasheva L.A. Spiritual-existential time and space: a modern view // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2010. No. 3. pp. 169–173.
4. The teacher A.A. Actual theoretical, methodological and practical problems of spiritual security // Social policy and sociology. An interdisciplinary scientific and practical journal. 2008. No. 2 (38). pp. 20–33
5. Gazgireeva L.H. Motivation and specificity of spiritual and moral orientations of a modern personality. – Stavropol, 2009. – 152 p.
6. Zapesotsky A.S. Education: Philosophy, cultural studies, politics. – M.: Nauka, 2003. – 454 p.
7. Korostylev D.V. Interrelation and interdependence of interests of the main objects of national security // Power. 2008. No. 1. pp. 72–74.
8. Korshunov A.V. Problems of studying the spiritual security of Russian society in modern scientific literature // Historical and socio-educational thought. 2013. No. 2 (18). pp. 121–126.

Выявление онтологических компонентов личностного исторического сознания

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология и развитие человеческого капитала», Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
E-mail: VGPichugin@fa.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы исторического сознания личности. Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью выявления существенных характеристик личностного исторического сознания, факторов, определяющих его становление и развитие. Основная цель исследования – выявление социальных и личностных детерминант формирования исторического сознания личности, его основных функций. По результатам исследования представлены этапы формирования исторического сознания личности, их значение для понимания проблемы идентичности и самовосприятия человека в современном социуме. Выявлены функции исторического сознания личности, их значимость для индивида и общества. Выводы о направленности и динамике исторического сознания личности могут представлять интерес для дальнейших исследований факторов социального влияния на сознание индивида, построения модели индивидуального исторического сознания индивида с учётом актуальных социально-политических проблем настоящего времени.

Ключевые слова: история, личность, развитие, историческое сознание, социум, общество, сознание.

Введение

В научной литературе большое внимание уделяется теоретическим аспектам исторического сознания общества. В этом контексте рассматриваются вопросы индивидуального исторического сознания, его связи с общественным, но практически не уделяется внимания системному и всестороннему исследованию проблем формирования, развития, переформатирования исторического сознания личности. Отсутствует описание функций, какой-либо объёмной классификации, процесса развития и факторов внутреннего влияния. Поэтому достаточно важным и актуальным представляется определение теоретических подходов к разработке этих вопросов и проведение исследований, направленных на изучение и анализ исторического сознания личности.

Историческое сознание в общем и идею производной исторического сознания личности от общественного сознания изучали многие представители различных научных направлений: философии, психологии, социологии, культурологии и др.

В методологическую основу изучения ретроспективного бытия, моделей понимания истории, а также становления и развития исторического сознания общества внесли большой вклад учёные: Э. Гуссерль, П. Рикёр, Г. Гегель, Г.-Г. Гадамер, Т. Адорно, М. Блок, Ж. Боден, Ж.-П. Сартр, Ф. Энгельс, Л. Февр, Дж. Вико, М. Маклюэн, К. Поппер, Л.Н. Гумилёв, П.А. Сорокин, Н.Я. Данилевский и другие. Особые формы и специфику исторического сознания исследовали: В. Дильтей, Р. Арон, Р.А. Каменский, А.В. Леопольд, М.Ю. Ширманова, А.И. Панюкова, М.А. Барг и другие.

Стоит отметить, что при всём массиве исследований исторического сознания, само наличие общественного сознания (частью которого является историческое) остаётся вопросом дискуссионным, не имеющим однозначного ответа. В традиции западного гуманитарного знания устойчивы индивидуалистические концепции, преобладающие над коллективистскими, часто, их категорически отрицающие. Например, Г. Лебон рассуждает о «массе», Г. Тард употребляет термин «толпа», у К. Юнга сущность общественных процессов заключена в «коллективном бессознательном», А. Бейли утверждает об управлении «эзотерической сущностью», надчеловеческим, осуществляющим «Великий вселенский план».

Отечественные научные направления психологии, философии, социологии в различных интерпретациях и с учётом особенностей методологии рассматривают сознание, в общем, как общественный феномен, который является «продуктом общества» [1, с. 21].

В психологии представление о человеческой психике как феномене социального и культурно-исторического происхождения побудило к поиску механизма передачи и присваивания социального опыта. Л.С. Выготский единицей (связующим звеном процессов общения) предложил считать значение, от его элементарных форм (синкретического объединения, комплексного общения) до мышления в понятиях [2]. Таким образом, онтогенез сознания предполагает наличие обобщённого социаль-

ного опыта для возможности его передачи через значение. По определению А.Н. Леонтьева, значение – это: «ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многогранности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как «обобщенного образа действия», нормы поведения и т.п.» [3, с. 242].

Как форму общественного сознания предлагает рассматривать историческое сознание М.А. Барг: «это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее» [4, с. 51]. Также историческое сознание связывают с идентичностью, которая возникает посредством восприятия и принятия прошлого, связывая его с настоящим и будущим. По мнению И.С. Кона: «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» [5, с. 16].

В другом представлении историческое сознание не является какой-то отдельной формой общественно-го сознания, поскольку последнее всегда так или иначе основано на историческом прошлом, содержит знания, восприятие, анализ прошлых событий. Как полагает О.Ф. Гаврилов: «Сознание является историческим в силу следующих особенностей: а) оно ретроспективно по содержанию, то есть знания и оценки, составляющие историческое сознание, обращены к прошлому; б) его формирование осуществляется в процессе взаимодействия субъекта с исторической реальностью, развивающейся во времени от прошлого через настоящее к будущему; в) историческое сознание является своего рода инструментом, с помощью которого устанавливаются связи между временными отрезками развивающейся действительности» [6, с. 40]. Данное утверждение может быть справедливо в отношении различных форм общественного сознания, например, экономического или политического, насколько это относится к сознанию конкретного человека? Личность в теоретико-мыслительной деятельности, часто, оперирует идеальными конструкциями, моделирующими мир, создающими субъективную картину, в которой не обязательно наличествует сознательное обращение к прошлому. Иногда это происходит в силу возраста, когда через механизм вытеснения из сознания прошлых событий, которые представляются негативными, или из-за простого отсутствия интереса, да и сам индивидуум на уровне обыденного сознания редко взаимодействует с «исторической реальностью», которая в современном мире зачастую симулятивна и на поверку «реальностью» не является. Общекультурное пространство, содержащее множество значений, символов, образов, прошлого воспринимается личностью лишь частично, искажённо, преломляясь через систему ценностей, мировоззрение, желание или не желание знать историю, современные установки общества потребления (жить сегодняшним днём), и др., что приобретает у каждого человека уникальный личный смысл, часто, никоим образом субъективно не связанный с историческим прошлым. В этом случае уместно вспомнить фразеологизм – «Иван, не помнящий родства», то есть не желающий иметь убеждения и традиции.

С другой стороны, объективно, жизнь человека «вписана в историю», ведь все рождаются в прошлом, получают имя, имеют место рождения, и невозможно отрицать хотя бы личностную историю, имеющую зафиксированные автобиографические факты.

Формирование исторического сознания личности

Если рассматривать сознание как способность психики, посредством механизма рефлексии, производить модели внешнего и внутреннего мира человека, то такое моделирование неизбежно должно происходить в контексте исторического. Рефлексия же предполагает отслеживание и понимание многогранных связей, в том числе объектов познания в прошлом и настоящем. По мнению С.Л. Рубинштейна, любой объект познания с присущими ему множественными характеристиками, может быть «вычерпан» исключительно в системном его взаимодействии с другими объектами [7, с. 440].

Исторический контекст представлен в явном и неявном виде. С рождения человека окружают тексты, выраженные в устной и письменной формах (сказки, предания, мифы, истории), коммуникативные ситуации, набор предметов из прошлого (фотографии, скульптуры, памятники), социальные установки, писанные и неписанные нормы (выработанные предыдущими поколениями), явные и фоновые исторические знания (от личной истории к истории социальной), то есть развитие сознания неразрывно связано с историческим контекстом, это в процессе взросления для человека происходит скорее в неявном виде, что, чаще называется просто воспитанием. По мнению М.А. Барга: «Из этого следует, что всякое знание есть в конечном счете знание историческое. Продуктом истории является и способ, посредством которого общественный индивид овладевает накопленным опытом, содержанием исторической памяти. С этой точки зрения исторический процесс – это процесс созидания человеком своей исторической, социальной природы. Мысленно воссоздавая прошлое, наследником которого он является, общественный индивид в действительности воспроизводит процесс собственного становления» [8, с. 10].

Отсюда можно представить два основных этапа формирования исторического сознания личности, включающих некоторое количество стадий на каждом из них.

Этап неосознанности. Неосознанное историческое сознание личности формируется из совокупности восприятия внешней реальности, что включает разделение «Я» и «другое», фиксацию в памяти образов, проживание чувств, без придания значения истокам и началу себя в повседневном мире. Нет абстрагирования и рефлексии прошлого, при наличии восприятия и запоминания прошлых событий, например, личностной истории. Так, ребёнок в пять лет легко узнаёт себя, ближайшее окружение на фотографиях и видео, может указать на место в прошлом, где происходили события. Те есть имеется фиксация образов прошлого, но нет осознания связи и влияния прошедшего на настоящее. Подобно этому, в более старшем возрасте могут быть получены знания об исторических событиях, но пока эти знания не связаны с опытом пространственно-временной рефлексии, они не имеют смысла с точки зрения социально-личностной идентичности индивида: «Ибо, прежде чем обрести способность различать добро и зло, он должен осознать себя как существо общественное; прежде чем сформулировать для себя нравственные предписания; он должен связать себя с историей, т.е. исторически себя идентифицировать» [9, с. 11].

Этот этап характеризуется высокой степенью манипулируемости и внушаемости, поскольку любая информация воспринимается как естественная и должная, исходящая, как правило, от ближайшего окружения.

Трудно точно указать возрастные рамки этого этапа, так как личностное развитие определяется множеством

индивидуальных характеристик и внешними социальными факторами.

Этап осознанности. Осознанное историческое сознание личности формируется через механизм рефлексии содержания своих представлений, убеждений, верований, установок, о прошлых событиях в контексте их связи с настоящим. Появляется некоторый конструкт социальной субъектности на основе представления о фактах прошлого и их значениях, что позволяет вырабатывать личную позицию в отношении исторического прошлого.

Такое разделение на два этапа имеет практический смысл при необходимости влияния не на сознание личности вообще, а именно историческое. Представляется, что при данной теоретической конструкции основы исторического сознания личности необходимо целенаправленно закладывать с раннего детства. В настоящем, большинство государственных программ, посвящённых так или иначе формированию исторического сознания общества направлены на людей с устоявшейся личной позицией в отношении исторического прошлого. Это тоже необходимо, но менее эффективно и требует больших затрат. Эффективнее создавать на «чистом листе», чем «стирать» видоизменять, вносить правки в уже написанное. В этой связи А.Р. Лурия полагал, что: «высшие специфически человеческие формы психической деятельности, такие, как произвольное внимание, активная память, отвлеченное мышление, по своему происхождению должны пониматься как социальные процессы, формирующиеся в условиях общения ребенка со взрослыми, в условиях усвоения общечеловеческого опыта. Они являются общественно-историческими по своему происхождению, опосредованными по своему строению и сознательными, произвольно-управляемыми по способу своего функционирования» [10, с. 60]

Функции и динамика исторического сознания личности

Историческое сознание личности не статично, оно меняется под влиянием различных факторов: получение новых знаний, пропаганды, обстоятельств социальной жизни, войн, и т.п. Это во многом определяется теми функциями, которые оно выполняет.

Важнейшей функцией исторического сознания личности является поиск и принятие своей идентичности. «...в определённые моменты времени человек сознательно фиксирует свою идентичность, осознавая, что он принадлежит, например, к определённой нации, религии, профессии. Чем моложе индивидуум, тем чаще меняется идентичность. С возрастом консервативность в идентификации нарастает, идентичность становится стабильной или менее подверженной изменениям» [11, с. 287]. Индивидуум, сознательно и обоснованно отождествляющий себя с историей страны, её героическим прошлым, может быть носителем исторической памяти. Устойчивость идентичности более свойственна старшему поколению, именно оно носитель «коммуникативной памяти» [12] по Я. Ассману.

Процесс идентификации неразрывно связан с социализацией личности, что можно представить следующей функцией исторического сознания, которая посредством транслируемых ценностей, общественных норм, правил, ритуалов формирует у человека представление о нормативном, должном, одобряемом мировосприятии и поведении в определённом социуме. В социально-психологическом аспекте историческое сознание индивидуума будет стремиться к отождествлению с конструкцией историко-социального позитива, поскольку: «На уровне личности самоидентификация с конструк-

цией историко-социального негатива невозможна в силу психологической природы человека, его стремления быть на стороне правды, справедливости, добра, что можно назвать позитивной идентичностью, сохраняющей историческое сознание от разрушения его целостности и деконструкции» [13, с. 286].

Познавательная функция исторического сознания личности определяется желанием и возможностью человека искать, получать и усваивать исторические знания. Само историческое сознание – это процесс и результат познавательной деятельности, которая имеет взаимную зависимость, чем больше и активнее индивид узнаёт исторических данных, анализирует их, обобщает, находит смысл событий прошлого, тем выше уровень исторического сознания (от обыденного к научному).

Функция межпоколенческой коммуникации. Историческое сознание выступает общим полем, которое связывает поколения на личностном и общественном уровне. В индивидуальном историческом сознании находят отражение социальный опыт, традиции, культурные нормы, мировоззрение предыдущих поколений.

Функция оценки настоящего и перспектив будущего. В данном случае историческое сознание личности является некоторым фильтром восприятия, через который события сегодняшнего дня рассматриваются в контексте исторического прошлого, что помогает глубже понимать смысл настоящего и видеть перспективы будущего.

Рефлексивная функция позволяет индивидууму измерять, сопоставлять, себя и общество настоящего с людьми и социумом прошлого. Выдающиеся личности истории дают не только пример для подражания, но и возможность человеку настоящего времени воспринимать свои личностные качества, поступки, оценки в сравнении с жизнедеятельностью великих полководцев, учёных, политиков, мыслителей прошлого.

Творческая функция является своего рода генератором идей, поскольку, часто, новое – это просто хорошо забытое старое. В историческом прошлом личность может конкретно для себя находить вдохновляющие истины, по-новому видеть настоящие проблемы и учиться их решать на основе накопленных знаний прошлыми поколениями.

Ценностно-воспитательная функция заключается в узнавании и принятии личностью определённых ценностей прошлого, которые влияют на социальные отношения в настоящем, формируют в индивидуальном историческом сознании ориентиры и модели желательного и одобряемого поведения в историческом прошлом, что может служить для выбора ценностной ориентации в настоящем.

Мировоззренческая функция. Историческое сознание личности, основанное на знании и понимании исторического процесса, значительно влияет и формирует общее отношение человека к настоящей действительности, своему месту в ней.

Таким образом, историческое сознание личности, является динамичным и подверженным изменениям преимущественно в молодом возрасте. Как и многие другие личностные характеристики, оно выполняет ряд важнейших функций в обществе. Позволяет людям ориентироваться в прошлом, понимать причины и последствия исторических событий, а также вырабатывать ценности и нормы поведения на основе опыта предыдущих поколений.

Выводы

История общества становится историей индивидуума, если он в своём историческом сознании имеет иденти-

фикацию, основанную на признанных в социуме исторических ценностях, знаниях, анализе причин и смысла прошлых событий, чувственном и образом понимания героического опыта предыдущих поколений.

Историческое сознание личности формируется в процессе социализации, хотя усвоение общественного исторического опыта человеком в каждом случае уникально, определяется множеством как внешних, так и внутренних факторов.

Для решения практических вопросов развития, влияния, на историческое сознание индивида необходимо разделять два основных этапа его формирования. На первом этапе появляется неосознанное историческое сознание, именно в ходе этого процесса происходит формирование основных образов, чувств, отношения к историческим событиям, что самим человеком практически не осознаётся. Второй этап характеризуется появлением осознания личностью своего исторического сознания через механизм рефлексии. Индивидуум создаёт личный конструкт социальной субъектности, понимая и анализируя собственные представления об историческом прошлом, их смысле и значении для настоящего. Поэтому при всей обусловленности формирования исторического сознания личности общественно-историческими факторами, индивидуальное историческое сознание остаётся уникальным у каждого конкретного человека.

Выполняя определённые функции, историческое сознание личности подвержено постоянному влиянию и изменению. Чем труднее обстоятельства настоящего, тем чаще человек обращается к прошлому, находя в нём ответы на важнейшие вопросы современности. Через различные формы социокультурной рефлексии индивидуум постигает богатейшее историческое наследие, осознаёт свою принадлежность к определённой, нации, культуре, религии, отождествляет себя с историческим прошлым страны, ищет и обретает идентичность. Другие функции исторического сознания личности находятся во взаимной связи и дополняют друг друга. Например, социализация, познания прошлого в его связи с настоящим, получения опыта посредством межпоколенческой коммуникации, рефлексии, творчества и др.

Историческое сознание личности направлено не только в прошлое, оно позволяет человеку принимать взвешенные и обоснованные решения в настоящем, внимательно исследовать и учитывать не только достижения и героические победы минувших дней, но видеть упущенные возможности, чтобы не допускать ошибок в будущем.

Литература

1. Уледов А.К. Структура общественного сознания. М., 1968. С. 21.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л., 1934.
3. Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв. М., 1983. С. 242.
4. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – с. 49–66.
5. Кон И.С. Проблемы истории в истории философии. //Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1986. Вып 4. – с. 14–55.
6. Гаврилов, О.Ф. Историческое сознание и его социальные функции / Методологический анализ: дис... канд. Филос. Наук. Томск, 1986.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. С. 440.
8. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 10.

9. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 11.
10. Лурия А.Р. Психология как историческая наука (К вопросу об исторической природе психических процессов) // История и психология: Сборник трудов / Под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 36–63.
11. Пичугин, В.Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1–1. – С. 287
12. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 363 с.
13. Пичугин, В.Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1–1. – С. 286

IDENTIFICATION OF ONTOLOGICAL COMPONENTS OF PERSONAL HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines the theoretical issues of historical consciousness of the individual. The relevance of the research topic is determined by the importance and necessity of identifying the essential characteristics of personal historical consciousness, the factors determining its formation and development. The main purpose of the study is to identify the social and personal determinants of the formation of historical consciousness of a person, its main functions. According to the result of the study, the stages of the formation of historical consciousness of a personality, their significance for understanding the problem of identity and self-perception of a person in modern society are presented. The functions of the historical consciousness of the individual, their significance for the individual and society are revealed. Conclusions about the orientation and dynamics of historical consciousness of a person may be of interest for further research of factors of social influence on the consciousness of an individual, building a model of individual historical consciousness of an individual, taking into account current socio-political problems of the present time.

Keywords: history, personality, development, historical consciousness, society, society, consciousness.

References

1. Uledov A.K. The structure of social consciousness. M., 1968. P. 21.
2. Vygotsky L.S. Thinking and speech. M.; L., 1934.
3. Leontyev A.N. Izbr. psychol. prod. M., 1983. P. 242.
4. Barg M.A. Historical consciousness as a problem of historiography // Questions of history. – 1982. – p. 49–66.
5. Kon I.S. Problems of history in the history of philosophy. //Methodological and historiographical issues of historical science. – Tomsk, 1986. Issue 4. – p. 14–55.
6. Gavrilov, O.F. Historical consciousness and its social functions / Methodological analysis: dissertation... cand. Philosophy Sci. Tomsk, 1986.
7. Rubinshtein S.L. Fundamentals of general psychology: in 2 volumes. T. 1. – M., 1989. P. 440.
8. Barg M.A. Epochs and ideas: the formation of historicism. M.: Mysl, 1987. P. 10.
9. Barg M.A. Epochs and ideas: the formation of historicism. M.: Mysl, 1987. P. 11.
10. Luria A.R. Psychology as a historical science (On the question of the historical nature of mental processes) // History and psychology: Collection of works / Ed. B.F. Porshneva, L.I. Antsyferova. M.: Nauka, 1971. pp. 36–63.
11. Pichugin, V.G. The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society. //

- Context and reflection: philosophy about the world and man. – 2023. – Т. 12, No. 1–1. – P. 287
12. Assman Ya. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. – M.: Yaz. Slavs culture, 2004. – 363 p.
13. Pichugin, V.G. The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society. // Context and reflection: philosophy about the world and man. – 2023. – Т. 12, No. 1–1. – P. 286

Ценностные детерминанты самосохранительного поведения в российском обществе

Химич Марина Николаевна,

старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Ростовский государственный университет путей сообщения

E-mail: marina_chimich@mail.com

В данной статье актуализируется необходимость социально-философской рефлексии проблемы самосохранительного поведения личности в условиях современной цифровой эпохи, изменившей саму социальность. Социально-философская постановка проблемы и ее решение определяет значимость ценностного аспекта самосохранительного поведения, поскольку именно отношение человека и общества к здоровью, к здоровому образу жизни и к самой жизни как ценности задает вектор поведенческих стратегий в области самосохранения. Ценностные приоритеты личности, в том числе и относительно здоровья, формируются в обществе. В условиях экспансии потребительской идеологии и цифровизации социальности распространение получает культура нездоровья и, как следствие, динамика саморазрушительного поведения, особенно в молодежной среде, что не может не внушать опасения относительно будущего общества.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, здоровье, здоровый образ жизни, ценность жизни, цифровое общество, молодежь, личность.

Введение

Вопросы здоровья личности, общества всегда были в фокусе научно-исследовательского внимания и социально-философского осмысления, ведь, человеческие ресурсы – основные в системе жизнеобеспечения социума и его перспектив на полноценное и эффективное воспроизводство. Сама идея существования и жизнедеятельности человека и общества связана со здоровьем как важнейшей ценностью. Если мы обратимся к многочисленным данным опросов общественного мнения, то заметим, что ценность здоровья всегда занимала и занимает лидирующие позиции в структуре ценностей общества.

Так, опрос ВЦИОМ (ноябрь 2022 г.) показал, что ценность здоровья продолжает оставаться самой значимой для жителей нашего государства: для 58% опрошенных россиян эта ценность оказалась на первом месте, а такая ценность, как создание счастливой семьи заняла вторую строчку в иерархии базовых ценностей жителей нашей страны (56%) [7]. При этом здоровыми считают себя далеко не многие в нашей стране: данные опроса ВЦИОМ (2020 г.) показывают, что всего лишь 39% жителей РФ положительно оценивают уровень своего здоровья, а 51% опрошенных дают ему удовлетворительную оценку [4].

Следует различать отношение к здоровью как ценностной ориентации личности и поведение, ориентированное на сохранение здоровья, на поддержания здорового образа жизни. Данные о реальной ситуации в области здоровья российского населения в соотнесенности с ценностным отношением к нему совершенно очевидно наводят на мысль о значительном расхождении между ценностным и поведенческим элементами культуры здоровья в современном российском обществе.

Естественно, в такой ситуации требуется осмысление вопросов, связанных с анализом поведения личности, общества в области здоровья. И эти вопросы изучаются по-разному учеными. Одни пишут о здоровьесбережении, причем часто в контексте образовательной среды [2], другие – о культуре здоровья как основополагающей в формировании здоровья [3], о здоровом образе жизни [5].

Практически во всех работах, независимо от того, каким образом исследователи подходят к изучению проблемы здоровья, не обходится стороной вопрос о ценностной составляющей поведения индивидов и общества в отношении здоровья. И в данной статье мы решили сосредоточиться на этом важнейшем, ценностном аспекте самосохранительного поведения, которое само по себе впервые попало в фокус исследовательского внимания и обрело концептуальное оформление в работах социо-демографического направления. В его рамках традиционным и общепринятым стало понимать под самосохранительным поведением «установку на продление срока жизни в пределах полного жизненного цикла и систему действий, направленных на сохранение здоровья в течение этого срока» [1, с. 4].

Этим определением концепт «самосохранительное поведение» не ограничивается, и многие исследователи посвятили свои труды этому явлению, обращаясь, пре-

жде всего, к молодежи как основному субъекту самоохранных практик, но, в целом, все дефиниции в той или иной степени акцентируют внимание на деятельностной составляющей человека в области сохранения здоровья, продления жизни как в физиологическом, так социальном формате. Иными словами, самосохранительное поведение в самом общем понимании есть поведение в сфере здоровья.

Вместе с тем, именно ценностные и мировоззренческие установки в отношении самоохранных практик, а также субъективное восприятие себя как личности, что составляет духовный мир и ценностное пространство личности, определяют отношение личности к здоровью. Ценностные приоритеты личности, в том числе и относительно здоровья, формируются в обществе. Если в нем доминирует культура нездоровья, то и поведение молодежи, от которой зависит жизнь общества, его будущее, будет в большей степени соотноситься с саморазрушительным поведением, симптомы которого уже давно наблюдаются в молодежной среде не только российского общества, но и всего современного цифрового мира.

Самосохранительное поведение в аксиологическом контексте

Самосохранительное поведение предполагает особую роль отношения человека к здоровью, ценность того, что связано со здоровьем. Именно ценностное содержание здоровья формирует отношение человека к своей жизни, к своему мироощущению, к формам и стратегиям достижения жизненных планов и целей. Иными словами, отношение человека к здоровью структурирует и систему его ценностных установок и ориентаций, жизненных целей. Все зависит от того, что значит для человека здоровье, какой смысл вкладывается в это понятие, какой статус придается здоровью в системе жизненных координат.

А что именно включает в себя ценность здоровья? Какие ценности настолько связаны со здоровьем и поведением, направленным на его сохранение, что попадают в спектр внимания исследователей, для которых именно аксиологический ракурс исследования данной проблематики представляется наиболее значимым?

Хотелось бы обратиться к мнению А.В. Исаева, который подчеркнул значимость аксиологической составляющей в поддержке здоровья. В частности, им рассматривается концепт «здоровый образ жизни» сквозь призму «экзистенциального вакуума». В итоге им делается вывод о том, что экзистенциальный кризис личности в современную эпоху потребления и доминирования материальных ценностей не способствует реализации программы здоровьесбережения, поскольку у человека не формируется система мотивации для сохранения здоровья [5]. Потребительская идеология, стремительно распространившаяся в современном обществе, сопровождается ухудшением социального самочувствия и здоровья человека, а причиной всему является утрата смысла жизни.

А что есть жизнь как ценность в условиях общества потребления? Изначально, если мы говорим о здоровье, о его сохранении и поддержке, речь идет о жизни. Ценность жизни также выступала предметом исследования ученых. И, с учетом современных реалий, они также обращались к этому вопросу с позиций глобальных изменений, которые часто связываются с потребительской идеологией и потребительством как распространенным стилем жизни современного общества. Так, А.М. Коваленко, изучая ценность жизни в молодежной среде в условиях экспансии потребительской идеологии, анализирует цели-принципы и смыслы жизни молодежи,

в результате чего приходит к выводу о том, что ориентация на духовное воспроизводство в процессе жизненной самореализации, на созидание значительно уступает стратегии потребления, которая стала доминантной в жизненных планах молодых россиян [6].

Однако указанная стратегия сформировалась не сама по себе. Она стала следствием парадигмального перехода современного человечества к обществу потребления, в котором демонстрация потребления стала маркером жизненного успеха. Сама жизнь перестала быть смыслообразующей ценностью. Ее заменили конструируемые в зависимости от повестки дня, моды образы успешной жизни, успешного человека, готового экспериментировать со своей жизнью, со своим здоровьем ради достижения того, что на данный момент символизирует социальный и личный успех. Нездоровое отношение к жизни в сочетании с показателями снижения физического здоровья свидетельствует о глубинном экзистенциальном кризисе современного общества, в том числе и российского, включенного в глобальные процессы социокультурной динамики.

Ценностное содержание самоохранных практик выражается в отношении человека, общества к здоровью, к жизни, которое, в свою очередь, детерминирует характер и успешность жизнедеятельности. Иными словами, основанием успешной жизнедеятельности человека выступает его отношение к здоровью как ценности. Поскольку здоровье самым непосредственным образом связано с жизнью человека, ценностной детерминантой самоохранных практик поведения не может не выступать ценность жизни. Эта ценность, несмотря на очевидную ее значимость для бытия человека и общества, имеет различное измерение с точки зрения отношения к жизни в различных культурах и эпохах. Много зависит от общественной идеологии, от соотношения светского и религиозного в социокультурном пространстве социума, уровня его религиозности и духовности, а также от рода деятельности. К примеру, военное сословие, духовное (церковное) и т.д. У воинов всегда был свой кодекс правил, определявших, в том числе, достойное завершение жизни, которую они посвящали служению (своему народу, государству и т.д.).

В современную эпоху в большей степени имеет смысл говорить о роде профессиональной деятельности, который формирует определенное отношение к жизни. Так, можно привести пример с опасными профессиями (военнослужащего, полицейского, пожарника, шахтера и др.), представители которых ходят по краю жизни, прекрасно понимая, что каждый день может стать последним. Их ценностное отношение к жизни, безусловно, будет отличаться от отношения представителей безопасных профессий, и, конечно же, более детальный анализ ценностных детерминант самоохранных практик поведения человека в современном обществе нуждается в учете различного рода факторов (социально-демографических, этнокультурных, идеологических и т.д.), а также методов различных отраслей научного знания (психологии, социологии, культурологии, политологии и т.д.). На уровне социально-философской рефлексии для нас важно выявить эти ценностные детерминанты и обнаружить некие универсальные признаки и характеристики, определяющие ценностное отношение современного человека и общества к здоровью, к жизни как первостепенное условие и основание самоохранных практик поведения. Такой подход предполагает анализ самой современной социальности, ее природы и специфики в эпоху цифровых технологий.

Переход к цифровому обществу ознаменовал социальную революцию в общественном развитии. Циф-

ровизация не просто привела к изменению бытия современного человека и общества. Она изменила саму природу человека, который, став создателем цифровых технологий, теперь сам подвергается оцифровке и включению в цифровое пространство в качестве системного элемента его функционирования, а, следовательно, зависимого от этой цифровой системы. Виртуальное пространство, порожденное глобальной сетью Интернет, уже настолько же реальное, как и несетевое пространство жизнедеятельности человека. И, более того, без него уже не мыслится жизнедеятельность человека в реальном пространстве взаимодействия и жизнедеятельности.

Иными словами, сама социальность цифровизируется, сама природа человека и человеческого утрачивает связи с миром природы как противоположность миру техники, «цифре». Стремившийся к свободе человек, рискующий жизнью ради освобождения от человеческого по своей природе гнета, попал, пожалуй, в самую страшную в истории человечества зависимость – информационную, цифровую. Большую часть времени современная молодежь проводит в сетевом/цифровом пространстве. Быть актуальным, соответствовать духу времени, не отстать от него – значит быть информированным, стремительно отслеживать происходящее в мире, быть «на связи». Исследования показывают, что уже сама молодежь осознает степень своей зависимости от цифровых технологий, от Интернета, а также необходимость этой зависимости. Так, опрос ВЦИОМ 2023 года показал, что порядка 35% населения нашей страны проводит более четырех часов в день в сети Интернет, и доля молодежи среди них самая большая, но при этом именно молодежь в два раза чаще, чем опрошенное старшее поколение, испытывает положительные эмоции в ситуации, когда удается вырваться из глобальной сети [8]. Тотально погруженное в интернет-пространство молодое поколение устает от него, и испытывает удовольствие от цифрового воздержания, но при этом убеждена, что в сети надо быть всегда.

Итак, современный мир можно назвать информационно-цифровой цивилизацией, в которой совершенно иными стали механизмы социализации, включения в социальность, формирования субъектности, обретения своего Я. Этот мир несет в себе как преимущества, так и недостатки, связанные в том числе с риском для здоровья, так как формируемая в цифровом мире среда слабо коррелирует с принципами здоровьесбережения. Масштабное погружение в экранный, компьютерный, цифровой мир коммуникаций нарушает необходимый для здоровья молодой личности режим двигательной активности, отдаляет его от природы, которая очень важна для духовного и физического развития личности.

В данных обстоятельствах вопрос о самосохранительном поведении молодежи приобретает высокую актуальность и направляет исследовательский поиск в сторону выявления путей и способов гармоничного и здорового развития личности в цифровую эпоху.

Очень много зависит от самой личности, ее саморегуляции в процессе самосохранительного поведения с целью обеспечения оптимального уровня здоровья. Этот механизм саморегуляции базируется на ценностных установках и ориентациях, формирующих готовность к определенным моделям поведения, связанных с поддержанием и улучшением здоровья. По сути, в эпоху цифровых технологий и технического прогресса, опережающего социокультурный, сущность самосохранительного поведения заключается, прежде всего, в сохранении общечеловеческих и духовных ценностей, в сохранении человеческой природы в человеке, его субъек-

тности и самостоятельности в обществе тотального цифрового контроля и информационной зависимости, мощного воздействия СМИ на массовое сознание и поведение и стремительной дегуманизации технократической социальной сферы.

Заключение

В современном мире множество рисков и угроз здоровью. К ним как следствие цифровизации социального мира добавились глобальные информационные риски. Их проявление связано с формированием тотальной зависимости личности от информационной среды, цифровых технологий и коммуникаций, а также с их манипулятивным воздействием, негативно сказывающимся на выборе форм и моделей поведения, ориентированных на достижение жизненного успеха. В этом цифровом мире происходит значительная ценностная трансформация и эволюция самого концепта «самосохранительное поведение». Самосохраниться как человек, духовная личность, субъектная личность, физически здоровая личность становится все сложнее.

В новых реалиях глобального цифрового мира фиксируется разнообразие моделей поведения, связанных с индивидуальными жизненными стратегиями и диктуемыми динамичным миром цифровых технологий правилами и принципами выживания, достижения социального успеха. Ключевые для самосохранения ценности жизни и здоровья подчиняются логике и законам современного цифрового мира. Цифровизация, при всех ее плюсах для общественного прогресса, оказывает травмирующее для сознания личности, прежде всего молодой, влияние, вырывая ее из формата традиционных социальных связей, отношений и ценностей.

В результате происходит искажение смысловых ценностей, таких как здоровье, счастье, духовность и сама жизнь, получает распространение практика саморазрушительного поведения, особенно в молодежной среде. Этими обстоятельствами определяется перспектива глубокого социально-философского анализа самосохранительного поведения личности в современную, динамично меняющуюся цифровую эпоху.

Литература

1. Александрова О.А., Аликуперова Н.В., Махрова О.Н. Самосохранительное поведение населения: проблемы и решения: Экспертный обзор. – М.: Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2023. – 45 с.
2. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы исследования здоровьесбережения в образовательной среде вуза: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, № 1. С. 1–12. DOI 10.30853/ped20220221.
3. Галкин К.А. Концепт культуры здоровья: концептуализация понятия и перспективы социологического и антропологического осмысления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75), № 3. С. 13–26.
4. Здоровье – высшая ценность. ВЦИОМ. 09 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vyssshaya-czennost> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Исаев А.В. Экзистенциальный вакуум и здоровый образ жизни // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1.

C. 249–259. DOI 10.24412/2071–6141–2023–1–249–259.

6. Коваленко А.М. Ценность жизни в молодежной среде российского общества // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 6. № 6. С. 232–241. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.6.20>.
7. Традиционные ценности, современные цели. ВЦИОМ. 30 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=lt7opl8uwy546675126> (дата обращения: 10.02.2024).
8. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. ВЦИОМ. 13 июня 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 20.01.2024).

VALUE DETERMINANTS OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN RUSSIAN SOCIETY

Himich M.N.

Rostov State University of Railway Engineering

This article actualizes the need for socio-philosophical reflection on the problem of self-preservation behavior of a person in the conditions of the modern digital era, which has changed sociality itself. The socio-philosophical formulation of the problem and its solution determines the importance of the value aspect of self-preservation behavior, since it is the attitude of a person and society to health, to a healthy lifestyle and to life itself as a value that sets the vector of behavioral strategies in the field of self-preservation. Personal value priorities, including those regarding health, are formed in society. In the context of the expansion of consumer ideology and the digitalization of sociality, the culture of unhealthiness and, as a result, the dynamics of self-destructive behavior, especially among young people, are spreading, which cannot but inspire fears about the future of society.

Keywords: self-preservation behavior, health, healthy lifestyle, value of life, digital society, youth, personality.

References

1. Aleksandrova O.A., Alikperova N.V., Makhrova O.N. Self-preservation behavior of the population: problems and solutions: Expert review. – М.: Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health, 2023. – 45 p.
2. Bermus A.G. Problems and prospects for health conservation research in the educational environment of a university: theoretical review // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2023. Т. 8, No. 1. P. 1–12. DOI 10.30853/ped20220221.
3. Galkin K.A. The concept of health culture: conceptualization of the concept and prospects for sociological and anthropological understanding // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2023. Т. 9 (75), No. 3. P. 13–26.
4. Health is the highest value. VTsIOM. June 09, 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vyshshaya-czennost> (access date: 02/10/2024).
5. Isaev A.V. Existential vacuum and healthy lifestyle // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2023. No. 1. pp. 249–259. DOI 10.24412/2071–6141–2023–1–249–259.
6. Kovalenko A.M. The value of life in the youth environment of Russian society // Humanitarian of the South of Russia. 2017. Vol. 6. No. 6. pp. 232–241. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.6.20>.
7. Traditional values, modern goals. VTsIOM. November 30, 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=lt7opl8uwy546675126> (date of access: 02/10/2024).
8. Digital detox – 2023: about using the Internet and taking a break from it. VTsIOM. June 13, 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (date of access: 01/20/2024).

Факторы гуманитаризации технического образования в условиях трансформации форм и средств обучения: социально-философский анализ

Яковко Татьяна Владимировна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Ордена Знак почета, Академия Государственной
противопожарной службы МЧС России
E-mail: tatyana.yakovko@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности гуманитаризации технического образования как современной тенденции развития технического образования России. Отмечается естественность этого процесса в современном информационном обществе. Среди целей гуманитаризации выявлены преодоление технократического мышления и адаптация современной системы технического образования к требованиям социума. К механизмам гуманитаризации технического образования отнесены гуманитарные дисциплины в структуре учебных планов, гуманитарная среда вуза, междисциплинарный характер учебных курсов, гуманитаризация содержания и преподавания технических дисциплин. Гуманитаризация содержания заключается в актуализации уже имеющихся в содержании технических дисциплин гуманитарных элементов и введении новых. Гуманитаризация преподавания связана с переходом на инновационные, интерактивные технологии, методы, формы и средства обучения. Отмечается, что в процессе гуманитаризации технического образования огромная роль отводится преподавателям технических дисциплин, которым предстоит во многом поменять свои взгляды на сущность технических дисциплин и в какой-то степени самим пройти гуманитаризацию.

Ключевые слова: гуманитаризация, общекультурные компоненты, развитие личности, техническое образование, технократизм

Активное развитие науки и техники в последние два столетия привело к тому, что в обществе постепенно распространились технократические идеи – мысль о большей важности технических наук для развития современного человечества и о меньшей важности гуманитарных. В сфере образования это выразилось в трансформации самих целей образовательного процесса: стало более важно вооружение обучающихся разнообразными предметными знаниями в ущерб их общему культурному развитию и усвоению ими общечеловеческой компоненты содержания образования.

В противовес данной тенденции одним из трендов современного российского образования, определяющих его развитие в течение последних десятилетий, выступает гуманитаризация. В российской педагогической энциклопедии гуманитаризация образования определяется как «система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и таким образом на формирование личностной зрелости обучаемых» [11]. Предполагается, что обучение чему бы то ни было, получение любой специальности и профессии не будут успешными, если не развивать общую культуру студентов, не оказывать влияние на их личность. Современные исследователи считают гуманитаризацию важнейшим условием модернизации высшего технического образования [10, с. 15], фактором преодоления технократического мышления [4, с. 9], условием формирования аксиопространства современного технического образования [9, с. 106], способом «формирования культурной, творческой, социально-ответственной личности» [12, с. 18]. При этом анализ гуманитаризации технического образования обычно проводится в теоретической, умозрительной сфере, ему недостаёт практической составляющей, конкретики.

Цель данного исследования – определить цели и механизмы гуманитаризации применительно к развитию системы российского технического образования на современном этапе его существования. Для реализации цели были поставлены задачи: рассмотреть особенности гуманитаризации; выявить цели гуманитаризации технического образования; проанализировать механизмы, посредством которых она осуществляется.

Исследование проводилось с помощью таких общенаучных методов, как описательный, метод наблюдения, анализа и синтеза. Применялись элементы методов историко-философского, культурно-исторического анализа и интерпретирующего синтеза. Исследование строилось на основе ценностного, междисциплинарного и системного подходов.

Прежде всего необходимо коснуться вопроса о том, каковы цели гуманитаризации технического образования, зачем оно нужно. Достаточно точной представляется нам характеристика Т.Н. Васягиной и Н.В. Осиповой, согласно которой гуманитаризация технического образования способствует «преодолению технократического мышления» [4, с. 9]. Человек, обладающий технократическим мышлением, главным считает смысл, содержание, рациональность, логику, а не общечеловеческие интересы и ценности. Если в обществе превалирует технократическое мышление, то техника ставится вы-

ше, важнее человека, его мыслей, намерений, устремлений, чувств и переживаний. Технократическое мышление сформировалось в условиях технического прогресса, когда в течение десятилетий мы наблюдали, как техника, действительно, улучшает жизнь человека и общества, становится незаменимым компонентом функционирования самых разнообразных производственных и общественных сфер, способствует развитию и процветанию государств.

Оказалось совершенно естественным, что власть должна концентрироваться в руках людей, воплощающих технический прогресс и способствующих ему, а гуманитарные основы общественной жизни отходят на второй план. Во второй половине XX в. в условиях технократического мышления было сформировано индустриальное общество с высоким уровнем механизации и автоматизации труда, развитием рынка товаров и услуг, активной урбанизацией. По сути, была осуществлена победа прагматизма, в результате которой именно полезность, выгода (чаще всего ежесекундная, наглядная) становились критериями любой деятельности. Тем не менее, на рубеже XX–XXI вв. индустриальное общество начало заменяться информационным, в котором ключевую роль играет информация, всё большее количество людей оказывается задействованным в сфере создания, обработки, хранения, передачи информации, в коммуникативной сфере. Естественно, мощным толчком к формированию информационного общества стало появление компьютеров, интернета, искусственного интеллекта.

Многие исторические события последних десятилетий и современное состояние общества показали неполноценность технократизма и индустриального общества, их неспособность справиться со многими социальными угрозами и постоянное провоцирование появления новых угроз, вплоть до возникновения «постчеловеческой цивилизации» [1, с. 62]. Развитие технологий негативно повлияло на экологию, привело к повышению жестокости и кровопролитности войн и вооружённых конфликтов, потенциально может привести к ядерной войне, способствовало появлению киберпреступности и кибертерроризма, ущемляет интересы граждан, нарушает их естественные права на личную жизнь, личную неприкосновенность и т.п. Удобства, которые дают людям технологии, сочетаются с лишением их привычной среды обитания, повышением уровня тревожности, не приносят успокоения, безопасности и счастья. В этих условиях и в противовес названным угрозам происходит «гуманизация эпохи» [14, с. 1], которая невозможна без гуманитаризации образования. Для общества, для людей, им управляющих, стало несомненным, что необходима гуманитаризация различных общественных сфер, способная привести к ослаблению технократизма и преодолению технократического мышления. Технократизм реализует однонаправленный, одномерный, однобокий и потому ущербный взгляд на общество, а гуманизация даёт возможность многоаспектного, многогранного понимания путей развития человека и человечества. Урегулировать противоречия между техникой и человеком как различными целями развития общества оказывается способной культура.

Кроме того, целью гуманитаризации технического образования, по нашему мнению, является адаптация современной системы технического образования к требованиям социума, которому необходимы не просто специалисты высокого уровня, а развитые личности, способные осуществлять техническую деятельность в условиях информационного общества. Специалисты, помимо того, должны быть готовы к переменам в обще-

ственном пространстве, а значит, должны обладать мобильностью, уметь работать с информацией, анализировать ситуацию, взаимодействовать с людьми, принимать решения и т.п.

Гуманитаризация не может не касаться образования, поскольку от установок, полученных в период обучения, во многом зависит дальнейшая деятельность, в том числе профессиональная, активных членов общества. Применительно к техническому образованию гуманитаризация представляет собой «развитие общей культуры будущих инженеров, формирование у них профессионального мировоззрения, метапредметных (универсальных) учебных знаний, умений и навыков, развитие у каждого обучающегося профессионально-личностной готовности к творчески-преобразующей деятельности» [6, с. 220]. Внимание к гуманитарным знаниям, направленность образования на формирование универсальных компетенций, развитие мышления, культуры и личности обучающихся являются условиями фундаментальности образования, которая позволит студентам «свободно ориентироваться в мире, где им предстоит профессионально совершенствоваться в течение всей жизни» [8, с. 268].

Методологически гуманитаризация современного российского образования выражается в установке во всех современных федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) универсальных (ранее – общекультурных, общих) компетенций обучающихся и того важного места, которое они там занимают. Данные компетенции очерчивают надпрофессиональные навыки, которыми должен обладать специалист в той или иной сфере, профессии, в том числе способности к системному и критическому мышлению, разработке и реализации проектов, работе в команде и осуществлению лидерской функции, навыки самоорганизации, коммуникации и межкультурного взаимодействия, умение безопасно организовывать свою профессиональную деятельность. Конкретность указанных во ФГОС требований стимулирует образовательные организации к такой системе работы, при которой гуманитаризация является не приходящим, а постоянным условием образовательной деятельности. В результате гуманитаризация технического образования в настоящий момент является реально действующей особенностью современного российского образовательного процесса. Рассмотрим механизмы, посредством которых она осуществляется.

Во-первых, учебный план подготовки по любой технической специальности (направлению, профессии) включает гуманитарные дисциплины, которые, прежде всего, и нацелены на реализацию универсальных компетенций, заложенных во ФГОС.

Конечно, важно не только наличие таких дисциплин, как история, философия, социология, политология, основы российской государственности, культура речи, иностранный язык, психология, педагогика и др. в учебных планах, но и принципы, уровень их преподавания. Педагоги-практики отмечают, что нередко к содержанию гуманитарных предметов предъявляются утилитарные требования, согласно которым они просто должны обслуживать потребности технических дисциплин, являющихся, естественно, основными [9, с. 107]. Гуманитарные дисциплины, между тем, обладают самоценностью, действуют как инструменты личностного развития студентов и создают условия для их «дальнейшего интегрирования в профессиональную среду» [13, с. 257].

Во-вторых, в каждом учебном заведении формируется гуманитарная среда, которая представляет собой «пространство, отражающее образовательные, личностные, ментальные и общемировые процессы (построение

общества и экономики знаний)» [2, с. 56]. Её компонентами в современном вузе являются «институт наставничества и кураторства, студенческие научные, общественные, творческие объединения» [15, с. 76], а также учебная, досуговая, спортивная сфера вуза и многое другое. Студент должен понимать (и он, кстати, прекрасно понимает), что пришёл в вуз не только учиться: за время учёбы он в условиях гуманитарной среды вуза улучшит свои коммуникативные и социальные навыки, научится взаимодействовать с разными людьми в различных условиях, проявлять свою индивидуальность, не ущемляя индивидуальности других, осознавать и реализовывать свои потребности. В процессе обучения студент должен включиться в решение прикладной задачи «управления собственной учебной активностью» [2, с. 56] и фундаментальной задачи «раскрытия смысла бытия человека в мире через понимание характера и способов его взаимодействия с миром» [5, с. 73], гарантом чего должна стать правильно организованная, самостоятельно и полноценно функционирующая гуманитарная среда образовательной организации.

В-третьих, гуманитаризации способствует междисциплинарный характер многих учебных дисциплин, глубокие и разнообразные межпредметные связи между ними, определяемые как требованиями ФГОС, так и самим содержанием образования. И этот механизм в значительной степени зависит от конкретных педагогов-предметников, научно-педагогических работников, которые ведут обучение на местах. Сегодня всё больше говорят о возможности получать в результате обучения метапредметные результаты, объединяющие знания по различным предметам с помощью процессов сравнения, наблюдения, схематизации, моделирования и др. Это возможно на базе междисциплинарности, которая выступает как «важнейший фактор модернизации технического образования» [7, с. 124]. Междисциплинарный характер имеют формируемые у обучающихся компетенции, причём и универсальные, и профессиональные. В результате междисциплинарного подхода предметные знания перестают быть разобщёнными, фрагментарными, связываются в единую систему, акцентируется общечеловеческий компонент содержания дисциплин. В современных условиях наиболее востребованным уровнем междисциплинарности является соотношение технических дисциплин с гуманитарными в процессе совместного формирования у обучающихся универсальных и профессиональных компетенций.

Мы хотим сформулировать и обосновать ещё один важный, по нашему мнению, механизм гуманитаризации технического образования. Сформулируем его следующим образом: гуманитаризация содержания и преподавания технических дисциплин. Здесь явно видно две составляющие, которые можно обозначить формулами «Что преподавать» и «Как преподавать», причём и в том, и в другом случае речь идёт о «включении в процесс обучения явных и неявных ценностных установок» [9, с. 106].

Гуманизация содержания технических дисциплин, что интересно, даже не требует изменения их содержания. Дело в том, что в содержании любой технической дисциплины уже присутствуют общекультурные, ценностные компоненты, значимые для развития личности. Каждый преподаватель их видит: они касаются истории той или иной технической науки, специфики её развития с течением времени, связи данного развития с изменениями в обществе, назначением разрабатываемых технических устройств, сферами их применения и т.п. Необходимо не игнорировать данные компоненты содержания, а, наоборот, усиливать их посредством раз-

нообразных межпредметных связей, обращать на них внимание обучающихся, отрабатывать с помощью семинарских занятий, рефератов, докладов на научно-практических конференциях, учебных и учебно-научных проектов и других видов учебной деятельности. До студентов важно донести мысли: ни одна наука не развивается вне общества; технические науки существуют для общества, призваны сделать его жизнь лучше, зависят от общественных процессов, не должны вредить людям; техника должна служить человеку, делая его лучше или, по крайней мере, не делая хуже, а не человек – технике. Гуманитаризация содержания технических дисциплин должна быть системной, проводиться не от случая к случаю, а постоянно, регулярно. Справедливости ради заметим, что некоторое усиление содержанию технического образования за счёт гуманитарного компонента всё же не повредило бы, однако в первую очередь всё зависит от преподавателя, читающего курс, уровня его гуманитарной подготовки и его нацеленности на гуманитаризацию содержания.

Гуманитаризация преподавания технических дисциплин связана с теми технологиями, методами, формами и средствами обучения, которые используются педагогом в процессе преподавания. Конечно, предпочтение следует отдавать стимулирующим исследовательский интерес студентов интерактивным методам обучения, в ходе применения которых педагог становится не единственным знатоком истины, а единомышленником в совместном добывании этой истины; все участники образовательного процесса являются равноправными партнёрами; студент утрачивает пассивность. Традиционная система преподавания технических дисциплин должна пополниться лекциями-беседами, дискуссиями, деловыми играми, исследовательскими, эвристическими занятиями, проблемными лекциями, инженерным творчеством, проблемно-поисковыми формами работы и др. Целью интерактивного обучения является не вооружение обучающихся знаниями, умениями и навыками, а формирование различных качеств их личности.

Система актуальных механизмов гуманитаризации технического образования представлена нами на рисунке 1.

Чтобы осуществлять гуманитаризацию содержания и преподавания технических дисциплин, педагог должен обладать педагогической и психологической компетентностью, готовностью вносить изменения в собственную педагогическую систему. Некоторым преподавателям технических дисциплин вообще следует сначала преодолеть предубеждение в том, что только «гуманитарные дисциплины призваны отвечать за формирование общекультурных компетенций выпускников» [3, с. 10]. В современных условиях – не только; общекультурные (универсальные) компетенции формируются в обязательном порядке в ходе обучения студентов всем без исключения курсам. Педагог, проще говоря, должен сначала сам пройти гуманитаризацию, настроиться на необходимость формирования общекультурных компетенций наравне с профессиональными, понять зависимость системы преподавания от общественных тенденций и выступать основным условием гуманитаризации.

Итак, необходимость гуманитаризации технического образования ощущается представителями российского научного и образовательного пространства на протяжении уже нескольких десятилетий как следствие распространения технократического мышления и способ противостояния технократизму. В основе гуманитаризации лежат представления о том, что человек, а не техника – движущая сила развития общества; развитие личности не менее важно, чем развитие техники и технологий; эмоциональность, субъективность, духовность так же

значимы, как рациональность, объективность, материальность и т.п. Только в условиях гуманитаризации возможно формирование специалиста, способного стать полноценным членом современного общества: обладающего активным, инициативным, творческим, критическим мышлением, высококультурного, социально ответственного, продуктивно взаимодействующего с другими членами общества, готового к самоопределению, саморазвитию и самосовершенствованию, нравственного, человеческого, с развитым мировоззрением, с понимани-

ем собственной субъектности и идентичности, сформированной системой ценностей, способностью к пониманию тенденций общественного развития и др. Современный представитель технической сферы, выпускник технического вуза не должен ставить технические достижения выше жизненных интересов человечества; демонстрация собственных интеллектуальных возможностей должна находиться у него под влиянием культурной компоненты личности, общекультурной и ценностной компетенций.

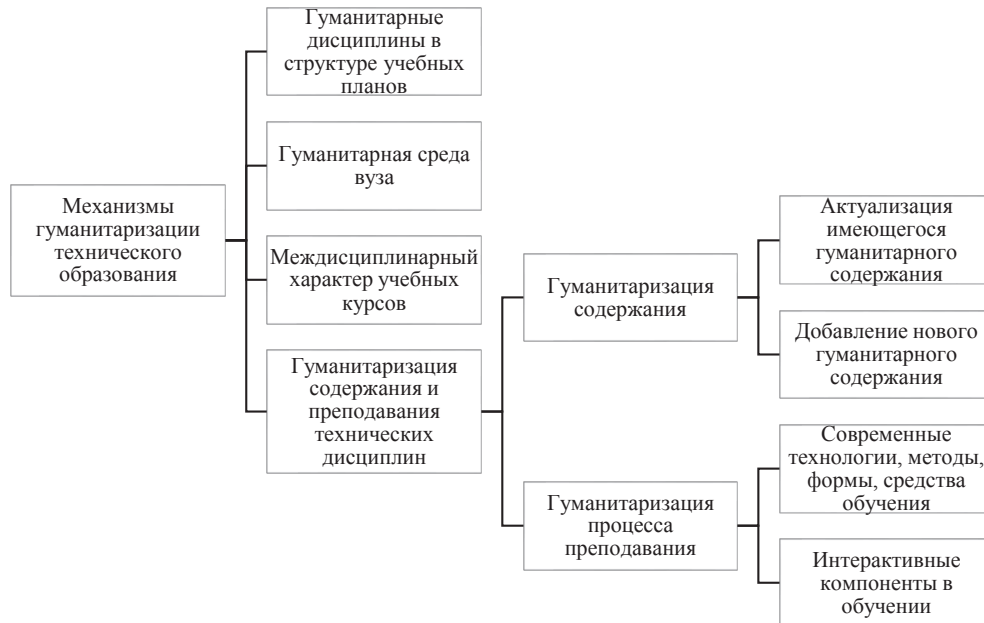

Рис. 1. Механизмы гуманитаризации российского технического образования

Статус гуманитарной составляющей учебного процесса должен возрасти, а культура призвана выполнять координирующую функцию, сочетать между собой различную предметную информацию. Гуманитаризация образования является одним из условий полноценного, устойчивого развития общества. Преодоление технократического мышления и дальнейшая гуманитаризация технического образования будут способствовать обретению государством гуманитарной безопасности и достижению технологического суверенитета России.

Литература

1. Андреев А.Л. Гуманитарные контексты российского технического образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 62–72. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-4-62-72.
2. Безклубая С.А. Гуманитарная среда технического вуза как основа формирования конкурентоспособного специалиста // Человеческий капитал. 2018. № 5 (113). С. 56–68. DOI: 10.25629/НС.2018.05.06.
3. Васильева Л. В., Толстоухова И.В. К вопросу о гуманитаризации в техническом вузе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (58). С. 9–14. DOI: 10.26105/SSPU.2019.50.44.001.
4. Васягина Т. Н., Осипова Н.В. Гуманитаризация технического образования как фактор преодоления технократического мышления // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2023. № 17 (19). С. 9–19. DOI: 10.52270/26585561.2023.17.19.9.
5. Ерофеева М. А., Мироненкова О.Л. Гуманитарная образовательная среда вуза как фактор воспитания студентов // Международный журнал. Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 3. С. 72–77.
6. Заславская О. В., Малафий А.С., Сальникова О.Е. Гуманитарная составляющая подготовки специалистов технического профиля в современном вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 3 (100). С. 219–224. DOI: 10.33979/1998-2720-2023-100-3-219-224.
7. Кленина Л. И., Бурковская М.А. Междисциплинарность как важнейший фактор модернизации технического образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2020. № 3. С. 124–130. DOI: 10.18384/2310-7219-2020-3-124-130.
8. Крылова М.Н. Фундаментальность высшего образования как фактор сохранения его эффективности в условиях трансформации системы образования // Социально-экономические системы в условиях глобальных трансформаций: проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. Нальчик: Кабардино-Балкарский ГАУ, 2022. С. 266–270.
9. Палей Е.В. Аксиопространство современного естественнонаучного и технического образования: возможности гуманитаризации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 106–112. DOI: 10.46726/И.2021.1.14.
10. Парочкина М.М. Проблема гуманизации и гуманитаризации высшего технического образования: пути решения // Современный ученый. 2021. № 2. С. 15–20.

11. Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. Р.Г. Панова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pedagogicheskaya.academic.ru> (дата обращения 15.01.2024).
12. Тимофеева Г. А. О гуманитаризации образования в техническом вузе // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2019. Т. 1. С. 16–20.
13. Фурер О.В. Роль «гуманитаризации» технического и профессионального образования // Вопросы педагогики. 2022. № 3–2. С. 257–259.
14. Чернавин Ю.А. Гуманизация эпохи и гуманитаризация образования: возможно ли одно без другого? // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2021. № 16. С. 1–11.
15. Дьячковой М. А., Новгородцевой А.Н., Томюк О.Н. «Гуманитаризация технического университетского образования: эффективные стратегии и практики» 2020. № 5 (47). С. 75–87. DOI: 10.32744/pse.2020.5.5.
2. Bezklubaya S.A. Humanitarian environment of a technical university as the basis for the formation of a competitive specialist // Human capital. 2018. No. 5 (113). pp. 56–68. DOI: 10.25629/HC.2018.05.06.
3. Vasilyeva L.V., Tolstoukhova I.V. On the issue of humanization in a technical university // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2019. No. 1 (58). pp. 9–14. DOI: 10.26105/SSPU.2019.50.44.001.
4. Vasyagina T. N., Osipova N.V. Humanitarianization of technical education as a factor in overcoming technocratic thinking // Bulletin of socio-economic and humanitarian research. 2023. No. 17 (19). pp. 9–19. DOI: 10.52270/26585561.2023.17.19.9.
5. Erofeeva M. A., Mironenkova O.L. Humanitarian educational environment of a university as a factor in the education of students // International Journal. Psychology and pedagogy of professional activity. 2019. No. 3. pp. 72–77.
6. Zaslavskaya O. V., Malafiy A.S., Salnikova O.E. Humanitarian component of training technical specialists in a modern university // Scientific notes of the Oryol State University. 2023. No. 3 (100). pp. 219–224. DOI: 10.33979/1998-2720-2023-100-3-219-224.
7. Klenina L. I., Burkovskaya M.A. Interdisciplinarity as the most important factor in the modernization of technical education // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 2020. No. 3. pp. 124–130. DOI: 10.18384/2310-7219-2020-3-124-130.
8. Krylova M.N. Fundamentality of higher education as a factor in maintaining its effectiveness in the conditions of transformation of the education system // Socio-economic systems in the conditions of global transformations: problems and prospects for development: Collection of scientific papers based on materials of the II International Scientific and Practical Conference. Nalchik: Kabardino-Balkarian State Agrarian University, 2022. pp. 266–270.
9. Paley E.V. Axiospace of modern natural science and technical education: possibilities of humanitarization // Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2021. No. 1. pp. 106–112. DOI: 10.46726/H.2021.1.14.
10. Parochkina M.M. The problem of humanization and humanitarization of higher technical education: solutions // Modern scientist. 2021. No. 2. pp. 15–20.
11. Russian Pedagogical Encyclopedia / Ed. R.G. Panova [Electronic resource]. – Access mode: <https://pedagogicheskaya.academic.ru> (access date 01/15/2024).
12. Timofeeva G.A. On the humanitarization of education in a technical university // Formation of a humanitarian environment in a university: innovative educational technologies. Competence-based approach. 2019. Т. 1. pp. 16–20.
13. Furer O.V. The role of “humanitarianization” of technical and vocational education // Questions of pedagogy. 2022. No. 3–2. pp. 257–259.
14. Chernavin Yu.A. Humanization of the era and humanitarization of education: is one possible without the other? // Position. Philosophical problems of science and technology. 2021. No. 16. pp. 1–11.
15. Dyachkova M. A., Novgorodtsevoy A.N., Tomyuk O.N. “Humanitarianization of technical university education: effective strategies and practices” 2020. No. 5 (47). pp. 75–87. DOI: 10.32744/pse.2020.5.5.

FACTORS OF HUMANITARIZATION OF TECHNICAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF FORMS AND MEANS OF EDUCATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Yakovko T.V.

Orders Badge OF Honor State Academy fire service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The article examines the features of the humanitarization of technical education as a modern trend in the development of technical education in Russia. The naturalness of this process in the modern information society is noted. Among the goals of humanitarization, overcoming technocratic thinking and adapting the modern system of technical education to the requirements of society have been identified. The mechanisms of humanitarization of technical education include humanities disciplines in the structure of the curriculum, the humanitarian environment of the university, the interdisciplinary nature of training courses, the humanitarization of the content and teaching of technical disciplines. Humanitarianization of content consists of updating existing humanitarian elements in the content of technical disciplines and introducing new ones. Humanitarianization of teaching is associated with the transition to innovative, interactive technologies, methods, forms and means of teaching. It is noted that in the process of humanitarization of technical education, a huge role is assigned to teachers of technical disciplines, who will have to largely change their views on the essence of technical disciplines and, to some extent, undergo humanitarization themselves.

Keywords: humanitarization, general cultural components, personal development, technical education, technocracy, students.

References

1. Andreev A.L. Humanitarian contexts of Russian technical education // Higher education in Russia. 2021. Т. 30. No. 4. pp. 62–72. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-4-62-72.

К вопросу о перспективах в сфере обеспечения технологического суверенитета

Аторин Роман Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Фёдоров Евгений Владимирович,

аспирант кафедры философии ГУУ
E-mail: EvVIFedorov@rosatom.ru

Солнцев Филипп Станиславович,

ведущий специалист АО «Гиредмет»
E-mail: FiSSolntsev@rosatom.ru

Технологический суверенитет – важный элемент национальной безопасности государства. От возможности обеспечить себя всеми необходимыми технологиями и производством в целом зависит, какое положение будет занимать та или иная страна на мировой политической арене. Через деятельность органов государственной власти в сфере обеспечения технологического суверенитета осуществляется соответствующая государственная политика, так как технологический суверенитет зависит от большого количества факторов: научной и производственной базы, кадрового суверенитета, демографических показателей и т.д. Активная деятельность органов государственной власти в данной сфере дала значительные результаты в сфере научно-технологического развития страны. Однако в настоящее время Россия столкнулась с более серьезными испытаниями и экономическим давлением, что сделало вопрос обеспечения технологического суверенитета еще острее.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, концепция технологического развития, наукоемкое производство.

Технологический суверенитет – это возможность страны обеспечить себя отечественными технологиями и наукоемкими изделиями, импортнезависимость реального сектора экономики. Главная задача технологического суверенитета – решение проблемы разработки и производства продуктов на основе отечественных технологий. Обеспечение технологического суверенитета – ключевая задача в достижении национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года. Технологический суверенитет является составной частью экономического суверенитета, от которого зависит национальная безопасность России.

Основная задача деятельности органов государственной власти в сфере обеспечения технологического суверенитета – создание современной и независимой научно-технологической базы в стране, которая позволит реальному сектору экономики не зависеть от иностранных технологий, создание новых технологий либо вывод существующих отечественных технологий на новый уровень. Данный процесс обширный и включает в себя целую систему взаимосвязанных процессов, которые должны быть выстроены органами государственной власти.

В современных условиях обеспечение технологического суверенитета можно достичь только при «мобилизации» всех органов власти и промышленности, выстраивая совершенно новые кооперационные связи. Помимо этого, в процесс должны включаться стратегические предприятия, госкорпорации, крупнейшие производители реального сектора экономики, образовательные учреждения и научно-исследовательские центры, так как усилий одного государства недостаточно, ведь основную долю инвестиций в наукоемкие сферы экономики привлекают коммерческие корпорации.

Изменившаяся политическая конъюнктура показала несостоятельность «старой» концепции достижения технологического суверенитета, которая была построена на принципах рыночных взаимоотношений. В данный момент утверждается концепция технологического развития России до 2030 года, которая создается по поручению Президента Российской Федерации. Документ разрабатывается под руководством Первого вице-преьера Андрея Белоусова, Минобрнауки России, Минэкономразвития России Минпромторга России. Концепция будет содержать целевые показатели, цели, принципы деятельности органов государственной власти и будет включать в себя три раздела¹:

- Устойчивый технологический суверенитет;
- Технологии как фактор роста экономики развития социальной сферы;
- Технологическое обеспечение устойчивого функционирования производственных систем.

¹ Концепция технологического развития России до 2030 года // Правительство России URL: <http://government.ru>

Важнейшей тенденцией в данной сфере является тот факт, что Министерство промышленности и торговли, на наш взгляд, становится органом государственной власти, который всецело взял на себя роль курирующего в вопросе достижения технологического суверенитета. Нынешний статус Министерства промышленности и торговли и постепенное расширение его полномочий является примером выстраивания, новых кооперационных связей между органами государственной власти, в которых роль координатора отдается Минпромторгу. В настоящий момент Минпромторг подготавливает многочисленные проекты поправок в законодательство в интересах отечественной промышленности, играет ключевую роль в создании и обсуждении стратегии научно-технологического развития России.

Более того, в данный момент на плечи Минпромторга легло осуществление субсидирования и модернизации предприятий ОПК, что в условиях проведения СВО является вопросом первостепенной важности. Технологический суверенитет предприятий ОПК и поддержание обороноспособности страны является в настоящее время проблемой, на которую тратится наиболее количество ресурсов. Однако, по нашему мнению, решение отраслевых проблем ОПК позволит решить смежные проблемы в гражданских отраслях, в чем и заключается смысл развития именно стратегических сквозных технологий (микроэлектроника, аддитивные технологии, авиастроение и т.д.).

Органы государственной власти в данный момент формируют новые кооперационные связи внутри системы публичной власти, происходит переосмысление стратегии и механизмов реализации деятельности органов государственной власти в данной сфере. Новое видение, которое предполагает институциональную сшивку науки и промышленности, способно эффективнее реализовывать государственную политику и провести необходимую «мобилизацию» науки и промышленности в условиях экономического давления на Россию. Оно предполагает отказ от нереализуемых проектов, что позволит полностью сосредоточиться на стратегических направлениях промышленности и сквозных технологиях, используя совершенно новые подходы и механизмы реализации, что вынуждает изменяться и нормативно-правовую основу деятельности органов государственной власти. Необходимо понимать, что из-за экономического противостояния с недружественными странами проблема обеспечения технологического суверенитета России стала вопросом национальной безопасности страны.

Стоит начать с, уже упомянутого, абсолютно рыночного характера промышленной политики в сфере технологического суверенитета до 2022 года, что фактически тормозило развитие некоторых отраслей экономики ввиду невозможности их капитализации и отсутствия прибыли. В качестве примера рассмотрим, как из-за подобного характера государственной политики сильно пострадала сфера отечественной микроэлектроники и фотолитографии, так как их развитие фактически остановилось из-за критического финансового и кадрового голода сферы, что вылилось в отставание отечественной микроэлектроники на 10–15 от мирового уровня. Предприятия-производители отечественной микроэлектроники на протяжении 30 лет не могли развиваться в условиях рынка и конкурировать с более дешевыми и совершенными процессорами из Китая, США, Южной Кореи, так как были обделены должным финансированием и протекционистскими мерами со стороны государства ввиду их низкой инвестиционной привлекательности и высокой стоимости производства компонентов в России. Однако сейчас в планах у правительства

увечить долю отечественной микроэлектроники на 70% с помощью комплексной поддержки со стороны государства и новых механизмов реализации. Правительство в сложной рыночной ситуации будет еще сильнее поддерживать убыточные предприятия. Например, в начале 2023 года ГК «Росатом» по поручению правительства приобрел 100% акций АО «МЦСТ» – крупнейшего производителя отечественных процессоров в России, который оказался в сложной финансовой ситуации из-за санкций, что позволило сохранить ключевое предприятие отрасли. Таким образом, одна из системных проблем постепенно решается.

Настоящий переход от рыночной промышленной политики также позволит решить проблему сокращения количества НИИ и других научно-исследовательских организаций, которые являются базой научно-технологического развития России и осуществляют, уже упомянутую, связку науки и производства, которая должна быть достигнута согласно новой концепции технологического развития России до 2030 года. Существующие НИИ должны в полной мере поддерживаться государством в лице Минпромторга. Устаревшая материально-техническая база и выбытие капитала критически сказывается на жизнеспособности подобных организаций. В настоящий момент Минпромторгом осуществляется перевооружение НИИ в рамках механизма субсидирования. Однако многие научно-исследовательских организации всё еще сталкиваются с невозможностью получить субсидию в короткие сроки ввиду слишком затяжной процедуры конкурса, обоснования и отчетности в случае, если предприятие не обслуживает интересы ОПК, что в перспективе должно решиться путем совершенствования существующего механизма. Более того, на наш взгляд, в перспективе, Минпромторг должен начать объединение НИИ в крупные производственно-технологические кластеры, на территории которых должны организовываться производства наукоемкой продукции. Конечно, большое количество НИИ имеют свои производственные линии, однако в рамках производственно-технологических кластеров внедрение освоенных технологий в производстве на базе собственных производственных мощностей должно приобрести эффективность и больший масштаб.

Следующая серьезная проблема, с которой зачастую сталкиваются производители наукоемких изделий и компании, осуществляющие инновационную деятельность, – сложность в реализации собственной высокотехнологичной продукции. До 2022 года основным покупателем подобной продукции в данной сфере было государство. Однако в настоящий момент необходимо отходить от данной парадигмы через различные государственные механизмы регулирования. Органам государственной власти необходимо активнее стимулировать спрос на отечественную наукоемкую продукцию, например, через льготные условия кредитования и лизинга для потребителей отечественной продукции. Более того, необходимо запускать и реализовывать, уже упомянутые, проекты-маяки, призванные стать примером реализации собственной продукции для компаний-производителей в различных наукоемких сферах.

На наш взгляд, одной из самых важных проблем реализации деятельности органов государственной власти в сфере технологического суверенитета Российской Федерации – низкий кадровый потенциал наиболее наукоемких отраслей. К сожалению, технологического суверенитета невозможно достигнуть без кадрового суверенитета страны. В России в данный момент наблюдается сильный кадровый голод во многих сферах. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разра-

ботками, с каждым годом сокращается. Более того, из-за миграции с начала 2022 года из России выехало более 100 000 ценных специалистов. Проблема недостатка наиболее квалифицированных специалистов коснулась большинства стран, что порождает борьбу между странами за человеческий ресурс, в которой у России не лидирующие позиции. Обеспечение кадрового суверенитета, на наш взгляд, проблема в какой-то степени еще более комплексная, чем технологический суверенитет. Соответственно данная проблема требует более широкого комплекса механизмов государственной политики, который обеспечит подготовку молодых специалистов, удержание наиболее ценных специалистов в стране, привлечение новых из-за рубежа. Данные механизмы государственной политики в сфере обеспечения кадрового суверенитета должны включать принципиально новые подходы в социально-экономической сфере. Разумеется, в настоящий момент многие механизмы реализации деятельности органов государственной власти в сфере технологического суверенитета Российской Федерации, в том числе, направлены на обеспечение кадрового суверенитета. Например, в области кадрового суверенитета в рамках программы Национальной технологической инициативы (НТИ) уже более 3,3 тысячи компаний сформировали сеть центров технологических компетенций, которые уже подготовили около 40.000 специалистов в сфере сквозных технологий. Фактически, программа НТИ и программа развития передовых инженерных школ уже дают результаты, которые смогут остановить утечку кадров из науки, но в долгосрочной перспективе список механизмов, как уже было упомянуто, должен быть значительно расширен, особенно, что касается кадрового развития регионов, ведь внутренняя миграция наиболее ценных кадров в федеральные центры – критическая проблема (не менее значимая, чем миграция за пределы России), которая в долгосрочной перспективе может крайне негативно отразиться на развитии регионов и страны в целом. Кадровая политика регионов должна обрести новыми механизмами реализации государственной политики и поддержкой федерального центра. Одной из перспектив реализации деятельности органов государственной власти в сфере технологического и кадрового суверенитета Российской Федерации является перенос крупных производств и кластеров госкорпораций и госкомпаний в субъекты России. Разумеется, помимо переноса производств необходимо изменять налоговую, социально-экономическую политику в отношении регионов, стимулируя внутреннюю миграцию в регионы.

Анализ проблем реализации деятельности органов государственной власти в сфере технологического суверенитета Российской Федерации показал, что для настоящей государственной политики все еще актуальны некоторые проблемы, несмотря на изменившиеся механизмы, принципы, реализации деятельности органов государственной власти в данной сфере. Проблемы связаны с отходом от абсолютно рыночной промышленной политики государства и сокращением научно-технологической базы технологического суверенитета в связи с низким кадровым потенциалом наукоемких отраслей и сокращением количества организаций, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность. На наш взгляд, в перспективе правительству необходимо ввести ряд дополнительных механизмов реализации деятельности органов государственной власти в сфере кадрового суверенитета, которые призваны обеспечить кадровую безопасность страны на десятилетия вперед. Более того, необходимо сделать упор на расширении перечня поддерживаемых государством научно-исследовательских организаций, конструктор-

ских организаций и проектно-изыскательских организаций, чтобы количество подобных организаций росло, а не сокращалось. Стоит отметить, что большое количество перспективных направлений развития реализации государственной политики в данной сфере осваивается с начала 2022 года, что говорит о том, что упомянутые проблемы будут постепенно решаться в ближайшей перспективе.

На наш взгляд, одно из основных направлений совершенствования деятельности органов государственной власти в сфере технологического суверенитета – значительное расширение полномочий Минпромторга и Минэкономразвития. Россия в 2022 году столкнулась с ситуацией, когда она не может свободно покупать технологии, которые, в том числе, необходимы для дальнейшего научно-технологического и промышленного развития России. К сожалению, становление технологического суверенитета – вопрос десятилетий, что вынуждает Россию продолжать закупать у других стран ряд технологий, которые по ряду причин еще не локализованы в России. Создание отечественных технологий и дальнейшее научно-технологическое развитие на основе импортных компонентов на текущем этапе реализации государственной политики – естественный этап технологического развития любой страны, а недоступность импортных технологий отчасти подрывает возможности России развиваться в данной сфере. Более того, при необходимости, правительство должно стимулировать и поощрять реверсивный инжиниринг в экономике. В ситуации, когда технологию нельзя купить, ее необходимо копировать и внедрять в производство в обход авторских прав, особенно если речь идет об компонентах из недружественных стран. На наш взгляд, Минпромторг должен взять в свои руки контроль над закупкой (копированием) иностранных компонентов для наукоемких отраслей экономики и внедрением их в производства с целью дальнейшей локализации производства, сами участники отраслей должны получать помощь в закупке подобных компонентов. Фактически, Минпромторг и Минэкономразвития должны стать министерствами с «чрезвычайными» полномочиями в сфере обеспечения технологического развития. Минэкономразвития и Минпромторг должны обрести часть полномочий советского Госплана. Безусловно, речь не идет о полном переходе к директивному планированию развития экономики по примеру СССР. Однако, на наш взгляд, усиление контроля государства за выполнением госпрограмм, со стороны министерств с расширенными контрольными, прогностическими, координационными полномочиями, расширение перечня рычагов воздействия и механизмов стимулирования предприятий и экономики в целом (особенно в вопросе экономического и кадрового развития субъектов) позволили бы решить часть проблем, упомянутых ранее, и ускорить структурную адаптацию отечественной науки и промышленности. Как минимум, подобные меры необходимы в сфере ОПК¹, где необходимо директивное планирование для обеспечения нужд армии, а не простой госзаказ. Более того, другие органы государственной власти в вопросе технологического развития и технологического суверенитета должны подчиняться Минэкономразвития и Минпромторгу для ускоренной структурной адаптации экономики, ускоренного изменения нормативно-правовой базы, плановых показателей согласно конъюнктуре, дорожных карт и т.д. в интересах научно-технологического развития России

¹ Госплан 2.0 может быть ограничен задачами гособоронзаказа // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2022/12/22/956468-gosplan-mozhet-bit-ogranichen-zadachami-gosoboronzakaza>

(и экономического развития в целом). Дополнительно можно создавать межведомственные комиссии для каждого стратегического направления экономики, которые станут связующим звеном между представителями наукоемких отраслей и государством.

Анализ перспектив Российской Федерации в сфере обеспечения технологического суверенитета показал, что для реализации деятельности органов государственной власти еще актуален ряд проблем, связанных постепенной деградацией научной базы технологического суверенитета Российской Федерации. Однако новые механизмы государственного регулирования «переламывают» негативные тенденции и в перспективе дадут положительный эффект в данной сфере. Однако для более эффективной реализации государственной политики научно-технологического развития России необходимо двигаться в сторону совершенствования реализации деятельности органов государственной власти, прибегая к структурным перестройкам внутри системы государственной власти (создание межведомственных комиссий по направлениям и выделение «сверхминистерств») и используя в государственном регулировании в сфере промышленности и науки отчасти директивные механизмы управления (особенно в сфере развития регионов).

«Реальность» угрозы, нависшей перед нашим государством, простимулировала органы государственной власти в кратчайшие сроки начать структурную адаптацию Российской экономики. Осознание, что именно степень технологической независимости России от других стран определяет ее будущее, позволило начать системную переработку, в первую очередь, основных принципов и подходов государственной политики, что вылилось в новую концепцию технологического развития России на период до 2030 года. Государственная политика «обросла» новыми механизмами реализации и в настоящий момент сконцентрирована на наиболее стратегических направлениях, при выборе которых Правительство руководствовалась внутренними потребностями страны, а не степенью маржинальности конечной продукции предприятий. В данный момент правительство, фактически, лишь начинает осуществление «технологического прорыва», поэтому по многим направлениям мы видим слабый рост показателей, либо вовсе его отсутствие, что не дает в полной мере оценить эффективность их деятельности в рамках новой парадигмы. Однако большинство механизмов в долгосрочной перспективе обеспечат устойчивое научно-технологическое развитие России, но самое главное, на наш взгляд, позволят предприятиям наукоемких сфер перестать быть зависимыми от госзаказа, начать постепенную капитализацию собственной продукции и освоение новых рынков отечественной продукции.

Однако необходимо окончательно осознать, что наука и ее развитие – первостепенная цель деятельности органов государственной власти в сфере технологического суверенитета, а развитие производства – «побочный эффект» от развития знания и, соответственно, технологий, что утверждено новой концепцией государственной политики.

Наука, в первую очередь, – это люди, за которых России необходимо вести ожесточенную борьбу, чтобы в долгосрочной перспективе обладать достаточным человеческим ресурсом в высокотехнологичных отраслях экономики. Чтобы в перспективе выиграть борьбу за «умы», России необходимо подстраивать социально-экономическую политику государства под нужды технологического суверенитета. Более того, Правительство все еще не добилось «мобилизации» страны и перестройки ее экономики и общества страны под нужды

отечественной науки и промышленности, что и является, на наш взгляд, одним из оснований для частичного перехода к директивному управлению данной сферой. Подобные меры позволят произвести окончательную институциональную связку промышленности и науки, которая лежит в основе обеспечения технологической независимости любой страны.

Для достижения поставленных задач в разумные сроки необходимо активнее включать в данные процессы все уровни публичной власти во всех регионах России. В перспективе именно регионы должны стать «локомотивами» технологического суверенитета России.

Литература

1. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ // Система Консультант Плюс.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
2. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Система Консультант Плюс.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/
3. Указ Президента РФ от 14.04.2022 № 203 (ред. от 11.02.2023) «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Система Консультант Плюс.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414671/
4. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // Система Консультант Плюс.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/
5. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета» от 22.02.2023 // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/>
6. Щурина С.В. Индустриальная политика России в условиях структурной трансформации экономики в 2023 году и среднесрочной перспективе // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 1.
7. Приходько И.И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. № 4.
8. Карпов Д. Оценка зависимости России от импорта промежуточной продукции // Серия докладов об экономических исследованиях. – Москва: Банк России, 2022.
9. Данейкин Ю.В. Достижение технологического суверенитета высокотехнологичных отраслей экономики РФ: состояние и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 4.
10. Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник ПАГС. 2022. № 5.
11. Шинкевич А.И., Шогенов В.А. Некоторые аспекты обеспечения технологического суверенитета

- научно-производственного предприятия // Известия Самарского научного центра РАН. 2023. № 1 (111).
12. Семенов Е.В. Наука для России: контуры зрелой научно-технологической политики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1.
 13. Концепция технологического развития России до 2030 года обеспечит технологическим компаниям господдержку // Министерство высшего образования и науки URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/66329/>

ON THE ISSUE OF PROSPECTS IN THE FIELD OF ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Atorin R. Yu., Fedorov E.V., Solntsev Ph.S.

GUU

Technological sovereignty is an important element of the national security of the state. The ability to provide oneself with all the necessary technologies and production in general determines what position a particular country will occupy in the global political arena. Through the activity of state authorities in the field of ensuring technological sovereignty, an appropriate state policy is implemented, since technological sovereignty depends on a large number of factors: scientific and industrial base, personnel sovereignty, demographic indicators, etc. The active activity of public authorities in this area has produced significant results in the field of scientific and technological development of the country. However, Russia is currently facing more serious challenges and economic pressures, which has made the issue of ensuring technological sovereignty even more acute.

Keywords: Technological sovereignty, import substitution, the concept of technological development, knowledge-intensive production.

References

1. Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation" dated 06/28/2014 No. 172-FZ // Sistema Consultant Plus.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/01/2016 No. 642 (ed. from 03/15/2021) "On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation" // Consultant Plus System.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/14/2022 No. 203 (as amended on 02/11/2023) "On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on ensuring technological sovereignty of the state in the field of development of the critical information infrastructure of the Russian Federation" // Sistema Consultant Plus.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414671/
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2019 No. 377 "On approval of the state program of the Russian Federation "Scientific and technological development of the Russian Federation" // Consultant Plus System.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/
5. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation "On ensuring scientific and Technological development of the Russian Federation in order to achieve technological sovereignty" dated 02/22/2023//The official website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/>
6. Shchurina S.V. Industrial policy of Russia in the context of structural transformation of the economy in 2023 and the medium term // Economy. Taxes. Right. 2023. No.1.
7. Prikhodko I.I. Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management. 2022. No.4.
8. Karpov D. Assessment of Russia's dependence on imports of intermediate products // Series of reports on economic research. – Moscow: Bank of Russia, 2022.
9. Daneikin Yu.V. Achieving technological sovereignty of high-tech sectors of the RV economy: state and prospects // Bulletin of the Russian State University. The series "Economics. Management. The right." 2022. No.4.
10. Konstantinov I.B., Konstantinova E.P. Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy // Bulletin of the PAGS. 2022. No.5.
11. Shinkevich A.I., Shogenov V.A. Some aspects of ensuring technological sovereignty of a scientific and production enterprise // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2023. No.1 (111).
12. Semenov E.V. Science for Russia: outlines of a mature science and technology policy // Russia: trends and prospects of development. 2021. No.16–1.
13. The concept of technological development of Russia until 2030 will provide state support to technology companies // Ministry of Higher Education and Science URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/66329/>

Культурная стратегия КНР «Китайская мечта», как способ укрепления государства

Белоусова Татьяна Павловна,

старший преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
России
E-mail: tp_belousova@mail.ru

В нынешних политических отношениях между странами, «китайская мечта» является инструментом политической мобилизации среди жителей КНР и способом объединения граждан для осуществления идеи о «сообществе единой судьбы человечества». Такая идеология способствует укреплению государства изнутри, благодаря сплоченности народа Китая, и совершенствованию экономической системы извне.

В статье автор освещает тему «китайской мечты», как стратегии по совершенствованию жизни граждан КНР и способ укрепления государства. Затрагивая исторические аспекты создания данной идеологии, автор выделяет цели и направления данной стратегии. «Китайская мечта» объединяет всех граждан КНР, в независимости от страны проживания и направлена на содействие консолидации китайского сообщества, укреплению национального единства народа Китая и ориентирована на построение взаимовыгодных отношений с другими странами.

Ключевые слова: Китайская мечта, стратегия развития, стратегия КНР, Китай, КНР, граждане Китая, единая судьба человечества.

29 ноября 2012 года, генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) – Си Цзиньпин обозначил цели развития КНР (Китайской Народной Республики) в ближайшей и долгосрочной перспективе: «Великое возрождение великого китайского народа – главная мечта китайцев, ее мы называем китайской мечтой».

«Китайская мечта», как олицетворение идеи о великодержавности Китая, транслируется через социологические идеи в СМИ, представляя собой лозунг китайского народа [5].

Суть «китайской мечты» заключается в том, что длинная история Китая, полная достижений и испытаний, сплачивает нацию и позволяет использовать коллективную память в целях развития страны. Это способствует формированию общей национальной идеи, которая объединяет китайский народ. Китайская мечта – это сложный и многогранный понятие, которое объединяет различные аспекты политики, экономики, социальной сферы и внешней политики. «Китайская мечта» направлена на глобальную экономическую модернизацию страны, научно-технический прогресс, борьбу с коррупцией и национальную единственность граждан Китая.

Уже несколько десятилетий КНР создает собственную философию и политическую стратегию, модернизируя экономику и сферы деятельности внутри страны. Стратегия по совершенствованию жизни граждан, дает властям Китая возможность обеспечить стабильное развитие страны и повысить уровень жизни. За последние 10 лет, уровень жизни в Китае возрос, благодаря внедрению современных технологий и цифровизации экономики.

Как и другие политические системы, КНР стремится укрепить свои позиции на мировой арене. Уже сейчас Китай можно назвать «второй державой», после США, стремящейся к глобализации своего экономического и политического влияния.

По осуществлению «китайской мечты» коммунистическая партия Китая уделяет большое внимание идеологической работе, рассматривая ее как ключевой инструмент достижения политических целей, обоснования власти и объяснения курса развития страны. В доказательство реализации данной стратегии, на XVII Конгрессе КПК было сказано: «Мы должны признать значение идеологической работы, укрепить доверие населения к ней и утвердить господствующее идеологическое направление» [4].

Основой, выстраиваемой идеологии в Китае является марксизм, который отражается в росте капитализма, как единственной стадии развития государства и «противоречиях», сопровождающих его. При построении «правильной идеологии», правительство Китая допускает создание классового конфликта, развитие кризисов и классовой эксплуатации. Несмотря на широкую поддержку правительства среди населения, последние годы были отмечены интенсивными дискуссиями в академических кругах и политической элите по вопросу устойчивости легитимности в условиях замедления экономического роста и возможной стагнации.

Период 1970–1980 гг. прошлого века Дэн Сяопин очертил реализацией направления «умеренно зажиточ-

ного общества», где классовые различия должны уменьшиться, как и количество конфликтов. Цель данного направления состояла в модернизации экономики Китая и устройстве благосостояния граждан, повышении уровня жизни, т.е. глубокая модернизация и перестройка систем государства. Цель была ещё в том, чтобы укрепить народный дух, создать идеологию укрепления позиций КНР и ее выхода на мировой уровень.

Дэн Сяопин призывал укрепить политическую идентификацию народа с приверженностью социализму с китайской спецификой. В конце 1970-х годов реализация направления по созданию средне-зажиточного населения и стратегия открытости достигалась внесением изменений в экономическую систему, что привело к росту экономики в КНР.

Китай стремится к устойчивому экономическому росту, улучшению уровня жизни своих граждан, уменьшению неравенства и борьбе с бедностью. Но, китайская мечта имеет и свои минусы. Некоторые критики указывают на ограничение политических свобод, цензуру и нарушение прав человека в Китае. Также существует опасность, что Китай может использовать свою экономическую мощь и военную силу для получения политического превосходства над другими странами [2].

Быстрое и стремительное экономическое развитие страны вызвало серьезные общественные проблемы, такие как социальная несправедливость и ухудшение окружающей среды. Политологи отмечали риск подрыва легитимности режима и развитие кризиса идентичности у граждан Китая, из-за резких изменений в экономике страны. С укреплением процессов глобализации правительство КНР забеспокоилось о влиянии других государств на убеждения китайского народа.

В настоящее время, современному поколению граждан Китая, не связанного с революционной историей КПК (коммунистической партией Китая), характерно предпочтение либерализма, как в европейских странах и Америке перед социализмом.

Китай достиг значительных успехов в развитии своей экономики, обладая современной экономической системой, научно-техническим потенциалом и постоянным улучшением условий жизни населения.

Современный Китай является одной из ведущих мировых держав, которая стремительно развивается и играет все более значимую роль в международной политике и экономике. Где «китайская мечта», по сути, является идеологической концепцией, которая объединяет идеи национального возрождения, экономического развития, социальной стабильности и внешней силы [1]. Правительство КНР стремится создать сильное и процветающее государство с развитой экономикой, в котором граждане будут чувствовать себя в безопасности. Где политические амбиции также занимают особое место, поскольку КНР стремится к лидерству в технологическом прогрессе, экономике и международному влиянию. Однако, Китай стремится к мирному сосуществованию со всеми странами мира и позиционирует себя, как сторонника международной кооперации и мультиполярного мира.

Сейчас экономика Китая все еще находится в неустойчивом, переходном периоде, от рабочей к технологичной. Показатель безработицы в Китае снизился, так в 2020 году уровень безработицы составил 4,7%, по сравнению с 2019 годом (5,5%). За 2021 год в КНР было создано 11,9 млн новых рабочих мест для граждан, что говорит о совершенствовании рынка труда в Китае. Но производительность труда не достаточно высокая, ¼ от среднего показателя европейских стран и США, что указывает на снижение показателя. Поэтому работа

по развитию современной экономики в Китае еще не завершена, требуются значительные усилия для интенсификации этого процесса [3].

В то же время проблема построения современного общества и реализация «китайской мечты», которая способствовала бы укреплению государства и улучшению общего уровня жизни в Китае, становится еще более актуальной. КНР находится на переломном этапе развития, когда необходимо продолжать процесс поступательного экономического развития и в то же время нельзя оставлять без внимания большое количество социальных проблем.

Китайская Народная Республика является многонациональным государством. На территории КНР проживает 56 этносов. В последнее время китайские академические круги задаются вопросом о том, что входит в содержание термина «китайская нация». По мнению большинства ученых считают, что китайская нация представляет собой представителей всех национальностей, которые проживают на территории Китая. Соответственно идея «китайской мечты» относится ко всем гражданам, в том числе и к иностранцам, которые живут в Китае.

Китайская мечта превратилась в полноценный политический лозунг и социально-политический курс в 2022 г. Если подробно рассмотреть содержание данной концепции, то можно обнаружить в ней четкие отсылки к духовному наследию Китая. Следует отметить, что официальные лица неоднократно указывали на то, что китайская мечта может приобрести общемировые черты и стать стремлением всего человечества [3].

Реализация стратегии «Один пояс, один путь» привела к политико-социальным контактам разных этносов и культур, но в силу историко-культурных факторов пока не принесла значимых результатов. Китайское руководство тонко уловило данный запрос современного мирового сознания, предложив концепцию создания «сообщества единой судьбы человечества».

Данную мысль впервые озвучил – Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК в 2012 году, его слова касались китайцев, которые проживают не в КНР. Точнее, он высказался о том, что китайцы, живущие за пределами Китая это представители китайской нации, которые относятся к сообществу единой судьбы человечества. А «китайская мечта» – счастье китайского народа, процветание государства и развитие, взаимовыгодные отношения в с другими странами, что свойственно всем государствам мира.

В 2013 году Си Цзиньпин сказал, что за последние восемь лет 140 стран подписали соглашения о сотрудничестве с Китаем с целью совместного строительства проекта «Один пояс и один путь», и поддерживающих идею о «сообщества единой судьбы человечества».

Но стоит заметить, что для реализации «китайской мечты» необходимо придерживаться ряда требований [5]:

1. использовать в качестве направляющей основы теорию общественного устройства по типу социализма с китайской спецификой;
2. учитывать традиционные философские практики для построения актуальных идеологических и ценностных конструктов в современном Китае;
3. стойко преодолевать возникающие сложности внешнего и внутреннего характера, препятствующие достижению «китайской мечты».

Из этого можно сделать вывод, что идеологическая концепция о «китайской мечте» направлена на содействие консолидации китайского сообщества, укреплению национального единства народа Китая и ориентиро-

вана на построение взаимовыгодных отношений с другими странами.

В нынешних политических отношениях между странами, «китайская мечта» является инструментом политической мобилизации среди жителей КНР и способом объединения граждан для осуществления идеи о «сообществе единой судьбы человечества». Такая идеология способствует укреплению государства изнутри, благодаря сплоченности народа Китая, и совершенствованию экономической системы извне. Китай уже давно демонстрирует свою мощь через достижения в технологическом прогрессе, экономике и политике. В перспективе, КНР закрепит за собой статус «второй державы» на международном уровне.

Литература

1. Воскресенский. А. Реализация «китайской мечты» в период «эпохи си Цзиньпина»: что ожидать России? – мировая экономика и международные отношения, 2019, том 63, № 10, с. 5–16.
2. Кондрашова Л.И. Китайская мечта о национальном возрождении. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 36 с.
3. Косорук А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный уровень // Вопросы безопасности. 2014. № 4. С. 31–69. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.4.13390 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=1339.
4. Лань Юй Китайская мечта как идеологическая концепция новой эпохи развития КНР // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-mechta-kak-ideologicheskaya-kontseptsiya-novoy-epohi-razvitiya-kr> (дата обращения: 22.02.2024).
5. Распертова С.Ю. «китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 13 (724). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-mechta-kak-kulturnaya-strategiya-kr-po-povysheniyu-myagkoy-sily-gosudarstva-na-mezhdunarodnoy-arene> (дата обращения: 22.02.2024).

CULTURAL STRATEGY OF THE PRC “CHINESE DREAM” AS A WAY TO STRENGTHEN THE STATE

Belousova T.P.

Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of Russia

In current political relations between countries, the “Chinese Dream” is a tool of political mobilization among the people of the PRC and a way to unite citizens to realize the idea of a “community with a common destiny for mankind.” This ideology helps strengthen the state from within, thanks to the unity of the Chinese people, and improve the economic system from the outside.

In the article, the author covers the topic of the “Chinese Dream” as a strategy for improving the lives of Chinese citizens and a way to strengthen the state. Touching upon the historical aspects of the creation of this ideology, the author highlights the goals and directions of this strategy. The “Chinese Dream” unites all citizens of the PRC, regardless of their country of residence, and is aimed at promoting the consolidation of the Chinese community, strengthening the national unity of the people of China and is focused on building mutually beneficial relations with other countries.

Keywords: Chinese dream, development strategy, strategy of the PRC, China, PRC, citizens of China, common destiny of humanity.

References

1. Voskresensky. A. Realization of the “Chinese dream” during the “Xi Jinping Age”: what to expect for Russia? – World economy and international relations, 2019, volume 63, no. 10, p. 5–16.
2. Kondrashova L.I. Chinese Dream of National Revival. – M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014. – 36 p.
3. Kosorukov A.A. China’s strategy at the beginning of the 21st century: reaching the global level // Security Issues. 2014. No. 4. P. 31–69. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.4.13390 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=1339.
4. Lan Yu The Chinese dream as an ideological concept of the new era of china development // Society: politics, economics, law. 2022. No. 4 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-mechta-kak-ideologicheskaya-kontseptsiya-novoy-epohi-razvitiya-kr> (date of access: 02.22.2024).
5. Raspertova S.Yu. “Chinese dream” as a cultural strategy of the PRC to increase the “soft power” of the state in the international arena // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2015. No. 13 (724). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-mechta-kak-kulturnaya-strategiya-kr-po-povysheniyu-myagkoy-sily-gosudarstva-na-mezhdunarodnoy-arene> (date of access: 02.22.2024).

Глобальный Север и Глобальный Юг – новая конфигурация глобальной политической системы

Внук Владимир Константинович,

кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Университета «Синергия»
E-mail: wnuk@mail.ru

В статье исследуется глобальная политическая система, а также отношения между государствами внутри в глобальной политической системе. Актуальность настоящей статьи обусловлена процессами, которые в настоящее время происходят в современном мире, и прежде всего возникновением предпосылок к становлению многополярного мира. В статье делается ряд прогнозов. Согласно первому, Соединённые Штаты сохраняют за собой безусловное лидерство глобальной политической системы. Согласно второму сценарию, в настоящее время формируется новый, многополярный порядок, в рамках которого возникнут новые центры силы. Согласно третьему сценарию, глобальная политическая система вновь обретёт биполярную структуру, в которой новыми центрами силы станут США и КНР. Наконец, не исключена смена глобального лидера – роль глобального лидера перейдёт к Китаю.

Ключевые слова: лидерство, политическая система, многополярный мир.

В современной политологической литературе изучению глобальной политической системы посвящено большое количество работ. В то же время необходимо отметить, что глобальная политическая система – относительно новый феномен, сложившийся всего пять столетий назад. Очевидно, что эпоха накануне Великих географических характеристик характеризовалась наличием множества локальных политических систем: европейской, ближневосточной, дальневосточной, южноамериканской. Все эти локальные системы либо слабо взаимодействовали между собой, либо вообще полностью были изолированы друг от друга. Разумеется, в рамках каждой региональной политической системы существовало государство-лидер, навязывавших свою волю другим государствам региона. Так, в Европе Афины, игравшие роль лидера греческих полисов, утратили свои позиции в V веке до н.э., передав эстафету Лакедемону. В свою очередь, в IV веке до н.э. Спарта уступила роль регионального лидера Македонии. Во II–I веках до н.э. весь Средиземноморский регион попал под власть Рима. Следствием кризиса в V веке Западной Римской империи стал переход лидерства к Византии, а также расцвет варварских королевств, среди которых возвысилось Франкское королевство, а в IX веке – Франкская империя. После распада Каролингской империи с X века в качестве лидера утвердилась Священная Римская империя германской нации.

В Средней Азии и Ближнем Востоке на протяжении столетий лидером была Ассирийская держава, которая пала в VII веке до н.э. под ударами Мидии и Вавилона, разделивших её наследство, и в свою очередь, уступивших место державе Ахеменидов – первой Иранской державе. После поражения в IV веке до н.э. от греческих государств во главе с Македонией держава Ахеменидов была уничтожена. На протяжении нескольких последующих столетий Ближневосточный и Среднеазиатский регионы становятся ареной столкновения различных держав: государства Селевкидов, Египта Птолемеев, Греко-Бактрийского царства, Римской империи, Византии. С III века в регионе возникает новый лидер – империя Сасанидов, доминирование которой продолжается до VII века. Начиная с VII века крупнейшей региональной державой на Ближнем и Среднем Востоке становится Арабский Халифат, чьё лидерство продолжается до монгольского вторжения XIII века.

К особому региону следует отнести Индийский субконтинент: региональными державами субконтинента можно считать империю Маурьев (IV–II века до н.э.), империю Гуптов (IV–V вв.), Делийский султанат (XIII–XVI вв.).

Отдельной политической системой являлся Древний Китай, где на протяжении веков сменялись лидеры в лице империи Цинь (III в. до н.э.), империи Хань (III в. до н.э. – II в. н.э.), империя Цзинь (IV–V вв.), империя Суй (VI–VII вв.), империя Тан (VII–X вв.), империя Сун (X–XI в.), империя Юань (XIII–XIV в.).

Наконец, локальными политическими системами, не взаимодействовавшими с политическими системами Европы, Африки и Азии, были государственные образования доколумбовой Америки: цивилизация Майя (III–IX вв.), государство Инков (XI–XVI вв.), империя Ацтеков.

Вследствие отсутствия или слабости политических, культурных, экономических связей лидерство любых держав до конца XV века не носило, да и не могло носить характер глобального: влияние тех или иных государств-лидеров редко распространялось за пределы определённого региона.

Отправной точкой становления мирового политического процесса целесообразно считать начало эпохи Великих географических открытий и подписание между королевствами Арагоном и Кастилией, с одной стороны, и королевством Португалия, с другой стороны, Тордесильяского договора 1494 г. о разделе мира. Именно это событие целесообразно взять за отправной момент становления глобальной политической системы, так как в результате подписания Тордесильяского договора был юридически оформлен первый в человеческой истории глобальный раздел сфер влияния. С этой же даты начинается выстраиваться мировая колониальная система, а первыми колониальными державами становятся Испания и Португалия.

Таким образом, в качестве политического, военного, экономического лидера I-го цикла выступает Испания. Хронологическими рамками «Испанского века» («*Pax Hispanica*») можно считать Тордесильяский договор (1494 г.) и Вестфальский мир (1648 г.). В качестве оппонента первоначально выступала Португалия, с начала XVII – Нидерланды и Англия. Основными конфликтами являлись Нидерландская революция 1566–1609 гг. и испано-французские войны 1521–1598 гг. В течение данного периода происходит ожесточённая борьба за колонию, в ходе которой Нидерланды, Англия и Франция создают собственные колониальные владения. Точкой надлома является испано-английская война 1585–1604 гг.

Тридцатилетнюю войну 1618–1648 гг. можно охарактеризовать как I-й период равновесия в мировой политической системе. В течение данного периода Испания утрачивает позиции безусловного лидера на международной арене.

II-й цикл мирового политического процесса (*I Pax Britannica*) – период, начиная с момента подписания Вестфальского мира 1648 г. до Парижского мира 1783 г. В рамках II-го цикла в качестве политического, военного, экономического лидера выступает Англия (впоследствии – Великобритания), в качестве оппонента – Нидерланды, затем – Франция. В течение данного периода происходит становление основных колониальных империй, в первую очередь Британской и Французской. Прослеживаются как минимум три фазы конфликта – это англо-голландские войны 1652–1684 гг., война за Испанское наследство 1700–1714 гг. и Семилетняя война 1756–1763 гг. Точкой надлома является Война за независимость Североамериканских штатов 1775–1783 гг., в ходе которой Великобритания в значительной мере утратила лидерские позиции на международной арене.

Конец XVIII – начало XIX века можно охарактеризовать как II-й период равновесия в мировой политической системе. Этот период включает в себя Французские революционные войны (1792–1802 гг.) и Наполеоновские войны (1803–1815 гг.), в результате которых Великобритания возвращает себе ведущую роль.

III-й цикл мирового политического процесса (*II Pax Britannica*) характеризуется тем, что в качестве лидера вновь выступает Великобритания, в качестве оппонента – Франция, Россия, США Германия. Хронологические рамки данного цикла: Венский конгресс (1815 г.) – Первая мировая война (1914–1918 гг.). Основные конфликты: Крымская война (1853–1856 гг.) и Франко-прусская война (1870–1871 гг.). В течение данного периода проис-

ходит окончательный колониальный раздел мира (Берлинская конференция 1885 г.), вследствие чего вся территория Земли, за исключением Антарктиды, оказывается разделена на сферы влияния.

Первая мировая война 1914–1918 г. представляет собой не только первую попытку глобального передела сфер влияния, но и III-й период равновесия между членами двумя военно-политическими блоками, Центральными державами и Антантой. В ходе данного конфликта произошла смена мирового лидера – вместо Великобритании ведущим государством становятся Соединённые Штаты, наиболее развитая в экономическом плане держава.

Условные хронологические рамки IV-го цикла (*Pax Americana*) – Версальский мир 1919 г. – по настоящее время. В качестве лидера выступают США, в качестве основного оппонента – Советский Союз. Прослеживается как минимум две фазы конфликта: это Вторая мировая война (1939–1945 г.) и т.н. «Холодная война» (1946–1991 гг.) [4, с. 168]. Период «холодной войны» характеризовался тем, столкновения между двумя лидерами мирового политического процесса происходят не напрямую, а на периферии. В течение данного цикла происходит распад колониальной системы, вследствие чего оформляется трёхуровневая конструкция: «первый мир», включивший в себя США, Канаду, а также бывшие колониальные державы Западной Европы, «второй мир», куда вошли СССР, государства Восточной Европы, и страны, оставшие на путь социалистического развития, а также «третий мир», включивший в себя страны Азии, Африки, Латинской Америки, значительная часть из которых имела колониальное прошлое.

Таким образом, прослеживается следующая закономерность. В глобальной мировой политической системе всегда формируется пирамидальная иерархическая система, в рамках которой гегемон навязывает свои правила игры другим государствам и тем самым гарантирует мировой системе определённую стабильность. [2, с. 114] При этом государство-лидер вынуждено постоянно тратить военные, политические, экономические, человеческие ресурсы, позволяющие ему доминировать над другими субъектами международной политической системы.

Одновременно происходит становление оппонента в лице одного государства или группы государств, интересы которых кардинально расходятся с интересами лидера, вследствие чего деятельность оппонента направлена на изменение глобальных правил. Следствием этого становится конфликт, в ходе которого государство-оппонент пытается низвергнуть лидера и занять его место. Нередко конфликт выливается в длительное коалиционное противостояние, иногда происходит не один, а серия конфликтов. Наступает фаза равновесия – в рамках выполнения своих функций государство-лидер тратит военные, финансовые, экономические, демографические ресурсы, которые позволяют ему доминировать над другими субъектами мирового политического процесса. Однако ресурсы страны-гегемона, как и любого другого субъекта мирового политического процесса, не являются безграничными. Наступает феномен «имперского перегрева», в ходе которого государство-лидер для поддержания своего статуса вынуждено решать максимальное количество международных проблем, при этом значительные ресурсы, крайне необходимые для решения внутренних проблем, перенаправляются на решение внешнеполитических проблем. Происходит так называемый «имперский перегрев», следствием которого является «надлом» лидера, в результате чего наступает выдвижение нового лидера.

После окончания «Холодной войны», распада СЭВ, ОВД и СССР, прекратила существование и трёхуровневая конструкция, включавшая «первый», «второй» и «третий мир». Становится распространённой концепция деления мира на страны «Глобального Севера» и «Глобального Юга» (в другой терминологии – «центр» и «периферию», государства «Золотого миллиарда» и развивающиеся страны и т.д.). [1, с. 50–62; 3, стр. 73–75] Этот кратковременный период был расценён значительной частью западного истеблишмента в качестве «конца истории». [10, с. 134–148] Однако данный вывод оказался ошибочным – уже с начала XXI века в мировой политической системе вновь возобладали тенденции конфронтации. Последнее обстоятельство, в частности, обуславливается ростом конкуренции (прежде всего экономической) между Соединёнными Штатами и Китаем. [7, с. 18–20]

В настоящее время в академической среде ведётся оживлённая дискуссия вокруг того, по какому из сценариев в среднесрочной перспективе будет развиваться события. Согласно первому, Соединённые Штаты сохранят за собой безусловное лидерство, так как по ряду ключевых показателей (уровень ВВП на душу населения, уровню научно-технического развития и др.) США намного опережают любых потенциальных конкурентов. [9, с. 62–65] Согласно второму сценарию, в глобальной политической системе сформируется новый, «многополюсный миропорядок», в рамках которого возникнут новые центры силы. [8, с. 9–18] Согласно третьему сценарию, в ближайшее время сформируется новый биполярный мир, в котором новыми центрами силы станут США и Китай. Более того, некоторые политологи не исключают во второй половине XXI в. прихода на смену «Pax Americana» «века Китая» («Pax Sinica»), подобно доминированию Британии в XIX и Америки в XX столетии. [5, с. 23]

Несомненно, основной причиной трансформации мировой политической системы является то обстоятельство, что по объёму производимых товаров и оказываемых услуг Глобальный Юг сравнялся с Глобальным Севером (если быть точнее, то с «коллективным Западом»), вследствие чего в международной политической системе возросла роль государств «периферии», [6, с. 6] а данное обстоятельство неминуемо приведёт к обострению глобальной конкуренции. [11, с. 7]. Впрочем, при реализации любого из сценариев, третье десятилетие XXI века станет периодом турбулентности, в течение которого России придётся столкнуться с новыми вызовами, вследствие чего российскому руководству предстоит выстроить принципиально новую долгосрочную стратегию действий в стремительно трансформирующейся глобальной политической системе.

Литература

1. Ачкасов В.А. Россия в глобальном мире: есть ли ей место в «Золотом миллиарде»? // «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС», 2006 г., том 2, № 4, стр. 50–62.
2. Гольцов А.Г. Геополитическая роль Запада в современном мире: лидер, гегемон или империя? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» – № 2 (85) 2017, стр. 113–128.
3. Грецакая О.С. Концепция «золотого миллиарда» в международных отношениях // Сибирский торгово-экономический журнал, 2008 г., № 7, стр. 73–75.;
4. Долгих Ф.И. История государства и права России: учебник / (3-е издание, переработанное и до-

полненное) Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2021. 322 с. С. 168.

5. Дробот Г.А., Перспективы биполярного мира: США – Китай // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, стр. 13–27, с. 23
6. Лю Цзинюань Позиция Китая в системе глобального управления // Вестник Поволжского института управления 2023. Том 23. № 1, стр. 4–12, с. 6,
7. Маглинова Т.Г. Растущая конкуренция между США и Китаем // Экономика и бизнес: теория и практика, 2022 г., № 11–2, стр. 18–20.
8. Савин Л.В. Многополярность и внешняя политика России // Постсоветские исследования, 2020 г. Т. 3, № 1, стр. 9–18.
9. Супян В.Б. Экономические позиции США в полицентричном мире: перспективы сохранения лидерства // Международные отношения и общество, 2019, № 3, стр. 62–65.
10. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. N 3. С. 134–148.
11. Яковлев П.П. Расширение БРИКС и новый этап борьбы глобальных альтернатив // Перспективы. Электронный журнал, 2023 г. № 4, стр. 7–20, стр. 7.

GLOBAL NORTH AND GLOBAL SOUTH – A NEW CONFIGURATION OF THE GLOBAL POLITICAL SYSTEM

Vnuk V.K.
Synergy University

The article examines the global political system, as well as relations between states within the global political system. The relevance of this article is due to the processes that are currently taking place in the modern world, and above all, the emergence of prerequisites for the formation of a multipolar world. The article makes a number of predictions. According to the first, the United States will retain the unconditional leadership of the global political system. According to the second scenario, a new, multipolar order is currently being formed, within which new centers of power will emerge. According to the third scenario, the global political system will once again acquire a bipolar structure, in which the United States and China will become the new centers of power. Finally, a change in global leader is not excluded – the role of global leader will pass to China.

Keywords: leadership, political system, multipolar world.

References

1. Achkasov V.A. Russia in the global world: does it have a place in the “Golden Billion”? // “Political Expertise: POLITEX”, 2006, volume 2, no. 4, pp. 50–62.
2. Goltsov A.G. Geopolitical role of the West in the modern world: leader, hegemon or empire? // Journal of political philosophy and sociology of politics “Polity. Analysis. Chronicle. Forecast” – No. 2 (85) 2017, pp. 113–128.
3. Gretskaya O.S. The concept of the “golden billion” in international relations // Siberian Trade and Economic Journal, 2008, No. 7, pp. 73–75.;
4. Dolgikh F.I. History of State and Law of Russia: textbook / (3rd edition, revised and expanded) Moscow: Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 2021. 322 p. P. 168.
5. Drobot G.A., Prospects for a bipolar world: USA – China // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science, pp. 13–27, p. 23
6. Liu Jingyuan China’s position in the global governance system // Bulletin of the Volga Region Institute of Management 2023. Volume 23. No. 1, pp. 4–12, p. 6,
7. Maglinova T.G. Growing competition between the USA and China // Economics and business: theory and practice, 2022, No. 11–2, pp. 18–20.
8. Savin L.V. Multipolarity and Russian foreign policy // Post-Soviet Studies, 2020, Vol. 3, No. 1, pp. 9–18.

9. Supyan V.B. Economic positions of the United States in a polycentric world: prospects for maintaining leadership // International Relations and Society, 2019, No. 3, pp. 62–65.
10. Fukuyama F. The end of history? // Questions of philosophy. 1990. N 3. S. 134–148.
11. Yakovlev P.P. Expansion of BRICS and a new stage in the struggle of global alternatives // Perspectives. Electronic journal, 2023 No. 4, pp. 7–20, p. 7.

Социально-политические и психологические методы противодействия негативному информационному влиянию среди молодежи

Кандалов Вадим Иванович,

к.э.н., доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; заведующий базовой кафедрой цифровых технологий рекламы Московского технического университета связи и информатики
E-mail: kandalovvi@yandex.ru

Антонова Юлия Андреевна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Князева Мария Андреевна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Данная статья является результатом изучения социально-политических и психологических методов противодействия негативному информационному влиянию среди молодежи. Авторами раскрывается значимость и актуальность темы исследования, так как манипулятивное воздействие встречается повсеместно и оказывает особое влияние на молодежь Российской Федерации. В связи с этим проводится подробный анализ инструментария противодействия негативному информационному влиянию.

Ключевые слова: социально-политические методы, психологические методы, противодействие негативному информационному влиянию среди молодежи, методы противодействия, влияние на молодежь, манипулятивные технологии, информационная война.

В современном мире негативное информационное влияние встречается повсеместно: как в реальной жизни, так и в онлайн пространстве. В большинстве случаев, молодежь поддается данному воздействию посредством следующего.

1. Новых медиа – в социальных сетях (например, ВКонтакте, Одноклассники), в мессенджерах (например, Телеграм), в видеохостингах (например, VK Видео, Рутуб) блогеры и инфлюенсеры (они же лидеры мнений) могут транслировать различную информацию, которая не всегда является положительной.

2. Видеоигр – с помощью создания дополнительной реальности, человек излишне может вжиться в роль персонажа игры, следовательно, поддаваться на манипулятивное воздействие становится проще. Также манипулировать молодежью проще, так как задействуются и визуальное сопровождение, и аудиальное. Человек видит яркие и красочные картинки, слышит громкие убеждающие лозунги, которые многократно повторяются.

3. Традиционных медиа – самым популярным медиа данного вида является телевидение, поскольку человек имеет возможность видеть увлекательную и интригующую картинку, а также слышать аудиальное сопровождение. Радио, газеты и журналы являются менее востребованными, потому что в газетах и журналах есть только визуальное сопровождение, а в радио – только аудиальное, вследствие этого, манипулятивные технологии не всегда воздействуют на аудиторию.

4. Офлайн-пространство – негативное информационное влияние может настичь молодых людей и в реальном мире – на различных митингах и встречах, которые несут в себе не первоначально транслируемый смысл [6, 7].

Социально-политическими методами противодействия негативному информационному влиянию называют технологии, которые воздействуют на молодежь на психологическом уровне в целях проводимой государственной политики. Психологические методы противодействия негативному информационному влиянию являются неотъемлемой частью социально-политических методов, так как все методы действуют на психологию индивидов, их мнение и поведение [1, 7, 8].

К социально-политическим методам противодействия негативному информационному влиянию можно отнести: убеждение, социальное доказательство, благорасположение и доброжелательность. К психологическим методам противодействия негативному информационному влиянию относят: убеждение, массовые мероприятия, использование медиа, внушение, подражание [3, 7, 8].

Также, следует осветить эффективные способы и механизмы, способные предотвратить личностную деформацию под воздействием информационно-психологических негативных факторов.

Исследование литературы по данной теме позволило сформулировать ключевые направления защиты от отрицательного информационно-психологического воздействия (ИПВ).

1. Прогнозирование возможного отрицательного ИПВ. Подразумевает поиск и предугадывание возможных каналов, по которым может произойти ИПВ. Сю-

да же следует отнести аналитический анализ возможной тематики по которой произойдет ИПВ. Основой данного анализа является глубокое исследование текущего положения психического и морально-политического состояния граждан. В качестве рекомендации следует предложить всем пользователям критически оценивать посещаемые интернет-пространства и проводить регулярную верификацию информационных источников.

2. Превентивные меры по отношению к ИПВ. Сюда следует отнести конкретно принимаемые меры по недопущению негативной информации до адресата. Чаще всего это применяется в масштабах страны или региона:

- «зонтик» – это прием по глушению сигнала, например, радио и телестанций по недопущению распространения негативной информации;
- «колесо» – это механический прием, согласно сути которого нежелательное обращение заменяется другим сообщением с приоритетом выше, чем у нежелательного;
- «воронка» – это прием, подразумевающий, что негативный посыл сообщения будет приглушен и нейтрализован суммарным действием других, позитивных сообщений;
- «замена» – заключается в том, что опровержение негативного содержания сообщения подвергается сомнению, благодаря «подрыву» авторитета его отправителя, в связи с чем на психологическом уровне теряется значимость отрицательного послания.

3. Нивелирование остроты негативного ИПВ. Включает в себя оценку и подробный анализ сущности и последствий конкретного проявления негативного воздействия. Сюда же следует отнести посттравматическую реабилитацию, санкции к предателям, дезинформаторам, распространяющим панику и дезориентирующую информацию в информационном пространстве.

Социально-политические и психологические методы противодействия негативному информационному воздействию направлены на распознавание и противодействие манипулятивным технологиям. К основным признакам такого рода технологий относят следующее.

1. Гиперболизированная информация – преувеличение, которое имеет манипулятивный характер и влечет изменение мнения и поведения аудитории. Например, «громкие заголовки», которые обозначают значимость транслируемой новости.

2. «Закручивание» мнения людей в, так называемой, «спирали молчания» – информация, которая демонстрируется в медиа, заставляет людей сомневаться в собственной точке зрения и менять ее в пользу большинства. Из этого еще один признак, манипуляция статистикой, большими цифрами. Примером может служить предвыборная политическая кампания: когда человек видит, что традиционные и новые медиа транслируют информацию о том, что за одну партию голосуют больше, чем за другие, то человек невольно проголосует за лидирующую партию, так как побоится осуждения общества, изоляции.

3. Игра на чувствах и эмоциях аудитории.

4. Искажение информации, подача ее аудитории не в полном объеме для формирования нужного манипулятору смысла.

5. Влияние на публику посредством различных стереотипов (как национальных, так и расовых, религиозных).

6. Манипуляция посредством авторитетных личностей, известного человека ставят в пример, манипулируют его статусом, так как профессионалу легче поверить.

7. Агитация и пропаганда, частью которых являются многочисленные повторы одной и той же информации [1, 3, 6].

Таким образом, вышеперечисленные признаки могут молодежи подготовиться к негативному воздействию и распознать недоброжелательные манипуляции заранее.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что отрицательное информационно-психологическое воздействие в современных реалиях может проявляться в весьма разных формах. Оно может проявляться в виде вирусных программ для персонального компьютера или иных гаджетов, небезопасных сайтов с недостоверной информацией в сети Интернет. Наиболее деструктивным является воздействие на психику и массовое сознание людей с помощью фальсификации исторических данных и враждебной пропаганды.

Глубокому пониманию социально-политических и психологических методов противодействия негативному информационному влиянию среди молодежи, способствует рассмотрение накопленного отечественного и зарубежного опыта.

В современных условиях происходит огромное давление на молодежь Российской Федерации, особенно в онлайн пространстве посредством распространения fake news – неправдивые, ложные новости, которые выдают недостоверную информацию с целью изменения мнения и поведения индивидов. Новости такого рода демонстрируются как в традиционных медиа – телевидение, журналы/газеты, радио, так и в новых медиа – социальные сети, мессенджеры, видеохостинги. Однако, именно с появлением новых медиа, феномен fake news получил новый виток развития, так как информацию можно распространять мгновенно по всему миру и на большую аудиторию [4].

В новых реалиях на молодежь также оказывается агитационное, пропагандистское давление – для более подробного ознакомления можно привести следующие примеры: искажение информации на тему Великой Отечественной войны и роли Советского Союза в победе над фашистской Германией – российской молодежи пытаются внушить то, что не СССР выиграл войну, а США и союзники. Однако в Российской Федерации активно борются с такими fake news посредством проведения дополнительных открытых уроков отечественной истории, создание Юнармии и других патриотических движений, празднования Дня Победы, создание новых музеев по всей стране, посвященных истории Великой Отечественной войны, проведение мероприятий посвященных Великой Победе – акция «Бессмертный полк», Парад Победы, поздравление ветеранов [2].

Также одним из наиболее распространенных негативных примеров в наши дни стала дискредитация российской власти и армии – западные медиа транслируют фейковую информацию о том, что «Россия – страна агрессор, Россия развязывает войну, а не проводит специальную военную операцию, российские солдаты убивают мирных граждан» – это все заранее продуманные и спланированные новости для того, чтобы настроить мир против русского народа, ее армии и власти, очернить имидж и репутацию России. Также эти новости оказывают влияние на российскую молодежь. Однако в России хорошо налажена система борьбы с fake news. Так, российские медиа молниеносно реагируют на ложную и неправдивую информацию и транслируют ее разоблачение как в традиционных, так и в новых медиа – по телевидению (например, такие программы, как – Вечерние Новости, Вести Недели, Вечер с Владимиром Соловьевым, Итоги Недели, Бесогон), в социальных сетях (официальные страницы и паблики российских СМИ и политиков), телеграм-каналах (например, официальные каналы – СОЛОВЬЕВ, Дмитрий Медведев, Поддуб-

ный, Вячеслав Володин) демонстрируются развернутые расследования, которые показывают настоящую картину мира и опровергают всю клевету [2, 7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отечественный опыт противодействия негативному информационному влиянию среди молодежи является положительным. В Российской Федерации успешно используют социально-политические и психологические методы противодействия негативному информационному влиянию для того, чтобы стабилизировать общественное мнение, бороться с fake news и помогать молодежи распознавать манипулятивные технологии, и узнавать исключительно правдивую информацию.

Противодействие негативному информационному влиянию среди молодежи является актуальной проблемой во многих странах.

Так, рассматривая зарубежный опыт, стоит отметить страну-победителя по борьбе с информационно-психологическим воздействием на подростков – КНР. В Китае существует многочисленное количество систем и законов, регулирующих информацию, представленную на просторах Интернета.

В КНР, так же, как и в других странах, основной медиа проблемой являются fake news. Стоит отметить, что в Китае fake news наделены антиправительственным характером. Данный вид новостей особенно сильно оказывает влияние и давление на подрастающее поколение, так как у детей отсутствует способность анализировать фактическое содержание информации, а также присутствует наличие восприимчивости к информации, которая оказывает влияние на чувства читателя. Именно поэтому в 1998 году руководством Китая была выдвинута инициатива по внедрению проекта «Золотой Щит», который получил интернациональную огласку под названием «Великий Китайский файрвол». В 2003 году проект был введен в эксплуатацию. «Золотой Щит» фильтрует информацию, ограничивает доступ к источникам, которые пропагандируют западную фейковую информацию, в особенности, связанную с политикой государства и т.д. [5].

Таким образом, благодаря введению в обиход проекта «Золотой Щит» и множества других проектов, население КНР, в особенности, подрастающее поколение, имеет возможность пользоваться отфильтрованными источниками, благодаря которым у представленной в Интернете информации исчезает способность оказывать активное воздействие на психику молодых людей, включающее в себя контроль над сознанием, а также личностным поведением.

Анализируя зарубежный опыт, важно отметить методы противодействия негативному информационному влиянию, которые используются на территории Великобритании.

Сегодня в Соединенном Королевстве ведется активная борьба с дезинформацией, представленной в Интернете. Дезинформацией принято считать искаженную информацию, распространение ложных сведений во имя достижений различных целей, а также для введения личности в заблуждение. Множество источников публикуют информацию о ложных фактах, данных и событиях, которая находится в открытом доступе у любого пользователя. Именно поэтому в 2019 году власти Соединенного Королевства приняли Белую книгу «О вреде онлайн», в которой прописаны основные требования по защите интересов пользователей [9]. Данная книга описывает борьбу с негативным контентом, который «вводит» читателя в заблуждение, дезинформирует его, а также методы по предотвращению негативного влияния информационных ресурсов на население Британии, в особенности на детей.

Также, в Великобритании, как и в других зарубежных странах, существует множество Интернет-компаний, которые начинают внедрять позитивные контентные платформы. Они предлагают молодежи доступ к качественному и позитивному контенту, наполненному выгодными для лоббистов мнениями и нарративами. В Соединенном Королевстве такая инициатива называется «BBC Own It», которая предлагает молодежи приложение с советами и поддержкой в метавселенной.

Продолжая анализировать опыт стран зарубежья, важно отметить, что одним из наиболее известных подходов к противодействию негативному информационному влиянию среди молодежи, обладающей клиповым мышлением в силу того, что она росла в эпоху высоких технологий – это использование медиаграмотности. Медиаграмотность представляет собой набор навыков и знаний, которые способствуют беспристрастному анализу информации, получаемой из различных источников. В США, например, существуют программы по развитию медиаграмотности, которые включают в себя обучение критическому мышлению, оценке достоверности источников информации, а также развитию навыков поиска и анализа информации. В Эстонии медиаграмотность включена в школьную программу с 2002 года. Важность данного курса определяется тем, что уже с малых лет у детей будет возможность самостоятельно фильтровать информацию в Интернете, ТВ и радио. Школьники учат критически подходить к информации, самостоятельно создавать медиаконтент, а также уметь вычлнять только достоверный источник [10].

Таким образом, анализируя зарубежный опыт, необходимо отметить, что борьба с негативным информационным влиянием среди молодежи ведется довольно активно и повсеместно. Целый ряд стран создал собственные методы борьбы с дезинформацией, которые стали популярны по всему миру. Разработка зарубежными странами определенных мер, направленных на регулирование информационных процессов в контексте защиты молодежи от вредных воздействий, также представляется крайне важным шагом в данном контексте.

В заключение можно отметить, что, безусловно, доступность информации и ее быстрый поиск являются неоспоримыми достоинствами современности. Однако, в настоящее время, и особенно в киберпространстве, человек остается не в полной мере защищенным от негативного информационно-психологического воздействия, именно поэтому в современных реалиях в период активного развития инновационных технологий, их повсеместному внедрению и применению киберпространств, особую актуальность приобретает кибербезопасность и ограничение от негативно воздействующих информационно-психологических механизмов.

Также, необходимо подчеркнуть, что проблема с противодействием некорректной информации является интернациональной. На территории Российской Федерации активно предпринимаются меры для предупреждения и защиты молодого поколения от дезинформации и пропаганды в медиапространстве. Что касается зарубежного опыта борьбы с информационно-психологическим воздействием на человека, стоит отметить, что важность корректно фильтровать поступающую информацию из интернета, наступает с ранних лет. Юные умы со школьного возраста начинают изучать аспекты медиаграмотности и методы противодействия ложным информационным источникам.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что борьба с негативным информационным воздействием, а также использование социально-политических и психологических методов по противо-

действию fake news особенно актуальны в XXI веке. Важно акцентировать внимание на то, что своевременное использование многоступенчатой системы определяет эффективность защиты не только личности, но и масс от информационно-психологического воздействия.

Литература

1. Алексеенко А.А., Митасов П.А., Наливайко К.В. Формирование массового сознания в современном информационном обществе: социологический анализ // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. 2022. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-massovogo-soznaniya-v-sovremennom-informatsionnom-obschestve-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 25.01.2024).
2. Бусловский В.Н. Победа, которую у России никому не отнять (75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне над нацизмом посвящается) // Военная мысль. 2020. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pobeda-kotoruyu-u-rossii-nikomu-ne-otnyat-75-letiyu-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-nad-natsizmom> (дата обращения: 31.01.2024).
3. Воронкова О.А. Массовое сознание в новых информационных условиях: возможности манипуляции и ресурсы противодействия // Дискуссионные проблемы социальной психологии: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра. 2018. С. 47–60. ISBN 978-5-6040862-0-9 (дата обращения: 24.01.2024).
4. Головацкая О.Е. Значение и происхождение термина «fake news» // Коммуникология. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-proishozhdenie-termina-fake-news> (дата обращения: 31.01.2024).
5. До Л. Основы правового регулирования и административного контроля Интернета в Китае // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 2. – URL: https://nbpublish.com/e_al (дата обращения: 01.02.2024).
6. Дубравина А.М. Манипулятивные технологии как способ формирования социальных иллюзий. Труды БГТУ, серия 6, № 1. 2018 год. С. 110–114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnye-tehnologii-kak-sposob-formirovaniya-sotsialnyh-illyuziy/viewer> (дата обращения: 25.01.2024).
7. Казаков А.А. Политическая культура современной российской молодежи в контексте медийной грамотности и влияния СМИ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. – Т. 18. – № 2. С. 205–211 (дата обращения: 26.01.2024).
8. Шевченко О.И. Психологическое воздействие и способы противодействия / О.И. Шевченко, А.В. Газзаев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. – № 50 (288). С. 444–448. – URL: <https://moluch.ru/archive/288/65050/> (дата обращения: 31.01.2024).
9. On-Line Harm White Paper. 2019. – URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/online-harms-white-paper/online-harms-white-paper#executive-summary> (дата обращения: 01.02.2024).
10. Rozenberga M. Mediju lietotprasme – nevis privilegija, bet nepieciesamiba. – URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/zinu-analize/mediju-lietotprasme--nevis-privilegija-bet-nepieciesamiba.a119301/> (дата обращения: 02.02.2024).

SOCIO-POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL METHODS OF COUNTERING NEGATIVE INFORMATION INFLUENCE AMONG YOUNG PEOPLE

Kandalov V.I., Antonova Y.A., Knyazeva M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow Technical University of Communications and Informatics

This article is the result of studying socio-political and psychological methods of countering negative information influence among young people. The authors reveal the significance and relevance of the research topic, since manipulative influence is found everywhere and has a special impact on the youth of the Russian Federation. In this regard, a detailed analysis of the tools for countering negative information influence is carried out.

Keywords: socio-political methods, psychological methods, countering negative information influence among young people, methods of counteraction, influence on young people, manipulative technologies, information warfare.

References

1. Alekseenok A.A., Mitasov P.A., Nalivaiko K.V. Formation of mass consciousness in modern information society: a sociological analysis // Izvestiya TulS U. Humanities. 2022. No.3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-massovogo-soznaniya-v-sovremennom-informatsionnom-obschestve-sotsiologicheskiiy-analiz> (date of application: 01/25/2024).
2. Buslovsky V.N. The victory that no one can take away from Russia (dedicated to the 75th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War over Nazism) // Military thought. 2020. No.5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pobeda-kotoruyu-u-rossii-nikomu-ne-otnyat-75-letiyu-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-nad-natsizmom> (date of application: 01/31/2024).
3. Voronkova O.A. Mass consciousness in new information conditions: possibilities of manipulation and counteraction resources // Debatable problems of social psychology: a collective monograph / ed. by A.Y. Nagornova. – Ulyanovsk: Zebra. 2018. pp. 47–60. ISBN 978-5-6040862-0-9 (date of reference: 01/24/2024).
4. Golovatskaya O.E. The meaning and origin of the term “fake news” // Communicologiya. 2019. No.2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-proishozhdenie-termina-fake-news> (date of application: 01/31/2024).
5. Do L. Fundamentals of legal regulation and administrative control of the Internet in China // NB: Administrative Law and Administrative Practice. 2020. No.2. – URL: https://nbpublish.com/e_al (date of reference: 02/01/2024).
6. Dubravina A.M. Manipulative technologies as a way of forming social illusions. Proceedings of BSTU, series 6, No. 1. 2018. Pp. 110–114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnye-tehnologii-kak-sposob-formirovaniya-sotsialnyh-illyuziy/viewer> (date of application: 01/25/2024).
7. Kazakov A.A. Political culture of modern Russian youth in the context of media literacy and media influence // Proceedings of the Saratov University. A new series. The Sociology series. Political science. 2018. – vol. 18. – no. 2. Pp. 205–211 (date of reference: 01/26/2024).
8. Shevchenko O.I. Psychological impact and methods of counteraction / O.I. Shevchenko, A.V. Gazzaev. – Text: direct // Young scientist. 2019. – No. 50 (288). pp. 444–448. – URL: <https://moluch.ru/archive/288/65050/> (date of access: 01/31/2024).
9. On-Line Harm White Paper. 2019. – URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/online-harms-white-paper/online-harms-white-paper#executive-summary> (accessed: 02/01/2024).
10. Rozenberga M. Mediju lietotprasme – nevis privilege, bet nepieciesamiba. – URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/zinu-analize/mediju-lietotprasme--nevis-privilegija-bet-nepieciesamiba.a119301/> (accessed: 02/02/2024).

Философско-историческая ретроспектива понимания женской телесности: от греческой Античности до Нового времени

Климов Сергей Николаевич,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история», ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: klistn@mail.ru

Михайлова Алина Евгеньевна,

аспирант кафедры «Философия, социология и история», ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: mihailovastar@gmail.com

В статье рассматривается понимание телесности, в частности, женской телесности в различные исторические эпохи. Целью работы является воссоздание представлений о женской телесности в Античности, Средневековье, Возрождении и Новом времени. Основное содержание работы составляет анализ культурно-социального контекста каждой эпохи. В результате исследования определены мировоззренческие основы, на которых базируется отношение к женской телесности. Выявляются общие для каждого времени тенденции, претерпевающие изменения в ходе трансформации социальной реальности. Предлагается комплексное рассмотрение проблемы женской телесности, учитывающее как традиции, перетекающие из эпохи в эпоху, так и специфические новшества каждого времени. Предложенный подход позволяет сформировать более глубокое представление об исследуемом феномене, учитывая факторы, оказывающие трансформирующее влияние на мировоззрение людей относительно женской телесности.

Ключевые слова: телесность, женская телесность, душа, тело, женская природа.

Тело представляет собой черту между человеком и миром, благодаря которой становится возможным их взаимопроникновение. Тело оказывается способным воспринимать диалектический опыт: с одной стороны, оно обращено внутрь, к феноменальным переживаниям человека; по другую сторону оно сталкивается с проявлениями мира, находящегося вне человека. Тело представляет собой основание разграничения «я» – «не я», которое обеспечивает возможность их диалога. Тем не менее образ тела не ограничивается представлением физической определённости, он представляет человека как целостность души и тела в их противоположности, как «тотальность человеческого существа» [19, с. 102].

Актуальность исследования обусловлена тем, что женская телесность получала неоднозначную оценку в различные исторические времена, что затрудняет прояснение сущности женской телесности. В рамках статьи рассматривается историческое видение относительно женской телесности, причины существующих взглядов в каждую из эпох от греческой Античности до Нового времени, а также предпринимается попытка выявить закономерности становления представлений о женской телесности.

Вопрос телесности исследуется такими авторами, как О.Н. Баниже, И.М. Быховская, А.Ф. Лосев. В своих работах эти авторы демонстрируют выход телесности за пределы физического проявления человека, а также влияние, которое на телесность оказывает социальная реальность.

Представления о теле в Античности находятся в тесной взаимосвязи с представлениями древних греков о мире: значимыми точками отчёта для формирования представлений о теле этого периода оказываются миф, космос, логос, полис, а также зарождающаяся индивидуальность. Период ранней Античности – это период мифологического осмысления мира. Телесный опыт предшествует любой рефлексии, именно это способствует тому, что из непосредственного опыта переживания тела следует мифологизация мира [4, с. 209]. Тело представляет собой основание бытия человека в мире: тело является орудием освоения природного мира, а также становления мира культурного. Человеческое тело становится прототипом, в соответствии с которым выстраивается модель всего окружающей человека действительности. В связи с этим, необходимо отметить, что тело в Античности понимается глубже, чем физическая оболочка – тело представляет собой осуществление духа.

В качестве примера кратко рассмотрим «Теогонию» Гесиода, в которой рассказана теория происхождения богов и сотворения мира. Первое, что мы можем заметить: все боги представлены в очеловеченных образах, а их взаимодействие описано по аналогии человеческих отношений. Так говорится о взаимоотношениях первых богов: неба – Урана, который оплодотворяет землю – Гею. В то же время, само небо представляет собой тело Урана, которое простирается в вышине, земля – тело Геи. Благодаря наличию тел, боги способны сливаться воедино, порождая новое, несмотря на то, что каждое из тел в этом акте остаётся самостоятельным, отделённым. В дальнейшем повествовании представлено дето-

рождение остальных богов, а также свержение одних поколений богов другими. Природа представлена образами антропоморфных богов, её явления также очеловечены. Интересным моментом оказывается соответствие внутреннего содержания внешнему: боги представлены прекрасными созданиями, в то время как «неудавшиеся» порождения богов представлены в образах чудовищ, способных убивать взглядом, похищать человеческие души. Тело словно является отражением души, о чём мы продолжим вести речь несколько позже, раскрывая принцип калокагатии [8, с. 209].

Человеческое тело, оказываясь выделенным из внешнего мира, тем не менее, изображается в период ранней Античности существующим в соответствии законам природы. Тело, подобно растению, проходит период расцвета и увядания. В этом смысле, человек и человеческое тело представляет собой микрокосм: его способ бытия гармонизирован с общим порядком мироздания. Этот же принцип работает в обратном направлении: принципы мироздания отражаются в микрокосмосе – человеке. Тело являет собой способ сопряжения как с миром, так и с самой жизнью и её законами [7, с. 29].

Древние греки понимали под космосом гармонически упорядоченное целое, пронизанное логосом (духовным разумным началом). Поэтому для них особое место занимала внешняя телесная красота: существовали эталоны пропорций, отражения которых можно найти в исследованиях древнегреческой культуры, в частности, в скульптуре, а также в искусстве. В качестве известного примера можно обратиться к скульптуре «Дискобол», в которой представлен молодой человек пропорционального атлетического телосложения с ярко прорисованными мышцами. Подобное восхваление красивого тела продиктовано представлениями о его связи с человеческой душой. В Античности господствовал принцип калокагатии, направленный на всестороннее развитие человеческой личности. Этот принцип предполагает, что в человеке должны сочетаться как внешняя красота физического тела, так и внутренняя красота души, находящая отражение в нравственных поступках человека, а также преследуемых им благих целях, в качестве которых могли восприниматься лишь общие для всех граждан цели полиса. Античность воздвигла представление о совершенном человеке, об идеале, которого каждый гражданин полиса должен стремиться достичь в процессе воспитания. Красивое тело соответствовало упорядоченному устройству мира, в то время как тело с изъянами словно противоречило ей и нарушало гармонию. А.Ф. Лосев обращает внимание на то, что идеалы красоты тела, господствующие в Античности, являлись символами ценностей этой эпохи, выраженных в стремлении достичь полной гармонии и совершенства во всех областях [11, с. 25]. Таким образом, достижение красоты физического тела приближает человека к постижению красоты души, благодаря которой становится возможным приближение к красоте как таковой: слияние с красотой космоса.

В дальнейшем ходе греческой мысли Античности мы находим развитие и трансформацию вышеописанных идей. Для Платона космос является прототипом устройства всех остальных вещей: к примеру, человека, государства. Вещи, устроенные в соответствии с космическим порядком, прекрасны; отклоняющиеся от него в большей или меньшей степени безобразны [15, с. 434]. Платон одним из первых выдвинул идею степени красоты. В своём учении философ выделял мир идей, обладающий подлинным бытием и мир вещей – несовершенных прототипов, созданных в соответствии с идеей, но не являющихся её точной копией. Степень, согласно которой

та или иная вещь соответствует идее красоты, по мысли Платона, отражает степень гармонии и привлекательности вещи для нашего восприятия [13, с. 396].

Платон использует образ тела как «темницы души», что указывает на негативную коннотацию его восприятия: тело удерживает душу в земном мире и не даёт ей вернуться в мир идеальный (божественный). Платон говорит о том, что, пребывая в мире идей, душа представляет собой часть Мировой души. В момент земного воплощения посредством соединения с телом способ её существования меняется: душа становится индивидуальной.

Во многих ранних учениях телесность связывается с порочностью: тело воспринималось в качестве источника человеческих страстей, в то время как душа наделялась свойством разумности. В философии Платона мы находим образ человеческой души-колесницы, запряжённой двумя конями, один из которых благородный, статный, покладистый, а второй дурно сложенный и неуправляемый. Покладистый конь является символом разумной части души, стремящейся к благу, в то время как неуправляемый конь представляет собой образ неуёмных страстей, которые стремятся затуманить разумную часть и увести её в сторону от своего осуществления [16, с. 37]. Причина страстного начала души – человеческое тело – земное воплощение души человека, вследствие своей «неполноты» склоняющееся к земным удовольствиям. Но сам смысл существования человека мыслитель видит отнюдь не в слепом потакании телесным страстям. В связи с этим, в диалогах Платон высказывает, казалось бы, радикальную идею «философия – это упражнение в смерти». Но на самом деле смысл этого высказывания становится понятен в контексте рассмотренного ранее соотношения души и тела. Ведь только после смерти душа освобождается от тела и возвращается в мир идей, вновь соединяясь с Мировой душой, а значит воплощает истинную цель философии.

В мысли древней Греции отводится не много места женской телесности. Тем не менее, в диалоге Платона «Пир» мы находим миф об андрогинах как одну из первых мифологических теорий, рассматривающую происхождение полового разделения людей. В мифе рассказывается о том, что предки людей имели признаки как мужского, так и женского пола – это были существа круглой формы, имеющие четыре руки, четыре ноги и две головы. Андрогини, словно титаны, обладали огромной силой и стремились свергнуть божественную власть, пытаясь занять их место. Чтобы оградить себя и других богов от опасности, Зевс решил найти способ ослабить силу андрогинов, разделив их на две равные части: теперь каждое из существ имело две руки, две ноги и одну голову. Этот миф представлен Платоном в контексте разговора об Эросе, поскольку после разделения, взгляд каждой из частей андрогинов переключился со стремления к завоеванию божественной власти на поиск своей второй половины, чтобы вновь обрести целостность.

Важную роль разделение на мужское и женское играет в диалоге «Государство», в котором он поднимает вопрос о мужской и женской природе. Платон указывает на слабость выраженности природных задатков у женщин в сравнении с мужчинами, а также говорит о женщинах, как о подверженных страстям, более низменных существах [14, с. 229]. Такой взгляд согласовывается с общей античной традицией, воспринимавшей мужскую природу в качестве активной и созидательной, в отличие от женской природы, которая считалась второстепенной, низменной, склонной к разрушению [2, с. 21]. Основным отличием мужчины от женщины Платон считает репродуктивную функцию. Вследствие традицион-

ного воспитания женщине отводилась лишь определённая область жизни – домашнее хозяйство, что накладывало отпечаток на сущность женской природы. Если же воспитывать и обучать женщин наравне с мужчинами, женщины также могут принимать участие как в государственных, так и в военных делах. В связи с данной идеей, Платон высказывает новую мысль относительно негативного восприятия женской телесности: несмотря на то, что обнажённое женское тело воспринималось как нечто непристойное, этот взгляд требует пересмотра. Природа мужчин и женщин отличается лишь относительно репродуктивной функции, поэтому и остальные сферы жизни, выходящие за пределы домашнего очага, должны быть доступны женщинам, как и мужчинам. Таким образом, Платон выходит к вопросу о социальных правах женщин, исходя из общности человеческой природы [14, с. 226].

Христианство оказывает главнейшее влияние на мировосприятие Средневековья. Человек занимает центральное положение в мире, ведь он создан по образу и подобию Бога. Душа и тело строго разграничиваются, телесность рассматривается в качестве временного, земного существования, определяющего последующее существование бессмертной души [9, с. 5]. Путь воссоединения с Богом человек проходит через совладение со страстями, исходящими от тела. Изначально, тело предстаёт как источник греха, душа, напротив, как частица божественного света: внутри человека словно происходит борьба добра со злом [3, с. 43]. По мере того, как человек научается согласовывать тело и душу, он становится свободным от борьбы, происходящей внутри него и приближается к божественному благу.

На отношение к женской природе оказывает влияние священное писание [12, с. 10]. Из эпизода о сотворении человека выводят следующие факты: 1) первая женщина была сотворена после мужчины, из его части: из ребра Адама; 2) возникали споры относительно того, наделил ли Бог женщину живой душой. В ходе церковных соборов установили, что именно от женщины Христос перенял человеческую природу, поэтому вопрос о наличии у женщины живой души считается разрешённым [17, с. 8]; 3) женщина стала причиной грехопадения человека: Ева подтолкнула Адама вкушать запретный плод. Грехопадение трактуется как победа страстного телесного начала над духом. Момент грехопадения особенно интересен, поскольку произошло и изменение телесности человека: он стал смертным, утратил божественное всезнание и стал подвержен страстям. Именно с греховностью и неразумностью отождествлялась женщина в средневековом мировоззрении. Помимо образа Евы, в священных писаниях мы сталкиваемся с образом Девы Марии, которая олицетворяет собой символ спасения человечества, даруя жизнь Христу. Таким образом, с одной стороны, женщина является виновницей грехопадения человека, с другой, спасительницей.

Говоря о христианской традиции, оказавшей влияние на весь период Средневековья, мы можем разделить: 1) земное отношение к женской природе и телесности, а также 2) отношение к женщине в Царстве Божием. Если на земле женское тело признавалось менее совершенным в сравнении с мужским, вероятно, в силу влияния патриархальных традиций, то в божественном мире признавалось равенство и благородство человеческих душ независимо от пола. Этот аспект оставлял место реабилитации женщины, а также возможность пересмотра традиционного отношения к женщинам. Тем не менее, традиция негативного отношения к женщине в период Средневековья одерживала верх. Так, Августин пишет, что у женщины душа и тело вступают в конфликт, поскольку душа имеет благородное божественное начало, а тело пассивно, в нём отсутствует совершенство. У мужчины душа и тело сосуществуют в гармонии. С этим связана идея двойственности женской природы. Тем не менее, в вопросе грехопадения Августин говорит об обоюдной ответственности Адама и Евы за грехопадение в силу наличия у них свободы воли, благодаря которой становится возможным выбор поступка [1, с. 206].

Одним из важных аспектов женской телесности является девственность. Девственность признавалась символом всецелого посвящения своей жизни Богу: это путь возвышения духа посредством отказа женщины от страстей, мирского существования, сосредоточенного вокруг быта. Девственность символизирует отказ от своей природы, от женской телесности, именно благодаря этому женщина становится способна уподобиться мужчине и достичь совершенства.

В Средневековье также поднимается тема изменения внешнего облика: использование косметики, а также уход за кожей и волосами воспринимается как проявление порочности. Это обусловлено следующими моментами: 1) женщины стремятся изменить то, какими их создал Бог; 2) изменение внешности направлено на искушение мужчин. Таким образом, изменение телесного облика связано со грехом [18, с. 347]. Основная идея средневековья заключается в том, что необходимо заботиться о красоте души, а не тела.

Представления о телесности претерпевают кардинальные изменения в эпоху Возрождения, когда физическое тело начинает возводиться в культ. Возрождение связано с новым прочтением идеалов Античности. Вновь обретает актуальность красота физического тела: в живописи и скульптуре эпохи Возрождения мы находим изображения обнажённых тел, красота которых воспеваются авторами. Антропоцентризм, утверждённый Возрождением, выступает в произведениях этого времени в качестве протеста. Идеалы Средневековья переворачиваются с ног на голову: воспевание человеческой телесности представляет собой символ нового статуса человеческого, мирского. Материальное выходит на первый план, оставляя позади воспевание потустороннего и духовного. Одной из причин изменения отношений к человеческой телесности стало развитие наук, в частности, анатомии, рассматривающей тело в качестве объекта. Науки обращались к телу в его функциональном аспекте, оставляя вопросы взаимосвязи души и тела. Тело перестаёт восприниматься как темница души, как греховная составляющая человека, требующая обуздания. Худоба, ранее воспеваемая христианством как отражение умения совладать со стремлениями тела, сменяется культом пышных форм, символизирующих как здоровье, так и полноту жизни, включающую мирские удовольствия. Образ Венеры эпохи Возрождения символизирует здоровое женское тело с пышными формами, готовое даровать новую жизнь [5, с. 64].

В период Нового времени продолжают тенденции, намеченные Возрождением: тело рассматривается как механизм, как материальная составляющая человека. Р. Декарт сравнивает человеческое тело с машиной, созданной Богом и постулирует существование двух субстанций: протяжённой (тела) и мыслящей (души), которые связывает Бог. Согласно мысли Р. Декарта, физическое тело подчиняется объективным законам неживой природы и, в отличие от взглядов античных мыслителей, не зависит от души, как причины своего существования. Ж.О. Ламетри продолжает мысль Р. Декарта, вовсе отказываясь от субстанциальности души, объявляя её метафизическим элементом материалистического мира [10, с. 177].

В философии Т. Гоббса человек представляет собой не только отдельного индивида, он является частью политического тела – гражданского общества [20, с. 382]. Естественные права, по мысли философа, являются продолжением человеческой природы и берут своё начало из неё. Т. Гоббс разделяет страстные начала, которые отвечают за удовлетворение физических потребностей и стремление к удовольствиям. У «природного» человека нет понятий о нравственности и морали, он готов пойти на всё ради удовлетворения желаний. Тем не менее, возникает проблема: задача любого тела – самосохранение, что становится трудно осуществимым в отсутствие установленных рамок и правил. Разумная составляющая приводит человека к тому, что для выживания необходимо взять верх над страстями, по собственной воле подчинившись высшей власти государства. Таким образом, Т. Гоббс демонстрирует, каким образом возникает необходимость в расширении человеческой телесности, её выходу за рамки отдельного физического тела человека: люди создают искусственное тело государства как инструмент обеспечения безопасного пользования благами каждому гражданину [6, с. 49].

Как мы можем заметить, человек Т. Гоббса не движим высокими идеалами достижения общего блага, как это было в Античности. Им движут эгоистические мотивы достижения личной выгоды здесь и сейчас, в рамках земной жизни, его не беспокоит вечная жизнь души, как это было в период Средневековья. Главными интересами, которые движут человеком, становятся интересы экономические, ставящие во главу вопросы о пользе и выгоде.

В период Нового времени утверждается равенство людей относительно возможности обладать благами: каждый подчиняется высшей власти и потенциально имеет возможность подчинять других вне зависимости от физических различий. Т. Гоббс продолжает линию, согласно которой общественное положение женщин во многом определено традицией, поскольку общественные отношения, регулируются посредством договора.

Таким образом, рассматривая отношения к женской телесности в разные эпохи, мы можем прийти к следующим выводам. 1. Начиная с Античности прослеживается точка зрения, согласно которой низменность женской природы в сравнении с мужской обусловлена социальным контекстом. 2. Средневековое представление о женской телесности неоднозначно: с одной стороны, женщины несут вину за грехопадение человечества, с другой, выступает в роли спасительницы человечества, даруя жизнь Христу. Выявляется отрицание физического тела с целью воспитания души. 3. Антропоцентризм эпохи Возрождения смещает фокус на земную жизнь, в том числе, на красоту и здоровье физического тела. Тело рассматривается как объект, а женское тело перестаёт коррелировать с негативной оценкой. 4. В Новое время прослеживается тенденция равенства людей вне зависимости от половой принадлежности. Господствует взгляд, согласно которому существующее в обществе негативное отношение к женской телесности обусловлено традициями, возникшими в ходе человеческих договорённостей. Таким образом, мы приходим к заключению, что истоки отрицательной оценки женской телесности, с большей вероятностью, исходят из укрепившихся в обществе, прошедших сквозь несколько эпох, социальных представлений. Также мы замечаем, что в связи с социокультурными изменениями возникает необходимость переосмысления предшествующего опыта в каждой эпохе, которая оказывает специфическое влияние на отношение к женской телесности.

Литература

1. Августин А. Исповедь; Ренессанс. – Москва, 2009. – 494 с.
2. Аристотель Политика. М.: Академический проект, 2015. – 320 с.
3. Баниже О.Н. Средневековая телесность и средневековая рациональность // Культурологический журнал. 2016. № 1(23). С. 42–45.
4. Верещагина Н.В., Комаров С.В. Мир и тело: инверсия метафоро-мифологической схемы // Вестник пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. Вып. 2. 2017. С. 206–215.
5. Габидуллина Ч.Ф. Восприятие и культ женского образа в эпоху Возрождения // Общество и государство. 2023. № 1. С. 63–68.
6. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001. – 240 с.
7. Зенец Н.Г., Лобова Т.Г., Чалдышкина М.В. Проблема телесности: от мифологемы к философеме // СИСП. 2020. № 2. С. 26–44.
8. Йованович Т.Г. Философские концепции красоты в эстетике Античности // СИСП. 2023. № 1. С. 205–218.
9. Катасонов В.Н. Цифровизация, платонизм и христианство // Культурное наследие России. 2019. № 2. С. 4–10.
10. Ламетри Ж. Человек-машина. – М.: Литература, 1998. – 704 с.
11. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
12. Некрасова А. Эстетика новой телесности: женская красота в XXI веке // Universum: филология и искусствоведение. 2023. № 5 (107). С. 9–13.
13. Платон Гиппий Большой / Пер. А.В. Болдырева // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., Мысль, 1990. 386–418 с.
14. Платон Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т.3. 421 с.
15. Платон Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т.3. 421–501 с.
16. Платон Федр / Перевод А.Н. Егунова. Под ред. Ю.А. Шичалина. – М., 1989. – 282 с.
17. Рябова Т.Б. (1999) Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. центр «Юнона». – 212 с.
18. Тертуллиан «О женском убранстве» // Тертуллиан. Избр. соч. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1994. – 448 с.
19. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий / П.Д. Тищенко. – М.: ИФРАН, 2001. – 178 с.
20. Цанова Б.З. Понятие политического в философии Т. Гоббса // ПОЛИТЭКС. 2020. № 3. С. 375–396.

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL RETROSPECTIVE OF UNDERSTANDING FEMALE CORPORITY: FROM GREEK ANTIQUE TO MODERN TIMES

Klimov S.N., Mikhailova A.E.

Russian University of Transport (MIT)

The article examines the understanding of corporeality, in particular, female corporeality in various historical eras. The purpose of the work is to recreate ideas about female corporality in Antiquity, the Middle Ages, the Renaissance and Modern times. The main content of the work is an analysis of the cultural and social context of each era. As a result of the study, the ideological foundations on which the attitude towards female corporeality is based were determined. Trends common to each time are identified that undergo changes during the transformation of social reality. A comprehensive con-

sideration of the problem of female corporeality is proposed, taking into account both traditions flowing from era to era, and specific innovations of each time. The proposed approach allows us to form a deeper understanding of the phenomenon under study, taking into account factors that have a transformative influence on people's worldview regarding female corporeality.

Keywords: corporeality, female corporeality, soul, body, female nature.

References

1. Augustine A. Confession; Renaissance. – Moscow, 2009. – 494 p.
2. Aristotle Politics / Aristotle. – M.: Academic project, 2015. – 320 p.
3. Banizhe O.N. Medieval corporeality and medieval rationality // Culturological journal. 2016. No. 1 (23). pp. 42–45.
4. Vereshchagina N.V., Komarov S.V. World and body: inversion of the metaphorical-mythological scheme // Bulletin of the Perm University. Series Philosophy. Psychology. Sociology. Vol. 2. 2017. pp. 206–215.
5. Gabidullina Ch.F. Perception and cult of the female image in the Renaissance // Society and State. 2023. No. 1. pp. 63–68.
6. Hobbes T. Leviathan, or matter, form and power of the state, ecclesiastical and civil. – M.: Mysl, 2001. – 240 p.
7. Zenets N.G., Lobova T.G., Chaldyshkina M.V. The problem of corporeality: from mythologem to philosopheme // SISP. 2020. No. 2. pp. 26–44.
8. Yovanovitch T.G. Philosophical concepts of beauty in the aesthetics of Antiquity // SISP. 2023. No. 1. pp. 205–218.
9. Katasonov V.N. Digitalization, Platonism and Christianity // Cultural heritage of Russia. 2019. No. 2. pp. 4–10.
10. Lametrie J. Man-machine. – Publisher: M., Literature, 1998. – 704 p.
11. Losev A.F. Essays on ancient symbolism and mythology. – M.: Mysl, 1993. – 959 p.
12. Nekrasova A. Aesthetics of new physicality: female beauty in the 21st century // Universum: philology and art history. 2023. No. 5 (107). pp. 9–13.
13. Plato Hippias the Greater / Trans. A.V. Boldyreva // Plato. Collected works: In 4 volumes. T. 1. M., Mysl, 1990. 386–418 p.
14. Plato The State // Plato. Collected works: in 4 volumes. M., 1994. T.Z. 421 p.
15. Plato Timaeus // Plato. Collected works: in 4 volumes. M., 1994. T.Z. 421–501 p.
16. Plato Phaedrus / Translation by A.N. Egunov. Ed. Yu.A. Shichalina. – M., 1989. – 282 p.
17. Ryabova T.B. (1999) Woman in the history of the Western European Middle Ages. Ivanovo: Publishing house. Juno Center. 212 p.
18. Tertullian On women's attire // Tertullian. Favorite Op. – M.: publishing group "Progress", "Culture", 1994. – 448 p.
19. Tishchenko P.D. Bio-power in the era of biotechnology / P.D. Tishchenko. – M.: IFRAN, 2001. – 178 p.
20. Tsanova B.Z. The concept of the political in the philosophy of T. Hobbes // POLITEX. 2020. No. 3. pp. 375–396.

Эволюция политики в городских общинах современного Китая: анализ эволюционных процессов в системе управления на местном уровне

Ли Чжожу,

редакционный директор Ассоциации мировой политической экономики (Китай)
E-mail: liz@my.msu.ru

В данной статье проведен анализ современного состояния, различных типов и основных принципов моделей управления низовыми общинами в Китае, с особым вниманием к модели социальной автономии и принципу ориентации на трудовой народ. Рассмотрены негативные тенденции и предложены пути их преодоления с учетом принципов марксистской диалектики. Акцент сделан на необходимости сбалансированного взаимодействия государства, рынка и общества для обеспечения устойчивого социального развития в Китае.

Ключевые слова: модель управления низовыми общинами в Китае; модель социальной автономии, принцип ориентации на трудовой народ, марксистская диалектика, балансирование государства и рынка и общества.

Со времени введения политики реформ и открытости в Китае в 1978 году, социалистическое государство добилось значительных успехов в сфере экономических реформ. Однако развитие социальной сферы имело место сравнительно поздно. «Для Китая на сегодняшний день характерна техническая многоукладность и опосредствованно связанная с ней социальная дифференциация общества на группы, резко отличающиеся между собой в материальном обеспечении и общем уровне развития» [1, с. 180]. Как известно, без сбалансированного социального развития сложно обеспечить устойчивость и совершенствование социалистической рыночной экономики. В этом контексте постоянное усовершенствование политики управления на местном уровне играет особенно важную роль. Си Цзиньпин заявил по этому поводу: «Мы должны укреплять и обновлять социальное управление на низовом уровне, сделать каждую ячейку общества здоровой и активной, разрешать конфликты и споры на низовом уровне, создавать гармонию и стабильность на низовом уровне» [2, с. 332]. Текущая ситуация с политикой управления низовыми общинами в современных китайских городах.

Текущая ситуация с политикой управления низовыми общинами в современных китайских городах

После внедрения реформ и открытости в Китае произошла диверсификация типов низовых обществ и общин, что отражает диалектику классовых интересов и экономического развития в социалистическом обществе. Нынешняя политика управления, хотя и продолжает следовать принципам социализма, не полностью соответствует текущей ситуации. До реформ 1978 года в Китае существовали три основных типа низовых общин, которые органично вписывались в социалистическую систему: обычные уличных кварталы, общины семей членов партийных и государственных органов, предприятий и учреждений, а также сельские общины. Однако в результате экономических перемен и урбанизации общины претерпели существенные изменения. Многие из них превратились в коммерческие с учетом новых экономических отношений, в то время как другие подверглись реструктуризации в соответствии с новыми требованиями общественного развития – после внедрения реформ и открытости обычные уличные общины постепенно превратились в общины коммерческого жилья, а старые общины претерпели трансформацию и изменения в процессе урбанизации. Некоторые из этих общин были определены местными властями как «зоны сохранения старой городской культуры», и реформа системы государственного жилья привела к распаду большинства семейных общин партийных и правительственных организаций, предприятий и государственных учреждений. Сельские общины эволюционировали в различные типы, включая «зоны экономического развития», новые сельские общины, городские общины и городские деревни. Таким образом, эволюция низовых общин и общественных отношений в Китае отражает сложную динамику классовой борьбы и стремление

к социалистическому развитию на основе научного материализма. Все эти факторы оказывают влияние на формирование соответствующей политики управления, требующей глубокого анализа и согласования с основными принципами марксистско-ленинской теории.

В то же время, организационная структура низовых общин Китая сильно изменилась после распада первоначальной плановой экономической системы, но систематическая политика управления еще не полностью соответствует новым условиям. Для того чтобы эффективно справиться с этими изменениями и продолжить обеспечивать влияние и мобилизацию КПК от ЦК до местных организаций партии, необходима реорганизация общества. До реформ и открытости в Китае социальные отношения в низовых общинах были относительно простыми, с более простой системой социального управления, соответствующей коллективному жилью. Однако после внедрения реформ и открытости интересы внутри низовых общин стали более разнообразными, а также разнообразились их внутренние организации. Внедрение рыночных механизмов также привело к институциональным изменениям и созданию новых платформ для управления общинами. Например, во многих развивающихся низовых общинах Китая организационная структура стала более сложной, включая различные формы управления, такие как комитеты жителей, комитеты партийных отделений, комитеты собственников, управляющие компании, а также неправительственные организации, общественные организации и т.д.; в городских и сельских районах также существует практика создания правительственных организаций на уровне улиц и поселков.

Иными словами, в настоящее время различные организации находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом, лишенных четкой структуры. Иными словами, несмотря на то, что внешне организационная система режима относительно развита, из-за отсутствия ясности и определения прав и обязанностей в некоторых общинных также часто наблюдается отсутствие или паралич низового управления в конкретной политической практике, а иногда даже политический вакуум. В частности, после трансформации низовых обществ и низовых общин все еще сохраняется социальная инерция традиционных социалистических обществ, а собственный организационный потенциал общества все еще слаб. Хотя первоначальная система управления также пытается справиться с новой ситуацией, поскольку функциональное позиционирование низовых общественных организаций не было своевременно скорректировано, они часто перегружены административной работой, устают справляться с многочисленными задачами, поставленными вышестоящими органами власти, им трудно искренне понимать потребности широкой общественности и играть роль «лидеров» и «организаторов» общественных дел в общине. Трудно играть роль «лидера» и «организатора» общественных дел в общине и координационной платформы для управления низовыми общинами. На практике некоторые комитеты жителей на низовом уровне превратились в организации с неясными правами и обязанностями, не обладающие способностью к полному самоуправлению и пространством для автономии, и в то же время им трудно завоевать доверие и признание жителей общины, поэтому их управленческие и координационные возможности слабы, что затрудняет воплощение политического содержания организаций самоуправления жителей.

Во-вторых, традиционные общественные организации до сих пор не адаптировались к новым изменениям, а новообразованные общественные организации оста-

ются относительно слабыми. С момента образования КНР под руководством КПК, общественные организации, которые когда-то обладали наиболее тесными политическими связями с массами, такие как профсоюзы, Коммунистическая молодежная организация и Федерация женщин, сталкиваются с проблемой эффективного осуществления своей важной роли в установлении связей с широкими народными массами. С другой стороны, новообразованные общественные организации, такие как неправительственные организации и социальные группы, также сталкиваются с трудностями адаптации к особенностям социально-политической среды в Китае.

В-третьих, вновь созданный рыночный механизм все еще имеет множество несовершенств. С реформированием экономической системы и переводом жилищного строительства на рыночные рельсы рыночные силы постепенно проникли в общину. Неизбежно возникают проблемы с участием рыночных игроков в процессе управления общинами, такие как одностороннее преследование собственных интересов и отсутствие надзора, регулирования и руководства, например, конфликты между компаниями по управлению недвижимостью и комитетами собственников. По сути, это проблема сбой рыночного регулирования. Поскольку рынок основан на принципе равноправной торговли, а рыночное поведение ориентировано на получение прибыли, модель рыночной экономики имеет неоспоримое преимущество в предоставлении товаров и услуг. Однако рынок может решить лишь часть, но не все проблемы жизни общины. Низовые общины нуждаются не только в товарах, но и в общественных товарах и услугах, которые вряд ли можно решить, полагаясь только на силу рынка. В результате возникли конфликты между участниками рынка и жителями.

В-четвертых, участие жителей невелико. При низовом управлении общинами большинство жителей не участвуют в управлении общественными делами в своих общинных. Важной причиной этого является отсутствие «общинной идентичности» в процессе развития общины. После реформы и открытия, в результате всеобщей миграции жителей, доля новых жителей и жителей, не знающих друг друга, резко возросла, неоднородность членов общины увеличилась, понятия и интересы членов общины стали все более разнообразными, а потребности членов общины в общественных услугах также сильно различались, что усложнило координацию и интеграцию общины. С другой стороны, мобильность членов общины разрушает изначальные социальные отношения, и не хватает эффективной интеграции и реорганизации среди все более «авторизированных» жителей общины, которым еще предстоит сформировать «общинно жизни», подобное классическому социалистическому обществу, Здесь нет «общины жизни», «общины интересов» или «общины ценностей», подобных тем, что существуют в классических социалистических обществах, а широта и глубина участия жителей в жизни общины очень ограничена, и, конечно же, отсутствует идентичность общины.

Подводя итог, можно сказать, что с изменением общества и разнообразием интересов возникают проблемы в низовых общинах. Традиционный подход к управлению обществом, основанный преимущественно на административных мерах, уже не отвечает вызовам времени. Необходимо лучше учитывать роль правительства, рынка и общества в использовании общественного пространства в общине, организации общественных дел, бизнеса общины, формулировании правил и урегулировании отношений между новыми жителями, владельцами недвижимости, иностранцами и компаниями. Особое

внимание следует уделить развитию способности общества к саморегулированию и умению жителей самостоятельно управлять собственными делами.

Три модели инноваций в моделях управления городскими низовыми общинами

Си Цзиньпин отметил, что «общественная работа – это дисциплина, и мы должны активно изучать и внедрять инновации, расширять управленческую цепочку с помощью разнообразных форм, повышать уровень обслуживания, чтобы тысячи семей могли почувствовать тепло партии и правительства» [3, с. 128].

В последние годы в Китае наблюдается усиление инноваций в сфере управления низовыми городскими общинами. С точки зрения социологических теорий о трех основных механизмах – государственном, рыночном и общественном – а также на основе анализа, обобщения и выводов, полученных в результате изучения различных типов моделей управления низовыми общинами, можно выделить три основных пути инновационного развития моделей управления низовыми городскими общинами в Китае.

1. Модель под руководством правительства: данная модель предполагает, что ведущую роль в управлении низовыми общинами играет государство. 2. Модель под руководством рынка: в рамках этой модели основным механизмом управления низовыми общинами является рынок. 3. Модель общественного самоуправления: данная модель предполагает, что управление низовыми общинами осуществляется самими жителями.

Следует отметить, что в реальной практике управления низовыми общинами эти три модели часто не существуют в чистом виде. В рамках одной общины могут одновременно функционировать несколько органов управления и механизмов управления, что позволяет говорить о гибридных моделях управления.

Во-первых, модель управления под руководством правительства. Модель под руководством правительства относится к модели управления, которая опирается на административную власть правительства для предоставления общественных услуг низовым общинам, улучшения структуры управления низовыми общинами, культивирования организаций самоуправления низовых общин и развития общественного участия низовых общин. Этот путь предполагает укрепление роли государственных органов на местном уровне в соответствии с интересами рабочего класса и широких масс трудящегося населения. Развитие законодательной базы и институциональной структуры должно способствовать укреплению власти народного характера и повышению эффективности управления в интересах социалистического строительства. Например, на улице Тянькунь в Пекине отличительной чертой является сильное руководство со стороны правительства, но, конечно, эта модель также подчеркивает участие жителей и сотрудничество всех основных партий, что является относительно успешной моделью. Однако такая модель предполагает, что местные власти обладают достаточным финансовым потенциалом, а руководство местных органов власти и местных партийных комитетов должно обладать высокими политическими качествами.

Однако стоит отметить, что данная модель также зависит от личной харизмы руководителей местных органов власти и партийных комитетов КПК. Как только эти лидеры покидают свои районы, устойчивость модели подвергается серьезному испытанию. Кроме того, из-за сильного административного вмешательства в этой модели, общество часто оказывается в пассивном положении, а потенциал общинной автономии не развивается. Это приводит к отклонению от принципов политики ав-

тономии общин, сформулированных Центральным комитетом КПК. Этот управленческий парадокс проявляется в том, что чем больше вмешательства со стороны правительства, тем меньше способность общины управлять своими делами и обеспечивать социальную автономию. В результате в модели управления под руководством правительства отсутствуют институциональный дизайн и механизмы, которые бы гарантировали активное участие людей из низовых общин в общественных делах.

Достоинство модели управления под руководством правительства состоит в том, что правительство, обладая высокой государственной властью и авторитетом, способно мобилизовать все виды организационных и финансовых ресурсов за короткий период времени. Это обеспечивает модели сильную организационную мобилизационную способность и высокую административную эффективность. В рамках проектно-ориентированной системы управления на низовом уровне основные общественные услуги в Китае в основном инвестируются в общественные услуги и ресурсы низовыми органами власти пропорционально численности населения в домохозяйствах. Поэтому низовые органы власти обладают большей способностью к мобилизации ресурсов, чем другие органы управления. Учитывая, что низовые органы власти в определенной степени обладают кадровыми и финансовыми полномочиями по управлению низовыми общинами, модель управления, продвигаемая низовыми органами власти, обладает очевидными системными преимуществами. Она характеризуется высокой эффективностью и мощным потенциалом.

Во-вторых, концепция модели, основанной на рыночных принципах, является новым подходом, который возник в результате реформ в сфере коммерциализации жилья в Китае. Эта модель использует рыночные механизмы для предоставления социальных и общественных услуг, включая услуги по управлению муниципальной собственностью. Кроме того, она способствует развитию организаций самоуправления и увеличивает общественное участие в жизни общины.

Преимущество рыночной модели проявляется в естественной рациональности распределения ресурсов для управления общинами, а также в её потенциале для эффективного распределения ресурсов. С появлением социалистической рыночной экономической системы рынок начал играть ключевую роль в распределении ресурсов для жизни общины, а общинный рынок стал еще более тесно связанным с жизнью общины. В общинный рынок входят не только рынок основных бытовых услуг, но и рынок аренды и продажи жилья, особенно последний, оказывающий значительное влияние на управление общиной. С появлением и развитием рынков коммерческой недвижимости в городах начали появляться рыночные модели управления общинами. В настоящее время большинство коммерческих жилищных общин управляются недвижимостными компаниями и подчиняются рыночной модели.

Однако у рыночной модели существуют значительные недостатки, такие как сложность преодоления рыночных провалов и недостаточная способность к социальной интеграции. Из-за негативных внешних эффектов общественных услуг рациональные рыночные участники не имеют стимулов предоставлять общественные услуги, что затрудняет преодоление проблемы рыночного провала. Кроме того, существует фундаментальный парадокс между рыночной моделью и управлением общинами: в то время как рынок ориентирован на равноправный обмен между двумя сторонами сделки, управление общинами нацелено на обеспечение общественных благ. Некоторые общественные услуги в общине

не поддаются рыночным принципам из-за их коллективного характера. Успех рыночной модели в значительной степени зависит от предпринимателей, обладающих чувством социальной ответственности, поскольку множество коммерческих жилищных общин продолжает страдать от рыночных провалов и ограниченной способности к социальной интеграции. В результате возникают споры и конфликты между владельцами-жильцами, застройщиками и компаниями по продаже недвижимости из-за экономических интересов, что становится обычным явлением в рыночной модели управления общинами.

В-третьих, модель социальной автономии представляет собой управленческий подход, в рамках которого основное внимание уделяется социальным динамикам, особенно активному участию жителей общины в самоорганизации. Например, в некоторых общинах жители ориентируются на собственные ресурсы и социальные связи для создания организаций самоуправления, стимулирования развития общественных структур, взятия на себя обязанностей по общественному управлению и содействия активному участию жителей в улучшении качества жизни в общине. Исследовано с политической точки зрения – этот путь предполагает активное участие рабочего класса и широких масс населения в управлении общиной на основе принципов самоуправления и демократии. Развитие общественных организаций и инициатив должно способствовать укреплению социалистического строя и повышению активности населения в управлении общественными делами.

Отставание в социальном развитии представляет собой заметную реальность в контексте китайского общества, что влияет на сложность реализации практики модели социальной автономии. В рамках анализа местных общин в китайских городах наблюдается ограниченное количество случаев применения данного подхода, преимущественно в связи с институциональными ограничениями политической системы и недостатком ключевых социальных условий, включая признание институций, формирование общностной идентичности, развитие гражданских организаций, механизмы сбора пожертвований, эффективное управление человеческими ресурсами и устойчивое развитие организаций.

Тем не менее, модель социальной автономии обладает существенными преимуществами, включая опору на лидеров общины и принцип совместного строительства и участия. Одним из наиболее эффективных методов реализации этой модели является стимулирование формирования жизнеспособной общины путем активизации спонтанного участия её жителей. В рамках социалистической страны, такой как Китай, с его высокой централизацией политической и экономической системы, модель автономии общины, основанная на коллективистских принципах, обоснована естественным образом. С проблемой участия масс в управлении В.И. Ленин связывал непосредственный переход к коммунизму. «...Когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством... – писал В.И. Ленин, – тогда будет открыта настезь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе...» [4, с. 102].

Недостатки модели автономии общин выражаются в её ограниченной зависимости от индивидуальных лидеров общин при её продвижении, что часто препятствует полной мобилизации ресурсов и затрудняет получение признания и поддержки со стороны местных властей. Особенности развития модели также являются следующие дилеммы. 1. Недостаточное формирование условий для социальной автономии, особенно в контек-

сте ограниченной способности к самоорганизации. 2. Отсутствие институциональной поддержки и неопределенность в роли общественных и социальных организаций. 3. Недостаточная финансовая стабильность органов самоуправления общин, ограничивающая их способность к устойчивому развитию. 4. Низкая информированность и активное участие жителей общин, что создает зависимость от индивидуальных лидеров. 5. Преобладание модели социальной автономии в общинах среднего и высокого уровня, в то время как в некоммерческих жилищных общинах, из-за неопределенности прав собственности на жилье, достижение автономии остается проблематичным.

Принцип ориентации на трудовой народ в основе выработки политики социального управления городскими низами в условиях китайской модернизации

В контексте борьбы за китайскую модернизацию, принцип ориентации на трудовой народ приобретает ключевое значение в формировании политики социального управления в городских низовых общинах. Этот принцип выражает необходимость учитывать интересы и потребности трудящихся граждан при разработке мер и механизмов социального управления, основываясь на признании ведущей роли трудового народа в формировании социальной структуры и прогрессивном развитии общества.

Принцип ориентации на трудовой народ включает в себя несколько важных аспектов. В первую очередь, это адаптация политики социального управления к потребностям и особенностям трудового населения, включая жилищные и трудовые условия, доступность образования и медицинского обслуживания, а также возможности для профессионального и социального развития. Во-вторых, это внедрение механизмов участия трудящихся граждан в процессе принятия решений по вопросам, касающимся их интересов и благосостояния. И, наконец, это поддержка и развитие организаций и инициатив, направленных на защиту и продвижение прав и интересов трудящихся, таких как профсоюзы и общественные организации.

Таким образом, принцип ориентации на трудовой народ в социальном управлении городскими низами в условиях китайской модернизации играет важную роль в обеспечении справедливости, равенства и социальной стабильности в обществе. Он способствует созданию условий для улучшения качества жизни и социального развития широких слоев населения, что является ключевым фактором устойчивого развития городских общин в современном Китае.

Мы осведомлены о существовании трех основных механизмов функционирования общества: государственной власти, рыночных отношений и гражданского общества. Мы также признаем, что координация и сбалансированность между ними необходимы для успешной реализации процесса модернизации в Китае. Однако в нынешнем социальном управлении на низовом уровне в китайских городах все еще присутствуют три негативных явления: приоритизация власти, приоритизация капитала и приоритизация интересов ограниченных групп. Все эти тенденции противоречат базовому принципу, призывающему учитывать интересы трудящихся. Поэтому мы считаем, что для реализации принципа ориентации на трудящихся в городском строительстве и управлении общинами необходимо сосредоточить усилия в следующих двух областях.

Во-первых, необходимо серьезно рассмотреть вопрос о реализации общественной власти, а также о резервировании основных ресурсов и пространств в городе для работающих людей. Концепция «народного города» имеет глубокие корни в академической среде социологии и урбанистики. Ещё в первые годы своей деятельности Фридрих Энгельс провел анализ жизненных условий рабочего класса в крупных городах, таких как Лондон и Манчестер, остро сформулировав вопрос о целях городского строительства. По примеру Ф. Энгельса многие выдающиеся ученые, включая А. Лефевра, М. Кастьелса и Д. Харви, продолжили анализировать проблемы, связанные с игнорированием интересов труда и общества в процессе развития и управления капиталистическими городами. А. Лефевр предложил глубокий анализ того, как наилучшие городские пространства подчинены интересам крупного капитала, в то время как трудовой класс и работники оказываются исключенными. Дэвид Харви, один из ведущих американских социологов, в своих работах остро критикует доминирующее положение капитала в развитии американских городов, при этом часто игнорируются интересы общества. В современном Китае принцип ориентации на трудящихся в развитии и управлении городами также имеет важное значение. Советский ученый А.С. Ахиезер отмечал, что «Современная эпоха характеризуется неуклонно возрастающей ролью рабочего класса. Его значение растет и как носителя социалистических общественных отношений, и как носителя нового уровня развития производительных сил, связанных с научно-технической революцией» [5, с. 76]. В условиях самой масштабной урбанизации в истории человечества современный Китай сталкивается с изменениями в способе производства и образе жизни подавляющего большинства его населения, в результате чего интересы трудящихся тесно связаны с городским строительством и развитием. Это, как отметил Си Цзиньпин, «потребуется сосредоточения усилий на установлении контактов и организации масс, а также на улучшении общественных услуг» [6, с. 464].

Более того, в политическом отчете девятнадцатого Всекитайского съезда КПК при разработке идеологии социализма с китайскими особенностями для новой эпохи была выделена стратегическая идея, ставящая в центр внимания трудящийся народ. Политический отчет Двадцатого Всекитайского съезда КПК также подтвердил необходимость «придерживаться идеологии развития, ориентированной на людей». Основываясь на историческом опыте КПК и строительства КНР, мы видим, что приверженность принципу «народ – в центре» всегда была основным принципом строительства КПК и социалистического Китая. В сущности, принцип «в центре внимания – трудовой народ» отражает китайское понимание главных аспектов городов: города – это места, где население относительно сконцентрировано, поэтому основными характеристиками городов являются не «вещи», такие как здания, а люди. Во-вторых, как отмечает школа городской политэкономии, одна из важнейших теоретических традиций городской социологии, города представляют собой места наибольшей концентрации политических и экономических интересов, и только соблюдение принципа расположения трудящихся в центре города позволяет сделать этот высококонцентрированный объем политических и экономических интересов доступным для трудящихся, а не подвергаться манипуляциям несколькими людьми или группами интересов.

Во-вторых, необходимо активно создавать и поддерживать баланс между правительством, рынком и обществом. Как мы знаем, согласно социологии, существуют три основных механизма функционирования

общества, а именно: правительство, рынок и общество, и координация и баланс между ними необходимы для упорядоченного развития общества, в то время как если отношения между ними выходят из равновесия, социальные конфликты будут нарастать и усиливаться. В современном Китае наблюдаются следующие негативные явления: правительство должно быть представителем общественной власти, но иногда некоторые власть держащие сильно расширяют свою власть, что создает негативное явление, сосредоточенное на власти; и рынок должен быть справедливой торговой площадкой для экономических факторов, но иногда фактор капитала резко расширяется, что создает негативное явление, сосредоточенное на власти; и рынок должен быть справедливой торговой площадкой для экономических факторов, но иногда фактор капитала резко расширяется, что создает негативное явление, сосредоточенное на власти. Рынок должен быть площадкой для справедливого обмена экономическими факторами, но иногда фактор капитала резко расширяется, что создает негативное явление, сосредоточенное на капитале, а также создает дисбаланс в обществе; общество состоит из групп людей, и интересы групп людей часто не совпадают, и в контексте социального механизма, если существует дисбаланс в политике урегулирования отношений между группами людей, возникнет ситуация, когда интересам одной группы людей уделяется внимание, а интересы большинства людей игнорируются, что также является важным проявлением социального дисбаланса.

В частности, чтобы устранить три вышеупомянутых негативных явления, необходимо, во-первых, модернизировать систему государственного управления и управленческий потенциал государства, в частности, современный механизм принятия научных решений. Во-вторых, необходимо обратить внимание на природу бесконтрольной погони капитала за прибылью, которая является причиной серьезного дисбаланса в развитии, и, следовательно, усилить контроль и руководство властью капитала, главным образом, посредством политических ограничений, основанных на главном принципе диктатуры пролетариата, социальных ограничений, основанных на главенстве интересов трудового народа, и экологических ограничений, основанных на главном принципе устойчивого развития общества. Также следует уделить внимание совершенствованию политики управления низовыми общинами в сфере предоставления общественных услуг, управления общественной или совместной собственностью, организации коллективного потребления, ведения переговоров по общественным делам и выражения интересов, координации разрешения противоречий и споров, реализации общинной идентичности и формирования общинной культуры.

Си Цзиньпин однажды заметил, что «хотя община и маленькая, она связана с тысячами семей, и очень важно хорошо работать в ней» [3, с. 128].

Глубокое осмысление принципов материалистической диалектики, вытекающих из теоретической концепции марксистско-ленинской философии, и их применение в анализе социальных явлений представляет собой своеобразный иллюминатор, проливающий свет на путь международного коммунистического движения. Подобно историческим событиям, связанным с развитием советского общества, которые выступают в качестве важных этапов в эволюции социализма, общество Китая находит отражение в этой перспективе.

Подобно тому, как Союз ССР, встающий перед вызовами времени и внешними агрессиями, продолжал свое движение вперед, олицетворяя принципы научного коммунизма в строительстве нового общества, Китай, опи-

раясь на накопленный опыт и исторические уроки, стремятся к новым высотам.

Аналогично тому, как идеи К. Маркса и В.И. Ленина проникли сквозь стены угнетения и диктата капитализма, Китай, впитывая их мысль и адаптируя к своим условиям, проявляет способность к инновационному развитию и социальной гармонии.

И как железные птицы, вдохновленные стремлением к свободе и справедливости, парят над просторами истории, Китай, утверждая свои идеалы и принципы, продолжает свой полет в будущее, воплощая в себе силу и преемственность мирового коммунистического движения. Эта уверенность в превосходстве социализма над капитализмом становится краеугольным камнем нашего стремления к высшим целям и движущей силой нашего стремления к более совершенному будущему.

Литература

1. Кульпин Э.С. Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая. – М.: Наука, 1975.
2. Литературный редакционный комитет ЦК КПК: Избранные сочинения Си Цзиньпина, том II. – Пекин: Народное издательство, 2023.
3. Центр по изучению партийных документов при ЦК КПК. Выдержки из высказываний Си Цзиньпина о социалистическом общественном строительстве. – Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2017.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 33. – М.: издательство политической литературы, 1969.
5. Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс: Некоторые вопросы теории, критика буржуазных концепций: [Сборник статей] / [Ред. коллегия: ...О.Н. Яницкий (отв. ред.)]. – М.: Наука, 1972.
6. Си Цзиньпин. Делать на практике и идти в авангарде – мысли и практика по продвижению нового развития Чжэцзяна. – Пекин: Партийная школа ЦК КПК, 2016.

POLICY EVOLUTION IN URBAN COMMUNITIES IN CONTEMPORARY CHINA: ANALYSING THE EVOLUTIONARY PROCESSES IN THE LOCAL GOVERNANCE SYSTEM

Li Zhuoru

Association of World Political Economy (China)

This article analyzes the current state, different types, and basic principles of governing grassroots communities in China, focusing on the model of social autonomy and the principle of prioritizing the working people. It discusses negative trends and suggests ways to address them, considering Marxist dialectical principles. The main emphasis is on the need for a balanced interaction among the state, the market, and society to ensure sustainable social development in China.

Keywords: The model of grassroots community governance in China; the model of social autonomy, the principle of orientation towards the working people, Marxist dialectics, balancing the state and the market and society.

References

1. Kulpin E.S. Technical and economic policy of the leadership of the PRC and the working class of China. – M.: Nauka, 1975.
2. Literary Editorial Committee of the CPC Central Committee: Selected Works of Xi Jinping, Volume II. Beijing: People's Publishing House, 2023.
3. Center for the Study of Party Documents under the CPC Central Committee. Excerpts from Xi Jinping's remarks on socialist social construction. – Beijing: Zhongyang Wenxian Chubanshe, 2017.
4. Lenin V.I. Complete works. Volume 33. – M.: publishing house of political literature, 1969.
5. Urbanization, scientific and technological revolution and the working class: Some theoretical issues, criticism of bourgeois concepts: [Collection of articles] / [Ed. collegium: ...O.N. Yanitsky (responsible editor)]. – M.: Nauka, 1972.
6. Xi Jinping. Doing in practice and going to the forefront are the thoughts and practices to promote the new development of Zhejiang. – Beijing: Party School of the CPC Central Committee, 2016.

Технологии информационного воздействия на общественное сознание в условиях современных социокультурных трансформаций России

Карпова Светлана Геннадьевна,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: svetiran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович,

научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: sv_79@inbox.ru

Социальная реальность России 2020-х представляет собой сложный феномен, в развитии которого значимую роль играет научно-технологический и как следствие информационный факторы. Процесс информатизации примечателен тем, что включает общество и каждого человека в отдельности в совокупное информационное пространство связующее социальную реальность, государство, социум в единое взаимозависимое целое. В статье рассмотрено влияние методов информационного воздействия на конструирующий потенциал и ценностный спектр российского общества. Представлены основные приемы, методы и типы информационного воздействия. Описаны основные среды, в рамках которых происходит оказание воздействия на массы: традиционные и онлайн-СМИ, социальные сети. Выявлена специфика влияния цифровых ресурсов на мировоззрение россиян. Описаны векторы изменения общественного сознания в отношении некоторых ключевых ценностей россиян.

Ключевые слова: информационное воздействие, СМИ, социальные сети, цифровое пространство, общественное сознание, ценностные установки.

Введение

Социальная реальность России 2020-х представляет собой сложный феномен, в развитии которого значимую роль играет научно-технологический и как следствие информационный факторы. Процесс информатизации примечателен тем, что включает общество и каждого человека в отдельности в совокупное информационное пространство связующее социальную реальность, государство, социум в единое взаимозависимое целое. Данный процесс, будучи сложным и многомерным таит в себе множество проблем междисциплинарного характера охватывая весь социетальный срез общества и вопросы его безопасности. Но, решающее значение, с нашей точки зрения, приобретает именно его социокультурное направление, отвечающее за социальную и культурную сферы общества, те сферы, что формируют базовые идеи и ценности, распространяемые в нем, где напрямую затрагивается сознание социума в целом. Важность сохранения безопасности данной сферы связана с информационным влиянием как на коллективное, так и на индивидуальное сознание, социальные действия людей и их мышление, что и лежит в основе конструирующей функции социума.

В рамках данного фокуса зрения сложившаяся современная социальная реальность представляет собой «...не что иное, как объективизация субъективной деятельности человека, который действует на основе укорененных в его сознании ценностных установок, мотиваций и диспозиций» [9, с. 24]. В процессе конструирования желательной социальной реальности человеком и обществом и как следствие при принятии системообразующих решений «...сочетаются различные ориентации, ценности, установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают значимый характер» [18, с. 113]. Следовательно, субъективный фактор, а также стороннее информационное воздействие на сознание социума, и на его конструирующую функцию приобретает решающее значение.

Важность этого проблемного аспекта подчеркивается и на общегосударственном уровне в Стратегии национальной безопасности России, утвердившей информационную безопасность в системе государственных приоритетов, где защита культурных, духовно-нравственных ценностей страны, является одной из приоритетных целей органов власти и иных общественных институтов [10, с. 186].

В рамках перманентного процесса информатизации социума, произошло не только существенное усиление детерминации информационного фактора, но и как следствие развитие технологий информационного воздействия – инструментов влияния на сознание социума. При этом не стоит забывать и про специфику функционирования совокупного СМИ (Интернет-СМИ, телевидение, печатные издания, традиционные медиа, социальные сети, блоггерство и т.д.) – или своеобразные информационные каналы, что имеют открытый характер без ограничений для всех участников информационного взаимодействия (те, кто влияет посредством технологий и на кого это влияние распространяется). В результате чего можно констатировать, тот факт, что современный

человек живет в рамках перманентного влияния информационных технологий, а также в системе взаимовлияния людей друг на друга, где он сам становится субъектом и объектом влияния.

Информационное воздействие на конструирующий потенциал российского общества ставит фундаментальные задачи перед научным сообществом и органами государственной власти по его изучению и контролю. В данной связи актуальным представляется рассмотрение технологий информационного воздействия на сознание социума.

Специфика процесса информационного воздействия

Проблематика технологий информационного воздействия разработана в ряде научных исследований таких советских и российских ученых, как: В.Н. Куликов, Д.Н. Бахрах, Б.Ф. Поршнев, С.Н. Кожевников, С.В. Кравков, Е.С. Кузьмин, Н.К. Михайловский, О.Г. Ковалев, В.Г. Крысько, С.А. Зелинский, Б.Д. Парыгин, В.М. Бехтерев, А.А. Зиновьев, В.А. Ядов, Г.С. Мельник, Д.П. Рудаков, А.М. Цуладзе, И.В. Лапшина, Н.Н. Богомолова, И.Д. Фомичёва, Т.В. Науменко, И.Н. Панарин и др. Социальными учеными актуализирован широкий спектр вопросов включающих специфику коллективного сознания социума и коллективной психологии как таковой, особенностей управления ею, манипуляций сознанием и роли СМИ в данном процессе с учетом скрытых управленческих практик и др. являющихся частью данной проблематики. Научные исследования имеют выраженный междисциплинарный контекст и базируются на разработках таких социальных дисциплин как: социология, философия, психология, лингвистика, право и др. В настоящее время, важно понять специфику и особенности наиболее активно используемых на практике технологий оказания воздействия и последствий их применения на российское общество.

В современной социально научной литературе по рассматриваемой тематике принято выделять такие технологии (методы/приемы) информационного воздействия на общественное сознание, как принуждение, внушение (суггестия), убеждение, пропаганда, агитация,

стереотипизация и проблематизация, информирование и др. [10, с. 189].

Содержательно данные технологии во многом дополняют друг друга, так как применяются в большинстве случаев в комплексе. Более того, каждая из вышеперечисленных информационных технологий включает в себя множество видов и приемов, используемых для воздействия на сознание людей. Все они, по сути, нацелены на формирование нужного общественного мнения и повышение уровня управляемости социумом.

В качестве примеров наиболее распространенных приемов рядом исследователей называется «...преобразование информационного потока, создание требуемых установок, перевод информации из одной категории в другую, создание информационного шума» [7, с. 217]. В следствии чего осуществляется стороннее навязывание мыслей из вне и продуцирование определённых состояний в социуме на фоне их не критического восприятия людьми. Как правило, легче подвергнуться воздействию большие собрания людей с коллективным сознанием, где коллективный фактор лишает реальной оценки происходящего и нивелирует ответственность за происходящее.

Также речь ведется об универсальности целей любого типа информационного воздействия: «...вне зависимости от конкретной технологии информационно-психологическое воздействие ставит перед собой одну или несколько из следующих целей: 1. побудить к совершению действий; 2. изменить мотивационную сферу, убеждения, ценностные установки; 3. изменить привычную картину мира; 4. подавить волю; 5. произвести угнетающее воздействие на эмоциональную сферу личности; 6. сформировать нужный социально-психологический фон; 7. оказать воздействие на коммуникативную сферу, активизировать или, напротив, снизить интенсивность группового взаимодействия людей» [15, с. 155].

Кроме того, анализ примеров оказания информационного воздействия на массы – как в нашей стране, так и за рубежом – показывает наличие обязательных структурных элементов, отвечающих за процесс воздействия. В качестве основных структурных элементов информационного воздействия можно выделить следующие (Рисунок 1).

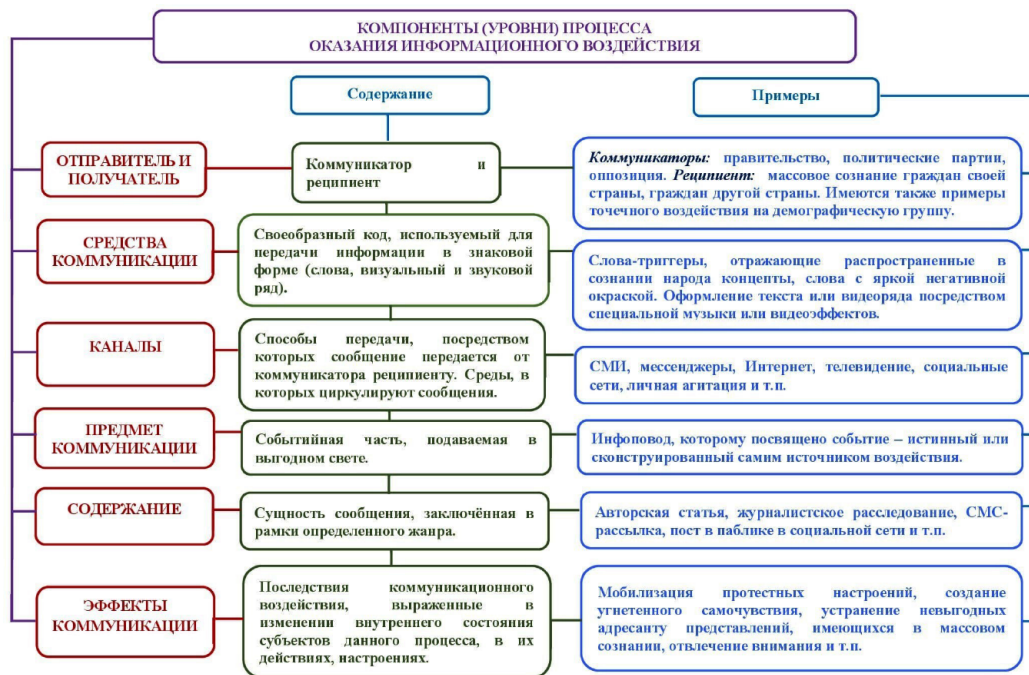

Рис. 1. Структурные элементы процесса оказания информационного воздействия

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [7, с. 217]

Как правило, информационное воздействие на массовое сознание, в большинстве случаев подчинено общей логике, скрытой от коллективных масс. Речь не идет о хаотическом наборе действий. Все шаги в обозначен-

ном процессе пронизаны логикой, что и дает изменения в общественных ментальных конструктах.

Оказание информационного воздействия может иметь различную степень интенсивности (Рисунок 2).

Рис. 2. Типы средств оказания информационного воздействия по критерию интенсивности воздействия

Примечание: источник – собственная разработка по материалам [1, с. 54].

Информационные среды

Для того, чтобы проанализировать технологии, применяемые в российском информационном пространстве, целесообразно опираться на среды, в рамках которых осуществляется оказание воздействия. Именно среда и используемые каналы коммуникации, как показывает многолетняя практика, во многом детерминируют успешность или неуспешность стратегий по управлению массовым сознанием. К основным средам следует отнести: печатные СМИ, онлайн СМИ, социальные сети.

Печатные СМИ

Массмедиа, как и ранее, продолжают занимать доминирующую позицию в процессе оказания информационного воздействия на массы. Данные СМИ обладают колоссальным потенциалом реализации иррациональных форм воздействия на общественное сознание: через визуальные, текстовые и аудио сигналы проходит информация, которая благодаря многократному повторению и включению трех каналов коммуникации (зрение, слух и речь) редко усваивается критически [1, с. 53].

Несмотря на существующее мнение о том, что традиционные СМИ – телевидение, радио и пресса – утрачивают свое значение в нашей стране, в практике имеется немало подтверждений тому, как публикации в традиционных СМИ способны продвигать определенные содержательные контенты и смыслы. Кроме того, следует отметить, что общий годовой тираж газет за 2022 г. составил более 3,94 млрд экз.: рынок печатной прессы, несмотря на уход в онлайн многих изданий и рост стоимости печати, остается относительно стабильным [3].

По данным ВЦИОМ за 2022 г., регулярными читателями прессы и журналов являются 14% россиян. Каждый четвертый житель нашей страны (26%) – это регулярно читающие бумажную прессу пенсионеры [13].

Печатные СМИ сохраняют значительную роль в формировании общественного мнения, несмотря на появление и распространение цифровых и онлайн-платформ. Для многих людей печатные газеты и журналы остаются основным источником информации. Ряд печатных изданий (Московский комсомолец, Известия, Наша версия, Аргументы и факты, Вокруг света, Российская газета и др.) имеют долгую историю и признаны общественностью как авторитетные источники информации. Это

создает высокий уровень доверия к ним со стороны аудитории, что влияет на их потенциал в плане формирования общественного мнения. В целом, следует отметить, что доверие россиян к печатным СМИ не утрачено. Несмотря на то, что наибольшей популярностью среди жителей нашей страны пользуется телевидение (53%), к центральной и региональной прессе доверие граждан в России составляет 33% [4].

Онлайн-СМИ

Информационное пространство, как было отмечено выше, существенно изменилось под влиянием научно-технического прогресса и процесса информатизации в целом. Среднестатистический гражданин нашей страны имеет доступ к Интернету, а также несколько гаджетов, посредством которых появилась возможность изучения сетевых ресурсов. По данным ВЦИОМ на 2023 г., ежедневными пользователями Интернета среди россиян являются 74%. Более трети (35%) россиян проводят в сети более 4 часов в день. Доля лиц, которые в принципе не пользуются Интернетом, составляет в нашей стране не более 16% [19].

Цифровая информационная среда, сформировала оптимальные условия для управления всеми формами и уровнями общественного сознания с применением различных видов, способов и методов воздействия на чувства и волю человека [10, с. 188]. Интернет-СМИ стали уникальной аудиовизуальной средой, с которой человек непрерывно и автоматически взаимодействует. Электронный контент выступает основным продуктом производства постиндустриального общества. Массы, погруженные в виртуальную информационную матрицу или даже зависимые от нее, являются крайне удобными объектами направленного информационно-психологического давления (управления) [15, с. 153].

Несмотря на относительно высокую долю печатной прессы в общем объеме информационных источников в России, следует все же признать, что онлайн-СМИ постепенно будут выходить на доминирующие позиции, пока, возможно, не вытеснят печатную прессу и телевидение полностью. Этому есть несколько причин – параметров сетевых СМИ, обеспечивающих их высокий потенциал в плане оказания информационного воздействия (Рисунок 3).

Рис. 3. Факторы, обуславливающие приоритет Интернет-СМИ перед другими средствами информационно-психологического воздействия

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [15, с. 158].

Социальные сети

Социальные сети все чаще рассматриваются с точки зрения политической активности населения и манипуляционных техник управления общественным сознанием. Ключевой современной тенденцией развития социальных сетей выступает их политизация, что фактически ставит эти средства коммуникации в исключительное положение по уровню воздействия на политическую картину мира граждан [6, с. 38]. Особенно отчетливо потенциал социальных сетей заметен при тщательном рассмотрении протестных акций в нашей стране и за рубежом – в период Арабских революций в Египте, Ливии, Сирии, при протестах в Иордании, в ситуации президентских выборов в США [6, с. 40]. Социальная сеть «превращает активный социально-личностный элемент человека в пассивный объект воздействия» [20, с. 5].

Блоги, социальные сети и мессенджеры становятся на сегодняшний день важнейшим инструментом оказания информационно-психологического воздействия. Социальные сети обладают всеми преимуществами Интернет-СМИ, приведенными на Рисунке 3, но, при этом, они также манипулируют чувством сопричастности, дают иллюзию социального взаимодействия и обеспечивают эффект присутствия [15, с. 158]. О частоте использования в ежедневной практике жителями нашей страны социальных сетей и мессенджеров свидетельствует опрос, проведенный ВЦИОМ в июне 2023 года. По его результатам, свое время в них практически ежедневно проводят 86% россиян. В основном, доля пользователей социальными сетями и мессенджерами приходится на молодёжь (18–24 лет – 92%, 25–34 лет – 94%). В среднем пользователи социальными сетями и мессенджерами тратят в них 4,5 часа (272 минуты) в день. Большинство россиян предпочитают отдавать новостным сообществам (77%) [17]. Самыми популярными социальными сетями и мессенджерами по охвату аудитории на фоне проводящейся в Российской Федерации спецоперации являются WhatsApp (87%), YouTube (75%), ВКонтакте (62%), Telegram (55%) и «Одноклассники» (42%).

С осени 2022 года наблюдается резкое сокращение пользования такими социальными сетями, признанными экстремистскими и запрещенными в России, как Facebook (с 53% до 25%) и Instagram (с 21% до 11%) [16].

Особого рассмотрения требует так называемое блогерство, которое можно отнести в особую группу «инфлюенсеров» «... от англ. “influence” – «влияние», – блогер, монетизирующий популярность в социальных сетях» [2]. По данным совместного опроса, проведенного в 2023 году Motive agency & production и Институтом общественного мнения «Анкетолог», блогеров смотрят ежедневно более трети россиян (36%), несколько раз в неделю – 45% наших соотечественников, один раз в неделю – 11% интересующихся, нерегулярно – всего 9%. Основными каналами для просмотра блогеров среди россиян являются YouTube – 68%, Telegram – 63%, ВКонтакте – 55%, Дзен – 43%, ТикТок – около трети россиян 30%, Instagram (соцсеть признана экстремистской и запрещена в России) – 24%, «Одноклассники» – 23%.

По популярности рейтинг инфлюенсеров на период 2023 года среди россиян выглядел следующим образом: Анастасия Ивлеева – 15% (является, в настоящее время, подследственным лицом), Юрий Дудь (признан в России иноагентом по решению Минюст РФ) – 13%, Дмитрий Куплинов – 10%, Илья Варламов (признан в России иноагентом по решению Минюст РФ) – 10%, Ольга Бузова – 8%, Ксения Бородина, Ксения Собчак и Михаил Литвин – по 7% соответственно [8]. Справедливо встает вопрос: каковы личностные характеристики большинства инфлюенсеров и каково качество информационного контента распространяемого ими на современный социум?

Ценностный спектр российской культуры и самосознание

Россия 2020-х является носителем традиционных, именно ей свойственных исторически сформированных ценностей, которые оказывают значительное влияние на социальные нормы и поведение ее населения. При этом информационные потоки, циркулирующие как внутри страны, так и поступающие в Россию из-за рубежа, оказывают влияние на ценности и мировоззрение ее граждан. Так, в числе наиболее выраженных в мировоззрении россиян ценностей принято называть семейные ценности, патриотизм и любовь к Родине, уважение к старшим и авторитетам, трудолюбие ее граждан.

Традиционные медиа, Интернет-СМИ и социальные сети предоставляют гражданам страны широкий доступ к разнообразной информации, что может способствовать изменению восприятия ими традиционных ценностей. Интернет, в частности, способствует глобализации и культурному обмену, что также может привести к смешению традиционных и современных ценностей. Взаимодействие с различными культурами и обмен идеями в онлайн-среде привносит новый ценностный ряд и нормы поведения в уже устоявшиеся в социуме конструкты. Интернет, СМИ и социальные сети, как информационные среды, имеют потенциал стать площадкой для распространения дезинформации, манипуляций и агитации, что может оказать влияние на формирование общественного мнения и восприятие традиционных ценностей. Воздействующие (манипулятивные) информационные кампании могут повлиять на изменение восприятия традиционных ценностей в современном социуме и их роли в обществе.

Следует отметить, что в большинстве случаев информационное воздействие, оказываемое на граждан страны, имеет деструктивную направленность и порождает страх, уныние, длительную депрессию и негативные явления они «...могут охватывать как значительные количества людей, так и небольшие микрогруппы» [14, с. 64].

Деструктивное информационное воздействие на ценностный спектр россиян

В Интернет-пространстве, СМИ, социальных сетях и в прессе достаточно часто встречаются такие приемы, как подмена терминологии и использование в информационной ленте понятий, смысл которых изменен. Наблюдается искажение реального событийного ряда посредством включения в информационный поток ложной, выдуманной, информации негативного характера [11, с. 72]. Достаточно часто применяется отвлечение внимания от действительно важных событий посредством акцента на потоке ярких, но узнаваемых образов, а также на новостях из шоу-бизнеса или сводок криминальных новостей. Таким образом, происходит «...искусственное сокрытие критически важной информации путем погружения ее в отвлекающий внимание информационный мусор» [15, с. 160].

Помимо этого, не стоит забывать о внешнем детерминационном событийном факторе, когда любые кризисные исторические моменты подталкивают социум обращаться к иррациональному, магическому, псевдонаучному информационному контенту. Речь идет об астрологии, суеверии, различного рода «магических практиках» дающих людям иллюзию надежды и апеллирующих к эмоционально-чувственному а не логиче-

скому плану, что способствует изменению сознания и ценностного ряда.

Кроме того, в Интернете граждане сталкиваются с ложными символами притягательности, богатства и успеха; формируется новый ценностный спектр, а «старые ценности» становятся неактуальными [1, с. 58]. Стремление к труду замещается на стремление к быстрому обогащению, духовная красота уступает красоте внешней. Ценностный ряд социума переходит на внешний, поверхностный уровень в ущерб глубинным устоявшимся и исторически легализованным в нем базовым ценностям, диспозициям.

«... Информационная опасность имеет множество форм своего проявления: создание виртуальной миров, подменяющих реальность; манипулирование сознанием и поведением людей; изменение целей, ценностей, своего образа жизни внешне навязанными стандартами; искажение информации и т.д. Эти и другие формы проявления информационной опасности обусловлены потребностью индивида в информации, способностью (или неспособностью) различать истинное и ложное, полезное и бесполезное» [5, с. 450].

Примеры изменения некоторых базовых ценностных установок россиян под воздействием цифровых медиа и соцсетей могут выглядеть следующим образом (Рисунок 4):

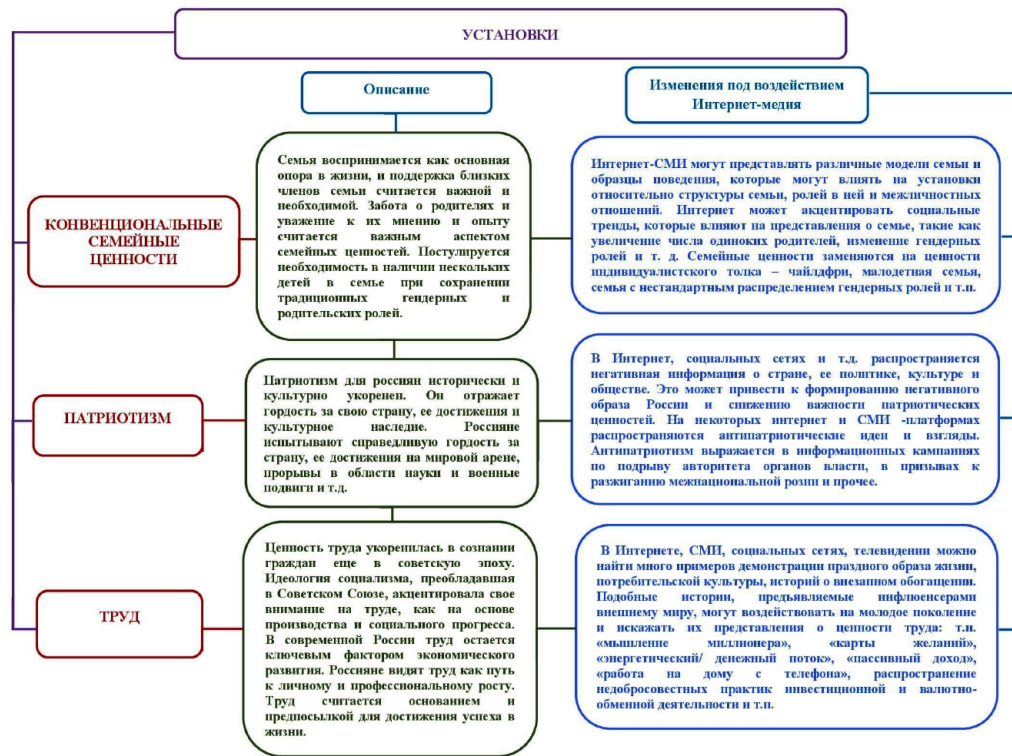

Рис. 4. Векторы изменения общественного сознания в отношении некоторых ключевых ценностей

Примечание: источник – собственная разработка.

Безусловно, изменения данных базовых ценностных установок не является содержательно исчерпывающими, как и сам их перечень.

Российская массовая культура, в настоящее время, вбирает в себя как исконные ценностные конструкты, так и западные образцы порожденные обществом потребления. В этой связи от государства в целом, социума и научного сообщества требуются целенаправленные шаги по восстановлению мобилизационного и адаптивного функционала массовой культуры, что выражается в более частых апелляциях к чувству патриотизма, паттернов и образов государственной военной

мощи [12, с. 79]. Также на перспективу разумно ввести СМИ цензуру.

Выводы

Таким образом, рассмотрение специфики технологий информационного воздействия на общественное сознание россиян позволяет сделать следующие выводы:

– негативное информационное и информационно-психологическое воздействие направлено на побуждение к совершению действий, изменению мотивационной сферы, убеждений, ценностей, картины

- мира, подавление воли, угнетение, формирование нужного социально-психологического фона;
- оказание информационного воздействия может иметь различную степень интенсивности: средства информационного воздействия могут быть активно-воздействующими, умеренными или иметь низкую интенсивность;
 - основными источниками любого информационного воздействия на сегодняшний день выступают традиционные СМИ, Интернет-СМИ и социальные сети и блоггерство. Все более значимую роль начинают играть социальные сети и так называемые «инфлюенсеры»;
 - информационные потоки, циркулирующие как внутри страны, так и поступающие извне, оказывают определенное влияние на ценностный спектр и мировоззрение российских граждан вызывая значительные мировоззренческие и социально – психологические изменения;
 - информационное воздействие ставит на повестку дня органам государственной власти, социуму и научному сообществу в целом задачи по выработке превентивных мер сохранения социально-психологического здоровья общества и духовно-нравственного «климата» в стране.

Литература

1. Ардашев, Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания / Р.Г. Ардашев // Социология. – 2021. – № 3. – С. 53–61.
2. Большая российская энциклопедия // Научно-образовательный портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/influenser-41e235>. – Дата доступа: 22.03.2024.
3. В России уменьшились тиражи журналов и газет // Retail.ru. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.retail.ru/news/v-rossii-umenshilis-tirazhi-zhurnalov-i-gazet-28-fevralya-2023-226226/>. – Дата доступа: 13.03.2024.
4. Доверие СМИ в России // ВЦИОМ – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> – Дата доступа: 22.03.2024.
5. Емельянова, С.Н. Информационная безопасность в современном российском обществе: социально-философский аспект / С.Н. Емельянова, М.Н. Жукова, Н.В. Фомина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2012. – Т. 8. – № 2. – С. 449–450.
6. Кадим, А.Т. Социальные медиа как пространство политической коммуникации / А.Т. Кадим // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5 (89). – С. 38–44.
7. Каропова, С.Г. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект / С.Г. Каропова, С.В. Некрасов, А.Н. Пинчук // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 4. – С. 212–229.
8. Каких блогеров смотрят россияне разных поколений // Институт общественного мнения «Анкетолог» – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iom.anketolog.ru/2023/05/26/populyarnye-influensery-issledovanie>. – Дата доступа: 22.03.2024.
9. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). – М., СПб.: Нестор-История, 2020. – 208 с.
10. Некрасов, С.В. К вопросу о методах воздействия на общественное сознание / С.В. Некрасов // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 4. – С. 184–201.

11. Поливина, М.А. Социально-психологические последствия влияния фейковых новостей на общественное сознание / М.А. Поливина, О.И. Шкуropий, В.В. Майба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12–1. – С. 71–74.
12. Пятаков, Д.В. Особенности восприятия массовой культуры на массовом и индивидуальном уровнях сознания / Д.В. Пятаков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 1 (43). – С. 78–82.
13. Пресса, которую мы (не) потеряли // ВЦИОМ – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pressa-kotoruju-my-ne-poterjali> – Дата доступа: 22.03.2024.
14. Розенко, С.В. Профилактика распространения террористической идеологии в российском общественном сознании / С.В. Розенко // Oeconomia et Jus. – 2022. – № 3. – С. 60–66.
15. Рудаков, Д.П. Современные электронные средства (интернет, видеоканалы как основной инструмент информационно-психологических воздействий на общественное сознание / Д.П. Рудаков, Б.В. Дидык, Е.Д. Рудаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 2 (843). – С. 152–164.
16. Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации // ВЦИОМ – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmenenija-na-fone-specoperacii>. – Дата доступа: 22.03.2024.
17. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтение // ВЦИОМ – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzherov-vovlechennost-i-predpochtenija>. – Дата доступа: 22.03.2024.
18. Тощенко, Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 106–116.
19. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // ВЦИОМ. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego>. – Дата доступа: 13.03.2024.
20. Ярыгин, О.В. Социальные сети как инструмент управления массовым сознанием / О.В. Ярыгин, В.Н. Ремарчук // Гуманитарный вестник. – 2022. – № 6 (98). – С. 5.

TECHNOLOGIES OF INFORMATION IMPACT ON PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA

Karepova S.G., Nekrasov S.V.
Institute of Sociology of FCTAS RAS

The social reality of Russia in the 2020s is a complex phenomenon, in the development of which scientific and technological and, as a consequence, information factors play a significant role. The process of informatization is notable for the fact that it includes society and each person individually in the total information space that connects social reality, the state, and society into a single interdependent whole. The article examines the influence of methods of information influence on the constructive potential and value spectrum of Russian society. The main techniques, methods and types of information impact are presented. The main environments within

which influence on the masses occurs are described: traditional and online media, social networks. The specifics of the influence of digital resources on the worldview of Russians are revealed. The vectors of changing public consciousness in relation to some key values of Russian culture are described.

Keywords: information impact, mass media, social networks, digital space, public consciousness, value system.

References

1. Ardashev, R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness / R.G. Ardashev // *Sociology*. – 2021. – No. 3. – pp. 53–61.
2. Great Russian Encyclopedia // Scientific and educational portal [Electronic resource] – Access mode: <https://bigenc.ru/c/influenser-41e235>. – Access date: 03/22/2024.
3. Circulations of magazines and newspapers have decreased in Russia // *Retail.ru*. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.retail.ru/news/v-rossii-umenshilis-tirazhi-zhurnalov-i-gazet-28-fevralya-2023-226226/>. – Access date: 03/13/2024.
4. Media trust in Russia // VTsIOM – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> – Access date: 03.22.2024.
5. Emelyanova, S.N. Information security in modern Russian society: social and philosophical aspect / S.N. Emelyanova, M.N. Zhukova, N.V. Fomina // *Current problems of aviation and astronautics*. – 2012. – T.8. – No. 2. – pp. 449–450.
6. Kadim, A.T. Social media as a space of political communication / A.T. Kadim // *Political linguistics*. – 2021. – No. 5 (89). – pp. 38–44.
7. Karepova, S.G. Propaganda as a method of influencing public consciousness: a general theoretical aspect / S.G. Karepova, S.V. Nekrasov, A.N. Pinchuk // *Bulletin of NSUEU*. – 2020. – No. 4. – pp. 212–229.
8. Which bloggers do Russians of different generations watch // Institute of Public Opinion “Anketologist” – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://iom.anketolog.ru/2023/05/26/populyarnye-influensery-issledovanie>. – Access date: 03/22/2024.
9. New social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in the technosocial space (Collective monograph). – M., St. Petersburg: Nestor-History, 2020. – 208 p.
10. Nekrasov, S.V. On the question of methods of influencing public consciousness / S.V. Nekrasov // *Bulletin of NSUEU*. – 2020. – No. 4. – P. 184–201.
11. Polivina, M.A. Social and psychological consequences of the influence of fake news on public consciousness / M.A. Polivina, O.I. Shkuropiy, V.V. Maiba // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2020. – No. 12–1. – pp. 71–74.
12. Pyatakov, D.V. Features of the perception of mass culture at the mass and individual levels of consciousness / D.V. Pyatakov // *International scientific research journal*. – 2016. – No. 1 (43). – pp. 78–82.
13. The press that we (not) lost // VTsIOM – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pressa-kotoruju-my-ne-poterjali> – Access date: 03/22/2024.
14. Rozenko, S.V. Prevention of the spread of terrorist ideology in the Russian public consciousness / S.V. Rozenko // *Oeconomia et Jus*. – 2022. – No. 3. – P. 60–66.
15. Rudakov, D.P. Modern electronic means (Internet, video channels as the main tool of information and psychological influences on public consciousness / D.P. Rudakov, B.V. Didyk, E.D. Rudakov // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University Social Sciences*, 2021, No. 2 (843), pp. 152–164.
16. Russian audience of social networks and instant messengers: changes against the backdrop of a special operation // VTsIOM – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii>. – Access date: 03/22/2024.
17. Social networks and messengers: involvement and preference // VTsIOM – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija>. – Access date: 03/22/2024.
18. Toshchenko, Zh.T. Sociology of life as a theoretical concept / Zh.T. Toshchenko // *Sociological studies*. – 2015. – No. 1. – pp. 106–116.
19. Digital detox – 2023: about using the Internet and taking a break from it // VTsIOM. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego>. – Access date: 03/13/2024.
20. Yarygin, O.V. Social networks as a tool for managing mass consciousness / O.V. Yarygin, V.N. Remarchuk // *Humanitarian Bulletin*. – 2022. – No. 6 (98). – P. 5.

Функционально-ролевой характер политического института первой леди

Сайфатова Альбина Рустамовна,

студент МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: SayfatovaAR@spa.msu.ru

Современный мир отчетливо отражает тенденцию к усложнению институционального дизайна современного государства. Подобного рода усложнения актуализируют вопрос об институте первой леди, который во многом способствует повышению эффективности деятельности первого лица. В силу этого, автором был определен функционал и ролевой спектр этой институции, которые позволяют усиливать поддержку населения по отношению к политической элите, а также очеловечивать сложносоставные аспекты государственной политики. В статье раскрывается двоякий характер института первой леди, что выражено в гендерной и институциональной составляющих. Также, автором были описаны основополагающие функциональные роли супруги первого лица («хозяйка», «товарищ по команде», «поборник насущных проблем» и «защитник»), проявления которых были подтверждены реальными историческими примерами. В конце статьи были выделены ограничения ролевого диапазона института первой леди.

Ключевые слова: институт первой леди, первая леди, первое лицо, ролевой спектр, трансцензус.

Политический институт первой леди выступает одним из элементов политической системы ряда современных государств. основополагающей характеристикой рассматриваемой институции является вспомогательная роль по отношению к первому лицу государства, в которую заложены определенные ценностные установки, способствующие выстраивать лидерскую платформу для налаживания доверительных отношений между высшими эшелонами власти и населением страны.

В настоящее время институт первой леди в основном носит неофициальный и дипломатически-представительный характер, особенностью которого является поддержание эмоционально устойчивого состояния политического руководителя, которое необходимо ему для более эффективного осуществления своих задач, а также выполнение неких политических и социальных функций в государстве. В последнем случае первые леди занимаются благотворительностью, поддержанием гуманистической и правовой нормативистики в государстве и обществе, тем самым олицетворяя принципы стабильности власти и доверительных отношений между государством и обществом. Особой функцией первой леди является обеспечение имиджа лица, возглавляющего государство, укрепление положительного образа государства в целом и «очеловечивания» власти.

Функциональный характер института первой леди обладает двояким характером. Гендерную составляющую институции описывает термин «трансцензус», отражающий обеспечение первой леди такой атмосферы, которая позволяет первому лицу переносить свои состояния и стрессы с рабочего места в семью, после чего первая леди в некотором смысле «подпитывает» своего супруга, и он, обретая дополнительные источники оптимизма, отправляется на работу. Институциональный характер отражается в таких неформальных обязанностях первой леди, как участие в формировании положительного образа первого лица и государства на внутренней и международной аренах, а также внесение того или иного вклада в решение государственных проблем.

Авторитет, признание и влияние института первых леди расширялись с течением времени. Жены глав государств на разных этапах исторического развития выполняли 4 социальные роли: «хозяйка», «товарищ по команде», «поборник насущных проблем» и «защитник» [1]. Выдвинутая типология не является эволюционной траекторией, а представляет собой перечисление различных, но связанных модальностей, посредством которых первые леди способны оказывать свое влияние.

Исторически роль первой леди была связана с ролью хозяйки, координирующей общественные собрания, приветствующей гостей и посещающей мероприятия со своим супругом. В США этот прецедент создала Марта Вашингтон. Она устраивала еженедельные приемы для местных избирателей, членов Конгресса и иностранных сановников. Каждую пятницу миссис Вашингтон встречала гостей в президентском особняке для еды и беседы [8]. Подобного рода собрания были весьма важными для демократии участия, поскольку включали различные группы людей для обсуждения и способствовали налаживанию дипломатических отношений, что крайне необходимо для института президентства.

Еще одна важная часть ролевого спектра первой леди, как в прошлом, так и в настоящее время, – это роль политического партнера или товарища по команде. На протяжении XX века супружеские отношения постепенно становились более гендерно справедливыми, предлагая многим первым леди возможности по оказанию политического влияния в качестве товарищей по команде первого лица. В Соединенном Королевстве активное участие супруги бывшего премьер-министра Великобритании г-жи Клементины Черчилль в политических делах было продолжением ее участия в карьере сэра Уинстона Черчилля. Их отношения были партнерскими, поэтому миссис Черчилль вмешивалась, когда ее мужу требовалась помощь в коммуникациях с общественностью или в том случае, когда политические дела шли нежелательным образом. Также, К. Черчилль никогда не колебалась высказать свое мнение, например, когда она отчитала Шарля де Голля за его предположение о том, что французы скорее направят оружие против британцев, чем помогут им победить нацистов [7].

Одной из самых выдающихся ролей первой леди сегодня является роль поборницы. Миссис Элеонора Рузвельт была, вероятно, самым известным актором в этом контексте. Будучи первой леди США дольше всех, она была неутомимой поборницей целого ряда причин социальной справедливости, бросавших вызов господствующей культуре, таких как расовое равенство, трудовые права и права женщин. Стремление г-жи Рузвельт к защите прав и благополучию социально маргинализированных слоев населения, стало общей повесткой для других исторических деятелей, а также для многих современных первых леди. Интерес Э. Рузвельт к политике проявился с большей силой, когда ее супруг заболел в 1921 году полиомиелитом, в силу чего она решила помочь ему в политической карьере. Первая леди вступила в Лигу профсоюзов женщин и стала активисткой Демократической партии штата Нью-Йорк. В качестве члена Комитета по законодательным вопросам Лиги женщин-избирательниц, она начала изучать отчеты Конгресса и развивала навыки очивания результатов голосования и дебатов [2]. После смерти Франклина Рузвельта в 1945 году президент Гарри С. Трумэн назначил г-жу Элеонору делегатом в Организации Объединенных Наций, где она была председателем Комиссии по правам человека и сыграла важную роль в разработке и принятии Всеобщей декларации прав человека [11].

Бывшая первая леди г-жа Лора Буш также выступала активным поборником ряда насущных проблем, оказав сильное влияние на глобальную повестку дня в области прав человека, включая защиту прав женщин и девочек в Афганистане, а также демократии и прав человека в Бирме. В ноябре 2001 года она выступила с еженедельным обращением президента по радио с повесткой против притеснения талибами женщин и детей. Бывшая первая леди трижды ездила в Афганистан и занимала пост почетного председателя Американо-афганского женского совета [5]. Также, г-жа Буш была ведущим защитником прав человека в Бирме. Она привлекла внимание всего мира к притеснениям правящей хунты на круглом столе 2006 года в штаб-квартире ООН [4].

Демонстрация влияния первых леди на мировой арене отражается в практиках, заключающихся в их привлечении в международные организации в качестве защитников того или иного аспекта. Во время своего пребывания на посту первой леди Доминиканской Республики Маргарита Седеньо де Фернандес была назначена послом доброй воли от имени Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций [6]. Бывшая первая леди Замбии Кристин Касеба с 2012

по 2014 г. была послом доброй воли Всемирной организации здравоохранения по вопросам гендерного насилия и помогала привлечь внимание к этому вопросу [10]. Также, первая леди Намибии Моника Гейнго, борец за расширение прав и возможностей молодежи, была назначена специальным адвокатом ЮНЭЙДС по делам молодых женщин и девочек-подростков [3].

Представительницы института первой леди в современном мире выполняют сложную руководящую роль, полную возможностей, но определяемую ограничениями и противоречиями. Первая и наиболее очевидная проблема института первой леди заключается в отсутствии четкого и юридически оформленного свода правил, что сулит неопределенность его политической деятельности. Ожидания общества относительно того, как первая леди будет проводить время, находясь на своем «посту», в большинстве случаев определяются обычаями, а не законом. Хотя эта гибкость дает женщинам возможность формировать ролевой диапазон в соответствии со своими личностными характеристиками и интересами, она также создает уникальный набор проблем.

Г-жа Роман Тесфайе стала первооткрывателем в области деятельности первой леди Эфиопии, получившей официальную поддержку в канцелярии премьер-министра [1]. Она обнаружила, что ей приходится оправдывать свою позицию перед теми, кто находится в правительстве. Несмотря на то, что Управление первой леди Эфиопии в настоящее время признано официальной единицей канцелярии премьер-министра, оно не имеет годового бюджета. Поскольку Управление не финансируется государством, г-жа Роман, чья работа была добровольной и неоплачиваемой, должна была мобилизовать ресурсы, необходимые для оплаты труда сотрудников и осуществления основной деятельности, от местных и международных инвесторов и партнеров.

Роль церемониальной хозяйки всегда была важной для первых леди, но ожидание относительно того, что супруги первых лиц будут заниматься исключительно координацией функций своего штата и дома, содействует увековечению гендерных стереотипов и принижению опыта и способностей представительниц данного политического института.

Для г-жи Ванды Пиньято, бывшей первой леди Сальвадора, гендерные стереотипы были очевидны в сопротивлении, с которым она столкнулась при разработке «Ciudad Mujer» – инициативы правительства Сальвадора по созданию универсальных центров, которые предоставляют специализированные услуги для женщин, включая профессиональную подготовку, материнское и репродуктивное здоровье, а также образование [9]. Г-жа Пиньято столкнулась с недоверием со стороны государственных чиновников, которые ссылались на традиционную роль благотворительной деятельности первой леди, не поддерживая работу по интеграции и борьбе с насилием и дискриминацией женщин.

Еще одна сложная грань гендерных стереотипов в отношении первых леди связана с разрозненными представлениями публики относительно ее внешнего вида. Однако мужчины, выполняющие роль первого джентльмена, редко подвергаются тщательной проверке дресс-кода. Опираясь такими примерами, как Денис Тэтчер (супруг Маргарет Тэтчер), Иоахим Зауэр (супруг Ангелы Меркель), Николас Робинсон (супруг Мэри Робинсон), Филип Мэй (супруг Терезы Мэй), становится ясным, что мужчины избежали той критики, которую должны были вынести их современницы.

Весомым ограничителем политической деятельности института первой леди является отсутствие непосредственного мандата от граждан на выполнение конкрет-

ных задач. Тем не менее, первые леди могут найти свою легитимность в качестве лидеров, ограниченных политической атмосферой, окружающей их супругов. Однако повестка дня института первых леди может подвергаться критике или унижению со стороны политических оппонентов первых лиц, что создает определенные препятствия на пути к эффективному влиянию на перемены в обществе. Подобного рода легитимность института способна оказывать влияние на имидж главы государства. Так, например, непризнание обществом первой леди в лице Р.М. Горбачевой как весомого политического актора в СССР привело к ухудшению образа Генерального секретаря ЦК КПСС.

Таким образом, особенной функциональной составляющей института первой леди является обеспечение имиджа лица, возглавляющего государство, а также укрепление положительного образа государства в целом. Сложившаяся в обществе система семейных ценностей обеспечивает условия для выполнения первыми леди функции «очеловечивания» власти, что проявляется в установлении ясности и близости в отношениях с народом.

Литература

1. A Role Without a Rulebook. The influence and leadership of global ladies. – Текст: электронный // George W. Bush Presidential Center [сайт]. – URL: <https://www.bushcenter.org/publications/resources-reports/reports/role-without-a-rulebook.html> (дата обращения: 04.03.2024).
2. Eleanor Roosevelt. American diplomat, humanitarian and first lady. – Текст: электронный // Britannica [сайт]. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Eleanor-Roosevelt> (дата обращения: 02.03.2024).
3. First Lady of Namibia Monica Geingos, UNAIDS Special Advocate for Young Women and Adolescent Girls. – Текст: электронный // UNAIDS [сайт]. – URL: <https://www.unaids.org/en/aboutunaids/unaidsembassadors/MonicaGeingos> (дата обращения: 04.03.2024).
4. Laura Bush highlights Burma crisis in U.N. roundtable discussion. – Текст: электронный // ReliefWeb [сайт]. – URL: <https://reliefweb.int/report/myanmar/laura-bush-highlights-burma-crisis-un-roundtable-discussion> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Laura Welch Bush. – Текст: электронный // The White House [сайт]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-families/laura-welch-bush/> (дата обращения: 03.03.2024).
6. Margarita Cedeño. Biography. – Текст: электронный // United Nations [сайт]. – URL: <https://periododesesiones.cepal.org/36/en/margarita-cedeno> (дата обращения: 04.03.2024).
7. New biography of Clementine. – Текст: электронный // International Churchill Society [сайт]. – URL: <https://winstonchurchill.org/publications/churchill-bulletin/bulletin-084-june-2015/new-biography-of-clementine/> (дата обращения: 01.03.2024).
8. Ten facts about Martha Washington. – Текст: электронный // Mount Vernon Ladies' Association [сайт]. – URL: <https://www.mountvernon.org/george-washington/martha-washington/ten-facts-about-martha-washington/> (дата обращения: 01.03.2024).
9. VANDA PIGNATO. – Текст: электронный // SEGIB [сайт]. – URL: <https://25cumbres.segib.org/team/vanda-pignato/> (дата обращения: 05.03.2024).
10. WHO Goodwill Ambassador. – Текст: электронный // Wikipedia [сайт]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/WHO_Goodwill_Ambassador (дата обращения: 04.03.2024).
11. Women Who Shaped the Universal Declaration. – Текст: электронный // United Nations [сайт]. – URL: <https://www.un.org/en/observances/human-rights-day/women-who-shaped-the-universal-declaration> (дата обращения: 02.03.2024).

POLITICAL INSTITUTE OF THE FIRST LADY: WORLD EXPERIENCE AND PROSPECTS OF MODERN RUSSIA

Sayfatova A.R.

Lomonosov Moscow State University

The modern world clearly reflects the tendency to complicate the institutional design of the modern state. Such complications actualize the issue of the institution of the first lady, which greatly contributes to improving the effectiveness of the activities of the first person. Because of this, the author has defined the functional and role spectrum of this institution, which make it possible to strengthen the support of the population in relation to the political elite, as well as to humanize the complex aspects of public policy. The article reveals the dual nature of the institution of the first lady, which is expressed in gender and institutional components. The author also described the fundamental functional roles of the spouse of the first person ('hostess', 'teammate', 'champion of pressing problems' and 'defender'), the manifestations of which were confirmed by real historical examples. At the end of the article, the limitations of the role range of the institute of the first lady were highlighted.

Keywords: institute of the first lady, first lady, first person, role spectrum, transcendence.

References

1. A Role Without a Rulebook. The influence and leadership of global ladies. – Text: electronic // George W. Bush Presidential Center [web-site]. – URL: <https://www.bushcenter.org/publications/resources-reports/reports/role-without-a-rulebook.html> (date of access: 04/03/2024).
2. Eleanor Roosevelt. American diplomat, humanitarian and first lady. – Текст: электронный // Britannica [web-site]. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Eleanor-Roosevelt> (date of access: 02/03/2024).
3. First Lady of Namibia Monica Geingos, UNAIDS Special Advocate for Young Women and Adolescent Girls. – Text: electronic // UNAIDS [web-site]. – URL: <https://www.unaids.org/en/aboutunaids/unaidsembassadors/MonicaGeingos> (date of access: 04/03/2024).
4. Laura Bush highlights Burma crisis in U.N. roundtable discussion. – Text: electronic // ReliefWeb [web-site]. – URL: <https://reliefweb.int/report/myanmar/laura-bush-highlights-burma-crisis-un-roundtable-discussion> (date of access: 04/03/2024).
5. Laura Welch Bush. – Text: electronic // The White House [web-site]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-families/laura-welch-bush/> (date of access: 03/03/2024).
6. Margarita Cedeño. Biography. – Text: electronic // United Nations [web-site]. – URL: <https://periododesesiones.cepal.org/36/en/margarita-cedeno> (date of access: 04/03/2024).
7. New biography of Clementine. – Text: electronic // International Churchill Society [web-site]. – URL: <https://winstonchurchill.org/publications/churchill-bulletin/bulletin-084-june-2015/new-biography-of-clementine/> (date of access: 01/03/2024).
8. Ten facts about Martha Washington. – Text: electronic // Mount Vernon Ladies' Association [web-site]. – URL: <https://www.mountvernon.org/george-washington/martha-washington/ten-facts-about-martha-washington/> (date of access: 01/03/2024).
9. VANDA PIGNATO. – Text: electronic // SEGIB [web-site]. – URL: <https://25cumbres.segib.org/team/vanda-pignato/> (date of access: 05/03/2024).
10. WHO Goodwill Ambassador. – Text: electronic // Wikipedia [web-site]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/WHO_Goodwill_Ambassador (date of access: 04/03/2024).
11. Women Who Shaped the Universal Declaration. – Text: electronic // United Nations [web-site]. – URL: <https://www.un.org/en/observances/human-rights-day/women-who-shaped-the-universal-declaration> (date of access: 02/03/2024).

Направления диалогового энергетического партнерства в формате «Россия-Ассоциация стран Юго-Восточной Азии»

Сергина Антонина Александровна,

канд. полит. наук, доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России
E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

Россия стремится к объединению территории Евразии в одно общее континентальное пространство, основанное на мире, стабильности, взаимном доверии, развитии и процветании. Для достижения этой цели предполагается создание Большого Евразийского партнерства – путем объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений на территории Евразии, включая Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Принимая во внимание многогранный потенциал стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Российская Федерация уделяет особое внимание усилению кооперационного потенциала в сфере ТЭК с государствами АСЕАН. В статье обозначены перспективные направления энергетического взаимодействия России со странами АСЕАН в разрезе отраслей ТЭК: эклектроэнергетика, нефтегазовая, угольная, альтернативная энергетика, ядерная энергетика, с учетом существующего практического задела взаимодействия между сторонами. Раскрываются предложения по наполнению кооперационной повестки, соответственно, по пяти из семи программных областей Плана действий АСЕАН по энергетическому сотрудничеству (АРАЕС) на 2016–2025 годы и Фазой II АРАЕС (2021–2025 годы). В статье даются рекомендации и обозначаются предложения по совершенствованию механизмов и инструментов взаимодействия сторон, призванные усилить кооперационный потенциал в формате «Россия-АСЕАН». Отдельное внимание уделяется механизмам взаимодействия, реализации и координации энергетической повестки сторон.

Ключевые слова: инновационные технологии, планирование в электроэнергетике, цифровая трансформация в нефтегазовой отрасли, развитие СПГ-инфраструктуры, мирное использование ядерных технологий, механизмы и инструменты взаимодействия.

Партнерство Российской Федерации со странами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН, регион) продолжает укрепляться и приобретает особое значение в энергетической повестке на фоне мировых геополитических изменений. Согласно заявлению постоянного представителя России при АСЕАН Евгения Загайнова¹, обе стороны имеют значительный потенциал для развития взаимовыгодного сотрудничества: спрос на энергию в Юго-Восточном регионе к 2050 году вырастет на 50%; в течение последующих 30 лет рынок АТР станет главным потребителем энергоресурсов, где большинство стран будут использовать традиционные источники энергии [4].

Россия участвует в конференциях АСЕАН в качестве диалогового партнера с 1992 года. Сотрудничество в области энергетики между Россией и АСЕАН (далее – стороны) осуществляется в настоящее время в соответствии с Комплексным планом действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 гг.)², а также Планом действий АСЕАН по энергетическому сотрудничеству (АРАЕС) на 2016–2025 гг. – Фаза II АРАЕС (2021–2025 гг.)³.

Диалоговое энергетическое партнерство между Россией и странами АСЕАН основано на отраслевых контактах в разрезе приоритетных направлений взаимодействия. Программа партнерства в энергетике между сторонами направлена на практическую реализацию и включает проекты по обмену опытом в различных областях, таких как: снижение потерь электроэнергии, использование атомной энергии и разработку и применение передовых технологий при производстве и потреблении ископаемого топлива и т.д. Согласно Фазе II АРАЕС (2021–2025 гг.), план действий сосредоточен на пяти из семи программных областей АРАЕС с целью обеспечения всеобщего доступа к энергетическим ресурсам и повышения энергетической безопасности государств-членов АСЕАН и России. Стоит отдельно подчеркнуть, что кооперационный потенциал сторон в энергетическом секторе опирается на принципы равноправия и взаимной выгоды.

Растущий спрос стран Юго-Восточной Азии на электроэнергию, наряду с приверженностью стран региона политики декарбонизации, требует синхронизации усилий стран региона по достижению оптимальных условий энергетического развития. Пока что проекты по произ-

¹ Постпред РФ при АСЕАН заявил о большом потенциале сотрудничества в энергетике // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19201207> (дата обращения: 17.03.2024).

² Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Министерство энергетики РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 07.03.2024).

³ ASEAN plan of action for energy cooperation (apaec) 2016–2025 phase II: 2021–2025 // ASEAN Centre for Energy. – URL: <https://aseanenergy.sharepoint.com/PublicationLibrary/Forms/AllItems.aspx?id=%2FPublicationLibrary%2F2020%2FPublication%2FBooklet%20APAEC%20Phase%20II%20%28Final%29%2Epdf&parent=%2FPublicationLibrary%2F2020%2FPublication&p=true&ga=1> (дата обращения: 07.03.2024).

водству электроэнергии в значительной степени направлены на удовлетворение спроса на внутреннем рынке региона. В настоящей статье рассматриваются приоритетные направления для развития энергетической устойчивости стран региона в кооперации с потенциалом ТЭК России.

Важным аспектом взаимодействия «Россия – АСЕАН» в этом направлении является обмен опытом и технологиями: российские компании активно внедряют современные технологии в области генерации и производства **электроэнергии**. Взаимообмен между сторонами может охватывать следующие приоритетные направления:

1) Внедрение инновационных технологий. Одним из ключевых направлений кооперационного взаимодействия может быть переоборудование паротурбинных и газотурбинных установок (ГТУ и ПГУ). Особое внимание стоит обратить на проекты в частном секторе на условиях строительства, эксплуатации и передачи (СЭП) электроэнергии или же строительства, владения, эксплуатации и передачи (СВЭП) объектов электроэнергетики.

2) Совершенствование институциональных механизмов реализации электроэнергетических проектов, прежде всего, в рамках долгосрочного планирования в электроэнергетике. Уже существует энергетический центр АСЕАН (АСЕ) – региональная межправительственная организация в структуре АСЕАН, которая обеспечивает потребности 10 государств-членов АСЕАН в энергетическом секторе. Предоставляя соответствующую информацию и экспертные оценки, Центр стремится к согласованию энергетических стратегий стран в рамках АСЕАН, чтобы гарантировать, что энергетическая политика и программы стран согласуются с экономическим ростом и экологической устойчивостью стран региона. Так, План действий АСЕАН по сотрудничеству в области энергетики (АРАЕС), утвержденный в 1999 году, заложил основу для стратегий реализации энергетического сотрудничества с соответствующими партнерами по диалогу и международными организациями. Текущий план действий АРАЕС на 2016–2025 годы выдвигает на первый план стратегии устойчивого развития, в частности, путем достижения цели по увеличению доли возобновляемых источников энергии в структуре первичной энергии на 23% к 2025 году и снижению энергоемкости на 30% к 2025 году на основе уровней 2005 года.

3) Повышение надежности энергосистемы, прежде всего, за счет развития интеллектуальных систем учёта, строительства зарядной инфраструктуры для электротранспорта, внедрения систем хранения энергии.

Российские компании активно внедряют инновационные методы добычи, транспортировки и модернизации объектов **нефтегазовой отрасли**, и готовы взаимодействовать в этой сфере со странами АСЕАН. Начало кооперации сторон в нефтегазовой отрасли уже положено: российскими компаниями успешно реализуются проекты на территориях Вьетнама, Индонезии и Малайзии:

ПАО «НК «Роснефть» реализовало проект по разработке углеводородов в Южно-Китайском море, в районе месторождений Лантай и Ландо в бассейне Нам Кон Шон (южный шельф Вьетнама) [1]. Общий объем газа в этих месторождениях составляет около 68 миллиардов м³, при этом доля дочерней компании ОАО «НК «Роснефть» – Rosneft Vietnam B.V. – составляет 35% от общей добычи газа в этом регионе. Годовая добыча природного газа на месторождениях составляет порядка 46 млрд м³.

В августе 2016 года дочерняя компания ПАО «НК «Роснефть» – «Rosneft Trading SA» – впервые доставила бензин в Азиатско-Тихоокеанский регион. Груз

был отправлен индонезийской государственной нефтегазовой компании «Pertamina» по контракту, подписанному в июне 2016 года. Это была поставка 27,3 тыс. тонн груза в Малайзию с условием FOB. В 2022 году Президент Индонезии подтвердил, что общее предприятие ПАО «НК «Роснефть» и «Pertamina» будет продолжать свою работу. В будущем планируется рассмотреть возможность совместного строительства плавучих нефтедобывающих платформ.

В 2016 г. Министр энергетики России А.В. Новак отметил, что российские компании активно изучают возможности по строительству НПЗ на территории Лаоса, а также нефтепровода, соединяющего Лаос и Вьетнам. В сентябре 2016 года, представители Лаоса, в ходе переговоров с ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «ЛУКОЙЛ», выразили свое намерение осуществлять прямые закупки у российских компаний и привлекать их к осуществлению проекта по строительству трубопровода, соединяющего порт Хонда во Вьетнаме и провинцию Ххаммуан в Лаосе.

Группа компаний «Петрос» (Россия) успешно занимается разработкой нефтяных месторождений на острове Суматра в Индонезии. Несмотря на проблемы, существующие для разработчиков в странах АСЕАН, такие как Соглашение о разделе продукции и конкурентные препятствия, «Петрос» успешно работает на рынке АСЕАН.

Успешно функционирует российско-вьетнамское совместное предприятие по разведке и добыче нефти и газа на шельфе юга Вьетнама (СП «Вьетсовпетро»). Его работа основана на соглашении о разделе продукции газовых месторождений в стране. По итогам 2022 года прибыль компании «Вьетсовпетро» превысила плановые показатели с обеих сторон на 73%, несмотря на изменчивость цен на газ, ухудшение результативности основного месторождения, повышение стоимости комплектующих и введение антироссийских санкций [2].

В ходе визита представителей EnergyNet из Московского физико-технического института (МФТИ), проекта Ønder и АО «PTСофт» в Сингапуре в 2019 г. было заключено соглашение о сотрудничестве с Наньянским технологическим университетом (NTU), иницилирующее первый пилотный проект по внедрению Интернета энергии (IDEA) за рубежом. Компании EnergyNet теперь являются частью крупного международного проекта REIDS, направленного на проверку новых технологий для эффективного обеспечения энергией островных территорий, и Сингапур становится площадкой для демонстрации решений EnergyNet для всего региона Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в рамках совместно реализуемых нефтегазовых проектов, компании сторон обмениваются новыми технологиями добычи, переработки и использования традиционных видов топлива. Ведется разработка передовых технологий и методов устойчивой разработки новых и истощенных нефтяных месторождений, а также разработка технологий и оборудования для производства, хранения, транспортировки и использования сжиженного природного газа (далее – СПГ). На данный момент приоритетными направлениями кооперации сторон в данной отрасли являются также роботизация и цифровизация процессов, повышенный контроль за безопасностью и минимальный ущерб экологической среде.

Угольная отрасль (включая технологию чистого угля (ТЧУ)) также является важным направлением развития кооперационных связей между сторонами. Для этого страны взаимодействуют в сфере производства горного оборудования: как для открытой, так и для подземной добычи угля. Ключевым ориентиром, однако, является

переход к полностью автоматизированному цифровому производству угля, что соответствует концепции Индустрии 4.0. Для эффективного использования угля важно проводить поисковые и оценочные работы по его запасам. Также существует необходимость разработать общий подход АСЕАН-Россия к использованию «чистого угля» в глобальном энергетическом переходе.

Зависимость от угля среди стран АСЕАН остается серьезной проблемой для их устойчивого развития, так за период с 2010 г. по 2020 г. зависимость стран АСЕАН от угля выросла на 21%. Добыча значительно возросла в Индонезии и Вьетнаме¹. Уголь является одним из основных источников энергии в регионе: в странах АСЕАН активно разрабатываются новые угольные месторождения, а также проводятся инвестиции в расширение существующих угольных электростанций.

В этом контексте уже сегодня необходимо совместно оценить и выработать общую позицию по торговым, регуляторным и другим мерам, которые могут негативно сказаться на развитии угольной генерации. Новым этапом может стать реализация проектов в области улавливания, утилизации и хранения углерода (CCS/CCUS)². Такие меры позволят снизить выбросы парниковых газов и улучшить экологическую обстановку при использовании угля.

Сегодня большинство стран АСЕАН проявляют значительный интерес к развитию **атомной энергетики** и радиационных технологий. Некоторые из стран АСЕАН находятся в зоне повышенной сейсмической активности, так называемом «огненном кольце вокруг Тихого океана». Филиппины и Индонезия испытывают наибольшие последствия, связанные с сейсмической активностью. Россия готова сотрудничать со странами АСЕАН в развитии атомной генерации и предложить свои проекты и опыт в этом сегменте ТЭК. Учитывая нестабильность цен на традиционные источники энергии и их ограниченность, источники ядерной генерации становятся все более популярными, особенно с учетом экологических аспектов.

Еще в начале 2000-х гг. было положено начало взаимодействию России с Мьянмой в сфере атомной энергетики. В 2002 г. был представлен проект соглашения между Россией и Мьянмой о строительстве Центра ядерных исследований (Центр ЯИИТ) в Мьянме, однако его удалось подписать лишь в 2007 г. Также ГК «Росатом» подписал соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии с Индонезией (2006 г.) и Камбоджей (2017 г.). В 2016 г. ГК «Росатом» подписал Меморандум о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях с Лаосом и «дорожную карту» сотрудничества в 2017 г., в которой отмечена возможность создания ядерной инфраструктуры и применения радиационных технологий в промышленности, медицине и сельском хозяйстве. В том же году активизировалось сотрудничество и с Таиландом: был подписан контракт на строительство циклотронно-радиохимического комплекса на основе технологий ГК «Росатома» и меморандум о взаимопонимании, цель которого – создать условия для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества России и Таиланда в сфере ядерной науки и образования.

¹ Power of ASEAN // AIGCC. – URL: https://aigcc.net/wp-content/uploads/2021/10/AIGCC_ASEAN-Report_2021_FINAL.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

² ASEAN Strategy for Carbon Neutrality // Association of Southeast Asian Nations. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/08/Brochure-ASEAN-Strategy-for-Carbon-Neutrality-Public-Summary-1.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

ГК «Росатом» заключил соглашения о строительстве маломощных атомных электростанций (АСММ) с Филиппинами (2022 г.) и Мьянмой (2023 г.). В 2022 г. Россия также предложила проект плавучей атомной электростанции (ПАТЭС) Индонезии. ПАТЭС имеют экологические преимущества благодаря использованию минимума дизельного топлива, что снижает выбросы в атмосферу. Они также экономически выгодны и мобильны, что позволяет размещать их в безопасных точках даже в сейсмических регионах. В начале 2023 г. Индонезия выразила заинтересованность в данном проекте, что создает возможности для расширения сотрудничества между Россией и Индонезией в этой области.

Россия стремится к развитию сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии в области атомной энергетики, научно-технического сотрудничества, обучения кадров, ядерной и информационной безопасности, а также предлагает альтернативные проекты ветроэнергетики, например во Вьетнаме.

Развитие **альтернативных источников энергии** является другим немаловажным направлением взаимодействия сторон. Россия и страны АТР совместно развивают ветро- и солнечные электростанции, а также гидроэлектростанции (ГЭС), что способствует снижению выбросов углекислого газа и приводит к устойчивому развитию стран региона.

ПАО «РусГидро» и Pertamina Power Indonesia в 2021 г. подписали соглашение о сотрудничестве в области развития возобновляемой энергетики, включая гидроэнергетику. В 2023 г. российская сторона выразила готовность активизировать работу в Мьянме в части предоставления инжиниринговых услуг в сфере гидроэнергетики для планируемых в стране проектов, в том числе ГЭС «Швели-3» (1000 МВт), ГЭС «Нам Ланг» (210 МВт) и ГЭС «Мидл Паунг Лаунг» (166 МВт). Энергохолдинг «РусГидро» может также стать подрядчиком строительства ГЭС на реке Паунлаун в Мьянме.

Россия предлагает Вьетнаму расширить список совместных проектов в сфере зеленой энергетики и логистики. В 2022 г. ГК «Росатом» сообщил о подписании компанией «Новавинд» (дивизиона «Росатома» по ветроэнергетике) соглашения с вьетнамской компанией An Xuan Energy о сотрудничестве в ветроэнергетике. Заключение соглашения направлено на организацию сотрудничества в рамках сооружения ветропарка мощностью 128 МВт во вьетнамской провинции Сон Ла, расположенной на северо-западе страны.

Реализация совместных проектов и мероприятий по наращиванию потенциала в области технологий возобновляемой и чистой энергии открывает новые возможности для сторон: прежде всего необходимо обеспечить оптимальную интеграцию ВИЭ с акцентом на цифровизацию и использование цифровых решений для управления нагрузкой объектов генерации электроэнергии; безопасную эксплуатацию объектов; урегулирование проблем с ограничением подачи электроэнергии. Возможная поставка современного оборудования для новых ГЭС и мини-ГЭС, замена устаревшего оборудования и обмен технологиями ветровой и солнечной энергии, позволит увеличить кооперационный потенциал сторон.

Кроме того, обмен знаниями и опытом между АСЕАН и Россией в области альтернативной энергетики и низкоуглеродных источников энергии может охватить передовые технологии и в области водородной энергетики.

При взаимодействии между Российской Федерацией и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии важно использовать соответствующий инструментальный и механизмы: проведение совместных мероприятий по отраслевому треку, включая: семинары, исследования

и обучение, а также на полях крупных международных выставок и площадок, в том числе Международного форума «Российская энергетическая неделя» (РЭН), Петербургского международного экономического форума, Восточного экономического форума, Делового и инвестиционного саммита АСЕАН, участия в Энергетическом бизнес-форуме АСЕАН (АЕВФ) и Международной конференции АСЕАН по энергетике и окружающей среде (AICEE), которые ежегодно организуются Центром энергетики АСЕАН (АСЕ) [3]. Особое внимание следует уделить разработке механизмов поощрения и поддержки взаимодействия между частным сектором и молодыми специалистами из стран АСЕАН и России. Секретариат АСЕАН и Центр АСЕАН, в свою очередь, должны активно участвовать в организации и контроле мероприятий, проводимых сторонами.

Учитывая уже установившееся стратегическое партнерство между Россией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (Россия-АСЕАН), развитие энергетической повестки будет закономерным треком для дальнейшего развития двух сторон, способствовать общей трансформации энергетических систем. Таким образом, энергетический диалог между Россией и странами АСЕАН является важным инструментом для укрепления партнерства.

Литература

1. Мазник К.А. Выгоды и противоречия торгово-экономического сотрудничества России и АСЕАН // Россия: общество, политика, история. – 2022. – № 5 (5). – С. 122–147.
2. Аксенов П.А., Корнева Г.В. Развитие газовой отрасли России в условиях санкций // Детерминанты развития экономики и общества в условиях глобальных изменений. – 2023. – С. 324–334.
3. Меджидов З.У. Роль Дальневосточного макрорегиона в сохранении экономического потенциала России со странами Азиатского региона // Вестник НГУ-ЭУ. – 2023. – № 1. – С. 129–139.
4. Новак А.В. Энергетическая политика России: разворот на Восток // Энергетическая политика. – URL: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/> (дата обращения: 15.03.2024).

DIRECTIONS OF THE DIALOGUE ENERGY PARTNERSHIP IN THE FORMAT “RUSSIA-ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS”

Seregina A.A.

Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of Russia

Russia seeks to unite the territory of Eurasia into one common continental space based on peace, stability, mutual trust, development and prosperity. To achieve this goal, it is envisaged to create a Greater Eurasian Partnership by uniting the potential of all states, regional organisations and associations in Eurasia, including the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Taking into account the multifaceted potential of the Asia-Pacific countries, the Russian Federation pays special attention to strengthening the co-operation potential in the fuel and energy sector with the ASEAN countries. The article outlines promising areas of energy cooperation between Russia and ASEAN countries in the context of fuel and energy sectors: electric power, oil and gas, coal, alternative energy, nuclear power, taking into account the existing practical cooperation between the parties. Proposals for filling the cooperation agenda in five of the seven programme areas of the ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation (APAEC) 2016–2025 and APAEC Phase II (2021–2025), respectively, are disclosed. The article gives recommendations and outlines proposals to improve the mechanisms and instruments of interaction between the parties to enhance the co-operation potential in the Russia-ASEAN format. Special attention is paid to the mechanisms of interaction, implementation and coordination of the energy agenda of the parties.

Keywords: innovative technologies, planning in the electric power industry, digital transformation in the oil and gas industry, development of LNG infrastructure, peaceful use of nuclear technologies, mechanisms and instruments of interaction.

References

1. Maznik K.A. Benefits and contradictions of trade and economic cooperation between Russia and ASEAN // Russia: Society, Politics, History. – 2022. – № 5 (5). – pp. 122–147.
2. Aksenov P.A., Korneva G.V. Development of the Russian gas industry under sanctions // Determinants of economic and social development in the context of global changes. – 2023. – pp. 324–334.
3. Medzhidov, Z.U. Role of the Far Eastern macro-region in preserving the economic potential of Russia with the countries of the Asian region // Bulletin of NSUEU. – 2023. – № 1. – pp. 129–139.
4. Novak A.V. Energy Policy of Russia: turn to the East // Energy Policy. – URL: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/> (date of access: 15.03.2024).

Ткачев Георгий Андреевич,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: egor-tkachev-97@mail.ru

Данная работа посвящена рассмотрению базовых теоретико-методологических положений, совокупность которых позволяет репрезентировать политический миф. Внимание автора фокусируется на таких общепризнанных концептуально-методологических параметрах, как определение, особенности, структура, функции и виды политического мифа. В частности, в числе ключевых особенностей политического мифа рассматриваются коллективность, двунаправленность, сочетание рациональности и иррациональности. В качестве источников информации, используемых для концептуального анализа теоретико-методологических положений, выбраны ставшие хрестоматийными труды известных и регулярно цитируемых мыслителей XX века. Кроме того, в статье используются работы современных зарубежных и отечественных исследователей, в фокусе внимания которых оказались вопросы теории политического мифа. Автор приходит к выводу о потребности и перспективности развития теоретических представлений о политическом мифе.

Ключевые слова: миф, политический миф, политическая мифология, особенности политического мифа, структура политического мифа, функции политического мифа, виды политического мифа.

Политическая мифология – крайне интересный, но не самый распространенный объект изучения в политической науке. На рубеже XIX–XX веков он привлек внимание антропологов, культурологов, психологов и других исследователей в области гуманитарного знания. Однако институционализация данного направления исследований в рамках политической науки состоялась только в XX веке, когда мифом заинтересовались такие видные представители мировой гуманитарной мысли прошлого века, как Э. Кассирер, М. Элиаде, Р. Барт, А. Лосев, К. Леви-Строс. И хотя они по-разному интерпретировали природу мифа, но неизменно делали акцент на мифе политическом, противопоставляя его архаическому, свойственному более ранним обществам.

Важно отметить, что работы перечисленных выше авторов стимулировали обсуждение теоретико-методологических параметров политического мифа, его проявление и тематическое наполнение в политическом процессе. Их последователи значительно расширили представления о природе политического мифа, однако и сегодня вопрос о базовых положениях теории политического мифа остается весьма актуальным и неоднозначным.

Целью нашей статьи является рассмотрение и систематизация концептуально-методологических параметров политического мифа, к которым отнесем определение и особенности мифа, его структуру, функции и виды. И начнем, естественно, с определения, к чему нас подталкивает давняя исследовательская традиция – начинать с базовых понятий, что дает возможность «понять смыслы, образующие концептуальные и идеологические параметры объяснительных схем» [1, с. 16]. В нашем случае – политического мифа.

Следует отметить, что дискуссии о **содержательном наполнении понятия «политический миф»** не привели к появлению четкого, однозначного определения. Причина, на наш взгляд, в том, что природа политического мифа по-разному трактуется исследователями.

Так, немецкий философ Э. Кассирер в своих рассуждениях исходил из посыла, что миф – это специфический нарратив, посредством которого объясняется реальность, вне зависимости от правдивости или ложности информации. Мифы, по мысли Э. Кассирера, часто содержат эмоционально акцентированное и символическое наполнение, которое нередко перекрывает фактическую точность [2].

Для М. Элиаде, получившего всемирную известность именно как исследователь мифологии, миф представлялся выражением коллективной памяти народа, связи событий, которые обрастают символическим значением [2]. Таким образом, понимание прошлого, разделяемое членами общества, обеспечивает общие подходы к пониманию настоящего.

Р. Барт считал, что миф не стоит воспринимать как выдуманную, лживую, сугубо манипулятивную реальность. По Барту, «миф ничего не скрывает и ничего не афиширует, он только деформирует; миф не есть ни ложь, ни искреннее признание, он есть искажение» [3, с. 95].

Отечественный философ А.Ф. Лосев пошел еще дальше и назвал миф «максимально конкретной реальностью», но с уточнением, что такое восприятие мира

свойственно именно для мифического мировосприятия, от которого человек способен отойти к рациональному. Он не соглашался с пониманием мифа как субъективного убеждения, утверждал, что миф «не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще» [4, с. 37].

К. Леви-Строс понимал миф как систему коммуникации, которая помогает обществам примирять и выражать противоречия, существующие в человеческом восприятии реальности. В этом плане политическая мифология передает политические идеи и ценности, то есть служит особым символическим языком. Он трактовал миф как универсальный человеческий феномен, который выходит за рамки культурных и исторических границ. Такая точка зрения предполагает, что политическая мифология не ограничивается конкретными обществами или периодами времени, а является фундаментальным аспектом политической теории и практики [5].

Из более поздних исследователей отметим отечественного автора доктора философских наук В.С. Полосина. В своей работе «Миф. Религия. Государство» ученый рассматривает миф как первичную, цельную и универсальную форму познания, в которой «объект созерцается в единстве его внешнего актуального образа и знания о его прошлом, настоящем и будущем» [6]. С его точки зрения, стремление к стабильности бытия присутствует даже у самого рационального человека, по крайней мере, на подсознательном уровне. Именно это желание усиливает имеющиеся символы-образы.

А. Цулазде, автор книги «Политическая мифология», видит миф как политехнологию, реализуемую для достижения целей, связанных с властью. Он считает, что «политический миф – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [7, с. 56].

С позиции символической политики определяют миф О.Ю. Малинова [8] и С.П. Поцелуев. В частности, Поцелуев рассматривает миф как символический продукт, создаваемый и сверху, и снизу, освобождающий «Я» от индивидуальной ответственности, направляющий ожидания конкретного человека в пространство общих ценностей и надежд [9].

Таким образом, можно утверждать, что на раннем этапе определение мифа было волатильным и нечетким. Но с течением времени и ростом внимания исследователей к проблеме политической мифологии трактовка определения получила дальнейшее развитие и хрестоматизировалась.

Что касается **особенностей** политического мифа, то их оказывается достаточно много. Анализ литературы позволяет выделить наиболее значимые из них, в их числе – *двунаправленность* мифа, которая характеризует его формирование одновременно «снизу» и «сверху». Если выразится иначе, то миф, с одной стороны, создают политические акторы, с другой – он формируется в обществе относительно самостоятельно. Исследователи отмечают способность мифа создавать свою специфическую реальность. Для этого он должен соответствовать имеющимся фактам, объяснять их, а не вступать с ними в противоречия. Тогда реальность, создаваемая мифом, может претендовать на «высшую значимость» в форме мифа.

В этом контексте нельзя не упомянуть, что еще Э. Кассирер называл миф двунаправленным, поскольку является продуктом массового сознания, но при этом становится результатом целенаправленной идеологической пропаганды [10].

Автор книги «Политическая мифология» доктор политических наук А.Н. Савельев (псевдоним А.Н. Кольев) особо отмечает именно низовое оформление мифов. По мнению А.Н. Савельева, миф – это статичный образ, который опирается на имеющиеся верования и убеждения, которые и помогают объяснять действительность [11].

С предыдущей особенностью мифа связана еще одна – *коллективность*. Теоретики демонстрируют единство в выделении и трактовке данной особенности. Считается, что миф коллективен, поскольку его разделяют общества и большие социальные группы, объединенные общим опытом, социально-политическими условиями жизни.

В.С. Полосин стоит на позиции, что единственным субъектом мифотворчества является народ, поскольку созданная элитой мифология может стать признанной и распространенной только при условии ее одобрения народом. В противном случае миф станет навязываемым, чужим нарративом и открыто обнаружит свою искусственность [12]. По его утверждению, миф для человека необходим, почти неизбежен: «Миф – не просто необходимый компонент познания и самопознания человека, но, безусловно, необходимый компонент существования общества вообще» [6, с. 45]. В.С. Полосин отмечает, что мифы существуют в общественном сознании у всех народов, во всех временных периодах и проявляются во всех гуманитарных областях социальной жизни: в быту, культуре, религии и, конечно же, в политике.

Стоит отметить, что современные западные исследователи также подтверждают ключевую роль коллективности в восприятии и принятии мифов. Так, профессор Т. Апольте и его коллега Дж. Мюллер из Университета Мюнстера в статье «Устойчивость политических мифов и идеологий» утверждают, что индивид, причисляя себя к определенной группе, вероятнее всего будет разделять и ее доминирующую интуицию. Такой интуицией они называют мифологические установки, которые могут преодолевать дальнейшей рационализацией [12].

Апеллируя к трудам С. Московичи, который утверждал, что коллективное общение и общая среда пробуждают в человеке бессознательное, а бессознательное побеждает и принуждает человека к коллективным действиям [13], российский исследователь О.Н. Стрельник обозначил, что миф имеет способность выражать символическую причастность индивида к коллективу. Создавая коллективность на основе мифа, политические акторы добиваются реализации собственных целей, воздействуя на массовое сознание. Справедливости ради нужно отметить, что сами политики также подвержены влиянию мифов, поскольку существуют в коллективе [14].

Еще одна особенность политического мифа, на которой стоит заострить внимание, выражается в *соединении рациональности и иррациональности*. Согласно этой особенности, миф сочетает рациональное и иррациональное, его образы облачают иррациональное в рациональную форму.

На наш взгляд, вопрос о рациональности и иррациональности политического мифа довольно сложен, поскольку он во многом оперирует эмоциональными утверждениями и существует в пространстве предпочтений, мнений, убеждений и ценностей. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что мифологическое всегда иррационально, однако, на наш взгляд, ее нельзя назвать единственно верной.

Российский автор А.А. Целиковский подчеркивает, что при формировании политического мифа включаются как рациональные, так и иррациональные стороны политического сознания. При этом различные теорети-

ческие концепты, составляющие рациональную сторону политического сознания, находятся во взаимодействии с его иррациональной стороной и во многом от нее зависят [15].

Теперь остановимся на **функциях** политического мифа, значимых для социально-политического развития общества. Начнем с констатации факта, что большинство исследователей разделяет тезис о наличии *когнитивной функции* политического мифа. В рамках данной функции политический миф создает когнитивную схему, которая упрощает восприятие реальности. Наличие разделяемой обществом когнитивной схемы обеспечивает стандартизацию реальности, делает возможным коллективное действие. В случае ослабления схемы возможно возникновение символической анархии, что чревато общественным кризисом.

Выполняя эту функцию, политический миф упрощает политический процесс в сознании человека, адаптирует его для понимания гражданским обществом. Используя образы и политические символы, он, таким образом, мифологизирует реальность.

Функция *формирования идентичности* схожа с когнитивной, однако отличается тем, что формирует у населения образ будущего, прошлого и настоящего. Идентичность может иметь символы, которые дают возможность выделить ее на фоне других соперничающих идентичностей. В качестве свежего примера такого символа можно назвать георгиевскую ленточку, которая стала символом движения восточно-украинских земель за воссоединение с Россией.

Естественно, что роль политического мифа не сводится только к формированию идентичности и когнитивной функций. Доктор политических наук Г.И. Мусихин, опираясь на труды ряда исследователей, описал следующие функции политического мифа.

1. Упорядочивание – заключается в обеспечении общественного порядка и поддержании политических институтов.

2. Смыслонаделение – предполагает наличие когнитивной матрицы, которая обеспечивает общее, легко идентифицируемое и потому понятное знание.

3. Интеграция – позволяет объединять членов общества на основе имеющихся представлений о себе и о других, общего видения прошлого, настоящего и будущего.

4. Легитимация/делигитимация – выражается в способности обосновать силу власти и ее уместность для данного сообщества подвластных [16].

Анализ литературы, фиксирующей функциональную направленность политического мифа, показал наличие большой вариативности классификаций функций политического мифа. Например, А.А. Целыковский выделяет онтологическую, гнесеологическую, аксеологическую и праксеологическую функции [17]. Вместе с тем подчеркнем, что разногласий по поводу озвученных выше когнитивной функции и функции формирования идентичности автором не обнаружено.

Последним из рассматриваемых параметров политического мифа являются его **виды**. Такой порядок объясняется тем, что виды мифа, по сути, происходят из перечисленных особенностей и функций. И вновь обратимся к работам известного исследователя мифологии А.А. Целыковского, который предлагает разделять мифы на виды по природе их образования [15].

Исходя из данного критерия, он выделяет мифы, которые могут *сознательно использоваться политическими акторами*. В этом случае мифологические мотивы воспроизводятся, и электорат, массы, народ узнают в них знакомые символы, мобилизационные послания,

образы спасителей нации и т.д. Этот вид чаще всего используется в кризисные моменты и привлекает уже имеющиеся нарративы.

Другим видом мифа, согласно классификации Целыковского, являются мифы, которые *целенаправленно конструируются элитами*. В таком случае создается конструкт, который апеллирует не к сформировавшимся установкам населения, а к эмоциям, и стремится смоделировать прогнозируемые реакции широких масс, тем самым получив над ними контроль.

А. Цуладзе также разделяет политические мифы на два вида: *технологические* и *вечные*, по-другому – искусственные и органичные. По большому счету данная классификация совпадает с классификацией, предложенной А.А. Целыковским. *Технологические мифы* конструируются, как правило, для реализации краткосрочных задач, например, агитации в период выборов, мобилизации в условиях войны. Потребность в технологиях, построенных на идеях «символичности», возрастает в период избирательных компаний, когда электорат подвержен убеждению в правоте, полезности или востребованности политической силы или лидера. Технологические мифы также требуются для побуждения к действию в случае кризисных ситуаций в жизни государства. *Вечные мифы* вписаны в структуру ментальности народа, в его историческую память. Такого рода мифы могут воздействовать и видоизменять вечные конструкции, но их формирование происходит дольше и сложнее [7].

Подводя итог написанному, можно констатировать, что политический миф явление не новое. Современная западная и отечественная литература продолжает дискуссию о концептуально-методологических параметрах политического мифа, начатую признанными европейскими мыслителями XX века. Вместе с тем вышеизложенное подчеркивает хрупкость теоретизирования, что объясняется сложностью рассматриваемого феномена и доказывает потребность и перспективность научных изысканий политического мифа.

Литература

1. Современная политическая наука. Методология / Т.А. Алексеева и др. / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
2. Хазина А.В., Сидоров, А.А. Политическая мифология как объект междисциплинарного исследования: к постановке проблемы // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 6–13.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа: дополнение к «Диалектике мифа». – М.: Мысль, 2001. – С. 37.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В.В. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
6. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. – М.: Изд-во «Ладомир», 1999. – 440 с.
7. Цуладзе А.М. Политическая мифология. – М.: Эксмо, 2003. – С. 56.
8. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 3: Политические функции мифов. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 5–24.

9. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические Исследования. 1999. № 5. С. 62–74.
10. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х томах. М.: Академический проект, 2011. Т. 1. 271 с.
11. Кольев А.Н. Политическая мифология. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
12. Apolte T., Müller J. The persistence of political myths and ideologies // European Journal of Political Economy. Volume 71. 2022.
13. Московичи С. Наука о массах // Психология масс. Хрестоматия. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2001. – 592 с.
14. Стрельник О.Н. Политический миф: рациональная видимость и иррациональная суть // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2012. № 2. С. 39–48.
15. Цыльковский А.А. Политический миф как детерминанта формирования национального политического сознания // Вестник ЧелГУ. 2016. № 3. С. 13–20.
16. Мусихин А.Г. Политический миф как разновидность политической символизации // Российский политический процесс. Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 102–117.
17. Цыльковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 23.

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL PARAMETERS OF THE POLITICAL MYTH

Tkachev G.A.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

This paper is devoted to the consideration of basic theoretical and methodological provisions, the totality of which allows to represent a political myth. The author's attention is focused on such generally accepted conceptual and methodological parameters as the definition, features, structure, functions and types of political myth. In particular, collectivity, bidirectionality, and a combination of rationality and irrationality are considered among the key features of political myth. The works of well-known and regularly cited thinkers of the 20th century were chosen as sources of information used for the conceptual analysis of theoretical and methodological positions. In addition, the article uses the works of modern foreign and domestic researchers, whose focus was on the issues of the theory of political myth. The author comes to the conclusion about the necessity and prospects for the development of theoretical grounds of political myth.

Keywords: myth, political myth, political mythology, features of political myth, structure of political myth, functions of political myth, types of political myth.

References

1. Modern political science. Methodology / [T.A. Alekseeva et al.]; ed. by O.V. Gaman-Golutvin, A.I. Nikitin. 2nd ed., cor. and add. – M.: Aspect Press, 2019. – 776 p.
2. Khazina A.V., Sidorov A.A. Political mythology as an object of interdisciplinary research: towards the formulation of a problem // Modern scientific Thought, 2020. No. 4. P. 6–13.
3. Barth R. Selected works: Semiotics. Poetics: Trans. from French / Comp., general ed. and int. by G.K. Kosikova. – M.: Publishing group "Progress", "Univers", 1994. – 616 p.
4. Losev A.F. Dialectics of myth: supplement to the "Dialectics of myth". – Moscow: Mysl, 2001. – 558 p.
5. Levi-Strauss K. Structural anthropology / translated from French by V.V. Ivanov. – M.: Publishing house EKSMO-Press, 2001. – 512 p.
6. Polosin V.S. Myth. Religion. State: a study of political mythology. – Moscow: Ladomir Publishing House, 1999. – 440 p.
7. Tsuladze A.M. Political mythology // A.M. Tsuladze. – M.: Eksmo. 2003. – 384 p.
8. Malinova O.Y. Myth as a category of symbolic politics // Symbolic politics: Collection of scientific works. Issue 3: Political functions of myths. – Moscow: INION RAS, 2015. – P. 5–24.
9. Potseluyev S.P. Symbolic politics: a constellation of concepts for an approach to the problem // Political Studies. 1999. No. 5. P. 62–74.
10. Kasserer E. Philosophy of symbolic forms: in 3 volumes. – M.: Academic project, 2011. Vol. 1. – 271 p.
11. Kol'ev A.N. Political mythology. – M.: Logos, 2003. – 384 p.
12. Apolte T., Müller J. The persistence of political myths and ideologies // European Journal of Political Economy. Volume 71. 2022.
13. Moskvichy S. Science of the masses // Psychology of the masses. Reader. – Samara: Publishing house "Bakhrakh-M", 2001. – 592 p.
14. Strel'nik O.N. The political myth: rational appearance and irrational essence // Vestnik of the RUDN. Series: Philosophy. 2012. No.2. P. 39–48.
15. Tselykovsky A.A. Political myth as a determinant of the formation of national political consciousness // Vestnik of ChelS U. 2016. No.3. P. 13–20.
16. Musikhin A.G. Political Myth as a Type of Political Symbolization// The Russian political process. Social sciences and modernity. 2015. No.5. P. 102–117.
17. Tselykovsky A.A. Structure, properties and functions of a political myth // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. No.3. P. 18–23.

Религиозные аспекты гибридной войны против Русского мира

Артемьев Алексей Александрович,

к.ф.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

В гибридной (неклассической) войне используется множество видов воздействия на противника во всех сферах жизнедеятельности общества. Субъектами такой неклассической войны являются не только государства, но и целые цивилизации, культуры и религии.

Украинское государство при поддержке западных антироссийских структур использует религию в качестве политического инструмента для борьбы с Русским миром. Появление в качестве новых акторов и субъектов гибридных войн, религиозных организаций, иерархов и клириков Церкви ведет к новым целям, задачам и приоритетам противоборствующих сторон.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Русский мир, Украина, гибридная война, религия, православие, религиозно-духовная сфера, информационное противоборство.

Природа и сущность современных войн кардинально отличаются от классических войн предыдущего времени. Анализ такого разнообразного и сложного феномена как «гибридная война» в настоящий момент является весьма актуальным не только для военных специалистов, но и для философов, политологов, социологов, религиоведов и теологов.

Понятие «гибридная война» появилось на Западе в конце XX века, где образует одно целое традиционная (классическая) и информационная война. Понятие «гибридный» относительно к войне обозначает применение множества видов воздействия на противника во всех сферах жизнедеятельности общества.

В такой неклассической войне дополнительно используется многообразие различных технологий без применения военных сил и средств в отношении противника: поддерживается легальная и нелегальная оппозиционная деятельность; развивается сеть агентуры влияния в органах государственной власти, включая силовые структуры противника; вводятся экономические санкции, проводятся информационно-психологические операции, особо затрагивая культурную и религиозную сферу, для такой борьбы активно привлекаются и религиозные организации.

Главной целью в гибридной войне, которая кардинально отличается от традиционной, является организация и управление на территории противника своими сторонниками в различных сферах жизнедеятельности, чтобы затем без уничтожения армии противника завладеть политической властью в его стране.

Гибридная война, которую западный мир развязал против России, включает: военные действия на территории Украины, где одновременно применяются невоенные технологии, а субъектами такой неклассической войны являются не только государственные, но и негосударственные структуры, в том числе и религиозные организации. В такой нетрадиционной войне против России противоборство происходит и в духовно-религиозной сфере, где агрессор выдвигает свои требования в теологических и религиоведческих вопросах, особо затрагивая российские духовно-религиозные ценности.

Появление в качестве новых акторов и субъектов гибридных войн, религиозных организаций, иерархов и клириков Церкви ведет к новым целям, задачам и приоритетам противоборствующих сторон.

«Мы вступили в борьбу, которая имеет не физическое, а метафизическое значение», – заявил патриарх Кирилл на проповеди в Храме Христа Спасителя еще в 2022 году [1].

Противники России особо уделяют свое внимание религиозным аспектам духовной сферы, где противостояние затрагивает подмену православного мировоззрения и традиционного образа жизни большинства россиян. В глобальном информационном пространстве проводятся информационно-психологические операции против русского православия с целью подрыва репута-

ции и имиджа Русской православной церкви: дискредитируются иерархи Церкви, духовенство и активные православные миряне, особо вовлеченные в политические процессы.

Реконструкцией в целом православной культуры занимаются сотни структур, включая такие известные, как DARPA, IARPA, RADN, Национальный фонд демократии, Чатем-Хаус, Фонд Карнеги, Фонд «Открытое общество» Дж. Сороса и ряд организаций, специализирующихся на проведении цветных революций» [2].

Так, военные действия против России на Украине – это результат долгосрочного духовно-цивилизационного противостояния нашей страны и западного (англосаксонского) мира. В данном конфликте особо выделяются религиозные аспекты, где наблюдается неприязнь к православным верующим и в целом к Русской православной церкви. Враждебное отношение к православным людям западные государства проявляли и во время агрессии против суверенной Югославии в XX веке, в дальнейшем это отразилось и в проведении различных цветных революций, где применялись технологии религиозного содержания, особенно это выражено на Украине.

Исторически западной (англосаксонской) цивилизации, религиозную основу которой составляет христианская религия, где преобладает католическая и множество протестантских конфессий, духовным оппонентом выступает православие в лице Русской православной церкви Московского патриархата.

Русский философ Иван Ильин писал: «Но есть и давние религиозные недруги, не находящие в себе покоя от того, что русский народ упорствует в своей “схизме” или “ереси”, не приемлет “истины” и “покорности”, и не поддается церковному поглощению. Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедования и что наложило свою печать на все ответвления Христианств» [3].

Современные православные верующие России: миряне, священнослужители и иерархи Русской православной церкви в большинстве своем поддерживают государственную политику России, что создает озабоченность со стороны государств Североатлантического альянса, которые заинтересованы в социально-политической нестабильности в нашей стране.

В.В. Путин в своем выступлении на заседании Всемирного русского народного собора (ВРНС) заявил, что Церковь нельзя отделить от российского общества. В своей речи Президент России сказал: «Русский мир – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращается, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава». Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на этом же мероприятии добавил: Возвращаясь к определению формулы «Русского мира», можно сказать, что Русский мир – это общность святынь» [4].

Сегодня, к сожалению, Русский мир имеет внутри себя межгосударственные границы. Но Русская православная церковь, русский язык и национальная культура являются объединяющим духовным фактором Русского мира, вот почему именно религиозные аспекты гибридной войны против Русского мира являются для врагов России приоритетными направлениями. Именно Русская православная церковь обладает мощным интеграционным потенциалом, объединяя души людей и тем самым включает по-прежнему канонические территории Российской империи и Советского Союза. Еще православные святые отцы, церковные иерархи, подвижники бла-

гочестия призывали к единому государству земли Великой, Малой и Белой Руси.

В России во все времена Православная церковь поддерживала крепкую и ответственную государственную власть. Русская православная церковь является одной из самых влиятельных религиозных организаций России, которая активно участвует в социально-политических процессах и оказывает духовное воздействие на значительную часть российского общества, занимается образовательной и просветительской деятельностью, отстаивает традиционные духовно-нравственные ценности, вносит свой вклад в формирование имиджа России с позиций традиционализма и социального консерватизма. Россия, являясь центром мирового православия, имеет особое влияние не только в христианском мире, но и в других регионах, где еще популярными остаются традиционные ценности.

С позиции же США и других стран Запада все это в целом активизирует влияние России в современном мире и понижает авторитет англосаксонских государств на международной арене. В интересах выполнения задач, связанных с потерей влияния России в мире, антироссийские силы стали привлекать Константинопольский патриархат, который в последнее время находится под влиянием англосаксонских политических структур.

В настоящий момент Русской православной церкви объявлена «теологическая война» как представителями западного либерального и украинского неонацистского сообщества, так и определенными священнослужителями и теологами зарубежных религиозных организаций с антироссийской позицией.

Религиозное противоборство затрагивает и военную сферу, где военное духовенство проповедует слово Божие в воинских подразделениях:

«И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффаяе, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр. 11: 32–34).

По мнению предстоятеля Русской православной церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, одним из орудий борьбы против русского православия стал Константинопольский патриархат, где его иерархи при вмешательстве американских и европейских политических структур пытаются разобщить единство православия. Так, Константинопольский патриархат при поддержке своих западных покровителей еще в 2018 году вторгся на каноническую территорию Русской православной церкви, где легализовал раскол в Украинской православной церкви Московского патриархата. В ответ Русская православная церковь вынуждена была принять решение о прекращении евхаристического общения с Константинопольским патриархатом [5].

В результате при активном участии Константинопольского патриархата была создана Православная церковь Украины, которая используется в целях раскола и уничтожения канонической Украинской православной церкви Московского патриархата.

Далее Фанар при содействии своих англосаксонских кураторов получил поддержку других поместных православных церквей.

США в лице государственного департамента и двух политических партий занимались пропагандой и продвижением новой украинской «церкви». Президент США встречался с иерархами «церкви» Украины и поблагодарил их за проделанную работу. Заявили свою поддержку и госсекретарь США, представители госдепартамен-

та США по вопросам религиозной свободы и спецпредставитель США по Украине. Новая «церковь» Украины после создания получила официальные поздравления от государственного департамента США и американского посольства. Все это подтверждает то, что так называемая «Православная церковь Украины» является американским проектом, участником проведения гибридной войны на канонических территориях Русской православной церкви.

Фанар открыто заявляет о достоинстве первенства Константинопольского патриарха, представляя его главой Вселенской церкви с преимущественным правом и специальными привилегиями в отношении глав других православных церквей.

Принципы Константинопольского патриархата расходятся с многовековой канонической традицией православия, и могут уничтожить православное единство поместных православных церквей. Епископы получают равную благодать от Духа Святого, «Епископ первого престола да не именуется экзархом священников или верховным священником» (48 правило Карфагенского Собора), таким образом особая значимость Константинопольского Патриарха считается искажением соборности. Каноны не представляют первенствующему по чести епископу властные компетенции в общецерковном значении. Константинопольский Патриарх заявляет о том, что предстоятели Фанара имеют преимущество и могут по своей инициативе вторгаться в дела православных церквей.

По мнению Фанара, прекращение взаимоотношений с Константинопольским патриархатом какой-либо поместной православной церкви определяется как отпадение от православия. Все это не соответствует церковным канонам и отвергается Русской православной церковью.

Главой Церкви считается Господь Иисус Христос «Он есть глава тела Церкви» – Кол. 1:18. Первенство чести, но не власти, представлено Константинопольскому Патриарху среди предстоятелей других православных церквей. Русская православная церковь отстаивает каноническое предание, выступает за равенство всех поместных православных церквей [6].

Современные глобалистские политические структуры негативно относятся не только к России как суверенному государству, но и к православию, а в целом к христианскому мировоззрению, что и определяет в первую очередь угрозы духовной взаимосвязи России и Украины, разрушая при этом единство братских православных народов.

Таким образом, раскол, который был организован Константинопольским Патриархом Варфоломеем, значительно ослабил духовное общение Русской православной церкви с греческим православным миром, идеологи и заказчики раскола Русского мира добились своей цели. В то же время немало священников, теологов и религиоведов не признали неканонические деяния Фанара, не стали общаться с лжесвященниками и лжеепископами. Раздор, посеянный Константинопольским патриархатом, повлек за собой гонения на каноническую Украинскую православную церковь и ее верующих со стороны киевского режима.

В результате вторжения Константинопольского патриархата в религиозную сферу Украинской православной церкви отмечается дискриминация духовенства канонической церкви, информационное пространство наполняется дезинформацией и фейками в отношении канонической церкви. Применяются силовые способы захвата храмов Украинской православной церкви, священники подвергаются давлению со стороны специальных

служб украинского режима. В Киево-Печорскую лавру, духовный центр исторической Руси, власти Украины допустили раскольников, на архиереев и рядовых пастырей канонической церкви возбуждают уголовные дела о государственной измене в пользу России.

Фанар зависим от американских и западноевропейских политических структур, которые находятся в состоянии конфликта с Россией, данные структуры умело манипулируют Константинопольским патриархатом в ущерб всему мировому православию.

Не остаются в стороне и так называемые «униаты», которые поддерживают гонения на православных Украины, греко-католики преследуют свои цели: захватывают православные храмы, пытаются привлечь на свою сторону верующих Украинской православной церкви.

Униаты (греко-католики) Украины выполняют и идеологические задачи с целью дискредитации Украинской православной церкви Московского патриархата. Еще в 2013–2014 годах униаты активно поддерживали насильственный захват власти на Украине.

Таким образом, в ряде епархий Украинской православной церкви стали отмечаться канонические нестроения, прекратилось поминовение Патриарха Московского и Всея Руси, что нарушает многовековые традиции и каноны православия и приводит к расколу церкви.

Одним из важных направлений такого «теологического противоборства» против Русского мира и Русской православной церкви является информационная война, которая проводится против православной части российского и украинского общества. Религиозная, православная сфера непосредственно имеет связь с национальной идентичностью и организацией жизни общества. Отрицание Русского мира и традиций исторической Руси как формы русской общности неолиберальные западные и украинские «православные» структуры желают вытеснить, используя украинский национализм и майданную теологию.

Сущность «майданной теологии» – это спасение через занятие революционной деятельностью без духовного преображения. Еще в 2014 году «майданная теология» использовалась идеологами и неонацистами украинского государственного переворота, уже тогда начались гонения на верующих Украинской православной церкви Московского патриархата.

После того как Константинопольский патриархат издал так называемый томос для создания автокефалии «Православной церкви Украины», появилась идеологическая причина для разрушения канонической церкви и поддержки Украинской национальной церкви.

Так, Православная церковь Украины исключает верующих, которые себя отождествляют с русским народом, Русским миром и его культурой. Западные и украинские идеологи отрицают понятие «Русский мир», по их мнению данная дефиниция не имеет предметной действительности. Также понятие «Русский мир» идеологи новой украинской церкви сравнивают с богословской «ересью».

Отрицание Русского мира вышло и на новый «научный» уровень, в марте 2022 года была издана Декларация об учении «о Русском мире», которую подписали западные ученые в области теологии. Документ был размещен на портале Академии богословских исследований г. Волос (Греция). Интересно остается то, что на каком основании западные религиоведы и теологи отрицают существование Русского мира. Тем самым они не признают и русское общество? Русский мир – понятие историческое и культурологическое, а не теологическое, ведь существует же тюркский, арабский, англосаксонский мир, его западные теологи и религиоведы тоже от-

рицают? Данная Декларация об учении «о Русском мире», которую подписали европейские ученые в области теологии и религиоведения, можно считать теоретическим обоснованием русофобии. Декларация носит идеологизированный характер, и целью ее является когнитивная борьба с Россией. Основой декларации является полное отрицание Русского мира как такового, что одновременно отрицает и саму русскую нацию. Можно подумать, что группа западных ученых, подписавших данную декларацию, поддерживает не только либеральные и глобалистские идеи, но и неонацистские [7].

Текст декларации агрессивно направлен против Русской православной церкви и Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Декларация стала поводом для введения санкций против предстоятеля Русской церкви, что является оригинальным случаем для современного религиозного мира, который должен находиться вне политического пространства. Санкции против духовного лидера Русской православной церкви позорная страница в современной жизни западных элит. Русский Патриарх близок к своей пастве, у него огромный авторитет среди православных верующих, он верен Церкви и имеет огромное духовное влияние как в России, так и в других православных странах.

Современную русофобию можно представить, как дерусификацию, которая заключается в уничтожении русского исторического наследия и православия. Продвигают данную идеологию представители либеральных глобалистских движений и транснациональной олигархии. К сожалению, данные представители существуют и в самой России в качестве «самопровозглашенной российской интеллигенции». Им стыдно быть русскими, они презрительно относятся к русской национальной культуре, православию и в целом к Русской православной церкви. Они полагают, что в будущем они будут управлять дерусифицированной «прекрасной Россией будущего». Своей целью они ставят ослабить духовный потенциал русских православных людей. Для этого регулярно проводятся информационно-психологические атаки на российское общество, где работает так называемая «культура отмены русских» в глобальном информационном пространстве.

В настоящий момент гибридная война против России в религиозно-духовной сфере проводится по следующим основным направлениям: разрушение российских традиционных ценностей; секуляризация российского образования; религиозная дезориентация российского населения; распространение лжерелигиозных объединений и организаций; теологическая и религиозная информационная война против Русской православной церкви; внедрение ложного сознания в религиозное мировоззрение; разжигание социально-политических конфликтов на религиозной и этнической почве, используя многоконфессиональный и многонациональный фактор, религиозный экстремизм и нетерпимость; миграционное вторжение в традиционную культурную и религиозную сферу России; провоцирование конфликтов традиционных религиозных организаций России с органами государственной и муниципальной власти.

Таким образом, агрессивные действия запада проводимые в религиозно-духовной сфере России преследуют следующие цели: раскол в единстве православных братских народов; потерю национальной идентичности и переоценку традиционных ценностей, отмену национальной культуры и религии предков.

В сложившейся ситуации в структурах Русской православной церкви необходимо совершенствовать информационную работу среди духовенства и церковных сотрудников мирян. Научную и учебную работу в духов-

ных учебных заведениях направить на проблемы «гибридной и теологической войны», которая развязана против России и Русской православной церкви.

Необходимо проводить научные дискуссии с привлечением экспертов и специалистов по проблемам Русской православной церкви в информационном пространстве и роли Церкви в обеспечении национальной безопасности России. Образовательная подготовка государственных и муниципальных служащих должна учитывать теологические и религиоведческие аспекты общественно-политической обстановки в стране и мире. Нужно регулярно проводить анализ информационного пространства по выявлению угроз, направленных против Русской православной церкви.

В то же время «Церковь не может и не должна вооружать армию, организовывать полицию, разведку и дипломатию, строить государственный бюджет, руководить академическими исследованиями, заведовать концертами и театрами и т.д.; но излучаемый ею религиозный дух может и должен облагораживать и очищать всю эту светскую деятельность людей» [3].

В современных условиях при наличии у России и стран – членов НАТО ядерного оружия и военного паритета победителей в традиционной войне не будет, единственным и результативным инструментом остается возможность использования технологий гибридной войны.

Целью противоборства в духовной сфере общества, где применяются современные информационные технологии, является управление мировоззрением социума вероятного противника с дальнейшим его контролем и внешним руководством. Дискредитация Русской православной церкви в глобальном информационном пространстве, создание негативного имиджа в целом для православия является важной задачей противников Русского мира.

Украинское государство при поддержке западных антироссийских структур использует религию в качестве политического инструмента для борьбы с Россией и Русским миром, пребывающим на данной территории уже более тысячи лет. Русская православная церковь представляет собой, влиятельную духовную силу, которая противостоит внешней религиозной и культурной агрессии против нашей страны. Религиозное противоборство в рамках гибридной войны против Русской православной церкви и всего Русского мира в ближайшей перспективе будет только усиливаться и носить все более агрессивный характер.

Литература

1. Патриаршая проповедь в Неделю сыропустную после Литургии в Храме Христа Спасителя. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5906442.html>
2. Гибридная война против Сербской Православной Церкви / С. Стойичевич; предисловие А.В. Шипкова. – М.: Русская экспертная школа, 2022.
3. Ильин И.А. О русском национализме: сборник статей. – Симферополь: Издательство Шпатаково «Родное слово», 2016.
4. Официальный сайт Международной общественной организации «Всемирный Русский Народный Собор». – URL: <https://vrns.ru/news/plenarnoe-zasedanie-khkhv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/>.
5. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Совещании 19 июля 2023 года. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6043547.html>
6. Об искажении православного учения о Церкви в деяниях иерархии Константинопольского патриархата

и выступлениях его представителей: Доклад митрополита Будапештского Илариона на Архиерейском совещании Русской православной церкви. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6043760.html>

7. Щипков А.В. Русофобия // По-другому: сборник статей о традиции и смене идеологического дискурса / сост. А.В. Щипков. – М.: Абрис, 2017.
8. США против православия: системное давление США на Русскую православную церковь как средство геополитической борьбы с Россией на фоне украинского кризиса: монография / В.А. Щипков; науч. ред. О.И. Быкова, Е.Е. Мамаев. – М.: Русская экспертная школа, 2023.
9. Сивков К., Соколов К. Гибридная война. – М.: Издательство «Наше завтра», 2023.

RELIGIOUS ASPECTS OF THE HYBRID WAR AGAINST THE RUSSIAN WORLD

Artemiev A.A.

MSTU im. N.E. Bauman

In a hybrid (non-classical) war, many types of influence on the enemy are used in all spheres of society. The subjects of such a non-classical war are not only states, but also entire civilizations, cultures and religions.

The Ukrainian state, with the support of Western anti-Russian structures, uses religion as a political tool to fight the Russian world. The emergence of religious organizations, hierarchs and clergy of the Church as new actors and subjects of hybrid wars leads to new goals, objectives and priorities of the warring parties.

Keywords: Russian Orthodox Church, Russian World, Ukraine, hybrid war, religion, Orthodoxy, religious and spiritual sphere, information warfare.

References

1. Patriarchal sermon on the Holy Week after the Liturgy in the Cathedral of Christ the Savior. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5906442.html>
2. Hybrid war against the Serbian Orthodox Church / S. Stojicevic; foreword by A.V. Shchipkova. – М.: Russian Expert School, 2022.
3. Ilyin I.A. On Russian nationalism: collection of articles. – Simferopol: Shpatakovo Publishing House “Native Word”, 2016.
4. Official website of the International public organization “World Russian People’s Council”. – URL: <https://vrns.ru/news/plenarnoe-zasedanie-khkhv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/>.
5. Report of Patriarch Kirill of Moscow and All Rus’ at the Bishops’ Conference on July 19, 2023. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6043547.html>
6. On the distortion of Orthodox teaching about the Church in the actions of the hierarchy of the Patriarchate of Constantinople and the speeches of its representatives: Report of Metropolitan Hilarion of Budapest at the Bishops’ Conference of the Russian Orthodox Church. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6043760.html>
7. Shchipkov A.V. Russophobia // In a different way: a collection of articles about tradition and the change of ideological discourse / comp. A.V. Shchipkov. – М.: Аbris, 2017.
8. USA against Orthodoxy: systemic US pressure on the Russian Orthodox Church as a means of geopolitical struggle with Russia against the backdrop of the Ukrainian crisis: monograph / V.A. Shchipkov; scientific ed. O.I. Bykova, E.E. Mamaev. – М.: Russian Expert School, 2023.
9. Sivkov K., Sokolov K. Hybrid war. – М.: Publishing house “Our Tomorrow”, 2023.

Взгляд на действия ООН в борьбе с терроризмом

Олимзода Сорбони Шамсиддин,

ассистент кафедры сравнительной политологии, РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: sorbon.science@mail.ru

Амин Хафизулла,

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: Kh.mulana@gmail.com

Успех в борьбе с международным терроризмом и всеми его проявлениями зависит от серьезной решимости всех стран и институтов, ответственных за установление международного порядка и безопасности, таких как Совет Безопасности ООН, и консенсуса по всеобъемлющему определению терроризма и недискриминации. До 2001 года проблема терроризма стояла главным образом в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН. Самым центральным вопросом, стоящим перед Генеральной Ассамблеей, является определение терроризма и то, как превратить проблему терроризма как одну из самых противоречивых проблем в проблему, по которой все могут прийти к согласию. По этой причине менее возможно говорить об организованных действиях и усилиях в этом отношении или о конкретных резолюциях до 11 сентября 2001 года. После инцидента 11 сентября мы стали свидетелями появления в политической литературе Организации Объединенных Наций нового механизма, такого, как Антитеррористический комитет. Совет Безопасности инициировал создание новой организации под названием Антитеррористический комитет для достижения целей Резолюции 1373, которые заключаются в глобальной борьбе за ликвидацию международного терроризма и запрет финансирования терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм, Совет Безопасности ООН, Антитеррористический комитет, запрет финансирования терроризма

Введение

Терроризм является глобальной угрозой. Террористические акты, такие как убийства, захват заложников, угон самолетов и разрушение собственности и мест, нарушают права человека и основные свободы и влияют на международные отношения. Глобальный характер этой проблемы заставил международное сообщество принять меры по борьбе с терроризмом. Хотя для борьбы с терроризмом были приняты различные односторонние, двусторонние или региональные меры, комплексные меры и участие всех правительств в борьбе с терроризмом неизбежны, и наиболее подходящим местом для решения этой глобальной проблемы является Организация Объединенных Наций. С ростом террористических актов правительства осознали важность глобальных усилий по борьбе с терроризмом. Глобальные усилия по борьбе с терроризмом начались с создания Лиги Наций и получили еще больший импульс с созданием Организации Объединенных Наций и распространением терроризма, особенно во второй половине 20-го века. Главным результатом правовой реакции международного сообщества является заключение конвенций, которые направлены на регулирование или развитие уголовной юрисдикции государств-членов за различные террористические акты и в конечном итоге наказывают обвиняемых в совершении таких актов. Эти конвенции, наряду с многочисленными резолюциями, одобренными Организацией Объединенных Наций, создают подходящую правовую основу для борьбы международного сообщества с терроризмом; Но, несмотря на многочисленные усилия, международное сообщество по-прежнему сталкивается с проблемой терроризма. В настоящем исследовании делается попытка оценить результаты этих действий и причины их провала путем изучения мер, принятых международным сообществом.

Утверждение антитеррористических конвенций

После образования Организации Объединенных Наций были приняты меры по борьбе с терроризмом. Действия этой организации в борьбе с международным терроризмом являются важнейшим организационным сотрудничеством в пресечении терроризма и демонстрируют международное осознание важности борьбы с терроризмом посредством сотрудничества и совместных действий. В 1970-е годы Генеральная Ассамблея ООН предприняла шаги по поиску определения терроризма и установлению его причин¹, но из-за разногласий государств-членов, то есть коммунистических государств и государств третьего мира, с одной стороны, и в западных государствах, с другой стороны, конкретных результатов это не принесло. Однако за последние десятилетия в ООН был одобрен ряд международно-правовых документов, которые могут стать эффективным фактором в борьбе с терроризмом. Международные антитеррористические конвенции, одобренные организацией как один из источников международного права, установили запрет на некоторые конкретные террористические акты. Эти договоры признали принципы, которые международное сообщество стремится сохранить и защитить; Это значит уделять внимание жизни и свободе человека и его имущества. В дополнение к этим конвенциям Генеральная Ассамблея Организации

Объединенных Наций приняла несколько резолюций, в которых призвала правительства сотрудничать друг с другом в борьбе с международным терроризмом. Хотя эти резолюции не являются обязательными; Но они имеют политическую ценность и демонстрируют поддержку правительствами антитеррористических конвенций и их готовность выполнять международные правила, касающиеся терроризма.

Международный терроризм проявляется в различных формах и единого документа по этому поводу не существует. В настоящее время существует тринадцать международных конвенций, которые касаются преступлений, связанных с терроризмом, таких как угон самолетов, преступления против лиц, пользующихся международной защитой, захват заложников и взрывы. Эти конвенции были одобрены Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций и специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, а именно Международной организацией гражданской авиации и Международной морской организацией, а также Международным агентством по атомной энергии.

Конвенции, одобренные Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций

1. Конвенция о запрещении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических представителей (1973 г.). В последние десятилетия, особенно в 60-е годы, увеличилось совершение террористических преступлений против дипломатических делегаций и представителей, а также представителей международных организаций. Среди этих случаев можно отметить убийство иранских дипломатов в Мазари-Шарифе Режим Талибана в Афганистане. Преступления, совершаемые против лиц, пользующихся международной защитой, обычно включают в себя такие случаи, как убийства и нападения на людей, а также нападения на дипломатические объекты. Осуществление подобных мер побудило государства-члены ООН одобрить конвенцию о предотвращении террористических актов против лиц, пользующихся международной защитой.

14 декабря 1973 года Генеральная Ассамблея ООН на основании резолюции 3166 единогласно одобрила Конвенцию о запрещении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических представителей, также известную как Нью-Йоркская конвенция. Согласно статье 1 этой конвенции, лицами, пользующимися международной защитой, являются такие лица, как глава государства, министр иностранных дел и сопровождающие их семьи во время зарубежных поездок, а также представители или сотрудники правительства и представители или сотрудники международных организаций и их семьи. Любое умышленное действие, ведущее к убийству и похищению людей или иным посягательствам на личность и свободу защищаемых лиц, или нападение на место работы, жительства и транспортное средство этих лиц, либо угрозу или начало совершения действий, перечисленных в конвенции или ее депутатство должно быть основано на законах внутри государства-члена, считается преступлением (статья 2).

2. Международная конвенция против захвата заложников (1979 г.). Захват заложников является террористическим актом и одним из распространенных методов терроризма, ставящим под угрозу жизнь и свободу невинных людей. Целью террористов при совершении таких действий является принуждение третьего лица к совершению или воздержанию от совершения определенных действий. Благодаря инициативе федерального правительства Германии в 1976 году и решению этой

проблемы Международная конвенция против заложников была окончательно одобрена Генеральной Ассамблеей 17 декабря 1979 года. Первая статья этой конвенции определяет преступление захвата заложников. Согласно этой статье, любое задержание, задержание лиц, сопровождающееся угрозой смерти или причинения вреда, либо длительное задержание лиц с целью принудить третью сторону, то есть правительство, международную правительственную организацию, физическое или юридическое лицо или группу лиц совершить или воздержаться от совершения действия в качестве явного или неявного условия освобождения заключенных рассматривается преступление захвата заложников. Попытка совершить преступление захвата заложников или пособничества в нем признается преступлением на основании конвенции (статья 2), и государства-члены будут рассматривать наказание за такие преступления (статья 3).

3. Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и союзных сил (1994 г.). В последние годы, особенно после окончания «холодной войны», количество миротворческих операций ООН увеличилось. Параллельно с расширением этой операции и развертыванием Советом Безопасности большого количества миротворческих сил в критических районах возросло число нападений на персонал или тех, кто сотрудничает с Организацией Объединенных Наций, что во многих случаях приводило к гибели или физическому насилию. Эти силы стали интенсивными. Эти нападения, имеющие террористический характер, включают в себя такие случаи, как убийства, похищения людей и угрозы свободе и безопасности персонала организации. Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и ее союзников была принята 9 декабря 1994 года с целью предотвращения нападений на силы Организации Объединенных Наций и наказания тех, кто совершает такие действия.

4. Международная конвенция по предотвращению бомбового терроризма (1997 г.). Бомбардировка – один из распространенных методов терроризма, целью которого является убийство людей, уничтожение собственности и мест, а также создание террора. Увеличение количества смертей, телесных повреждений и обширных разрушений, вызванных террористическими атаками с использованием взрывчатых веществ, привело к необходимости принятия мер по борьбе с этими актами насилия и созданию основы для наказания виновных. По этой причине 15 декабря 1997 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила Международную конвенцию по предотвращению бомбового терроризма. Принятие этой конвенции считается серьезным шагом в борьбе с терроризмом.

5. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (2000 г.). Последним решением Генеральной Ассамблеи по разработке антитеррористических договоров стал договор под названием «Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма», который был принят в 2000 году. Цель конвенции – предотвратить любую финансовую помощь террористическим лицам и группам, не допустить их усиления и, как следствие, распространения террористической деятельности. Согласно этой конвенции, любое лицо, которое прямо или косвенно предоставляет или приобретает капитал с намерением использовать его для совершения преступлений, перечисленных в одной из антитеррористических конвенций (которые включены в приложение к конвенции и также упоминаются в настоящей статье), или предоставить финансовые возможности для совершения действия, целью которого является убийство или причинение телесных повреждений гражд-

данину или лицу, которое не участвует в вооруженных конфликтах, или с мотивом угрозы и запугивания людей или принуждения правительства или международной организации совершить или не совершить какое-либо действие. Если он совершит такое действие, он будет признан преступником.

Конвенции, одобренные Международной организацией гражданской авиации (ИКАО)

1. Конвенция о преступлениях и других действиях, совершаемых на воздушных судах (1963 г.). Во второй половине 20 века и особенно в 60-е годы авиация подвергалась серьезной угрозе со стороны угонов и вандализма самолётов и авиационных объектов.

Эти действия не только ставят под угрозу жизнь невинных людей и вредят пассажирам и летному экипажу, но и нарушают связь и воздушные перевозки. Ввиду важности этого вопроса были приняты меры по борьбе с угонами самолетов и террористическими преступлениями против авиационной безопасности на глобальном, региональном и одностороннем уровнях.

На глобальном уровне важные меры по борьбе с терроризмом приняла Международная организация гражданской авиации (ИКАО). На основании пункта 8 статьи 44 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации (1944 г.) эта организация обязана обеспечивать безопасность полетов в Международный авиационный флот. В связи с этим ИКАО приняла меры по борьбе с актами насилия в отношении воздушных судов, экипажей, пассажиров, персонала гражданской авиации, гражданских аэропортов и объектов, используемых в международной гражданской авиации.

В правовом поле эти меры привели к подготовке, утверждению и широкому принятию международных договоров, касающихся авиационной безопасности. Токийская конвенция о преступлениях и других действиях, совершаемых на воздушных судах (1963 г.), является первой попыткой ИКАО реализовать цели этой организации. Согласно статье 1 Конвенции преступления, нарушающие уголовное законодательство, или действия, не являющиеся преступлениями по уголовным законам, но создающие угрозу безопасности воздушного судна или находящихся в нем лиц и имущества или порядка внутри воздушного судна, будут подлежать положениям Конвенции.

2. Конвенция о предотвращении незаконного захвата воздушных судов (1970 г.). Рост числа террористических атак против авиационной безопасности в конце 1960-х годов и недостатки Токийской конвенции побудили государства-члены ИКАО сделать еще один шаг в борьбе с терроризмом, в результате чего в 1970 году была принята Конвенция о предотвращении незаконного захвата воздушных судов. Гаага. Согласно Гаагской конвенции, незаконный захват и контроль над воздушным судном, иными словами, угон, является уголовным деянием, и государства-члены обязаны наказывать обвиняемых в соответствии со своими национальными законами.

3. Монреальская конвенция о борьбе с незаконными действиями против безопасности гражданской авиации (1971 г.). Монреальская конвенция, принятая 23 сентября 1971 года, дополняет положения, содержащиеся в Гаагской и Токийской конвенциях. Целью этой конвенции является реагирование на акты насилия и диверсии, за исключением угона самолетов и других преступлений на борту самолетов. Преступления, включенные в Монреальскую конвенцию, определены таким образом, что включают в себя не только угон и незаконный захват воздушных судов, упомянутых в предыдущих кон-

венциях, но также диверсии и нападения на авиационные объекты на земле.

4. Монреальский протокол о пресечении незаконных актов насилия в международных гражданских аэропортах (1988 г.). Насильственные террористические акты в гражданских аэропортах потребовали принятия мер по обеспечению безопасности аэропортов. По этой причине 24 февраля 1988 г. был одобрен Монреальский протокол. Этот протокол разделяет свои основные принципы с Гаагской и Монреальской конвенциями и считается дополняющим Монреальскую конвенцию, и по этой причине он не предлагается в качестве нового договора, а является лишь протоколом к Монреальской конвенции, и его следует добавить в Данная Конвенция в форме документа подлежит изучению и толкованию, и, таким образом, она считается дополнением к определениям преступлений, упомянутым в Монреальской конвенции. Этот протокол касается незаконных актов насилия в международных гражданских аэропортах, которые нарушают безопасность людей и имущества в аэропортах, включая порядок полетов и безопасность всех стран.

5. Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях обнаружения и отслеживания (1991 г.). На своем 2869-м заседании 14 июня 1989 года Совет Безопасности ООН, уделив внимание пластиковой и листовой взрывчатке, которая может использоваться в террористических актах и которую трудно идентифицировать и обнаружить, призвал все правительства работать вместе, чтобы принять меры по сотрудничать в целях предотвращения всех террористических актов, включая акты с использованием взрывчатых веществ. Резолюция призвала все правительства установить международный режим маркировки пластиковых взрывчатых веществ или взрывчатых веществ из фольги с целью их обнаружения и отслеживания. В другой резолюции 15-й Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций ИКАО было предложено спроектировать и разработать международную систему обнаружения пластиковой взрывчатки. В связи с этим 1 марта 1991 года ИКАО приняла Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ с целью их обнаружения. Эта конвенция создает обязательства для членов, состоящие из двух частей. Во-первых, прекратить производство немаркированной взрывчатки и контролировать ее передачу, во-вторых, заменить маркированную взрывчатку другими взрывчатыми веществами.

Конвенции, одобренные Международной морской организацией (ИМО)

1. Конвенция о предотвращении незаконных действий против безопасности мореплавания (1988 г.). После инцидента в Акмиле Ларуе 7 октября 1985 года, когда итальянский круизный лайнер был захвачен группой Фронта освобождения Палестины – филиала Организации освобождения Палестины – с целью освобождения 50 палестинцев из тюрьмы сионистского режима, и один гражданин американского еврея был убит. 17 В июне 1987 года Совет Международной морской организации включил в свою повестку дня международную конференцию по предотвращению незаконных действий, направленных против морской безопасности. Основной целью этой конференции было одобрение договора о террористических актах против судоходства. Так, 10 марта 1988 года была принята Конвенция о предотвращении незаконных действий против безопасности на море.

В статье 3 Конвенции любой акт насилия в отношении лиц, находящихся на судне, разрушающий и разрушающий судно или причиняющий ущерб судну и его гру-

зу и размещающий устройство или предмет, приводящий к разрушению или повреждению судна и его груз или морские объекты уничтожить и разрушить или создать нарушение судоходства считается преступлением.

2. Римский протокол о предотвращении незаконных действий против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.). Наличие более 5000 морских платформ по всему миру, которые используются для добычи нефти и природного газа, а также их экономическое значение сделали эти платформы подходящими объектами для террористических операций. 19 Нападения на эти платформы стоят жизни невинным людям. На которых они работают. подвергает опасности, наносит большой ущерб экономике и окружающей среде. С этой целью 10 марта 1988 г. на той же международной конференции, организованной Международной морской организацией в Риме, был одобрен протокол к Римской конвенции. В статьях 1 и 2 Протокола о предотвращении незаконных действий против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, насильственного захвата или установления контроля над платформой или любых угрожающих и насильственных действий в отношении лиц, находящихся на платформе, уничтожения и уничтожения платформы платформе или причинение ей ущерба, установка и размещение на платформе любого устройства или схемы, которые могут привести к разрушению платформы или поставить под угрозу ее безопасность, а также причинение вреда или убийство любого лица, присутствующего на платформе, в связи с совершением любого разрушительного действия или нарушением безопасности платформы, Это считается преступлением.

Общие аспекты антитеррористических конвенций

Анализируя антитеррористические договоры, мы приходим к выводу, что все эти договоры имеют схожую структуру, и при их подготовке и составлении применялась определенная закономерность. Хотя единого юридического документа по терроризму не существует, каждая из антитеррористических конвенций затрагивает различные формы терроризма. Различные террористические акты рассматриваются в этих договорах как преступления, и государствам-членам предлагается сотрудничать друг с другом в судебном преследовании и наказании преступников. Очевидно, что из-за отсутствия международного уголовного суда, юрисдикция которого распространяется на обвиняемых в совершении террористических актов, ответственность за соблюдение норм международного права будет лежать на государствах-членах. Почему терроризм исключили из списка преступлений Международного уголовного суда?

В целом, антитеррористические конвенции пытаются обеспечить наказание обвиняемых в террористических актах четырьмя способами.

1. Все эти конвенции основаны на принципе «экстрадиции или наказания», который подразумевает существование системы косвенного принуждения. В этой системе реализация положений, содержащихся в антитеррористических конвенциях, осуществляется посредством национального уголовного законодательства государств-членов. Принцип экстрадиции или наказания означает, что страны, подписавшие конвенцию, на территории которых находятся обвиняемые в террористических актах, должны либо судить обвиняемых сами, либо передать их другой стране, которая запрашивает их экстрадицию, и в соответствии с положениями Конвенция против указанных обвиняемых. Они обладают уго-

ловной юрисдикцией для экстрадиции. Таким образом, конвенции пытаются расширить уголовную юрисдикцию правительств в отношении обвиняемых в террористических актах, обеспечить основу для осуществления правосудия и предотвратить их побег.

2. При необходимости антитеррористические конвенции будут выступать в качестве договора об экстрадиции. В настоящее время акт экстрадиции требует наличия договора об экстрадиции, и без такого договора правительства не обязаны выдавать преступников. Заключение договора об экстрадиции дает основания для экстрадиции преступников при определенных условиях. Чтобы облегчить проблему экстрадиции, в антитеррористических конвенциях подчеркивается, что в отсутствие договора об экстрадиции между государствами-членами эти конвенции могут действовать как договоры об экстрадиции, и поэтому государства-члены полагаются на конвенцию при экстрадиции преступника.

3. Преступления, включенные в конвенции, будут считаться преступлениями, влекущими выдачу. Одним из препятствий на пути экстрадиции обвиняемых является совершение преступных действий по политическим мотивам. Таким образом, при обеспечении всех необходимых условий для экстрадиции, если по решению правительства, у которого запрашивается экстрадиция, совершенное преступление будет считаться политическим преступлением, указанный обвиняемый не будет подлежать экстрадиции. По этой причине в антитеррористических конвенциях с целью устранения препятствий к экстрадиции прямо предусмотрено, что при экстрадиции, если совершенное преступление относится к числу преступлений, перечисленных в конвенции, даже если оно было совершено по политическим мотивам, обвиняемый не будет освобожден от экстрадиции. Таким образом, если отдельные лица и политические группы после совершения террористических преступлений, включенных в антитеррористические конвенции, укрываются на территории другого государства, и это государство является участником конвенции, можно требовать экстрадиции обвиняемого из указанного государства, и согласно положениям конвенции, государство-член обязано выдать обвиняемого.

4. Все государства-члены обязаны осуществлять уголовную юрисдикцию над обвиняемыми. На современном этапе международное право имеет общепризнанные принципы, которые наделяют правительства юрисдикцией в отношении территориальных и экстерриториальных преступлений. За исключением универсального принципа, остальные принципы, а именно территориальности, гражданство обвиняемого, гражданство потерпевшего и защита от антитеррористических конвенций, были приняты во внимание в качестве основы для создания и осуществления юрисдикции по уголовным делам. правительства, которые стремятся привлечь к ответственности и наказать обвиняемых в терроризме. Кроме того, даже присутствие обвиняемого на территориальной территории государства-члена может использоваться как основание для юрисдикции, и, таким образом, в зависимости от наличия юрисдикции над обвиняемым государство-член обязано осуществлять юрисдикцию и осуществлять правосудие.

Резюме и заключение

Как было сказано, международное сообщество, осознавая опасность терроризма, приняло ряд мер по борьбе с терроризмом. Результатом этих мер стало принятие антитеррористических резолюций и договоров по различным аспектам международного терроризма. Хотя между-

народному сообществу не удалось прийти к общепринятому определению терроризма, антитеррористические конвенции, одобренные международными организациями, дают определения различным террористическим актам и квалифицируют их как международные преступления. Антитеррористические конвенции требуют от государств-членов сотрудничать в судебном преследовании и наказании обвиняемых в соответствии с механизмом, предусмотренным в этих конвенциях, и действовать таким образом, чтобы не было безопасного места для террористов. Однако исполнительные системы, предусмотренные антитеррористическими конвенциями, не добились успеха в борьбе с терроризмом, и эту неудачу можно объяснить различными факторами:

1. В настоящее время сфера действия антитеррористических конвенций ограничивается некоторыми террористическими актами. Похоже, что международные договоры по терроризму должны быть расширены и охватывать террористические акты, которые до сих пор не рассматривались. Кроме того, количество участников этих конвенций показывает, что многие государства по-прежнему не желают присоединяться к этим договорам. Одобрение и реализация вышеупомянутых конвенций подавляющим большинством правительств расширили масштабы воздействия этих договоров и обеспечивают основу для наилучшей борьбы с терроризмом.

2. Положения существующих договоров легко нарушаются государствами-членами, которые принимают во внимание политические соображения при борьбе с терроризмом. Уделение внимания политическим и экономическим интересам является большим препятствием для эффективного контроля и серьезной борьбы с терроризмом. Поэтому необходимо, чтобы государства-члены выполняли свои обязательства, основанные на антитеррористических договорах, не учитывая своих политических интересов, и хорошо показывали свою роль в борьбе с этой глобальной проблемой. Однако в ситуациях, когда государства-члены игнорируют свои обязательства, не существует эффективного механизма борьбы с противоправным государством.

3. Отсутствие надлежащего судебного сотрудничества по уголовным делам между правительствами является одной из причин неэффективности международных правил, касающихся терроризма. Борьба с терроризмом требует политической воли всех правительств и их более тесного сотрудничества посредством обмена информацией, ареста, наказания и экстрадиции преступников. Терроризм является глобальной угрозой, и борьба с ним требует глобальной решимости.

4. Представляется, что, хотя соблюдение международного права может осуществляться через национальные суды, терроризм как международное преступление требует судебного разбирательства со стороны международного суда. Теперь, когда статут Международного уголовного суда одобрен международным сообществом, необходимо наделять этот суд полномочиями по рассмотрению террористических преступлений, обеспечить наилучшую возможную основу для осуществления правосудия в отношении обвиняемых терроризмом.

Литература

- Maxwell Finger, S., "International Terrorism and the United Nations", in Alexander, Y. (ed.), *International Terrorism: National, Regional and Global Perspectives*, N.Y, Praeger Publisher, 1976, p.329.
- UN. 4A. Report of the Ad Hoc Committee on Terrorism, 28th Sess. Supp. No. 28 (A/9028) p.6: UN. 4AOR, 34th Sess. Supp. No.37 (A/34/37)1979.
- Frank, T.M. and Lockwood, B.B, "Preliminary Thoughts towards an International Convention on Terrorism", *American Journal of International law*, 68, 1974, pp.72–82.
- Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, Including Diplomatic Agents: *International Legal Materials*, 13, 1974, p.41.
- International Convention against the Taking of Hostages: *ILM* 18, 1979, p.460.
- Convention on the Safety of United Nations and Associated Personnel: *ILM*, 34, 1995, p.482.
- International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings: UN. Doc.A/Res/52/164, 9 Jan 1998.
- International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, 10 Jan 2000.
- Convention on Offences and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft: UNTS 704, 1970, p.219.
- Shubber, is Hijacking of Air Craft, Piracy in International Law? «*British Yearbook of International Law*», 1968 69, p.193.
- Fitzgerald, Q. F., "Aviation Terrorism and the International Civil Aviation Organization", *Canadian Yearbook of International Law* 25, 1987, p.219.
- Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Air Craft: UNTS, 860, 1972, p.105.
- Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation: UNTS, 947, 1973.
- Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airport Serving International Civil Aviation.
- Convention on the Marking of Plastic Explosives for the Purpose of Detection: *ILM*, 30/1991/p.721.
- UN. 4A. Res. 44/29, 4 Dec. 1989.
- Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation; *ILM* 27, 1988, p.668.
- Cassese, A., "Achille Lauro", in Bernhardt, R. (ed.), *Encyclopedia of Public International Law (EPIL)*. Vol. (1992), pp.10–14.
- Protocol for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf; IMO. Doc. SUA/CONF. 16. Rev.1, Mar. 10, 1988.
- Ronzitti, N. (ed.), "Maritime Terrorism and International Law", Kluwer Academic Publishers, Netherlands, 1990, p.91.
- League of Nations, Treaty Series, vol. XCIV.
- UN. GA. Res. 3314 (XXIX), 14Dec. 1974.
- International Legal Materials*, Vol.14, 1975.
- Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. U. S) *International Court of Justice Reports*, 1986.
- Brownlie, I; *International Law and the Use of Force*; Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Nanda, V. P; "The United States Armed Intervention in Grenada: Impact on World Order", *California Western International Law Journal*, Vol. 14, 1984.
- Paasche, F. W; "The Use of Force in Combating Terrorism", *Columbia Journal of Transnational Law*, Vol. 25, 1987.
- Bowett, D. W; *Self Defence in International Law*, Manchester University Press, 1958.
- Levenfeld, B., "Israel's Counter- Fedayeen Tactics in Lebanon: Self Defense and Reprisals under Modern International Law", *Columbia Journal of Transnational Law*, Vol. 21, 1982.
- Brownlie, I.; "The Use of Force in Self-Defence", *British Yearbook of International Law*, Vol. 37, 1961.

31. Merazek, J.; "Prohibition of the Use and Threat of Force: Self-Defence and Self-Help in International Law", Canadian Yearbook of International Law, Vol. 27, 1989.

A LOOK AT THE UN'S RESPONSE TO TERRORISM

Olimzoda Sorboni Shamsiddin, Amin Hafizullah

RUDN named after. Patrice Lumumba

Success in the fight against international terrorism and all its manifestations depends on the serious determination of all countries and institutions responsible for establishing international order and security, such as the UN Security Council, and consensus on a comprehensive definition of terrorism and non-discrimination. Until 2001, the issue of terrorism was primarily on the agenda of the UN General Assembly. The most central issue facing the General Assembly is the definition of terrorism and how to turn the issue of terrorism, one of the most controversial issues, into an issue on which everyone can agree. For this reason, it is less possible to speak of organized actions and efforts in this regard or of specific resolutions before September 11, 2001. After the September 11 incident, we witnessed the emergence of a new mechanism in the political literature of the United Nations, such as the Anti-Terrorism Committee. The Security Council initiated the creation of a new organization called the Anti-Terrorism Committee to achieve the goals of Resolution 1373, which are the global struggle to eliminate international terrorism and prohibit the financing of terrorism.

Keywords: international terrorism, UN Security Council, Anti-Terrorism Committee, prohibition of terrorist financing

References

1. Maxwell Finger, S., "International Terrorism and the United Nations", in Alexander, Y. (ed.), *International Terrorism: National, Regional and Global Perspectives*, N.Y., Praeger Publisher, 1976, p.329.
2. UN. 4A. Report of the Ad Hoc Committee on Terrorism, 28th Sess. Supp. No. 28 (A/9028) p.6: UN. 4AOR, 34th Sess. Supp. No.37 (A/34/37)1979.
3. Frank, T.M. and Lockwood, B.B., "Preliminary Thoughts towards an International Convention on Terrorism", *American Journal of International Law*, 68, 1974, pp.72–82.
4. Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, Including Diplomatic Agents: *International Legal Materials*, 13, 1974, p.41.
5. International Convention against the Taking of Hostages: *ILM* 18, 1979, p.460.
6. Convention on the Safety of United Nations and Associated Personnel: *ILM*, 34, 1995, p.482.
7. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings: UN. Doc.A/Res/52/164, 9 Jan 1998.
8. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, 10 Jan 2000.
9. Convention on Offences and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft: UNTS 704, 1970, p.219.
10. Shubber, is Hijacking of Air Craft, Piracy in International Law? «*British Yearbook of International Law*», 1968 69, p.193.
11. Fitzgerald, Q. F., "Aviation Terrorism and the International Civil Aviation Organization", *Canadian Yearbook of International Law* 25, 1987, p.219.
12. Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Air Craft: UNTS, 860, 1972, p.105.
13. Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation: UNTS, 947, 1973.
14. Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airport Serving International Civil Aviation.
15. Convention on the Marking of Plastic Explosives for the Purpose of Detection: *ILM*, 30/1991/p.721.
16. UN. 4A. Res. 44/29, 4 Dec. 1989.
17. Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation; *ILM* 27, 1988, p.668.
18. Cassese, A., "Achille Lauro", in Bernhardt, R. (ed.), *Encyclopedia of Public International Law (EPIL)*. Vol. (1992), pp.10–14.
19. Protocol for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf; IMO. Doc. SUA/CONF. 16. Rev.1, Mar. 10, 1988.
20. Ronzitti, N. (ed.), "Maritime Terrorism and International Law", Kluwer Academic Publishers, Netherlands, 1990, p.91.
21. League of Nations, Treaty Series, vol. XCIV.
22. UN. GA. Res. 3314 (XXIX), 14Dec. 1974.
23. *International Legal Materials*, Vol.14, 1975.
24. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. U. S) *International Court of Justice Reports*, 1986.
25. Brownlie, I; *International Law and the Use of Force*; Oxford: Clarendon Press, 1963.
26. Nanda, V. P; "The United States Armed Intervention in Grenada: Impact on World Order", *California Western International Law Journal*, Vol. 14, 1984.
27. Paasche, F. W; "The Use of Force in Combating Terrorism", *Columbia Journal of Transnational Law*, Vol. 25, 1987.
28. Bowett, D. W; *Self Defence in International Law*, Manchester University Press, 1958.
29. Levenfeld, B., "Israel's Counter- Fedayeen Tactics in Lebanon: Self Defense and Reprisals under Modern International Law", *Columbia Journal of Transnational Law*, Vol. 21, 1982.
30. Brownlie, I.; "The Use of Force in Self-Defence", *British Yearbook of International Law*, Vol. 37, 1961.
31. Merazek, J.; "Prohibition of the Use and Threat of Force: Self-Defence and Self-Help in International Law", *Canadian Yearbook of International Law*, Vol. 27, 1989.

Проблема прав человека в Китае на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района

Енина Евгения Владимировна,
студент Дипломатической академии МИД РФ
E-mail: e.enina2002@mail.ru

Синьцзян-Уйгурский автономный район считается одним из самых неспокойных районов Китая, привлекающим повышенное внимание мировой общественности из-за обвинений Запада в ущемлении прав человека и массовом интернировании местного населения. Несмотря на то, что большинство уйгурских политических групп поддерживают мирный национализм, есть и радикально настроенные группировки. Китайское правительство часто называет уйгурских националистов «террористами». Сегодня в районе существует строгая система безопасности, созданная для стабилизации ситуации с террористическими актами. Однако методы борьбы властей Китая с нестабильностью рассматриваются странами Запада как нарушение прав человека. Статья посвящена проблеме прав человека в Китае (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе), позициям Китая и стран Запада по этому вопросу, а также сотрудничеству ЕС и Китая в правозащитной сфере.

Ключевые слова: права человека, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай, ЕС, Диалог Китай – ЕС по правам человека.

Общая характеристика района

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) является самой большой по площади территориально-административной единицей Китая. Он расположен на западе китайской границы и в XIX веке был известен как «Восточный Туркестан». Уйгуры – тюркоязычный народ, подавляющее большинство которого проживает в СУАР. По вероисповеданию уйгуры – мусульмане-сунниты. Исторически они находились на периферии китайского культурного влияния, то есть их традиции и образ жизни сильно отличаются от тех, что можно наблюдать на большей части территории Китая. Название «Синьцзян» в переводе с китайского означает «новая граница».

Синьцзян сталкивается с серьезными проблемами в области безопасности. Уйгуры уже много лет борются за свою независимость, и этнические волнения часто заканчивались массовыми протестами и приводили к насилию. С 1990-х годов «три силы зла» (терроризм, сепаратизм и экстремизм) спланировали и осуществили в Синьцзяне несколько тысяч нападений внутри страны и за рубежом.

11 сентября 2001 года стал поворотным не только в истории США, но и для всего мирового сообщества. После теракта в Нью-Йорке Китай заявил о своей поддержке Соединённых Штатов в борьбе с терроризмом. Китайское правительство часто называет уйгурских националистов «террористами» и после атаки на башни-близнецы получило еще большую поддержку в мире для своей собственной «войны с терроризмом».

Тем не менее, правозащитные организации обеспокоены тем, что «война с терроризмом» используется китайским правительством в качестве предлога для притеснения этнических уйгуров. Уйгурские группы в изгнании также утверждают, что китайское правительство подавляет уйгурскую культуру и религию и отвечает на требования независимости нарушениями прав человека. В недавнем докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) о ситуации в СУАР говорится о совершении «серьезных нарушений» прав уйгуров и «других преимущественно мусульманских общин». «Нарушения» включают в себя дискриминационные ограничения прав человека и основных свобод в нарушение международных законов и стандартов», в том числе ограничения свободы вероисповедания и права на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения.

В докладе говорится также, что политика китайского правительства в регионе «безгранична». Разделяются семьи, «разрываются» контакты, создаются «модели запугивания и угроз» в отношении более широкой уйгурской диаспоры, представители которой рассказывали о ситуации дома [5].

Позиция Китая

В главе I статье 4 Конституции КНР указано, что «все национальности в Китайской Народной Республике равно-

правны. Государство гарантирует законные права и интересы всех национальных меньшинств, охраняет и развивает отношения равенства, сплоченности, взаимопомощи и гармонии между всеми национальностями. Запрещаются дискриминация и гнёт в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности между национальностями и их раскол» [9]. Также в таких документах, как Белая книга «Права человека в Китае» (1991) [1] и Белые книги «Прогресс Китая в защите прав человека» (1995–2015) утверждается, что «приоритетное право народа на существование и развитие, всестороннее улучшение положения в области прав человека в условиях реформы, развития и стабильности соответствуют китайской реальности и отвечают коренным интересам всего китайского народа и вызывают одобрение со стороны мировой общественности» [2].

Власти Китая исходят из того, что государства, регионы различны в культурном и цивилизационном развитии, а значит, механизм прав человека, сформированный на Западе, не является универсальным во всем мире. Поскольку жители некоторых районов Синьцзяна плохо владеют местным разговорным и письменным языком, мало знают о верховенстве закона и имеют ограниченные профессиональные навыки, они легко поддаются влиянию идеологии терроризма и экстремизма, часто под давлением подстрекательств и угроз. В этих условиях была разработана учебная программа, опирающаяся на опыт международного сообщества в области борьбы с терроризмом и направленная на обучение общему национальному языку, законодательству, профессиональным навыкам и основам дерадикализации. Здесь нет так называемого «ущемления прав человека», студенты успешно завершают обучение, достигнув определённого уровня, и могут отправляться туда, куда захотят. Учебно-образовательные центры не имеют ничего общего с «концентрационными лагерями», какими их изображают на Западе; здесь нет ни дискриминации, ни жестокости, ни кровопролития. Напротив, всё больше выпускников используют полученные здесь навыки, чтобы проложить себе путь к большему процветанию и счастливой жизни. В борьбе с терроризмом власти надеются прежде всего на экономические стимулы и улучшение качества жизни людей.

Китай отрицает, что подавляет ислам в Синьцзяне, и говорит, что хочет лишь остановить силы сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма в регионе. Хотя большинство уйгурских политических групп поддерживают мирный национализм, есть и радикальные исламистские группировки (такие как Исламское движение Восточного Туркестана и Организация освобождения Восточного Туркестана), выступающие за независимость от Китая, а Китай рассматривает сепаратистские настроения как угрозу государству.

В 2014 году в городе Урумчи уйгурского района Синьцзян произошёл теракт, в результате которого погиб 31 человек [13]. В ответ Пекин усилил репрессии против уйгуров и установил системы наблюдения и центры массового содержания под стражей по всему региону. Цель давления – полностью ассимилировать уйгуров в «основное» китайское общество. Официально лагерь, в которых содержатся интернированные уйгуры, называются «центрами профессионального образования» или «центрами перевоспитания». В лагерях прививают любовь к родине и обучают китайскому языку, что помогает им общаться с согражданами. Китайские СМИ регулярно подтверждают это, публикуя видеоролики и репортажи о семинарах и круглых столах, в которых принимают участие участники лагерей переподготовки. Что касается принудительного переселения сельских жителей,

то китайская сторона утверждает, что они добровольно отправляются на плантации и промышленные предприятия в рамках аналогичной программы. Одна из целей программы – дать местным жителям возможность зарабатывать деньги. По официальным данным, за два месяца, которые длится сезон сбора хлопка в СУАР, можно заработать до 20 000 юаней. В 2019 году 20 000 юаней за весь год считались чертой бедности. Кроме того, у фермеров и скотоводов есть выбор, на какой вид производства отправиться.

В 2023 г. вышел доклад, посвящённый развитию прав человека в СУАР [4]. Документ был подготовлен Синьцзянским университетом и Юго-Западным университетом политологии и права. Он является первым в серии «Синих книг» по названию «Доклад о правах человека и гарантиях верховенства закона в Синьцзяне». Книги будут выходить ежегодно. В докладе продемонстрированы достижения в сфере прав человека в Синьцзяне. Указано, что за последние годы район добился беспрецедентных успехов в экономическом и социальном развитии, в частности, ВВП СУАР удвоился за последние десять лет, а доход на душу населения вырос с 13 700 до 27 000 юаней. Кроме того, отмечены успехи Китая в сокращении бедности и дерадикализации в Синьцзяне и продвижении равных прав для всех этнических групп. Итак, можно отметить стабилизацию ситуации в районе. Об этом свидетельствует и тот факт, что за последние семь лет в Синьцзяне не произошло ни одного террористического акта. Одной из причин улучшения ситуации авторы доклада называют развитие системы образования.

Позиция западных стран

По мнению США и ряда европейских стран, китайские власти устраивают в Синьцзяне геноцид и намеренно лишают проживающие там мусульманские народности их собственной культуры. Западные исследователи и журналисты ссылаются на очевидцев, бежавших из региона, которые сообщают о нарушениях их прав, насильственном содержании и даже пытках в специальных лагерях. Скандал вышел на новый уровень, когда Соединённые Штаты и Европейский союз ввели санкции в области прав человека против китайских чиновников после сообщений о принудительном труде на хлопковых плантациях в Синьцзяне. Китай ответил взаимностью, и ограничения коснулись также исследователей, «очерняющих» китайские власти [6].

Германия, важнейший торговый партнёр Китая в ЕС, отличается критикой в отношении нарушений прав человека в Китае. Руководство Германии пропагандирует идею «общих ценностей» с Соединёнными Штатами и заявляет о «мессианской роли» немецкого государства в вопросе верховенства демократии и защиты прав человека в мире. Позиция властей ФРГ заключается в том, что Китай должен руководствоваться общепринятыми нормами и принципами в вопросе соблюдения прав и свобод человека.

Данная тематика постоянно всплывает во время встреч официальных лиц Германии и Китая. В период официальных визитов в Китай в 2012 и 2013 гг. канцлер ФРГ А. Меркель неоднократно выступала с критикой в отношении властей КНР по некоторым судебным делам диссидентов. Проблема прав человека стояла на повестке дня и на встрече А. Меркель и Си Цзиньпина, во время его трёхдневного официального визита в ФРГ 28–30 марта 2014 г., где канцлер говорила о важности дискуссий по правам человека. По её словам, «свободное и широкое выражение мнений является

очень важным элементом развития креативности в обществе, способности к развитию исследований, культуры и гражданских прав» [11]. Проблема прав человека в КНР затрагивалась и нынешним канцлером ФРГ Олафом Шольцем. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2022 г. он заявил, что Китай уже является глобальным игроком, но Германия не может не обращать внимания на нарушения прав человека, как, например, в Синьцзяне в отношении уйгуров [7]. Во время своего визита в Китай в 2023 г. глава МИД ФРГ Анналена Бербок заговорила о преследовании мусульман-уйгуров в Синьцзяне, на что Синьцзян китайский министр Цинь Ган ответил, что там речь идёт не о правах человека, а борьбе с радикализмом и сепаратизмом. По его словам, положение в этой провинции «стабильное», а люди там «живут нормальной жизнью, не более несчастливой, чем в других регионах» [10].

Сотрудничество ЕС и Китая в правозащитной области

Именно ФРГ явилась одним из инициаторов привлечения КНР в Диалог Китай – ЕС по правам человека. Конференции по этой тематике с 1997 года проводятся ежегодно и служат одним из инструментов в отстаивании европейцами своих позиций по правозащитной области. Формат имел определённые успехи, в частности, подписание и ратификация китайской стороной документов и соглашений в этой области: Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, включает в себя статьи по соблюдению ключевых экономических и социальных прав, ратифицирован в КНР в 2001 г.); Конвенцию о правах ребёнка (ратифицирована КНР в 1992 г.), Конвенцию о правах инвалидов (ратифицирована Китаем в 2008 г.) и др.

Диалог был приостановлен после того, как в марте 2021 года главы МИД ЕС внесли четырёх граждан Китая и одну организацию в санкционный список за нарушение прав человека в связи с преследованием «уйгурско-мусульманского меньшинства в Синьцзяне». Китай в ответ ввёл санкции в отношении 10 физических лиц и четырёх организаций из ЕС за подрыв суверенитета и интересов Китая, а также умышленное распространение лжи и дезинформацию. Однако Китай и ЕС возобновили диалог [8]. Он состоялся 17 февраля 2023 г. в Брюсселе. ЕС вновь выразил озабоченность в связи с постоянными ограничениями на осуществление основных прав и свобод, использованием принудительного труда, ограничениями на надлежащую правовую процедуру и отсутствием независимых судов в Китае. Особо было отмечено уязвимое положение уйгуров, тибетцев и других представителей религиозных, этнических и языковых меньшинств в стране.

В ответ представители КНР призвали ЕС объективно рассматривать ситуацию с соблюдением прав человека в их стране, прекратить политизировать соответствующие вопросы и применять двойные стандарты. Было также отмечено, что вопросы, связанные с Синьцзяном, Тибетом и Сянганом (Гонконгом), касаются не прав человека, а суверенитета независимости и территориальной целостности Китая, которые не терпят иностранного вмешательства.

Кроме Диалога Китай-ЕС по правам человека, важна и работа Европейской комиссии в правозащитной сфере. Именно Европейская комиссия разработала программу по развитию и укреплению института прав человека в Китае. Частью программы выступают семинары, которые проводятся для китайских и европейских специ-

алистов, программы сотрудничества в сфере юстиции и права, но основной целью остаётся усиление институтов права в КНР. При этом, по мнению немцев, ключевую роль в процессе должен играть сам Китай, без всякого проявления внешнего давления со стороны.

Заключение

Таким образом, мы видим, что международная антикитайская деятельность не сворачивается, отдельные страны практикуют двойные стандарты, тщётно пытаются использовать Синьцзян в своих целях для раскола Китая и сдерживания развития страны. Страны Евросоюза остаются верными союзниками Вашингтона в дискурсивной битве за соблюдение человеческих прав. Переговоры ЕС и Китая малоэффективны прежде всего ввиду цивилизационных и культурных особенностей, из-за которых стороны по-разному воспринимают природу прав человека. Но стоит отметить, что обе стороны стремятся к сотрудничеству в данной сфере (о чём свидетельствует возобновление Диалога Китай-ЕС по правам человека) для того, чтобы эти разногласия не препятствовали укреплению и развитию отношений в области экономики и торговли, а также в сфере обеспечения безопасности.

Литература

1. Белая книга «Права человека в Китае» (1991) // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – URL.: http://www.gov.cn/zwgk/2005-05/24/content_488.htm (дата обращения: 08.01.2024).
2. Белая книга «Прогресс Китая в области защиты прав человека» (2014) // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – URL.: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/rqbps/Document/1437487/1437487.htm> (дата обращения: 08.01.2024).
3. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. – 2014. – Т.5. – № 1 (14). – С. 47–52.
4. Выпущена «Синяя книга» о гарантиях верховенства закона для развития прав человека в Синьцзяне // Сайт государственного совета КНР. – URL.: https://www.gov.cn/lianbo/difang/202312/content_6921682.htm (дата обращения: 08.01.2024).
5. Доклад ООН: КНР несет ответственность за «серьёзные нарушения прав человека» в провинции Синьцзян // Сайт ООН. – URL.: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1430722> (дата обращения: 08.01.2024).
6. Китай ввел ответные санкции в отношении 10 человек и 4 структур ЕС // Интерфакс. URL.: <https://www.interfax.ru/world/757213> (дата обращения: 09.01.2024).
7. Китай и Германия. Кто от кого больше зависит? // Deutsche Welle. – URL.: <https://www.dw.com/ru/kitaj-i-germanija-kto-ot-kogo-bolshe-zavisit/a-62010657> (дата обращения: 08.01.2024).
8. Китай и ЕС в ближайшее время проведут диалог по правам человека // РИА новости. – URL.: <https://ria.ru/20230215/prava-1852133465.html> (дата обращения: 10.01.2024).
9. Конституция КНР // Chinalaw. center. – URL.: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 08.01.2024).
10. «Кто точно не нужен Китаю, так это еще один «наставник» с Запада» // Иносми. – URL.: <https://inosmi.ru/20230414/kitay-262226031.html> (дата обращения: 10.01.2024).

11. Меркель поговорила с Си Цзиньпином о правах человека. // Euronews. – URL.: <http://ru.euronews.com/2014/03/28/merkel-warns-china-s-xi-jinping-over-free-expression/>. (дата обращения: 08.01.2024).
12. Политико-экономическое маневрирование Казахстана между Китаем и Евросоюзом // Центр актуальных исследований Альтернатива. – URL.: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=510> (дата обращения: 09.01.2024).
13. Теракт в Урумчи унес жизни 31 человека // Lenta.ru. – URL.: <https://lenta.ru/news/2014/05/22/urumqi/> (дата обращения: 08.01.2024).
14. Цвык А.В. Права человека: взгляд из Китая // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 10 (723). – С. 51–55.
15. Цвык А.В. Проблема прав человека и германо-китайские отношения // Современная Европа. – 2017. – № 1 (73). – С. 64–71.
16. Цвык А.В. Стратегическое партнёрство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 42–49.

THE HUMAN RIGHTS ISSUE IN CHINA ON THE EXAMPLE OF THE XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION

Enina E.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Xinjiang Uyghur Autonomous Region is considered one of China's most troubled areas, attracting increased global attention due to Western accusations of human rights abuses and mass internment of the local population. Although most Uyghur political groups favour peaceful nationalism, there are also radicalized groups. The Chinese government often refers to Uyghur nationalists as "terrorists." Today, the area has a strict security system designed to stabilize terrorist attacks. However, the Chinese authorities' methods of combating instability are seen by Western countries as a violation of human rights. The article is devoted to the problem of human rights in China (in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region), the positions of China and Western countries on this issue, and EU-China co-operation in the human rights sphere.

Keywords: human rights, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China, EU, China-EU Human Rights Dialogue.

References

1. White Paper "Human Rights in China" (1991) // Press Office of the State Council of the People's Republic of China. – URL.: http://www.gov.cn/zwgg/2005-05/24/content_488.htm (access date: 08.01.2024).
2. White Paper "Progress in China's Human Rights" (2014) // Press Office of the State Council of the People's Republic of China. – URL.: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/rqbps/Document/1437487/1437487.htm> (access date: 08.01.2024)
3. Vinogradov A.V. BRICS and its Role in the Shaping of a Multipolar World // Comparative Politics. – 2014. – Т.5. – № 1 (14). – С. 47–52.
4. The Blue Book on Rule of Law Guarantees for Human Rights Development in Xinjiang was released // Website of the State Council of the People's Republic of China. – URL.: https://www.gov.cn/lianbo/difang/202312/content_6921682.htm (access date: 08.01.2024).
5. UN report: PRC is responsible for "serious human rights violations" in Xinjiang province // UN website. – URL.: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1430722> (access date: 08.01.2024).
6. China imposed retaliatory sanctions on 10 people and 4 EU structures // Interfax. – URL.: <https://www.interfax.ru/world/757213> (access date: 09.01.2024).
7. China and Germany. Who is more dependent on whom? // Deutsche Welle. – URL.: <https://www.dw.com/ru/kitaj-i-germanija-kto-ot-kogo-bolshe-zavisit/a-62010657> (access date: 08.01.2024).
8. China and the EU will soon hold a dialogue on human rights // RIA Novosti. – URL.: <https://ria.ru/20230215/prava-1852133465.html> (access date: 10.01.2024).
9. Constitution of the PRC // Chinalaw. centre. – URL.: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (access date: 08.01.2024).
10. "Who China definitely does not need is another 'mentor' from the West" // Inosmi. – URL.: <https://inosmi.ru/20230414/kitay-262226031.html> (access date: 10.01.2024).
11. Merkel talked to Xi Jinping about human rights. // Euronews. – URL.: <http://ru.euronews.com/2014/03/28/merkel-warns-china-s-xi-jinping-over-free-expression/>. (access date: 08.01.2024).
12. Political and economic manoeuvring of Kazakhstan between China and the European Union // Centre for Current Studies Alternative. – URL.: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=510> (access date: 09.01.2024).
13. The terrorist attack in Urumqi killed 31 people // Lenta.ru. – URL.: <https://lenta.ru/news/2014/05/22/urumqi/> (access date: 08.01.2024).
14. Tsvyk A.V. Human rights: a view from China // Asia and Africa Today. – 2017. – № 10 (723). – С. 51–55.
15. Tsvyk A.V. The human rights issue and German-Chinese relations // Modern Europe. – 2017. – № 1 (73). – С. 64–71.
16. Tsvyk A.V. Strategic partnership of China and Germany in the period of 2004–2015: Political aspects // Problems of the Far East. – 2016. – № 2. – С. 42–49.

Политические инструменты разрешения международных проблем водопользования: на примере региона Центральной Азии

Сизов Андрей Андреевич,

кандидат технических наук, докторант МГИМО

E-mail: a.sizov011@yandex.ru

Цель статьи – раскрыть значение водных ресурсов в международной политике. Исследовательские задачи: охарактеризовать проблемы и перспективы использования водных ресурсов, их влияние в международной политике. Методологическая основа исследования – комплексный подход, синтезирующий достижения политологии, теории международных отношений, геополитики, геоэкономики, глобалистики, синергетики. Значение водных ресурсов в международной политике раскрыто на примере межгосударственных взаимодействий в разрешении проблем водопользования в Центральной Азии. В этом регионе у России есть ряд преимуществ, позволяющих ей выполнять роль посредника при разрешении межгосударственных противоречий. Российская Федерация обладает обширной научно-технической базой в области пользования водно-энергетическими ресурсами и может участвовать в документировании прав отдельных стран на определенный объём воды. В числе институциональных механизмов, способствующих разрешению межгосударственных противоречий в Центральной Азии, следует отметить такие организации, как ОДКБ, ЕАЭС и Евразийский банк развития.

Ключевые слова: водные ресурсы, международная политика, трансграничное регулирование водопользования, Россия, Запад, Восток, энергетическая безопасность.

В последние десятилетия потребление водных ресурсов во всем мире непрерывно растёт, в том числе в развивающихся странах темпы водопользования возрастают в процессе индустриализации. Также значительные водные ресурсы расходуются вследствие урбанизации в странах, где происходит экономический рост. По оценкам специалистов Стокгольмского международного института водных ресурсов, разрыв между водоснабжением и спросом на воду в мире прогнозируется на уровне 40% в 2030 году, при этом мировой спрос на питьевую воду может увеличиться на 70% [1]. По мнению экспертов ООН, в XXI веке вода станет более важным стратегическим ресурсом, чем нефть и газ [2]. Согласно расчётам Организации экономического сотрудничества и развития, к 2050 году 2,5 млрд человек будут жить в местах с острым дефицитом воды [3].

В обозримом будущем многие регионы рискуют столкнуться с невозможностью удовлетворить спрос на питьевую воду. Особенно острой ситуация складывается в государствах Центральной Азии, Магриба, в африканских странах южнее Сахары. Связано это с тем, что в этих регионах исторически наблюдается нехватка воды, а со временем ситуация будет только ухудшаться.

В Центральной Азии ситуация обостряется из-за высыхания Аральского моря. Это вызвало климатические изменения в регионе. Кроме того, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия спорят об использовании выходы Сырдарьи и Амударьи. Если Ташкенту требуется ресурс для орошения земель, то Бишкеку и Душанбе – для усиления энергетического сектора. Ситуация усугубляется экологическим неудовлетворительным состоянием гидросистем. Сооружение плотины в верховьях крупных рек может приводить к гидрологическому дисбалансу во всей системы в целом. К 2028 году сочетание климатических изменений, наступления маловодного периода приведут регион к острому хроническому дефициту водных ресурсов [4].

Региональные проблемы водопользования в Центральной Азии можно свести к следующему.

1. Изменение климата (прежде всего высыхание Аральского моря) повлекло увеличение частоты засушливых и паводковых периодов.
2. Устаревшая ирригационная и дренажная инфраструктура.
3. Отставание стран региона по показателям воды на душу населения и ВВП.
4. Трансграничный статус водных ресурсов.
5. Активный прирост населения.
6. Отсутствие компетенций и обмена знаниями в области водопользования.

Таджикистан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, как молодые суверенные государства, не обладают достаточным опытом урегулирования водных проблем. В СССР спорные ситуации решались централизованно из Москвы. На современном этапе ситуация осложняется тем, что указанные страны несколько десятилетий находятся в фазе социально-экономического и политического кризиса. Кроме того, не выработана межгосударственная водная стратегия для стран Центральной Азии.

Первый шаг к совместным действиям государств в Центральной Азии был сделан по проблематике Аральского бассейна. В 1999 году было создано Агентство международного фонда спасения Арала. На этой площадке разрабатываются проекты, которые согласовываются правительствами Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана [5]. Позже появилась дискуссионная площадка на базе Региональной Программы по охране окружающей среды для устойчивого развития Центральной Азии. Она должна стимулировать стороны вести диалог по водоохранной деятельности в контексте новых экологических вызовов, действия Парижского соглашения по климату и т.д. [6]. Указанные усилия оказались недостаточными. Проблема Аральского бассейна вышла за пределы региона и была признана катастрофой мирового масштаба [7].

Необходимо учитывать, что международные противоречия в сфере применения водных ресурсов обостряются из-за несовершенства правовой основы управления использованием трансграничных рек и озер во всем мире. При этом среди ключевых достижений по международному регулированию водопользования можно отметить:

Первую конференцию ООН по водным ресурсам (1977), в ходе которой был принят План действий по обеспечению государства мира питьевой водой к 1990 году [8];

Форум ООН по окружающей среде (1992). Участники Форума определили решение водных проблем в качестве необходимого условия устойчивого развития и включили эти параметры в документ «Повестка дня на 21 век» [9];

Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков (1997), регулиующую право использования международных водотоков и определяющую международный правовой механизм содействия справедливому и устойчивому водопользованию [10];

Вторую конференцию ООН по водным ресурсам (2023). Заместитель генерального директора Международного института управления водными ресурсами Р. МакДоннелл в ходе конференции признала, что ООН не смогла выработать эквивалент Парижского соглашения по климату, который бы структурировал задачи по использованию и обеспечению водными ресурсами. Кроме того, было отмечено отсутствие ведущего органа, который бы занимался отслеживанием процессов в этой сфере [11];

Итоговый доклад ООН о мировом развитии водных ресурсов за 2023 год, в котором особое внимание уделяется взаимосвязи водопользования, климатических изменений и здоровья людей. В докладе указывается, что странам необходимо четко определить риски, связанные с климатом, разработать меры по их снижению. Для это нужно наладить кооперацию между гидрологами, инженерами, экономистам, политиками, дипломатами и другими специалистами, принимающими решения в сфере водопользования [12].

Заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, экс-посол Российской Федерации в Саудовской Аравии А.Г. Бакланов подчёркивал, что Россия как крупнейшая водная держава мира, должна играть более весомую роль в международных усилиях в сфере водной дипломатии, и, в выработке мер по улучшению ситуации с обеспечением населения водой. Москве стоит выработать практико-ориентированные рекомендации в сфере водной дипломатии, развития, международного сотрудничества в вопросах рационального использования водных ресурсов [13].

Для России широкое окно возможностей открывается в посредничестве при разрешении межгосударственных противоречий в Центральной Азии. У Москвы есть понимание специфики госуправления государств региона, так как Узбекистан, Таджикистан и Киргизия были в составе СССР, а в настоящее время между странами налажено тесное экономическое сотрудничество. Со времен Советского Союза накоплен большой архив по специфике ресурсной составляющей в Центральной Азии и прогнозам развития ситуации. Россия может участвовать в разработке формул водозабора и создании технических средств транспортировки воды.

Из сильных сторон России в сфере водопользования можно выделить:

значительные запасы водных ресурсов и опыт регулирования использования данных ресурсов;

конструктивные отношения со многими сопредельными странами, включая государства Центральной Азии; обширная научно-техническая и правовая база в области использования водных ресурсов;

опыт посредничества в разрешении межгосударственных конфликтов.

Актуальность участия России в решении водного кризиса в странах Центральной Азии объясняется тем, что политически, исторически и экономически регион тесно связан с Россией. Важно также, что через ОДКБ и ЕАЭС Москва выступает гарантом военной и экономической стабильности азиатской части постсоветского пространства [14].

Урегулировать проблему водопользования в Центральной Азии возможно с использованием механизмов многосторонней водной дипломатии и международного водного сотрудничества. Регион нуждается в консолидированном межгосударственном подходе. Так, в 2023 году Евразийский банк развития (доля России составляет 44,79%) предложил создать в Центральной Азии водно-энергетический консорциум. Предполагается, что консорциум сосредоточится наравне с энергетическими на выполнении ирригационных проектов. Его создание облегчит взаимодействие и диалог многосторонних банков развития с государствами региона. Для решения оперативных задач можно создавать международные консорциумы под строительство отдельных гидротехнических сооружений в Центральной Азии, необходимо развить совместные механизмы управления водными ресурсами, наладить форматы государственно-частного партнёрства [15].

Россия может качественно изменить положение в Центральной Азии, выступив гарантом не только продовольственной, но и водной безопасности региона. Основой для более продуктивных взаимоотношений между странами может стать сотрудничество именно в этой сфере.

Стоит отметить, что помимо России, США, Евросоюз, Китай, а также отдельные международные структуры (Европейский банк реконструкции и развития, Исламский банк развития, ШОС и др.) также занимаются водной проблематикой региона. Однако сотрудничество нельзя назвать эффективным, так как кризис в отношениях Российской Федерации со странами Запада, а также конфликт между Западом и Китаем за влияние в мире уводит на второй план региональные проблемы, что не способствует их своевременному решению.

КНР – крупнейший торговый партнёр с пятёркой стран региона (Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения). Пекин рассматривает Центральную Азию как транспортный коридор на европейские рынки. Очевидно, что Россия и КНР не будут идти на конфронтацию в вопросе ресурсного развития Центральной

Азии, так как у обеих держав нет взаимоисключающих стратегий. И, скорее всего, реализация проектов будет идти по схеме взаимодополняемости.

В 2016 году Министр сельского хозяйства России Александр Ткачёв заявлял, что Москва готова предложить Пекину проект по переброске пресной воды из Алтайского края в один из районов КНР. По словам чиновника, объём мог составить до 1 млрд кубометров в год. Китай, пытаясь решить проблему дефицита воды для северных регионов и мегаполисов, в 2002 году начал поворачивать реку Янцзы в бассейны Хуанхэ и Хай. Проект должен быть завершён к 2030 году. До конца просчитать, насколько экономический эффект перевесит экологические риски и последствия, пока не представляется возможным.

Научный руководитель института водных проблем РАН, гидролог В.И. Данилов-Данильян отмечает, что Китай, испытывая серьёзный дефицит пресной чистой воды, будет стремиться решить свои проблемы за счёт российских ресурсов. И здесь задача официальных властей грамотно выстроить взаимоотношения с соседом, так как интересы сторон вероятнее всего не совпадут. Например, между Россией и Китаем заключено Соглашение о сотрудничестве в области охраны, регулирования и воспроизводства живых водных ресурсов в пограничных водах рек Амур и Уссури [16]. Но это соглашение не регулирует забор воды. Несмотря на указанный недостаток, подобное соглашение необходимо подписать в трёхстороннем формате между Россией, Китаем и Казахстаном [17] по поводу пользования ресурсами Черного Иртыша [17].

В.И. Данилов-Данильян выступает за существенные ограничения экспорта питьевой воды из России [17]. Государство вправе вводить такие запреты, так как контролирует внешнюю торговлю. Можно сделать вывод, что и торговля пресной водой за границу выглядит рискованной. Так как относительно лёгкий способ прихода на рынок может снизить потребность в развитии собственных технологий для производства водоёмких товаров. В перспективе такой вид торговли становится выгоден только покупателю за счёт невысокой стоимости сырья, но не выгоден для России в роли поставщика.

Для России, прежде чем принимать обязательства по оказанию помощи странам Центральной Азии, необходимо получить подтверждение, что сами страны готовы к переговорам и принятию мер, а также российскому участию. Сами государства Центральной Азии выказывают заинтересованность в участии Москвы. Глава Центра стратегических решений «Аппликата» в Казахста-

не К. Рахимов констатирует, что в работе Водно-энергетического консорциума не хватает России. Причем Москва может выступать в двух ролях: медиатором в спорах и поставщиком ценных водных ресурсов [18].

Поворот на Восток и Юг вследствие деградации отношений с Западом даёт возможность России занять лидерские позиции по разрешению ряда актуальных проблем современности, в том числе, в вопросах экологии и водопользования. Если наша страна сможет сформулировать альтернативные догматичным западным «зелёным идеям» темы развития, будет предлагать реальное решение проблем загрязнения природы, в том числе водных ресурсов, то может получить значительные политические и экономические выгоды. России следует избирательно относиться к идеям устойчивого развития, экологии и т.д., самостоятельно или совместно с другими развивающимися странами искать природосберегающие решения, но не в ущерб экономике.

Для обеспечения водно-энергетической безопасности международное сотрудничество должно включать в себя не столько экспортно-импортные операции по купле-продаже сырья, сколько сотрудничество по разработке и внедрению в практику новых технологий. Очевидно, что эти задачи должны решать совместно ученые, энергетики, экономисты, дипломаты, политики.

Одним из перспективных направлений международного сотрудничества в сфере водопользования является обмен данными геокосмических наблюдений. Российскими специалистами накоплен значительный опыт в развитии методов дистанционного зондирования для оценки экологического состояния водных объектов. Спутниковый мониторинг считается составной частью этого процесса. При этом использование спутниковых данных отвечает принципам трансграничного сотрудничества. Указанные принципы отражены в Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и озёр [19]. Важно отметить, что для осуществления наблюдения за трансграничными объектами, не требуется разрешения сопредельного государства.

Граница Российской Федерации проходит по акватории пяти озёр и одного водохранилища (см. таблицу). 34% площади водосборных бассейнов трансграничных рек расположено за пределами России в 17 государствах. Потому в контексте трансграничного регулирования водопользования такой мониторинг становится важнейшей составляющей развития международного сотрудничества в данной сфере.

Таблица. Трансграничные озёра и водохранилища России

Озера/водохранилища	Площадь бассейна км ²	Площадь водоема км ²	Пограничные страны	Площадь водоема в погр. странах км ²
Оз. Пюхьяярви	804	248	Россия Финляндия	41 207
Оз. Сайма	69500	61054	Россия Финляндия	9158 51896
Оз. Нуйямаярви	112	7,65	Россия Финляндия	4,92 2,73
Нарвское водохранилище	55848	191	Россия Эстония	40 151
Оз. Чудско-Псковское	47815	3555	Россия Эстония	1993,87 1561,13
Оз. Ханка (Синкай)	17500	4190	Россия Китай	3030 1160

Источник: Шикломанов И.А., Водные ресурсы России и их использование. М.: Государственный гидрологический институт, 2008.

В рамках трансграничного регулирования водопользования между сопредельными странами происходит обмен имеющейся текущей информацией. Это повышает уровень доверия и способствует решению задач, связанных с водопользованием. Спутниковый мониторинг актуален в целях прогнозирования состояния гидротехнических сооружений, гидрологической обстановки. Безопасность таких объектов в России регулируется Федеральным законом от 23 июня 1997 года «О безопасности гидротехнических сооружений», а также подзаконными нормативными правовыми актами.

Космические аппараты позволяют получать данные в удалённых и труднодоступных районах. Из актуальных примеров использования дистанционного зондирования можно отметить мониторинг Северного морского пути. Дистанционное зондирование помогает обеспечить постоянный контроль, детально изучать экологическое состояние объектов, оперативно отслеживать аварийные ситуации, прогнозировать погоду и т.д. [20].

У России есть возможность играть ведущую роль в сфере обеспечения заинтересованных стран данными геокосмических наблюдений, включая результаты дистанционного зондирования. Это будет вклад в формирование дипломатии водных данных, которая может оказать помощь в решении проблемы прогнозирования сложных ситуаций в виде паводков, наводнений. Такой подход позволит оперативно оценивать нагрузку на все водные объекты. Внедрение дипломатии водных данных поможет Российской Федерации усиливать свою роль в качестве медиатора решения конфликтных ситуаций на международной арене. Кроме того, это расширяет базу для научных исследований в области климатических изменений.

Аналогичные проекты являются перспективными, например, в сотрудничестве с Ираном в отношении мониторинга состояния Каспийского моря. Информационные и космические технологии находятся в России на высоком уровне. Свои услуги наша страна может предлагать для решения задач управления ресурсами, производить оценку очагов загрязнений, изменения ландшафта, прогнозировать развитие.

Наличие водных ресурсов влияет на жизнеспособность энергопроектов и должно учитываться при выборе вариантов использования энергии. А зависимость водоснабжения от наличия энергии повлияет на обеспечение питьевой водой. В настоящее время Россия недостаточно активно продвигает себя в качестве инициатора «водного дискурса» на международной арене. Можно предположить, что для нашей страны будет стратегически оправданным выйти на более прочные позиции в вопросах решения региональных и мировых водных проблем.

Литература

1. The competition for water is getting worse. URL: <https://siwi.org/latest/competition-water-getting-worse/> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Water is more than a strategic resource. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Acting together so the world doesn't go thirsty. URL: <https://www.oecd.org/about/impact/addressing-water-scarcity.htm> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Эффективная ирригация и водосбережение в Центральной Азии. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Положение Международного фонда спасения Арала. URL: https://aral.uz/p_ifas.php (дата обращения: 10.03.2024).
6. Региональная программа по охране окружающей среды для устойчивого развития Центральной Азии. URL: <http://www.eecca-water.net/file/02032021/mamedov.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
7. В ООН состоялась презентация Фонда по оказанию помощи жителям Приаралья. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/11/1343611> (дата обращения: 10.03.2024).
8. UN Water Conference: Agreement on Goals and Action Plan. URL: <https://www.jstor.org/stable/4312280> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Сохранение качества ресурсов пресной воды и снабжение ею: применение комплексных подходов к освоению водных ресурсов, ведению водного хозяйства и водопользованию. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch18.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
10. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
11. The World Faces a Water Crisis, and 4 Powerful Charts Show How. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-world-faces-a-water-crisis-and-4-powerful-charts-show-how/> (дата обращения: 10.03.2024).
12. The United Nations World Water Development Report 2023: partnerships and cooperation for water. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655> (дата обращения: 10.03.2024).
13. Бакланов А.Г. Российская инициатива по разблокированию водных конфликтов на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. М., 2021. № 12. С. 5–11.
14. В Узбекистане модернизируют ГЭС с участием компании из России. URL: <https://geoenergetics.ru/2022/02/10/v-uzbekistane-moderniziruyut-ges-s-uchastiem-kompanii-iz-rossii/> (дата обращения: 10.03.2024).
15. Винокуров Е. Эффективная ирригация и водоснабжение Центральной Азии. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.03.2024).
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области охраны, регулирования и воспроизводства живых водных ресурсов в пограничных водах рек Амур и Уссури. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901168> (дата обращения: 10.03.2024).
17. Виктор Данилов-Данильян: Государство должно сдерживать людей, готовых продавать абсолютно все ради получения дохода. URL: <https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzno-sderzhivat-lyudey-gotovyyh-prodavat-absolyutno-vse-radi-polucheniya-dokhoda> (дата обращения: 10.03.2024).
18. Надежда на сибирские реки: страны Центральной Азии вновь делят воду. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19740749> (дата обращения: 10.03.2024).
19. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 10.03.2024).

20. Мониторинг Северного морского пути. URL: <https://innoter.com/articles/monitoring-severnogo-morskogo-puti/> (дата обращения: 10.03.2024).

POLITICAL INSTRUMENTS FOR RESOLVING INTERNATIONAL WATER USE PROBLEMS: THE EXAMPLE OF THE CENTRAL ASIAN REGION

Sizov A.A.
MGIMO

The purpose of the article is to reveal the importance of water resources in international politics. Research objectives: to characterize the problems and prospects of water resources use, their impact in international politics. The methodological basis of the research is an integrated approach synthesizing the achievements of political science, theory of international relations, geopolitics, geoeconomics, globalism, and synergetics. The importance of water resources in international politics is revealed by the example of interstate interactions in resolving water use problems in Central Asia. In this region, Russia has a number of advantages that allow it to act as a mediator in resolving interstate contradictions. The Russian Federation has an extensive scientific and technical base in the use of water and energy resources and can participate in documenting the rights of individual countries to a certain amount of water. Among the institutional mechanisms contributing to the resolution of interstate contradictions in Central Asia, organizations such as the CSTO, the EAEU and the Eurasian Development Bank should be noted.

Keywords: water resources, international policy, transboundary regulation of water use, Russia, West, East, energy security.

References

1. The competition for water is getting worse. Available at: <https://siwi.org/latest/competition-water-getting-worse/> (Accessed March 10, 2024).
2. Water is more than a strategic resource. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> (Accessed March 10, 2024).
3. Acting together so the world doesn't go thirsty. Available at: <https://www.oecd.org/about/impact/addressing-water-scarcity.htm> (Accessed March 10, 2024).
4. Efficient irrigation and water conservation in Central Asia. Available at: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
5. The position of the International Fund for Saving the Aral Sea. Available at: https://aral.uz/p_ifas.php (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
6. Regional Environmental Protection Program for the Sustainable Development of Central Asia. Available at: <http://www.ecca-water.net/file/02032021/mamedov.pdf> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
7. The presentation of the Fund for Assistance to residents of the Aral Sea region took place at the UN. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2018/11/1343611> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
8. UN Water Conference: Agreement on Goals and Action Plan. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4312280> (Accessed March 10, 2024).
9. Preservation of the quality of freshwater resources and its supply: the application of integrated approaches to the development of water resources, water management and water use. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch18.shtml (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
10. Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. Adopted by General Assembly resolution 51/229 of May 21, 1997. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
11. The World Faces a Water Crisis, and 4 Powerful Charts Show How. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/the-world-faces-a-water-crisis-and-4-powerful-charts-show-how/> (Accessed March 10, 2024).
12. The United Nations World Water Development Report 2023: partnerships and cooperation for water. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655> (Accessed March 10, 2024).
13. Baklanov A.G. Russian initiative to unblock water conflicts in the Middle East. *Asia and Africa today*. Moscow, 2021, No. 12, pp.5–11. (in Russian)
14. Uzbekistan is modernizing hydroelectric power plants with the participation of a company from Russia. Available at: <https://geoenergetics.ru/2022/02/10/v-uzbekistane-moderniziruyut-ges-s-uchastiem-kompanii-iz-rossii/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
15. Vinokurov E. Efficient irrigation and water supply in Central Asia. Available at: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
16. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Cooperation in the Field of Protection, Regulation and Reproduction of Living Water Resources in the Border Waters of the Amur and Ussuri Rivers. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1901168> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
17. Viktor Danilov-Danilyan: The state should restrain people who are ready to sell absolutely everything in order to earn income. Available at: <https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzhen-sderzhivat-lyudey-gotovykh-prodat-absolyutno-vse-radi-/?ysclid=ls3meuwsaf902230142> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
18. Hope for Siberian rivers: Central Asian countries are sharing water again. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19740749> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
19. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
20. Monitoring of the Northern Sea Route. Available at: <https://innoter.com/articles/monitoring-severnogo-morskogo-puti/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)

«Третий путь» Франции Э. Макрона в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Цацурин Александр Олегович,

3-й секретарь Первого Европейского департамента МИД
России
E-mail: aotsatsurin@mid.ru

В условиях растущего градуса американо-китайского противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе Франция стремится балансировать между «молотом и наковальней». В статье рассматриваются особенности заявленной Э. Макроном формулы «третьего пути» в контексте союзных обязательств перед Вашингтоном на фоне стремления Парижа дистанцироваться от определяющей систему международных отношений в АТР конфронтации. Автор приходит к выводу, что озвученная идея позволяет Франции успешно взаимодействовать с Китаем и другими азиатскими странами, не высказывая при этом откровенного несогласия с США в оценках КНР, что, в свою очередь, порождает в американских элитах сомнения в «благонадежности» такого регионального союзника.

Ключевые слова: Эммануэль Макрон, Азиатско-Тихоокеанский регион, «третий путь», Франция, Китай, США.

На фоне обостряющихся отношений США и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе экспертное мнение французских политологов относительно видения Парижем своего места в растущей конфронтации Вашингтона и Пекина сильно разнится. Их можно разделить на две полярные категории: пока первые (назовем их «атлантисты») говорят о неразрывности трансатлантической связи, вторые (условные «державники»), коих больше, настаивают на выстраивании собственной линии взаимоотношений с КНР. «Атлантисты» убеждены, что необходимо ориентироваться на исторически тесные отношения с США вкупе с союзническими обязательствами, поскольку идея «третьего пути» в АТР принесет Франции «мало друзей и клиентов», а может и вовсе оказаться «пагубной для обеих стран». Схожее мнение встречается и в американских экспертных кругах, где звучат мысли о необходимости наращивания сотрудничества с Парижем вопреки тому, что «США часто упускают Францию из виду как Индо-Тихоокеанскую державу» [6]. Французские же «державники» считают, что их страна должна сама защищать и продвигать свои стратегические интересы, поскольку между Пекином и Вашингтоном сложилась «опасная спираль бессмысленных ударов друг по другу» [8], которая в перспективе может затянуть Францию в конфликт [3].

Азиатско-Тихоокеанский регион структурирован: с одной стороны, есть Соединенные Штаты, которые стремятся продвигать свой имидж самого привлекательного партнера, играя на антикитайских чувствах стран АТР. С другой – Китай все громче заявляет о своих амбициях, выступая с собственными экономическими и политическими инициативами, будь то «Пояс и путь», посредничество в примирении Саудовской Аравии с Ираном или план урегулирования конфликта на Украине. С третьей стороны, регион и вовсе становится самостоятельным центром: страны активно развивают собственные интеграционные проекты, ведут торговлю друг с другом и партнерами на других континентах – иными словами, выстраивают политический курс без оглядки на «старших товарищей». Стоя перед таким выбором, некоторые государства АТР предпочитают дистанцироваться от обостряющегося американо-китайского противостояния, рассматривая иных отдаленных от себя «тяжеловесов» как важных партнеров, что находит отклик в Париже.

Особенно активно при Э. Макроне Франция пытается найти себя в уже сложившейся западной парадигме взаимоотношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, фундамент которой был создан в начале 1950-х гг. Вашингтоном и восточноазиатскими столицами и которая подразумевает разветвленную сеть двусторонних альянсов, также известной в отечественной и зарубежной науке как система «кольца и радиалов» (*hub-and-spokes system*). Ее явное отличие от подписанного несколько десятилетиями ранее Вашингтонского договора заключается в том, что она предусматривает центростремительные связи «радиалов» с США, в то время как на момент ее создания военно-политические отношения между самими региональными союзниками – многие из них были колониями европейских метрополий – были не так активно развиты.

Не нарушая установившийся порядок и не выдвигая масштабных альтернатив американскому лидерству

на азиатском побережье Тихого океана, французы стараются найти свое «место под солнцем». Исходя из этой логики, они предлагают собственные проекты, как, например, «ось Париж – Нью-Дели – Канберра», активно продают вооружения (почти половина военного экспорта Франции приходится на АТР) и мотивируют свое присутствие доктринально.

При демонстрации своей солидарности с США (французские суда неоднократно проходили через Тайваньский пролив, а военнослужащие регулярно принимают участие в антикитайских учениях ВМС под руководством Вашингтона) Елисейский дворец обозначает свой внешнеполитический курс как «третий путь в Индо-Тихоокеанском регионе», что укладывается в продвигаемый Э.Макроном проект стратегической автономии Европейского союза через стремление добиться самостоятельности от НАТО и США с параллельным продвижением себя в качестве привлекательного центра силы там, где это возможно сделать без ущерба для отношений со своими главными союзниками. Позже Президент Пятой Республики публично высказался о том, что узловой интерес его страны заключается в недопущении «вступления в блоковую логику», поскольку Европа и, в частности, Франция способны стать «третьим полюсом» в американо-китайском противостоянии.

Из того же принципа исходят и некоторые французские аналитики, заявляя не о слабости Франции, а о «возможности играть роль посредника, связующего элемента, который будет действовать исходя из собственных интересов» [4].

Руководствуясь в регионе описанным выше постулатом, Париж выступает с инициативой создания ситуативных блоков единомышленников, подкрепляя такие связи экспортом продукции военного назначения. Об этом говорят как французские авторы (М. Перон-Дуаз [7], Б. Курмон [5] и др.), так и российские (Е.О. Обичкина [1], Ю.И. Рубинский [2] и др.).

Намерение реализовать пресловутую для американцев идею стратегической автономии Европы приводит к тому, что, по мнению американиста Р. Синха, США расценивают французскую политику в отношении Китая «слишком мягкой». Это подталкивает Белый дом рассматривать Францию в перспективе как второстепенного союзника, потенциально способного стать слабым звеном в активном противоборстве с Пекином.

Ключевой интерес Соединенных Штатов в региональном противоборстве с Китаем можно описать как стремление сдерживать Пекин путем создания дву- или многосторонних военно-политических союзов с другими партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, нацеленных на сдерживание азиатского гиганта. Одновременно с этим США выстраивают устойчивые и предсказуемые отношения с государствами региона.

На фоне же «растущих аппетитов» Поднебесной набирающая обороты деятельность Франции в АТР объясняется двумя лейтмотивами: стремлением наращивать свой авторитет за счет активизации контактов с азиатскими соседями (из-за заморских территорий) и активного развития политических и торгово-экономических связей с китайцами (Китай в 2021 г. занимает второе место во французском импорте, Франция – седьмое для Китая) при нежелании наносить ущерб отношениям с Пекином в угоду растущего с США противоборства.

В сложившейся ситуации Париж «отказывается признавать неизбежность ловушки Фукидида», которая подразумевает постоянно растущую тенденцию к войне, где одна держава стремится вытеснить другую в роли регионального или глобального гегемона. Изначально термин

был введен в 2017 г. американским политологом Г. Эллисоном для описания отношений между США и Китаем.

Разделяя по большому счету позицию Белого дома, Елисейский дворец все же меньше обеспокоен активностью Пекина в регионе. Французы убеждены, что «Китай полностью осознает разницу между превосходством и стабильностью, с одной стороны, и гегемонией – с другой», в связи с чем в Париже он воспринимается как «партнер, стратегический и экономический конкурент и системный соперник». Последняя характеристика и вовсе порождает сомнения после визита Э. Макрона в китайскую столицу и Гуанчжоу в апреле 2023 г., по итогам которого стороны неожиданно высказали единую позицию по 51 вопросу, а упомянутые по итогам той же поездки в КНР слова французского Президента о Европе как «третьем полюсе» в американо-китайском противостоянии повлекли за собой резкую реакцию в США.

Это приводит к тому, что при выборе основных военно-политических партнеров в регионе Белый дом предпочитает смотреть не на своего «самого старого союзника», а строить фундамент сдерживания Китая через привычную систему «кольца и радиалов», которая, как указано в Индо-Тихоокеанской стратегии США 2022 г., представляет собой «железобетонные союзы с Австралией, Таиландом, Филиппинами, Южной Кореей и Японией».

Об этом же говорит и эксперт Института Монте-на М. Кандель, которая считает, что в сдерживании Китая «наступил конец трансатлантической связке», так как востребованность НАТО остается актуальной только в отношении России.

В поисках общего языка со странами АТР Франция всякий раз стремится подчеркнуть, что она является активной державой региона. Свои заморские департаменты (в первую очередь азиатско-тихоокеанские территории Новой Каледонии, Французской Полинезии и островов Уоллис и Футуна) французы считают «надежной платформой для проецирования силы по всему миру», на которые приходится 93% национальной исключительной экономической зоны и где размещено более 7 тыс. французских военнослужащих, 15 боевых кораблей и 38 самолетов.

Несмотря на то, что французы признают центральную роль США «в обеспечении безопасности в этой стратегически важной части мира», Париж говорит о необходимости «перебалансировки американских позиций в регионе», что откровенно коррелирует с продвигаемой Э.Макроном концепцией «стратегической автономии» Европы. Подобным способом Париж заявляет о своем статусе державы, претендующей на роль привлекательного политического и экономического партнера для стран АТР. И такую возможность Франция находит в поставках вооружения.

Согласно отчету Стокгольмского института исследования проблем мира, 30% импорта вооружений в АТР приходится на США, 26% на Россию и 12% на Францию [10]. Более того, за период 2017–2021 гг. 47% от общего количества французских поставок (56% представляют собой военную авиацию) приходилось именно на Азию и Океанию, где основными покупателями выступают Индия (согласно отчету Минобороны Франции за период с 2011 по 2020 г., заказов было заключено на сумму 13003,1 млн евро), Сингапур (1956,9 млн евро), Индонезия (1671,8 млн евро), Малайзия (1368,8 млн евро) и Вьетнам (161,3 млн евро). В феврале 2022 г. Джакарта заключила контракт на поставку 42 истребителей «Рэфаль» производства «Дассо» и двух дизельных подлодок класса «Скорпен», что поднимет Индонезию на вто-

рую строчку среди главных получателей французских вооружений в регионе.

Такой активный за последние 30 лет рост интереса к французской продукции военного назначения в АТР авторы объясняют в первую очередь «растущим восприятием государствами китайской угрозы».

Через систему военных поставок и стратегических партнерств Э.Макрон предлагает новое видение места Франции в парадигме отношений со странами региона, оформившееся в идее создания «Индо-Тихоокеанской оси, которая должна стать новым геостратегическим порядком, ответом на нестабильность и неопределенность».

По задумке французского президента, опорами инициативы выступают Париж, Нью-Дели и Канберра при активном развитии оборонных связей с Вьетнамом, Малайзией, Новой Зеландией, Сингапуром и Японией, а среди ее основных целей обозначены соблюдение международного права, борьба с терроризмом и свободное мореходство, что вкуче обеспечит большую безопасность в регионе.

Важно отметить, что Елисейский дворец не рассматривает «ось» как противовес китайскому влиянию или попытку его ограничить. Так, в августе 2019 г. в ходе встречи с французскими послами Э.Макрон заявил, что необходимо «развивать союз с Индией и Австралией, который будет не вступать в конфронтацию, а именно дополнять отношения с Китаем через Индо-Тихоокеанскую ось». Таким образом французский лидер оставляет пространство для развития политических связей с КНР, в чем заключается принципиальное отличие от американской инициативы Quad (США, Япония, Индия и Австралия), призвание которой, по выражению Госсекретаря М. Помпео, заключается в том, чтобы «Китай оставался на своем месте в мировом порядке».

Самостоятельность и новаторство Президента Франции в инициировании проектов, которые не предусматривают американское участие, вкуче с последующими заявлениями о внеблоковом сотрудничестве с Китаем порождают в Вашингтоне, а порой и в самой Европе лишь раздражение.

Сенатор от Южной Каролины Л. Грэм считает, что, продемонстрировав сильное лидерство в Африке, Э.Макрон действует «с позиции слабости», когда речь идет о России и Китае, а его соратник по Республиканской партии и сенатор от Флориды М. Рубио и вовсе полагает, что, раз Э.Макрон призывает не выбирать какую-либо сторону в отношении Китая в американо-китайском противостоянии, «с Украиной нам стоит оставить Европу разбираться самой». Резкая реакция встречается и среди союзников по «европейскому цеху»: Председатель комитета Бундестага ФРГ по внешней политике Н. Ретген подчеркивает, что своей идеей о суверенитете ЕС французский лидер лишь «самоизолируется в Европе».

Наглядным примером недовольства американцев устремлениями Э.Макрона претворять собственный автономный курс в АТР стал кризис с поставкой Австралии подводных лодок. В 2016 г. Франция и Австралия заключили соглашение о строительстве 12 дизельных субмарин на сумму в 66 млрд долл. США, которое во французских СМИ было подано как «сделка века». Спустя пять лет власти Австралии, Новой Зеландии и США объявили о создании военно-политического союза AUKUS, который в т.ч. подразумевает замену французских подводных лодок на атомные американские. Такой ход Мининдел Франции Ж.-И. Ле Дриан расценил как «удар в спину».

Депутат Европарламента А. Данжан охарактеризовал франко-австралийский кризис как «разрыв

между решительно заявленными по всем международным вопросам амбициями и средствами, которыми мы располагаем». Схожая позиция высказывается в трудах отечественных и зарубежных политологов, в которых говорится о явной переоценке французскими элитами своих возможностей и низкой заинтересованности европейских союзников в поддержке политического курса Франции в АТР [2, 9].

Во французском политическом истеблишменте и научной сфере также звучит критика: пока одни говорят о том, что «призвание Франции не заключается в том, чтобы быть прислугой США», другие утверждают, что соглашение AUKUS лишнее раз продемонстрировало, что Соединенные Штаты «учитывают интересы своих союзников только в том случае, когда они совпадают с их собственными».

Впрочем, конфликт уладился довольно быстро: спустя месяц, выступая перед Национальным собранием, глава МИД Франции Ж.-И. Ле Дриан утверждал, что Соединенные Штаты «уже взяли первые обязательства по признанию стратегической важности французского присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе», не уточнив, впрочем, в чем эти обязательства заключаются, а в июне 2022 г. Канберра объявила о выплате отвечавшей за строительство субмарин «Наваль групп» компенсации за разрыв контракта в размере 835 млн долл. США.

Тем не менее Вашингтон наглядно продемонстрировал, что «великодержавные амбиции Парижа не воспринимаются всерьез» [2]. Стремление Франции выстроить не столь явную антикитайскую линию с нейтральной Индией и проамериканской Австралией обернулось отказом последних от многомиллионного контракта с французами. Канберра, считающая себя, по мнению Премьер-министра Дж. Говарда, «заместителем шерифа» в регионе, сделала более очевидный выбор в пользу проверенных союзников по разведывательному альянсу «Пяти глаз»: Великобритании, Канады, Новой Зеландии и США.

При всех попытках добиться стратегической автономии Э. Макрон стремится вывести Францию из-под американского давления и критики со стороны Китая. Наглядно демонстрируя приверженность крепким союзническим отношениям с Вашингтоном, президент в то же время заявляет, что «НАТО касается Северной Атлантики, а у Китая с ней мало общего». Впрочем, схожей евроатлантической оценки придерживается и Генеральный секретарь Альянса Й. Столтенберг, заявивший, что Организация «имеет отношение к Северной Америке и Европе и не станет глобальным союзом с участием азиатских государств».

Такой подход французского лидера наталкивается на недопонимание среди США и других членов НАТО, что, в частности, проявилось в споре с союзниками относительно открытия т.н. офиса связи Альянса в Токио. Подобным решением, по мнению французского политического истеблишмента, США и Европа лишь усилят напряженность с Китаем, расширив «спектр задач и географии НАТО, что станет большой ошибкой».

Однако французы демонстрируют общую линию с США в АТР. Париж показательно идет на провокации, проводя свои военные корабли через Тайваньский пролив, как это было в феврале 2021 г. с ядерной подлодкой «Эмеред», апреле 2019 г. с фрегатом «Вендемьер» или мае 2018 г. с «Диксмюд». К примеру, другой не менее важный для Вашингтона союзник в лице Германии прибегает к подобным акциям гораздо реже: в конце 2021 г. Берлин впервые за более чем 20 лет отправил военный корабль «Бавария» в акваторию Южно-Китайского моря.

Французы демонстративно совершают и собственные крупные акции по типу ежегодных миссий «Жанна д'Арк» с участием ВМС стран Quad или биеннале «Южный крест» и «Марара» с участием стран-членов «Пяти глаз» и государств Океании.

Одновременно при такой показной антикитайской позиции Франция старается «держаться дистанции». Пока элиты США намеренно идут на интенсификацию напряженности с Китаем – спикер Палаты представителей Н.Пелоси отправляется на Тайвань в августе 2022 г., а китайские власти отменяют визит Госсекретаря Э. Блинкена в апреле 2023 г. –, Э.Макрон посещает Пекин и Гуанчжоу, а в Париже принимают Мининдел КНР Цинь Ган и заведующего Канцелярией Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ван И.

В отличие от США, Франция оставляет пространство для диалога с Пекином по крупным политическим сюжетам: Э.Макрон и Си Цзиньпин регулярно настаивают на исполнении Соглашения по иранской ядерной программе, от которого американцы отказались при Д.Трампе, Франция подчеркивает важную для Пекина приверженность идее политики «одного Китая» и необходимость ведения диалога с Поднебесной в вопросе денуклеаризации Корейского полуострова.

Другой пример – масштабная экономическая инициатива китайского лидера «Пояс и путь», которая неоднократно подвергалась критике со стороны американского руководства. Несмотря на то, что Париж до сих пор формально не присоединился к инициативе, он, безусловно, заинтересован в наращивании экономических связей с Пекином, который на конец 2022 г. обеспечивал крупные доли во французском импорте (78,3 млрд евро; 10,1% от общего импорта; второе место после Германии) и экспорте (29,5 млрд евро; 5,1% от общего экспорта; шестое место).

По выражению французского аналитика П. Милле, в АТР «Франции рады, но ее не ждут». Франко-австралийский кризис наглядно демонстрирует, что, несмотря на заявления национальных элит о незыблемости французского присутствия в регионе, Париж не является авторитетным участником азиатско-тихоокеанских политических процессов, имея довольно ограниченное влияние.

На фоне такого французского присутствия, когда при США и страны Азиатско-Тихоокеанского региона все чаще выражают опасения относительно неуклонно растущей мощи Пекина, потенциальное углубление отношений с военно-политическими союзниками будет происходить не в пользу Парижа, т.к. последние, несмотря на закупку французских вооружений, в поисках путей расширения оборонных возможностей предпочитают уже работающие механизмы с американцами.

«Работа над созданием постгегемонистского многополярного мирового порядка» укладывается в один из ключевых приоритетов внешней политики Франции под руководством Э.Макрона – достижение стратегической автономии Европы. В Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности, французы мягко продвигают свою «бета-версию» полицентричности, стараясь не противоречить американским интересам.

США же, по мнению французского американиста Л. Нардона считает, что «будто в их стратегическом переориентировании Европа им не нужна, при этом от нее они требуют полного погружения в американо-китайское противостояние».

Попытка Парижа в китайском вопросе усидеть на двух стульях и продемонстрировать собственную автономность будет и далее порождать в Вашингтоне восприятие Франции как «слабого звена», на которое нель-

зя окончательно положиться в случае потенциальной эскалации американо-китайского противоборства. Париж, в свою очередь, «при всём критическом настрое по отношению к политике Китая и стремлении сдерживать его экономическую и геополитическую экспансию, не намерен вставать на сторону Вашингтона в его конфронтации с Пекином» [2].

Иными словами, хоть французы и принимают участие в крупных антикитайских учениях под руководством США, Белый дом предпочитает отводить Елисейскому дворцу роль союзника второго плана, стремясь сохранить место дирижера за собой. В сложившейся ситуации американцы предпочитают делать ставку на своих исторических союзников в регионе благодаря форматам «Пяти глаз» и устоявшейся сети партнеров в рамках системы «кольца и радиалов».

США и Китай вовлечены в глобальное стратегическое соперничество, основные поля взаимодействия которого расположены в Индийском и Тихом океанах. С французской точки зрения, подобная ситуация способствует лишь неконтролируемому росту рисков в регионе, где «отсутствуют механизмы разрешения кризисов».

Подобные механизмы, который предлагал Париж через ту же «ось Париж – Нью-Дели – Канберра», не выдержали давления США, крепко стоящим в этом вопросе на фундаменте идеи сдерживания Китая. Однако, учитывая стремление французов вывести себя из этого противостояния, смогут ли они и вправду стоять в стороне, если холодная фаза американо-китайского противостояния обернется горячей?

Литература

1. Обичкина Е.О. Внешняя политика Эммануэля Макрона: Поиски геополитической стратегии в разлажившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3 (111). С. 235–274. – URL: <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.10>
2. Рубинский Ю.И., Федоров С.М. «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия // Аналитические записки ИЕ РАН. – 2021. – № 29 (259). С. 5–11. – URL: <https://doi.org/10.15211/analyt-ics429202105101>
3. Abensour Marc. «Indo-Pacifique: un même concept, des approches différenciées». *Revue internationale et stratégique*, 129, 41–52, 2023. – URL: <https://doi.org/10.3917/ris.129.0041>
4. Bachelier Jérémy. «Vers une région Indo-Pacifique». *Revue Défense Nationale*, 977, 2018.
5. Courmont Barthélémy. «L'Asie, terrain de la compétition Pékin-Washington» *Revue internationale et stratégique*, 120, 91–98, 2020. – URL: <https://doi.org/10.3917/ris.120.0091>
6. Michel-Villaz Athanaé. «La présence de la France dans l'Indo-Pacifique: une légitimité souveraine». *Revue Défense Nationale*, 844, 68–74, 2021. – URL: <https://doi.org/10.3917/rdna.844.0068>
7. Péron-Doise Marianne. «La Stratégie Indo-Pacifique de l'Union Européenne Au Risque de La Compétition Chine/États-Unis.» *Diplomatie*, no. 112 (2021): 22–26. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48631256>
8. Pezard Stephanie. «Expanding Army Cooperation Between the United States and France in the Indo-Pacific». Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2023. – URL: <https://doi.org/10.3917/rdna.844.0068>
9. Staunton Eglantine and Day, Benjamin. «Australia-France relations after AUKUS: Macron, Morrison and trust in International Relations», *Australian Journal of In-*

ternational Affairs, 77:1, 11–18. – URL: <https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2070599>

10. Wezeman, Kuimova and Siemon T. Wezeman. “Trends in international arms transfers.” SIPRI fact sheet (2021): 2021–03. – URL: <https://doi.org/10.55163/CBZJ9986>

EMMANUEL MACRON'S «THIRD WAY» IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Tsatsurin A.O.

Russian Foreign Ministry

With the growing degree of US-China confrontation in the Asia-Pacific region, France seeks to balance between the “rock and a hard place”. The article considers the peculiarities of the “third path” formula announced by President Macron in the context of allied commitments to Washington while Paris desires to distance itself from the confrontation that determines the international relations system in the Asia-Pacific region. The author comes to the conclusion that this idea allows France to successfully interact with China and other Asian countries without openly disagreeing with the United States on its assessments of China, what in turn raises doubts in the American elites about the “trustworthiness” of such a regional ally.

Keywords: Emmanuel Macron, Asia-Pacific region, «third path», France, China, US

References

1. Obichkina E.O. Foreign policy of Emmanuel Macron: Searches for a geopolitical strategy in a disorganized world hierarchy //

Current problems of Europe. – 2021. – No. 3 (111). pp. 235–274. – URL: <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.10>

2. Rubinsky Yu.I., Fedorov S.M. “The submarine crisis” and its possible consequences // Analytical notes of the IE RAS. – 2021. – No. 29 (259). pp. 5–11. – URL: <https://doi.org/10.15211/analyt-ics429202105101>
3. Abensour Marc. “Indo-Pacifique: un même concept, des approches différenciées.” *Revue internationale et stratégique*, 129, 41–52, 2023. – URL: <https://doi.org/10.3917/ris.129.0041>
4. Bachelier Jérémy. “Vers une région Indo-Pacifique.” *Revue Défense Nationale*, 977, 2018.
5. Courmont Barthelemy. “L’Asie, terrain de la compétition Pékin-Washington” *Revue internationale et stratégique*, 120, 91–98, 2020. – URL: <https://doi.org/10.3917/ris.120.0091>
6. Michel-Villaz Athanaé. “La présence de la France dans l’Indo-Pacifique: une légitimité souveraine.” *Revue Défense Nationale*, 844, 68–74, 2021. – URL: <https://doi.org/10.3917/rdna.844.0068>
7. Peron-Doise Marianne. “La Stratégie Indo-Pacifique de l’Union Européenne Au Risque de La Compétition Chine/États-Unis.” *Diplomatie*, no. 112 (2021): 22–26. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48631256>
8. Pezard Stephanie. “Expanding Army Cooperation Between the United States and France in the Indo-Pacific.” Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2023. – URL: <https://doi.org/10.3917/rdna.844.0068>
9. Staunton Eglantine and Day, Benjamin. “Australia-France relations after AUKUS: Macron, Morrison and trust in International Relations,” *Australian Journal of International Affairs*, 77:1, 11–18. – URL: <https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2070599>
10. Wezeman, Kuimova and Siemon T. Wezeman. “Trends in international arms transfers.” SIPRI fact sheet (2021): 2021–03. – URL: <https://doi.org/10.55163/CBZJ9986>

Шаталов-Давыдов Дмитрий Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: korvet_nn@list.ru

Статья рассматривает аксиологические аспекты системы международных отношений с точки зрения их влияния на международные отношения как социальную систему. Автор дает краткую историю науки о международных отношениях. Особое внимание уделяется системному подходу к анализу международных отношений, выявляются основные феномены, необходимые для дефиниции системы в рамках данной предметной области. Для понимания структуры и динамики международной системы рассматриваются различные концепции, включая работы Сингера, Уолца, Розенау, Вендта и др. В статье обсуждаются очки зрения на интегративное свойство системы и проблемы, связанные с его определением. Автор обращается к исследованию влияния социальных процессов на систему международных отношений, выделяя нормы как важные регуляторы социальной деятельности в сообществе, рассматривая их как возможное интегративное свойство. Нормы и ценности формируются на основе культуры и оказывают влияние на поведение и восприятие акторов в международной системе, начиная от уровня индивидов, заканчивая уровнем государства. В работе представлены три модели «анархии» (системы международных отношений воспринимаемой акторами) – гоббс-анская, локкеанская и кантианская – и показано как формируются метарассказы через призму разделяемых акторами аксиологических установок. В целом, в статье делается вывод о значимости аксиологических установок акторов на восприятие процессов в системе международных отношений

Ключевые слова: нормы, аксиология, актор, система, международные отношения, метарассказ.

Наука о международных отношениях – одна из молодых и бурно развивающихся наук. Зародившись в начале XX века как одна из отраслей всеобщей истории, уже к середине века у неё появился свой методолого-концептологический аппарат и свои научно-исследовательские методы исследования, что позволило сделать шаг от традиционно-исторических методов исследования и логико-интуитивного анализа к разработке статистических, системных и пр. моделей международных отношений, которые, находясь на стыке целого ряда гуманитарных наук, позволяли не только объяснять происходящие процессы, но и выстраивать варианты модели развития событий.

В настоящий момент, как и в большинстве смежных наук (теории государства и права, политологии, экономики), принято рассматривать объект исследования, т.е. совокупность международных отношений, как систему, таким образом, применяя системный подход. Важно отметить, что данная позиция предполагает выделение как минимум трех основных феноменов, необходимых для дефиниции системы в рамках всей совокупности предметной области: элемента (что в теории международных отношений (в дальнейшем ТМО) понимается как актор, агент или субъект), подсистемы связей, интегративного свойства системы. Несмотря на достаточно большие разногласия вопрос об элементе системы достаточно понятен: это такие акторы как государства и, согласно доводам транснационалистов, и представителей английской школы и др. участники международных отношений как международные институты (ООН, Мировой банк и т.д.), ТНК мафиозные и террористические сети и т.д. (см. R.Keohane, J.Nay, V.Buzan и др.). Вопрос об акторах порождает споры из-за проблем уровня анализа, которая была поднята в 60-ые годы Д. Сингером в его работе «Международная система: теоретическое эссе», К. Уолцем в его диссертации «Человек, государство и война» и в ряде других работ. Сингером постулируется 3 основных уровня анализа – системный, который позволяет исследовать международные отношения на исчерпывающем уровне, однако он нивелирует различия в поведении акторов международной системы [14, p.80]; анализ актора, рассматриваемого тоже как система (заметим, что Сингер в качестве актора видел только национальное государство), который «позволяет избежать гомогенизации, которая часто возникает из акцентирования системного уровня» [14, p.82]; уровень анализа особенностей внешнеполитической подсистемы государств. Как мы видим, данная концепция упускает из вида существование других акторов международной системы, однако для нас важны именно эти уровни анализа как таковые, которые мы можем условно обозначить как система, элемент, институты власти элемента (в силу того, что принятие внешнеполитических решений подразумевает определенный механизм выработки и согласования с государственными структурами и с разнообразными общественными институтами). Концепция Уолца [15] чем-то напоминает развернутую сингеровскую модель, однако вместо уровня принятия внешнеполитической модели (который мы условно называем институциональным) он использовал отношения, затрагивающие роль и место и в государственном политическом процессе. Если Сингер оперирует критерием иерархии распределения вла-

сти внутри международной системы, то Уолц – становлением общественных связей в рамках данной системы, в силу чего 2-ым и 3-им уровнями соответственно становятся государство (как институт легитимации власти, запретивший анархические отношения между индивидами и прочими социальными институтами) и международная система, структура которой является фактором, организующим анархию (т.н. плюрализм суверенитетов) в определенные иерархические связи внутри системы и порождающую как следствие баланс сил (определенный порядок внутри системы, нарушение которого становится экономически и политически нецелесообразным при исходных условиях [12]), выступающий в данном случае интегративным свойством системы. Таким образом, проблема уровней анализа упирается в исходные позиции исследователя: для реалиста – это распределение власти в системы и соответственно иерархический критерий, для неореалиста (как К.Уолц) – критерий трансформации социального пространства в результате возникновения властных отношений; для либералиста – институционализация системы; для транснационалиста – диверсификация связей и т.д. Таким образом, единой и бесспорной позиции нет и в данном важном аспекте применения системного подхода к международным отношениям. Важно отметить, что проблема уровней анализа порождает проблему, связанную с вычлениением интегративного свойства системы. В большинстве случаев исследователями признается, что интегративным свойством являются как таковые связи, функционирующие по определенным законам в рамках системы (К. Дойч, Миртани, Розенкранц и др.) в то время как другие исследователи полагают, что таковым является порядок функционирования системы, потому это возникающий баланс сил, полярность системы и т.д. и т.п.

К таким неоднозначным решениям приводит рассмотрение данной проблему через призму изучения властных отношений (к которым автор так же относит и иерархические связи внутри и между социальными институтами). Все дело в том, что данный феномен обладает столь высокой степенью дивергенции, столь огромным количеством особенностей, частных закономерностей, что позволяет утверждать об уникальности отдельных акторов, их относительной несхожести друг с другом и потому вопрос о закономерностях в рамках ТМО разрешается в отрицательную сторону. Согласно Дюррозелю, когда мы имеем дело с событиями, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, поэтому каждое является единичным, уникальным. Здесь, фактически, не существуют идентичность и измеряемость. Между несколькими событиями можно найти лишь аналогии: так, существуют типы рассуждений, типы коммуникаций, типы насилия. В силу этого на долю исследователя остается изучение лишь частных закономерностей того или иного процесса [9, с. 113].

Другой проблемой приведенных выше применений системного подхода к международным отношениям является тот факт, что мы не можем говорить об интегративном свойстве – мы можем говорить об интегративных свойствах, при этом выделяя некие категории, являющиеся более идеологическими конструктами, нежели эмпирическими. Например, мы не можем говорить о балансе сил как о раз ставшем феномене – мы можем исследовать балансы сил, существующие в определенные промежутки времени. Это связано с постоянной, все более возрастающей динамикой международных отношений, характеризующейся постоянным обновлением арсенала вызовов и угроз, возникающих дисбалансов и изменений. В этой связи говорить о статичности и детерминированности категории баланс сил не приходится. К тому же

далеко не всегда он и возникает: согласно исследованиям Д. Розенау, современная система международных отношений характеризуется турбулентностью, в силу чего более отвечающей требованиям времени становится уровень фрагментации в системе международных отношений, «термин, сопоставляющий процессы фрагментации и интеграции, распространяющиеся в системе неравномерно, происходящие среди организаций, обществ, стран и транснациональных систем» [13], а не балансом сил. Изучение уровня фрагментации характеризует такое состояние системы, при котором всякая определенность отпадает. Таким образом, делать выводы о её развитии не представляется возможным. Анализируя природу системных связей, мы тоже приходим к выводам об их исключительной подвижности, поэтому возникает вопрос о структуре – категории, характеризующей строение связей элементов внутри системы. Каким образом она возникает, каким образом устанавливается порядок внутри системы, как выстраивается иерархия связей, несмотря на нестабильность и турбулентность? На данные вопросы ответ может быть найден лишь путем выделения некоего относительно стабильного фактора, возникающего внутри системы из взаимодействия элементов при том, что у них его не было (т.е. тоже интегративного фактора), означивающего структуру системы и характер связей в ней. Что означает означивать? Обозначать границы и барьеры допустимого поведения акторов в системе и её существующих свойств. Постмодернистская процедура означивания здесь не случайна в силу того, что означивание – «процессуальность обретения текстом смысла, который исходно не является ни заданным, ни данным» [10, с.729], оно подчеркивает момент внезапности возникновения некоей организации в рамках системы, перехода от ничего к раз-ставшему. Именно такая процедура приемлема в системе плюрализма суверенитетов и отсутствия центра власти, способного навязать своей волей определенный смысл, определив границы и барьеры и нормы в рамках системы.

В данной статье автором предлагается возможный вариант нахождения данного системного фактора.

Являясь социальной системой, система международных отношений не в меньшей степени подвержена влиянию стандартных социальных процессов, характерных для любого сообщества. Одним из таких процессов является возникновение норм, естественно ограничивающих насилие внутри общества. Норма – «понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы, человеческая деятельность и, поведение и общение сохраняют свои качества и функции, задающие их внутреннюю соразмерность» [10, с.711], и благодаря этому они выступают в качестве внутренних регуляторов деятельности человеческого сообщества, поэтому изменение норм отражает изменение характера и направленности человеческой деятельности внутри сообщества. Нормы характерны для любого социального конструкта, так как они закрепляются не только институтом легитимации силы (государство устанавливает лишь формальные нормы – законы), но и в контексте культуры и изменяются вместе с ней. Таким образом, всякое длительное существование социального института порождает те или иные нормы, закреплённые либо знаково (в тексте культур) либо социально (порядок деятельности, социальных практик). С учетом того, что международные отношения – тоже социальная деятельность, в ней существуют определенные нормы, степень развитости и влияния которых на поведение акторов оценивается различно. Важно отметить тот факт, что нормы означивают возможные социальные практики и недопустимые (из-за того, что за применение послед-

них система применит санкции). Однако каковы эти нормы в международных отношениях? Нормы ли это международного права, культуры демократического сообщества или что-то ещё – неизвестно. Неизвестны не только нормы, но и ценности, существующие в данной социальной системе. Ведь нормы, являясь динамическим продуктом социальной интеракции, конституируются на основе ценностей, определяемых текстом культуры. Таким образом, ценности являются устойчивой категорией для данного сообщества, фактором, конституирующим нормы, определяющим возможность существования той или иной нормы в рамках сообщества. Ценности задают предельные рамки социокультурной активности человека, являясь внеличностными и надличностными, и конституируют процессы оценивания – вынесения оценок как способов установления значимостей чего-либо для субъектов. В социальной системе на основе ценностей конституируется мир сущего и мир должного, связывают которые нормы социокультурной деятельности, отражающие как трансформации первого, так и второго [4, с.493]. Из этого следует, что мир должного и взаимосвязанные с ним нормы и вариативные механизмы поведения акторов могут являться системным фактором, означающим структуру системы международных отношений. Таким образом, возникает вопрос об аксиологии.

Аксиология – философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческого деяния, жизни. Выделение обозначенного круга феноменов как аксиологии связано с необходимостью: 1. четкого разграничения сферы должного и сущего, изменяющегося на нормативном уровне под воздействием нравственного закона – разграничения, сделанного Кантом, противопоставившего сферу нравственности природе; 2. расщепленности понятия бытие на актуализируемое (реальное) и должное (расщепление, проведенное Гегелем); 3. эпистемологическая сложность критериального различения истины и неистины, которое может являться далеко не единственным в системе международных отношений, в которой представлено огромное количество культур; 4. неустранимости из познания оценочных моментов (которые традиционно присутствуют при оценке любого политического действия, другой вопрос лишь в научной обработке данной оценочной интенции – так концепция реализма отвергает всякую возможность проведения такой оценки в силу наличествования эпистемологического основания, именуемого теорией рационального выбора, по которой должное-недолжное заменяется на логическую пару рациональное-нерациональное; 5. особая природа понимания ценности: невозможность её редукции ни к благу, ни к стоимости, следовательно самостоятельность пространства изучения данной категории.

Так задается пространство аксиологии вообще. Возвращаясь к предмету международных отношений мы предлагаем рассмотреть аксиологическую составляющую системы на всех уровнях, т.е.: 1. социальных групп (микроруровень согласно терминологии Д.Н. Розенау [7, с.199]); 2. государства; 3. международной системы. Как видно, мы используем схему уровней анализа, предложенную К. Уолцем, которая вполне подходит для рассмотрения феномена с предложенной точки зрения, так как базируется на природе социальных взаимоотношений (см. выше).

На 1-ом уровне мы прослеживаем следующее: индивид, существующий в рамках определенного сообщества осознает 2 ипостаси бытия – актуализированное и должное, стремясь своё поведения выстраивать в рамках границ, задаваемым вторым. Говоря с точки зре-

ния системной теории, подсистема должного является структурой инвариантом данной социальной системы, обладая ценностями, характеризующее данное сообщество и через это определяющую его культуру и, соответственно, порождая дивергенцию данного сообщества из массы других (отметим, что природа принципа комплиментарности (вычленение «Я-не Я») связывается с культурой и традициями существующего сообщества, а её происхождение подобно моральному закону). Как уже обозначалось выше она порождает нормативную систему, которая в рамках текущей системы задает границы допустимого (но не должного, в отличие от аксиологической подсистемы). Возникает вполне естественный вопрос – если существующий характер социальных связей определяется нормативной системой, а нормативная система – аксиологией, то откуда возникают ценности и как они трансформируются. Здесь мы необходимо должны обратиться к пониманию природы кантовского морального закона.

Понимание Кантом морали базируется на том, что нравственность должна быть абсолютной, всеобщей и общезначимой, т.е. иметь форму закона. Этот закон – и есть искомый моральный закон. Отсюда следует максима Канта – действие должно быть сообразно с законом, при этом Кант определяет только форму морального поступка, ничего не говоря о его содержании. Согласно Гегелю подобное содержание и не должно подлежать выделению в силу того, что сознание априорно «убеждено в долге и знает долг как совесть, исходя из себя самого» [3, сс.350–351]. Совесть – то есть осуждающее сознание, «самость, знающая себя как сущность» [3, с.351], является необходимым условием действительности морального закона, критерием определения соответствия поведения моральному. Убежденность сознания в некоторых ценностях, и вытекающих из этого должностований является абсолютно индивидуальной – так как наблюдается движение сознания из себя самого, воплощения из для-себя – бытия (dasein) в актуализированное. В то же время нельзя не отметить всеобщность природы морального закона – он устанавливается независимо от воли индивида, именно потому обладает императивностью. Ответ Канта – моральный закон устанавливается Богом, потому человечество обладает сходными ценностями и может рассматриваться в совокупности. С нашей точки зрения более уместно говорить о так называемой культурной адаптации – индивид, вырастая в рамках определенной культуры, существует в системе её ценностей, и, даже оказавшись в системе отличной культуры, он переносит остается носителем ценностей своей культуры. Таким образом, ценности – неотъемлемая часть культуры, в которой был воспитан индивид и они трансформируются в рамках трансформации всей системы культуры. Моральный закон, определяющий мир должного для индивида и социальных групп задается культурой как свойственной только данному сообществу системы мировосприятия бытия. Являясь раз-данным, формируемым в процессе социализации индивида, моральный закон оказывает непосредственное влияние на формирование идентичностей данной группы, которые базируются на разделяемых культурных ценностях. Согласно создателю социальной теории политики А. Вендту: «Идентичность – базовая субъективная ценность или качество, происходящее из самосознания и самопонимания актора» [16, р.224], что подразумевает создание идентичностей вместе с выделением группы как самостоятельного социологического актора. Таким образом, умопостигаемая идентичность является основной ценностью группы, которая выделяет её из всей массы социума, при этом идентичности

способны трансформироваться благодаря внешним воздействиям и изменения самосознания группы, однако эти трансформации вызваны очень сильными флуктуациями. Являясь базовыми составляющими группы идентичности способствуют формированию интересов, соответствующих им. Благодаря наличествованию интересов группа способна совершать действия.

На уровне государственном процесс представляется как согласование идентичностей и интересов отдельных групп, институтов и власти. На выходе данного процесса возникает феномен национальной идентичности и национального интереса, который реализуется затем на международном уровне. Возникает разделяемая государственная культура, которая представляет собой либо культуру доминирующего агента, либо синтез культур, но в любом случае это разделяемая культура – т.е. соответствующая культурам внутри государства и потому способствующая его единству.

В зависимости от выработанных национальных интересов и национальных идентичностей каждый актер стремится действовать в границах метарассказа, предусмотренного его культурой. Именно поэтому понятия справедливости и блага прямо противоположны, например, у США, стремящихся осуществить экспорт демократии и у партизанского движения Ирака, всеми силами сопротивляющегося слому традиционной культуры. Метарассказ – активный этап реализации национального интереса на аксиологическом уровне, требующий адекватных трансформаций в культурах сообществ, на которые он распространяется. К метарассказам можно отнести как коммунистическую доктрину, реализуемую СССР, так и идею суверенной демократии, характерной для европейских государств, так и транзит демократии, осуществляемый США и т.д. Метарассказ отличается от аксиологических установок акторов своей глубиной и масштабностью – он включает не только ценности и оценки, но и побуждение к изменению существующей реальности в сторону этих установок. Принятие метарассказа осуществляется благодаря соответствию национального интереса и национальной идентичности данному метарассказу.

Мы видим, что в международной системе может действовать сразу несколько моделей её восприятия в соответствии с имеющимися метарассказами. А. Вендт предложил универсальную систематизацию для Верстфальской и постверстфальской систем, выделив культуру гоббсианской анархии, локкеанской и кантианской [16, pp.259–302]. Мы возьмем за основу именно это деление, так как оно базируется на аксиологическом аспекте. Актёры, воспринимающие международную систему как борьбу за выживание и войну всех против всех существуют в рамках гоббсианской анархии и реализуют соответствующий метарассказ. Локкенская анархия характеризуется стремлением к созданию нормативных условий ограничения экспансии акторов, наказанию за нелегитимное поведение в рамках системы: актер становится ограничен совокупностью системных ограничений возникающих благодаря балансу сил и балансу интересов, а так же балансу разделенных культур. Наконец, Кантианский тип можно охарактеризовать как мировое гражданское общество, характеризуемое отсутствием ограничений поведения акторов в силу того, что их моральный закон запрещает поведение, дестабилизирующее систему, это пространство вечного мира и экономического сотрудничества. Как следует подчеркнуть данные типы являются моделями анархии, существующей в международной системе с точки зрения существующих в ней метарассказов. Действительно, гоббсианский тип характерен для реалистического взгляда

на мир, следовательно, реалистического метарассказа. 2-ой – более для институционального, им характеризуются система международных институциональных связей, экономическая конкуренция и т.д. 3-ий – для идеалистического метарассказа, существующего не менее продолжительно как и реалистический и являющегося полностью противоположным. Наличествование в системе таких движений как Антиапартеид, Международная Амнистия и т.д., четко разграниченные взаимодействия между МНПО, регулярные масштабные конференции между ними характеризуют существование данного метарассказа, о победе которого в 1987 г. заявил Фукуяма в «Конце истории».

В данной работе, мы выяснили, что структурным интегративным свойством системы международных отношений является аксиология. Именно она, является наименее изменчивой, потому содержащей в себе инвариант структуры. Благодаря актуализации в мире должного на основе аксиологии формируются идентичности и интересы, создаются метарассказы, целью которых является достижение тех ценностей и идеалов, которые видятся создавшими их сообществами не только желательными, но жизненно необходимыми и создающими справедливый порядок. Аксиологический критерий прослеживается на всех трех уровнях системы, потому является удобным для применения в рамках системного анализа международных отношений.

Литература

1. Арон, 2000. – Арон П. Мир и война между народами. – М.: Nota bene, 2000. – 879с.
2. Бернар, 1998 – Бернар Ж. Международные отношения. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского Государственного Университета, 1998. – 782 с.
3. Гегель, 2002. – Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – С-П: Наука, 2002. – 441с.
4. Лосский, 2000. – Лосский Н.О. Ценность и Бытие. – Харьков: Фолио; М: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 880 с.
5. Панарин, 2002. – Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416с.
6. Поздняков, 1976. – Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. – М.: Наука, 1976. –159 с.
7. Розенау, 2001. – Розенау Д.Н. Турбулентность в мировой политике. // Сафронова О.В. Теория международных отношений. – Н.Н.: ННГУ, 2001.
8. Роулз, 1995. – Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 535 с.
9. Цыганков, 1996. – Цыганков П.А. Международные отношения. – М: Новая школа, 1996. – 320 с.
10. Философский словарь. Отв. ред. А.А. Грицанова. – М.: АСТ, 2001. – 1279 с.
11. Behengar, 2003. – Behengar N. Leo Strauss, Max Weber, and the scientific study of politics. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 2003. – 221 p.
12. Gilpin, 1981. – Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. – 272 p.
13. Rosenau, 2000. – Rosenau J.N. The Challenges and Tensions of a Globalized Space. // American studies international. Vol. 38. № 2. June 2000. – pp. 8–22
14. Singer, 1961. – Singer J.D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. // The International System: Theoretical Essays. Ed. by K. Knorr and S.Verba. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.
15. Waltz, 2018. – Waltz K. Man, the State, and War. A Theoretical Analysis. Columbia University Press, 2018. – 284 p.

16. Wendt, 2004. -Wendt A. Social Theory of International politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 429 p.

AXIOLOGICAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Shatalov-Davydov D.Yu.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the axiological aspects of the international relations system in terms of their influence on international relations as a social system. The author provides a brief history of the science of international relations. Special attention is paid to the systemic approach to analyzing international relations, identifying the key phenomena necessary for defining the system within this field of study. Various concepts are discussed to understand the structure and dynamics of the international system, including the works of Singer, Waltz, Rosenau, Wendt, and others. The article discusses perspectives on the integrative property of the system and problems associated with its definition. The author explores the impact of social processes on the international relations system, highlighting norms as important regulators of social activity within the community, considering them as a possible integrative property. Norms and values are formed based on culture and influence the behavior and perception of actors in the international system, from the individual level to the state level. The article presents three models of “anarchy” (international relations systems perceived by actors) – Hobbesian, Lockean, and Kantian – and demonstrates how metanarratives are formed through the lens of actors’ shared axiological orientations. Overall, the article concludes on the significance of actors’ axiological orientations in shaping perceptions within the international relations system.

Keywords: norms, axiology, actor, system, international relations, metanarrative.

References

1. Aron, 2000. – Aron R. World and War Between Nations. – Moscow: Nota Bene, 2000. – 879 p.
2. Bernar, 1998 – Bernar J. International Relations. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 1998. – 782 p.
3. Hegel, 2002. – Hegel G.W.F. Phenomenology of Spirit. – St. Petersburg: Nauka, 2002. – 441 p.
4. Lossky, 2000. – Lossky N.O. Value and Being. – Kharkiv: Folio; Moscow: LLC “Firma” Izdatelstvo AST”, 2000. – 880 p.
5. Panarin, 2002. – Panarin A.S. Temptation of Globalism. – Moscow: EKSMO-Press, 2002. – 416 p.
6. Pozdniakov, 1976. – Pozdniakov E.A. Systemic Approach and International Relations. – Moscow: Nauka, 1976. – 159 p.
7. Rosenau, 2001. – Rosenau D.N. Turbulence in World Politics. // Safronova O.V. Theory of International Relations. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2001.
8. Rawls, 1995. – Rawls J. A Theory of Justice. – Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing House, 1995. – 535 p.
9. Tsygankov, 1996. – Tsygankov P.A. International Relations. – Moscow: Novaya Shkola, 1996. – 320 pages.
10. Philosophical Dictionary. Ed. A.A. Gritsanova. – Moscow: AST, 2001. – 1279 pages.
11. Behengar, 2003. – Behengar N. Leo Strauss, Max Weber, and the scientific study of politics. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 2003. – 221 p.
12. Gilpin, 1981. – Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. – 272 p.
13. Rosenau, 2000. – Rosenau J.N. The Challenges and Tensions of a Globalized Space. // American studies international. Vol. 38. № 2. June 2000. – pp. 8–22
14. Singer, 1961. – Singer J.D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. // The International System: Theoretical Essays. Ed. by K. Knorr and S.Verba. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.
15. Waltz, 2018. – Waltz K. Man, the State, and War. A Theoretical Analysis. Columbia University Press, 2018. – 284 p.
16. Wendt, 2004. -Wendt A. Social Theory of International politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 429 p.

«Event-технологии» как инструмент реализации внеучебной и досуговой деятельности образовательных мигрантов (на примере работы интерклуба)

Лысова Ольга Васильевна,

к.п.н., доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Ямалетдинова Альмира Мухаметовна,

к.п.н., доцент, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: almira27@mail.ru

Батухтин Иван Юрьевич,

аспирант кафедры теории языка и методики его преподавания, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: lorduvanya@yandex.ru

Лысов Олег Игоревич,

Студент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: oleg-lysov@list.ru

Статья посвящена вопросам адаптации образовательных мигрантов, обучающихся в российских вузах. Авторы анализируют результаты работы интерклуба как внеурочной формы взаимодействия российских и иностранных студентов с целью социальной и языковой адаптации иностранных студентов, обучающихся в Бирском филиале Уфимского университета науки и технологий. В статье приводятся примеры работы интерклуба, занятия которого проводились на основе использования приемов event-технологии. Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать вывод об эффективности организации и проведения event-со-бытий на основе интерактивного общения.

Ключевые слова: адаптация, образовательные мигранты, event-технологии, интерклуб.

Введение

Академическая мобильность на сегодняшний день является одной из важных тенденций современного российского высшего образования. Увеличение количества образовательных мигрантов наблюдается и в высших учебных заведениях Башкортостана.

По мнению Р.Ф. Хабирова, руководителя региона, данная тенденция, будет в ближайшие годы активно развиваться в связи с участием вузов республики в федеральной программе стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Уфимский университет науки и технологий является вузом-лидером (входит в топ-30) среди российских университетов по числу абитуриентов из других регионов страны и мира. На данный момент в УУНиТ на всех уровнях подготовки обучается около 3000 молодых людей – граждан 70 стран. В программе стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030» в целевой модели университета заложена следующая «амбиция – 20% студентов очной формы обучения должны быть иностранными студентами» [3].

В связи с обучением иностранных студентов возникают определенные социальные риски как для самих образовательных мигрантов, так и для принимающего российского общества.

Анкетирование, проведенное среди иностранных студентов Бирского филиала УУНиТ в 2022 году с целью выявления основных проблем, возникающих во время адаптации к новым условиям, включало ряд вопросов.

Анализ результатов участников анкетирования позволил сделать следующие выводы: во-первых, большую часть образовательных мигрантов Бирского филиала УУНиТ составляют студенты из Таджикистана (88%), большая часть которых родились в столице (г. Душанбе), а 12% их них – из г. Рудаки (Таджикистан); во-вторых, по возрастному составу – это молодые люди от 17 до 20 лет, в количественном отношении: 17 лет – 12%; 18 лет – 56%; 19 лет – 12%; 20 лет – 20%; в-третьих, оценивая уровень знания русского языка, все опрошенные выбрали 3 варианта ответа: «*Говорю на русском, в целом, хорошо*».

Среди основных трудностей в ходе адаптации к новой жизни иностранные студенты чаще всего выбирали следующие варианты ответов: «*Трудное восприятие лекционного материала, учебной литературы*» – 17%; «*Ответы на занятиях в устной форме*» – 17%. При этом следует отметить, что 66% выбрали ответ: «*Не испытывают трудностей*».

Культурная и социальная адаптация проходит у этой группы студентов сложнее, т.к. на вопрос: «*Как относятся к новым условиям среды/социума (традиции, нормы, ценности)?*» только 56% выбрали ответ «*Полностью принимают российские обычаи, нормы, ценности*», еще 32% – «*Частично усваивают нормы общества, но сохраняют традиции своего народа*»; тревожным сигналом может служить ответ у 12% опрошенных, которые выбра-

ли вариант ответа: «Не принимают культурные нормы и ценности, характерные для большинства россиян».

Отвечая на вопрос: «Чтобы сделали, чтобы иностранным студентам было легче адаптироваться к учебе и проживанию на территории РФ?», были предложены следующие формы работы: «Увеличили бы количество часов изучения русского языка» – 22%; «Активно вовлекали бы иностранных студентов в общественную, культурную жизнь института, университета» – 78%.

Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что 78% опрошенных студентов считают, что активное вовлечение в общественную, культурную жизнь университета и увеличение количества часов на изучение русского языка позволило бы быстрее и легче адаптироваться к учебе и проживанию на территории РФ.

Рассматривая вопросы обучения студентов данной группы, следует отметить, что качество их успеваемости ниже, чем у российских студентов, особенно это характерно для студентов, обучающихся на 1–2 курсах. Среди основных проблем, затрудняющих адаптацию образовательных мигрантов, названных в ходе анкетирования иностранных студентов 1 курса, обучающихся в Бирском филиале Уфимского университета науки и технологий, были перечислены следующие: плохое знание русского языка (указали 87% опрошенных); затруднение социализации и проблемы с коммуникацией (64%); состояние эмоционального дискомфорта (56%).

Кроме того, следует рассмотреть еще один аспект, затрудняющий адаптацию иностранных студентов – отношение значительной части российского общества, в том числе и молодежи, к образовательным мигрантам характеризуется конфликтной (конфронтационной) позицией.

Многие российские студенты, принявшие участие в опросе о толерантном отношении к студентам из других стран, обучающихся в БФ УУНиТ, отметили, что контактируют с иностранными студентами из-за необходимости. Среди 45 студентов, принявших участие в опросе, лишь 7% тесно общаются с иностранными студентами, что связано с совместным проживанием в общежитии; 54% не поддерживают с ними отношений, 36% признаются, что их раздражают студенты данной социальной группы, а 3% опрошенных конфликтуют с ними. Результаты опроса представлены на рис. 1.

Результаты опроса среди студентов БФ УУНиТ об отношении к образовательным пригнгантам

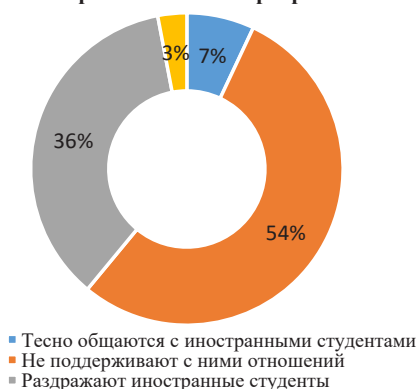

Рис. 1.

Поэтому ситуацию с интеграцией и обучением мигрантов во многих вузах России, в том числе и УУНиТ, назвать благополучной нельзя. В статье «Современные тренды по работе с образовательными мигрантами в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» нами отмечается, что в рамках повышения конкурентоспособно-

сти университета необходимо разработать комплексную программу по адаптации образовательных мигрантов, обучающихся в Уфимском университете науки и технологий: «Перспективы расширения международной академической мобильности в рамках реализации Башкирским государственным университетом программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» делают актуальным разработку комплексной программы адаптации образовательных мигрантов, направленной на решение рассмотренных нами проблем обучения иностранных студентов и снижение социальной напряженности в российском обществе к данной категории студентов» [4, с. 26].

Основная часть

Активизация работы по социокультурной и языковой адаптации иностранных студентов помимо учебных занятий должна включать дополнительную внеурочную работу, направленную на успешную социализацию студентов данной группы.

На наш взгляд, одним из направлений совершенствования работы с иностранными студентами, обучающимися в УУНиТ, может стать функционирование поликультурного студенческого объединения интерклуба «Глобус», созданного в 2021 году и способствующего организации межкультурной коммуникации между российскими и иностранными студентами.

Деятельность интерклуба «Глобус» в 2021–2023 гг., организация и проведение event-событий в рамках работы клуба позволили сделать ряд обобщений и выводов, а также методических рекомендаций с целью совершенствования дальнейшей деятельности интерклуба.

В России использование EVENT-технологии как формы организации образовательного процесса представляет инновационный подход, в основе которого лежит яркое, красочное event-событие, включающее активное взаимодействие участников мероприятия, их совместные действия.

На наш взгляд, использование данной технологии в работе с иностранными студентами имеет ряд преимуществ, на которые указывают В.А. Литвиненко и И.А. Герасимова, авторы статьи «Event-технологии как инструмент реализации социально-культурных проектов в креативных индустриях», характеризующие использование event-технологий в процессе организации мероприятия, отмечают, что данный подход, позволяет учитывать все «...аспекты подготовки и реализации проектов: тематическая – определяет содержание и форму будущего мероприятия, исходя из характеристик целевой аудитории, её потребностей и желаний, технологическая – обеспечивает участникам комфорт на площадке, коммуникативная – способствует установлению и развитию внутренних и внешних коммуникаций» [1, с. 187].

Рассматривая актуальность использования «event-технологии» в практике работы с иностранными студентами, следует обратить внимание на то, что среди основных функций данной технологии, выделенных исследователями, большинство отвечают запросам организации взаимодействия с обучающимися из других стран. Прежде всего это социокультурная, релаксационная и социализирующая функции

За время работы интерклуба «Глобус» в 2021–2023 гг. проведено более 20 мероприятий, в которых участвовали российские и иностранные студенты, обучающиеся в Бирском филиале УУНиТ на 1–4 курсах.

В ходе исследования была реализована модель работы интерклуба «Глобус», состоящая из 4 этапов

и включающая мероприятия, проведенные на основе event-технологий:

- 1) этап адаптации (экскурсия по вузу, анкетирование иностранных студентов, тимбилдинг «Добро пожаловать в Россию! Добро пожаловать в УУНиТ»;
- 2) этап просветительский (квест «В мире русской фразеологии», мастер-класс «Русская национальная кухня», праздник «Новый год в России» и др.);
- 3) этап интеграции в социокультурную среду вуза и городского сообщества через общественную деятельность (многоязычный песенно-поэтический флешмоб «Языков много – страна одна», военно-спортивный конкурс «А ну-ка, парни» и т.п.);
- 4) этап медиации (участие в общественных акциях, студенческом отряде БФ УУНиТ, митап «Россия глазами иностранцев» и др.).

Выбирая данную форму взаимодействия с образовательными мигрантами, мы учитывали ряд факторов.

Во-первых, на основе «Методических рекомендаций об организации работы общеобразовательных организаций по оценке уровня языковой подготовки обучающихся несовершеннолетних иностранных граждан» (2022) работа интерклуба «Глобус» была организована как тьюторское сопровождение российскими студентами старших курсов, которые являлись организаторами мероприятий на первых 2 этапах деятельности интерклуба: адаптационном и просветительском [2].

Во-вторых, наиболее эффективными формами в рамках работы интерклуба «Глобус» стали интерактивные приемы, лежащие в основе event-со-бытия.

В-третьих, организация мероприятий в формате клуба строится с учетом принципа взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения, письма) и имеют коммуникативную направленность.

Анализ результатов работы интерклуба «Глобус» с 2021 по 2023 г. позволяет сделать вывод, что нами верно для успешного взаимодействия был выбран формат event-мероприятий.

Деятельность интерклуба «Глобус» представляет собой целый комплекс лингвострановедческих интерактивных занятий: межкультурный коммуникативный тренинг, мастер-классы; игры, праздники и т.д.

При проведении мероприятий в рамках интерклуба мы реализовывали событийный подход, включая в каждое занятие элементы интерактивности, которые помогают создать непринужденное общение, вызвать положительную мотивацию. Выполнение интерактивных заданий было коллективным (всеми присутствующими) или в мини-группах по 4–5 человек, состоящих из российских и иностранных студентов.

Подобные формы коммуникации (совместное выполнение заданий российскими и иностранными студентами) была продуктивной и в ходе творческих игровых заданий, которые также являются обязательными характеристиками образовательного события практики event-технологии. Так, российские студенты, организаторы event-события, включили игровые элементы, которые способствовали раскрепощению участников, снятию напряжения и тревожности (игры «Назови растение», «Снеговик», «Парад фразеологизмов» и др.).

Перечисленные формы работы способствовали возникновению диалога между участниками мероприятия, иностранные студенты вступали в коммуникацию, говорили на русском языке, осуществлялся процесс аккультурации, в ходе которого идет присвоение новых лингвистических и культурных кодов, ценностей и поведенческих норм не только иностранными студентами, но и российскими. Выполнение заданий происходило в атмос-

фере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволило не только получить новые знания, но и развить наиболее высоком уровне формы сотрудничества.

Одной из важных характеристик деятельности интерклуба «Глобус» как event-события является реализация воспитательной и социокультурной функций event-технологии. Проведение каждого занятия интерклуба имело высокую лингвострановедческую ценность, включало большое количество материалов, знакомящих: с одной стороны, с культурой, традициями, обычаями народов России; с другой стороны, с культурой, традициями тех стран, откуда приехали иностранные студенты.

Например, мероприятие «Новый год в России» знакомило не только с традициями празднования нового года в нашей стране (новогодние песни, святочные гадания, салат «Оливье» как национальное новогоднее блюдо), но и участники праздника узнали про новогодние традиции в Таджикистане: на новогоднем столе обязательно жареное мясо с картошкой, таджикские мантыс тыковой, кабурга (рулетики из бараньей вырезки), самбуса (лозные пирожки с начинками), пилита (аджикский аналог хвороста) и пашмак (таджикская сахарная халва с мукой).

В ходе «Многоязычного песенно-поэтического флешмоба «Языков много – страна одна» звучали песни, стихи на таджикском, русском, марийском, татарском языках, проводилась дегустация и знакомство с этимологией названий десертов разных национальных кухонь (хворост, халва, чак-чак, набот, рахат-лукум).

Подобный межкультурный обмен позволяет российским и иностранным студентам стать равноправными партнерами в межкультурном диалоге, приобщает к национальной российской культуре, знакомит с культурами этносов, проживающих на территории Республики Башкортостан (русских, башкир, татар, узбеков, таджиков, казахов и др.).

Выводы

Анализируя проведенные образовательные события (мероприятия), разработанные на основе event-технологии, и опыт работы интерклуба «Глобус» в 2021–2023 гг., можно признать данную форму взаимодействия между российскими и иностранными студентами успешной и перспективной.

Отзывы российских и иностранных студентов о мероприятиях, проводимых членами интерклуба «Глобус», и сравнение результатов анкетирования подтверждают, что применение event-технологий в клубной деятельности является действенной и эффективной формой успешной социокультурной адаптации данной группы обучающихся.

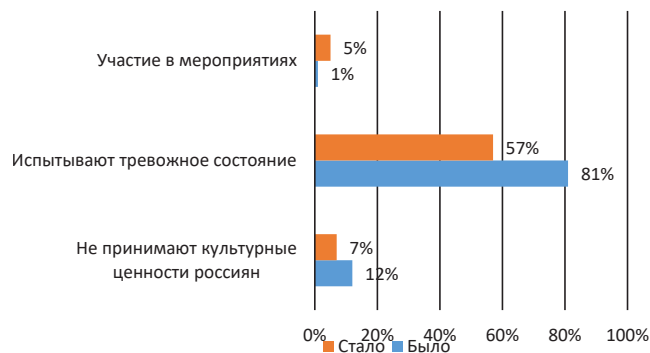

Рис. 2.

Положительным моментом деятельности взаимодействия с иностранными студентами в рамках нефор-

мального общения является и снижение уровня неприятия условий российского социума (традиций, норм, ценностей): снизилось количество иностранных студентов (при первом опросе их было 12%, которые не принимали культурные нормы и ценности, характерные для большинства россиян), то при повторном анкетировании только 7% не принимают ни россиян, ни страну. Кроме того, данные опроса свидетельствуют, что данная группа студентов готова знакомиться с культурными достижениями и традициями нашего региона (участвовать в экскурсиях, посещать музеи и театры и т.д.). Сравнительные данные приведены на рис. 2.

Еще одним показателем успешной работы интерклуба можно считать повышение успеваемости иностранных студентов, которые систематически участвовали в его мероприятиях. Динамика представлена на рис. 3.

Успеваемость студентов

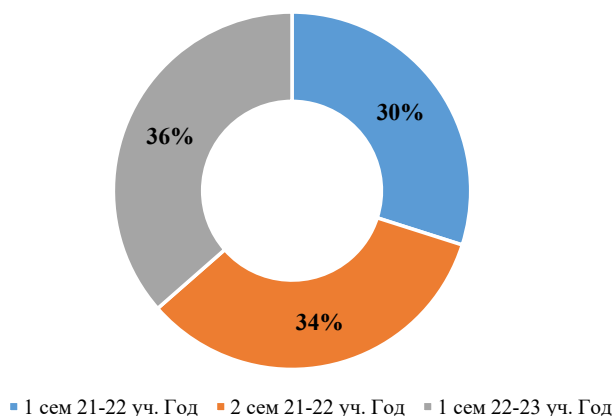

Рис. 3.

Работа интерклуба «Глобус» по социокультурной и языковой адаптации образовательных мигрантов в течение двух лет позволила представить и обобщить опыт внеучебного взаимодействия российских и иностранных студентов и рассмотреть возможность участия в грантах с целью организовать на более высоком уровне с привлечением большего количества студентов.

Работа, проделанная в рамках исследования данной проблемы, наши интерпретации и объяснения нуждаются в дальнейшем изучении и разработки возможных форм работы с иностранными студентами в рамках социокультурной и языковой адаптации. Проект носит экспериментальный характер, что позволяет совершенствовать его деятельность, учитывая потенциальные риски и слабые стороны.

Литература

1. Литвиненко И.А., Герасимова В.А. Event-технологии как инструмент реализации социально-культурных

проектов в креативных индустриях // Вестник МГУ-КИ. – 2018. – № 2(82). – С. 181–190.

2. Методические рекомендации об организации работы общеобразовательных организаций по оценке уровня языковой подготовки обучающихся несовершеннолетних иностранных граждан. – Москва, 2022. – 44 с.
3. Приоритет-2030. Программа развития БашГУ | Башкирский государственный университет (bashedu.ru). – URL: <https://bashedu.ru/prioritet-2030-programma-razvitiya-bashgu> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Ямалетдинова А.М., Батухтин И.Ю., Лысова А.И. Современные тренды по работе с образовательными мигрантами в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2022. – Т. 5 (№ 5). – С. 20–30.

“EVENT-TECHNOLOGIES” AS A TOOL FOR IMPLEMENTING EXTRA-CURRICULAR AND LEISURE ACTIVITIES OF EDUCATIONAL MIGRANTS (BASED ON THE EXAMPLE OF INTERCLUB WORK)

Lysova O.V., Yamaletdinova A.M., Batukhtin I.Y., Lysov O.I.

Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology, Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to the issues of adaptation of educational migrants studying in Russian universities. The authors analyze the results of the interclub's work as an extracurricular form of interaction between Russian and foreign students for the purpose of social and linguistic adaptation of foreign students studying at the Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology. The article provides examples of the work of the interclub, whose classes were conducted on the basis of using event technology techniques. The results obtained in the course of the study allow us to conclude about the effectiveness of organizing and conducting event events based on interactive communication.

Keywords: adaptation, educational migrants, event technologies, interclub.

References

1. Litvinenko I.A., Gerasimova V.A. Event-Technologies as a Tool for the Implementation of Socio-Cultural Projects in Creative Industries // Vestnik MGUKI. – 2018. – № 2(82). – P. 181–190.
2. Methodical recommendations on the organization of the work of general educational organizations to assess the level of language training of underage foreign citizens. – Moscow, 2022. – 44 p.
3. Priority-2030. BashSU Development Program | Bashkir State University (bashedu.ru). – URL: <https://bashedu.ru/prioritet-2030-programma-razvitiya-bashgu> (accessed: 10.12.2023).
4. Yamaletdinova A.M., Batukhtin I.Yu., Lysova A.I. Sovremennye trendy po raboty s obrazovatel'nykh migrantami v ramkakh realizatsii programma strategicheskogo akademicheskogo liderstva “Prioritet-2030” [Modern trends in working with educational migrants within the framework of the implementation of the program of strategic academic leadership “Priority-2030”]. – 2022. – Т. 5 (No. 5). P. 20–30.

К вопросу о трудовой занятости в моногородах России: управленческий аспект

Агвердиев Джавид Муса оглы,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: jois2211@bk.ru

В представленной публикации анализируется вопрос, касающийся гарантий занятости населения в моногородах, который имеет свои истоки в исторически сложившихся подходах к развитию урбанистических структур, когда городские агломерации ориентировались на однонаправленное производство специфических товаров или услуг. Данная моноспециализация приводит к высокой степени зависимости от ключевых промышленных предприятий, образующих градообразующий каркас моногородов. Следствием такой зависимости является повышенный риск массовой безработицы при сокращении деятельности или закрытии данных предприятий по экономическим или иным причинам. Отсутствие диверсификации источников занятости делает моногорода особенно уязвимыми к экономическим колебаниям и изменениям в операциях ведущих компаний. Цель данного исследования – проанализировать проблематику безработицы в моногородах России и определить дальнейшие пути развития. Для достижения поставленной цели предлагается комплекс мер, включающий как радикальное обновление устаревших промышленных объектов, так и создание новых производственных мощностей с одновременным развитием социальной инфраструктуры. Важно подчеркнуть, что ситуация на рынке труда в моногородах оказывает непосредственное влияние не только на экономическое развитие регионов, но и играет ключевую роль в формировании социально-политической стабильности в стране.

Ключевые слова: моногород, моно-территория, социально-экономические проблемы, трудовая занятость, безработица.

Введение

Классификация моногородов производится на основе оценки социальных и экономических условий жизни населения и включает в себя три типа поселений с одним градообразующим предприятием, различающихся по степени стабильности:

1. Моногорода, находящиеся в сложных условиях (условно обозначаются как красная зона), где социально-экономическое напряжение оказывает негативное воздействие на качество жизни населения;
2. Города монопрофильного типа, находящиеся под угрозой деградации социально-экономической сферы (классифицируемые как территории среднего уровня риска или «желтая зона»), в которых прослеживается повышенная вероятность усугубления социально-экономических вызовов;
3. Монопрофильные города со стабильным социально-экономическим статусом (определяемые как «зеленая зона»), характеризующиеся устойчивыми и благополучными условиями для жизнедеятельности населения.

Классификация моногородов определяется некоторыми факторами, например:

- состояние градообразующего предприятия определяется стабильностью производства, а также уровнем занятости сотрудников;
- уровень безработицы представляет собой сравнение среднего показателя безработицы в моногородах с общенациональной статистикой;
- мнение местных жителей является оценкой материального и социального аспектов качества жизни с помощью опросов и тестирования.

Как указывают исследователи Ермилина Д.А., Санталова М.С., Соклакова И.В., Бор В.Н., применение данной классификации способствует анализу текущего положения отдельных городов и прогнозированию социально-экономических траекторий развития в разнообразных регионах [6, с. 10].

Безработица предполагает, что большая часть трудоспособного населения не занимается производством товаров или оказанием услуг. В современной России безработица является очень серьезной экономической проблемой. Данная ситуация появляется на рынке труда, когда человек имеет возможность и желание работать, однако не может применить трудовые навыки. Таким образом предложение рабочей силы превышает ее спрос.

Показатель безработицы используется для в качестве одного из ключевых показателей экономического благосостояния. Так же безработица является не только экономическим, но и политическим, а также социальным явлением с определенными негативными последствиями, такими как: утрата квалификации работника, повышение уровня преступности, снижение общего уровня жизни населения. Безработица также приводит к увеличению уровня алкоголизма, наркомании и социальной напряженности в обществе.

Причинами безработицы в России можно назвать такие факторы как: кризисное экономическое состояние

в стране, в том числе кризис в производственной сфере; недостаточное количество рабочих мест и их сокращение; демографический кризис; низкий уровень оплаты труда; отсутствие достойного социального пакета; понижения спроса на товары и, как следствие, уменьшение объема производства. За последние несколько лет появились дополнительные факторы, усугубляющие проблему безработицы, например, повышение пенсионного возраста, сокращение штатов а также экономическая банкротство некоторых предприятий во время эпидемии COVID-19. Все вышеперечисленные факторы, так или иначе, способствуют росту безработицы в стране.

Результаты

Несколько лет назад на фоне безработицы появились новые обстоятельства, которые обострили ситуацию: реформа пенсионной системы с увеличением возрастных лимитов, сокращение численности работников и ликвидация многих предприятий во время глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Эти факторы напрямую или косвенно способствуют ухудшению ситуации с занятостью населения или поддерживают тенденцию к её дальнейшему усугублению.

Органы занятости активно занимаются регистрацией граждан, находящихся в поиске работы, а также оказывают содействие в их трудоустройстве. В аналитической деятельности применяется концепция «умеренного уровня безработицы», предполагающая, что до достижения определенной отметки (4,5–4,7%), указанное состояние может иметь положительные последствия для экономики, такие как активизация бизнес-инициатив, увеличение эффективности труда и стимулирование экономического роста.

В современной политической обстановке Россия столкнулась с введением международных санкций, которые негативно сказались на ключевых предприятиях моногородов, подрывая устойчивость трудоустройства. Ограничительные меры усугубили условия функционирования критически важных отраслей, ограничив их экспортные возможности из-за индивидуальных санкций. Введенные ограничения на экспорт и импорт необходимых ресурсов и оборудования привели к дополнительному ухудшению ситуации. Наиболее сильно пострадали моногорода, специализирующиеся на лесозаготовке, поскольку их основная деятельность была направлена на экспорт в Европу, текущие политические отношения с которой нестабильны.

Металлургическая промышленность также столкнулась с серьезными трудностями, вынуждена была сократить объемы производства из-за снижения спроса как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Падение спроса обусловлено уменьшением строительной активности в стране и затруднениями в автомобильной отрасли, что в совокупности привело к ухудшению инвестиционного климата. «Уральский регион, являющийся сердцем российской металлургии, и его крупные моногорода оказались перед лицом риска сокращения рабочих мест и снижения качества жизни населения» [5, с. 100]. В то же время, для металлургической отрасли существуют перспективы стабилизации благодаря наличию спроса в странах Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона, несмотря на возможное удорожание продукции вследствие изменений в логистических схемах.

«Эволюция в сторону общества, основанного на цифровых технологиях, которая происходит на пересечении трансформаций в сфере коммуникаций и изменений в мотивации рабочей активности, оказала значительное влияние на структуру трудового рынка в Российской

Федерации.» [4, с. 522]. Градообразующие предприятия взаимодействуют с населением и учреждениями экономической и социальной сфер на муниципальном уровне. Такое взаимодействие довольно проблематично в моногородах, так как их развитие зависит от градообразующих предприятий. Это приводит к обострению проблемы безработицы.

Одной из особенностей моногородов является узкая специализация центральных предприятий. Это является причиной формирования многопрофильной занятости. Кроме того, рынок труда в таких местах характеризуется структурной безработицей, которая сохраняется из-за ограниченности сфер применения рабочей силы и особенностей функционирования градообразующих предприятий. Для устранения безработицы необходим комплексный подход. Для решения этой задачи принимаются определенные меры, например: создан Фонд развития моногородов. Целью его создания является уменьшения зависимости населения моногородов от градообразующих предприятий. Также предложены планы национальных проектов, направленных на развитие и модернизацию территорий таких населенных пунктов.

Главным решением проблемы отсутствия трудоустройства у населения моногородов является модернизация социальных и экономических аспектов жизни данных населенных пунктов. Подобные стратегии способствуют расширению спектра трудового рынка и снижению односторонней экономической зависимости от доминирующих предприятий. «Фокусировка на укреплении человеческих ресурсов в моногородах представляется критически важной для преодоления проблем, связанных с обеспечением занятости» [7, с. 4]. Адресация вопроса безработицы требует комплексного применения финансово-экономического анализа в моногородах, акцентированных на промышленном производстве. Оптимальным считается ангажирование предпринимательских кругов в кооперации с органами местного самоуправления и, при обоснованной необходимости, при поддержке со стороны федерального правительства. Существенно также привлечение профессиональных союзов или делегатов рабочего сообщества, равно как и учет позиций социальных организаций, чьи взгляды могут предоставить дополнительную ценность. Основной задачей является выявление направлений для будущего развития. На данный момент существует множество различных вариантов развития:

1. Поиск инвестора, готового вложить средства в развитие моногорода. Это поможет стать населенному пункту более жизнеспособным и устойчивым;
2. Инициирование возникновения множества мелких предприятий взамен центрального производственного узла подразумевает выполнение детального экономического исследования. Такой подход необходим для определения возможности релокации имеющихся трудовых ресурсов в пользу поддержания операций нескольких меньших субъектов хозяйствования. Указанные субъекты должны обладать способностью к проникновению на внутренний и международный рынки с их продукцией или услугами, обеспечивая тем самым свою конкурентоспособность. Процесс разработки и реализации данной стратегии должен опираться на тщательное обоснование и планирование. Пространства производственных площадей, цехов или оборудования, находящиеся в распоряжении, могут быть адаптированы под нужды малого бизнеса.

В контексте большинства моногородов, трудовой потенциал которых сложился в период советской эпохи,

следует отметить специфику формирования кадрового состава, ориентированного на узкоспециализированную деятельность при создании городов-предприятий. Эта особенность продолжает оказывать влияние на структуру трудового рынка современной России, формируя условия монополии [9, с. 152]. В небольших городах существуют несколько вариантов решения проблем безработицы:

- Поддержка развития малого и среднего бизнеса, что увеличит количество рабочих мест и уменьшит зависимость от ключевых предприятий;
- Стимулирование развития образовательных программ, в том числе программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации;
- Работа вахтовым методом. Такой график работы считается менее социально приемлемым, однако этот вариант поможет работникам в будущем уехать из моногородов, так как работа вахтовым методом дает возможность работать определенное время в отдаленных от дома местах, после чего работники получают время для отдыха и возвращения домой.

Тем не менее, в анализе безработицы очень важно принимать во внимание не только стандартные индексы, но также и феномен латентной безработицы, особенно распространённый в небольших населённых пунктах. Часто жители таких городов вынуждены искать занятость вне своего места жительства или прибегать к сезонным видам деятельности. Адекватное понимание этих аспектов имеет решающее значение для корректного восприятия текущего положения на рынке труда и для формирования целенаправленных поддерживающих стратегий. В результате возникают такие последствия, как демографические дисбалансы, дефицит квалифицированной рабочей силы, включая управленческие кадры, и заметное падение привлекательности для инвестиций [8, с. 81]. Жители моногородов, как правило, являются профессионалами, имеющими большой опыт работы в различных отраслях промышленности, а также специалистами с высшим образованием. Мощный потенциал, которым они обладают, может быть использован в сложных социально-экономических условиях таких территорий. «В рамках Государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения», которая неоднократно реформировалась, предусмотрены мероприятия по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, которые реализуются на условиях софинансирования из региональных бюджетов» [2, с. 317].

В моногородах существует несколько возможностей для заработка. Например, организация совместных закупок. Это дает возможность не только зарабатывать комиссионные, но также получать доступ к товарам для повседневных нужд по выгодным ценам. Другим вариантом может быть работа во фрилансе в удаленном формате. Такая работа обеспечивает гибкий график, а также стабильный доход. Еще одной возможностью заработка может быть создание интернет-магазина. В последнее время появился новый востребованный вид заработка – модерация. Современное общение часто происходит в сети, и опытные модераторы необходимы для поддержания форумов и групп в социальных сетях. Еще одной возможностью заработка является смешивание разных видов онлайн-работы. Например, совмещение работы копирайтера и модератора, а также работа в интернет-магазине. Для программистов хорошей возможностью заработка может быть создание сайтов и контента для них, а блогеры могут зарабатывать на рекламе.

Самозанятость, включая создание малых предприятий, является перспективным направлением в современ-

ном обществе, кроме того, данная деятельность поддерживается различными государственными программами. Тем не менее, продажа товаров и услуг на локальном рынке иногда сталкивается с определёнными трудностями. В этом контексте важно прибегнуть к использованию цифровых платформ для реализации продукции через интернет-магазины и привлечения потенциальных покупателей. Поддержка государства, направленная на усиление производительной мощности бизнеса, играет ключевую роль [3, с. 56].

Исследование, выполненное Фоминым М.В., Смирновой О.О., и Мирязовой Т.Р., сосредоточено на анализе моногородов Уральского федерального округа. Авторы выделяют три основные категории таких городов, каждая из которых иллюстрирует уникальные стратегии развития и управления. Первая категория – модель «управляемого сжатия», включает города, где целью является сокращение численности населения через переселение при сохранении занятости и социальных гарантий. Двум городам Уральского округа отводится роль представителей данной категории. Вторая категория – «социальный баланс», ориентирована на развитие самоорганизации населения и совместные инициативы с целью повышения качества жизни и социальной поддержки, в УФО под эту категорию подпадает 19 моногородов. Третья категория, описывающая моногорода «диверсифицированного роста», подчеркивает необходимость использования индустриального потенциала и сотрудничества с предприятиями соседних городов, к этой категории относятся 16 моногородов региона [10, с. 182].

Заключение

По результатам исследования Антоновой О.А., Колесник Е.А., Масленниковой Е.В. и Нурмухаметовой М.И., были идентифицированы наиболее востребованные формы альтернативной занятости среди активного населения моногородов, включая [1, с. 141]:

- Работу с адаптивным расписанием, позволяющую индивидуально управлять рабочим временем и совмещать профессиональные обязанности с личной жизнью;
- Дистанционную работу, обеспечивающую возможность трудоустройства из дома благодаря развитию цифровых технологий и избавляющую от необходимости длительных поездок;
- Временные трудовые контракты, предоставляющие гибкость и разнообразие в профессиональной деятельности и возможность регулярно менять сферу работы;
- Совместительство, предусматривающее одновременное выполнение нескольких рабочих ролей или занятие различными должностями для расширения профессионального спектра и увеличения дохода.

Менее привлекательными являются формы альтернативной занятости, предполагающие наличие специфических навыков и глубоких знаний. Такая ситуация может быть обусловлена ограниченными возможностями для получения специализированного образования или высокими требованиями, которые оказываются трудно-выполнимыми для отдельных категорий граждан.

В этом контексте, государственная поддержка, направленная на обеспечение занятости населения в моногородах, не должна ограничиваться исключительно усилением финансово-экономического положения градообразующих предприятий. Учитывая, что экономические санкции выявили риск снижения стратегической устойчивости при избыточной зависимости от данных предприятий, необходимость в развитии альтернатив-

ных экономических направлений для обеспечения устойчивого развития моногородов становится очевидной.

Литература

1. Антонова О.А., Колесник Е.А., Масленникова Е.В., Нурмухаметова М.И. Нестандартные формы занятости населения моногорода в контексте прекаризации труда // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10(456). С. 134–144.
2. Балтина А.М., Штырхунова О.С. Финансирование мероприятий активной политики занятости населения // Вестник Академии знаний. 2022. № 53(6). С. 316–320.
3. Белёв С.Г. Территории опережающего развития как инструмент поддержки предприятий в российских моногородах / С.Г. Белёв, В.В. Ветеринаров, Г.С. Козляков, О.В. Сучкова // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25, № 6. – С. 54–67. – DOI 10.26794/2587–5671–2021–25–6–54–67.
4. Бобков В.Н., Одегов Ю.Г., Гарнов А.П. Регулирование неустойчивой занятости в моногородах // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 2. С. 522–534.
5. Боровицкая М.В., Шнайдер О.В. К актуальным вопросам приоритетных направлений и подходов к развитию МСП в моногородах // Экономические науки. 2023. № 6(223). С. 95–103.
6. Ермилина Д.А., Санталова М.С., Соклакова И.В., Бор В.Н. Моногорода в России и проблемы их развития // Российский экономический интернет-журнал. 2023. № 2. С. 1–15.
7. Зеленов Е.В. Технологии обеспечения гарантированной занятости населения моногорода // Политконсультант. 2021. Т. 1. № 1. С. 1–9.
8. Куликова А.В., Михайлова В.В., Клемянич Ю.Ю., Теодорович М.Л. Особенности занятости населения в моногороде на примере города Павлово Нижегородской области // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 78–90.
9. Пятшева Е.Н. Социальная структура занятости в условиях моногородов России // Социология. 2021. № 5. С. 150–156.
10. Фомин М.В., Смирнов О.О., Мирязов Т.Р. Моногорода Уральского федерального округа: матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 171–192.

ON THE ISSUE OF EMPLOYMENT IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF RUSSIA: MANAGERIAL ASPECT

Agverdiev Dzh.M.

Russian State Social University

This publication analyzes the issue of guarantees of employment in single-industry towns, which has its origins in historical approaches

to the development of urban structures, when urban agglomerations were focused on the unidirectional production of specific goods or services. This monospecialization leads to a high degree of dependence on key industrial enterprises that form the urban framework of single-industry towns. The consequence of this dependence is an increased risk of mass unemployment when activities are reduced or these enterprises are closed for economic or other reasons. Lack of diversification of employment sources makes single-industry towns especially vulnerable to economic fluctuations and changes in the operations of leading companies. The purpose of this study is to analyze the problem of unemployment in single-industry towns in Russia and determine further development paths. To achieve this goal, a set of measures is proposed, including both a radical renovation of outdated industrial facilities and the creation of new production facilities with the simultaneous development of social infrastructure. It is important to emphasize that the situation on the labor market in single-industry towns has a direct impact not only on the economic development of the regions, but also plays a key role in the formation of socio-political stability in the country.

Keywords: mono-city, mono-territory, socio-economic problems, labor employment, unemployment.

References

1. Antonova O.A., Kolesnik E.A., Maslenikova E.V., Nurmuhametova M.I. Non-standard forms of employment in the population of a mono-city in the context of labor precarization // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 10(456). P. 134–144.
2. Baltina A.M., Shtyrkhunova O.S. Financing of active employment policy measures for the population // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022. No. 53(6). P. 316–320.
3. Belyov S.G. Territories of advanced development as a tool to support enterprises in Russian mono-cities / S.G. Belyov, V.V. Veterinarov, G.S. Kozlyakov, O.V. Suchkova // Finance: Theory and Practice. – 2021. – Vol. 25, No. 6. – P. 54–67. – DOI 10.26794/2587–5671–2021–25–6–54–67.
4. Bobkov V.N., Odegov Y.G., Garnov A.P. Regulation of unstable employment in mono-cities // Economy of the Region. 2020. Vol. 16, issue 2. P. 522–534.
5. Borovitskaya M.V., Schneider O.V. To the current issues of priority directions and approaches to the development of SMEs in mono-cities // Economic Sciences. 2023. No. 6(223). P. 95–103.
6. Yermilina D.A., Santalova M.S., Soklakova I.V., Bor V.N. Mono-cities in Russia and their development problems // Russian Economic Internet Journal. 2023. No. 2. P. 1–15.
7. Zelenov E.V. Technologies for ensuring guaranteed employment of the population of a mono-city // Politconsultant. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 1–9.
8. Kulikova A.V., Mikhailova V.V., Klemyatich Y.Y., Teodorovich M.L. Features of population employment in a mono-city on the example of the city of Pavlovo, Nizhny Novgorod region // Population. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 78–90.
9. Pyatsheva E.N. The social structure of employment in the conditions of mono-cities of Russia // Sociology. 2021. No. 5. P. 150–156.
10. Fomin M.V., Smirnov O.O., Miryazov T.R. Mono-cities of the Ural Federal District: a risk matrix for development // Issues of State and Municipal Management. 2022. No. 3. P. 171–192.

Вызовы глобализации в постпандемическую эпоху и под влиянием военных факторов

Ван Сюеян,

магистр 1 курса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: exploreworld@qq.com

Пандемия COVID-19 изменила представление о глобализации, поставив перед ней новые задачи, которые лишь усложнились из-за вооруженных конфликтов, разразившихся в разных частях мира в последующие годы. В данном исследовании рассматривается сложная динамика глобализации в постпандемическую эпоху с особым акцентом на влияние военных факторов. *Методика исследования* – благодаря всестороннему анализу научной литературы, эмпирических данных и тематических исследований в данном исследовании выявляются и изучаются связанные между собой проблемы, возникающие на стыке глобализации и военного влияния. Ключевыми областями исследования являются экономическая устойчивость, геополитическая напряженность, технологическая зависимость и глобальная безопасность здравоохранения. Кроме того, в исследовании изучаются последствия военных интервенций, оборонных стратегий и геополитического соперничества для процесса глобализации, выясняется их влияние на торговые потоки, цепочки поставок и дипломатические отношения.

Ключевые слова: глобализация, постпандемическая эпоха, военные факторы, вызовы, взаимосвязанная динамика, адаптивные стратегии, геополитическая напряженность.

Введение

Исторический процесс глобализации показал, что ключевыми переменными в ее развитии являются крупные экзогенные событийные потрясения. Великие географические открытия и три промышленные революции были внешними силами, которые инициировали и ускорили глобализацию.

Революции были внешними силами, которые инициировали и ускорили глобализацию, в то время как Великая депрессия и две мировые войны прервали процесс глобализации, инициированный Великобританией, и положили конец системе глобального управления под руководством этой страны. После Второй мировой войны Соединенные Штаты стали доминировать на новом этапе глобализации. После окончания Холодной войны неолиберальный порядок достиг своего пика, а широта и глубина глобализации достигли рекордных значений.

После финансового кризиса 2008 года недостатки суперглобализации стали выходить на первый план, а противоречия между глобализацией и глобальным управлением стали нарастать по экспоненте. В последние годы в США и других западных странах стало проявляться накопившееся неравенство в распределении общественных благ, по всему миру усилилось недовольство глобализацией.

Рост популизма, протекционизма вызвал движение против глобализации и положил начало крупнейшим в истории торговым трениям. Когда глобальное управление, основанное на многостороннем подходе, переживало не лучшие времена, мир поразила внезапная вспышка коронавирусной инфекцией – COVID-19.

Эта эпидемия – редкий кризис, охвативший почти все страны и регионы мира в короткий промежуток времени. Будучи устойчивой экзогенной переменной, эпидемия COVID-19 не только привела к значительным потерям, но и создала постоянную угрозу безопасности человека. Она затруднила движение глобальных факторов производства и серьезно подорвала способность мировой экономики справляться с последствиями эпидемии.

Методы

Для проведения данного исследования был выбран широкий спектр общенаучных методов, включая сравнительный и исторический анализ, структурно-логический метод, а также метод теоретического исследования. Последний основывается на комплексном анализе, сравнении, конкретизации и синтезе имеющейся информации. Этот комплексный подход позволяет выявить изменения в общемировом процессе глобализации, произошедшие после пандемии COVID-19.

Результаты

В истории было много случаев, когда заболевания приводили к масштабным катастрофам, а массовое вымирание людей вызвало распад обществ и целых государств. История становления Западной Европы и европейская колониальная экспансия были прямым или косвенным результатом воздействия эпидемий прошлого.

Влияние эпидемии COVID-19 на мир – это прежде всего нарушение экономической глобализации. Вопрос лишь в том, является ли влияние эпидемии на глобализацию временным и обратимым или долгосрочным и невозстановимым процессом. Председатель КНР Си Цзиньпин отмечал, что экономическая глобализация – это необратимая историческая тенденция, объективное требование развития общественных производительных сил и неизбежный результат научно-технического прогресса []. Формирование и развитие экономической глобализации должно удовлетворять трем важным условиям – технологическому прогрессу, рыночной экономике и национальной открытости.

Наука и техника – это система знаний и практический метод применения этих знаний. Технологический прогресс необратим, так как технологии прогрессируют и совершенствуются вместе с развитием человечества. Рыночная экономика – это социальная система, спонтанно возникшая и созданная людьми в процессе долгосрочной экономической деятельности. Как великое нематериальное изобретение человечества, рыночная экономика является экономической системой, принятой подавляющим большинством стран мира и обладающей долгосрочной стабильностью. Национальная открытость является важным параметром внешней политики страны. Суверенные государства обычно рассматривают степень открытости с учетом своих общих интересов, распределения прав и интересов между внутренними сторонами и группами интересов, а также относительных выгод от открытости для других стран. Поэтому национальная открытость, как правило, обладает определенной степенью эластичности, а политика открытости крупных держав становится ключевым фактором, определяющим скорость и масштабы глобализации. В последние годы волна антиглобализации в основном связана с сокращением открытой политики США в отношении торговли, инвестиций и человеческого капитала.

Следует признать, что краткосрочный удар по экономической глобализации, нанесенный COVID-19, был разрушительным. Некоторые ученые утверждают, что эпидемия стала последней каплей, ускорив процессы, которые происходили до. 2 Другие утверждают, что эпидемия ЦП ускорит развитие глобализации, но основы глобализации останутся неизменными.3

Чтобы оценить влияние эпидемии на глобализацию, следует учитывать несколько факторов. Первое – это воздействие на торговлю. Торговля – старейшая и наиболее распространенная экономическая связь в мире, а расширение мировой торговли – традиционная отличительная черта глобализации. После финансового кризиса 2008 года и усиления протекционизма темпы роста международной торговли снизились, а доля торговли в ВВП сократилась. После 2011 года рост торговли был ниже роста ВВП в течение девяти лет подряд. Торговые трения между Китаем и США не улучшили ситуацию. Во время пандемии многие страны ввели ограничительные меры в торговле, что привело к сбоям в работе торгового транспорта, сокращению торговых заказов и резкому снижению масштабов торговли.

Глобальное расширение промышленной цепочки – основная черта нынешнего этапа глобализации. После финансового кризиса Соединенные Штаты стали уделять внимание возвращению обрабатывающей промышленности в ответ на недостатки вытеснения промышленности, и расширение промышленной цепочки было ограничено до определенной степени. Новая эпидемия коронавируса напрямую затронула производственные сети

Восточной Азии, Европы и Северной Америки, вызвав значительные сбои в производстве. 5

Примечательно, что нарушение промышленных цепочек под воздействием эпидемии может стимулировать рыночное поведение, связанное с репатриацией и перемещением промышленности, в то время как риск чрезвычайного разъединения рынков усиливается политической эксплуатацией, вызывая обеспокоенность международного сообщества по поводу уязвимости существующих промышленных цепочек.

Основы системы внутрипроизводственного разделения труда, созданной за последние десятилетия, пошатнулись. Глобальные цепочки создания стоимости, в которых раньше доминировали транснациональные предприятия из развитых западных стран, в будущем претерпят резкое сокращение масштабов.

Международные прямые инвестиции (МПИ) являются основой глобализации капитала. После финансового кризиса под влиянием протекционизма международные инвестиции продолжают снижаться, как и глобальные трансграничные слияния и поглощения. Торговая война между Китаем и США усилила ограничения на инвестиции из Китая.

В будущем ради стабильности, безопасности и автономии цепочки добавленной стоимости крупные экономические державы будут принимать меры по стимулированию развития, ориентированного на внутренний рынок, и ограничивать трансграничные инвестиции своих предприятий.

Новая эпидемия коронавируса подстегнула рост цифровой глобализации и одновременно нанесла удар по традиционной экономике (рис. 1). Так называемая «бесконтактная экономика» – социальные сети, платформы электронной коммерции, электронная торговля, «умная» логистика – получили широкое распространение. Это позволяет сделать вывод, что форма глобализации претерпит значительные изменения в будущем, а ее трансформация – это и есть новый вызов времени.

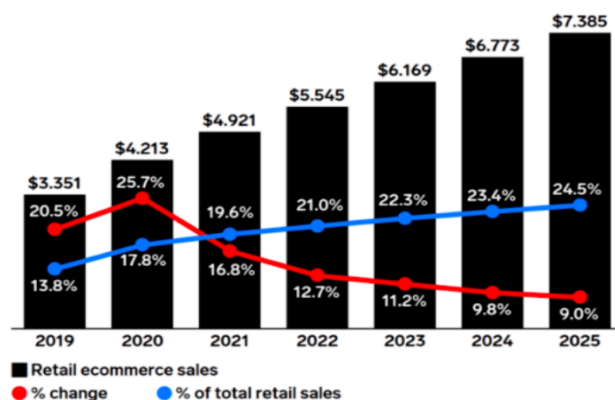

Рис. 1. Динамика электронной коммерции с 2019 по 2025 годы

Большинство глобальных проблем проистекает из глобализации, без которой не было бы соответствующего глобального управления; эти два явления представляют собой неразрывное и единое целое.

Если глобализация – это объективная историческая тенденция и продукт развития производительных сил до определенной стадии, то глобальное управление – это скоординированная система управления, построенная на основе глобализации в ответ на требования этого исторического развития. Пандемия COVID-19 потребовала, прежде всего, сотрудничества всех стран в борьбе с эпидемией, координируемого Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), что является одним из основных принципов глобального управления. Однако мы

не увидели глобальной координации и согласованности действий, которые должны быть.

США использовали эпидемию, чтобы заклеймить, дискредитировать Китай, оказывая давление на международные институты с голословными обвинениями о причастности Китая к распространению COVID-19 по всему миру. Это была попытка политизировать научные вопросы и вынести обвинительный вердикт Китаю с целью создать путаницу в совместной глобальной борьбе с эпидемией. В то время, когда глобальное сотрудничество было наиболее необходимо, эпидемический кризис обострил конфликт между странами. С предвзятым отношением пришлось столкнуться и России, которая первая создала вакцину от коронавирусной инфекции, но не смогла ее запатентовать в первых рядах, так как ВОЗ отказывала ей в этом по надуманным предлогам. Противостояние Запада и Востока усилилось в последующие годы. Война между Россией и Украиной нарушила торговые потоки, цепочки поставок и инвестиционные схемы, особенно в регионе, непосредственно затронутом конфликтом. Мир был на грани глобального продовольственного кризиса, так как обе страны – крупнейшие мировые производители и экспортеры зерна. Военный конфликт привел к значительным колебаниям мировых цен на продовольствие. Такая же участь постигла энергоносители, стоимость которых в Европе кратно увеличилась после начала войны. Конфликт обострил геополитическую напряженность между Россией и западными странами, что привело к усилению политической поляризации и дипломатическому противостоянию. Это стало барьером на пути международного сотрудничества. Санкционное давление на Россию и страны, помогающие ей обходить препятствия в торговле (КНР, КНДР, Сербия, Иран, Казахстан, Турция), также приводят к более ожесточенному противостоянию.

Конфликт может нарушить технологическое сотрудничество и зависимость, особенно в таких отраслях, как аэрокосмическая, оборонная и кибербезопасность. Ограничения на передачу технологий и опыта между Россией, Украиной и другими странами могут препятствовать инновациям и технологическому прогрессу, влияя на глобальную технологическую интеграцию. Война между Россией и Украиной создает значительные проблемы и неопределенности в процессе глобализации, влияя на экономическую, политическую и социальную динамику на региональном и глобальном уровнях. Под угрозой достижения оказались даже цели устойчивого развития, намеченные ООН.

Для управления и смягчения этих последствий требуются согласованные усилия международного сообщества, направленные на укрепление мира, стабильности и сотрудничества в регионе и за его пределами.

Заключение

В заключение следует отметить, что трансформационные силы XXI века, катализируемые пандемией COVID-19 и усугубляемые войной между Россией и Украиной, привели глобализацию на новую неизведанную территорию. Становится все более очевидно, что в будущем мы станем свидетелями появления новых форм и парадигм, в том числе – параллельной глобализации.

Война между Россией и Украиной стала рычагом для объединения антизападных сил, борющихся с западно-центричными моделями глобализации. Этот альянс, возглавляемый Китаем и Россией, стремится бросить вызов доминирующей западной концепции будущего на макро-, мезо- и микроуровнях и создать ей противовес. Мир все больше расходится в видении глобаль-

ного порядка. В будущем конкурирующие видения будут бороться за господство. Центральное место в этой борьбе будет занимать столкновение между авторитарными и демократическими принципами, каждый из которых предлагает различные интерпретации того, что представляет собой продуктивное глобализованное общество. Эта идеологическая борьба выходит за рамки простой экономической интеграции и охватывает более широкие понятия участия общества, управления и прав человека. Соперничество между этими двумя глобализациями основывается на различном понимании обществ, основанных на участии, и реформ, необходимых для их реализации.

Литература

1. Дин Сюэлян. Несколько великих эпидемий изменили историю западной цивилизации. *People's Digest*, № 6, 2003, с. 54–55.
2. Роберт Гилпин. Глобальная политическая экономия: интерпретация международного экономического порядка, перевод Ян Югуан. Шанхайское народное издательство, издание 2006 года, стр. 137–155.
3. Чэнь Вэйгуан и Лю Бинь. Рациональное познание экономической глобализации и глобального экономического управления: аналитическая схема, основанная на концепции сообщества человеческих судеб, *Общественные науки*, № 7, 2020, с. 24–34.
4. Коноплева И.А., Коноплева В.С. Процессы глобализации в условиях пандемии // *The Scientific Heritage*. 2021. № 58–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-globalizatsii-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 25.02.2024).
5. Максимова Е. В, Морозов В.В. COVID-19 и глобализация // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/covid-19-i-globalizatsiya> (дата обращения: 25.02.2024).
6. Zhang Y, Sun F, Huang Z, Song L, Jin S, Chen L. Predicting the impact of the COVID-19 pandemic on globalization. *J Clean Prod*. 2023
7. Qadeer A., et al. Sustainable development goals under threat? Multidimensional impact of COVID-19 on our planet and society outweigh short term global pollution reduction. *Sustain. Cities Soc*. 2022;83
8. Ibn-Mohammed T., et al. A critical analysis of the impacts of COVID-19 on the global economy and ecosystems and opportunities for circular economy strategies. *Resour. Conserv. Recycl*. 2021
9. Ivanov, D. Predicting the impacts of epidemic outbreaks on global supply chains: a simulation-based analysis on the coronavirus outbreak (COVID-19/SARS-CoV-2) case – ScienceDirect. *Transport. Res. E: Log. Transport. Rev.* vol. 136.
10. Yang M., Chen L., Msigwa G., Tang K.H.D., Yap P.-S. Implications of COVID-19 on global environmental pollution and carbon emissions with strategies for sustainability in the COVID-19 era. *Sci. Total Environ*. 2022
11. Bickley, S.J., Chan, H.F., Skali, A. et al. How does globalization affect COVID-19 responses?. *Global Health* 17, 57 (2021)
12. Vlado, Charis & Chatzinikolaou, Dimos. (2024). Russo-Ukrainian War and the emerging new globalization: a critical review of relevant research. *The Japanese Political Economy*. 1–23.
13. Benedikter, Roland. (2022). The New Global Direction: From “One Globalization” to “Two Globalizations”? Russia’s War in Ukraine in Global Perspective. *New Global Studies*

CHALLENGES OF GLOBALIZATION IN THE POST-PANDEMIC ERA AND UNDER THE INFLUENCE OF MILITARY FACTORS

Wang Xueyang

Moscow State University

The COVID-19 pandemic changed the perception of globalization, presenting it with new challenges that were only made more complex by the armed conflicts that erupted in different parts of the world in the following years. This study examines the complex dynamics of globalization in the post-pandemic era with a special focus on the impact of military factors. Research Methodology – Through a comprehensive analysis of scholarly literature, empirical data and case studies, this study identifies and explores the interrelated issues that arise at the intersection of globalization and military influence. The key areas of study are economic sustainability, geopolitical tensions, technological dependence, and global health security. In addition, the study examines the implications of military interventions, defense strategies, and geopolitical rivalries for globalization, elucidating their impact on trade flows, supply chains, and diplomatic relations.

Keywords: globalization, post-pandemic era, military factors, challenges, interconnected dynamics, adaptive strategies, geopolitical tensions.

References

1. Ding Xueliang. Several great epidemics changed the history of Western civilization. *People's Digest*, No. 6, 2003, p. 54–55.
2. Robert Gilpin. *Global Political Economy: An Interpretation of the International Economic Order*, translated by Yang Youguang. Shanghai People's Publishing House, 2006 edition, pp. 137–155.
3. Chen Weiguang and Liu Bin. Rational knowledge of economic globalization and global economic management: an analytical scheme based on the concept of the community of human destinies, *Social Sciences*, No. 7, 2020, p. 24–34.
4. Konopleva I.A., Konopleva V.S. Globalization processes in a pandemic // *The Scientific Heritage*. 2021. No. 58–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-globalizatsii-v-usloviyah-pandemii> (date of access: 02.25.2024).
5. Maksimova E. V., Morozov V.V. COVID-19 and globalization // *Innovations and investments*. 2020. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/covid-19-i-globalizatsiya> (date of access: 02.25.2024).
6. Zhang Y, Sun F, Huang Z, Song L, Jin S, Chen L. Predicting the impact of the COVID-19 pandemic on globalization. *J Clean Prod*. 2023
7. Qadeer A., et al. Sustainable development goals under threat? Multidimensional impact of COVID-19 on our planet and society outweigh short term global pollution reduction. *Sustain. Cities Soc.* 2022;83
8. Ibn-Mohammed T., et al. A critical analysis of the impacts of COVID-19 on the global economy and ecosystems and opportunities for circular economy strategies. *Resour. Conserv. Recycl.* 2021
9. Ivanov, D. Predicting the impacts of epidemic outbreaks on global supply chains: a simulation-based analysis on the coronavirus outbreak (COVID-19/SARS-CoV-2) case – *ScienceDirect. Transport. Res. E: Log. Transport. Rev.* vol. 136.
10. Yang M., Chen L., Msigwa G., Tang K.H.D., Yap P.-S. Implications of COVID-19 on global environmental pollution and carbon emissions with strategies for sustainability in the COVID-19 era. *Sci. Total Environ.* 2022
11. Bickley, S. J., Chan, H. F., Skali, A. et al. How does globalization affect COVID-19 responses?. *Global Health* 17, 57 (2021)
12. Vlado, Charis & Chatzinikolaou, Dimos. (2024). Russo-Ukrainian War and the emerging new globalization: a critical review of relevant research. *The Japanese Political Economy*. 1–23.
13. Benedikter, Roland. (2022). The New Global Direction: From “One Globalization” to “Two Globalizations”? Russia's War in Ukraine in Global Perspective. *New Global Studies*

Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) на фоне трансформации мирового порядка: российское и китайское освещение проблемы

Ван Фурс Цзыи,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО)
E-mail: v.tszyi@gmail.com

На Западе Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) часто называют «вторым НАТО», считая ее своего рода преемником Организации Варшавского договора, только на этот раз во главе с Китаем. Однако, китайские и российские аналитики склонны видеть в ШОС не военную организацию, противодействующую альянсу во главе с США, а залог системы будущего мирового порядка, что подтверждается достижениями и успехами данной организации, которая превратилась в реальный стабилизирующий фактор не только регионально, но и глобального развития. В данной статье описывается история происхождения ШОС и анализируются подходы Китая и России как стран, являющихся лидерами организации к проблеме конструирования нового миропорядка. Какой мир лучше: однополярный или многополярный? И Россия, и Китай на этот вопрос дают однозначный ответ. Автор статьи также считает, что именно многополярный мир может ответить на вызовы глобальной и региональной безопасности и позволить государствам развиваться с учетом равноправия и национальных интересов.

Ключевые слова: Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), мировой порядок, однополярный мир, многополярный мир, Россия, Китай.

С 1990-х годов прошлого столетия идет дискуссия о мировом порядке, которая концентрируется на таких вопросах, как выстраивание взаимодействия между ведущими мировыми державами в решении основных глобальных и макрорегиональных проблем, число и статус великих держав, их роль в политических и экономических процессах общества. В рамках этой дискуссии особое значение приобретает Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), которая, став в начале XXI века самым амбициозным проектом, сегодня представляет собой одну из ведущих международных организаций. Данная организация «приобрела существенные позиции и авторитет на континенте Евразия за счет формирующегося взаимного доверия между государствами-участниками, взаимовыгодного сотрудничества, равноправия в отношениях, уважения культурного многообразия, стремления к совместному развитию» [1, с. 28]. Год от года не только международный авторитет ШОС заметно повышается, но к данной организации все более и более привлекается внимание со стороны коллективного Запада, который существенно опасается влияния ШОС в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где США все еще пытаются сохранить свою гегемонию.

В процессе реализации проектов Шанхайской Организации Сотрудничества, особенно тех, которые направлены на переход от однополярного к многополярному миру, играет особую роль сотрудничество России и Китая – держав, занимающих лидирующую позицию в ШОС. Несмотря на то, что «интересы России и Китая при создании ШОС пролегали по параллельным векторам» [7, с. 126], в настоящее время у обоих государств много точек соприкосновения. В первую очередь, Россия и Китай развивают активное сотрудничество в сфере противодействия старым принципам глобального мироустройства, построенным на позициях США, оспаривать которые не принято. Участие Китая и России в организации позволяет обеим странам не только вносить вклад в обеспечение мира и стабильности, став влиятельными региональными игроками, но и разрушить внешнеполитическую концепцию «однополярного мира» с доминированием «права сильного», выдвинутую США и странами Евросоюза, предложив выстраивать отношения между всеми странами в контексте «сообщества единой судьбы человечества».

ШОС как структура, изначально объединяющая Китайскую Народную Республику и Российскую Федерацию со стратегически важными для них государствами Центральной Азии, официально была заявлена как организация с широким спектром целей, задач и направлений сотрудничества. Чтобы адекватно оценить эту структуру, необходимо попытаться восстановить первоначальную идею, вложенную государствами-членами в ШОС при ее создании, и проследить изменения в их подходах к организации с момента ее формирования и развития. В этом случае представляется целесообразным сосредоточиться на интересах и позициях в ШОС двух влиятельных акторов международных отношений – Китая и России, которые в значительной степени и определили направление эволюции ШОС.

Предпосылки к созданию Шанхайской организации сотрудничества были заложены ещё в 80-е годы XX ве-

ка, когда СССР и КНР начали переговоры, связанные с проблемой советско-китайского раскола, длящегося несколько десятилетий. После распада Советского Союза в «диалог» с Китаем и Российской Федерацией вступили ставшие независимыми бывшие советские республики Центральной Азии. Урегулировав все территориальные и приграничные вопросы и установив между собой дипломатические отношения, пять государств (Российская Федерация, КНР, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) приступили к дальнейшему развитию регионального сотрудничества [4].

Собравшись в 1996 году в Шанхае, главы пяти государств положили начало «шанхайской пятерки», из которой и выросла к началу нового тысячелетия Шанхайская Организация сотрудничества, членами которой являются в настоящее время девять государств.

Со стороны КНР развитие инициатив по сотрудничеству в формате «Шанхайской пятерки» в первой половине 1990-х годов проходило на фоне усиления многосторонней дипломатии. Предложенный Дэн Сяопином принцип «не высовываться, а быть в тени» стал ключевым для политики КНР. Но уже в это время Китай официально выдвигает такую формулу мироустройства: «Одна сверхдержава, много сильных держав», что является китайской трактовкой принципа многополярности. Однако, во второй половине последнего десятилетия XX века эта формула виноизменилась, прозвучав как «еще более сильная сверхдержава и ослабление сильных держав». Подобная ситуация привела к тому, что «нахождение в тени» уже не могло гарантировать Китаю полной безопасности. Перед руководством страны встала проблема легитимности участия КНР в новых внешнеполитических проектах. Официально такой шаг был сделан на XV съезде КПК в 1997 году, провозгласившем Китай «державой, ответственной за судьбы мира». Эта новая международная роль КНР, по словам эксперта Китайской академии общественных наук Цзян И, означала растущее желание КНР «участвовать в поддержке международной и региональной стабильности» [10, с. 15–16].

Именно в контексте возможностей Китая по решению растущей проблемы безопасности происходило усиление китайской многосторонней дипломатии в Центральной Азии, что идеологически соответствовало официальным партийным концепциям: таким как «развитие Китая неотделимо от мира» и «Китаю необходима благоприятная международная обстановка у своих границ» [10, с. 16].

Китайское руководство приняло новую концепцию безопасности в марте 1997 года на региональном форуме Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

По словам эксперта из Китайского национального университета обороны Хуана Ичже, новая концепция безопасности стала воплощением китайской идеи «нового регионализма» – синтеза уважения суверенитета, комплексной (политической, экономической и военной) безопасности и сотрудничества на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и координации, который объединил бы страны с разными политическими системами, традициями и ценностями и основывался бы на практических интересах сотрудничающих стран, прежде всего в сфере торгово-экономических, а не военно-политических отношений [9, с. 992]. Таким образом, предложенная Китаем формула международного сотрудничества изначально носила внеблоковый характер, но была ориентирована на взаимную выгоду и экономические интересы.

В апреле 1997 года эти принципы новой концепции безопасности (взаимное доверие, взаимная выгода, ра-

венство и сотрудничество) были включены в российско-китайскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка.

Можно сказать, что сотрудничество «Шанхайской пятерки» на основе вышеобозначенных принципов, предложенных Китаем, было обусловлено политикой единственной в то время мировой сверхдержавы (США), вмешивающейся во внутренние дела других государств и диктующей свою волю всем без исключения странам мира.

В России движение к многополярному миру было оформлено в доктринах после 1996 года. И здесь очень важно сделать акцент на отношениях России и Китая, в которых во второй половине 1990-х годов неизменно прослеживалось стремление к формированию нового, многополярного, международного порядка как ответ на «новое проявление политики НАТО», попытки «расширения и укрепления военного союза» [НАТО] и тенденцию к «установлению примата силы над международным правом» [10, с. 19]. Положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов» [5, с. 539], был зафиксировано непосредственно в концепции внешней политики Российской Федерации только в 2000 году. При этом российские инициативы на саммитах «Шанхайской пятерки» носили не идеологический, как у представителей КНР, а четкий практический характер: в интересах России было ускорить проведение встреч министров обороны и совещаний глав силовых ведомств. Это означало, что интересы России в «пятерке» сосредоточены на сфере безопасности.

После вступления В.В. Путина в должность президента России формирование «многополярной системы международных отношений» продолжало занимать ключевое место в российской внешнеполитической доктрине. Система международных отношений того времени, когда обострились проблемы безопасности, преобразование «Шанхайской пятерки» в более крупную организацию представлялось необходимым шагом.

С 13 по 15 июня 2001 года в Шанхае прошла встреча глав государств «Шанхайского форума». Тогда пять стран-участниц приняли в состав организации Узбекистан. На этом же саммите Шанхайская теперь уже «шестерка» была преобразована в Шанхайскую Организацию Сотрудничества.

Образование ШОС в июне 2001 года стало поворотным пунктом не только в ускорении регионального сотрудничества со странами Центральной Азии, но и в организации многосторонней международной деятельности.

Президент Владимир Путин четко сформулировал российскую точку зрения на ШОС: российская сторона предпочитает рассматривать формирующуюся организацию как «воплощение концепции безопасности через сотрудничество» [10, с. 19]. Месяц спустя консенсус по ШОС был официально закреплен в российско-китайском «Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», согласно которому Россия и Китай обязались «укреплять стабильность, создавать атмосферу взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям», содействовать «усилиям по созданию в этих районах соответствующих многосторонних механизмов безопасности и сотрудничества» [3].

Необходимо отметить, что страны ШОС не ставили перед собой задачу создать Военно-политический союз.

Но им удалось достичь существенного прогресса в обеспечении безопасности в Центрально-Азиатском регионе и сдержать дестабилизирующее вмешательство извне. Тем самым сформировались благоприятные предпосылки для развития политического и экономического сотрудничества в регионе [12].

В рамках сотрудничества по линии ШОС российская и китайская стороны четко обозначили свою позицию, касающуюся новых принципов построения мирового порядка.

Согласно официальной позиции КНР, Китай сам будет идти по пути мирного развития и другим странам указывать путь к мирному сосуществованию. Все международные споры и конфликты, по мнению китайских экспертов, можно разрешить путем мирных переговоров, конструктивного диалога. Даже с Соединенными Штатами такой диалог возможен, несмотря на то, что США по-прежнему отказываются от принципов многополярного мира. Российская сторона поддерживает эту точку зрения, считая «право наций на самоопределение» важным критерием многополярного мира.

Российские эксперты подчеркивают, что в настоящее время Китай и Россия имеют сильные рычаги влияния и вполне могут использовать ШОС для более активного противостояния Америке. Однако они предпочли другой вариант, позволяющий не делать из ШОС «диктатора», а превратить ее в организацию, оказывающую стабилизирующее влияние далеко за пределами пределы Центральной Азии. Россия и Китай пришли к единому знаменателю, что ШОС не будет играть роль прямого оппонента альянсу, которым руководит США.

Создание Шанхайской организации сотрудничества – важнейшее событие в международной политической жизни. Спустя 20 лет после своего создания в июне 2001 года, ШОС стала крупнейшей организацией регионального сотрудничества в мире, охватывающей три пятых территории Евразийского континента с населением более трех миллиардов человек. Создание ШОС имеет огромное значение для укрепления мира и безопасности, процветания и развития как в Центральной Азии, Евразии, так и во всем мире.

Однако, у США и у многих стран Евросоюза очень настороженное отношение к ШОС. Большинство стран – оппонентов Китая и России – с подозрением относятся к этой организации, считая, что ШОС – это противовес НАТО. На самом деле это не так. Китайские и российские эксперты пытаются доказать мировой общественности, что ШОС не является военным блоком, а сосредоточена на вопросах безопасности.

Китай и Россия от имени ШОС заявляют, что и в дальнейшем будут

- укреплять взаимное доверие и добрососедство между государствами-членами организации;
- содействовать эффективному сотрудничеству в области политики, торговли, экономики, науки, технологий, культуры, образования, энергетики, транспорта, туризма, охраны окружающей среды и других областях;
- прилагать совместные усилия для поддержания и обеспечения мира, безопасности и стабильности в регионе и на планете в целом;
- продвигаться к созданию нового международного демократического, справедливого, политического и экономического, порядка (ШОС, 2021). Что касается организации и функционирования [11, с. 187].

Основопологающая причина, по которой ШОС и сегодня сохраняет свою жизнеспособность и становится влиятельной региональной международной организацией в условиях изменения международной обстановки

в последние десятилетия, – это новая теоретическая основа международных отношений, на которую неизменно опирается ШОС с момента своего образования, под названием «Шанхайский дух» [11, с. 188].

«Шанхайский дух» – это атмосфера взаимного доверия, выгоды, равноправия, стремления к решению вопросов путем консультаций, уважения к многообразию цивилизаций и движения к совместному развитию. Только благодаря «Шанхайскому духу» странам – членам организации удалось найти подходящий путь совместного развития и возможности решения самых сложных проблем в межгосударственных отношениях [6].

«Шанхайский дух» – это духовная родина ШОС, «уникальный источник планомерного развития этой организации, а также важный ориентир для развития отношений между государствами, противостояния глобальным угрозам и вызовам и урегулирования международных разногласий.

«Шанхайский дух» сформировался еще в период «Шанхайской пятерки». Двумя важными документами, имеющими огромное значение в начале XXI века были «Соглашение об укреплении военного доверия в приграничных районах» (1996) и «Соглашение о взаимном сокращении военных сил в приграничных районах» (1997), подписанные Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Подписав эти документы, государства, позже объединившиеся в ШОС, отказались от сотрудничества «посредством силы», подчеркнув важность многостороннего сотрудничества в области безопасности на основе общих интересов, положив тем самым начало «Шанхайскому духу» [11, с. 188].

10 ноября 2020 года на заседании Совета глав государств-членов ШОС председатель Си Цзиньпин выступил с речью, которая называлась «Укрепление Шанхайского духа, углубление солидарности и взаимодействия в скреплении сообщества единой судьбы».

- Приоритетными целями ШОС Си Цзиньпин называет
- обеспечение безопасности и стабильности во имя общей безопасности;
 - углубление практического сотрудничества в интересах совместного развития;
 - содействие сближению народов на благо культурно-гуманитарных обменов.

Первый пункт особенно важен, поскольку, по словам лидера КНР, «безопасность и стабильность являются важнейшей предпосылкой развития страны, в них кроются коренные интересы всех стран» [8]. Си Цзиньпин считает, что «следует придерживаться концепции общей, комплексной, совместной и устойчивой безопасности, адекватно реагировать на разные угрозы и вызовы, создавать благоприятную обстановку для поддержания региональной безопасности» [8].

Российские исследователи считают, что в деятельности ШОС очевидна тенденция к тому, чтобы эта организация стала единственной, обладающей правом на разрешение конфликтов и военное присутствие. Согласно терминологии ШОС, «в зоне своей ответственности». Совместная (и без внешнего вмешательства) борьба с сепаратизмом и терроризмом стала одним из главных факторов заинтересованности России и Китая в создании ШОС, т.к. обе державы сталкиваются с подобными проблемами [2]. Но все же «мирный план» развития международных отношений у обеих стран в приоритете. И этот «план» не терпит однополярности, ибо там, где отношения между государствами выстраиваются с учетом подавления одних стран другими, так называемыми «сверхдержавами», нет будущего. В связи с этим участие Китая и России в ШОС следует рассматривать как

средство противодействия какой бы то ни было глобальной гегемонии.

Литература

1. Балакин В.И. Новая роль ШОС в Евразии // Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы. – М.: ИДВРАН, 2021. – С. 26–36.
2. Бутаков Я. Шанхайский проект // URL: <http://www.globoscope.ru/content/articles/867>.
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901792686>.
4. Комиссина И.Н. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2005. – 117 с.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. // Системная история международных отношений: В 4-х томах. 1918–2003. Т. 4. Документы / Под ред. А.Д. Богатурова. – М., 2004. – С. 538–539.
6. Почему теория «Шанхайского духа» обладает мощной жизненной силой // URL: <https://rg.ru/2020/11/08/pochemu-teoriia-shanhajskogo-duha-obladaet-moshchnoj-zhiznennoj-siloi.html>
7. Сафронова Е.И. Роль и место России и Китая в решении политических и экономических проблем ШОС // Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы. – М.: ИДВРАН, 2021. – С. 123–135.
8. Си Цзиньпин. Укрепление Шанхайского духа, углубление солидарности и взаимодействия в скреплении сообщества единой судьбы // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202011/t20201111_857966.html.
9. Chien-Peng Chung. The Shanghai Cooperation Organisation: China's Changing Influence in Central Asia // The China Quarterly. – 2004. – № 180. Pp. 992.
10. The Shanghai Cooperation Organisation and Central Asia's Security Challenges / Ed. A.A. Rozanov. – Almaty – Minsk – Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces and Foreign Policy and Security Research Centre, 2013. – 160 p.
11. Yamei X., Mwadi Makengo B. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects // Open Journal of Social Sciences. – 2021. – № 9. – С. 184–200
12. Yefremenko D. Transformation of the mission of the Shanghai cooperation organization and new political dynamics in Greater Eurasia // Russia and the Moslem World. – 2019. – № 3 (305). – С. 69–81.

SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO) ON THE BACKGROUND OF THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER: RUSSIAN AND CHINESE COVERAGE OF THE PROBLEM

Van Furs Tszyi

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)

In the West, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) is often referred to as a “second NATO”, considering it a kind of successor to the Warsaw Treaty Organization, only this time led by China. However, Chinese and Russian analysts tend to see the SCO not as a military organization counteracting the US-led alliance, but as a pledge of the system of future world order, which is confirmed by the achievements of this organization, which has become a real stabilizing factor not only in regional but also in global development. This article describes the history of the origin of the SCO and analyzes the approaches of China and Russia as leaders of the organization to the problem of constructing a new world order. Which world is better: unipolar or multipolar? Both Russia and China give an unambiguous answer to this question. The author of the article also believes that it is the multipolar world that can respond to the challenges of global and regional security and allow states to develop with equal rights and national interests.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization (SCO), world order, unipolar world, multipolar world, Russia, China.

References

1. Balakin V.I. The new role of the SCO in Eurasia // Cooperation between Russia and China in the interests of ensuring the security of the SCO geopolitical space: problems and prospects. – Moscow: IDVRAN, 2021. – Pp. 26–36.
2. Butakov Ya. Shanghai Project // URL: <http://www.globoscope.ru/content/articles/867>.
3. Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901792686>.
4. Komissina I.N. Shanghai Cooperation Organization: a New Reality. – Moscow: Russian Institute for Strategic Studies, 2005. – 117 p.
5. Conception of Foreign Policy of the Russian Federation. Moscow. June 28, 2000 // Systemic History of International Relations: In 4 Volumes. 1918–2003. Vol. 4. Documents / Edited by A.D. Bogaturov. – Moscow, 2004. – Pp. 538–539.
6. Why the theory of “Shanghai Spirit” has a powerful vitality // URL: <https://rg.ru/2020/11/08/pochemu-teoriia-shanhajskogo-duha-obladaet-moshchnoj-zhiznennoj-siloi.html>.
7. Safronova E.I. Role and place of Russia and China in solving political and economic problems of the SCO // Cooperation between Russia and China in the interests of security of the SCO geopolitical space: problems and prospects. – Moscow: IDVRAN, 2021. – Pp. 123–135.
8. Xi Jinping. Strengthening the Shanghai spirit, deepening solidarity and cooperation in cementing the community of common destiny // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202011/t20201111_857966.html.
9. Chien-Peng Chung. The Shanghai Cooperation Organisation: China's Changing Influence in Central Asia // The China Quarterly. – 2004. – № 180. Pp. 992.
10. The Shanghai Cooperation Organisation and Central Asia's Security Challenges / Ed. A.A. Rozanov. – Almaty – Minsk – Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces and Foreign Policy and Security Research Centre, 2013. – 160 p.
11. Yamei X., Mwadi Makengo B. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects // Open Journal of Social Sciences. – 2021. – № 9. – С. 184–200
12. Yefremenko D. Transformation of the mission of the Shanghai cooperation organization and new political dynamics in Greater Eurasia // Russia and the Moslem World. – 2019. – № 3 (305). – С. 69–81.

Принципы человекоцентричности в современной России: социально-философский анализ

Самольянов Олег Александрович,

главный эксперт Лаборатории исследований человекоцентричности и лидерских практик Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ
E-mail: osamolyanov@hse.ru

В контексте существующего в России и мире тренда на человекоцентричность в статье проводится анализ принципов человекоцентричности, зафиксированных в международном стандарте ISO. Принимается во внимание определение России как государства-цивилизации и формулировка присущих ее гражданам традиционных ценностей, сформулированных в Указах Президента РФ. Статья обращает внимание на то, что для более полного понимания человекоцентричности требуется более четкое понимание того, с какой точки зрения в этом понятии рассматривается человек. Обсуждаются примеры философского, социологического и психологического взгляда на человека. Делаются выводы относительно российского и международного подходов к пониманию человека на основе анализа российских традиционных ценностей и принципов человекоцентричности, зафиксированных в стандарте ISO. Ставится вопрос о необходимости более четкого определения этого понятия, которое должно соответствовать России как государству-цивилизации и существующим актуальным вызовам, стоящим перед страной.

Ключевые слова: государство-цивилизация, традиционные ценности, мотивация, человекоцентричность, социальная стратификация, социальная мобильность, базовые желания, мотивационный профиль, нозтическое измерение.

На фоне растущих геополитических вызовов и демографической ситуации в Российской Федерации вопрос отношения к человеку приобретает особую актуальность, как в бизнес среде, так и на уровне государства. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в 2019 году на заседании наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей» отмечал, что «Очень важно, и чего я хотел бы добиться от людей, работающих в муниципалитетах, в регионах РФ, чтобы задачи, решаемые этими административными структурами в интересах людей, решались вместе с людьми» [1]. А Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин в ежегодном отчете Правительства в Государственной Думе в 2020 году назвал первой из пяти ценностей работы Правительства «...выстраивать все сервисы государства вокруг потребностей людей. Действовать открыто, вести диалог на основе взаимного уважения и доверия» [2]. Госкорпорация «Росатом» выступила инициатором создания «Альянса человекоцентричных организаций» [3].

Человекоцентричность является не только российским, но и мировым трендом. Текущий управленческий дискурс в России относительно человекоцентричности организаций во многом опирается на международный стандарт ISO 27500:2016 [4] (русскоязычная версия – ГОСТ Р ИСО 27500), согласно которому «человекоцентричная организация включает в себя 7 основных принципов: 1) использование индивидуальных различий в качестве преимущества организации; 2) установление в качестве стратегических целей организации удобства использования и доступности продукции; 3) применение общего системного подхода; 4) применение в качестве приоритетов деятельности обеспечения здоровья, безопасности и благополучия людей; 5) осознание ценности персонала и создание условий для его значимой работы; 6) открытость и доверие; 7) социальная ответственность во всех действиях» [5]. Здесь важно отметить, что масштаб одной, даже очень крупной организации и государства сильно отличаются, как и связанные с этим отличиями задачи.

Одновременно с этим мы наблюдаем изменение парадигмы российской государственности. В Указе Президента РФ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации сказано: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [6].

Для более глубокого понимания приведенной цитаты требуется определение понятия «государство-цивилизация». Обратимся к статье «Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура», опубликованной в журнале «Образование и право», № 9

за 2023 год. Коллектив авторов предлагает следующее определение: «Государство-цивилизация представляет собой самобытное и самодостаточное общество как систему, которая состоит из ряда подсистем и управляется из единого политического центра. Ведущей подсистемой государства-цивилизации являются духовные ценности и самоидентичность народов, его населяющих. Создателем и основным субъектом государства-цивилизации является не верховная власть, но народ или суперэтнос, в терминологии Л.Н. Гумилева» [7 с. 86]

Очевидным следующим шагом будет определить духовные ценности, которые, согласно приведенному выше определению, являются ведущей подсистемой такого государства-цивилизации. Ответ на этот вопрос дается в Указе Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В Указе сказано, что «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

К традиционным ценностям Указ относит «...жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [8].

В задачу данной статьи входит проанализировать существующие принципы человекоцентричности на соответствие текущему российскому контексту, определяемому программными для Российской Федерации документами и инициативами, и поставить вопрос о формировании концепции человекоцентричности, отражающей российскую специфику в глобальном масштабе и актуальные вызовы, стоящие перед страной.

Простое сравнение принципов из стандарта ISO зафиксированных в Указе № 809 ценностей показывает, что в стандарте трудно найти соответствие таким ценностям, как «патриотизм», «приоритет духовного над материальным», «историческая память и преемственность поколений». Очевидно, что часть различий возникает из-за того, что стандарт ISO описывает человекоцентричную организацию, тогда как традиционные ценности рассматриваются как способ самоидентификации народа. Однако, даже коммерческая организация (не говоря уже о структурах государственного управления) действует на территории страны, а ее сотрудники, как правило, являются гражданами этой страны и частью ее народа. В связи с этим возникает вопрос: используя понятия «челоцентричность» или «фокус на человеке», какого человека мы имеем в виду?

Логично было бы предположить, что в Российской Федерации имеет смысл фокусироваться на человеке, который исповедует определенные Указом Президента РФ традиционные ценности. Что, в свою очередь, вызовет еще целый ряд вопросов: «Как быть с людьми, которые не исповедуют этих ценностей или исповедуют не все, являясь при этом гражданами РФ?» и «Существует ли такой человек, который искренне в каждый момент времени исповедует все перечисленные в Указе № 809 ценности, или Указ описывает некий идеал,

к которому нужно стремиться?» С нашей точки зрения эти вопросы имеют высокую актуальность и требуют широкой общественной и научной дискуссии, которая позволит наиболее активной и думающей части населения осознать и осмыслить свою связь с традиционными российскими ценностями.

Приведем несколько примеров того, как определяет человека философия, психология и социология.

Философский подход

Немецкий философ, один из основоположников философской антропологии Макс Шелер (Max Scheler, 1874–1928) в своей статье «Человек и история» говорит о «...пяти основных типах самопонимания человека, ... которые еще доминируют ... в западноевропейском культурном круге» [9 с. 73]. Первый тип – это религиозная антропология, которая есть «очень сложный результат взаимного влияния ... Ветхого Завета, античной религиозной истории и Евангелия» [9 с. 74]. Второй тип – это «самая громадная и чреватая последствиями находка в истории человеческой самооценки... это – идея “homo sapiens”, выраженная прежде всего Анаксагором, Платоном и Аристотелем». Согласно ей, «... человеческому роду должно быть присуще *специфическое деятельное начало*, свойственное только ему, не разложимое на те элементарные начала, которые присущи растительным и животным душам, а именно – разум» [9 с. 76]. При этом, «этот, так называемый разум в человеке рассматривается как частичная функция (позднее – как творение) божественного, ... который все снова и снова порождает этот мир и его порядок – не в смысле творения, но в смысле вечного движения и образования» [9 с. 76]. Третий тип – это «... натуралистические, «позитивистские», позднее также прагматические учения... Это учение о “homo faber” прежде всего вообще отрицает особую специфическую способность человека к разуму. Здесь не приводится существенного различия между человеком и животным, есть лишь степенные отличия; человек есть лишь особый вид животных». Согласно ему, «человек – ... «существо, определяемое влечениями»» [9 с. 80]. «То, что мы называем духом, разумом, не имеет самостоятельного, обособленного метафизического происхождения, ... оно – лишь дальнейшее развитие высших психических способностей, которые мы находим уже у человекообразных обезьян» [9 с. 81]. Четвертая идея на вопрос «что такое человек?» отвечает следующее: «человек – это способный по-настоящему лишь к развитию пустых суррогатов (язык, орудия и т.д.), проживающий в болезненном повышении порога собственной чувствительности свои жизненные свойства и жизнедеятельные проявления дезертир жизни – жизни вообще, ее основных ценностей, ее законов, ее священного космического смысла» [9 с. 86]. И, наконец, пятая теория, восприняв идею Ницше о сверхчеловеке, предполагает в качестве цели «...предельно допустимое повышение ответственности и суверенитета» человека и то, что «предикаты Бога, (предопределение и провидение) следует перенести обратно на человека. ... на ту личность, у которой максимум ответственной воли, цельности, чистоты, ума и могущества» [9 с. 95].

Сравнив описанные Шелером типы самопонимания человека с принципами человекоцентричности из стандарта ISO и сделав оговорку о том, в этом сравнении приходится делать большое количество предположений о значении используемых понятий, мы склоняемся к выводу, что принципы из стандарта ISO более всего соответствуют третьему «позитивистскому» типу понимания человека. Тогда как присутствие среди традиционных ценностей, перечисленных в Указе Президента РФ

№ 809 «приоритета духовного над материальным» дает нам основания думать, что здесь за основу взят второй тип понимания того, что такое человек, то есть идея «*homo sapiens*».

Социологический подход

Согласно Социологическому Энциклопедическому Словарю, человек – это «высшая ступень развития живых организмов на Земле, субъект общественно исторической деятельности и культуры. ... Человек – двойственное существо, природное и общественное» [10]. Поскольку мы ищем не сходства (одной из ценностей является жизнь, а одним из принципов – обеспечение здоровья, безопасности и благополучия людей), а потенциальные различия между концептуальными основами обсуждаемых принципов человекоцентричности и традиционных ценностей, нас будет больше интересовать общественный аспект человеческого существа. Для его описания мы используем теорию социальной стратификации Питирима Сорокина (1889–1968), опубликованную в его работе «Социальная стратификация и мобильность» [11 с. 295]. В ней он вводит такие понятия, как «социальное пространство», «социальное положение» и «социальная стратификация». Он утверждает, что «социальная стратификация – это постоянная характеристика любого организованного общества» [11 с. 307]. а также выделяет следующие основные формы социальной стратификации: экономическая, политическая и профессиональная [11 с. 303].

П. Сорокин также вводит понятия горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, где горизонтальная – «переход индивида ... из одной социальной группы в другую» [11 с. 373], а вертикальная – «те отношения, которые возникают при перемещении индивида ... из одного социального пласта в другой» [11 с. 374].

Принимая во внимание такие инициативы Правительства РФ, как Национальный Проект «Демография» [12] и программу «Время героев» [13], становится очевидным, что Правительство демонстрирует заинтересованность как в горизонтальной, так и вертикальной мобильности, и это происходит не как инициатива «сверху», а как реакция на существующий запрос со стороны общества. Мы не находим связи этой тенденции ни с принципами человекоцентричности, ни с традиционными ценностями. Отсутствие прямой связи с ценностями объяснимо. В своей работе П. Сорокин утверждает, что «В вертикальной мобильности в трех ее основных формах нет постоянного направления ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности и всеобщности» [11 с. 387]. То есть изменения социальной мобильности – это скорее флуктуация, чем направленное движение и ее направление имеет временный ситуационный характер, тогда как традиционные ценности – это нечто устойчивое, их период существования по длительности сравним с периодом существования самого государства-цивилизации, поскольку ценности являются его ведущей подсистемой [7]. Если же рассматривать человекоцентричность как актуальный для нашего времени тренд, то тенденция на повышение уровня социальной мобильности должна быть в нем учтена.

Психологический подход

Исторически подходы к пониманию что такое человек с философской и психологической точки зрения очень сильно пересекаются. Одновременно с этим, их слишком много для того, чтобы качественно перечислить в одной короткой статье. Поэтому мы выбрали более узкую область подхода к пониманию человека (проблему мотива-

ции) и приняли к рассмотрению два примера концепций, имеющих отношение к проблематике данной статьи и демонстрирующих разницу в способах осмысления человека, сходную с обсужденной ранее.

В качестве первого примера нами был выбран американский психолог Стивен Рисс (Steven Reiss, 1947–2016), создатель теории мотивационной чувствительности и концепции «счастья, основанного на ценностях». По его мнению, ему удалось доказать, что:

1. Существует 16 базовых желаний, которые мотивируют каждого человека и определяют его поведение;
2. Эти 16 базовых желаний имеют генетическую природу и их можно проследить также и в животном мире;
3. Этими базовыми желаниями являются:
 - 1) Власть – желание влиять на других.
 - 2) Независимость – стремление к самодостаточности.
 - 3) Любопытство – стремление к знаниям.
 - 4) Принятие – стремление к вовлеченности.
 - 5) Порядок – стремление к организации.
 - 6) Экономия – желание собирать вещи.
 - 7) Честь – желание быть верным своим родителям и наследию.
 - 8) Идеализм – стремление к социальной справедливости.
 - 9) Социальный контакт – стремление к дружескому общению.
 - 10) Семья – желание воспитывать собственных детей.
 - 11) Статус – стремление к социальному положению.
 - 12) Месть – желание отомстить.
 - 13) Романтика – желание секса и красоты.
 - 14) Еда – желание потреблять пищу.
 - 15) Физическая активность – желание упражнять мышцы.
 - 16) Спокойствие – стремление к эмоциональному спокойствию [14 с. 17].

Согласно С. Риссу, каждому из нас соответствует определенный мотивационный профиль, где каждое из базовых желаний выражено до определенной степени. Именно он определяет нашу индивидуальность [14 с. 22].

Важно отметить, что С. Рисс рассматривал базовые желания как психологические нужды, а духовные переживания и религиозность рассматривал не как автономно существующие явления, а выводил из этих генетически заложенных в человеке стремлений. Другими словами, возвращаясь к типам самопонимания человека М. Шелера, мы определенно имеем дело с третьим, «позитивистским» типом.

Интересно также отметить, что такие базовые мотивы как Экономия, Власть и Статус имеют высокий уровень соответствия трем формам социальной стратификации по П. Сорокину: экономической, политической и профессиональной. Это подтверждает идею о том, что в обществе всегда есть определенный процент людей, заинтересованных в возможностях вертикальной социальной мобильности.

Второй пример – концепция логотерапии Виктора Франкла (Viktor Emil Frankl, 1905–1997), австрийского психолога, невролога и философа. Согласно его воззрениям, «Заняв позицию по отношению к соматическим и психическим явлениям, человек поднимается над их уровнем и открывает новое измерение, измерение ноэтических феноменов, ноологическое измерение – в противоположность биологическому и психологическому.

В нем располагаются явления, свойственные только человеку. Можно было бы также назвать это измерение духовным, но, поскольку термин «духовное» имеет религиозный подтекст, лучше его по возможности избегать, ведь то, что мы понимаем под ноологическим измерением, представляет собой антропологический, а не богословский параметр» [15 с. 27]. Применив типологию Шелера, мы увидим, что наличие ноологического измерения, которое отличает человека от животного не в количественном, а в качественном смысле, отправляет нас ко второй типологии, где такое отличие признается за «homo sapiens».

Завершение и выводы

Сопоставляя приведенные выше подходы к пониманию человека в контексте вопроса человекоцентричности и текущей идеологической повестки можно сделать следующие выводы:

1. Принятые в государстве-цивилизации принципы человекоцентричности должны соответствовать ценностям этого государства как его ведущей подсистеме;
2. Используемые в настоящий момент принципы человекоцентричной организации из стандарта ISO 27500:2016 и сформулированные в Указе Президента РФ № 809 ценности с философской точки зрения относятся к разным типам понимания человеком самого себя;
3. Социологический подход к проблеме выявляет отсутствие в существующей концепции человекоцентричности темы социальной мобильности, имеющую в настоящее время особую актуальность;
4. Психологический подход дублирует философскую проблематику, выявляя различия между взглядами на человека как на высокоразвитое животное и как на существо, имеющее «ноэтическое» (духовное) измерение;
5. Вопросы роли, влияния, общественного и научно-осмысления традиционных российских духовно-нравственных ценностей имеют особую актуальность;
6. Опираясь на присутствие в Указе Президента РФ № 809 такой ценности как «приоритет духовного над материальным» и отсутствие среди принципов человекоцентричной организации любого упоминания духовной составляющей и социальной мобильности, существует необходимость сформулировать актуальную для России концепцию человекоцентричности, соответствующую ее базовым ценностям и текущим вызовам.

Литература

1. Заседание наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61726>
2. Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе РФ // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/40074/>
3. <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-vystupil-initsiatorom-sozdaniya-alyansa-chelovekotsentrichnykh-organizatsiy/>, дата обращения 27.03.2024
4. <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:27500:ed-1:v1:en>, дата обращения 17.03.2024
5. https://tiflocentre.ru/download/gost_r_iso_27500.pdf?ysclid=ltvmpfcqpp265602167, дата обращения 17.03.2024

6. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>), дата обращения к ресурсу 26.03.2024
7. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация, понятие, сущность, структура // Образование и право № 9, 2023, с. 80–88
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 26.03.2024)
9. Шелер М. Избранные произведения, Москва, Гнозис, 1994
10. Социологический энциклопедический словарь под ред. Г.В. Осипова, ИНФРА М-Норма, Москва, 1998
11. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество, Москва, Издательство Политической Литературы, 1992
12. <https://xn--80aapampemchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya> (дата обращения 27.03.2024)
13. <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/?ysclid=lu9whh9a2z818507348> (дата обращения 27.03.2024)
14. Reiss S. Who am I? Jeremy P. Tarcher/Putnam, New-York, 2001
15. Франкл В. Воля к смыслу – Москва: Альпина нон-фикшн, 2018

PRINCIPLES OF HUMAN-CENTRICITY IN MODERN RUSSIA: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Samolyanov O.A.

National Research University Higher School of Economics

In the context of the trend towards human-centeredness existing in Russia and the world, the article analyzes the principles of human-centeredness fixed in the ISO international standard. It takes into account the definition of Russia as a state-civilization and the formulation of traditional values inherent in its citizens, formulated in the Decrees of the President of the Russian Federation. The article draws attention to the fact that a fuller understanding of human-centeredness requires a clearer understanding of the point of view from which this concept considers the human being. Examples of philosophical, sociological and psychological views of the human being are discussed. Conclusions are drawn regarding Russian and international approaches to understanding the human being based on the analysis of Russian traditional values and the principles of human-centeredness as stated in the ISO standard. The question is raised about the need for a clearer definition of this concept, which should correspond to Russia as a state-civilization and the existing current challenges facing the country.

Keywords: state-civilization, traditional values, motivation, human-centeredness, social stratification, social mobility, basic desires, motivational profile, noetic dimension.

References

1. Meeting of the Supervisory Board of the ANO “Russia – the Country of Opportunities” // President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61726>, accessed 17.03.2024
2. Annual Report of the Government in the State Duma of the Russian Federation // Russian Government. URL: <http://government.ru/news/40074/> accessed 17.03.2024
3. <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-vystupil-initsiatorom-sozdaniya-alyansa-chelovekotsentrichnykh-organizatsiy/> accessed 27.03.2024
4. <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:27500:ed-1:v1:en>, accessed 17.03.2024
5. https://tiflocentre.ru/download/gost_r_iso_27500.pdf?ysclid=ltvmpfcqpp265602167, accessed 17.03.2024
6. Decree on Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (<http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>), accessed 26.03.2024

7. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. State-civilization, concept, essence, structure // Education and Law № 9, 2023, p. 80–88
8. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022, No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values” <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> accessed 26.03.2024
9. Scheler M. Selected Works, Moscow, Gnosis, 1994
10. Sociological Encyclopedic Dictionary, ed. by G.V. Osipov, INFRA M Norma, Moscow, 1998.
11. Sorokin P. Man. Civilization. Society, Moscow, Publishing House of Political Literature, 1992
12. <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/projects/demografiya> (accessed 27.03.2024)
13. <https://xn-b1aachba0csne6n.xn-p1ai/?ysclid=lu9whh9a2z818507348> (accessed 27.03.2024)
14. Reiss S. Who am I? Jeremy P. Tarcher/Putnam, New-York, 2001
15. Frankl V. The Will to Meaning – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2018

Компаративный анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению модернизации экологического образования: управленческий аспект

Ильичёв Дмитрий Александрович,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: dailv@mail.ru

Фомичева Татьяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет
E-mail: fomitchevatv@mail.ru

Актуальность исследования проблемы экологизации образования обусловлена потребностями практики, прежде всего, потребностями воспитания экологически сознательной, дееспособной личности, внутренне ориентированной на экологосберегающие технологии относительно природы, общества, культуры и человека, как на наиболее весомые и вечные цивилизационных ценностей. Наряду с накоплением значительных общекультурных достояний, общественный прогресс XX века, определяющей чертой которого были развитие науки, техники и технологии, породил ряд глобальных проблем, вне решения которых цивилизация не имеет будущего. В данной статье рассматривается модернизация программ экологического образования (ЭО) через сравнительную призму, уделяя особое внимание управленческим аспектам, которые отличают зарубежные и отечественные подходы. Анализируя разработку учебных программ, в статье выявляются сильные и слабые стороны в этих сферах. Предлагается ряд управленческих решений для отечественных программ, позволяющие перенимать успешные зарубежные модели, в конечном счете направленные на создание более эффективной и действенной системы экологического образования. Цель: провести сравнительный анализ зарубежных и отечественных подходов к модернизации экологического образования. Методы: анализ научной литературы, метод наблюдения, метод сравнения, обобщения и систематизация. Вывод: в зарубежных странах наблюдается более системный подход к модернизации экологического образования, который включает в себя разработку стратегических документов, создание специализированных институтов и программ, а также привлечение различных заинтересованных сторон к участию в этом процессе. В России модернизация экологического образования находится на начальном этапе и носит фрагментарный характер.

Ключевые слова: модернизация экологического образования, управленческий аспект, компаративный анализ.

Введение

Экологическое образование играет решающую роль в воспитании экологической осведомленности и ответственной гражданской позиции. Модернизация программ экологического образования требует эффективных стратегий управления.

В целом экологические угрозы, концентрирующиеся в РФ, кажется перекрывают все возможные нормы и представляют угрозу не только национальной экологической безопасности, но и угрозу экологической безопасности европейских государств. Изменение отношения человека к природе, социуму и к самому себе в экологически безопасном контексте напрямую связано с изменением его сознания, мышления, чувств и воли. Пока эта тема не станет внутренним переживанием человека, ни о каких положительных сдвигах в экологически угрожающей среде не может быть и речи. А это значит, что человека надо обучать, формировать, воспитывать [1].

На наш взгляд, главной причиной этого является не «нехватка средств», а также отсутствие глубокой осознанности угрозы, потребности в ее скорейшей локализации. Необходимо доведение понимания до элементарного чувства и действия экологического образования, как на уровне руководства государством, так и на уровне простых исполнителей. Эта же причина лежит в основе неликвидированных угроз от чрезмерной концентрации экологически опасных производств, устаревшего и неэффективного природоохранного оборудования на завершающих стадиях технологической последовательности, ненадежности технических систем и недостаточной квалификации кадров на предприятиях с повышенным экологическим риском.

Очевидно, подобное имеет место и по решению экологической проблематики в контексте конверсии. Вместе со стремлением некоторых ответственных лиц «заработать на конверсии», экологическая халатность создает угрозы безопасности страны от попыток утилизации боеприпасов, хранящихся в хранилищах в РФ со времен Первой мировой войны.

Экологические ценности должны быть доминантными, опорными, определяющими. Ими должны быть пронизаны все направления и подразделения науки, культуры и образования. Особенно образования, где закладываются основы будущей духовной, знаковой, информационной платформы личности. Экологическое образование является объективной тенденцией развития стран на рубеже веков как ответ на те негативные процессы, которые разрушительно сказываются на природе, социуме, культуре и человеке.

Результаты

Экологическая проблематика всегда была в центре теоретических исследований ученых, философских размышлений мыслителей разных времен и народов. Ее истоки можно отнести к эпохе античности, точнее к знаменитому кредо Гераклита: «кто знает и уважает законы, тот не знает неудачи». «Природа» в данном понимании выступала как основа жизни и развития социального мира; жизнь в соответствии с природой – как тот единственный

способ существования, который обеспечивает гармонию, а не разрушение. Собственно, ничего более точного и существенного по решению экологической ситуации мыслящее мировое сообщество больше не придумало.

Конечно, последующие времена расширили и углубили анализ экологического образования. К экологическому образованию сейчас относится не только «защита природы» и «оптимальное взаимодействие человека с ней», но и «защита предметного мира, культуры, духовного достояния человечества, социальных форм ее жизни и, в конце концов, самого человека как наиболее совершенного существа на земном шаре».

Понятие «экология» (греч. оikos – дом, место жизнеобустройства; жилье; и logos – наука) впервые в научный оборот обоснованно ввел Э. Геккель во второй половине XIX века. Согласно концепции ученого, это понятие охватывало собой разнообразные процессы и действия по «экономии природы», или же «науки об условиях взаимодействия организмов в окружающей среде» [5].

С развитием производства и формированием угрозы окружающей среде, особенно с приближением эпохи научно-технического прогресса, это понятие приобрело все более широкое распространение.

Решение экологической проблемы может быть осуществлено путями ограничения производства и потребления, на которое должно сознательно пойти человечество, если оно хочет сохранить природу и цивилизацию. У. Беренс, Э. Ласло Э. Манн-Боргезе, Д. Медоуз, М. Месарович, Э. Пестель, А. Печчеи, Дж. Форрестер и др. сформировали общую экологическую парадигму относительно развития человечества в XX и XXI веках [6]. Несмотря на достаточно заметный пласт научных публикаций, не все аспекты, связанные с пониманием остроты экологической проблематики, средств и возможностей ее решения, формирования экологической культуры и сознания граждан, особенно молодежи, освещены достаточно полно.

Существует ряд проблем, требующих дополнительного изучения. К ним, в частности, относятся: теоретико-методологические проблемы исследования экологической проблемы в эпоху глобализации (уточненное определение проблемы экологии как глобальной проблемы современности; основные экологические угрозы в изложении зарубежных и отечественных исследователей; основные концепции решения экологической проблемы; потребность в формировании экологического мышления, культуры и поведения личности).

Более детального анализа требует «экологическая парадигма» как принцип и основа развития экологической культуры средними образованиями и воспитания. Требуется углубленного анализа трансформация образования в контексте ее экологизации (понятие «экологизация образования» в свете современных дискуссий; проблема введения курса экологии в систему подготовки кадров высшей квалификации; наполнение экологическим содержанием дисциплин естественного и гуманитарного профиля; подготовка (переподготовка) преподавательского состава в духе экологической парадигмы и т.д.).

Европейская экологическая политика берет свое начало в Европейском совете, состоявшемся в Париже в 1972 году, на котором главы государств или правительств заявили о необходимости введения совместной экологической политики, которая способствовала бы экономической экспансии, и призвала к программе действий по сохранению окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Единый европейский акт в 1987 году впервые ввел законодательную базу с целью сохранения качества окружающей среды,

здравоохранения человека и рационального использования природных ресурсов [2].

В дальнейшем развитие экологической политики лишь усиливалось. В декабре 2019 года было презентовано «Европейское зеленое соглашение» (The European Green Deal), которое имело целью сделать Европу первым в мире климатически-нейтральным континентом путем развития экологически-альтернативных источников энергии и «зеленых» технологий. То есть, экологическая политика Европейского Союза, защищая окружающую среду, стремится минимизировать риски для ухудшения климатической ситуации в нем, здоровья человека и биоразнообразия [7].

Для стран Европейского Союза необходим одинаковый уровень координации профессиональной подготовки, что подробно освещено в экологической составляющей образования. Традиционные ее виды уже не способны удовлетворить потребности общества, рынка труда, так как требуются новые экологические подходы. Сегодня значительно увеличился спрос на услуги в экологической сфере, что привело к появлению сети специальных учебных заведений. Люди, стоящие перед выбором будущей профессии, или желающие переориентироваться в профессиональной деятельности, чаще всего выбирают сферы, тесно связанные с концепцией сохранения окружающей среды.

Экологическое образование, которое последовательно развивается в странах Европейского Союза, охватывает комплекс глобальных проблем человечества, потому что становится одним из основных элементов системы общего образования. Оно выступает важнейшей составляющей построения новейших отношений в системе «природа – человек – общество» и воспитания уважения к экологическим проблемам окружающей среды. А, также распределяется на общекультурное, общеспециальное и профессионально ориентированное экологическое образование.

Общекультурное экологическое образование основывается на взаимодействии и интеграции социогуманитарного и естественно-научного знания, целью которого является дальнейшее всестороннее развитие личности, а именно ее морально-экологической составляющей (ответственности, отзывчивости, сопричастности, равнодушия, гуманности, бережливости, рациональности, целесообразности и т.д.).

Общеспециальное экологическое образование способствует дальнейшему развитию знаний (общих и специальных) о сути явлений природы, взаимодействии и взаимозависимости человека, общества и природы, формированию навыков управления, учета и устранения экологических проблем. Задачей профессионально-ориентированного экологического образования является совершенствование эколого-профессиональной компетентности специалистов в зависимости от их специальности и условий труда.

Зарубежные ученые, в частности исследователи Великобритании и США отмечают, что главными направлениями образовательной модернизации развитых стран мира являются указанные на рис. 1.

В обозначенном контексте особое значение приобретают эколого-педагогические императивы, призванные оказывать влияние на молодое поколение, воспитывать ее в духе гуманистических идеалов и ценностей, прививать чувство ответственности за принятые решения в отношении окружающей среды.

Так, Н.Ж. Дагбаева подчеркивает, что «зарубежные ученые, определяют экологическое образование как процесс усвоения ценностей и понятий, направленных на формирование умений и отношений, нужных для по-

нимания и оценки взаимосвязей между людьми, их культурой и окружающей природной средой, акцентируя при этом важность развития у учащихся умения принимать экологически ответственные решения, культуры поведения в окружающей среде и отношения к нему» [3]. Главными задачами, как подчеркивает ученый, является содействие осмыслению значимости окружающей среды для каждого человека и человечества в целом, и необходимости решения экологических проблем, воспитании чувства ответственности за качество окружающей природной среды, а также обеспечение возможности приобретать знания, опыт и умения, необходимые для его охраны и улучшения.

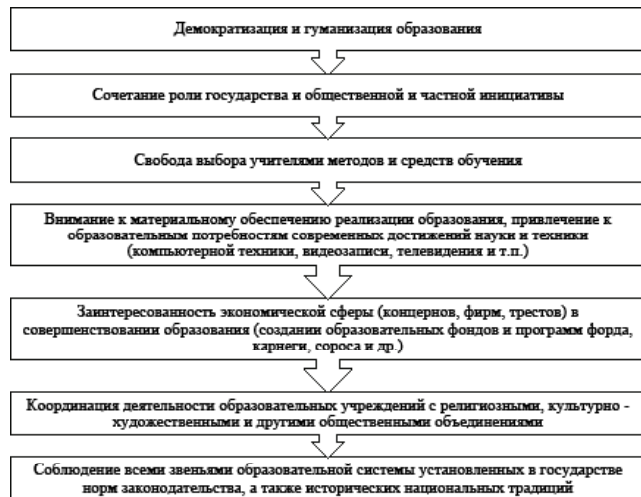

Рис. 1. Направления образовательной модернизации развитых стран мира [8]

Общей целью модернизации экологического образования в зарубежных странах является формирование культуры поведения в окружающей природной среде, бережное отношение к нему.

Анализ модернизации в странах мира позволил М. Швед определить тенденции развития зарубежного экологического образования и обосновать наличие шести моделей зарубежного экологического образования и воспитания. Исследователь раскрывает их общенаучные и социокультурные основания и принципы, сравнивает эффективность функционирования и эвристические возможности каждой. Наиболее распространены она признает следующие модели: гносеологическую, гносеологически-деятельностную, познавательнo-личностную и информационно-личностную [9].

Несколько иной, практикоориентированный подход относительно моделей экологического образования, находим у Л. Лукьяновой. Так, исследователь утверждает, что сейчас в зарубежных странах выделяют три модели экологического образования, в частности: монопредметная, многопредметная и комбинированная [4].

В основе монопредметной модели лежит обязательное изучение специального курса экологического содержания. Тем не менее, опыт обучения доказывает, что преподавание одной экологической дисциплины не в состоянии решить задачи экологического образования молодежи. В свою очередь, многопредметная модель основана на принципе экологизации, которая включает включение во многие учебные дисциплины экологических аспектов. Недостатком указанной модели является отсутствие базовых знаний по экологии, незначительный процент материала экологического содержания и подчиненность изучению экологических вопросов содержания и логике основной дисциплины. Поэтому наиболее эффективной моделью экологического образования явля-

ется комбинированная модель. Ее сущность заключается в экологизации всех учебных дисциплин с обязательным овладением базовыми знаниями по экологии при условии внедрения специализированных образовательных курсов экологического направления [4].

Подчеркнем, каждая страна имеет свои особенности в организации экологического образования и воспитания учащихся, однако существует определенный алгоритм, совокупность действий, присущих подавляющему большинству стран:

- включение экологического компонента в учебные программы;
- организация мероприятий по охране окружающей среды в самих учебных заведениях, как пример природоохранной деятельности;
- сотрудничество с местным сообществом и разнообразными государственными и негосударственными организациями в данной области [8].

Сюда относится добавление и осознание необходимости модернизации естественнонаучных и общественно-гуманитарных знаний как фактора формирования экологической ответственности, морально-этическое воспитание, как компонент воспитания экологической культуры, воспитание у молодежи ответственного отношения к окружающей среде и собственному здоровью.

Однако модернизация образовательных экологических программ не может происходить полностью и централизованно даже при присутствии экологического компонента в национальном учебном плане. Во многих странах вопрос о месте и роли экологического образования и воспитания в общей системе образования сейчас перешел в плоскость практической реализации. Следовательно наибольший положительный эффект она имеет при условии соответствующего внимания на местном уровне. Например, на конференции ЮНЕСКО в Рио-де-Жанейро (1992 г.) было заключено соглашение «Повестка дня на XXI век» или «Agenda 21», по которому каждая страна создает свою собственную концепцию экологического образования, которая должна иметь не только общенаучную базу, но и учитывать национальные традиции народа. Главная же роль в охране окружающей среды отводится местным властям [6].

Местные властные структуры при поддержке местных предприятий, общественных и образовательных организаций должны создавать собственные экологические программы. Такой подход, по мнению, и ученых, и практиков сделает возможным осуществление экологического воспитания с учетом региональной специфики, которая позволит совместить теоретические знания с их практическим применением.

Обсуждение

В модернизации экологического образования стран Европейского союза главными считаются следующие направления:

- обеспечение образования по вопросам развития и сохранения окружающей среды для людей всех возрастов;
- включение концепции охраны и развития окружающей природной среды во все программы учебных заведений;
- привлечение соискателей образования к региональным и местным исследованиям в сфере экологии;
- поощрение правительств, учебных заведений, негосударственных общественных организаций к подготовке кадров в области рационального использования природной окружающей среды;

- обеспечение местных общин по решению проблем охраны окружающей среды;
- работа со средствами массовой информации, рекламной индустрии, для поощрения более активного участия населения в обсуждении проблем и перспектив окружающей среды.

Исследователи М. Швед [9] и Л. Лукьянова [4] определяют шесть существующих подходов экологического образования зарубежья: эпистемологический, познавательно-ценностный, гносеологический, гносеологически-деятельностный, информационно-личностный, абстрактно-декларативный и просветительно-валеологический.

Наиболее распространенной является эпистемологический подход и его целью является:

- формирование такой системы научных знаний, взглядов, убеждений, которая обеспечит ответственное отношение к природной окружающей среде;
- содержание модели формируется в направлениях экологизации, гуманизации;
- основывается на межпредметном подходе, который предусматривает взаимную согласованность как содержания, так и методов раскрытия законов, принципов и способов оптимального взаимодействия человека, общества с окружающей средой на всех уровнях этих знаний.

Познавательно-ценностный подход модернизации образования представляет сочетание новейших знаний о природной окружающей среде и ее охране с традиционными моральными ценностями общества, созданными в процессе этнической культуры прошлых поколений. Ведущей целью в таких условиях является формирование и развитие целостной личности путем привития ей экологической морали, чувства любви к природе через общение с ней. Такая модель достаточно распространена в некоторых азиатских странах как Иран, а также Индия.

Информационно-личностный подход направлен на развитие идеи самодостаточности соискателей экологического образования. Особое значение в нем придается практической деятельности молодежи.

Абстрактно-декларативный подход распространен в странах бывшего Советского Союза. Его характерными признаками являются: всеобщность намерений, отсутствие конкретного адресата, ориентация на ложные концепции или устаревшие знания, несоответствие цели и средств.

Просветительно-валеологический подход сочетает целенаправленное усвоение знаний об окружающей среде, здоровый образ жизни, развитие умения находить в среде средства для реализации прав человека на здоровье и благоприятное для существования окружающей среды.

Как известно, в странах Европейского Союза включение экологического образования в образовательный процесс обеспечивается различными путями, при этом можно выделить три главные ее модели:

- экологическое образование является самостоятельным предметом (Дания, Ирландия, Великобритания (Шотландия));
- элементы экологического образования преподаются в рамках определенных предметов учебного плана (Франция, Великобритания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Швеция);
- экологическое образование осуществляется через междисциплинарный подход и представлено в виде тем в учебной программе (Австрия, Бельгия, Дания, Германия, Эстония, Финляндия).

Разработка технологий и моделей для реформирования системы экологического образования в значительной степени способствовала проводимым в стране реформам [5]. Одним из основных направлений обновления модели управления экологическим образованием является формирование национальной и общественной системы управления и расширение участия общественности в управлении.

Создание эффективной системы управления для обеспечения динамичного развития и высокого качества экологического образования, его многогранности, направленности на удовлетворение человеческих, социальных и национальных потребностей являются основными условиями дальнейшей реформы управления образованием. В процессе анализа было установлено, что общие компоненты модернизации экологического образования оказывают влияние на формирование и реализацию региональной политики в области образования.

Успешные зарубежные подходы, отечественные программы повышения квалификации могут усовершенствовать свою управленческую стратегию. Необходимо определение приоритетов адаптации к местным условиям, укрепление систем поддержки учителей, обеспечение инновационного финансирования и внедрение целостной системы оценки. Благодаря таким достижениям отечественные программы могут создать более эффективный и действенный опыт экологического образования, который позволит будущим поколениям решать важнейшие экологические проблемы XXI века.

Заключение

Итак, обзор различных источников относительно зарубежного опыта модернизации экологического образования позволяет сделать вывод, что существуют подходы, наиболее подходящие для образования в области рационального использования природной окружающей среды. Типичной их чертой является упор на процесс обучения.

Несомненно, выбранный подход должен соответствовать конкретной педагогической ситуации или среде, которую должны профессионально создавать педагоги. Среди самых распространенных экоориентированных педагогических технологий в профессиональном образовании зарубежья можно очертить следующие: дебаты, дискуссии и решение проблемных ситуаций, игра-форум, ролевая игра, кейс-метод, проблемноориентированное обучение, метод проектов и т.д.

Экологическое образование, по своей сути, должно быть длительным и междисциплинарным процессом, изучать основные проблемы окружающей среды, предоставлять возможность молодежи применять собственные знания и помочь ей рассматривать окружающую среду во всей ее полноте и развертывании.

В процессе управления экологическим образованием в современной России участвуют разные органы государственной власти, местного самоуправления и общественного управления. При этом принципиально меняется характер управления в сфере экологического образования.

Изучая успешные зарубежные подходы, отечественные программы повышения квалификации могут усовершенствовать свои управленческие стратегии. Уделение приоритетного внимания адаптации к местным условиям, постоянная поддержка преподавателей, инновационное финансирование и целостная система оценки позволят создать более эффективную и действенную систему экологического образования.

Литература

1. Горелова Р.И. Формирование экологической культуры учащихся в современной развивающей школе. Принципы, цели, задачи формирования экологической культуры учащихся в современной школе: монография. Москва: ИНИМ РАО, 2010. Гл. III. 50 с.
2. Горлач В.П. Формирование экологической культуры личности в образовательном процессе: региональный аспект: дис. докт. пед. науч. Чита, 2010. 376 с.
3. Дагбаева Н.Ж. Школьное экологическое образование для устойчивого развития местного общества. География и экология в школе XXI века. 2022. № 7. С. 36–42, 48.
4. Лукьянова, Л.Б. Зарубежный опыт экологического образования. Современные стандарты профессионально-технического образования. 2020. № 1(5). С. 138
5. Anil Kumar De, Arnab Kumar De. Delhi Environmental Education. Nev Age International Publishers. 2024. № 4. p. 6–18.
6. Bereza J. & Szczepanik M. Program ścieżki ekologicznej w gimnazjum. Wojewodzki ośrodek metodyczny Częstochowa. 2022. С. 36–44.
7. Jarzyńska, I. Edukacja ekologiczna w szkolnictwie polskim. Edukacja Elementarna w Teorii i Praktyce: kwartalnik dla nauczycieli. 2018. № 1–2, pp.41–55.
8. Mandrik, O. M., Risovanny, M. S., & Orfanova M.M. Environmental education and environmental education // Scientific and Technical Journal. 2019. – No. 1(19). pp. 130–39.
9. Shved M. Trends in the development of foreign ecological education // Pedagogical series. 2023. No. 17. – pp. 167–174.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN AND DOMESTIC APPROACHES TO THE STUDY OF MODERNIZATION OF ENVIRONMENTAL EDUCATION: MANAGERIAL ASPECT

Ilyichev D.A., Fomicheva T.V.
Russian State Social University

The relevance of the study of the problem of greening education is determined by the needs of practice, first of all, the needs of educating an environmentally conscious, capable individual, internally committed to environmentally friendly technologies in relation to nature, society, culture and man, as the most significant and eternal civilizational values. Along with the accumulation of significant

general cultural wealth, the social progress of the twentieth century, the defining feature of which was the development of science, technology and technology, gave rise to a number of global problems, without the solution of which civilization has no future. This article examines the modernization of environmental education programs through a comparative lens, focusing on the managerial aspects that distinguish foreign and domestic approaches. By analyzing curriculum development, the article identifies strengths and weaknesses in these areas. It offers key management considerations for domestic programs to adopt successful foreign models, ultimately aimed at creating a more effective and efficient environmental education system. Target. Conduct a comparative analysis of foreign and domestic approaches to the modernization of environmental education. Methods: analysis of scientific literature, observation method, comparison method, generalization and systematization. Conclusions. In foreign countries, there is a more systematic approach to the modernization of environmental education, which includes the development of strategic documents, the creation of specialized institutions and programs, as well as the involvement of various stakeholders in this process. In Russia, the modernization of environmental education is at an early stage and is fragmented.

Keywords: modernization of environmental education, management aspect, comparative analysis.

References

1. Gorelova R.I. Formation of ecological culture of students in a modern developmental school. Principles, goals, objectives for the formation of ecological culture of students in a modern school: monograph. Moscow: INIM RAO, 2010. Ch. III. 50 s.
2. Gorlach V.P. Formation of ecological culture of personality in the educational process: regional aspect: dis. doc. ped. scientific Chita, 2010. 376 p.
3. Dagbaeva N. Zh. School environmental education for sustainable development of local society. Geography and ecology in the school of the 21st century. 2022. No. 7. pp. 36–42, 48.
4. Lukyanova, L.B. Foreign experience in environmental education. Modern standards of vocational and technical education. 2020. No. 1(5). P. 138
5. Anil Kumar De, Arnab Kumar De. Delhi Environmental Education. Nev Age International Publishers. 2024. No. 4. R. 6–18.
6. Bereza J. & Szczepanik M. Program ścieżki ekologicznej w gimnazjum. Wojewodzki ośrodek metodyczny Częstochowa. 2022. pp. 36–44.
7. Jarzyńska, I. Edukacja ekologiczna w szkolnictwie polskim. Edukacja Elementarna w Teorii i Praktyce: kwartalnik dla nauczycieli. 2018. No. 1–2, pp. 41–55.
8. Mandrik, O. M., Risovanny, M. S., & Orfanova M.M. Environmental education and environmental education // Scientific and Technical Journal. 2019. – No. 1(19). pp. 130–39.
9. Shved M. Trends in the development of foreign ecological education // Pedagogical series. 2023. No. 17. – pp. 167–174.

Гендерное «коллективное бессознательное» в зеркалировании китайских СМИ

Чжан Ифэй,

студент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: zhangyifei721@gmail.com

В современном обществе средства массовой информации служат мощной линзой, через которую люди конструируют и воспринимают гендерные нормы и идентичности. Статья посвящена тому, как изображаются гендеры в китайских медиа через призму того, что можно назвать феноменом «коллективного отсутствия» – социокультурной конструкции, в которой люди воспринимаются как часть единой коллективной гендерной идентичности. Благодаря анализу публикаций в СМИ, рекламе, телевизионным шоу, данное исследование дает ответ на то, как концепция «коллективного отсутствия» влияет на общество и закрепляет гендерные стереотипы, роли и ожидания. Опираясь на теории социологии, коммуникативистики и гендерных исследований, в статье рассматриваются способы, с помощью которых репрезентации СМИ способствуют укреплению гендерных иерархий.

Ключевые слова: gender representation, media portrayal, collective indifference, gender stereotypes, gender roles, gender diversity, sociocultural constructs, gender identity

Введение

В 20 веке шведский психолог Карл Юнг внёс важный вклад в психологию, представив концепцию коллективного бессознательного. Эта штука довольно влиятельная в нашем обществе и играет большую роль в нашем ментале. Она проникает в медиа, особенно в новостные передачи. Архетипы из этого коллективного бессознательного вылезают через сны, мифы, религиозные символы и культурные штампы, влияя на то, какие новости нам показывают и как. Это вещь серьезная, потому что формирует наше представление о мире и других людях, например, образы о гендерных ролях. В Китае это влияние трудно заметить напрямую, но оно присутствует во всех видах медиа: телешоу, фильмы, реклама и так далее. Они отражают нормы и ценности общества, создавая свою уникальную социальную идеологию. Исследование, которое мы рассматриваем, пытается понять, как китайские новости формируют наше представление о мире и других людях, через гендерные стереотипы и другие культурные образцы, которые они нам предлагают.

Для углубленного изучения характеристик зеркальных гендерных архетипов я сосредоточусь на понимании индустрии новостных СМИ, сопоставлении соответствующей теоретической литературы, сборе различных реальных данных и их анализе в следующих аспектах: общественное сознание, индивидуальное сознание, а также влияние культурного наследия и интересов новостных СМИ. Понимание социальных представлений и ценностей, заложенных в различных культурных контекстах. Проанализировать способы и средства формирования гендерных архетипов с точки зрения СМИ.

Результаты

Отдельные человеческие существа имеют общие бессознательные психологические черты, которые мы называем коллективным бессознательным и на которые также влияют культура, общество и экономика. Гендерные архетипы являются основным внешним проявлением коллективного бессознательного и влияют на группы через индивидов. Коллективное бессознательное также генерирует общие ценности, расширяет свое влияние и экспортирует ценности, которые, в свою очередь, влияют на индивидов. Многообразие коллективного бессознательного в социальном развитии лучше всего отражается в различных проявлениях и репрезентациях в социальных медиа. Например, в социальных сетях INS, лайки и подписчики TIK-TOK могут оказывать коллективное влияние на индивидуальное сознание через количество, а социальные сети также будут рекомендовать пользователям эти наиболее просматриваемые материалы через большие данные.

И первым и наиболее распространенным архетипом является материнский архетип, связанный с репродукцией, которая неизбежна и неотвратима при воспроизводстве человека. Стереотипы о женщинах все еще существуют в современном обществе, а позиционирование женских ролей в СМИ отражается в телешоу, киноролях, карьере и т.д. Социальные и традиционные культурные установки сформировали определенные гендерные нор-

мы в отношении женщин, которые являются неизбежным результатом общего менталитета, сложившегося с течением времени.

Второй гендерный архетип – отцовства. Образ отца часто интерпретируется культурами как символ защитника и авторитета. Отцовство представляет собой символ мужской силы, лидерства, готовности брать ответственность за благополучие семьи и общества. Этот архетип укрепляет идею мужской роли как добытчика и защитника, что может сказываться на ожиданиях и поведении мужчин в обществе¹.

Геройский архетип – третий важный образ, который перекликается с идеалом мужества, смелости и победы. Герой представляет собой символ стремления к достижению выдающихся целей и преодоления трудностей. В мифологии и литературе герои часто вступают в подвиги, чтобы защитить общее благо и победить зло. Соответствующая героиня может проявить аналогичные качества, но с акцентом на женские силы и качества.

Однако, помимо этих ярких архетипов, в психоаналитической теории Карла Юнга также упоминаются «Анимус» и «Анима». Анимус представляет собой мужскую архетипическую фигуру в женщине, в то время как Анима – женскую архетипическую фигуру в мужчине. Эти архетипы отражают внутренние аспекты противоположного пола и влияют на поведение и психологический опыт индивида.

То, как женщины «представлены» в медиатизированном обществе, то есть в СМИ, является постоянной центральной темой научных исследований. В 1995 году Четвертая Всемирная конференция Организации Объединенных Наций по положению женщин приняла «Пекинскую декларацию»², в которой были описаны 12 основных проблемных областей, мешающих развитию женщин. Документ требует от правительства КНР «содействовать полному и равному участию женщин в средствах массовой информации», а средствам массовой информации – «устранять гендерные стереотипы», «повышать гендерную чувствительность» в обществе.

Журналисты и средства массовой информации, пытающиеся освещать социальные проблемы в Китае, по-прежнему сталкиваются со значительными проблемами из-за государственной цензуры и контроля. У правительства есть строгие правила относительно того, что и как можно сообщать, и журналисты, которые переходят черту, могут столкнуться с серьезными последствиями, включая тюремное заключение и преследования. В результате многие журналисты и средства массовой информации работают в крайне стесненных и сложных условиях.

Безусловно, это отражается на разнообразии материалов на социальные темы и каналах, где они распространяются.

Условно классифицировать социальные СМИ на несколько категорий:

- Научные издания, освещающие социальные проблемы с академической точки зрения. В научных изданиях публикуются исследователи и ученые.
- Отдельные колонки и рубрики в официальных государственных или окологосударственных изданиях.

¹ Кучина Татьяна Ивановна, Леонова Светлана Васильевна Гендерные архетипы профессионально успешных мужчин ранней и средней взрослости // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-arhetipy-professionalno-uspeshnyh-muzhchin-ranney-i-sredney-vzroslosti> (дата обращения: 26.03.2024).

² Fourth World Conference on Women Beijing Declaration. 1995. United Nations. URL.: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/declar.htm> (дата: 01/03/24)

Однако, как мы уже указывали выше, их тематика и сама подача довольно сильно ограничены редакционной политикой и цензурой.

- Публикации отдельных блогеров и авторов в социальных сетях (Weibo, Wechat, Douyin) могут затрагивать более широкий круг тем и проблем, однако государство также старается бороться с распространением проблемной информации или критики действий Коммунистической партии Китая (КПК).

Китайские академики и исследователи принимают активное участие в исследованиях на социальные темы.

Институт социологии CASS проводит исследования в различных областях социологии, включая социальную стратификацию, социальную политику, социальные изменения, социальные проблемы. Институт социологии CASS имеет широкую сеть научных связей и сотрудничества с другими научными институтами и университетами в Китае и за рубежом. Институт также выпускает ряд научных журналов, включая Chinese Sociological Review, Sociological Studies, Journal of Chinese Women's Studies, которые являются ведущими научными изданиями в области социологии в Китае. В целом, Институт социологии CASS является важным центром исследований в области социологии и других социальных наук в Китае, и его работы имеют большое значение для понимания социальных процессов и проблем в Китае и в мире.

Так, например, одна из статей института посвящена совместному «воспитанию детей в группах» в городском сообществе. В статье исследователя Ши Юньцина основное внимание уделяется практике «воспитания детей в группе» на фоне усиливающейся урбанизации и подробно обсуждается, как сделать ответственность за воспитание детей семейной, то есть общей задачей³.

Гендерный стереотип – это индуктивный взгляд или предубеждение о том, что женщины и мужчины должны обладать определенными чертами или характеристиками или играть определенную роль⁴. Гендерные стереотипы вредны, когда они ограничивают возможности женщин и мужчин развивать личные навыки, делать карьеру и делать выбор в отношении своей жизни и жизненных планов. Вредные стереотипы могут быть либо враждебными/негативными (например, женщины иррациональны), либо казаться безобидными (например, женщины несут ответственность за воспитание). Например, именно на основе стереотипа о том, что «женщины лучше подходят для воспитания детей», ответственность за это зачастую ложится исключительно на их плечи⁵.

Совместное обучение детей в сообществе не только помогает матерям из небольших семей с недостаточными ресурсами в незнакомых городах, но также побуждает детей изменить идентичность сообщества и интегрироваться в общество, считает исследователь. Институциональный разрыв, вызванный социальной трансформацией, отражает уникальную практическую значимость и поддерживающую силу коллектива в процессе воспитания детей.

За «совместным воспитанием как карьерой» женщины пытаются найти точку связи между бременем воспи-

³ 以共同育儿为业：跨越儿童抚育的家庭边界——以一个城市社区的“抱团养娃”实践为例。施芸卿。妇女研究论丛 2022年1期。 Совместное воспитание как карьера: пересечение семейных границ воспитания детей – на примере практики «воспитания детей в группах» в городском сообществе. Ши Юньцин. Женские исследования, выпуск 1, 2022 г. URL.: http://sociology.cssn.cn/shx-sw/swx_kycg/swx_xslw/202207/W020220727420424990697.pdf (дата: 01/03/24)

⁴ Bates, L. Everyday sexism. London, UK: Simon and Schuster. 2014

⁵ Evans, H. Sexed bodies, sexualized identities, and the limits of gender. 2008. China Information 22(2)361–386.

тания детей и общественной жизнью в условиях ограничений существующей структуры. Это расширяет понимание женской субъективности. В статье в том числе поднимаются вопросы гендерного неравенства, в частности то, что родительские функции и функции по воспитанию детей ложатся тяжелым бременем на женщин, которые в текущей экономической ситуации должны еще совмещать эту работу с обычной работой или предпринимательской деятельностью.

Автор упоминает дилемму материнства, которая «заключается в том, что женщины выбирают между тем, чтобы быть матерью, и тем, чтобы быть независимой личностью. Это относится не только к «двойной» работе, выполняемой женщинами, а в большей степени зависит от того, как женщины воспринимают материнство», – резюмирует Ши Юньцин¹.

Китайские СМИ часто утверждают традиционные гендерные роли, в соответствии с которыми женщины отводятся роль домохозяйки и заботливой матери, а мужчины выступают в роли основного добытчика и защитника семьи. Эти образы поддерживают и укрепляют стереотипы о том, какими должны быть идеальные мужчины и женщины в китайском обществе².

Китайские медиа часто подчеркивают идеалы красоты и женственности, связанные с определенными стандартами внешности и поведения. К примеру, женщины в рекламных кампаниях часто изображаются в роли красивых, ухоженных и подчеркнута женственных, что поддерживает идею о том, что женщина должна соответствовать определенным стандартам красоты и привлекательности, чтобы реализоваться в жизни.

Во время пандемии COVID-19 в 2020 году гендерные предубеждения и «коллективное бессознательное» всплыли на поверхность в виде публикаций в СМИ. Согласно данным, опубликованным Национальной комиссией здравоохранения Китая, в борьбе с COVID-19 было задействовано 28 000 женщин-медиков, почти 90% из них – медсестры, то есть медицинский персонал низшего звена. Внимательное прочтение текстов 249 официальных статей ведущих СМИ в Weibo показывает, что логика повествования, ориентированная на мужчин, по-прежнему доминирует в системе гендерного представительства основных СМИ³. Медиа описывали медсестер как женщин, а не как профессионалов. Публикации о женщинах-медсестрах содержали такие слова как: «красивый», «невинный», «слабый», «милый», «с разбитым сердцем». Это слова и фразы, закрепляющие стереотипы женственности и гендерных ролей, профессиональные навыки и трудовая ценность женщин-медсестер никак не подчеркивались.

Заключение

В статье было проанализировано влияние традиционных гендерных архетипов на представления, формируемые китайскими СМИ. Она обращает внимание на то, как медиа утверждают и поддерживают стереотипы о ролях женщин и мужчин, представляя их в традиционных социальных ролях: женщин – в качестве домохозяек и матерей, а мужчин – в роли основных добытчиков и защитников семьи. Эти образы, поддерживаемые и усиливаемые ки-

¹ Там же

² Clark-Parsons, R. #NotBuyingIt: Hashtag feminists expand the commercial media conversation. 2014. *Feminist Media Studies* 14(6)1108–1110.

³ 冯剑侠. #看见女性劳动者: 新冠疫情中的女性自媒体与话语行动主义. *新闻记者*, 2020(10):32–44. Фэн Цзянься. «Работницы-женщины»: Женские СМИ и дискурсивный активизм во время эпидемии COVID-19 [J]. *News Reporter*, 2020(10):32–44

тайскими СМИ, укрепляют представления о том, какими должны быть идеальные мужчины и женщины в китайском обществе, что может ограничивать индивидуальные возможности и выбор в сфере карьеры и самореализации. Примеры, приведенные в статье, указывают на то, что медиа продолжают изображать женщин в традиционных ролях, не учитывая их профессионализм и важную роль в борьбе с пандемией. Исследование подчеркивает необходимость изменения гендерных норм и стереотипов в китайском обществе, особенно в контексте медиа. Оно выдвигает важные вопросы о гендерном равенстве, профессиональном признании женщин и их способности делать свой выбор в отношении собственной жизни и карьеры. Статья помогает осознать существующий гендерный диспаритет в китайском обществе и может послужить основой для разработки политик и мероприятий, направленных на их преодоление гендерных барьеров и создание более равноправного и инклюзивного общества.

Литература

1. Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб., 2007. 318 с.
2. Грошев И.В. Гендерные образы рекламы // *Вопросы психологии*. 2000. № 6. С. 38–49.
3. Зацепина И.А. Социальная журналистика как организатор общественного диалога / И.А. Зацепина. – URL: <http://elibrary.osu.ru/bitstream/123456789/1044/1/1966-1969.pdf> (дата обращения: 20/04/23)
4. Зверевич В.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. Что это за общество и как оно существует в этих реальностях. Научные и технические библиотеки. – 2018. – № 6. – С. 84–103.
5. Кучина Татьяна Ивановна, Леонова Светлана Васильевна Гендерные архетипы профессионально успешных мужчин ранней и средней зрелости // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-arhetipy-professionalno-uspeshnyh-muzhchin-ranney-i-sredney-vzroslosti> (дата обращения: 26.03.2024).
6. Павелкина Лариса Сергеевна Влияние СМИ и рекламы на формирование гендерных моделей поведения // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-smi-i-reklamy-na-formirovaniye-gendernykh-modeley-povedeniya> (дата обращения: 27.03.2024).
7. Титер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. М.: Культурная революция, 2007. 365 с.
8. Bates, L. *Everyday sexism*. London, UK: Simon and Schuster. 2014
9. Clark-Parsons, R. #NotBuyingIt: Hashtag feminists expand the commercial media conversation. 2014. *Feminist Media Studies* 14(6)1108–1110.
10. Evans, H. Sexed bodies, sexualized identities, and the limits of gender. 2008. *China Information* 22(2)361–386.
11. Han, X. Searching for an online space for feminism? The Chinese feminist group Gender Watch Women's Voice and its changing approaches to online misogyny. 2018. *Feminist Media Studies* 18(4)734–749
12. Jung, C. G. (Carl Gustav), 1875–1961. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. [Princeton, N.J.]: Princeton University Press, 1980.
13. 以共同育儿为业: 跨越儿童抚育的家庭边界——以一个城市社区的“抱团养娃”实践为例. 施芸卿. *妇女研究论丛* 2022年1期. Совместное воспитание как карьера: пересечение семейных границ воспитания детей – на примере практики «воспитания детей в груп-

пах» в городском сообществе. Ши Юньцин. Женские исследования, выпуск 1, 2022 г. URL.: http://sociology.cssn.cn/shxsw/swx_kycg/swx_xslw/202207/W020220727420424990697.pdf (дата: 01/03/24)

14. 冯剑侠.#看见女性劳动者：新冠疫情中的女性自媒体与话语行动主义.新闻记者,2020(10):32–44. Фэн Цзянься. «Работницы-женщины»: Женские СМИ и дискурсивный активизм во время эпидемии COVID-19. News Reporter, 2020(10):32–44

REFLECTION OF GENDER'S "COLLECTIVE UNLESS" IN THE CHINESE MEDIA

Zhang Yifei

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

In contemporary society, the media serves as a powerful lens through which people construct and perceive gender norms and identities. This article focuses on how gender is portrayed in Chinese media through the lens of what can be called the phenomenon of "collective absence" – a sociocultural construction in which people are perceived as part of a single collective gender identity. Through analyzing media publications, advertisements, and television shows, this study provides an answer to how the concept of "collective absence" influences society and perpetuates gender stereotypes, roles, and expectations. Drawing on theories from sociology, communication studies, and gender studies, this article examines the ways in which media representations reinforce gender hierarchies.

Keywords: gender representation, gender diversity, sociocultural constructs, gender identity, media portrayal, collective indifference, gender stereotypes, gender roles.

References

1. Bern S. Gender psychology. Laws of male and female behavior. St. Petersburg, 2007. 318 p.
2. Groshev I.V. Gender images of advertising // Questions of psychology. 2000. No. 6. P. 38–49.
3. Zatsepina I.A. Social journalism as an organizer of public dialogue / I.A. Zatsepina. – URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/1044/1/1966–1969.pdf> (access date: 04/20/23)

4. Zverevich V.V. Information society in virtual and social reality. What kind of society is this and how does it exist in these realities. Scientific and technical libraries. – 2018. – No. 6. – P. 84–103.
5. Kuchina Tatyana Ivanovna, Leonova Svetlana Vasilievna Gender archetypes of professionally successful men of early and middle adulthood // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. No. 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-arhetipy-professionalno-uspeshnyh-muzhchinnanney-i-sredney-vzroslosti> (date of access: 03.26.2024).
6. Pavelkina Larisa Sergeevna The influence of media and advertising on the formation of gender patterns of behavior // Communication studies. 2014. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-smi-i-reklamy-na-formirovaniye-gendernyh-modeley-povedeniya> (date of access: 03.27.2024).
7. Teeter J.E. World politics from a gender perspective. M.: Cultural Revolution, 2007. 365 p.
8. Bates, L. Everyday sexism. London, UK: Simon and Schuster. 2014
9. Clark-Parsons, R. #NotBuyingIt: Hashtag feminists expand the commercial media conversation. 2014. Feminist Media Studies 14(6)1108–1110.
10. Evans, H. Sexed bodies, sexualized identities, and the limits of gender. 2008. China Information 22(2)361–386.
11. Han, X. Searching for an online space for feminism? The Chinese feminist group Gender Watch Women's Voice and its changing approaches to online misogyny. 2018. Feminist Media Studies 18(4)734–749
12. Jung, C. G. (Carl Gustav), 1875–1961. The Archetypes and the Collective Unconscious. [Princeton, N.J.]: Princeton University Press, 1980.
13. 以共同育儿为业：跨越儿童抚育的家庭边界——以一个城市社区的“抱团养娃”实践为例. 施芸卿. 妇女研究论丛 2022年1期. Co-parenting as a career: Crossing family child-rearing boundaries—a case study of “group parenting” practices in an urban community. Shi Yunqing. Women's Studies, Issue 1, 2022 URL: http://sociology.cssn.cn/shxsw/swx_kycg/swx_xslw/202207/W020220727420424990697.pdf (date: 01/03/24)
14. 冯剑侠.#看见女性劳动者：新冠疫情中的女性自媒体与话语行动主义.新闻记者,2020(10):32–44. Feng Jianxia. “Working Women”: Women's Media and Discursive Activism during the COVID-19 Epidemic. News Reporter, 2020(10):32–44